

DOI: 10.21202/2782-2923

Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Со главный редактор:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева (г. Казань, Россия)

Заместители главного редактора:

Андрюшин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева, куратор направления юридических наук (г. Казань, Россия)

Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева, куратор направления экономических наук (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева (г. Казань, Россия)

Антонова И. И., доктор экономических наук, доцент, проректор по инновационно-проектной деятельности Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева (г. Казань, Россия)

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)

Бегишев И. Р., доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева (г. Казань, Россия)

Вольчик В. В., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Голыченко О. Г., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Головчин М. А., кандидат экономических наук, научный сотрудник АНУ ВО «Агентство мониторинга и социологических исследований» (г. Вологда, Россия)

Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Оренбург, Россия)

Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Кудрявцева О. В., доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Левин С. Н., доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Макарова О. А., доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

Малкина М. Ю., доктор экономических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)

Петрянин А. В., доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Подольный Н. А., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (г. Казань, Россия)

Тарасенко Н. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Хисамова З. И., кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)

Шифринов В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шинкевич А. И., доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань, Россия)

Щепельков В. Ф., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Апосталакис А., доктор философии в области экономики, профессор Греческого средиземноморского университета (г. Ираклион, Греция)

Джеффри Ш., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)

Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, научный консультант кафедры Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Кури Х., доктор философии в области психологии, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Мешко Г., доктор философии в области права, профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в Университете Марибора; президент Европейского криминологического общества (ESC) (г. Марибор, Словения)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, член научно-консультативного совета при Конституционном Суде Республики Казахстан (г. Астана, Республика Казахстан)

Фидрмук Д., доктор экономических наук, профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:

ПИ № ФС77-81556 от 27 июля 2021 г.

Территория распространения:

Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 34,0. Тираж 1000 экз. Подписано в печать 26.11.2025. Заказ № 75.

Дата выхода в свет 24.12.2025. Цена свободная.

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирязева», ООО «ТЦО «Таглитмат», 2025.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»: 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое. При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Учредитель:

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева»

Издатель:

ООО «ТЦО «Таглитмат»

Адрес редакции:

420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,
Факс: 292-61-59

E-mail: rusjel@ieml.ru

Сайт: rusjel.ru

Журнал включен

в Перечень ВАК

по специальностям:

5.2.1. Экономическая теория;

5.2.3. Региональная

и отраслевая экономика;

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Индексируется в RSCI,
HeinOnline, CyberLeninka,
RePEc, DOAJ, ProQuest

Подписка на журнал

по Объединенному каталогу «Пресса России»
Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:

Г. Я. Дарчинова

Редактор:

Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:

С. А. Каримова

Дизайн обложки:

Г. И. Загреддинова

Дизайн логотипа:

В. А. Крайков

Переводчик:

канд. пед. наук,
член Гильдии переводчиков
Республики Татарстан
Е. Н. Беляева

DOI: 10.21202/2782-2923

Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

G. B. Kleynner, Dr. Sci. (Economics), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Co-Editor-in-Chief:

I. I. Bikeev, Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work (Kazan, Russia)

Deputies of the Editor-in-Chief:

S. A. Andryushin, Dr. Sci. (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

P. A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Law section** (Kazan, Russia)

T. V. Kramin, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Economic section** (Kazan, Russia)

Executive secretary:

R. A. Grigoryev, PhD (Economics), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

I. I. Antonova, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Vice Rector on innovative and project activity of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

V. M. Baranov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)

I. R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

V. V. Volchik, Dr. Sci. (Economics), Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Ya. I. Gilinskiy, Dr. Sci. (Law), Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint Petersburg, Russia)

O. G. Golichenko, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

M. A. Golovchin, Cand. Sci. (Law), researcher of Agency for Monitoring and Sociological Research (Vologda, Russia)

T. V. Efimtseva, Dr. Sci. (Law), Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (Orenburg, Russia)

R. M. Kachalov, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

M. A. Korytcev, Dr. Sci. (Economics), Professor in Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

O. V. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Yu. V. Latov, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

S. N. Levin, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Economics of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

S. V. Lipen, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

O. A. Makarova, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Civil and Corporate Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)

M. Yu. Malkina, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

A. V. Petryanin, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Nizhny Novgorod branch of Saint Petersburg Academy of Investigative Committee of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

N. A. Podolnyy, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminology of Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

O. A. Tarasenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

Z. I. Khisamova, Cand. Sci. (Economics), Head of the Department of planning and coordination of scientific activities of the research Department of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia)

V. M. Shafirov, Dr. Sci. (Law), Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

D. A. Shestakov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

A. I. Shinkevich, Dr. Sci. (Economics), Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

V. F. Shchepelkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

A. Apostolakis, PhD (Economics), Assistant Hellenic Mediterranean University (Irakleion, Greece)

Sh. Jaffry, PhD (Economics), Professor of University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)

V. S. Kamenkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Scientific Consultant of the Department of Belorussian State University (Minsk, Belarus Republic)

H. Kury, Dr. Sci. (Psychology), Professor of Universität Freiburg (Frieburg, Germany)

G. Meško, PhD (Law), Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)

A. Serrano-Maillo, Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology of Universidad Nacional de Education a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

N. N. Turetskiy, Dr. Sci. (Law), Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)

Ja. Fidrmuc, Doctor of Social and Economic Sciences, Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration number and date of decision on registration:
ПН № 077-81556 of July 27, 2021.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60x84/8. Printing sheets: 34,0. Circulation 1000 copies. Signed for printing 26.11.2025. Order № 75.

Date of publishing 24.12.2025. Free price.

© PEE HE "KIU named after V. G. Timiryasov", Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd., 2025.

Printed at printing house "Vestfalika" LLC: 420111, Tatarstan Republic, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind. When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

The founder:

Private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov"

The publisher:

Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd

Editors Office's address:

420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: rusjel@ieml.ru

Site: rusjel.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties:
Economic Theory;
Regional and Branch Economics;
Criminal-legal sciences

The Journal is indexed in RSCI, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal

through the United Catalogue "Press of Russia"
Our index – 86303

Responsible for issue:

G. Ya. Darchinova

Editor:

G. A. Tarasova

Computer lead out:

S. A. Karimova

Cover design:

G. I. Zagretdinova

Logo design:

V. A. Kraikov

Translator:

Cand. Sci. (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild
E. N. Belyaeva

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

701

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Букина И. С., Ореховский П. А.** Долг и демократия кредиторов 701
- Волынский А. И.** Банковский сектор КНР как инструмент реализации стратегий промышленной политики: институциональный аспект 723
- Круглова М. С.** Структурная трансформация экономики Китайской народной Республики в условиях демографического спада как условие устойчивого развития 738
- Маслюкова Е. В., Вольчик В. В.** Эконометрическое моделирование пространственного инновационного развития в контексте институциональных факторов 754

775

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Крамин Т. В., Пестов И. П.** К вопросу оценки эффективности научной и инновационной деятельности вузов в России 775
- Кудрявцева О. В., Васильев С. В.** Механизмы финансирования проектов в сфере обращения с отходами 799
- Шмарков М. С.** Методический подход к исследованию состояния регионального рынка туристских услуг 826

856

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ

- Сидоренко Э. Л.** Многополярная финансовая архитектура: кластерный анализ альтернативных платежных систем 856

882

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Кабанов П. А.** Женская преступность в контексте криминальной антропологии. Предисловие к статье П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин» 882

701

ECONOMIC THEORY

- I. S. Bukina, P. A. Orekhovskiy.** Debt and democracy of creditors 701
- A. I. Volynskii.** China's banking sector as a tool for implementing industrial policy strategies: an institutional aspect 723
- M. S. Kruglova.** Structural transformation of the economy of the People's Republic of China under the demographic decline as a condition for sustainable development 738
- E. V. Maslyukova, V. V. Volchik.** Econometric modeling of spatial innovation development in the context of institutional factors 754

775

REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

- T. V. Kramin, I. P. Pestov.** On assessing the efficiency of research and innovative activity of Russian universities 775
- O. V. Kudryavtseva, S. V. Vasilev.** Mechanisms of funding projects in the field of waste management 799
- M. S. Shmarkov.** Methodological approach to researching the state of a regional market of tourist services 826

856

CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

- E. L. Sidorenko.** Multipolar financial architecture: cluster analysis of alternative payment systems 856

882

CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

- P. A. Kabanov.** Female criminality in the context of criminal anthropology. Foreword to the article by P. N. Tarnovskaya "Criminal anthropology and women's criminality" 882

899

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ

- Стил М. Дж. , Ци Цзывэй.** Влияние законов штата на уровень смертей по вине сотрудников полиции (СПВСП)..... 899
- Уилфорд М. М., Дайфава Р. Дж., Хендерсон К. С.** Открываем тайны процесса признания вины: рекомендации адвокатов и ошибочные представления их клиентов..... 924

947

ДИСКУССИИ

- Королева Е. А.** Оценка благополучия субъектов малого и среднего предпринимательства в современной России: макроэкономический аспект..... 947

967

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

968

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК

899

TRANSLATED ARTICLES

- M. J. Steele, Ziwei Qi.** The Impact of State Laws on Officer-Involved Deaths (OIDs) 899
- M. M. Wilford, R. J. DiFava, K. S. Henderson.** Demystifying the Plea Process: Investigating Attorney Communications and Client Misconceptions 924

947

DISCUSSIONS

- E. A. Koroleva.** Estimating well-being of small and medium enterprises in modern Russia: macroeconomic aspect..... 947

967

IN MEMORIAM

968

INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.701-722>

УДК / UDC 321.7:336.27:338(4)

JEL: B26, E62, G01, H60, H63, P16

И. С. Букина^{1,2},
П. А. Ореховский^{1,2}

¹ Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

² Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Долг и демократия кредиторов

Контактное лицо:

Букина Ирина Сергеевна, кандидат экономических наук, заведующая Центром макроэкономического анализа и прогнозирования, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук

E-mail: ibukina79@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9289-2899>

eLIBRARY SPIN-код: 7777-0223

Ореховский Петр Александрович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук

E-mail: orekhovskypa@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2816-1298>

eLIBRARY SPIN-код: 8489-2102

Аннотация

Цель: проведение эмпирической проверки гипотезы Вольфганга Штрика о трансформации «налогового государства» в «государство долгов» и оценка ее влияния на политическую стабильность на примере шести развитых демократий Европейского союза.

Методы: исследование построено на основе сравнительного кейс-стади и политико-экономического анализа. Эмпирическую базу составили данные Международного валютного фонда, Всемирного банка и ОЭСР (1990–2023 гг.) по динамике валового государственного долга, налоговых доходов, процентных расходов и ставок для Великобритании, Германии, Греции, Испании, Италии и Франции. Страны были разделены на две группы для анализа: подвергшиеся долговому кризису (Греция, Испания, Италия) и сохранявшие устойчивость (Великобритания, Франция, ФРГ).

Результаты: гипотеза Штрика нашла частичное подтверждение. Установлено, что связь между высоким госдолгом и политической нестабильностью наиболее выражена в Греции, Испании и Великобритании. Ключевым фактором, однако, является не абсолютный объем долга, а стоимость его обслуживания: несмотря на его рост, низкие процентные ставки в последнее десятилетие существенно снизили фискальную нагрузку. Для Италии и Франции прямая связь не выявлена, а для ФРГ гипотеза оказалась неверной. Дополнительно показано, что режим «демократии кредиторов» в его чистом виде характерен для стран с «негативным суверенитетом» (бедных и части стран со средним доходом).

Научная новизна: заключается в проведении одной из первых попыток верификации концепции Штрика на конкретных макроэкономических и политических данных по развитым странам. В научный оборот вводится связь между теорией «государства долгов» и динамикой политической стабильности, а также предлагается ее расширительная трактовка через призму теории «негативного суверенитета».

Практическая значимость: полученные результаты могут быть использованы для обоснования и имплементации рациональной политики государственного долга с учетом высокой вероятности новых экзогенных шоков и роста процентных ставок.

Ключевые слова:

экономическая теория, политико-экономические дискурсы, новая политэкономия, бюджетно-налоговая политика, налоговое государство, государство долгов, негативный суверенитет

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Букина, И. С., Ореховский, П. А. (2025). Долг и демократия кредиторов. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 701–722. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.701-722>

Scientific article

I. S. Bukina^{1,2},

P. A. Orekhovskiy^{1,2}

¹ *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

² *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

Debt and democracy of creditors

Contact:

Irina S. Bukina, Cand. Sci. (Economics), Head of the Center for macroeconomic analysis and forecast, Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

E-mail: ibukina79@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9289-2899>

eLIBRARY SPIN-code: 7777-0223

Pyotr A. Orekhovskiy, Dr. Sci. (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

E-mail: orekhovskypa@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2816-1298>

eLIBRARY SPIN-code: 8489-2102

Abstract

Objective: to empirically test Wolfgang Streeck's hypothesis on the transformation of a "tax state" into a "debt state" and to assess its impact on political stability using the example of the European Union's six developed democracies.

Methods: the study uses a comparative case study and political and economic analysis. The empirical base comprises data from the International Monetary Fund, the World Bank, and the OECD (1990–2023) on the dynamics of gross government debt, tax revenues, interest expenses, and rates for the United Kingdom, Germany, Greece, Spain, Italy, and France. For analysis, the countries were divided into two groups: those that suffered from the debt crisis (Greece, Spain, Italy) and those that remained stable (Great Britain, France, Germany).

Results: Streeck’s hypothesis was partially confirmed. The author found that the relationship between high government debt and political instability is most pronounced in Greece, Spain and the United Kingdom. The key factor, however, is not the absolute amount of debt, but the cost of servicing it: despite its growth, low interest rates over the past decade have significantly reduced the fiscal burden. No direct relation was found for Italy and France, while for Germany the hypothesis turned out to be incorrect. Additionally, it was shown that the regime of “creditor democracy” in its purest form is typical for the countries with “negative sovereignty” (poor and some middle-income countries).

Scientific novelty: it is one of the first attempts to verify Streeck’s concept using specific macroeconomic and political data for developed countries. The author introduced the relation between the “debt state” theory and the dynamics of political stability and proposed its broad interpretation through the prism of the “negative sovereignty” theory.

Practical significance: the results obtained can be used to justify and implement a rational government debt policy, taking into account the high probability of new exogenous shocks and rising interest rates.

Keywords:

economic theory, political and economic discourses, new political economy, fiscal policy, tax state, debt state, negative sovereignty

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Bukina, I. S., & Orekhovskiy, P. A. (2025). Debt and democracy of creditors. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 701–722. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.701-722>

Введение

В рамках допущений, принятых в классической экономической теории, дефицит государственного бюджета и рост долга считались допустимыми только во время войны. В остальных случаях рост долга оценивался однозначно отрицательно. При этом почти такие же оценки давались и долгам частного сектора: консервативный подход предполагал использование кредита только для покрытия кассовых разрывов из-за факторов сезонности и отраслевых различий в длительности периодов производства и реализации (оборота). Собственно, из-за этого теория экономического развития Й. Шумпетера, где кредит рассматривался как фонд покупательной силы для реализации новых хозяйственных комбинаций, была встречена публикой весьма настороженно (Шумпетер, 1982). Впоследствии Шумпетер попытался вписать свою теорию в рамки долгосрочного равновесия, которое достигалось в ходе Кондратьевских циклов, что в какой-то степени исправило ситуацию (Schumpeter, 1939).

Главной причиной изменения отношения к долгу являлась популяризация взглядов Дж. М. Кейнса (2022), где для преодоления экономических спадов допускалось осуществление бюджетной экспансии. Управление долгом стало легитимным инструментом как государственной, так и корпоративной экономической политики. Произошла радикальная смена политико-экономических дискурсов. Несмотря на поочередное доминирование монетаризма (Friedman, 1971), теории рациональных ожиданий (Lucas, 1972; Fischer, 1980; Sargent, 1986) и «новых классиков» (Hoover, 1988) в 1980–2000-е гг., наличие долга остается приемлемым для конвенционального мнения экономистов и политиков. Хотя стоит оговориться, что эта конвенция предполагает определенные оговорки, которые приобрели форму правил экономической политики (например, правило Тейлора для таргетирования инфляции (Taylor, 1993), фискальные правила ограничения расходов, дефицита и долга, базирующиеся на гипотезе эквивалентности Рикардо – Барро (Barro, 1974, 1989), динамике бюджетного ограничения правительства (Miller, 1980) и т. д.).

Финансовый кризис 2008–2009 гг. вернул проблему долга в центр внимания экономистов. Многие говорили о замедлении наряду с увеличением волатильности темпов экономического роста (Молдин, Теннер, 2013. С. 91–108). Дальнейшие события в целом подтвердили этот прогноз (табл. 1).

Таблица 1

Долговая нагрузка, национальные сбережения и темпы прироста ВВП на душу населения в США, Франции, Великобритании, ФРГ

Table 1. Debt load, national savings and GDP growth rates per capita in the USA, France, Great Britain, and Germany

Страна / Country	Государственный долг, % к ВВП, 2010–2020 / Public debt, % to GDP, 2010–2020	Долг домохозяйств, % к ВВП, 2010–2020 / Debt of households, % to GDP, 2010–2020	Общий уровень долговой нагрузки, % ВВП, 2010–2020 / Overall debt load, % to GDP, 2010–2020	Национальные сбережения, % ВВП, 2010–2020 / National savings, % to GDP, 2010–2020	Среднегодовой прирост ВВП (по ППС-2021 на душу населения), %, 2011–2023 / Average annual growth rate of GDP (by Purchasing Power Parity-2021 per capita, %, 2011–2023
США / USA	106,3	81,7	188,0	17,6	1,7
Франция / France	96,6	57,9	154,5	21,9	0,6
Великобритания / Great Britain	115,5	91,8	207,3	16,1	0,9
ФРГ / Germany	80,3	54,6	134,9	27,0	0,6

Источник: авторская разработка на основе данных: (Григорьев, 2024), МВФ, Мирового банка. <https://www.imf.org/external/datamapper/ie@FPP/ITA>; https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

Source: joint authors' work based on data from: (Grigoriev, 2024), IMF, World Bank. <https://www.imf.org/external/datamapper/ie@FPP/ITA>; https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

Необходимо подчеркнуть, что среди стран БРИКС, как указывает Л. М. Григорьев (2024), также наблюдались подобные тенденции. Так, среднегодовые темпы прироста ВВП (по ППС – 2021) на душу населения в 2011–2023 гг. составили в ЮАР – –0,17 %, в Бразилии – 0,09, в России – 1,12, в Индии – 4,74, в КНР – 5,85 %. В целом в странах со средним уровнем дохода, которые имеют сравнительно низкую долговую нагрузку, темпы роста упали даже сильнее, чем в богатых. Напротив, в США темпы прироста после кризиса 2008–2009 гг. выросли. Впрочем, проблемы долга развивающихся стран (в частности, стран Африки и Латинской Америки) известны экономистам давно (Sachs, 1989; Eichengreen & Hausmann, 1999; Мински, 2017). Низкая ликвидность этих долгов сочетается с высокой ставкой процента. Несмотря на то, что периодически Парижский клуб и международные комиссии при Всемирном банке занимаются реструктуризацией и списанием части долга бедных стран, ситуация только усугубляется (Генри, 2007). Однако эта острая проблема выходит за рамки анализа данной статьи.

Отдельным фактором, также связанным с долгом и рисками, является торговля деривативами. «Начав набирать обороты, объемы торговли деривативами достигли 100 млн долл. в 1980 г. В 1990 г. цифра приближалась к 100 млрд долл. и почти к 100 трлн в 2000 г. Банк международных расчетов оценил номинальную стоимость существующих внебиржевых деривативов в 632 679 трлн долл. на конец 2012 г., в то время как некоторые эксперты... считают, что цифра в 1,2 квадриллиона долл. более точна» (Бьерг, 2018. С. 221). Это примерно в двадцать раз больше, чем физический объем мирового ВВП, который представляет собой добавленную стоимость товаров и услуг в 2012 г. Стоит отметить и еще один фактор, который непосредственно не связан с долгом и его обслуживанием, – это бурный рост криптовалют (и цифровых бирж) в последние годы.

Связь долгового бремени и экономического развития неоднозначна. Предполагается, что частный сектор, обремененный долгами, будет более осторожно подходить к инновациям. Затраты бюджета на обслуживание долга сокращают возможности увеличения государственных инвестиций в человеческий капитал и возможностей финансирования фундаментальных исследований и прикладных опытно-конструкторских работ. Рост удельного веса процентных платежей в доходах домохозяйств может способствовать увеличению социальной дифференциации.

Что-то из сказанного, по-видимому, может быть справедливо для отдельных национальных экономик в какие-то периоды времени, что-то нет. Правдоподобные теоретические допущения могут не наблюдаться на

практике в силу множества противодействующих причин. Поэтому высказанные выше общие соображения должны рассматриваться в контексте ситуации каждой отдельной экономики.

В свою очередь, единственным *общим правдоподобным соображением* является то, что долговая проблема стран с высоким и средним уровнями ВВП на душу населения существенно отличается от ситуации этих же стран в XX в. С этим, по-видимому, согласны все экономисты. Однако, когда рост долга и процентных платежей становится настолько привычной ситуацией, что ее уже не замечают, более того, высокий долг становится своеобразной *институциональной нормой*, это меняет общее *политико-экономическое устройство таких стран*, что является предметом анализа в новой политэкономии, рассматривающей отношения групп влияния и интересов, погоню за рентой и поведение (не)рациональных избирателей и т. д. (Бьюкенен, 1997; Тайдман, Таллок, 2004). С другой стороны, хотя указанное устройство меняется, это не означает, что у всех стран падают темпы роста, растет дифференциация, стагнирует инновационная деятельность и т. д.

Целью настоящей работы является проверка гипотезы о переориентации многих демократических стран от преимущественно «налогового государства» к «государству долгов». В рамках поставленной цели авторы решили следующие задачи: теоретическое обоснование смены парадигмы политико-экономического устройства демократических государств на основе концепции В. Штрика; отбор показателей, характеризующих проблему накопления государственного долга, и их статистический анализ; выявление общих и уникальных тенденций рассматриваемых стран; подтверждение или опровержение выдвинутой гипотезы.

Постановка проблемы

В 1918 г. Й. Шумпетер написал небольшую работу «Кризис налогового государства», где провел различие между старым, «патримониальным» феодальным политико-экономическим устройством и демократией. Именно последняя, основанная на капиталистической экономике, создает единство налоговых обязательств и обеспечивает права доступа к общественным благам – инженерной и социальной инфраструктуре (Шумпетер, 2025). Такое государство «по умолчанию» и рассматривалось как в классической политической экономии, так и в неоклассической экономической теории.

Работа социолога В. Штрика, которая представляет собой цикл лекций, написана уже после кризиса 2008–2009 гг. Он полагает, что в наше время налоговое государство трансформируется в «государство долгов». Причиной этого перерождения является «проблема безбилетника»: социальная и инженерная инфраструктуры государства благосостояния рассматриваются гражданами как своеобразная «общинная собственность»: «Вкратце многочисленные версии “трагедии общинных владений”... сводятся к следующему: если ресурс не принадлежит кому-то одному и все члены сообщества могут свободно им пользоваться, то этот ресурс очень скоро будет исчерпан... Поскольку политики, получающие свои должности в результате выборов, действуют рационально... они будут уступать давлению и требованиям большинства избирателей; конкуренция за голоса избирателей будет подпитывать иллюзию о неисчерпаемости “котла”. Выиграв гонку и получив должность, они будут стремиться быть избранными на новый срок и потому станут тратить больше, чем может позволить себе государство. Следствием этого являются хронический дефицит бюджета и растущий государственный долг».

С точки зрения основного направления экономической теории кризис государственных финансов есть результат непроясненных отношений собственности и, значит, неоднозначно распределенной ответственности, а последняя, в свою очередь, объясняется крахом демократии, или, если точнее, распространением демократической практики принятия решения на проблемы, которые таким образом не решаются» (Штрик, 2019. С. 81–82).

Исчерпав возможности увеличения налогов при одновременном сохранении объема прежних социальных обязательств, государства начинают прибегать к заимствованиям как к основному источнику средств для осуществления новых расходов. Когда объем заимствований и долга невелик, в политическом раскладе сил ничего не меняется. Но по мере роста долга происходит структурный сдвиг – все большая часть благ, получаемых обществом, предоставляется не домохозяйствами (в той или иной пропорции), но сравнительно немногочисленной социальной группой – *кредиторами*. В результате, по мнению Штрика, в государстве параллельно принимают решения и функционируют два народа (рис. 1).

Штрик поясняет: «Демократическое государство, управляемое своими гражданами и существующее за их счет в качестве *налогового государства*, превращается в демократическое *государство долгов*, как только его существование начинает зависеть не только от денежных выплат граждан, но в значительной степени и от

**«Государственный народ» (Staatsvolk) /
“The state people” (Staatsvolk)**

Национальный / National
Граждане / Citizens
Гражданские права / Civil rights
Избиратели / Electorate
Выборы (периодически) / Elections (periodically)
Общественное мнение / Public opinion
Лояльность / Loyalty
Государственные услуги / Public services

**«Рыночный народ» (Marktvolk) /
“The market people” (Marktvolk)**

Международный / International
Инвесторы / Investors
Финансовые требования / Financial requirements
Кредиторы / Creditors
Аукционы (непрерывно) / Auctions (perpetually)
Процентные ставки / Interest rates
Доверие / Trust
Обслуживание долгов / Debt servicing

Рис. 1. Демократическое государство долгов и его два народа

Источник: (Штрик, 2019. С. 124).

Fig. 1. The democratic state of debts and its two peoples

Source: (Streeck, 2019. P. 124).

доверия кредиторов. В отличие от “государственного народа” налогового государства “рыночный народ” государства объединен на транснациональной основе. Его представители связаны с национальным государством исключительно узами контрактов – как инвесторы, а не как граждане. Их права по отношению к государству имеют не публичный, а частный характер, они проистекают не из конституции, а из гражданского права. Вместо расплывчатых и политически расширяемых гражданских прав они предъявляют государству такие финансовые требования, которые, в принципе, можно оспорить в суде и аннулировать по окончании соответствующего договора. В своей роли кредиторов они не могут избавиться от неуютного им правительства, но они могут продать его облигации или воздержаться от участия в торгах по новым облигациям. Процентная ставка на этих торгах – соответствующая оценке инвесторами рисков, что они не получают своих денег обратно или получают не в полном объеме, – является общественным мнением “рыночного народа”, выраженным количественно и потому более точным и легче считываемым, нежели общественное мнение “государственного народа”. Если от своих граждан государство долгов ожидает лояльности, то в отношении “рыночного народа” оно заботится о том, чтобы завоевать и сохранить его доверие, для чего добросовестно обслуживает свой долг и всячески старается показать, что сможет его обслуживать и впредь» (Штрик, 2019. С. 124–125).

Картина трансформации политико-экономического режима, предложенная В. Штриком, выглядит весьма правдоподобно. Тем не менее следует отметить одну особенность модели «государства долгов»: если основными держателями долга является, как сказали бы марксисты, «национальная буржуазия», то такая страна будет мало чем отличаться от обычного «налогового государства». Плюралистическая модель демократии будет приближаться к олигархической, но в целом это родственные модели (Хелд, 2014). Как показывает пример японского корпоративизма, такая модель будет устойчивой даже при 150–200 % государственного долга по отношению к ВВП (хотя японская ситуация, дополненная высоким долгом частного сектора, как раз и характеризуется вялыми темпами экономического роста, рис. 2). После периода длительного быстрого экономического роста во второй половине XX в. (японское экономическое чудо) и «схлопывания» финансового пузыря на рубеже 1990-х гг. темпы роста в основном оставались на уровне 2 %, периодически «сваливаясь» к нулю или в отрицательную зону. В этом отношении японская стагнация является почти образцовой – низкие темпы роста и высокий долг не приводят к разрушению политической системы на протяжении последних 30 лет. Однако трудно представить себе подобную политическую стабильность на фоне стагнации, например, в странах Латинской Америки.

Ситуация, когда существенной долей долга владеют зарубежные кредиторы, выглядит достаточно неустойчивой и хрупкой. От финансовых властей требуются недюжинные способности для того, чтобы обеспечить и обслуживание долга, и исполнение бюджетных обязательств. Государственный долг европейских государств

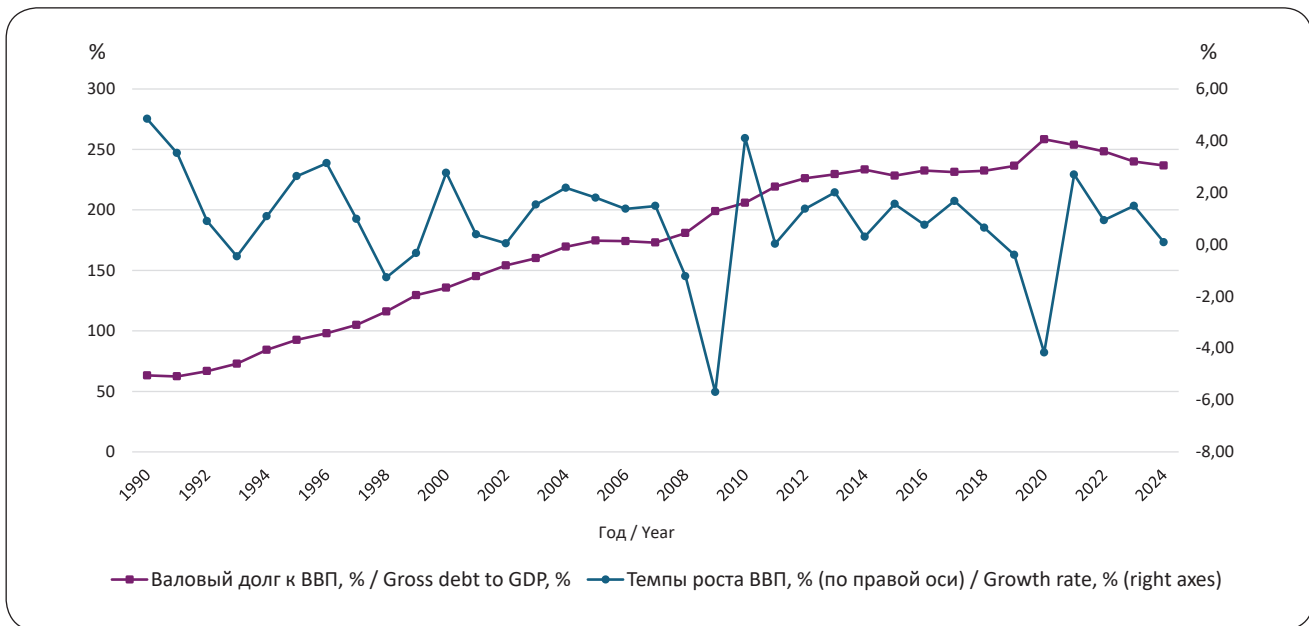

Рис. 2. Долг к ВВП и темпы экономического роста Японии, %

Источник: совместная авторская разработка на основе данных МВФ. https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

Fig. 2. Debt to GDP and economic growth rate of Japan, %

Source: joint authors' work based on data from: IMF. https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

и США торгуется на международных финансовых рынках, и работа министерства финансов и центральных банков в таких странах требует достаточно хорошего качества управления денежно-кредитной системой. Сформулируем основную гипотезу, которая тестируется в следующем разделе нашей работы: переход к государству долгов в общем случае, при прочих равных условиях, ведет к усилению политической нестабильности и «хрупкости» политических режимов. Оговорка «при прочих равных» здесь важна, так как политическая стабильность зависит от множества экзогенных факторов, включая такой, как харизматичность лидеров. В связи с этим для анализа были выбраны страны, отвечающие критериям В. Штрика: (1) высокий уровень государственного долга, (2) высокий уровень ВВП на душу населения, (3) европейская модель демократических институтов, (4) стабильная (до финансовых потрясений 2008–2009 гг.) политическая система. При этом рассматривались две группы стран. Первая включает в себя Грецию, Италию и Испанию – те государства, которые непосредственно столкнулись с политической турбулентностью, обусловленной долговым кризисом 2010 г. Во вторую (контрольную) группу включены Великобритания, Франция и ФРГ, которые (по крайней мере, до недавних пор) демонстрировали долговую и политическую устойчивость.

По-видимому, налоговое государство, связанное с политикой «государства благосостояния», давно достигло своих пределов, что характеризуется и существенным изменением общественных настроений: «Когда в 1935 г. Ф. Рузвельт обратился к конгрессу, только 8 % специалистов по налогам (главным образом, бухгалтеры и юристы) возражали против налога на наследство, в 1994 г. доля его противников увеличилась больше чем в три раза. Это свидетельствовало о крупной перемене общественного настроения, которая привела к полной (пусть и временной) отмене в США налога на наследство в 2010 г. и продолжающимся попыткам конгресса ликвидировать его навсегда. Похожие изменения произошли и в других западных странах, став частью неолиберального поворота в 1980-х» (Харрингтон, 2022. С. 216). Поэтому удельный вес налогов в ВВП западных демократий остается примерно на одном и том же уровне. Налоговые реформы являются предметом постоянных политических дебатов: предполагается, что снижение налогов может повысить привлекательность той или иной юрисдикции для инвесторов. В то же время, как мы увидим далее, после кризиса 2008–2009 гг. налоговое бремя в некоторых странах увеличивалось.

Электоральные процедуры независимы от источников наполнения бюджета, а на государственные расходы пока сильнее влияет электоральный цикл, а не конъюнктура фондовых рынков; конечно, за исключением таких крупных экзогенных шоков, как финансовый кризис 2008–2009 гг. Поэтому положения, выдвинутые В. Штриком, трудно подтвердить или опровергнуть. Далее мы предприняли попытку пилотного исследования финансового положения некоторых западных стран, существенно пострадавших от мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., и дали очень краткую, схематичную характеристику изменений политических ситуаций, складывавшихся в этих странах. Как указывал Дж. Голдстоун, финансовые неурядицы – одно из необходимых условий политической нестабильности и возможной революции (Голдстоун, 2017). Естественно, что в каждой стране есть своя специфика, поэтому в своих оценках политико-экономических режимов мы пытались быть максимально осторожными.

В заключительной части для сравнения приводится краткая характеристика долга в мире в целом, а также замечания относительно недавно разработанной политологами концепции негативного суверенитета.

Долг, проценты и политические кризисы в Греции, Италии, Испании, Великобритании, Франции, ФРГ

Как уже говорилось, государственные финансы и демократические процедуры не связаны между собой напрямую. Однако среди политических экономистов, как и среди «чистых» политологов утверждение о том, что высокая инфляция вызывает недоверие к правительству и приводит к смене власти, является банальностью¹. И если предположить, что источником инфляции является эмиссия правительством облигаций для покрытия дефицита бюджета, держателем которых становится Центральный банк, то связь расстроенных финансов, инфляции и политических потрясений становится очевидной. Однако период 2010–2023 гг. в западных странах характеризуется *низкой инфляцией*, а заодно и достаточно *низкими процентными ставками* (International Monetary Fund (IMF), 2015, 2024; Eggertsson & Woodford, 2003). Более того, в отдельные годы этого периода страны еврозоны сталкивались с небольшой дефляцией. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, очень сильно способствовало долгому периоду относительной политической стабилизации в еврозоне.

Строгое эконометрическое доказательство требует достаточного набора данных, чтобы можно было учесть обозначенные факторы. В подобных случаях используется панельная регрессия, которая потребовала бы стандартизировать замещающие переменные (*proxy*) для характеристики политических режимов в странах. В рамках настоящей работы указанный подход чрезмерно обобщает и размывает выводы. Построение панельной регрессии со страновыми эффектами также не решает задач политико-экономического исследования, поскольку в случае с замещающими переменными не даст валидного результата (политэкономические параметры меняются медленно, поэтому оценки статистически незначимы). В этой связи динамика показателей долга в связи с характеристиками политических режимов рассматривается индивидуально по каждой стране и в сравнении со странами из контрольной группы.

Греция, Италия, Испания

Процентная ставка по государственному долгу Греции за 20 с лишним лет снизилась более чем в два раза, что сделало приемлемым и его обслуживание (рис. 3).

Характерно, что в большей части рассматриваемого периода темпы роста социальных расходов опережали темпы роста процентных расходов Греции. В этом отношении правительству удавалось соблюдать интересы и населения, и кредиторов (рис. 4). При этом резкий рост процентных платежей в 2023 г. может быть как случайной флуктуацией, так и признаком начала какого-то перелома.

При этом следует отметить *низкую* по сравнению с другими западными странами долю налоговых доходов в ВВП Греции в 1990–2008 гг. В этом отношении повышение удельного веса с 25 до 40 % не является чем-то экстраординарным, это скорее определенная нормализация налоговой системы страны – члена ЕС (рис. 5). В свою очередь, высокий долг и продолжение его роста со 150 до 200 % ВВП вполне ложится в ло-

¹ Стоит подчеркнуть, что многие отечественные экономисты, которые после 2022 г. критикуют слишком жесткую политику Центрального банка по борьбе с инфляцией, обычно игнорируют это обстоятельство (Бахтизин, 2024; Маевский, 2024), а также см. Куликова, Т. (2024). Все выше, и выше, и выше. Правда, 122(31615), 7 ноября. <https://gazeta-pravda.ru/issue/122-31615-7-noyabrya-2024-goda/vsye-vyshe-vyshe-vyshe/>

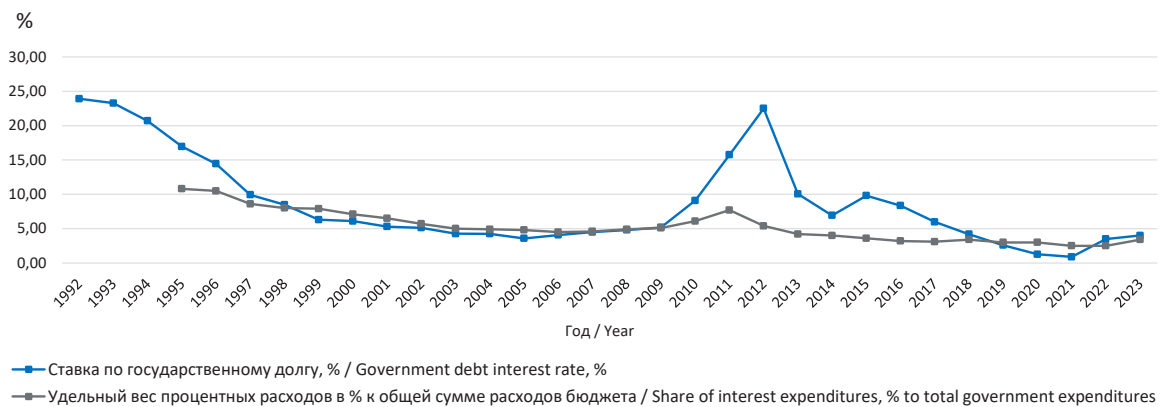

Рис. 3. Номинальная процентная ставка по долгосрочному государственному долгу и удельный вес процентных расходов бюджета расширенного правительства Греции, %

Источник: авторская разработка на основе данных МВФ, ОЭСР https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

Fig. 3. Nominal interest rate on long-term public debt and share of interest expenses of the budget of the expanded Government of Greece, %

Source: joint authors' work based on data from: IMF, OECD. https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

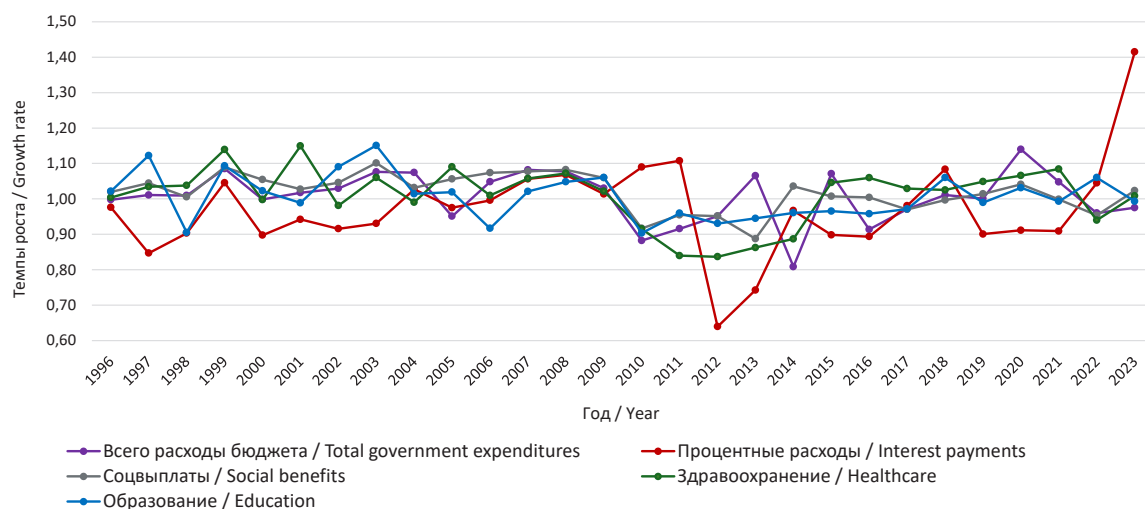

Рис. 4. Темпы роста расходов бюджета расширенного правительства Греции: всего и по отдельным разделам функциональной классификации (в сопоставимых ценах 1996 г.), год к году

Источник: авторская разработка на основе данных МВФ, ОЭСР https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

Fig. 4. Growth rate of budget expenditures of the expanded Government of Greece: total and by functional classification sections (in comparable prices of 1996), year-on-year

Source: joint authors' work based on data from: IMF, OECD. https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

гику формирования «государства кредиторов». Стоит отметить, что более 10 лет назад Т. Саррацин писал о невозможности Греции рассчитаться по долгам (Саррацин, 2015). Но общим мнением экономистов и политиков является то, что главным является не способность государства к погашению долга, а возможности его обслуживания. Пока Греция справлялась с этой задачей.

Похожую картину мы видим и в Испании: резкий рост долга после 2008 г. Но здесь уровень налогов остается относительно стабильным. Низкая процентная ставка позволяет обслуживать долги (рис. 6, 7).

Динамика процентных расходов в Испании гораздо скромнее, чем в Греции, несмотря на долговой кризис 2010 г. Резкие всплески роста за период 2008–2022 гг. показывали социальные выплаты и расходы на здравоохранение (рис. 8).

Ситуация в Италии отличается тем, что удельный вес налогов по отношению к ВВП в этой стране был изначально существенно выше, чем в Греции и Испании. Уровень итальянского долга по отношению к ВВП и его динамика вполне сопоставимы с испанской. Во всех случаях низкая процентная ставка позволяет его обслуживать.

Как это ни удивительно, но следует признать, что, *несмотря на огромный рост долга*, его обслуживание во всех этих проблемных странах *стало существенно легче для бюджета*. Так, в Греции максимум удельного веса процентных платежей в расходах бюджета приходится на 1996 г. – это 11 %, с 2012 г. этот показатель на уровне 5 % и ниже, а в 2020-х гг. – 3–4 %. В Испании: 1996 г. – 12 %, в 2010-е гг. – 4–8 %, в 2020-е гг. – 4–6 %. В Италии: 1991–1996 гг. – 20–24 %, 2010-е гг. – 7–10 %, 2020-е гг. – 6–7 % (рис. 3, 7, 10). На этом фоне вряд ли избирателям, жившим в этих странах в течение последних 30 лет, процентные платежи по долгу после кризиса 2008–2009 гг. представлялись крайне острой проблемой.

Тем не менее в Греции в 2010–2015 гг. наблюдалась *политическая дестабилизация*, которая привела к внеочередным парламентским выборам в 2015 г. Протесты были связаны с *увеличением налогов* и сокращением некоторых статей бюджетных расходов по соглашению Греции с руководством ЕС: без этого никакие дополнительные кредиты страна не получила бы (Vasilopoulou et al., 2014). В 2015 г. блок левых партий СИРИЗА пытался пересмотреть соглашение с ЕС, что кончилось неудачей. В 2019 г. к власти вернулись правые – блок «Новая демократия» (Улунян, 2024).

Сравнивая динамику долга, налоговых платежей и процентных выплат, можно сделать вывод, что в случае Греции гипотеза Штрика о «государстве долгов» выглядит достаточно правдоподобно. Тем не менее стоит оговориться, что соответствующее соглашение навязывало Греции официальное политическое руководство ЕС, а не частные кредиторы. И все же, как указывает Т. Саррацин (2015), держателями греческих облигаций были инвесторы из ФРГ и стран Северной Европы, имеющие большое влияние на европейское руководство.

«Мягкая» версия греческой политической динамики имела место в Испании. На фоне экономического кризиса в 2011 г. на внеочередных выборах к власти пришли правые, опередив социалистов. При этом никакого официального соглашения с ЕС не заключалось, тем не менее экономическая ситуация в целом оставалась сложной. В 2015 г. ни одна из партий не получила необходимого количества голосов, *парламент был крайне фрагментирован*, поэтому в 2016 г. были назначены *внеочередные выборы*. Новый кризис начался в 2018 г., в 2019 г. социалисты вернулись к власти, но политическая ситуация остается очень сложной – и в 2023 г. социалисты уступили на выборах Народной партии. Однако лидер социалистов П. Санчес все же смог получить мандат на формирование правительства (Баранов, 2023).

Можно сказать, что фактор долга влияет в Испании в сторону усиления политической нестабильности. Но все это происходит на фоне сецессионных настроений в Каталонии, коррупционных скандалов, высокой партийной фрагментированности и т. д.

В свою очередь, политическая ситуация в Италии на фоне греческой и испанской выглядит стабильной. Кризис 2008–2009 гг. не привел к внеочередным выборам, однако здесь не было и такого скачка в объеме государственного долга, как в Греции и Испании (сравни рис. 9 с рис. 5 и 6). Налоги по отношению к ВВП и так были на достаточно высоком уровне (40–45 %, рис. 9). На выборах 2013 г. победила левоцентристская коалиция «Италия. Общее благо», которая, однако, *тут же распалась*, на выборах 2018 и 2022 гг. к власти пришел «Правый центр»: в 2018-м – С. Берлускони, с 2022-го – Дж. Мелони (Гуселетов, 2023). Возможно, что держатели большого (более 140 % от ВВП) итальянского долга и влияют на принимаемые политико-экономические решения, но теми грубыми инструментами, которыми мы располагаем, диагностировать это влияние невозможно.

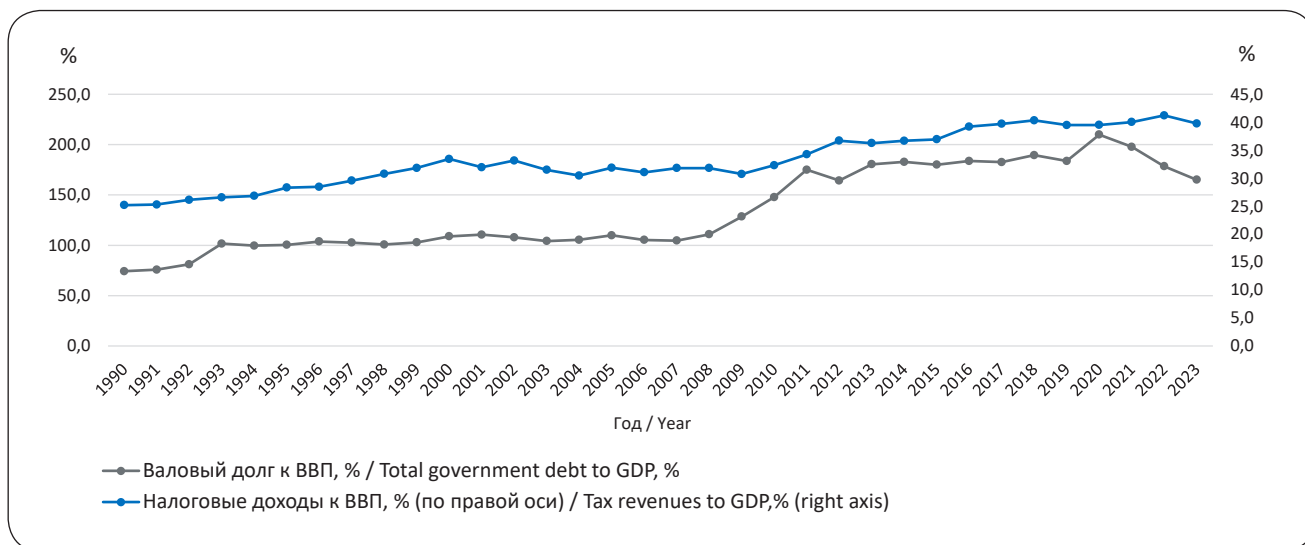

Рис. 5. Валовый долг и налоговые доходы бюджета расширенного правительства Греции к ВВП, %

Источник: авторская разработка на основе данных МБФ, ОЭСР https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

Fig. 5. Gross debt and tax revenues of the budget of the expanded Government of Greece to GDP, %

Source: joint authors' work based on data from: IMF, OECD. https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

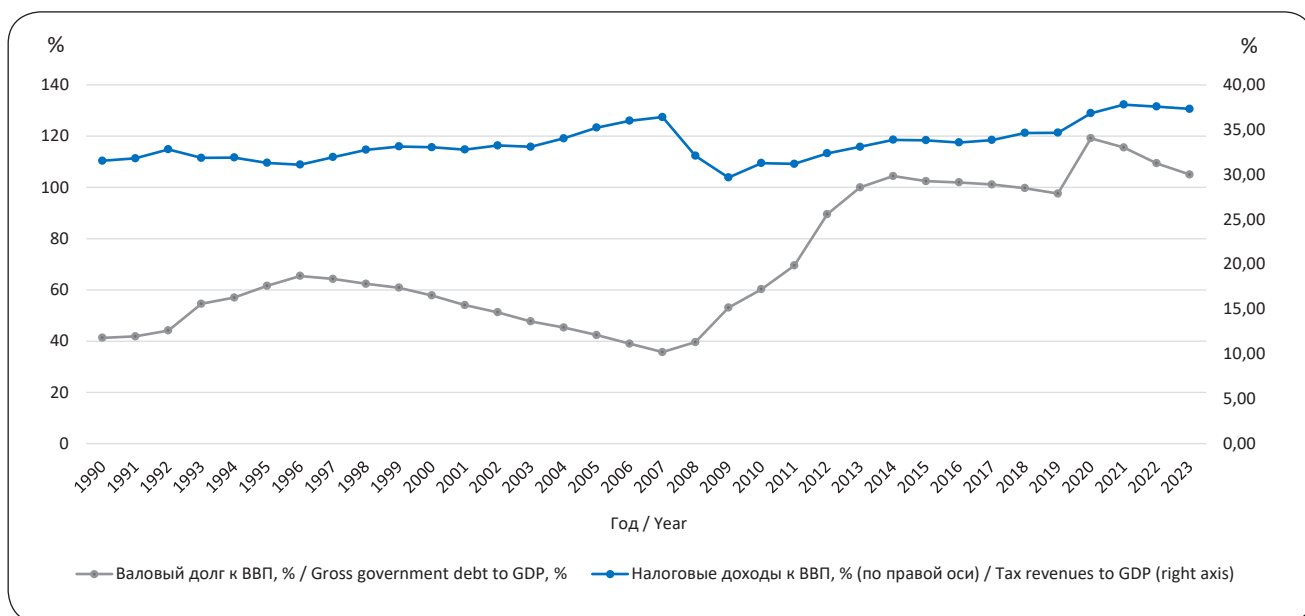

Рис. 6. Валовый долг и налоговые доходы бюджета расширенного правительства Испании к ВВП, %

Источник: авторская разработка на основе данных МБФ, ОЭСР https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

Fig. 6. Gross debt and tax revenues of the budget of the expanded Government of Spain to GDP, %

Source: joint authors' work based on data from: IMF, OECD. https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

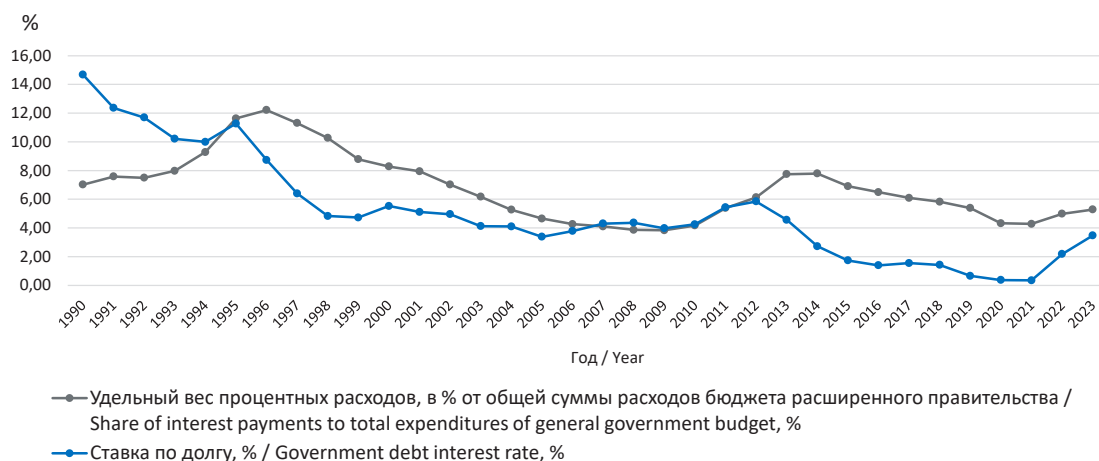

Рис. 7. Номинальная ставка по долгосрочному государственному долгу и удельный вес процентных расходов бюджета расширенного правительства Испании, %

Источник: авторская разработка на основе данных МБФ, ОЭСР https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

Fig. 7. Nominal rate on long-term public debt and share of interest budget expenses of the expanded Government of Spain, %

Source: joint authors' work based on data from: IMF, OECD. https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

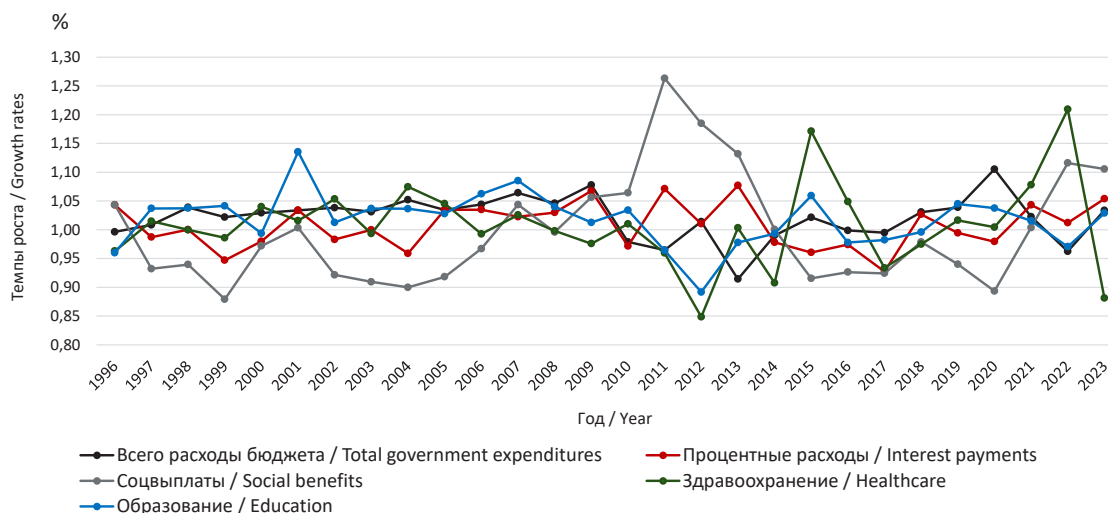

Рис. 8. Темпы роста расходов бюджета расширенного правительства Испании: всего и по отдельным разделам функциональной классификации (в постоянных ценах 1996 г.), год к году

Источник: авторская разработка на основе данных МБФ, ОЭСР https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

Fig. 8. Growth rates of the budget expenses of the expanded Government of Spain: total and by functional classification sections (in constant prices of 1996), year-on-year

Source: joint authors' work based on data from: IMF, OECD. https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

Великобритания, Франция, ФРГ

Картина скачка долга и изменений налоговых доходов бюджета в Великобритании очень напоминает испанскую (сравни рис. 6 и 11).

Процентная ставка по долгу также демонстрирует существенное снижение, и почти то же самое можно сказать об удельном весе процентных платежей. Дело в том, что в 2020-е гг. удельный вес процентных платежей в Великобритании неожиданно становится выше, чем в Испании и Греции (рис. 12). Вообще говоря, основываясь на рис. 11–12 и политико-экономическом дискурсе В. Штрика, можно предположить, что в такой стране усилится нестабильность.

Ситуация во Франции выглядит несколько иначе. Хотя после 2008–2009 гг. долг резко растет: с 50 до 100 % ВВП, но после 2017 г. он начинает снижаться и в 2023 г. оказывается ниже 100 % ВВП (рис. 13). Таким образом, Франция не только обслуживала, но и погашала часть своих долгов. Кроме того, во Франции один из самых высоких уровней налоговых доходов в ВВП, который на протяжении рассматриваемого периода еще и увеличился с 40 до 45 %.

Снижение процентной ставки, конечно же, сказывается и на стоимости обслуживания долга во Франции (рис. 14). Несмотря на относительно высокий уровень государственного долга в 2013–2021 гг., больших проблем с кредиторами французское правительство, по-видимому, не испытывало.

И совсем уж радикально отличается в лучшую сторону положение с долгом и его обслуживанием в ФРГ (рис. 15–16).

Различается и политико-экономическая ситуация в этих крупнейших государствах ЕС в рассматриваемом периоде. Как и следовало ожидать, кризис 2008–2009 гг. привел в Великобритании к смене власти в парламенте: лейбористов сменили консерваторы в коалиции с либеральными демократами в 2010 г. На фоне сложной экономической обстановки депутат-консерватор Д. Натэлл предложил провести референдум о выходе Великобритании из ЕС, однако большинство в парламенте проголосовало против. Тем не менее

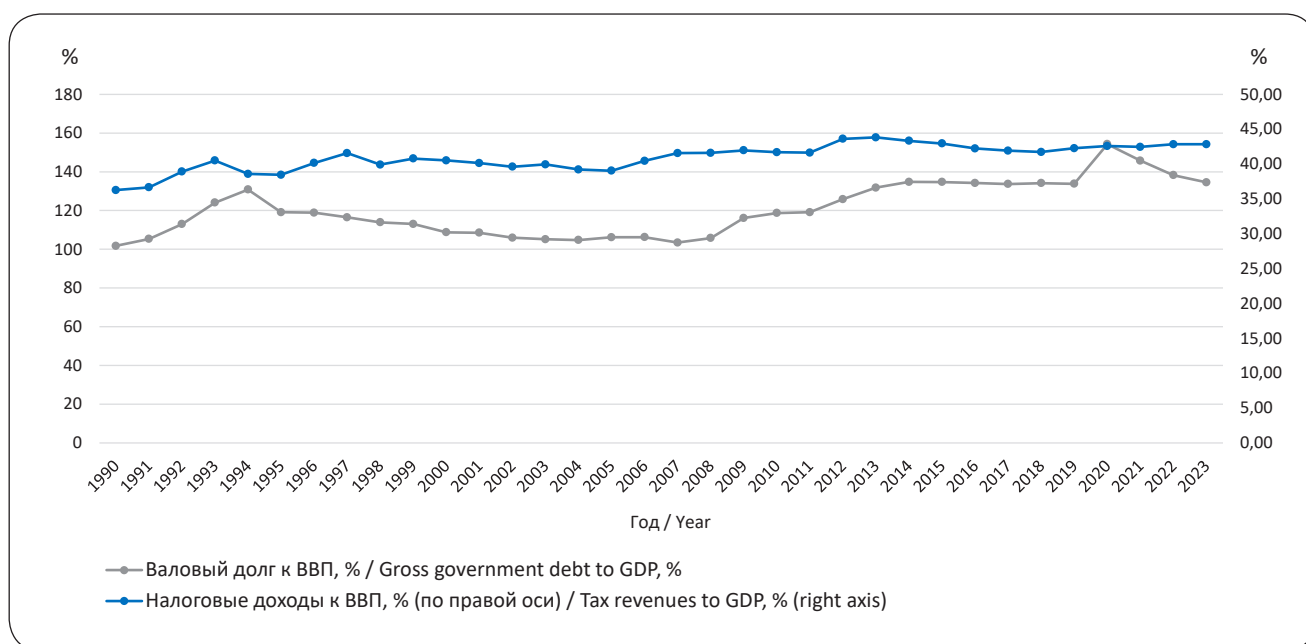
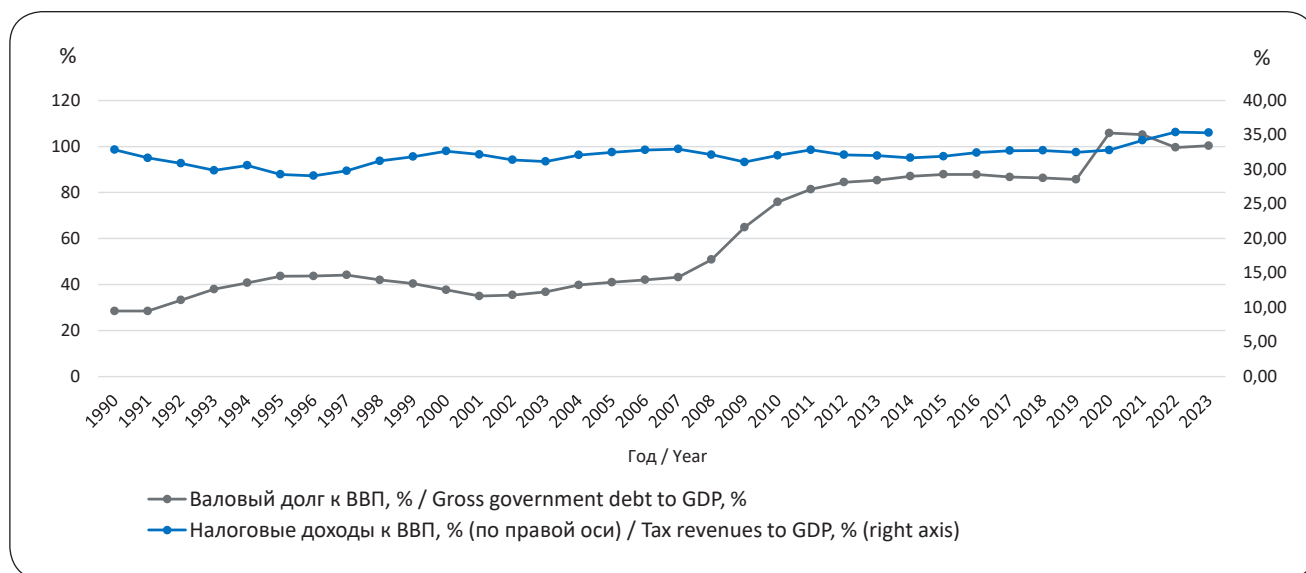
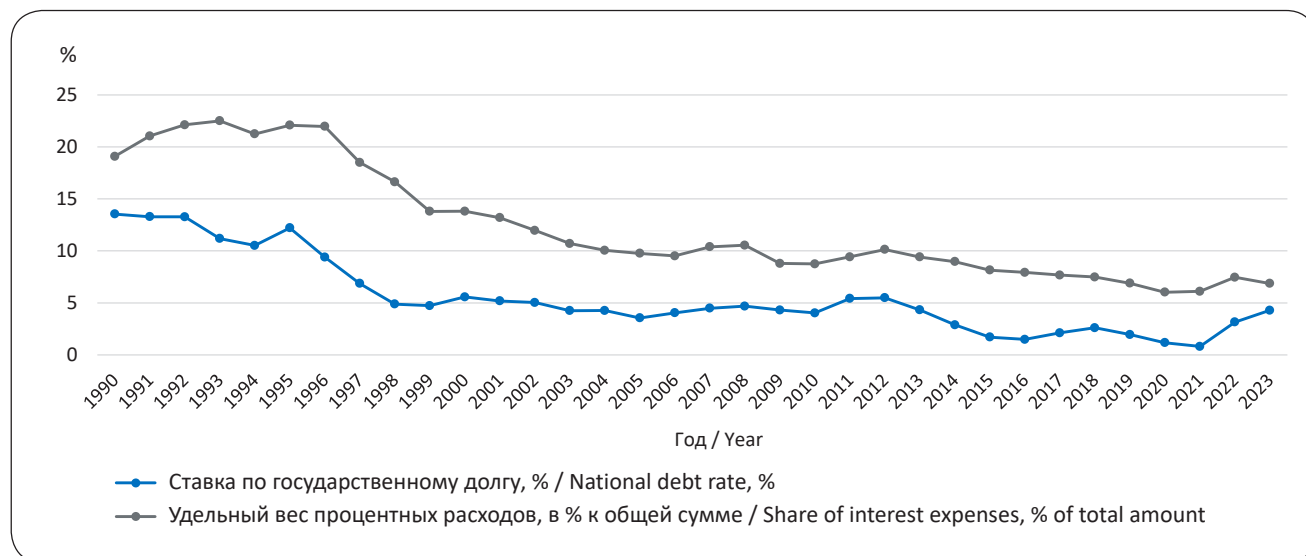

Рис. 9. Валовый долг и налоговые доходы бюджета расширенного правительства Италии к ВВП, %

Источник: авторская разработка на основе данных МВФ, ОЭСР https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

Fig. 9. Gross debt and tax revenues of the budget of the expanded Government of Italy to GDP, %

Source: joint authors' work based on data from: IMF, OECD. https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

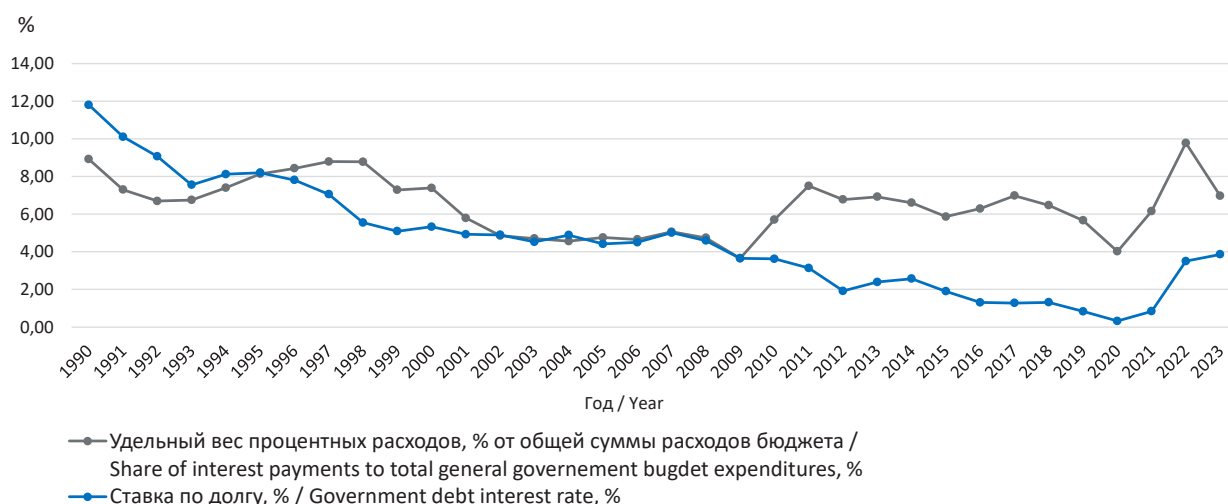

Рис. 12. Номинальная ставка по долгосрочному государственному долгу и удельный вес процентных расходов бюджета расширенного правительства Великобритании, %

Источник: авторская разработка на основе данных МБФ, ОЭСР https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

Fig. 12. Nominal rate on long-term public debt and share of the interest budget expenses of the expanded government of Great Britain, %

Source: joint authors' work based on data from: IMF, OECD. https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

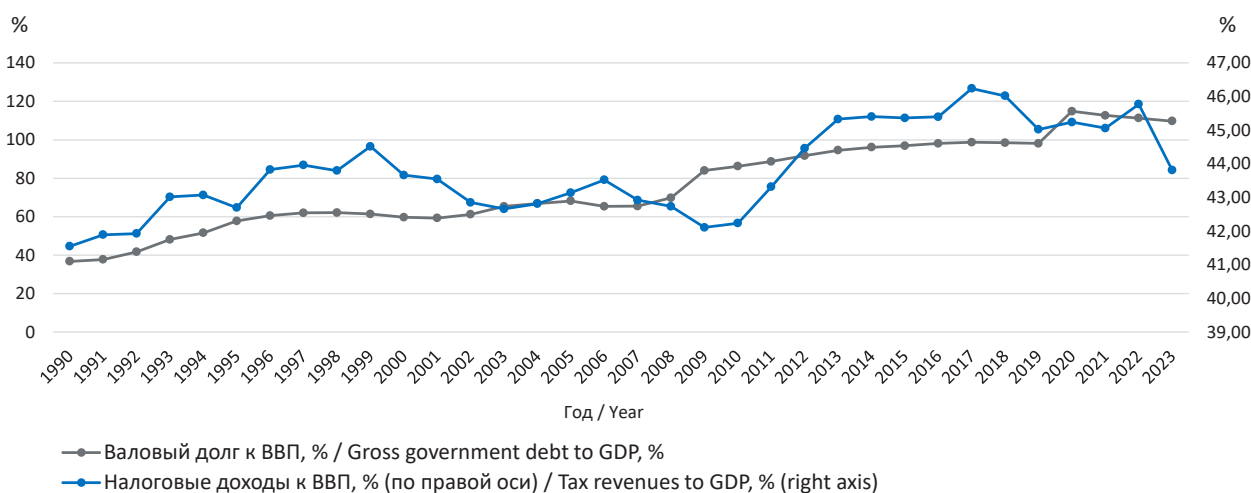

Рис. 13. Валовый долг и налоговые доходы бюджета расширенного правительства Франции к ВВП, %

Источник: авторская разработка на основе данных МБФ, ОЭСР https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

Fig. 13. Gross debt and tax revenues of the budget of the expanded government of France to GDP, %

Source: joint authors' work based on data from: IMF, OECD. https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

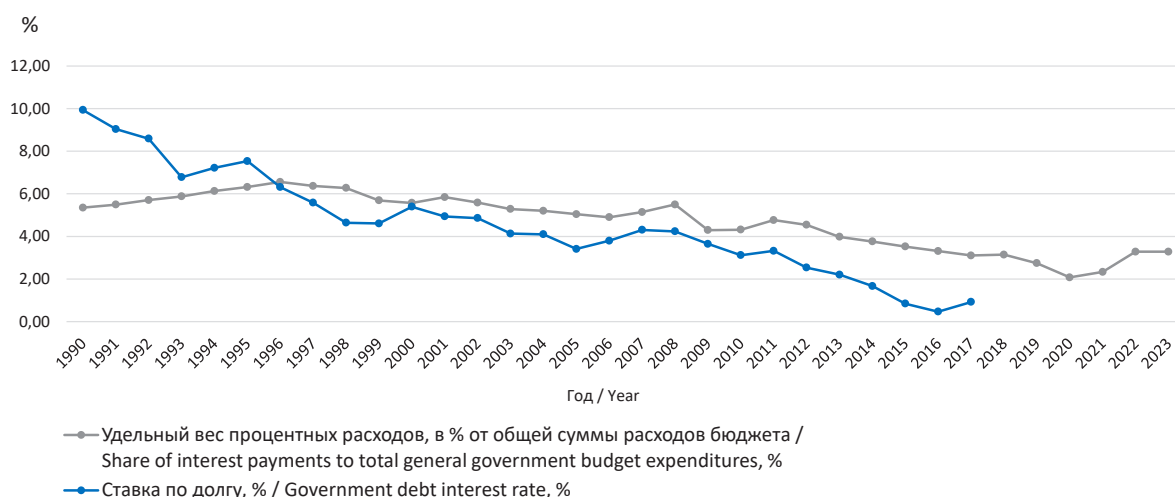

Рис. 14. Номинальная ставка по долгосрочному государственному долгу и удельный вес процентных расходов бюджета расширенного правительства Франции, %

Источник: авторская разработка на основе данных МБФ, ОЭСР https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

Fig. 14. Nominal rate on long-term public debt and share of interest budget expenses of the expanded Government of France, %

Source: joint authors' work based on data from: IMF, OECD. https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

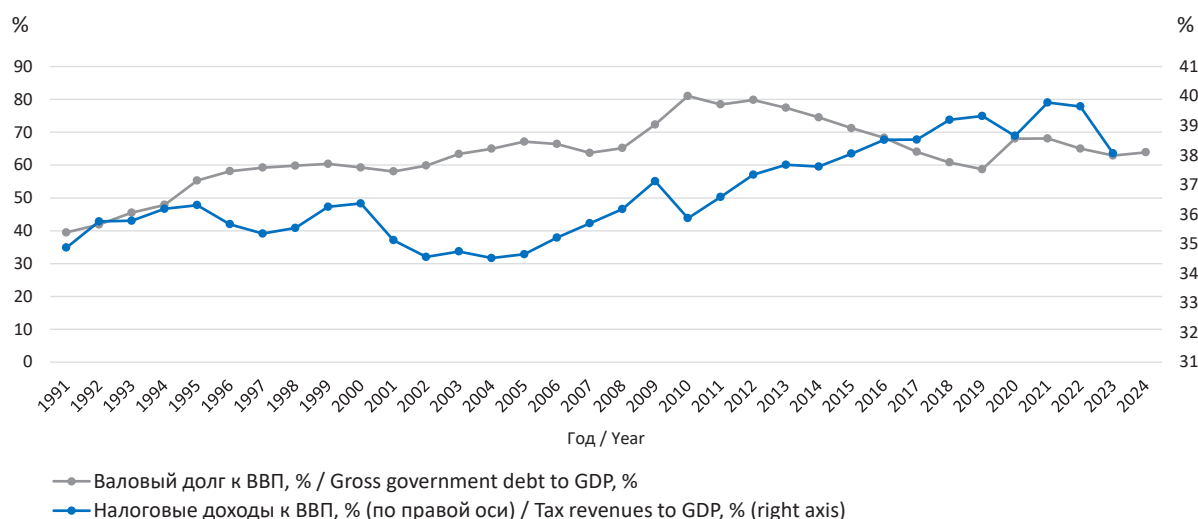

Рис. 15. Валовый долг и налоговые доходы бюджета расширенного правительства ФРГ к ВВП, %

Источник: авторская разработка на основе данных МБФ, ОЭСР https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

Fig. 15. Gross debt and tax revenues of the budget of the expanded Government of Germany to GDP, %

Source: joint authors' work based on data from: IMF, OECD. https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

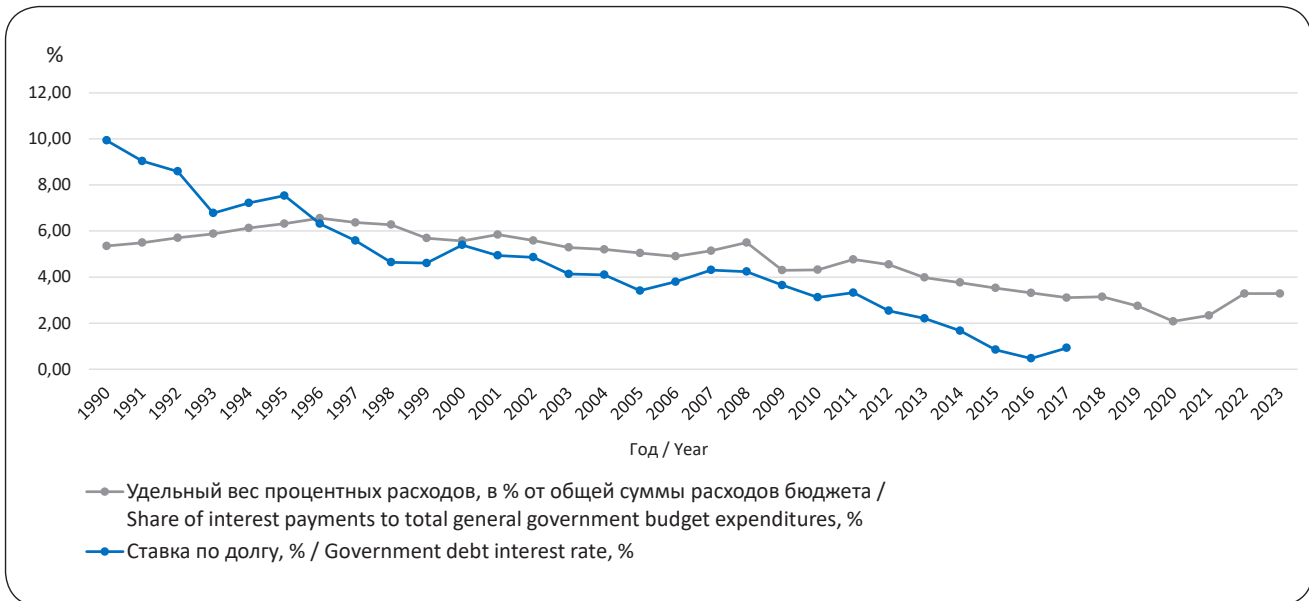

Рис. 16. Номинальная ставка по долгосрочному государственному долгу и удельный вес процентных расходов бюджета расширенного правительства ФРГ, %

Источник: авторская разработка на основе данных МВФ, ОЭСР https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

Fig. 16. Nominal rate on long-term public debt and share of interest budget expenses of the expanded Government of Germany, %

Source: joint authors' work based on data from: IMF, OECD. https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2025; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>

премьер-министр Д. Кэмерон в 2015 г. опять вернулся к этому вопросу, и на референдуме 2016 г. небольшим большинством (51,89 против 48,11 %) участники голосования (явка 72,15 %) поддержали выход Великобритании из ЕС (Kavanagh, 2018; Палачанин, 2023). После этого Кэмерон принял решение уйти в отставку, и началась «чехарда» премьер-министров: Т. Мэй (2016–2019), Б. Джонсон (2019–2022), Л. Трасс (2022), Р. Сунак (2022–2024), при этом все эти политики были членами одной партии – консерваторов (это существенно, так как в Великобритании лидер партии, имеющей большинство в парламенте, становится и премьером). Характерно, что причиной отставки Л. Трасс было предложенное ею снижение подоходного налога «для богатых», при этом выпадающие доходы бюджета должны были компенсироваться за счет увеличения заимствований.

Стоит оговориться, что нестабильность развивалась на фоне сепарационных настроений в Северной Ирландии и Шотландии, голосовавших против выхода Великобритании из ЕС, а также «миграционного» кризиса. Возможно, на принятие решения о проведении референдума о Брексите куда больше повлияли личностные качества Д. Кэмерона, нежели высокий государственный долг, ставка процента по которому приблизилась в 2015–2016 гг. к нулевой.

В свою очередь, во Франции в это время тоже наблюдалась «чехарда» премьер-министров. Последняя, однако, во многом связана с тем, что Франция – «президентская» демократия, в рамках которой у президента могут быть политические цели, противоположные большинству в парламенте, который утверждает премьер-министра. В рамках анализа новой политэкономии выглядит логичным, что после кризиса 2008–2009 гг. правые во главе с Н. Саркози проиграли выборы 2012 г. Президентом стал Ф. Олланд (2012–2017), при котором правительства менялись каждые два года (2012, 2014, 2016), что было связано с изменением парламентских коалиций. То же самое продолжилось и при Э. Макроне (2017 г. – настоящее время), при котором сменилось уже шесть правительств.

Как ни странно, большинство кризисов, на фоне которых менялись правительства в рассматриваемый период, были связаны с попытками сокращения бюджетных расходов по «социальным» статьям и с необходимостью сокращения государственного долга. Как уже указывалось выше, финансовое положение Франции на фоне

Великобритании и других ее соседей – Великобритании и Испании – выглядит достаточно устойчивым. Политико-экономический дискурс премьер-министров, предложенных Национальному собранию Макроном, – это необходимость экономии. Уличные протесты «желтых жилетов» и демонстрации, организованные левыми политическими силами, принято рассматривать именно в этом дискурсе (Обичкина, 2019). Однако, если рассматривать только показатели долга и стоимости его обслуживания, подобного ужесточения, в общем, не требуется. Вслед за В. Штриком можно предположить, что «рыночный народ» требует от Франции изменения экономической модели, однако такое утверждение вряд ли можно обосновать имеющимися экономическими данными.

То же самое справедливо в отношении роста политической нестабильности в ФРГ. Христианско-демократический союз, возглавляемый А. Меркель, сохранял большинство в парламенте на протяжении 2005–2021 гг., кризис 2008–2009 гг. почти не повлиял на расклад политических сил в ФРГ. В 2021 г., после года пандемии COVID-19, к власти пришла коалиция, возглавляемая социал-демократом О. Шольцем (Timoshenkova, 2022). В 2025 г. эта коалиция распалась и на новых выборах к власти пришла правая коалиция во главе с Ф. Мерцем. Протесты, связанные с иммигрантской политикой А. Меркель, ухудшением положения германской промышленности и увеличением безработицы, по-видимому, нельзя связать с «государством долгов». У ФРГ низкий государственный долг и «дешевое» обслуживание. Если считать политику Шольца и Мерца иррациональной, вызванной некими экзогенными причинами (влиянием кредиторов), то простой финансово-экономический анализ не позволяет ответить об источниках этих внешних влияний.

Подводя итог этому обзору, можно заключить, что основная гипотеза о связи «государства долгов» с политической нестабильностью наиболее правдоподобна в отношении Греции, Испании и Великобритании. Политическая нестабильность во Франции и Италии, на первый взгляд, слабо или совсем не связана с финансовым положением этих стран. Наконец, в отношении ФРГ тезис Штрика на материале 1996–2023 гг. не подтверждается: ФРГ остается обычной «налоговой демократией».

Заключение:

«демократия кредиторов» в широком контексте. Негативный суверенитет

В 1945 г. в ООН была представлена 51 страна, в последние годы количество государств, которых ООН считает таковыми, увеличилось до 193. 44 государства сейчас относятся к бедным, официально – «наименее развитыми странами» (далее – НРС) (United Nations, 2025). Критериями отнесения к НРС является низкий душевой ВВП, слабая социальная инфраструктура, не позволяющая получить общее среднее образование и необходимые медицинские услуги (United Nations, 2025). НРС являются получателями международной помощи, испытывая трудности со сбором налогов и производством необходимых общественных благ. Они сильно зависят как от международных организаций и стран-спонсоров, так и от крупных частных инвесторов. Это наиболее простой пример «государства долгов». Учитывая то, что в качестве политического устройства этих стран, как правило, выступает какая-либо из моделей демократии, применение к ним понятия «демократии кредиторов» является вполне правомерным.

Кроме НРС, существует большой круг государств с душевым ВВП ниже и немного выше среднемирового (к ним относятся, например, такие страны с быстро растущей экономикой, как Индия, Филиппины, Бангладеш и др.). Многие из этих государств выступают в качестве активных заемщиков на международном рынке. При этом, однако, они могут как идти, так и не идти на уступки транснациональным корпорациям и финансовым институтам, представляющим кредиторов. Однако практически все эти страны так или иначе нуждаются если не в дополнительных финансовых средствах, то в новых технологиях. Анализ отношений этих государств с транснациональными корпорациями и международными финансовыми институтами требует, конечно, рассмотрения каждого случая в отдельности, хотя К. Крауч, например, прямо заявляет о том, что транснациональные компании занимаются шопингом режимов (Крауч, 2012. С. 198).

В свое время Ч. Тилли выдвинул тезис о том, что государства ведут войны, но войны и создают государства (Tilly, 1975). В рамках этого тезиса очевидно, что государства, неспособные себя прокормить, не смогут себя и защитить. Поэтому вплоть до 1945 г. территория таких юрисдикций осваивалась сильными соседями или входила в состав международных колониальных империй с отдельным правовым режимом. Новизна идеи В. Штрика о «государстве долгов» заключается в том, что это политико-экономическое устройство стало распространяться на страны с уже достаточно высоким душевым ВВП, располагающими развитой социальной инфраструктурой, эффективными органами правопорядка, современными вооруженными силами. Что же

касается относительно молодых стран, появившихся на карте мира после 1945 г., то многие из них пока так и не вышли на уровень «налогового государства», не могут добиться финансового самообеспечения.

В свою очередь, политолог Р. Джексон в 1990 г. ввел понятия «позитивного» и «негативного» суверенитета (Jackson, 1990). Государства, которые могут обеспечить достаточный уровень производства общественных благ, включая общественную безопасность и национальную оборону, обладают позитивным суверенитетом. Тех, кто не может это сделать, Джексон называет «квазигосударствами». Последние за обеспечение производства части общественных благ другими государствами уступают часть своих прав.

Появление на свет Европейского союза, и особенно его расширение на страны, ранее входившие в так называемый социалистический лагерь, представляется совершенно естественным выходом для стран с негативным суверенитетом. Получение ими финансовой помощи из бюджета ЕС компенсировало их неспособность обеспечить необходимый объем социальной и инженерной инфраструктуры. Такое мирное поглощение намного предпочтительнее гражданских конфликтов, раскалывающих государства Африки, Ближнего и Среднего Востока. Тем не менее большие конфедерации – хрупкие политические образования. Например, легко смоделировать ситуацию, когда бывшие реципиенты финансовой помощи, создавшие необходимую инфраструктуру, достигшие высоких уровней ВВП и собираемости налогов, предпочтут выход из конфедерации вместо перехода к роли доноров. Для достижения устойчивости требуется выполнение ряда условий (один из вариантов, который обсуждался в ЕС, – переход к «Европе регионов» с резким усилением центральной власти).

Естественно, что страны с негативным суверенитетом, стремящиеся к максимизации финансовой помощи, будут пытаться войти в те или иные союзы и коалиции, предоставляющие обещание такой помощи. «Торговля суверенитетом» в таких случаях представляет собой обычную международную практику. Проблема, которая возникает в связи с этим, также хорошо известна в институциональной экономической теории. Это оппортунистическое поведение правительств, максимизирующих краткосрочные выгоды от таких союзов. Учитывая то, что географическое расположение юрисдикций остается постоянным, такое поведение создает острые противоречия между странами с позитивным суверенитетом, на которых и пытаются играть оппортунистические элиты (Олсон, 1995, 2013).

Взгляд через призму демократии кредиторов на международные отношения показывает, что высокий государственный долг существенно меняет политическую ситуацию. В ситуации низкой инфляции и низких процентных ставок в Европейском союзе, США, Японии и у их союзников такой долг можно игнорировать, и тогда геополитическую ориентацию государств со средним и низким доходом на богатые западные страны следует признать вполне рациональным поведением. Однако все резко может поменяться в условиях сильных экзогенных шоков. В 1970-х гг. таким шоком стал энергетический кризис, который в свою очередь был результатом очередного арабо-израильского конфликта. По-видимому, риски таких шоков в 2020-х гг. постепенно возрастают.

Следует отметить, однако, что объем мирового долга уже давно превысил объем мирового ВВП. В рамках плохих сценариев возможен целый ряд дефолтов с последующим неизбежным общим неравномерным распределением сокращения производства общественных благ. Вероятно, в таком случае у экономистов возрастет интерес и к старым консервативным теориям, рекомендующим избегать дефицитных бюджетов. Но пока, как нам представляется, до этого еще очень далеко.

Список литературы

Баранов, А. В. (2023). Тенденции преодоления кризиса Народной партии Испании (2018–2022 гг.) в контексте электоральных процессов. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения, 28(3). 104–114. EDN: CXDJMI. DOI: 10.15688/jvolsu4.2023.3.10

Бахтизин, А. Р. (2024). Расчет последствий реализации новых решений и антикризисных мер в условиях продолжающейся мировой фрагментации. *Научные труды ВЭО России*, 248(4), 66–84. EDN: AQKCSN. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-66-84

Берг, У. (2018). *Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма*. Москва: Ад Маргинем Пресс. EDN: VKMMEL

Бьюкенен, Дж. М. (1997). Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. *Сочинения*. Москва: Таурус Альфа.

Генри, Дж. (2007). Иллюзия списания долга. В кн. С. Хайат (ред.), *Игры экономических убийц* (с. 443–536). Москва: Претекст.

Голдстоун, Дж. (2017). *Революции: очень краткое введение*. Москва: Изд-во Института Гайдара.

- Григорьев, Л. М. (2024). Ключевые проблемы долгосрочного роста американской экономики. *Современная мировая экономика*, 2(3). 8–26. EDN: EDOOJL. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-3-8-26
- Гуселетов, Б. П. (2023). Италия: парламентские выборы – 2022 и перспективы взаимоотношений с Россией. *Наука. Культура. Общество*, 29(1), 103–115. EDN: GBJVKY. DOI: 10.19181/nko.2023.29.1.8
- Кейнс, Дж. М. (2022). *Общая теория занятости, процента и денег*. Москва: Эксмо.
- Крауч, К. (2012). *Странная не-смерть неолиберализма*. Москва: ИД «Дело» РАНХИГС. EDN: QOOHUD
- Маевский, В. И. (2024). О возможности таргетирования экономического роста: теоретический аспект. *AlterEconomics*, 21(2), 159–178. EDN: СВНХНН. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.1
- Мински Х. (2017). *Стабилизируя нестабильную экономику*. Москва: Изд-во Института Гайдара. EDN: ХНТИНР
- Молдин, Д., Теннер, Д. (2013). *Развязка. Конец долгового суперцикла и его последствия*. Москва: Манн, Иванов и Фербер.
- Обичкина, Е. О. (2019). Социально-политический кризис во Франции: «Желтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона. *Вестник МГИМО-Университета*, 2(65), 101–135. EDN: MQYPRK. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135
- Олсон, М. (1995). *Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп*. Москва: Фонд экономической инициативы.
- Олсон, М. (2013). *Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз*. Москва: Новое изд-во.
- Палачанин, И. А. (2023). Политическая борьба по вопросу «жесткого» Брекзита в период премьерства Терезы Мэй. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 1, 58–75. EDN: VSRVEB. DOI: 10.20542/afj-2023-1-58-75
- Саррацин, Т. (2015). *Европе не нужен евро*. Москва: АСТ.
- Тайдман, Т. Н., Таллок, Г. (2004). Новый и лучший процесс осуществления общественного выбора. В кн. А. П. Заостровцев (ред.), *Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор* (Т. 4). Санкт-Петербург: Экономическая школа.
- Улунян, А. А. (2024). Внешнеполитические ориентиры греческих политических партий (2015–2023 гг.): формирование новой реальности. *Власть*, 32(2), 223–233. EDN: КХЕJKN. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-2-223-233
- Харрингтон, Б. (2022). *Капитал без границ: управляющие частным капиталом и один процент*. Москва: Изд-во Института Гайдара.
- Хелд, Д. (2014). *Модели демократии*. Москва: Дело.
- Штрик, В. (2019). Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма. В сб. *Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно*. Москва: Издательский дом ВШЭ.
- Шумпетер, Й. (1982). *Теория экономического развития: Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры*. Москва: Прогресс.
- Шумпетер, Й. (2025). *Кризис налогового государства. Социология империализмов*. Москва: Издательский дом ВШЭ. EDN: CIJJTP. DOI: 10.17323/978-5-7598-2992-8
- Barro, R. J. (1974). Are Government Bonds Net Wealth? *Journal of Political Economy*, 82(6), 1095–1117. <https://doi.org/10.1086/260266>
- Barro, R. J. (1989). The Ricardian Approach to Budget Deficits. *Journal of Economic Perspectives*, 3(2), 37–54. <https://doi.org/10.1257/jep.3.2.37>
- Eggertsson, G. B., & Woodford, M. (2003). Optimal Monetary Policy in a Liquidity Trap. *National Bureau of Economic Research*. <https://doi.org/10.3386/W9968>
- Eichengreen, B., & Hausmann, R. (1999). Exchange Rates and Financial Fragility. *NBER Working Paper*, 7418.
- Fischer, S. (1980). *Rational Expectations and Economic Policy*. University of Chicago Press.
- Friedman, M. (1971). Government Revenue from Inflation. *Journal of Political Economy*, 79(4), 846–856. <http://dx.doi.org/10.1086/259791>
- Hoover, K. D. (1988). *The New Classical Macroeconomics: A Sceptical Inquiry*. Blackwell.
- International Monetary Fund. (2015, April). *World Economic Outlook: Uneven Growth: Short and Long-Term Factors*.
- International Monetary Fund. (2024). *Sustaining the recovery: IMF annual report 2024*.
- Jackson, R. (1990). *Quasi-States: Sovereignty, International Relations, and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511559020>
- Kavanagh, D. (2018). Brexit, the Conservatives and the General Election 2017. *Revue Française de Civilisation Britannique*. XXIII-2. <https://doi.org/10.4000/rfcb.2085>
- Lucas, R. Jr. (1972). Expectations and the neutrality of money. *Journal of Economic Theory*, 4(2), 103–124. [https://doi.org/10.1016/0022-0531\(72\)90142-1](https://doi.org/10.1016/0022-0531(72)90142-1)
- Miller, S. M. (1980). Dynamic monetary and fiscal policy and the government budget constraint: A growth equilibrium. *Journal of Macroeconomics*, 2(3), 199–212. [https://doi.org/10.1016/0164-0704\(80\)90015-4](https://doi.org/10.1016/0164-0704(80)90015-4)
- Sachs, J. (1989). The Debt Overhang of Developing Countries. In G. Calvo (ed.), *Debt, stabilization and development. Essays in memory of Carlos Díaz-Alejandro* (pp. 80–102). Blackwell.
- Sargent, Th. J. (1986). *Rational Expectations and Inflation*. Harper and Row.
- Schumpeter, J. (1939). *Business Cycles. A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. McGraw-Hill Book Company.

- Taylor, J. B. (1993). Discretion versus policy rules in practice. In *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, 39, 195–214. [https://doi.org/10.1016/0167-2231\(93\)90009-L](https://doi.org/10.1016/0167-2231(93)90009-L)
- Tilly, C. (1975). Reflections on the History of European State-Making. In C. Tilly (ed.), *The Formation of National States in Western Europe* (pp. 3–83). Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Timoshenkova, E. P. (2022). Angela Merkel's Leadership Lessons: The Secret of Political Longevity (2013–2021). *Her. Russ. Acad. Sci.*, 92(2), S119–S125. <https://doi.org/10.1134/S1019331622080111>
- United Nations. (2025). *Least Developed Country Category*. UN Department of Economic and Social Affairs. <https://www.un.org/development/desa/dpad/least-developed-country-category.html>
- Vasilopoulou, S., Halikiopoulou, D., & Exadaktylos, Th. (2014). Greece in Crisis: Austerity, Populism and the Politics of Blame. *Journal of Common Market Studies*, 52(2), 388–402. <https://doi.org/10.1111/jcms.12093>

References

- Bakhtizin, A. R. (2024). Calculating the consequences of implementing new solutions and anti-crisis measures in the context of ongoing global fragmentation. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 248(4), 66–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-248-4-66-84>
- Baranov, A. V. (2023). Trends in Overcoming the Crisis of the People's Party of Spain (2018–2022) in the Context of Electoral Processes. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 28(3), 104–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.10>
- Barro, R. J. (1974). Are Government Bonds Net Wealth? *Journal of Political Economy*, 82(6), 1095–1117. <https://doi.org/10.1086/260266>
- Barro, R. J. (1989). The Ricardian Approach to Budget Deficits. *Journal of Economic Perspectives*, 3(2), 37–54. <https://doi.org/10.1257/jep.3.2.37>
- Bjerg, U. (2018). *Making Money. The Philosophy of Crisis Capitalism*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.).
- Buchanan, J. M. (1997). Constitutional Political Economy. The Calculus of Consent. The Limits of Liberty. *Works*. Moscow: Taurus Alpha. (In Russ.).
- Crouch, K. (2012). *The strange non-death of neoliberalism*. Moscow: ID Delo RANEPa. (In Russ.).
- Eggertsson, G. B., & Woodford, M. (2003). Optimal Monetary Policy in a Liquidity Trap. *National Bureau of Economic Research*. <https://doi.org/10.3386/W9968>
- Eichengreen, B., & Hausmann, R. (1999). Exchange Rates and Financial Fragility. *NBER Working Paper*, 7418.
- Fischer, S. (1980). *Rational Expectations and Economic Policy*. University of Chicago Press.
- Friedman, M. (1971). Government Revenue from Inflation. *Journal of Political Economy*, 79(4), 846–856. <http://dx.doi.org/10.1086/259791>
- Goldstone, J. (2017). *Revolutions: A Very Short Introduction*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).
- Grigoryev, L. M. (2024). Key Challenges to the Long-Term Growth of the US Economy. *Contemporary World Economy*, 2(3), 8–26. <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-3-8-26> (In Russ.).
- Guseletov, B. P. (2023). Italy: Parliamentary Elections – 2022 and Prospects for Relations with Russia. *Science. Culture. Society*, 29(1), 103–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.8>
- Harrington, B. (2022). *Capital Without Borders: Wealth Managers and the One Percent*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).
- Held, D. (2014). *Models of Democracy*. Moscow: Delo. (In Russ.).
- Henry, J. (2007). Illusion of debt cancelling. In S. Hyatt (ed.), *A game as old as empire* (pp. 443–536). Moscow: Pretext. (In Russ.).
- Hoover, K. D. (1988). *The New Classical Macroeconomics: A Sceptical Inquiry*. Blackwell.
- International Monetary Fund. (2015, April). *World Economic Outlook: Uneven Growth: Short and Long-Term Factors*.
- International Monetary Fund. (2024). *Sustaining the recovery: IMF annual report 2024*.
- Jackson, R. (1990). *Quasi-States: Sovereignty, International Relations, and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511559020>
- Kavanagh, D. (2018). Brexit, the Conservatives and the General Election 2017. *Revue Française de Civilisation Britannique*. XXIII-2. <https://doi.org/10.4000/rfcb.2085>
- Keynes, J. M. (2022). *The General Theory of Employment, Interest, and Money*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
- Lucas, R. Jr. (1972). Expectations and the neutrality of money. *Journal of Economic Theory*, 4(2), 103–124. [https://doi.org/10.1016/0022-0531\(72\)90142-1](https://doi.org/10.1016/0022-0531(72)90142-1)
- Maevsky, V. I. (2024). The possibility of targeting economic growth: theoretical aspect. *AlterEconomics*, 21(2), 159–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.1>
- Mauldin, D., & Tenner, D. (2013). *Endgame: The End of the Debt SuperCycle and How It Changes Everything*. Moscow: Mann, Ivanov, and Ferber. (In Russ.).
- Miller, S. M. (1980). Dynamic monetary and fiscal policy and the government budget constraint: A growth equilibrium. *Journal of Macroeconomics*, 2(3), 199–212. [https://doi.org/10.1016/0164-0704\(80\)90015-4](https://doi.org/10.1016/0164-0704(80)90015-4)

- Minsky, H. (2017). *Stabilizing the unstable economy*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).
- Obichkina, E. O. (2019). Political crisis in France: "gilets jaunes" and the end of the "first period" of the Emmanuel Macron's governance. *MGIMO Review of International Relations*, 2(65), 101–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135>
- Olson, M. (1995). *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Moscow: Foundation for Economic Initiative. (In Russ.).
- Olson, M. (2013). *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities*. Moscow: Novoye Izd-vo. (In Russ.).
- Palachanin, I. A. (2023). The political struggle with the issue of a 'hard' Brexit during Theresa May premiership. Analysis and Forecast. *Analiz i Prognoz. IMEMO RAS Journal*, 1, 58–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/afij-2023-1-58-75>
- Sachs, J. (1989). The Debt Overhang of Developing Countries. In G. Calvo (ed.), *Debt, stabilization and development. Essays in memory of Carlos Díaz-Alejandro* (pp. 80–102). Blackwell.
- Sargent, Th. J. (1986). *Rational Expectations and Inflation*. Harper and Row.
- Sarrazin, T. (2015). *Europe Doesn't Need the Euro*. Moscow: AST. (In Russ.).
- Schumpeter, J. (1939). *Business Cycles. A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. McGraw-Hill Book Company.
- Schumpeter, J. (1982). *The Theory of economic development: An inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Schumpeter, J. (2025). *The Crisis of the Tax State. The Sociology of Imperialisms*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.).
- Shtreeck, W. (2019). Buying Time. The Delayed Crisis of Democratic Capitalism. In *A series of lectures at Frankfurt Readings in memory of Adorno*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.).
- Taylor, J. B. (1993). Discretion versus policy rules in practice. In *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, 39, 195–214. [https://doi.org/10.1016/0167-2231\(93\)90009-L](https://doi.org/10.1016/0167-2231(93)90009-L)
- Tideman, T. N., Tullock, G. (2004). A New and Superior Process for Making Social Choices. In A. P. Zaostrovsev (ed.), *Milestones of economic thought. Welfare economy and public choice* (Vol. 4). Saint Petersburg: Economic School. (In Russ.).
- Tilly, C. (1975). Reflections on the History of European State-Making. In C. Tilly (ed.), *The Formation of National States in Western Europe* (pp. 3–83). Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Timoshenkova, E. P. (2022). Angela Merkel's Leadership Lessons: The Secret of Political Longevity (2013–2021). *Her. Russ. Acad. Sci.*, 92(2), S119–S125. <https://doi.org/10.1134/S1019331622080111>
- Ulunyan, A. A. (2024). Foreign policy guidelines of Greek political parties (2015–2023): The birth of a new reality. *The Authority*, 32(2), 223–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-2-223-233>
- United Nations. (2025). *Least Developed Country Category*. UN Department of Economic and Social Affairs. <https://www.un.org/development/desa/dpad/least-developed-country-category.html>
- Vasilopoulou, S., Halikiopoulou, D., & Exadaktylos, Th. (2014). Greece in Crisis: Austerity, Populism and the Politics of Blame. *Journal of Common Market Studies*, 52(2), 388–402. <https://doi.org/10.1111/jcms.12093>

Вклад авторов

И. С. Букина выполнила сбор данных, их обработку и статистические расчеты.
П. А. Ореховский выполнил методическое руководство исследованием, подготовил введение, обзор литературы, обсуждение результатов и заключение.

Authors' contributions

I. S. Bukina performed data collection, processing, and statistical calculations.
P. A. Orekhovskiy provided methodological supervision of the study, prepared an introduction, a literature review, a discussion of the results, and a conclusion.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 23.09.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 25.10.2025

Дата принятия в печать / Accepted 25.10.2025

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.723-737>

УДК / UDC 330.1:336.7:338.2:338.45(510)

JEL: B52, E5, G21, L38, L5, O14, O25, O53, R58

А. И. Волынский¹¹ Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

Банковский сектор КНР как инструмент реализации стратегий промышленной политики: институциональный аспект

Волынский Андрей Игоревич, научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук

E-mail: ava3003@hotmail.comORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>

eLIBRARY SPIN-код: 1255-0666

Аннотация

Цель: определение институциональных механизмов реализации стратегий и мер промышленной политики Китайской Народной Республики посредством влияния на банковский сектор страны.

Методы: качественные методы, метод историзма, сравнительно-сопоставительный, обобщение.

Результаты: выявлены институциональные механизмы, способствующие вовлечению банковского сектора КНР в процесс реализации стратегий, программ и мер промышленной политики Китая. В разработке направлений промышленной политики руководство КНР опирается в большей степени на меры стимулирования развития стратегически значимых отраслей промышленности посредством предоставления различных льгот, субсидий, а также упрощения доступа к получению банковских кредитов. Институциональные механизмы влияния правительства КНР на принятие коммерческими банками решений по выдаче кредитов приоритетным отраслям выстроены в логике партии ленинского типа: реальным центром принятия стратегических решений социально-экономического и политического развития страны является партия, реализующая свое видение стратегий развития через формальные и неформальные институты партийного контроля над политическими и экономическими институтами.

Научная новизна: определены институциональные механизмы влияния государственных и партийных институтов власти КНР на банковский сектор страны. Показано, что система регулирования банковского сектора КНР и деятельности его крупнейших банков включает механизм партийного влияния, при котором руководители банков одновременно занимают ключевые должности в партийных структурах.

Практическая значимость: выводы полезны для преподавания курсов по институциональной экономике, страноведению и промышленной политике, а также для адаптации китайского опыта в условиях санкций для российской экономики.

Ключевые слова:

экономическая теория, промышленная политика КНР, банковская система КНР, институциональная среда Китая, экономическое планирование КНР, «Сделано в Китае 2025», влияние КПК на экономику, партийное государство ленинского типа, новая структурная экономика Китая

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Волынский, А. И. (2025). Банковский сектор КНР как инструмент реализации стратегий промышленной политики: институциональный аспект. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 723–737. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.723-737>

Scientific article

A. I. Volynskii¹

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

China's banking sector as a tool for implementing industrial policy strategies: an institutional aspect

Andrei I. Volynskii, Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
E-mail: ava3003@hotmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>
eLIBRARY SPIN-code: 1255-0666

Abstract

Objective: to identify institutional mechanisms for the implementation of industrial policy strategies and measures of the People's Republic of China by influencing the country's banking sector.

Methods: qualitative methods, the method of historicism, comparison, generalization.

Results: institutional mechanisms were identified that facilitate the involvement of the Chinese banking sector in the implementation of strategies, programs and measures of China's industrial policy. In developing industrial policy directions, the Chinese leadership mostly relies on measures to stimulate the development of strategically important industries through the provision of various benefits, subsidies, and easier access to bank loans. The institutional mechanisms of the Chinese government's influence on commercial banks' decisions on granting loans to priority industries are built in the logic of the Leninist-type party; it is the real center of strategic decision-making for the country's socio-economic and political development. It implements its vision of development strategies through formal and informal institutions of party control over political and economic institutions.

Scientific novelty: the institutional mechanisms of influence of the PRC state and party institutions on the country's banking sector are identified. The research shows that the system of regulation of the banking sector in the People's Republic of China and the activities of its largest banks includes a mechanism of party influence, where bank managers simultaneously occupy key positions in party structures.

Practical significance: the findings are useful for teaching courses on institutional economics, regional studies and industrial policy, as well as for adapting the Chinese experience to the Russian economy in the face of sanctions.

Keywords:

economic theory, industrial policy of the People's Republic of China, banking system of the People's Republic of China, institutional environment of China, economic planning in the People's Republic of China, "Made in China 2025", influence of the CPC on the economy, Leninist-type party state, new structural economy of China

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Volynskii, A. I. (2025). China's banking sector as a tool for implementing industrial policy strategies: an institutional aspect. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 723–737. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.723-737>

Введение

Промышленная политика Китайской Народной Республики (далее – КНР) – предмет многочисленных исследований и дискуссий как в академическом, так и в политическом контекстах. Интерес к теме многогранен и, с одной стороны, вызван общим мировым ренессансом идеи промышленной политики как таковой (Millot & Rawdanowicz, 2024), а с другой – пользующейся популярностью как в западном академическом, так и политическом дискурсах идее о том, что китайская стратегия реализации промышленной политики несет существенные риски для внешних рынков посредством искусственного создания избыточного предложения товаров (Autor et al., 2021).

Интерес российских исследователей к проблеме китайской промышленной политики имеет иную природу и укладывается в идею «заимствования китайского опыта» промышленной политики в ситуации, когда российская экономика столкнулась с необходимостью импортозамещения (Капогузов и др., 2025; Рогатных, Звезднов, 2024. С. 43–44). Попытка извлечь из китайского опыта рецепты успеха для российской экономики не должна ограничиваться исследованием механизмов и мер поддержки, таких как государственные субсидии отраслям и формальные механизмы поддержки. Необходимо учитывать и неформальные механизмы, а в более широком смысле – весь контекст институциональной среды КНР: и то, как формируются стратегии промышленной политики, и то, как они реализуются не только на уровне формальных механизмов поддержки, но и на уровне неформальных практик, а также политических мер координации экономической деятельности в стране. Понимание различий между российской и китайской политическими реальностями позволит более корректно оценивать перспективы имплементации китайского опыта в российскую среду.

Цель данной статьи – определение политических механизмов реализации стратегий промышленной политики в КНР. Мы исходим из гипотезы партийного фактора как основного механизма координации экономической деятельности в КНР на макроуровне и реализации стратегий промышленной политики: Коммунистическая партия Китая (далее – КПК) выступает и как центр формирования экономических стратегий, и как политический механизм реализации стратегий. В качестве объекта исследования нами выбрана банковская система КНР. Кредитные механизмы как в КНР, так и в большинстве мировых экономик стали в ряд ключевых инструментов реализации стратегий промышленной политики (Juhász et al., 2023. Рр. 39–40). Механизм вовлечения банковской системы страны в реализацию стратегий промышленной политики – открытый вопрос как для исследователей, так и для политиков. Китайский опыт в этом смысле специфичен и требует отдельного исследования.

В первой части исследования мы рассмотрим существующие в мировой исследовательской литературе определения понятия «промышленная политика», часть которых может сформировать исследовательское поле представленного исследования, находящееся на пересечении экономики и политологии. Во второй части обратимся к дискурсу промышленной политики Китая. В третьей – рассмотрим действующие в КНР механизмы экономического планирования через призму понятия партийного государства ленинского типа. Далее обратимся к определению банковского сектора КНР как инструмента реализации стратегий промышленной политики в КНР и подведем итоги исследования.

Результаты исследования

Промышленная политика: переплетая политику и экономику

Промышленная политика (*Industrial policy*) в большинстве случаев определяется исследователями как политика правительства по поддержке отдельных отраслей промышленности и/или отдельных предприятий. Именно такое определение мы находим в докладе Международного валютного фонда (МВФ): «Целенаправленное вмешательство правительства (“вертикальная политика”), направленное на поддержку конкретных отечественных фирм, отраслей промышленности или узко определенной экономической деятельности для достижения определенных национальных (экономических или неэкономических) целей» (International Monetary Fund, 2024b. Р. 4). Важным в рамках нашего исследования пунктом в приведенном определении является указание на возможный неэкономический характер преследуемых целей: логика формирования стратегий промышленной политики на уровне политических акторов, а не экономических агентов предопределяет переплетение как мотивов экономической рациональности, так и политической целесообразности. Что же понимать под политической целесообразностью, зависит от самих авторов стратегий. В других определениях характер целей, преследуемых целенаправленным вмешательством правительства в экономику посредством реализации мер промышленной политики, конкретизируется в «преобразовании структуры экономической деятельности в достижении какой-то общественной цели» (Juhász et al., 2023. Р. 4), устранении провалов рынка, посредством реформирования производственной структуры национальной экономики (Chang, 2022)¹.

¹ Spence, M. (2023). In Defense of Industrial Policy. Project Syndicate. <https://www.project-syndicate.org/commentary/industrial-policy-us-chips-and-science-act-debate-by-michael-spence-2023-05>

В российской традиции тематику промышленной политики не принято политизировать: как правило, она рассматривается как комплекс принимаемых на уровне государственного управления (федерального и регионального) мер, направленных на структурную модернизацию российской промышленности (подробный обзор темы см. (Мураев, 2025)). В Законе «О промышленной политике в Российской Федерации» она определяется как «комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала Российской Федерации, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции»². Однако более широкий контекст, формируемый такими понятиями, как «национальные интересы» и «стратегические национальные приоритеты», дает другой документ – Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, значительное внимание в котором уделено развитию и модернизации промышленности³.

В американской практике, напротив, политизация более очевидна. Так, в «Законе о чипах и науке» (*CHIPS and Science Act*) от 2022 г. – одном из ключевых законодательных актов, принятых в США в последние годы, напрямую относящихся к промышленной политике, сказано, что экономические агенты, связанные с КНР, должны попадать под ограничения⁴. Сформулированная Европейской комиссией стратегия индустриальной политики в первой части документа артикулирует политический контекст необходимости целенаправленной реализации мер промышленной политики. «Потребность в том, чтобы Европа подтвердила свой голос, отстаивала свои ценности и боролась за равные условия, важнее, чем когда-либо. Это касается суверенитета Европы», – говорится в первой части документа⁵.

Приведением существующих определений мы стремимся показать переплетение политического и экономического мотивов в формулировании стратегий промышленной политики: как в тексте Европейской комиссии, так и в Законе о чипах и науке отправными точками выступают обеспечение суверенитета, борьба за ценности и противостояние внешнему геополитическому конкуренту. Будучи порождением политического, промышленная политика и реализуется посредством политического выбора: «мы продвигаем X, но не Y» (Juhász et al., 2023. P. 4). Иными словами, реализующая стратегии промышленной политики бюрократия совершает выбор в пользу поддержки одной отрасли и/или предприятия в ущерб другой, что само по себе носит политический оттенок. Однако если мы исходим из того, что промышленная политика в части формирования стратегии – политическое событие, то возникают вопросы о характере реализации принятых стратегий и рисков. Формально исследователи темы под мерами промышленной политики понимают использование набора экономических инструментов. Так, в базе данных проекта «Обсерватория новой промышленной политики» (*New Industrial Policy Observatory, NIPO*) выделяется 66 типов инструментов промышленной политики, среди которых субсидирование отдельных отраслей и предприятий, снижение налоговой нагрузки, предоставление льготных кредитов, а также введение заградительных таможенных барьеров и мер экспортного контроля⁶. МВФ дополняет таксономию инструментов промышленной политики, во-первых, инструментами привлечения ПИИ в экономику, особенно посредством создания специальных экономических зон, а также такими инструментами непрямого влияния, как социальная политика и политика в сфере образования. Государственные предприятия также оцениваются МВФ как инструмент проведения промышленной политики (International Monetary Fund, 2024b. Pp. 8–9). Неформальной стороной вопроса остается процесс использования любого из указанных инструментов: промышленная политика сужает власть рынка, а власть бюрократии и конкретных людей, наделенных возможностью принятия решений, напротив, расширяет. Существенным в данном случае

² О промышленной политике в Российской Федерации. № 488-ФЗ от 31.12.2014. (2015). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/

³ Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021. (2021). Консультант плюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

⁴ H.R.4346 – CHIPS and Science Act 117th Congress (2021–2022). Congress.GOV. <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346/text>

⁵ Communication from the commission. A New Industrial Strategy for Europe. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020DC0102>

⁶ The New Industrial Policy Observatory 2.0 (NIPO 2.0). Methodological note (p. 5). Global Trade Alert. <https://www.globaltradealert.org/reports/112>

вопросом становится институциональная среда национальной экономики⁷ со своей устоявшейся системой процедур принятия и реализации решений, политических согласований и определения карьерных треков людей, принимающих решения.

В странах Запада идея промышленной политики сталкивается в этом смысле с несколькими фундаментальными проблемами: поскольку цели стратегий промышленной политики вырастают из нормативных политических суждений, в их формулировании и реализации возникает фундаментальное противоречие между технократическим расчетом и его политической легитимацией с точки зрения политических акторов (главным образом партий), конкурирующих друг с другом в рамках электоральных циклов. Вторая структурная и общая для более широкого круга стран проблема – согласование политики и принимаемых мер между акторами, наделенными разными полномочиями и обладающими разнонаправленными интересами (Coyle, 2024. Р. 727). В этом смысле Китай может быть рассмотрен как пример страны, в которой проблема зависимости политических соображений в формировании стратегий промышленной политики от электоральных циклов и проблема координации разнородных экономических и политических агентов нивелирована за счет институциональных особенностей существующей политической системы.

Дискурс вокруг промышленной политики Китая

Российская научная среда демонстрирует интерес к изучению промышленной политики КНР. Часть авторов сводит анализ к выводу о значительных позитивных результатах реализации правительством КНР стратегий промышленной политики. В этом случае фокус исследования приходится на изучение китайской промышленной политики в глубокой исторической ретроспективе: описанию того, какой путь прошла экономика КНР в последние десятилетия посредством повторения китайских официальных идеологических нарративов о построении среднезажиточного общества⁸. К числу таких работ можно отнести, например, труд Сосковой с соавт. (2024): в посвященном особенностям развития промышленной политики КНР исследовании авторы делают вывод о том, что целенаправленная стратегия промышленной политики КНР позволила Китаю пройти за несколько десятилетий путь от страны с аграрной экономикой до статуса страны – мирового технологического лидера и построить общество сяокан (Соскова и др., 2024. С. 10–11).

Феноменальный рост китайской экономики в последние сорок лет позволяет как российским исследователям, так и китайским авторам русскоязычных статей писать о промышленной политике КНР, с одной стороны, ссылаясь на впечатляющие цифры китайского промышленного роста, с другой – опираясь на тезис об эффективности промышленной политики КНР как на аксиоматическое утверждение. Значительная часть российских исследований оказывается сведена к построению нарратива о китайском экономическом чуде и необходимости заимствовать китайский опыт (Андрианов, 2019; Ши, 2023; Головенчик и др., 2020; Сюэцзюнь, Тянь, 2018). Вторая группа российских публикаций – анализ реализации промышленной политики в отдельных отраслях китайской экономики, в том числе в ее региональном разрезе (Курудимов, 2023; Зубец, 2025; Ма, 2023; Епихина, 2021).

Переход к исследованию принципов и институциональных механизмов реализации стратегий промышленной политики реализован в работе Данилина (2024): в ней автор прослеживает эволюцию стратегий промышленной политики КНР от опоры на возвращение крупных передовых предприятий так называемых национальных чемпионов⁹ до широкой поддержки малых и средних предприятий, что объясняется факторами

⁷ То, что институты имеют значение, разумеется, не является новостью для экономической науки. И исследования промышленной политики в разных странах это лишний раз доказывают: так, исследование промышленной политики в Эфиопии показало, что меры финансового стимулирования не достигают своей цели ввиду низкого качества институтов (Gebrewolde & Rockey, 2022), однако в данном случае мы предполагаем выйти за рамки оценки качества институтов, принятой в мировой исследовательской практике.

⁸ Общество среднего достатка (сяокан, 小康社会) – изначально конфуцианский термин, был актуализирован Дэн Сяопином в начале 1980-х гг. в качестве характеристики одной из целей политики реформ и открытости и составляющей более широкой идеологии социализма с китайской спецификой (Панцов, 2013. С. 423).

⁹ Под «национальными чемпионами» (国家冠军企业) применительно к китайской экономике понимаются крупные, как правило, государственные корпорации, чье развитие было простимулировано китайскими правительством с целью вывода компании в мировые лидеры в определенной стратегически значимой отрасли. Среди мер стимулирования – доступ к государственным заказам, упрощенный доступ к получению кредитов, иные меры субсидирования. «Национальные чемпионы» рассматриваются часто как инструменты промышленной политики КНР (Melnik, 2019).

внешнего санкционного давления и растущих геополитических рисков: крупные китайские корпорации, как показывает опыт, зачастую становятся легкой санкционной мишенью. Более широкую теоретическую перспективу анализа промышленной политики КНР дает П. М. Мозиас, приводя обзор как китайской, так и западной литературы по теории промышленной политики и указывая на разницу в теоретических установках (Мозиас, 2024): если в представлениях китайских авторов промышленная политика КНР дала толчок китайской экономике, то западные исследователи склонны делать упор на несовершенство самой идеи активного проведения промышленной политики в Китае, приводящего к дисбалансам в структуре национальной экономики.

Англоязычные исследования промышленной политики в Китае выдержаны в менее положительной тональности. Критический настрой авторов связан с двумя факторами. Во-первых, сказывается по-прежнему оказывающее влияние на экономическое сообщество неприятие самой идеи промышленной политики, которая все еще является «политикой, имя которой не называют» (*the Policy That Shall Not Be Named*) (Cherif & Hasanov, 2019), понятие, за которым тянется шлейф отрицательных исторических коннотаций. Впрочем, в направлении пересмотра сложившегося паттерна восприятия промышленной политики как априори провальной происходят существенные подвижки. Учитывая, что в последние годы правительства развитых стран чаще развивающихся прибегают к мерам промышленной политики (Evenett et al., 2024. P. 7), западные экономисты не могут не обращаться к созданию иного, теперь уже положительного дискурса промышленной политики. Так, в исследовании Juhász et al. (2023) показано, что история знала множество примеров того, как активное проведение промышленной политики способствовало экономическому развитию. Важна, таким образом, не сама идея промышленной политики как таковой, а стратегии ее реализации: какие поставлены задачи и какие механизмы их достижения задействованы (Juhász et al., 2023). Фокус смещается с вопроса о том, насколько оправдано государственное вмешательство в промышленное развитие, направленное на переформатирование структуры национальной экономики, на то, какие меры промышленной политики и механизмы их применения эффективны, а какие нет. Промышленная политика может быть результативной и в развитых, и в развивающихся экономиках (Oqubay, 2020), может способствовать структурной перестройке экономики и приносить долгосрочный экономический эффект (Choi & Levchenko, 2021; Lane, 2025), приближать к достижению целей устойчивого развития и декарбонизации национальных экономик (Allan & Nahm, 2025). Ключевым вопросом становится не «что» (прибегать ли вообще к стратегиям промышленной политики), а «как» их реализовывать (Mariotti, 2025; Bartelme et al., 2025).

Второй фактор, определяющий становление преимущественно негативной рамки анализа промышленной политики КНР западными учеными, – доминирующее представление о нерыночном характере китайской экономики, что, с одной стороны, приводит к неэффективной аллокации ресурсов внутри самой китайской экономики, с другой – к волнам «китайского торгового шока» (*China trade shock*): с точки зрения западных экономистов и политиков стратегия китайского правительства по субсидированию строительства заводов в стране и наращивания инвестирования в основные фонды приводит к созданию избыточных производственных мощностей, что обеспечивает потоки дешевых товаров из Китая, а это уже угрожает целым отраслям в странах с рыночными экономиками¹⁰. Отправная точка аргументации: Китай – нерыночная экономика¹¹, в которой у правительства есть ресурсы для формирования ценовых искажений на конечную произведенную продукцию, что подрывает рыночную конкуренцию в мировой экономике. Так, Barwick с соавт. (2025) на примере судостроительной отрасли КНР показывают, что субсидирование ее развития правительством привело к снижению доходности в отрасли: появление значительного числа судостроительных верфей обернулось ценовой конкуренцией на рынке, что снизило доходность предприятий. В докладе немецкого *Mercator Institute for China Studies (MERICS)* наиболее приоритетизуемые правительством КНР отрасли китайской промышленности, такие как производство солнечных панелей, полупроводников, рассматриваются через призму понятия избыточных производственных мощностей, а драйвером избыточного роста в большинстве случаев называется реализация мер промышленной политики КНР¹². В докладе Международного валютного фонда (МВФ) по Китаю за 2024 г. авторы дают прямую

¹⁰ Casselman, B. (2025). The 'China Shock' Offers a Lesson. It Isn't the One Trump Has Learned. The New York Times. <https://www.nytimes.com/2025/04/11/business/economy/tariffs-trump-china-shock.html>

¹¹ China's Status as a Nonmarket Economy (NME). Congress.GOV. <https://www.congress.gov/crs-product/IF10385>

¹² Gunter, J., Brown, A., Chimits, F., Hmaid, A., Vasselier, A., & Zenglein, M. J. (2025). Beyond Overcapacity: Chinese-Style Modernization and the Clash of Economic Models. MERICS. <https://merics.org/en/report/beyond-overcapacity-chinese-style-modernization-and-clash-economic-models>

рекомендацию Китаю снизить интенсивность применения мер промышленной политики, стимулирующей дисбалансы в распределении ресурсов внутри страны и провоцирующей угрозу избыточного предложения для внешних рынков (International Monetary Fund, 2024a. P. 2). Альтернативный дискурс создают работы китайских авторов с китайскими аффилиациями, опубликованные в англоязычных журналах.

Так, в работе Nan с соавт. (2025) показано, что реализация программы «Сделано в Китае 2025» (中国制造 2025) в области робототехники способствовала развитию этой отрасли и внедрению робототехники на производствах. Авторы другого исследования (Zhou et al., 2025) заявляют о том, что активная реализация мер промышленной политики в КНР способствует не только развитию субсидируемых отраслей за счет роста крупных государственных предприятий, но и росту оптимизма среди частных интересов, привлечению частных инвестиций как в развиваемые государством отрасли, так и в соответствующие регионы. А это положительно сказывается на малых и средних предприятиях, напрямую не связанных с государственной поддержкой.

Внутрикитайский дискурс промышленной политики отчасти близок тому, что ретранслируется китайскими учеными вовне. Один из авторитетных в среде китайских экономистов авторов – Джастин Линь Ифу, бывший шеф-экономист Всемирного банка (2008–2012). Одна из его ключевых и оказывающих на экономическую науку КНР концепций – новая структурная экономика (*New structural economics*). В его представлении структура национальной экономики и динамика ее развития зависят прежде всего от эндогенных факторов и определяются сравнительными преимуществами национальной экономики и структурой факторов производства. Однако, развивая эту теоретическую рамку, он делает важный шаг вперед: если страна будет опираться исключительно на сравнительные преимущества, для нее окажется закрыта возможность качественной структурной трансформации экономики, а это создаст условия для попадания страны в «ловушку среднего дохода» (*Middle income trap*), когда по достижении определенного уровня развития потенциал экономического роста будет исчерпан, а конкурентные преимущества утрачены. Новый структурализм Линь Ифу проявляется в определении им роли государства: не отрицая роль рыночных механизмов, оно должно способствовать структурной трансформации национальной экономики путем создания «жесткой» (логистические пути, электросети и т. д.) и «мягкой» (развитие передовой системы национального образования) инфраструктуры, обеспечивать приток частных и иностранных инвестиций (Линь Ифу, 2010). Второй автор, повлиявший на формирование теоретической рамки рассмотрения промышленной политики китайскими исследователями, – Цай Фан, бывший вице-президент Китайской академии общественных наук, показавший в 2010-х гг., что КНР находится на пороге исчерпания демографического дивиденда, а значит, и исчерпания своего основного сравнительного преимущества – дешевой рабочей силы. Выход из ситуации Цай Фан увидел в повышении производительности труда посредством развития системы образования и инвестиций в современные технологии, что невозможно без активной роли государства как инвестора (Цай Фан, 2013). Фактически оба автора пришли к выводу о том, что инновации должны стать новым ядром роста экономики КНР, но для развития инноваций необходима целенаправленная политика по структурной трансформации экономики КНР.

Необходимость структурной трансформации китайской экономики в силу исчерпания прежних ресурсов роста обрела в работах китайских авторов и конкретную цель: восхождение по цепочке добавленной стоимости (Лу Бин, 2012), для чего необходима глубокая модернизация промышленности и создание собственных технологий и технологических стандартов. Однако, несмотря на наличие определенной интеллектуальной традиции научной легитимации промышленной политики, китайские авторы все же признают и существующие риски, и сложности в реализации мер промышленной политики. Так, даже китайские авторы пишут о риске возникновения избыточных мощностей (Чэн Цзюньцзе, 2015). В последние же годы в рамках изучения проблем реализации промышленной политики актуализируется концепция Яноша Корнаи о мягких бюджетных ограничениях (Kornai, 1986): эффекта, свойственного плановым экономикам и экономикам со значительным государственным участием, при котором агенты, принимая решения, связанные с финансовыми рисками, исходят из ожидания оказания им финансовой помощи со стороны государства. Так, авторы статьи (Ду Тунвэй и др., 2020) пишут о росте скрытых долгов провинций, отчасти простимулированном стратегией реализации мер промышленной политики в КНР, когда главы провинций вступают в соревнование за достижение установленных целевых показателей. В других исследованиях (Го Юэ, 2018; Ху Хуншу, Ли Цзе, 2022) анализируется фактор мягких бюджетных ограничений в работе государственных предприятий и национальных чемпионов, включающихся в гонку по привлечению и освоению субсидий исходя из политических, но не экономических соображений.

Проблема мягких бюджетных ограничений в своем логическом развитии приводит к вопросу о механизмах реализации стратегий и программ промышленной политики в КНР. Поскольку сама идея промышленной политики тесно переплетает экономику с вопросами политического развития стран (от понимания проблем национальной безопасности и национального суверенитета в экономической схеме до свойственных той или иной системе национальной экономики политических механизмов вовлечения экономических агентов в реализацию мер промышленной политики), рассмотрение политических и институциональных механизмов имплементации мер промышленной политики в разных национальных экономиках представляется актуальной исследовательской задачей. Как будет показано далее, одним из ключевых каналов реализации в КНР мер промышленной политики является банковская система: посредством выдачи льготных кредитов предприятиям (в том числе национальным чемпионам), работающим в приоритетных отраслях промышленности, обеспечивается стимулирование развития этих отраслей. Однако выдающие кредиты банки относятся к категории коммерческих, поэтому вопрос механизмов влияния правительства на принятие банками КНР необходимых кредитных решений остается открытым.

Механизмы экономического планирования в КНР: партийное государство ленинского типа в действии

При анализе политической системы КНР исследователи часто обращаются к терминологии государства и партии ленинского типа. Соответствующая типология основывается на двух структурообразующих элементах: 1) наличии коммунистической партии как иерархически организованной вертикально интегрированной организации, основанной на принципах ленинского централизма¹³; 2) механизмах партийного контроля за политическими институтами страны как в политической сфере, так и сфере идеологии и распределения ресурсов. Формальная организация политической структуры КНР выстроена в логике сказанного выше: КПК – партия кадровых политиков, организация которой основана на ленинском принципе демократического централизма, а политическая система КНР предполагает реализацию партийного контроля над решением политических, экономических и социальных вопросов посредством механизмов экономического планирования и контроля над процессом кадровых назначений на руководящие должности в стране (обзор механизмов связи государства и партии в КНР см. (China's political system, 2017. Pp. 21, 46–153); о системе ротации партийных кадров в КНР, предполагающей сращивание партийных и гражданских карьерных треков при условии примата партийного трека, см. (Зуенко, 2017)).

Логика и политического, и идеологического механизмов реализации партийной власти в КНР такова, что вопрос определения стратегий экономического развития страны – один из ключевых. «Социалистический строй является основным строем КНР. Руководство со стороны КПК является самой сущностной особенностью социализма с китайской спецификой»¹⁴, говорится в основных принципах Конституции КНР. О функции централизованного экономического планирования говорится и в Уставе КПК¹⁵. Основным существующий механизм – пятилетнее планирование. Процесс разработки пятилетних планов включает несколько этапов сбора и анализа информации, подготовки предложений, обсуждений, согласований, принятия итогового документа и его имплементации. Участниками процесса становятся как профильные министерства и ведомства, так и научно-исследовательские институты, а основным модератором процесса выступает КПК¹⁶. Финалом широкого процесса общественных консультаций, включающих обсуждение проекта на онлайн-платформах¹⁷, становится принятие на проходящем осенью пленуме Центрального

¹³ Как пример современной рефлексии китайских исследователей ленинских принципов партийного строительства см. (Ying, 2025).

¹⁴ Конституция КНР в редакции 2018 г. Huanenet.com. <https://www.huanenet.com/ru/fl/2130.html>

¹⁵ Устав Коммунистической партии Китая (Утвержден с частичными поправками XX Всекитайским съездом КПК 22 октября 2022 года). Theory China. <https://ru.theorchina.org.cn/c/2022-10-27/1451725.shtml>

¹⁶ 中国五年规划是这样编制实施的 [Каким образом разрабатываются и реализуются пятилетние планы Китая]. CHINADAILY.COM.CN. <https://cn.chinadaily.com.cn/a/202508/01/WS688c6a86a3105a871d62d16c.html>

¹⁷ Xi Jinping. (2025). Using Medium- and Long-Term Plans to Guide China's Economic and Social Development Is a Key Governance Approach of Our Party. English Edition of Qiushi Journal. https://en.qstheory.cn/2025-09/15/c_1124058.htm

комитета (далее – ЦК) Коммунистической партии Китая предложений ЦК КПК по формированию пятилетнего плана, которые оформляются в итоговый документ, принимаемый весной следующего года на сессии Всекитайского собрания народных представителей – высшего органа государственной власти в стране. Помимо механизмов среднесрочного планирования, задействуются и механизмы долгосрочного планирования: так, осенью 2020 г. ЦК КПК выпустил предложения и по пятилетнему плану, и по долгосрочному видению развития страны до 2035 г.¹⁸

Руководящая линия партии прослеживается и в других стратегических документах. В постановлении Государственного совета КНР о программе «Сделано в Китае 2025» пункт о стратегических руководящих принципах начинается с утверждения о реализации линии партии¹⁹. Более свежий документ – «План развития национальной системы стандартизации», имеющий своей целью к 2035 г. сделать Китай мировым лидером по созданию технологических стандартов, применяемых и за пределами страны, выпущен совместно ЦК КПК и Госсоветом КНР²⁰.

Реализация принятых стратегий промышленной политики в КНР предполагает распределение задач между центральным и региональным уровнями, а также использование существующего набора инструментов экономического стимулирования: денежные и иные субсидии, налоговые льготы, банковские кредиты по льготным ставкам. Как показано García-Macia с соавт. (2025. P.11), в пересчете на проценты от ВВП КНР, на момент 2023 г. субсидируемые льготные кредиты составили накопленным итогом 0,4 % от ВВП, тогда как прямые денежные субсидии – 2 % от ВВП, а налоговые льготы – 1,5 %. Несмотря на такое соотношение, льготные кредиты остаются значимым инструментом реализации мер промышленной политики КНР. То, как распределяются коммерческими банками КНР кредиты целевым отраслям и предприятиям, зависит от существующих в КНР механизмов управления политикой и экономикой.

Банковский сектор как инструмент реализации стратегий промышленной политики в КНР: институциональные механизмы

Организация управления банковским сектором КНР представляет собой многоуровневую структуру. Формально функции регулятора банковской и страховой деятельности исполняет созданное в 2023 г. Государственное управление финансового регулирования (*National Administration of Financial Regulation*, кит. – 国家金融监督管理总局). Управление подчиняется Госсовету КНР, однако на сайте регулятора в числе функций управления первой упоминается реализация политики и решений ЦК КПК²¹. Государственному совету подчиняется и Народный банк Китая (*People's Bank of China*, кит. – 中国人民银行), центральный банк КНР, основной функцией которого является поддержание финансовой стабильности КНР. Очевидным инструментом поддержки промышленной политики являются так называемые политические банки КНР (*policy banks*): Государственный банк развития Китая (*China Development Bank, CDB*, 国家开发银行), экспортно-импортный банк Китая (Эксим-банк Китая, *The Export-Import Bank of China, CHEXIM*, 中国进出口银行), Банк сельскохозяйственного развития Китая (*The Agricultural Development Bank of China, ADBC*, 中国农业发展银行). Названия банков соответствуют профилю кредитуемых отраслей, они финансируются государством и подчиняются Госсовету КНР. Основная их функция – кредитование крупных инфраструктурных проектов на некоммерческих условиях. Несмотря на их политическое значение (Сербина, 2025), доля активов поли-

¹⁸ 中共中央关于制定国民经济和社会发展第十四个五年规划和二〇三五年远景目标的建议 [Предложения ЦК КПК по формированию четырнадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития и долгосрочных целей на 2035 год]. Сайт Госсовета КНР. http://www.gov.cn/zhengce/2020-11/03/content_5556991.htm

¹⁹ 国务院关于印发《中国制造2025》的通知 [Уведомление Государственного совета КНР о публикации стратегии «Сделано в Китае 2025». Сайт Госсовета КНР. https://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm

²⁰ 中共中央 国务院印发《国家标准化发展纲要》 [Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет опубликовали План развития национальной системы стандартизации]. Сайт Госсовета КНР. https://www.gov.cn/zhengce/2021-10/10/content_5641727.htm

²¹ National Financial Regulatory Administration. <https://www.nfra.gov.cn/en/view/pages/ItemList.html?itemId=974&itemTitle=About%20the%20NFRA>

тических банков не превышает 10 % ²². Поэтому большим инструментальным значением обладает сектор коммерческих банков, в котором доминируют крупные китайские государственные банки. Исследования поведения коммерческих банков не дают четкого ответа на вопрос о том, в какой мере и с какой скоростью их кредитные портфели подстраиваются под реалии стратегий промышленного развития КНР. В работе Ху (2024. Рр. 31–32) показано, что реакция банков неоднородна: для крупных банков колебания менее заметны, чем для банков более низкого уровня, хотя определенное влияние стратегий промышленной политики на кредитные решения крупных коммерческих банков также заметно. Какие механизмы влияния на банки оказываются задействованы? С одной стороны, как показывает исследование Ху (2024), получателями кредитов становятся государственные предприятия, функционирующие в приоритетных отраслях, и менеджмент банков исходит из того, что кредитные риски ниже в отраслях, поддерживаемых государством. С другой стороны, поддержка приоритетных отраслей становится для менеджмента банков важным политическим шагом для построения будущей карьеры. Партийное влияние на банковский сектор КНР институционально закреплено необходимостью создания организаций КПК в банках (как и в других компаниях), что определяется действующим Законом КНР «О компаниях»²³. Сращивание партийной и корпоративной структур в отдельных случаях может определяться людьми, находящимися в руководстве банков и совмещающих руководящие должности в банках с партийной карьерой. Так, глава Государственного управления финансового регулирования Ли Юньцзэ совмещает должности секретаря партийной организации управления и руководителя управления, а как член партии входит также в состав ЦК КПК²⁴. Председатель и исполнительный директор Банка Китая (*Bank of China*, кит. – 中国银行) Гэ Хайцзяо – секретарь партийного комитета банка²⁵; глава Китайского банка развития (*China Development Bank*, кит. – 国家开发银行) Чжао Хуань – секретарь партийной организации банка. Совмещение партийной и руководящих должностей и включенность банкиров в систему кадровой ротации (например, Гэ Хайцзяо до назначения в Банк Китая занимал руководящие должности в провинции Хэбэй) очевидным образом влияет на принимаемые государственными коммерческими банками решения.

Усиление с 2018 г. влияния КПК на корпоративный сектор, в том числе на банки, осмысливается китайскими авторами в положительном ключе. Возросшее партийное влияние на банки КНР и корпоративный сектор КНР снизило риски оппортунистического поведения при принятии менеджментом решений (Huang et al., 2024). Применительно к банкам снижение вероятности возникновения оппортунистического поведения среди менеджмента положительно влияет на качество кредитных портфелей банков и снижение рисков их банкротства (Wei et al., 2025). Как показывают авторы, банковский сектор КНР, в особенности это касается крупных государственных коммерческих банков, направляет усилия на усложнение системы партийного присутствия в управленческой структуре банков. Партия, таким образом, получает механизмы и контроля, и координации за деятельностью банковского сектора. Актуальными становятся два направления: поощрения и наказания. Как показывает карьерный трек Гэ Хайцзяо, поставленного во главе Банка Китая и перешедшего в банковский сектор с провинциального руководящего уровня, банковский сектор рассматривается как часть карьерного пути кадровых партийцев (о логике карьерных треков кадровых партийцев см. (Зуенко, Сельцер, 2022)). Реализация принятых программ промышленной политики, которые, как мы показывали выше, лишь

²² 2025年银行业金融机构总资产、总负债（季度）[Суммарные активы и совокупные обязательства банковских финансовых учреждений (поквартально) в 2025 году. Государственное управление финансового регулирования КНР]. <https://www.nfra.gov.cn/cn/view/pages/ItemDetail.html?docId=1208445&itemId=954&generaltype=0>. Доля политических банков указана в разделе «другое», составляет 13,8 % и включает активы политических банков, иностранных банков, частных банков, небанковских финансовых учреждений, трастовых компаний и компаний по управлению активами.

²³ 2025年银行业金融机构总资产、总负债（季度）[Суммарные активы и совокупные обязательства банковских финансовых учреждений (поквартально) в 2025 году. Государственное управление финансового регулирования КНР]. <https://www.nfra.gov.cn/cn/view/pages/ItemDetail.html?docId=1208445&itemId=954&generaltype=0>. Доля политических банков указана в разделе «другое», составляет 13,8 % и включает активы политических банков, иностранных банков, частных банков, небанковских финансовых учреждений, трастовых компаний и компаний по управлению активами.

²⁴ Company Law of the People's Republic of China [2023 Revision]. GWBMA. <https://www.registrationchina.com/articles/law/company-law-of-the-peoples-republic-of-china-2023-revision/>

²⁵ 国家金融监督管理总局局长 李云泽 [Ли Юньцзэ, руководитель Государственного управления финансового регулирования]. <https://www.nfra.gov.cn/cn/view/pages/jigougaikuang/hld-xiangqing.html?25>

формально приняты как государственные документы, фактически же в основных своих очертаниях созданы внутрипартийными структурами, становится партийной задачей, стоящей перед руководителями государственных коммерческих банков КНР, от решения которой зависит их дальнейшее продвижение по службе.

Будет справедливым, с учетом сказанного выше, поставить вопрос о рисках возникновения эффекта мягких бюджетных ограничений, о которых писал Корнаи, и подмены своих личных карьерных интересов корпоративными интересами и соображениями экономической рациональности с точки зрения качества выдаваемых кредитов и справедливости распределения кредитного портфеля. Иными словами, кредитные средства в системе партийного влияния на банки могут распределяться исходя из соображений соответствия целевым показателям кредитования приоритетных отраслей. Насколько велики риски такого сценария развития событий и реализуются ли они в действительности – предмет отдельных исследований. В рамках данной статьи отметим, что, во-первых, как было показано выше, система регулирования банковского сектора КНР построена и на наличии Народного банка Китая, исполняющего функции ЦБ, и на функционировании комиссии как регулирующего органа. Создание нескольких центров контроля позволяет в известной степени снизить риски за счет наличия системы сдержек и противовесов. С другой стороны, свое значение имеют внутрипартийные механизмы контроля за партийной дисциплиной: как показывает практика, банковский сектор часто становится объектом воздействия антикоррупционных органов КНР, ведущую же роль в системе борьбы с коррупцией в КНР играют партийные органы²⁶.

Заключение

В заключение можно сделать следующие выводы об институциональном аспекте участия банковской системы КНР в реализации правительством КНР мер и стратегий промышленной политики. Во-первых, банки КНР, как показано в ряде исследований, являются значимыми каналами реализации как пятилетних планов развития КНР, так и более долгосрочных программ промышленного развития страны, таких как «Сделано в Китае 2025». Посредством предоставления льготных кредитов предприятиям, развивающим проекты в приоритетных отраслях, банки создают необходимые условия для реализации программ развития и, с другой стороны, обеспечивают переток финансовых ресурсов от менее значимых отраслей к тем отраслям, на развитие которых правительство КНР сделало соответствующую политическую ставку. Масштабное кредитование отраслей имеет, помимо прочего, сигнальную функцию для экономических агентов, наращивающих инвестиционную активность в наиболее кредитруемых отраслях. Во-вторых, механизм влияния правительства на кредитные решения банков не исчерпывается исключительно формальными факторами доли государственного участия в крупнейших банках страны, но и определяется неформальными механизмами партийного государства ленинского типа: реальный центр разработки стратегий промышленного развития КНР перенесен в КНР на уровень партийных институтов власти. КПК, обладая ресурсами влияния как на правительство, так и на банковский и корпоративный сектора экономики КНР выступает в данном случае ключевым координатором между разнородными агентами, обладающими разными экономическими интересами, в процессе реализации стратегий промышленной политики. Фактор партийного влияния на экономическую жизнь КНР, в частности на поведение банков, следует учитывать при изучении китайского опыта, особенно в части попыток имплементации отдельных элементов китайского опыта в российскую практику. Так, подводя итог своего исследования государственной поддержки предприятий в КНР, Капогузов с соавт. пишут о том, что «при грамотной адаптации китайского опыта Россия сможет ускорить развитие своей промышленности...» (2025. С. 139). Несмотря на определенную популярность этой точки зрения среди российских авторов, при переносе китайского опыта на российские реалии необходимо учитывать, что Россия прошла через опыт деконструкции институтов государства ленинского типа и, таким образом, действительно определяющий элемент реализации промышленной политики КНР – партия ленинского типа – в России отсутствует. А это делает невозможным выстраивание в России схожих с китайскими механизмов координации деятельности экономических агентов, обладающих разнонаправленными интересами.

²⁶ Directors and Board of Directors. Bank of China. https://www.boc.cn/en/investor/ir6/201504/t20150402_4830133.html

Список литературы

- Андрианов, К. Н. (2019). Промышленная политика Китая: эволюция и современное содержание. *Горизонты экономики*, 4(50), 97–102. EDN: FYDBWT
- Го Юэ. (2018). Механизм передачи сигналов государственными инновационными субсидиями и инновационная деятельность предприятий [政府创新补助的信号传递机制与企业创新, Чжэнфу Чуансинь Бучжу Дэ Синьхао Чуаньди Цзичжи Юй Цие Чуансинь]. *Китайская промышленная экономика* [Чжунго гунье цзинди, 中国工业经济], 9, 98–116.
- Головенчик, Г. Г., Господарик, Е. Г., Ван, Ю. (2020). Новая промышленная политика и цифровизация: опыт Китая для ЕАЭС. *Новая экономика*, 2(76), 56–74. EDN: OYTTNH
- Данилин, И. В. (2024). Национальные чемпионы» и технологические «маленькие гиганты»: китайская промышленная политика между модернизацией и традицией. *Вестник МГИМО-Университета*, 17(6), 139–154. EDN: BNKDWE. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-139-154
- Ду Тунвэй, Чжан Ишань и Ли Тяньюй. (2020). Фискальная конкуренция, мягкие бюджетные ограничения и фискальная устойчивость местных органов власти [财政竞争、预算软约束与地方财政可持续性, Цайчжэн Цзинчжэн, Юйсуань Жуань Юэшу Юй Дифан Цайчжэн Кэчисюйсин]. *Исследования по финансам и экономике* [Цайцзин яньцзю, 财经研究], 11, 93–107. <https://doi.org/10.16538/j.cnki.jfe.20200616.402>
- Епихина, Р. А. (2021). Промышленная политика в электроэнергетическом секторе как инструмент реализации стратегии глобального лидерства Китая. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 23(2), 243–253. EDN: WRDEWX. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-243-253
- Зубец, А. Ж. (2025). Государственная региональная промышленная политика Китая: успешный кейс провинции Гуандун. *Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением*, 8, 103–108. EDN: TUGLZC
- Зуенко, И. Ю. (2017). Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10(5), 30–46. EDN: YLODZM. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-30-46
- Зуенко, И. Ю., Сельцер, Д. Г. (2022). «Кадры решают всё»: реформа кадровой системы КНР на рубеже 1980–1990-х годов. *Известия Восточного института*, 1(53), 58–69. EDN: GYDXEE. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/58-69
- Капогузов, Е. А., Гордеев, В. А., Таньцунь, Л. (2025). Государственная поддержка как фактор повышения конкурентоспособности предприятий: обзор опыта КНР для России. *Вопросы управления*, 3(19), 127–142. EDN: RNTVZI
- Курудимов, Н. В. (2023). Анализ политики по развитию зеленых источников энергии в промышленном секторе (на примере Китая). *Kant*, 2(47), 55–59. EDN: ELZGNJ. DOI: 10.24923/2222-243X.2023-47.10
- Линь Ифу. (2010). Новая структурная экономика: перестройка рамок экономики развития [新结构经济学：重构发展经济学的框架, Синь Цзегоу Цзиньцзисюэ: Чунгоу Фачжань Цзиньцзисюэ Дэ Куанцзя]. *Китайский экономический журнал* [Цзиньцзисюэ (Цзикань), 经济学(季刊)], 10(1), 1–32.
- Лу Бин. (2012). Повышение в цепочке создания стоимости промышленности в переходной экономике [转型经济中的产业价值链升级, Чжуаньсин Цзинди Чжун Дэ Чанье Цзячжиянь Шэнцзи]. *Научно-технический прогресс и меры политики* [Кэцзи цзиньбу юй дуйцэ, 科技进步与对策], 29(12), 63–69. <https://doi.org/10.6049/kjbydc.2011030562>
- Ма, Л. (2023). Промышленная политика Китая. Анализ развития полупроводниковой промышленности. *Финансовый бизнес*, 7(241), 246–249. EDN: UWGWNH
- Мозиас, П. М. (2024). Промышленная политика Китая: на перекрестке мнений. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал*, 4, 92–129. EDN: FZINSA. DOI: 10.31249/rva/2024.04.06
- Мураев, И. Г. (2025). Семантический анализ понятия «промышленная политика». *Russian Journal of Management*, 2, 93–107. EDN: TKDIRS. DOI: 10.29039/2500-1469-2025-13-2-93-107
- Панцов, А. В. (2013). *Дэн Сяопин*. Москва: Молодая гвардия.
- Рогатных, Е. Б., Звезднов, П. Д. (2024). Опыт Китая по поддержке развития высоких промышленных технологий. *Российский внешнеэкономический вестник*, 8, 34–48. EDN: FOVAIX. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-8-34-48
- Сербина, Е. М. (2025). Роль и место политических банков в экономической системе Китая: монография. Москва. ИКСА РАН.
- Соскова, О. С., Барабошкина, А. В., Щелчков, К. А. (2024). Анализ особенностей развития промышленной политики Китайской Народной Республики. *Вестник евразийской науки*, 16(1). EDN: WYCGCU
- Сюэцзюнь, Ч., Тянь, М. (2018). Исследование по производственной политике Китая новой эпохи служение примером для России. *Инновации и инвестиции*, 5, 71–73. EDN: CETLZN
- Ху Хуншу, Ли Цзе. (2022). Фискальная конкуренция, мягкие бюджетные ограничения и налоговое бремя предприятий [财政竞争、预算软约束与企业税负, Цайчжэн Цзинчжэн, Юйсуань Жуань Юэшу Юй Цие Шуйфу]. *Исследования по финансам и экономике* [Цайцзин яньцзю, 财经研究], 6, 153–171.
- Цай Фан. (2013). Демографический дивиденд и устойчивый экономический рост Китая [人口红利与中国经济可持续增长, Жэнькоу Хунли Юй Чжунго Цзинди Кэчисюй Цэньчжан]. *Общественные науки Ганьсу* [Ганьсу шэхуй кэсюэ, 甘肃社会科学], 1, 1–4.
- Чэн Цзюньцзе. (2015). Промышленная политика и избыточные производственные мощности в переходный период Китая: эмпирическое исследование на основе панельных данных обрабатывающей промышленности [中国转型时期产业政策与产能过剩：基于制造业面板数据的实证研究, Чжунго Чжуаньсин Шици Чанье Чжэнцэ Юй Чэннэн Гоушэн: Цзюй Чжицзао Е Мянбань Шуцзюй Дэ Шичжэн Яньцзю]. *Исследования по финансам и экономике* [Цайцзин яньцзю, 财经研究], 41(8), 131–144.

- Ши, Л. (2023). Промышленная политика Китая как системообразующий фактор экономического развития. *Евразийский юридический журнал*, 2(177), 479–480. EDN: НТЯWCI
- Allan, B. B., & Nahm, J. (2025). Strategies of Green Industrial Policy: How States Position Firms in Global Supply Chains. *American Political Science Review*, 119(1), 420–434. <https://doi.org/10.1017/S0003055424000364>
- Autor D., Dorn, D., Hanson Gordon, H. (2021). *On the Persistence of the China Shock*. NBER Working Paper 29401. <https://doi.org/10.3386/w29401>
- Bartelme, D., Costinot, A., Donaldson, D., & Rodríguez-Clare, A. (2025). The Textbook Case for Industrial Policy: Theory Meets Data. *Journal of Political Economy*, 133(5), 1527–1573.
- Barwick, P. J., Kalouptsi, M., & Zahur, N. B. (2025). Industrial Policy Implementation: Empirical Evidence from China's Shipbuilding Industry. *The Review of Economic Studies*. EDN: EPXCLA. DOI: 10.1093/restud/rdaf011
- Chang, H.-J. (2002). *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. Anthem Press.
- Cherif, R., & Hasanov, F. (2019). *The Return of the Policy That Shall Not Be Named: Principles of Industrial Policy*. IMF Working Paper, Institute for Capacity Development.
- Heilmann, S. (Ed.). (2017). *China's political system*. Mercator Institute for China Studies (MERICS). New York, London: Rowman & Littlefield Publishers.
- Choi, J., & Levchenko, A. A. (2021). *The Long-Term Effects of Industrial Policy*. NBER Working Paper No. 29263. National Bureau of Economic Research. <https://ssrn.com/abstract=3926944>
- Coyle, D. (2024). Everything Everywhere All At Once: Competition Policy and Industrial Policy Choices in an Era of Structural Change. *Oxford Review of Economic Policy*, 40(4), 718–728. EDN: ZYHHCW. DOI: 10.1093/oxrep/gra040
- Evenett, S., Jakubik, A., Martín, F., & Ruta, M. (2024). *The Return of Industrial Policy in Data*. IMF Working Paper.
- Garcia-Macia, D., Kothari, S., & Tao, Y. (2025). *Industrial Policy in China: Quantification and Impact on Misallocation*. IMF Working Papers No. 2025/155. International Monetary Fund. <https://doi.org/10.5089/9798229017855.001>
- Gebrewold, E. T. M., & Rockey, J. (2022). The Effectiveness of Industrial Policy in Developing Countries: Causal Evidence from Ethiopian Manufacturing Firms. *Journal of Development Effectiveness*, 15(2), 196–222. EDN: VZKIPC. DOI: 10.1080/19439342.2022.2090997
- International Monetary Fund. Asia and Pacific Department. (2024b). *People's Republic of China: 2024 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China*. (IMF Staff Country Reports No. 2024/258). <https://doi.org/10.5089/9798400284281.002>
- International Monetary Fund. (2024a). *Industrial Policy Coverage in IMF Surveillance – Broad Considerations* (Policy Papers No. 2024/008). <https://doi.org/10.5089/9798400266683.007>
- Lane, N. (2025). Manufacturing Revolutions: Industrial Policy and Industrialization in South Korea, *The Quarterly Journal of Economics*, 140(3), 1683–1741, <https://doi.org/10.1093/qje/qjaf025>
- Juhász, R., Lane, N., & Rodrik, D. (2023). *The New Economics of Industrial Policy*. NBER Working Paper No. 31538. National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w31538>
- Han, Y, Pang, S., Jiang, F., Wang T. (2025). Does “Made in China (2025)” improve innovation quality in robotics? Evidence from PageRank-based patent network. *Economic Modelling*, 152. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2025.107299>
- Huang, X., Tarkom, A., & Yang, L. (2024). The role of political party in curtailing opportunistic insider sales: Evidence from China. *Applied Economics Letters*, 32(18), 2571–2576. <https://doi.org/10.1080/13504851.2024.2336175>
- Kornai, J. (1986). The Soft Budget Constraint. *Kyklos*, 39(1), 3–30. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6435.1986.tb01252.x>
- Mariotti, S. (2025). “Open strategic autonomy” as an industrial policy compass for the EU competitiveness and growth: The good, the bad, or the ugly? *J. Ind. Bus. Econ.* 52, 1–26. <https://doi.org/10.1007/s40812-024-00327-y>
- Melnik, J. (2019). China's “National Champions”: Alibaba, Tencent, and Huawei. *Entrepreneurship in Asia*, 24(2), 29–33.
- Millot, V., & Rawdanowicz, Ł. (2024). The return of industrial policies: Policy considerations in the current context. *OECD Economic Policy Papers*, 34. Paris: OECD Publishing. <http://dx.doi.org/10.1787/051ce36d-en>
- Oqubay, A. (2020). The Theory and Practice of Industrial Policy. In A. Oqubay & al. (Eds.), *The Oxford Handbook of Industrial Policy*, *Oxford Handbooks*. Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198862420.013.2>
- Wei Lu, Wei Mingye, Wu Yifei, & Jing Zhongbo (2025). Does party organization construction improve chinese banks' stability? Evidence from a new textual index. *China Economic Review*, 94, Part B, 102541. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2025.102541>
- Xu, Y. (2024). *Industrial Policy and State Ownership: How Do Commercial Banks Allocate Credit in China?*. IMF Working Paper WP/24/262. International Monetary Fund.
- Ying, X. (2025). A New Interpretation of Lenin's *What Is to Be Done?* A Comparative Study from a Historical-Sociological Perspective. *Chinese Journal of Sociology*, 11(3), 398–429. <https://doi.org/10.1177/2057150X251357545>
- Zhou, B., Qin, M., & Zhan, F. (2025). Industrial Policy, Enterprise Investment Risk Taking and Innovative Activities. *Finance Research Letters*, 86(Part C), 108526.

References

- Allan, B. B., & Nahm, J. (2025). Strategies of Green Industrial Policy: How States Position Firms in Global Supply Chains. *American Political Science Review*, 119(1), 420–434. <https://doi.org/10.1017/S0003055424000364>

- Andrianov, K. N. (2019). China's Industrial Policy: Evolution and Modern Content. *Horizons of Economics*, 4(50), 97–102. (In Russ.).
- Autor D., Dorn, D., Hanson Gordon, H. (2021). *On the Persistence of the China Shock*. NBER Working Paper 29401. <https://doi.org/10.3386/w29401>
- Bartelme, D., Costinot, A., Donaldson, D., Rodríguez-clare, A. (2025). The Textbook Case for Industrial Policy: Theory Meets Data. *Journal of Political Economy*, 133(5), 1527–1573.
- Barwick, P. J., Kalouptsi, M., & Zahur, N. B. (2025). Industrial Policy Implementation: Empirical Evidence from China's Shipbuilding Industry. *The Review of Economic Studies*. <https://doi.org/10.1093/restud/rdaf011>
- Cai Fang. (2013). Demographic dividend and sustainable economic growth of China [Renkou Hongli yu Zhongguo Jingji Kechixu Zengzhang]. *Gansu Shehui Kexue* [甘肃社会科学], 1, 1–4. (In Chinese).
- Chang, H.-J. (2002). *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. Anthem Press.
- Cheng Junjie. (2015). Industrial policy and excessive industrial capacities in the transitional period in China: empirical study based on panel data of processing industry [Zhongguo Zhuanxing Shiqi Chanye Zhengce yu Nengguo Shengshi: Jiyu Zhizaoye Mianban Shuju de Shizheng Yanjiu]. *Caijing Yanjiu* [财经研究], 41(8), 131–144. (In Chinese).
- Cherif, R., & Hasanov, F. (2019). *The Return of the Policy That Shall Not Be Named: Principles of Industrial Policy*. IMF Working Paper, Institute for Capacity Development.
- Heilmann, S. (Ed.). (2017). *China's political system*. Mercator Institute for China Studies (MERICS). New York, London: Rowman & Littlefield Publishers.
- Choi, J., & Levchenko, A. A. (2021). *The Long-Term Effects of Industrial Policy*. NBER Working Paper No. 29263. National Bureau of Economic Research. <https://ssrn.com/abstract=3926944>
- Coyle, D. (2024). Everything Everywhere All At Once: Competition Policy and Industrial Policy Choices in an Era of Structural Change. *Oxford Review of Economic Policy*, 40(4), 718–728. <https://doi.org/10.1093/oxrep/gra040>
- Danilin, I. V. (2024). “National Champions” and Technological “Little Giants”: Chinese Industrial Policy Between Modernization and Tradition. *MGIMO Review of International Relations*, 17(6), 139–154. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-139-154>
- Du Tongwei, Zhang Yishan, Li Tianyu. (2020). Fiscal competition, soft budget restrictions and fiscal sustainability of the local authorities [Caizheng Jingzheng, Yusuan Ruan Yueshu yu Difang Caizheng Kechixing]. *Caijing Yanjiu* [财经研究], 11, 93–107. (In Chinese). <https://doi.org/10.16538/j.cnki.jfe.20200616.402>
- Epikhina, R. A. (2021). Industrial policy in the electric power sector as part of China's global leadership strategy. *RUDN Journal of Political Science*, 23(2), 243–253. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-2-243-253> (In Russ.).
- Evenett, S., Jakubik, A., Martin, F., & Ruta, M. (2024). *The Return of Industrial Policy in Data*. IMF Working Paper.
- Garcia-Macia, D., Kothari, S., & Tao, Y. (2025). *Industrial Policy in China: Quantification and Impact on Misallocation*. IMF Working Papers No. 2025/155. International Monetary Fund. <https://doi.org/10.5089/9798229017855.001>
- Gebrewold, E. T. M., & Rockey, J. (2022). The Effectiveness of Industrial Policy in Developing Countries: Causal Evidence from Ethiopian Manufacturing Firms. *Journal of Development Effectiveness*, 15(2), 196–222. <https://doi.org/10.1080/19439342.2022.2090997>
- Golovenchik, G. G., Gospodarik, E. G., & Wang, Yu. (2020). New Industrial Policy and Digitalization: China's Experience for the EEU. *Novaya ekonomika*, 2(76), 56–74. (In Russ.).
- Guo Yue. (2018). Mechanism of transmitting signals through public innovation subsidies and innovative activity of enterprises [Zhengfu Chuangxin Buzhu de Xinhao Chuandi Jizhi yu Qiye Chuangxin]. *Zhongguo Gongye Jingji* [中国工业经济], 9, 98–116. (In Chinese).
- Hu Hongshu, Li Jie. (2022). Fiscal competition, soft budget restrictions and tax burden of enterprises [Caizheng Jingzheng, Yusuan Ruan Yueshu yu Qiye Shuifu]. *Caijing Yanjiu* [财经研究], 6, 153–171. (In Chinese).
- Han, Y, Pang, S., Jiang, F., Wang T. (2025). Does “Made in China (2025)” improve innovation quality in robotics? Evidence from PageRank-based patent network. *Economic Modelling*, 152. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2025.107299>
- Huang, X., Tarkom, A., & Yang, L. (2024). The role of political party in curtailing opportunistic insider sales: Evidence from China. *Applied Economics Letters*, 32(18), 2571–2576. <https://doi.org/10.1080/13504851.2024.2336175>
- International Monetary Fund. Asia and Pacific Department. (2024b). *People's Republic of China: 2024 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China*. (IMF Staff Country Reports No. 2024/258). <https://doi.org/10.5089/9798400284281.002>
- International Monetary Fund. (2024a). *Industrial Policy Coverage in IMF Surveillance—Broad Considerations* (Policy Papers No. 2024/008). <https://doi.org/10.5089/9798400266683.007>
- Juhász, R., Lane, N., & Rodrik, D. (2023). *The New Economics of Industrial Policy*. NBER Working Paper No. 31538. National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w31538>
- Kapoguzov, E. A., Gordeev, V. A., & Tianquan, L. (2025). Government support as an enterprises competitiveness increasing factor: the experience of China for Russia. *Management Issues*, 19(3), 127–142. (In Russ.).
- Kornai, J. (1986). The Soft Budget Constraint. *Kyklos*, 39(1), 3–30. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6435.1986.tb01252.x>
- Kurudimov, N. V. (2023). Policy analysis for the development of Green energy sources in the industrial sector (on the example of China). *Kant*, 2(47), 55–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2023-47.10>
- Lane, N. (2025). Manufacturing Revolutions: Industrial Policy and Industrialization in South Korea, *The Quarterly Journal of Economics*, 140(3), 1683–1741, <https://doi.org/10.1093/qje/qjaf025>

- Lin Yifu. (2010). New structural economy: restructuring the frameworks of development economy [Xin Jiegou Jingjixue: Chonggou Fazhan Jingjixue de Kuangjia]. *Jingjixue (Jikan)* [经济学(季刊)], 10(1), 1–32. (In Chinese).
- Lu Bing. (2012). Increases in the chain of creating industry value in the transitional economy [Zhuanxing Jingji zhong de Chanye Jiazhilian Shengji]. *Keji Jinbu yu Duice* [科技进步与对策], 29(12), 63–69. <https://doi.org/10.6049/kjbydc.2011030562> (In Chinese).
- Ma, L. (2023). Industrial policy of China. Development analysis semiconductor industry. *Financial Business*, 7(241), 246–249. (In Russ.).
- Mariotti, S. (2025). “Open strategic autonomy” as an industrial policy compass for the EU competitiveness and growth: The good, the bad, or the ugly? *J. Ind. Bus. Econ.* 52, 1–26. <https://doi.org/10.1007/s40812-024-00327-y>
- Melnik, J. (2019). China’s “National Champions”: Alibaba, Tencent, and Huawei. *Entrepreneurship in Asia*, 24(2), 29–33.
- Millot, V., & Rawdanowicz, Ł. (2024). The return of industrial policies: Policy considerations in the current context. *OECD Economic Policy Papers*, 34. Paris: OECD Publishing. <http://dx.doi.org/10.1787/051ce36d-en>
- Mozias, P. M. (2024). The chinese industrial policy debate. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9, Oriental and African Studies: Abstract Journal*, 4, 92–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/rva/2024.04.06>
- Muraev I. G. (2025). Semantic analysis of the concept of “industrial policy”. *Russian Journal of Management*, 2, 93–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.29039/2500-1469-2025-13-2-93-107>
- Oqubay, A. (2020). The Theory and Practice of Industrial Policy. In A. Oqubay & al. (Eds.), *The Oxford Handbook of Industrial Policy, Oxford Handbooks*. Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198862420.013.2>
- Pantsov, A. V. (2013). *Deng Xiaoping*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
- Rogatnykh, E. B., & Zvezdnov, P. D. (2024). China’s Experience in Supporting High-tech Industry Development. *Russian Foreign Economic Journal*, 8, 34–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-8-34-48>
- Serbina, E. M. (2025). *Role and place of political banks in the Chinese economic system*: monograph. Moscow: ICCA RAS. (In Russ.).
- Shi, L. (2023). China's Industrial Policy as a System-Forming Factor of Economic Development. *Eurasian Law Journal*, 2(177), 479–480.
- Soskova, O. S., Baraboshkina, A. V., & Shchelchikov, K. A. (2024). Analysis of the development features of industrial policy of the People's Republic of China. *Vestnik Yevraziyskoy nauki*, 16(1). (In Russ.). <https://esj.today/PDF/34ECVN124.pdf>
- Wei Lu, Wei Mingye, Wu Yifei, & Jing Zhongbo (2025). Does party organization construction improve chinese banks' stability? Evidence from a new textual index. *China Economic Review*, 94, Part B, 102541. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2025.102541>
- Xu, Y. (2024). *Industrial Policy and State Ownership: How Do Commercial Banks Allocate Credit in China?*. IMF Working Paper WP/24/262. International Monetary Fund.
- Xuejun, C., Tian, M. (2018). Research on China's manufacturing policy in the new era: serving as an example for Russia. *Innovation & Investment*, 5, 71–73. (In Russ.).
- Ying, X. (2025). A New Interpretation of Lenin’s *What Is to Be Done?* A Comparative Study from a Historical-Sociological Perspective. *Chinese Journal of Sociology*, 11(3), 398–429. <https://doi.org/10.1177/2057150X251357545>
- Zhou, B., Qin, M., Zhan, F. (2025). Industrial Policy, Enterprise Investment Risk Taking and Innovative Activities. *Finance Research Letters*, 86(Part C), 108526.
- Zubets, A. J. (2025). Public regional industrial policy of China: a successful case of Guangdong province. *Forging and Stamping Production. Processing of Materials by Pressure*, 8, 103–108. (In Russ.).
- Zuenko, I. Yu. (2017). Strengthening of “power vertical”: allocation and promotion of regional leaders in modern China. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 10(5), 30–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-5-30-46>
- Zuenko, I. Yu., & Seltser, D. G. (2022). Cadres Decide Everything: Reform of Cadre System in China in late 1980s – early 1990s. *Oriental Institute Journal*, 1(53), 58–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/58-69>

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 04.10.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 05.11.2025

Дата принятия в печать / Accepted 05.11.2025

М. С. Круглова¹

¹ Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

Структурная трансформация экономики КНР в условиях демографического спада как условие устойчивого развития

Круглова Мария Семеновна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук
E-mail: mashakruglova999@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8731-7702>
Web of Science Researcher ID: T-8171-2017
Scopus ID 57207204902
eLIBRARY SPIN-код: 6126-0035

Аннотация

Цель: выявление механизмов структурной трансформации экономики Китайской Народной Республики в условиях демографического спада и старения населения, а также оценка потенциала применения элементов данного опыта для экономической политики Российской Федерации, сталкивающейся со схожими вызовами.

Методы: в основу исследования положен междисциплинарный подход, интегрирующий методы экономического анализа, демографии и исследований устойчивого развития. Применены системный анализ данных официальной статистики КНР и международных организаций, сравнительный анализ стратегических документов китайского руководства («Сделано в Китае 2025», «Двойная циркуляция»), а также критический обзор научной литературы.

Результаты: установлено, что демографический спад выступает ключевым системным ограничением, катализирующим переход КНР от экстенсивной модели роста к инновационной. Конкретизированы стратегические направления этой трансформации: технологический апгрейд и движение вверх по глобальным цепочкам создания стоимости, масштабные инвестиции в человеческий капитал, тотальная автоматизация и развитие зеленой экономики. Выявлена противоречивость промежуточных итогов: впечатляющие успехи в создании высокотехнологичных секторов (ВИЭ, электромобили) сочетаются с сохранением системных рисков (высокая долговая нагрузка, доминирование госсектора, слабый внутренний спрос). Для России доказана целесообразность не прямого копирования китайских мер, а заимствования стратегического подхода, признающего демографический вызов императивом для долгосрочного курса на построение инновационной экономики, основанной на знаниях.

Научная новизна: заключается в рассмотрении демографического фактора не как фонового условия, а как центрального детерминанта, обостряющего системные дисбалансы и определяющего выбор стратегий развития КНР. Проведен сравнительный анализ применимости китайского опыта для России с акцентом на фундаментальные различия их политико-экономических моделей.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы российскими органами государственной власти при разработке долгосрочных стратегий экономического развития и демографической политики. Результаты представляют ценность для экспертного и научного сообщества, занимающегося проблемами структурных преобразований и адаптации к демографическим изменениям.

Ключевые слова:

экономическая теория, экономика КНР, структурная трансформация экономики Китая, демографический спад в Китае, китайский демографический дивиденд, старение населения Китая, «демографическое бремя» в Китае, экономическая политика России, модернизация STEM-образования, «Сделано в Китае 2025», «Двойная циркуляция», модель «внутренней циркуляции», «серебряная экономика», «хукоу», структурная трансформация в Китае, «Made in China», «Created in China»

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Круглова, М. С. (2025). Структурная трансформация экономики КНР в условиях демографического спада как условие устойчивого развития. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 738–753. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.738-753>

Scientific article

M. S. Kruglova¹

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Structural transformation of the economy of the People's Republic of China under the demographic decline as a condition for sustainable development

Maria S. Kruglova, Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

E-mail: kruglova_ms@inecon.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8731-7702>

Web of Science Researcher ID: T-8171-2017

Scopus ID 57207204902

eLIBRARY SPIN-code: 6126-0035

Abstract

Objective: to find mechanisms of structural transformation of the Chinese economy in the context of demographic decline and population aging; to assess the potential of applying this experience to the Russian economic policy under similar challenges.

Methods: The research uses the interdisciplinary approach that integrates methods of economic analysis, demography, and sustainable development research. The research also applies the systematic analysis of the official statistics of PRC and international organizations, the comparative analysis of the Chinese strategic documents (“Made in China 2025”, “Dual Circulation”), and a critical review of the scientific literature.

Results: demographic decline was established to be the key systemic constraint that catalyzes the transition of China from an extensive growth model to an innovative one. The research specified strategic directions of this transformation: technological upgrade and movement up global value chains, large-scale investments in human capital, total automation and the green economy development. The inconsistency of the interim results was revealed: impressive advances in the high-tech sectors (renewable energy sources, electric vehicles) coexist with systemic risks (high debt burden, dominance of the public sector, weak domestic demand). The author proves that Russia should not directly copy Chinese measures, but borrow the strategic approach that recognizes the demographic challenge as an imperative for a long-term course towards building an innovative knowledge-based economy.

Scientific novelty: the demographic factor was considered not as a background condition, but as the central determinant that exacerbates systemic imbalances and determines the choice of PRC's development strategies. The research presents a comparative analysis of the applicability of the Chinese experience to Russia, with an emphasis on the fundamental differences between their political and economic models.

Practical significance: the study results can be used by Russian public authorities in developing long-term strategies for economic development and demographic policy. The results are valuable for the expert and academic community dealing with the problems of structural transformation and adaptation to demographic changes.

Keywords:

economic theory, PRC's economy, structural transformation of China's economy, demographic decline in China, Chinese demographic dividend, aging of China's population, “demographic burden” in China, economic policy of Russia, modernization of STEM education, “Made in China 2025”, “Dual circulation”, “internal circulation” model, “silver economy”, “hukou”, structural transformation in China, “Made in China”, “Created in China”

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kruglova, M. S. (2025). Structural transformation of the economy of the People's Republic of China under the demographic decline as a condition for sustainable development. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 738–753. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.738-753>

Введение

Китайская Народная Республика на протяжении последних четырех десятилетий демонстрировала феноменальные темпы экономического роста, став второй по величине экономикой мира. Это «экономическое чудо» было в значительной степени обусловлено уникальным сочетанием факторов, среди которых ключевую роль сыграл так называемый демографический дивиденд (Волкова, Крутлова, 2024) – период, когда доля населения трудоспособного возраста достигает пика, создавая благоприятные условия для накопления капитала и роста производительности (Bloom et al., 2003. Р. 55). Модель роста, основанная на массовом, дешевом труде, экспортно ориентированной индустриализации и масштабных инвестициях в инфраструктуру, позволила Китаю стать «мастерской мира». Однако к началу третьего десятилетия XXI в. эта парадигма исчерпала себя. На первый план вышли фундаментальные структурные проблемы: замедление темпов роста, чрезмерная зависимость от кредитования, экологическое напряжение и, что наиболее значимо, демографический переход, входящий в критическую фазу.

Современный Китай сталкивается с двойным демографическим шоком: абсолютным сокращением населения и его стремительным старением¹. Согласно данным седьмой национальной переписи 2020 г. и последующим оценкам Национального бюро статистики КНР (NBS), в 2022 г. численность населения Китая сократилась впервые за 60 лет, а коэффициент рождаемости (1,09) оказался одним из самых низких в мире (Statistical Communiqué..., 2023). Одновременно с этим доля населения в возрасте 65 лет и старше превысила 14 %, что по критериям ООН означало переход к «стареющему обществу», и приближалась к отметке 20 %, характеризующей «сверхстарение» (World Population Prospects, 2022. Р. 12). Эти тенденции знаменовали собой окончание эпохи демографического дивиденда и начало периода «демографического бремени», когда растущая доля иждивенцев (детей и пожилых) ложится тяжелым грузом на сокращающуюся рабочую силу, создавая давление на систему социального обеспечения, здравоохранения и пенсионную систему (Jackson & Nakashima, 2021). Китайская демографическая структура к 2035 г., согласно прогнозам, столкнется с глубоким и, вероятно, усугубляющимся структурным перекосом, характеризующимся одновременным сокращением доли детей и стремительным ростом доли пожилых людей. Доля населения в возрасте 65 лет и старше, по всей видимости, превысит четверть от общей численности, в то время как доля детей (младше 15 лет) может остаться на аномально низком уровне – около 13–15 %. Это создает двойную нагрузку на сокращающееся трудоспособное население: ему предстоит не только содержать растущую долю пенсионеров через пенсионную систему и здравоохранение, но и инвестировать значительные ресурсы в воспитание и образование относительно небольшого молодого поколения. В результате вместо сбалансированной пирамиды демографический профиль Китая приобретет форму «перевернутой пирамиды», где узкое основание из детей и молодежи будет нести тяжелое бремя по воспроизводству человеческого капитала для широкой вершины из пожилых граждан. Такой двойной демографический пресс – нехватка молодежи для будущего роста и избыток пожилых для текущего содержания – станет ключевым системным ограничением для экономической динамики и социальной устойчивости страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

В этом контексте структурная трансформация экономики перестает быть лишь вопросом поддержания высоких темпов роста, но становится императивом устойчивого развития, понимаемого как способность системы удовлетворять текущие потребности без ущерба для возможностей будущих поколений. Устойчивость в китайских условиях подразумевает не только экологический аспект, но и социально-экономическую

¹ 中共中央 国务院关于加强新时代老龄工作的意见 [Мнение ЦК КПК и Госсовета КНР об усилении работы по проблемам старения в новую эпоху] (2021, 24 ноября). Сайт Госсовета КНР. https://www.gov.cn/zhengce/2021-11/24/content_5653181.htm

стабильность в условиях демографического сжатия. Таким образом, встает вопрос, каким образом структурная трансформация экономики КНР, включающая переход к инновационной модели, развитие человеческого капитала и институциональные реформы, может стать ответом на демографический спад и условием для достижения долгосрочного устойчивого развития? Отдельным аспектом исследования является анализ потенциальной применимости элементов китайского опыта для экономической политики России, которая сталкивается со схожими, хотя и менее острыми демографическими вызовами.

Проблема структурной трансформации экономики Китайской Народной Республики в контексте демографического спада и старения населения является одной из наиболее актуальных и комплексных в современной экономической науке. Ее изучение требует междисциплинарного подхода, находящегося на стыке демографии, макроэкономики, теории роста и исследований устойчивого развития. В этой связи целью данного исследования является выявление механизмов структурной трансформации экономики Китайской Народной Республики в условиях демографического спада и старения населения, а также оценка потенциала применения элементов данного опыта для экономической политики Российской Федерации, сталкивающейся со схожими вызовами.

Научная литература по данной теме обширна и отражает различные, порой противоречивые, взгляды на причины, последствия и возможные пути разрешения этого системного вызова.

Дебаты о пути адаптации китайской экономики к эпохе старения

На современном этапе развития Китая демографическое старение становится ключевым фактором, оказывающим комплексное влияние на экономику и социальную структуру. Исследования показывают, что этот процесс имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, работа группы китайских авторов демонстрирует, что старение населения уже сейчас оказывает существенное влияние на перестраивание промышленной структуры, причем это влияние носит нелинейный характер и имеет пороговые эффекты, варьирующиеся в зависимости от региональных особенностей (Hu et al., 2024). Это создает структурное давление на экономику, требуя перехода от трудоемких отраслей к более технологичным.

С другой стороны, это давление может стимулировать инновации. Эмпирические исследования указывают на то, что старение населения влияет на новое качество производительности (*New Quality Productivity*) через сложные опосредующие механизмы, такие как усиление инвестиций в человеческий капитал и технологические инновации, что в конечном счете может способствовать устойчивому экономическому развитию (Sha et al., 2025). Однако фундаментальной основой для этих преобразований остается трудовой потенциал. Как отмечается в другом исследовании, несмотря на сокращение численности трудоспособного населения, рост его качества и эффективности может стать новым источником экономического роста, хотя общие перспективы роста трудовых ресурсов в Китае остаются сложными (Cao et al., 2020).

Важным контекстом является то, что демографические вызовы накладываются на существующие структурные диспропорции. Исследования подчеркивают, что глубокий разрыв между городом и деревней в качестве человеческого капитала представляет собой «невидимую» угрозу, которая может усугубить негативные последствия старения, ограничив возможность перераспределения и мобильности качественных трудовых ресурсов (Rozelle, & Hell, 2020). В этом свете исторический опыт Китая, который был основан на специфической модели роста с контролем над капиталом, сегодня требует глубокой адаптации к новым демографическим реалиям (Song et al., 2014).

Ответом на эти вызовы становятся целенаправленные политические меры. Исследование К. Meng (2018) показывает, что пенсионные реформы являются критически важным элементом социальной адаптации, однако их успех зависит от политических институтов и сложившейся системы формирования навыков. Одновременно с этим технологический прогресс предлагает новые инструменты для смягчения негативных эффектов. Китайские исследователи F. Meng и X. Wen (2024) ставят вопрос о том, может ли цифровая экономика компенсировать влияние старения на совокупную производительность факторов, и их выводы дают осторожный оптимизм, предполагая, что цифровизация действительно может выступать в роли компенсирующего фактора.

Фундаментальную основу для понимания демографических процессов в Китае заложили работы западных демографов и экономистов. Классическая концепция «демографического дивиденда», разработанная D. Bloom, D. Canning и J. Sevilla (Bloom et al., 2003), объясняет, как переход от высокой к низкой рождаемости и смертности создает временное окно возможностей, когда доля населения трудоспособного возраста достигает пика, способствуя ускоренному экономическому росту. Именно этот дивиденд, как доказано в работах F. Cai (2010),

одного из ведущих китайских экономистов, стал одним из ключевых драйверов «экономического чуда» Китая. Его исследования показывают, как массовая миграция избыточной сельской рабочей силы в промышленный сектор (так называемая модель Льюиса) обеспечила практически неограниченные трудовые ресурсы для экспортно ориентированного роста.

Однако консенсус в научной среде заключается в том, что эта эпоха подошла к концу. Российские исследователи А. В. Коротаев и Ю. В. Зинькина в своей работе, посвященной моделированию и сценарному прогнозированию демографического будущего КНР, отмечают, что политика «одна семья – один ребенок» создала долгосрочный структурный дисбаланс, последствия которого лишь начинают проявляться в полной мере (Коротаев, Зинькина, 2014). Данные седьмой переписи населения КНР (2020) и последующие отчеты Национального бюро статистики, фиксирующие абсолютное сокращение населения в 2022 г., стали эмпирическим подтверждением этого тезиса. Западные аналитики из Центра стратегических и международных исследований (CSIS) (Jackson & Nakashima, 2009) и Всемирного банка в своих прогнозах уже давно рисовали тревожную картину грядущего «демографического бремени», характеризуя рост нагрузки на пенсионную систему и систему здравоохранения как угрозу фискальной стабильности страны.

Ответом на эти вызовы стала разработка стратегий структурной трансформации. В западной литературе доминирует критический, но конструктивный анализ. Например, Naughton (2018) в своей работе *The Chinese Economy: Adaptation and Growth* детально описывает эволюцию китайской экономической модели, подчеркивая ее гибкость и способность к адаптации. Он, как и многие другие западные ученые, указывает на риски «ловушки среднего дохода», избежать которую можно только через переход к инновационной деятельности.

Китайские исследователи и исследовательские институты предлагают собственное видение этого перехода. Стратегия «Сделано в Китае 2025» стала объектом пристального изучения. Немецкий институт MERICS (Wübbecke et al., 2016) дал один из наиболее всесторонних анализов данной инициативы, выделив ее меркантилистский характер и амбиции по захвату глобальных цепочек создания стоимости. В китайской академической среде, например, в работах Liu и Jia (2023), эта программа рассматривается как необходимый ответ на рост издержек производства и технологическое давление со стороны США.

Более поздняя стратегия «Двойная циркуляция» (*Dual Circulation*) интерпретируется как признание уязвимости прежней модели (Bairam et al., 2025). Российские ученые, такие как А. В. Островский (2022), видят в этой стратегии прагматичный курс на укрепление экономического суверенитета и развитие внутреннего рынка как нового драйвера роста в условиях ослабления глобального спроса и демографических ограничений.

В контексте сокращения численности рабочей силы ключевым направлением исследований становится роль человеческого капитала и технологий. Нобелевский лауреат Пол Ромер в своей теории эндогенного роста обосновал ключевую роль знаний и человеческого капитала как двигателей долгосрочного развития (Romer, 1990). Эти идеи нашли прямое отражение в китайской политике. Исследования показывают, что дальнейший рост Китая будет все сильнее зависеть не от количества, а от качества рабочей силы, что требует кардинального улучшения системы образования и здравоохранения (Bairoliya & Miller, 2021).

Вопрос автоматизации как ответа на старение активно исследуется на Западе. Acemoglu и Restrepo (2022) разработали модель, демонстрирующую, что демографическое старение является мощным стимулом для внедрения роботов. Международная федерация робототехники (World Robotics report, 2023) предоставляет статистическое подтверждение этой теории, фиксируя, что Китай является крупнейшим и самым быстрорастущим рынком промышленных роботов в мире. Российские авторы в контексте российских приоритетов также подчеркивают, что для стран с демографическими вызовами инвестиции в STEM-образование и R&D являются стратегическим императивом (Власова и др., 2023).

Парадигма устойчивого развития в китайском контексте все чаще увязывается с демографическими и структурными проблемами. Работы таких китайских ученых, как Zhang et al. (2022), анализируют обязательства Китая по достижению углеродной нейтральности к 2060 г. не только как экологический, но и как экономический проект, способный создать новые высокотехнологичные отрасли (Zhang et al., 2022).

Институциональный аспект трансформации является, пожалуй, наиболее дискуссионным. Западные авторы, такие как Huang (2020), критикуют гипертрофированную роль государства и государственного сектора, видя в этом препятствие для инноваций. В то же время такие российские синологи, как В. Я. Портяков, еще десятилетие назад указывали на способность китайской политической системы к мобилизации ресурсов и реализации долгосрочных стратегий как на ключевое преимущество в условиях кризиса (Портяков, 2015).

В российской научной среде интерес к китайскому опыту носит не только академический, но и прикладной характер, учитывая схожесть демографических вызовов. Однако можно сразу указать фундаментальные различия: Россия, в отличие от Китая, не прошла этап массовой индустриализации, основанной на дешевом труде, и ее экономика остается в значительной степени сырьевой. Поэтому прямое заимствование китайских моделей невозможно. Ценность китайского опыта для России, по мнению российских экспертов, заключается не в конкретных инструментах, а в стратегическом подходе: признании демографического вызова как системного ограничения и принятии долгосрочного курса на построение инновационной экономики, основанной на знаниях и человеческом капитале.

Таким образом, современная научная литература, объединяющая взгляды западных, китайских и российских авторов, представляет структурную трансформацию экономики КНР как многогранный и противоречивый процесс. Исследования рисуют картину сложной взаимосвязи: демографическое старение в Китае является мощным стресс-фактором, который одновременно подрывает традиционные модели роста и принуждает к переходу на инновационные рельсы. Успешность этого перехода будет зависеть от синергии между инвестициями в человеческий капитал, преодолением структурных неравенств, проведением пенсионных реформ и активным внедрением цифровых технологий. Демографический спад выступает не просто как фон, а как ключевой драйвер, заставляющий пересматривать основы прежней модели роста. Консенсус существует в отношении диагноза: эпоха демографического дивиденда окончена. Однако оценки эффективности предлагаемых стратегий («Сделано в Китае 2025», «Двойная циркуляция»), а также баланса между ролью государства и рынка в этом переходе остаются предметом оживленных научных дебатов.

Исчерпание демографического дивиденда и вызовы для традиционной модели роста

Понятие «демографический дивиденд» было введено в научный оборот для описания всплеска экономического роста, который может произойти в результате снижения рождаемости и последующего изменения возрастной структуры населения (Ogawa et al., 2021). В китайском случае этот дивиденд был реализован максимально полно. С 1978 по 2012 г. доля населения в возрасте от 15 до 64 лет увеличилась с 58 % до пикового значения в 74,5 %². Это обеспечило постоянный приток дешевой рабочей силы из сельских районов в города, что стало краеугольным камнем экспортной модели и поддерживало высокую норму сбережений и инвестиций (Cai, 2010. Р. 112).

Однако демографическое окно не остается открытым вечно. По мере старения поколения «бэби-бума» 1960–1970-х гг. и резкого снижения рождаемости, усугубленного политикой «одна семья – один ребенок», численность трудоспособного населения начала неуклонно сокращаться. С 2014 г. абсолютная численность рабочей силы в Китае демонстрирует отрицательную динамику (Guarino, 2023). Это приводит к ряду взаимосвязанных последствий:

- Рост затрат на труд. Дефицит рабочей силы, особенно в низкоквалифицированных секторах, ведет к устойчивому росту заработной платы, подрывая основное конкурентное преимущество Китая на глобальных рынках. Производство трудоемкой продукции становится менее рентабельным, что вынуждает компании переносить мощности в страны с более молодым населением, такие как Вьетнам или Бангладеш (Lardy, 2019. Р. 25).

- Давление на социальные системы. Стремительное старение населения создает беспрецедентную нагрузку на пенсионную систему. Коэффициент поддержки (количество работников на одного пенсионера) неуклонно снижается. По прогнозам Всемирного банка, к 2050 г. он может составить менее 2 : 1 по сравнению с 5 : 1 в 2000 г.³ Это грозит «пенсионным кризисом» и требует либо значительного повышения пенсионных взносов, что увеличивает издержки бизнеса, либо сокращения социальных выплат, что чревато социальной нестабильностью.

- Снижение совокупного спроса и склонности к риску. Старееющее население, как правило, больше сберегает и меньше потребляет, особенно в отношении долгосрочных инвестиций, таких как недвижимость и образование. Это создает структурный дефляционный пресс для экономики и может замедлить динамику внутреннего рынка (Prettner & Bloom, 2021. Р. 90).

² World Bank Open Data. (2023). Population ages 15–64 (% of total population) – China. Retrieved from <https://data.worldbank.org>

³ World Bank. (2020). Live Long and Prosper: Aging in East Asia and Pacific.

Таким образом, традиционная модель, основанная на экстенсивных факторах производства, более не является жизнеспособной. Китай стоит перед необходимостью найти новые источники роста, которые были бы нечувствительны к сокращению численности рабочей силы и, более того, могли бы превратить демографическое бремя в новое конкурентное преимущество.

Стратегические направления структурной трансформации: от *Made in China* к *Created in China*

Ответом китайского правительства на эти вызовы стал комплекс стратегий, нацеленных на глубокую перестройку экономики. Эти стратегии можно сгруппировать вокруг нескольких ключевых направлений. Первым стал переход к инновационно ориентированной экономике, в рамках этого направления были запущены инициативы «Сделано в Китае 2025» и «Двойная циркуляция». Ключевым элементом трансформации является попытка переместиться вверх по глобальным цепочкам создания стоимости. Инициатива «Сделано в Китае 2025», запущенная в 2015 г., нацелена на достижение лидерства в 10 высокотехнологичных отраслях, включая искусственный интеллект, полупроводники, электромобили, биомедицину и аэрокосмическую технику (Wübbeke et al., 2016. Р. 15). Эта программа предполагает массированные государственные инвестиции в НИОКР, создание национальных чемпионов и активный меркантилизм для захвата рынков.

Хотя первоначальный ажиотаж вокруг этой инициативы несколько утих из-за торговых конфликтов с США, ее основные цели остаются в силе и интегрированы в более широкую стратегию «Двойная циркуляция», представленную в 2020 г. Данная стратегия признает уязвимость чрезмерной зависимости от внешнего спроса и технологий. Ее суть заключается в переориентации экономики на внутренний рынок («внутренняя циркуляция») при одновременном сохранении открытости для мира («внешняя циркуляция») на новых, более выгодных условиях (State Council, 2021). В контексте демографического спада «внутренняя циркуляция» призвана компенсировать замедление экспорта за счет роста домашнего потребления, что требует повышения доходов населения и развития социального государства.

Вторым глобальным изменением стала переориентация на инвестиции в человеческий капитал и повышение производительности труда. Поскольку количественный рост трудовых ресурсов более невозможен, единственным путем становится качественное улучшение. Китай делает значительные ставки на образование и здравоохранение. Уже сегодня КНР является мировым лидером по количеству выпускников инженерных и естественно-научных специальностей (National Science Foundation..., 2022). Политика направлена на переход от системы, производящей массового исполнителя, к системе, воспитывающей креативных и критически мыслящих специалистов.

Учитывая все описанные факторы, производительность труда (*output per worker*) становится ключевым показателем. Ее рост достигается также поэтапно и за счет нескольких факторов, например, таких как автоматизация и роботизация. Китай является крупнейшим в мире рынком промышленных роботов. Внедрение робототехники компенсирует нехватку рабочих рук (Wang et al., 2025) и повышает эффективность, особенно в опасных и монотонных производствах (World Robotics report, 2023. Р. 45). Параллельно с автоматизацией идет постепенная цифровизация экономики: развитие таких секторов, как электронная коммерция (*Alibaba*, *JD.com*), финтех (*Ant Group*) и цифровые услуги, создает новые рабочие места с высокой добавленной стоимостью и повышает эффективность традиционных отраслей.

Еще одним фактором трансформации исследователи называют урбанизацию «второй волны»: фокус смещается с простого перетока сельских жителей в города на углубленную интеграцию мигрантов через предоставление им полноценного городского статуса (*хукоу*)⁴, что дает доступ к социальным услугам и повышает их мобильность

⁴ Китайская система «хукоу» (кит. 户口, *hùkǒu*) – это, по сути, институт прописки или регистрации домохозяйства, который определяет место проживания человека и привязывает его к определенной административной единице – городу или сельской местности. Изначально созданная в 1950-х гг. для контроля за миграцией населения между деревней и городом, система «хукоу» делит всех граждан Китая на две основные категории: сельские и городские жители. Эта запись в системе наследуется от матери. Ключевая особенность системы заключается в том, что доступ человека к ключевым общественным благам и социальным услугам напрямую привязан к месту его постоянной регистрации (*хукоу*). Если человек переезжает на работу в большой город (например, из Сычуани в Шанхай), но не имеет там городского *хукоу*, он сталкивается с серьезными ограничениями. Такие люди, часто называемые мигрантами, хотя и вносят огромный вклад в экономику города, могут иметь неполный доступ или сталкиваться с более высокими затратами для получения местного медицинского обслуживания, образования для своих детей, возможностей для покупки жилья или пенсионного обеспечения. По сути, они являются гражданами второго сорта в своем же собственном городе.

и покупательную способность (Chan, 2021. P. 201). В последние десятилетия система подвергается постепенным реформам, поскольку она стала восприниматься как барьер для мобильности рабочей силы, урбанизации и социальной справедливости. Власти ослабили правила для малых и средних городов, позволяя некоторым мигрантам получить местный хукоу. Однако в самых привлекательных мегаполисах, таких как Пекин или Шанхай, получить местную прописку по-прежнему крайне сложно, и она часто связана со строгими требованиями к уровню образования, доходу или стажу работы. Таким образом, хукоу – это не просто регистрация, а глубокий социально-экономический институт, который на протяжении десятилетий формировал демографическую структуру Китая, определял жизненные возможности миллионов людей и способствовал существованию масштабного класса внутренних трудовых мигрантов, чьи права и доступ к социальным благам остаются ограниченными.

Структурная трансформация невозможна без изменения институциональной среды. Китай постепенно, хотя и непоследовательно, движется в сторону либерализации финансового сектора, укрепления прав интеллектуальной собственности и создания равных условий для частного бизнеса, который является основным генератором инноваций (Huang, 2020).

Параллельно, осознавая экологические ограничения прежней модели, Китай взял курс на зеленое развитие. Обязательства по достижению углеродной нейтральности к 2060 г. стимулируют колоссальные инвестиции в возобновляемую энергетику, электромобили и энергоэффективные технологии (Xu, 2023; Zhang et al., 2022). Предполагается, что этот переход будет не только решать экологические проблемы, но и постепенно создавать новый драйвер роста и точку приложения для высококвалифицированного труда.

Государственные программы и документы, регулирующие трансформацию в условиях демографических изменений

Реакция китайского руководства на демографические вызовы не ограничивается общими стратегиями экономического развития. Она находит конкретное воплощение в ряде целевых программ и государственных документов, которые формируют институциональные рамки для адаптации экономики и общества к новым реалиям. Эти документы можно условно разделить на три группы: стимулирование рождаемости, развитие «серебряной экономики» и совершенствование пенсионной системы.

Центральным документом, определяющим демографическую политику, являются «Руководящие указания по оптимизации рождаемости для содействия долгосрочному сбалансированному развитию населения», выпущенные Государственным советом в 2021 г. Этот документ официально санкционировал политику «трех детей», разрешив семьям иметь до трех детей (State Council, 2021). Однако исследования показывают, что после отмены в 2016 г. политики «одна семья – один ребенок» просто разрешить людям рожать больше детей оказалось недостаточно. Поэтому власти дополнили это решение целым набором мер поддержки, включая финансовые субсидии, налоговые вычеты, улучшение доступа к дошкольному образованию и меры по борьбе с дискриминацией женщин на рабочем месте. Все это направлено на то, чтобы снизить расходы и трудности, связанные с воспитанием детей в молодых семьях, ведь именно это является ключевым барьером для повышения рождаемости в урбанизированном обществе (Li et al., 2019).

Параллельно, для адаптации к неизбежному старению населения, Китай активно развивает концепцию «серебряной экономики» (*иньфа цзинцзи* 银发经济)⁵. В 2021 г. Государственный совет и ЦК КПК опубликовали «Мнение об усилении работы по старению в новую эпоху» (Мнение..., 2021; Бюллетень..., 2024)⁶, а в 2022 г. была запущена «Программа развития серебряной экономики на 14-ю пятилетку (2021–2025)» (National Health Commission, 2022). Эти документы рассматривают старение не только как вызов, но и как новую возможность для экономического роста. В них закладываются основы для создания целой индустрии товаров и услуг для пожилых, выходящей далеко за рамки традиционного ухода. Речь идет о развитии «умного» ухода на дому с использованием технологий «умного дома» и телемедицины, создании адаптированного жилья, развитии

⁵ 国务院办公厅关于发展银发经济增进老年人福祉的意见 [Мнение Госсовета КНР о развитии «серебряной экономики» для повышения благополучия пожилого населения] (2024, 15 января). Сайт Госсовета КНР. https://www.gov.cn/zhengce/content/202401/content_6926087.htm

⁶ 关于新时代加强老龄工作的意见 [Мнение об усилении работы по старению в новую эпоху] (2021, 18 ноября). Сайт Госсовета КНР. https://www.gov.cn/zhengce/2021-11/24/content_5653181.htm; 2024年度国家老龄事业发展公报 [Бюллетень о развитии национального дела по проблемам старения за 2024 год]. Baidu. <https://baike.baidu.com/item/2024年度国家老龄事业发展公报/66244954>

геронтологического туризма, а также о поддержке образовательных и культурных программ для пожилых, позволяющих им оставаться активными участниками социальной и экономической жизни (Guo et al., 2023. P. 125). Таким образом, государство стимулирует бизнес к переориентации на удовлетворение потребностей быстро растущей доли пожилых потребителей, что ведет к трансформации структуры спроса и предложения.

Третьим критически важным направлением является реформа пенсионной системы. В 2020 г. Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения опубликовало «Руководящие мнения о создании многоуровневой системы пенсионного страхования». Этот документ нацелен на переход от нынешней системы, в которой доминирует государственный базовый пенсионный фонд, испытывающий огромное фискальное давление, к многоуровневой модели. Модель предполагает развитие профессиональных пенсионных систем, финансируемых работодателями⁷, а также формирование частных пенсионных накоплений⁸. Стимулирование развития второго и третьего уровней позволяет перераспределить часть фискальной нагрузки с государства на компании и сами домохозяйства, повышая устойчивость системы в целом. Кроме того, для решения проблемы региональных диспропорций Китай постепенно централизует управление пенсионными фондами на провинциальном уровне, а в перспективе – и на национальном.

Ощутимые успехи: движение вверх по глобальной цепочке создания стоимости

Оценка успешности структурной трансформации экономики КНР в условиях демографического спада является сложной задачей, поскольку этот процесс далек от завершения. Однако уже сейчас можно выделить ряд значительных достижений и столь же серьезных системных проблем, которые формируют противоречивую картину переходного периода.

Наиболее впечатляющих результатов Китай добился в области технологического апгрейда и развития высокотехнологичных секторов. Страна прочно утвердилась в качестве глобального лидера в производстве и использовании возобновляемой энергии. Согласно отчету международного центра *Ember*, в первой половине 2025 г. на Китай приходится почти половина мировых мощностей по производству солнечных панелей и ветряных турбин, а также около 60 % глобальных продаж электромобилей⁹. Компании *BYD* и *NIO* стали серьезными конкурентами таким гигантам, как *Tesla*, а китайский производитель аккумуляторов *CATL* доминирует на мировом рынке. Это демонстрирует, как государственная политика зеленого перехода, совмещенная с промышленной стратегией, способна создать новые конкурентоспособные отрасли, менее зависимые от дешевого труда.

Цифровизация экономики также достигла колоссальных масштабов. Проникновение мобильных платежей, развитие искусственного интеллекта в логистике и рознице, а также успехи в области финтеха (до недавнего времени, олицетворяемого группой *Ant*) стали образцом для многих развивающихся стран. Эти сектора создали миллионы новых рабочих мест с относительно высокой производительностью, частично компенсируя сокращение занятости в традиционной промышленности. Более того, Китаю удалось вырастить ряд технологических чемпионов мирового уровня, таких как *Huawei*, *Tencent* и *Alibaba*, которые успешно конкурируют на международной арене, несмотря на растущее геополитическое давление.

В сфере человеческого капитала наблюдается устойчивый рост числа выпускников вузов, особенно по инженерным и естественно-научным специальностям. Это закладывает основу для будущего инновационного роста, хотя вопрос о качестве этого образования и его соответствии потребностям рынка труда остается открытым (Glawe & Wagner, 2020).

Системные проблемы и признаки «болезней роста»

Несмотря на эти успехи, трансформация сопровождается глубокими структурными дисбалансами. Одной из самых острых проблем является чрезмерная долговая нагрузка. Модель роста, долгое время опиравшаяся на кредитование инвестиций в недвижимость и инфраструктуру, привела к тому, что совокупный долг (го-

⁷ 国务院关于完善企业职工基本养老保险制度的决定 [Решение Госсовета КНР о совершенствовании системы базового пенсионного страхования для работников предприятий]. Сайт Госсовета КНР. https://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_169950.htm

⁸ 国务院办公厅关于推动个人养老金发展的意见 [Мнение Канцелярии Госсовета КНР о содействии развитию личных пенсий] (2022, 21 апреля). Сайт Госсовета КНР. https://www.gov.cn/zhengce/content/2022-04/21/content_5686402.htm

⁹ Paddison, L., & Nilse, E. (2025, January 23). China made a bet decades ago because it couldn't compete with the US on cars. That bet is paying off big. <https://edition.cnn.com/2025/01/23/climate/china-evs-growth-oil-market/index.html>

сударственный, корпоративный и домохозяйств) превысил 300 % ВВП¹⁰. Кризис в секторе недвижимости, олицетворяемый крахом гиганта *Evergrande* и последующими дефолтами других застройщиков, является прямым следствием этой модели. Данный сектор, на который ранее приходилось до 25–30 % ВВП Китая, был ключевым потребителем стали, цемента и низкоквалифицированной рабочей силы. Его сжатие создает мощный дефляционный импульс для всей экономики и ведет к росту безработицы среди мигрантов, обнажая социальные риски трансформации.

Другим серьезным вызовом является сохраняющееся доминирование государственного сектора и неэффективное распределение ресурсов. Государственные предприятия (*SOEs*), несмотря на реформы, продолжают получать непропорционально большой объем кредитов при более низкой отдаче по сравнению с частными компаниями¹¹. Это «вытеснение» более продуктивного частного сектора тормозит общий рост производительности. Инициатива «Сделано в Китае 2025», хотя и способствовала технологическому рывку, также привела к переинвестированию и созданию избыточных мощностей в некоторых целевых секторах, таких как производство полупроводников и электромобилей, что ведет к ценовым войнам и снижению рентабельности.

Социальный аспект трансформации также вызывает тревогу. Несмотря на декларируемый переход к модели «внутренней циркуляции», доля потребления домашних хозяйств в ВВП Китая остается аномально низкой по международным меркам (около 38 % против 60–70 % в развитых экономиках) (Meng, 2023). Высокие нормы сбережений обусловлены отсутствием полноценной социальной безопасности, что заставляет население копить на черный день, на образование и медицинские расходы. Это структурное ограничение не позволяет внутреннему спросу стать полноценным мотором роста, замещающим ослабевающий экспорт и инвестиции.

Демографический спад не является самостоятельной причиной этих проблем, но он действует как мощный усугубляющий мультипликатор. Сокращение численности рабочей силы напрямую влияет на потенциальные темпы роста экономики. По оценкам МВФ, вклад демографического фактора в рост ВВП Китая стал отрицательным, и эта тенденция будет только усиливаться (Lin, 2013). Стареющее население увеличивает нагрузку на бюджет через растущие расходы на здравоохранение и пенсии, ограничивая фискальное пространство для стимулирования экономики и проведения реформ. Кроме того, старение может подавлять инновационную активность, так как общества с более пожилым населением демонстрируют меньшую склонность к риску и предпринимательской деятельности.

Таким образом, опыт структурной трансформации экономики КНР на сегодняшний день является смешанным. С одной стороны, Китай демонстрирует впечатляющую способность к технологической модернизации и созданию новых высокотехнологичных отраслей, что позволяет ему двигаться вверх по глобальной цепочке создания стоимости. С другой – трансформация сталкивается с глубокими системными проблемами: долговым кризисом, неэффективностью государственного сектора, слабым внутренним спросом и растущим социальным неравенством.

Демографический спад выступает в роли фонового, но критически важного фактора, который обостряет эти вызовы и сокращает временное окно для их решения. Успех Китая в долгосрочной перспективе будет зависеть не столько от его способности создавать передовые технологии, сколько от готовности проводить сложные институциональные и социальные реформы: реформировать систему хукоу для стимулирования потребления, укреплять социальную защиту, либерализовать финансовый сектор и повышать роль рыночных механизмов в распределении ресурсов. Трансформация китайской экономики продолжается, и ее окончательные итоги пока не определены, но уже сейчас ясно, что путь к устойчивому развитию в условиях демографического сжатия оказывается гораздо более сложным и тернистым, чем это представлялось на старте.

¹⁰ Lee, A. (2019, July 17). China's total debt rises to over 300 per cent of GDP as Beijing loosens borrowing curbs to boost growth. <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3018991/chinas-total-debt-rises-over-300-cent-gdp-beijing-loosens>; Tiftik et al. (2023, September 19). Global Debt Monitor In Search of Sustainability, The Institute of International Finance. https://www.iif.com/portals/0/Files/content/Global%20Debt%20Monitor_Sept2023_vf.pdf

¹¹ Прасад, Э. (2023, декабрь). Китай пошатнулся, но, скорее всего, устоит. МВФ. <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2023/12/China-bumpy-path-Eswar-Prasad>

Дискуссия о возможностях применения китайского опыта в России

Россия, как и Китай, сталкивается с серьезными демографическими вызовами, включая низкую рождаемость, старение населения и в перспективе сокращение численности трудоспособных граждан, хотя и в менее драматичной форме (Росстат, 2023). В этой связи анализ китайского опыта структурной трансформации представляет значительный интерес для российских политиков. Однако прямое копирование китайской модели невозможно и нецелесообразно в силу фундаментальных различий в политических системах, масштабах экономики и структурах.

Китайский опыт преодоления демографических вызовов содержит несколько потенциально полезных уроков, которые могли бы быть творчески адаптированы в российских условиях. Прежде всего, это приоритетное развитие человеческого капитала, где китайский акцент на массовом качественном образовании в *STEM*-дисциплинах представляется ключевым. Россия, обладая сильными традициями в этой области, могла бы модернизировать и масштабировать свою систему образования, сделав особый упор на коммерциализацию научных исследований.

Не менее важным представляется подход целевого стимулирования высокотехнологичных секторов. В отличие от широкомасштабной китайской инициативы «Сделано в Китае 2025» российская стратегия могла бы быть более сфокусированной. Речь идет о выборе 3–5 приоритетных сквозных технологий, таких как искусственный интеллект, квантовые вычисления или биотехнологии, где уже имеется определенный задел, с последующей их агрессивной поддержкой через механизмы госзаказа, венчурного финансирования и целенаправленного формирования спроса.

В контексте диверсификации экономики китайская стратегия «внутренней циркуляции» предлагает интересный ракурс для переосмысления российского курса на импортозамещение. Речь должна идти не об экономической изоляции, а о создании конкурентоспособных внутренних цепочек создания стоимости с их последующей интеграцией в глобальную экономику, особенно в рамках ЕАЭС. Одновременно, учитывая ожидаемую нехватку кадров, государству следует активнее стимулировать внедрение робототехники и цифровых решений в промышленности и сельском хозяйстве через систему налоговых льгот и целевых образовательных программ.

Однако при всей ценности китайского опыта необходимо учитывать фундаментальные ограничения и риски его применения в России. Китайская модель основана на гипертрофированной роли государства и способности концентрировать колоссальные ресурсы в приоритетных направлениях, что трудно воспроизвести в условиях российской рыночной экономики с ее более скромными финансовыми возможностями и иной структурой собственности. Существенным ограничением является и масштаб внутреннего рынка: 140 млн потребителей в России несопоставимы с 1,4 млрд в Китае, что объективно сужает возможности для масштабирования производства и создания самодостаточных технологических экосистем.

Различная структура экономик также накладывает свои ограничения. Если Китай прошел через этап массовой индустриализации, то российская экономика сохраняет сырьевой уклон, а значит, задача состоит не в переходе от индустриальной к постиндустриальной стадии, а в диверсификации и создании с нуля современных высокотехнологичных производств. Кроме того, нельзя игнорировать риски неэффективного распределения ресурсов, выявленные китайским опытом: переинвестирование, формирование «пузырей» на рынке активов и рост долгового навеса. Во избежание этих ловушек России целесообразно выстраивать политику, опираясь на механизмы частно-государственного партнерства и рыночные стимулы.

Таким образом, для России ценным является не конкретный набор китайских мер, а скорее стратегический подход, который можно было бы заимствовать. Это признание демографического вызова как системного ограничения, требующего долгосрочного, целенаправленного и скоординированного курса на переход к инновационной модели развития, основанной на знаниях и человеческом капитале.

Заключение

Проведенное исследование структурной трансформации экономики КНР в условиях демографического спада позволяет сделать ряд ключевых выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Анализ подтвердил центральную гипотезу о том, что демографический фактор в современном Китае перестал быть лишь фоном экономического развития, превратившись в ключевой детерминирующий

элемент, который обостряет системные дисбалансы и напрямую определяет выбор стратегических путей развития.

Во-первых, было установлено, что окончание эпохи «демографического дивиденда» и переход к периоду «демографического бремени» носят для Китая необратимый характер. Сокращение в абсолютных значениях численности трудоспособного населения и его стремительное старение выступают мощным драйвером, заставляющим страну отказываться от экстенсивной модели роста, основанной на дешевой рабочей силе и массовых инвестициях. Этот переход проявляется в конкретных экономических реалиях: устойчивом росте затрат на труд, что подрывает традиционное конкурентное преимущество; создании беспрецедентного давления на пенсионную систему и здравоохранение; а также в формировании структурного дефляционного пресса из-за роста склонности к сбережениям стареющего населения.

Во-вторых, ответом на эти вызовы стал комплекс взаимосвязанных стратегий, суть которых сводится к переходу от парадигмы *Made in China* к *Created in China*. Исследование выявило, что ядро этой трансформации составляют несколько направлений. Это технологический апгрейд и движение вверх по глобальным цепочкам создания стоимости, наглядно реализуемые через инициативу «Сделано в Китае 2025»; масштабные инвестиции в человеческий капитал, где ставка делается на качество, а не на количество рабочей силы; тотальная автоматизация и цифровизация как способ компенсации нехватки рабочих рук и повышения производительности; а также курс на зеленое развитие, который не только решает экологические проблемы, но и создает новые точки высокотехнологичного роста. Важную роль в этом процессе играет и стратегия «Двойной циркуляции», которая отражает прагматичное стремление снизить уязвимость от внешних шоков, сделав внутренний спрос новым драйвером экономики.

В-третьих, оценка промежуточных итогов этой трансформации показывает противоречивую картину. С одной стороны, Китай демонстрирует впечатляющие успехи в создании высокотехнологичных секторов, таких как возобновляемая энергетика и электромобили, и в развитии цифровой экономики, что доказывает его способность к технологической модернизации. С другой – трансформация наталкивается на серьезные системные проблемы. Чрезмерная долговая нагрузка, кризис в секторе недвижимости, доминирование менее эффективного государственного сектора и аномально низкая доля потребления домашних хозяйств в ВВП свидетельствуют о том, что глубинные структурные дисбалансы сохраняются. Демографический спад в этой ситуации выступает как мультипликатор, усугубляющий эти вызовы и сокращающий временное окно для их решения.

Наконец, сравнительный анализ применимости китайского опыта для России показал, что прямое копирование китайской модели невозможно и нецелесообразно в силу фундаментальных различий в политико-экономических системах, масштабах внутренних рынков и структурах экономик. Россия не прошла этап массовой индустриализации, основанной на дешевом труде, и ее экономика сохраняет сырьевой уклон. Однако ценность китайского опыта для российской экономической политики заключается в стратегическом подходе. Это признание демографического вызова не как временной трудности, а как системного и долгосрочного ограничения, требующего последовательного и целенаправленного курса на построение инновационной, знание-ориентированной экономики. Конкретными уроками могут стать акцент на целевой поддержке ограниченного числа высокотехнологичных приоритетов, опора на развитие человеческого капитала через модернизацию STEM-образования, а также стимулирование автоматизации для компенсации будущей нехватки кадров.

Таким образом, структурная трансформация экономики КНР в условиях демографического сжатия предстает сложным, многогранным и незавершенным процессом. Ее успех в долгосрочной перспективе будет зависеть не столько от технологических прорывов, которые уже демонстрируются, сколько от готовности и способности китайского руководства проводить глубокие институциональные реформы – в системе хукоу, социального обеспечения, финансового сектора и в распределении ресурсов между государственным и частным сектором. Структурная трансформация экономики КНР в условиях демографического спада становится не просто инструментом поддержания темпов роста, а фундаментальным условием достижения устойчивого развития. Демографическое сжатие, выступая системным ограничением, вынуждает Китай переходить от ресурсоемкой модели к качественно новой парадигме, где устойчивость обеспечивается за счет перехода к инновациям, инвестиций в человеческий капитал и развития зеленых секторов. Технологический апгрейд и автоматизация компенсируют сокращение трудовых ресурсов, развитие «серебряной экономики» адаптирует социальную сферу к старению населения, а курс на углеродную нейтральность совмещает экологические

императивы с созданием новых точек роста. Таким образом, структурная трансформация напрямую влияет на все три компонента устойчивого развития – экономический, социальный и экологический, превращая демографический вызов в импульс для построения более сбалансированной и устойчивой экономики, способной функционировать в новых демографических реалиях без ущерба для будущих поколений.

Для России же китайский опыт служит важным напоминанием о том, что ответом на демографические вызовы может и должна стать не оборонительная, а активная дальновидная экономическая политика, нацеленная на создание экономики будущего уже сегодня.

Список литературы

- Волкова, М. Д., Круглова, М. С. (2024). От демографического дивиденда к устойчивому развитию КНР в условиях стареющего населения: взгляд китайских экспертов. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 559–576. EDN: DJMBKL. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.559-576
- Коротаяев, А. В., Зинькина, Ю. В. (2014). Математическое моделирование и сценарное прогнозирование демографического будущего КНР. *Восточная аналитика*, 4, 36–41.
- Власова, В. В., Гохберг, Л. М., Дитковский, К. А. и др. (2023). *Наука. Технологии. Инновации: 2023: краткий статистический сборник*. Москва: НИУ ВШЭ.
- Островский, А. В. (2022). Долгосрочные цели Китая: исторический скачок к экономической мощи и обществу всеобщей зажиточности. *Ориенталистика*, 5(4), 805–821. EDN: REMCDT. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-805-821
- Портяков, В. Я. (2015). Современная корректировка модели экономического роста в Китае: теория и практика. *Общество и государство в Китае*, 45(2), 596–608. EDN: YLJSXJ
- Федеральная служба государственной статистики (Росстат). (2023). *Демографический ежегодник России. 2022: стат. сб.* Москва.
- Acemoglu, D., & Restrepo, P. (2022). Demographics and Automation. *The Review of Economic Studies*, 89(1), 1–44. EDN: GFZETN. DOI: 10.1093/restud/rdab031
- Bairam, A., Omarova, M., Aldabek, N., & Yem, N. (2025). China's Dual Circulation Strategy: An Overview of the Key Drivers. *Journal of Posthumanism*, 5(5), 954–964. <https://doi.org/10.63332/joph.v5i5.1414>
- Bairoliya, N., & Miller, R. (2021). Demographic Transition, Human Capital and Economic Growth in China. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 127, 1–57, 104117. EDN: QPADQW. DOI: 10.1016/j.jedc.2021.104117
- Bloom, D. E., Canning, D., & Sevilla, J. (2003). *The Demographic Dividend: A New Perspective on the Economic Consequences of Population Change*. RAND Corporation.
- Cai, F. (2010). Demographic Transition, Demographic Dividend, and Lewis Turning Point in China. *China Economic Journal*, 3(2), 107–119. <https://doi.org/10.1080/17538963.2010.511917>
- Cao, J., Ho, M. S., Hu, W., & Jorgenson, D. (2020). Effective labor supply and growth outlook in China. *China Economic Review*, 61, 101398. EDN: FIFIQJ. DOI: 10.1016/j.chieco.2020.101398
- Chan, K. W. (2021). *China's Hukou System: Markets, Migrants and Institutional Change*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-51402-0>
- Glawe, L., & Wagner, H. (2020). China in the middle-income trap? *China Economic Review*, 60, 101264. EDN: APCKIS. DOI: 10.1016/j.chieco.2019.01.003
- Guarino, A. (2023). The Economic Implications of China's Demographic Problems. *Journal of Economics and Public Finance*, 9(4), 176. EDN: ZJTFZFS. DOI: 10.22158/jepf.v9n4p176
- Guo, Y., Liu, M., Wang, J., Xia, Y., & Zhao, D. (2023). Demographic Challenge: The Rise of the Silver Economy in China. *Advances in Economics, Management and Political Sciences*, 34, 121–126. EDN: IZFTUT. DOI: 10.54254/2754-1169/34/20231688
- Hu, M., Xiao, L., & Qiu, H. (2024). The effects of population aging on industrial structure upgrading: Empirical analysis of provincial and threshold characteristics in China. *Chinese Journal of Population, Resources and Environment*, 22(3), 356–366. EDN: SUVBBZ. DOI: 10.1016/j.cjpre.2024.04.042
- Huang, Y. (2020). *Capitalism with Chinese Characteristics: Entrepreneurship and the State*. Cambridge University Press.
- International Federation of Robotics (IFR). (2023). *World Robotics Report 2023*. Frankfurt: IFR.
- Jackson, R., & Nakashima, K. (2021). *China's Long March to Retirement Reform: The Aging of the Middle Kingdom*. Center for Strategic and International Studies (CSIS).
- Lardy, N. R. (2019). *The State Strikes Back: The End of Economic Reform in China?* Peterson Institute for International Economics.
- Li, W., Chen, S., Wang, J., Zhao, L., & Wang, D. (2019). Fertility cost in China should be borne by the state. *The Lancet Global Health*, 7(6), e708. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(19\)30155-X](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(19)30155-X)
- Lin, J. Y. (2013). Demystifying the Chinese Economy. In *The Oxford Handbook of the Chinese Economy*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8462.2013.12035.x>

- Liu, Y., & Jia, M. (2023). The Impact of Population Aging on Green Innovation: An Empirical Analysis Based on Inter-Provincial Data in China. *Sustainability*, 15(4), 3305. EDN: DSONCA. DOI: 10.3390/su15043305
- Meng, F., & Wen, X. (2024). Can digital economy compensate the effect of aging on total factor productivity? *PLoS One*, 19(4), e0301500. EDN: TPKZQG. DOI: 10.1371/journal.pone.0301500
- Meng, K. (2018). *China's Pension Reforms: Political Institutions, Skill Formation and Pension Policy in China* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351061667>
- Meng, X. (2023). *China's 40 Years Demographic Dividend and Labor Supply: The Quantity Myth*. IZA Discussion Paper No. 16207. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4471340>
- National Bureau of Statistics of China (NBS). (2023). *Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2022 National Economic and Social Development*.
- National Health Commission of China. (2022). 关于印发“十四五”健康老龄化规划的通知 [Notice on Issuing the "14th Five-Year" Plan for Healthy Ageing]. (In Chin.).
- National Science Foundation. (2022). *Science and Engineering Indicators 2022: The State of U.S. Science and Engineering*.
- Naughton, B. (2018). *The Chinese Economy: Adaptation and Growth*. MIT Press.
- Ogawa, N., Mansor, N., Lee, S.-H., Abrigo, M., & Aris, T. (2021). Population Aging and the Three Demographic Dividends in Asia. *Asian Development Review*, 38(1), 32–67. EDN: KCJHXX. DOI: 10.1162/adev_a_00157
- Prettner, K., & Bloom, D. E. (2021). The Economic Effects of Population Aging. In J. F. Shogren (Ed.), *Encyclopedia of Energy, Natural Resource, and Environmental Economics*.
- Romer, P. M. (1990). Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*, 98(5), 71–102. EDN: HIWUWF. DOI: 10.1086/261725
- Rozelle, S., & Hell, N. (2020). *Invisible China: How the Urban-Rural Divide Threatens China's Rise*. University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226740515.001.0001>
- Sha, X., Li, B., Zhao, Z., Yin, X., Dong, J., Yang, Y., & Xu, Z. (2025). How Does Population Aging Affect New Quality Productivity in Economic Sustainability? An Empirical Study Based on Mediating Mechanisms and Moderating Effects. *Sustainability*, 17(18), 8249. <https://doi.org/10.3390/su17188249>
- Song, Z., Storesletten, K., & Zilibotti, F. (2014). Growing (with Capital Controls) like China. *IMF Economic Review*, 62(3), 327–370. EDN: DFZCMG. DOI: 10.1057/imfer.2014.20
- State Council of the People's Republic of China. (2021). 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 [The 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the People's Republic of China and the Outline of Long-Range Objectives for 2035]. (In Chin.).
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2022). *World Population Prospects 2022*.
- Wang, Y., Crowley, F., Doran, J., & O'Connor, M. (2025). Job automation in China: who is at risk and where are they located? *Cogent Economics & Finance*, 13(1). <https://doi.org/10.1080/23322039.2025.2517389>
- World Bank Open Data. (2023). *Population ages 15-64 (% of total population) - China*. Retrieved from <https://data.worldbank.org>
- World Bank. (2020). *Live Long and Prosper: Aging in East Asia and Pacific*.
- Wübbecke, J., Meissner, M., Zenglein, M. J., Ives, J., & Conrad, B. (2016). *Made in China 2025: The making of a high-tech superpower and consequences for industrial countries*. MERICS Papers on China.
- Xu, S. (2023). China's climate governance for carbon neutrality: regulatory gaps and the ways forward. *Humanities and Social Sciences Communications*, 10, 853. EDN: POLVEF. DOI: 10.1057/s41599-023-02381-8
- Zhang, L., Mu, R., Zhan, Y., Yu, J., Liu, L., Yu, Y., & Zhang, J. (2022). Digital economy, energy efficiency, and carbon emissions: Evidence from provincial panel data in China. *Science of The Total Environment*, 852, 158403. EDN: SWHQOW. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2022.158403

References

- Acemoglu, D., & Restrepo, P. (2022). Demographics and Automation. *The Review of Economic Studies*, 89(1), 1–44. <https://doi.org/10.1093/restud/rdab031>
- Bairam, A., Omarova, M., Aldabek, N., & Yem, N. (2025). China's Dual Circulation Strategy: An Overview of the Key Drivers. *Journal of Posthumanism*, 5(5), 954–964. <https://doi.org/10.63332/joph.v5i5.1414>
- Bairoliya, N., & Miller, R. (2021). Demographic Transition, Human Capital and Economic Growth in China. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 127, 1–57, 104117. <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2021.104117>
- Bloom, D. E., Canning, D., & Sevilla, J. (2003). *The Demographic Dividend: A New Perspective on the Economic Consequences of Population Change*. RAND Corporation.
- Cai, F. (2010). Demographic Transition, Demographic Dividend, and Lewis Turning Point in China. *China Economic Journal*, 3(2), 107–119. <https://doi.org/10.1080/17538963.2010.511917>
- Cao, J., Ho, M. S., Hu, W., & Jorgenson, D. (2020). Effective labor supply and growth outlook in China. *China Economic Review*, 61, 101398. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2020.101398>

- Chan, K. W. (2021). *China's Hukou System: Markets, Migrants and Institutional Change*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-51402-0>
- Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat). (2023). *Yearly reference book on demography in Russia. 2022: collection of statistics*. Moscow. (In Russ.).
- Glawe, L., & Wagner, H. (2020). China in the middle-income trap? *China Economic Review*, 60, 101264. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2019.01.003>
- Guarino, A. (2023). The Economic Implications of China's Demographic Problems. *Journal of Economics and Public Finance*, 9(4), 176. <https://doi.org/10.22158/jepf.v9n4p176>
- Guo, Y., Liu, M., Wang, J., Xia, Y., & Zhao, D. (2023). Demographic Challenge: The Rise of the Silver Economy in China. *Advances in Economics, Management and Political Sciences*, 34, 121–126. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/34/20231688>
- Hu, M., Xiao, L., & Qiu, H. (2024). The effects of population aging on industrial structure upgrading: Empirical analysis of provincial and threshold characteristics in China. *Chinese Journal of Population, Resources and Environment*, 22(3), 356–366. <https://doi.org/10.1016/j.cjpre.2024.04.042>
- Huang, Y. (2020). *Capitalism with Chinese Characteristics: Entrepreneurship and the State*. Cambridge University Press.
- International Federation of Robotics (IFR). (2023). *World Robotics Report 2023*. Frankfurt: IFR.
- Jackson, R., & Nakashima, K. (2021). *China's Long March to Retirement Reform: The Aging of the Middle Kingdom*. Center for Strategic and International Studies (CSIS).
- Korotayev, A. V., & Zinkina, Y. V. (2014). Mathematical modeling and scenario prognosis of the PRC's demographic future. *Eastern Analytics*, 4, 36–41. (In Russ.).
- Lardy, N. R. (2019). *The State Strikes Back: The End of Economic Reform in China?* Peterson Institute for International Economics.
- Li, W., Chen, S., Wang, J., Zhao, L., & Wang, D. (2019). Fertility cost in China should be borne by the state. *The Lancet Global Health*, 7(6), e708. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(19\)30155-X](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(19)30155-X)
- Lin, J. Y. (2013). Demystifying the Chinese Economy. In *The Oxford Handbook of the Chinese Economy*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8462.2013.12035.x>
- Liu, Y., & Jia, M. (2023). The Impact of Population Aging on Green Innovation: An Empirical Analysis Based on Inter-Provincial Data in China. *Sustainability*, 15(4), 3305. <https://doi.org/10.3390/su15043305>
- Meng, F., & Wen, X. (2024). Can digital economy compensate the effect of aging on total factor productivity? *PLoS One*, 19(4), e0301500. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0301500>
- Meng, K. (2018). *China's Pension Reforms: Political Institutions, Skill Formation and Pension Policy in China* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351061667>
- Meng, X. (2023). *China's 40 Years Demographic Dividend and Labor Supply: The Quantity Myth**. IZA Discussion Paper No. 16207. <https://ssrn.com/abstract=4471340>
- National Bureau of Statistics of China (NBS). (2023). *Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2022 National Economic and Social Development*.
- National Health Commission of China. (2022). 关于印发“十四五”健康老龄化规划的通知 [Notice on Issuing the "14th Five-Year" Plan for Healthy Ageing]. (In Chin.).
- National Science Foundation. (2022). *Science and Engineering Indicators 2022: The State of U.S. Science and Engineering*.
- Naughton, B. (2018). *The Chinese Economy: Adaptation and Growth*. MIT Press.
- Vlasova, V. V., Gokhberg, L. M., Ditkovskiy, K. A. et al. (2023). *Science. Technologies. Innovations: 2023: brief collection of statistics*. Moscow: HSE University. (In Russ.).
- Ogawa, N., Mansor, N., Lee, S.-H., Abrigo, M., & Aris, T. (2021). Population Aging and the Three Demographic Dividends in Asia. *Asian Development Review*, 38(1), 32–67. https://doi.org/10.1162/adev_a_00157
- Ostrovskiy, A. V. (2022). China's long-term goals: a historical leap to economic power and a society of universal prosperity. *Orientalistica*, 5(4), 805–821. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-805-821>
- Portyakov, V. Y. (2015). Transformation of economic growth' model in the People's Republic of China: current trends and future prospects. *Obshchestvo i Gosudarstvo v Kitaye*, 45(2), 596–608. (In Russ.).
- Prettner, K., & Bloom, D. E. (2021). The Economic Effects of Population Aging. In J. F. Shogren (Ed.), *Encyclopedia of Energy, Natural Resource, and Environmental Economics*.
- Romer, P. M. (1990). Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*, 98(5), 71–102. <https://doi.org/10.1086/261725>
- Rozelle, S., & Hell, N. (2020). *Invisible China: How the Urban-Rural Divide Threatens China's Rise*. University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226740515.001.0001>
- Sha, X., Li, B., Zhao, Z., Yin, X., Dong, J., Yang, Y., & Xu, Z. (2025). How Does Population Aging Affect New Quality Productivity in Economic Sustainability? An Empirical Study Based on Mediating Mechanisms and Moderating Effects. *Sustainability*, 17(18), 8249. <https://doi.org/10.3390/su17188249>
- Song, Z., Storesletten, K., & Zilibotti, F. (2014). Growing (with Capital Controls) like China. *IMF Economic Review*, 62(3), 327–370. <https://doi.org/10.1057/imfer.2014.20>

State Council of the People's Republic of China. (2021). 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 [The 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the People's Republic of China and the Outline of Long-Range Objectives for 2035]. (In Chin.).

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2022). *World Population Prospects 2022*.

Volkova, M. D., & Kruglova, M. S. (2024). From a demographic dividend to sustainable development of PRC with ageing population: view of Chinese experts. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 559–576. (In Russ.) <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.559-576>

Wang, Y., Crowley, F., Doran, J., & O'Connor, M. (2025). Job automation in China: who is at risk and where are they located? *Cogent Economics & Finance*, 13(1). <https://doi.org/10.1080/23322039.2025.2517389>

World Bank Open Data. (2023). *Population ages 15-64 (% of total population) - China*. Retrieved from <https://data.worldbank.org>

World Bank. (2020). *Live Long and Prosper: Aging in East Asia and Pacific*.

Wübbecke, J., Meissner, M., Zenglein, M. J., Ives, J., & Conrad, B. (2016). *Made in China 2025: The making of a high-tech superpower and consequences for industrial countries*. MERICS Papers on China.

Xu, S. (2023). China's climate governance for carbon neutrality: regulatory gaps and the ways forward. *Humanities and Social Sciences Communications*, 10, 853. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-02381-8>

Zhang, L., Mu, R., Zhan, Y., Yu, J., Liu, L., Yu, Y., & Zhang, J. (2022). Digital economy, energy efficiency, and carbon emissions: Evidence from provincial panel data in China. *Science of The Total Environment*, 852, 158403. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2022.158403>

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 19.09.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 29.10.2025

Дата принятия в печать / Accepted 29.10.2025

Е. В. Маслюкова¹,

В. В. Вольчик¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Эконометрическое моделирование пространственного инновационного развития в контексте институциональных факторов

Контактное лицо:

Маслюкова Елена Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической кибернетики экономического факультета, Южный федеральный университет

E-mail: maslyukova@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9918-3040>

Web of Science Researcher ID: K-7143-2016

eLIBRARY SPIN-код: 5309-8654

Вольчик Вячеслав Витальевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета, Южный федеральный университет

E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science ResearcherID: K-7832-2012

eLIBRARY SPIN-код: 2539-2890

Аннотация

Цель: выявление и анализ пространственных механизмов влияния ключевых социально-экономических и институциональных факторов на инновационное развитие регионов России в контексте дихотомии Веблена.

Методы: исследование основано на панельных данных по регионам РФ за 2017–2023 гг. Для проверки гипотез использованы классические регрессионные модели (*POLS*, *FE*, *RE*) и спектр пространственных эконометрических моделей (*SEM*, *SAR*, *SAC*, *SDM*), позволяющих учесть пространственную автокорреляцию и эффекты перелива. С помощью разложения эффектов в *Spatial Durbin Model (SDM)* оценены прямые и косвенные (соседские) воздействия факторов.

Результаты: подтверждено значимое положительное влияние на инновационную активность инструментальных факторов – промышленного производства и образовательного потенциала, а также негативное влияние церемониальных факторов – социального неравенства и безработицы. Выявлена значимая положительная пространственная зависимость инновационной активности ($\lambda > 0$), свидетельствующая о наличии эффекта «заражения» между соседними регионами. При этом количественная оценка показала, что доминируют прямые (внутрирегиональные) эффекты, в то время как косвенные эффекты перелива оказались статистически незначимыми.

Научная новизна: впервые для российских регионов осуществлена интеграция концептуального аппарата дихотомии Веблена с современным инструментарием пространственной эконометрики, что позволило количественно оценить механизмы влияния институциональных структур на инновационную динамику с учетом пространственных взаимодействий.

Практическая значимость: полученные результаты могут быть использованы для корректировки региональной политики, ориентированной на сокращение социального неравенства и повышение инновационного потенциала с учетом институциональных барьеров и ресурсов развития.

Ключевые слова:

экономическая теория, пространственная эконометрика, инновационное развитие, регионы России, институциональные факторы, дихотомия Веблена, эффекты перелива, панельные данные, социально-экономическое развитие

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01167 «Реиндустриализация и институциональные изменения в контексте дихотомии Веблена» в Южном федеральном университете. <https://rscf.ru/project/24-28-01167/>

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Маслюкова, Е. В., Вольчик, В. В. (2025). Эконометрическое моделирование пространственного инновационного развития в контексте институциональных факторов. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 754–774. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.754-774>

Scientific article

E. V. Maslyukova¹,

V. V. Volchik¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Econometric modeling of spatial innovation development in the context of institutional factors

Contact:

Elena V. Maslyukova, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Economic Cybernetics of the Faculty of Economics, Southern Federal University

E-mail: maslyukova@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9918-3040>

Web of Science Researcher ID: K-7143-2016

eLIBRARY SPIN-code: 5309-8654

Vyacheslav V. Volchik, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Economic Theory of the Faculty of Economics, Southern Federal University

E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science Researcher ID: K-7832-2012

eLIBRARY SPIN-code: 2539-2890

Abstract

Objective: to identify and analyze the spatial mechanisms of the influence of key socio-economic and institutional factors on the innovative development of Russian regions in the context of Veblen dichotomy.

Methods: the study is based on 2017-2023 panel data for the Russian regions. Classical regression models (*POLS*, *FE*, *RE*) and a range of spatial econometric models (*SEM*, *SAR*, *SAC*, *SDM*) were used to test the hypotheses, allowing for spatial autocorrelation and overflow effects. Using the decomposition of effects in *Spatial Durbin Model (SDM)*, the direct and indirect (neighborhood) effects of factors were estimated.

Results: the study confirmed that innovation activity enjoys a significant positive impact of instrumental factors, such as industrial production and educational potential, as well as a negative impact of ceremonial factors, such as social inequality and unemployment. The authors revealed a significant positive spatial dependence of innovation activity ($\lambda > 0$), indicating the presence of an “infection” effect between neighboring regions. At the same time, the quantitative assessment showed that direct (intraregional) effects predominate, while indirect overflow effects turned out to be statistically insignificant.

Scientific novelty: for the first time, the conceptual apparatus of Veblen dichotomy was integrated with modern tools of spatial econometrics for the Russian regions. It allowed quantifying the mechanisms of institutional structures’ influence on innovation dynamics, taking into account spatial interactions.

Practical significance: the results obtained can be used to adjust regional policy aimed at reducing social inequality and increasing innovation potential, taking into account institutional barriers and development resources.

Keywords:

economic theory, spatial econometrics, innovative development, Russian regions, institutional factors, Veblen dichotomy, overflow effects, panel data, socio-economic development

Financial Support

The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01167 “Reindustrialization and institutional change in the context of the Veblen dichotomy” at Southern Federal University. <https://rscf.ru/project/24-28-01167/>

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Maslyukova, E. V., & Volchik, V. V. (2025). Econometric modeling of spatial innovation development in the context of institutional factors. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 754–774. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.754-774>

Введение

Современное инновационное развитие – сложный процесс, зависящий от множества факторов. В данном исследовании мы рассматриваем инновационное развитие через призму институциональных (социальных) и экономических факторов. Такой подход в современной экономической науке получил значительное распространение. Например, в работах нобелевского лауреата Джоэля Мокира отмечается важность учета институциональных факторов, которые во многом определяли траектории инновационного развития в исторической перспективе (Mokyr, 2002; Greif et al., 2025).

Актуальность данного исследования обусловлена значительной и устойчивой дифференциацией российских регионов по уровню инновационного развития. Традиционные экономические модели, не учитывающие пространственную зависимость, не в полной мере объясняют природу этой дифференциации и механизмы распространения инноваций. Также применение концептуального аппарата эволюционного институционализма, в частности дихотомии Т. Веблена, в сочетании с современным инструментарием пространственной эконометрики для анализа российских реалий остается недостаточно изученным. Преодоление этого пробела является необходимым условием для разработки адресных и эффективных мер региональной политики, направленных на сокращение разрывов и стимулирование инновационного роста с учетом институционального контекста соседних территорий.

Целью настоящего исследования является количественная оценка факторов, способствующих и лимитирующих инновационное развитие регионов Российской Федерации, с учетом пространственных взаимодействий. Традиционно для исследования факторов инновационного развития регионов России ограничиваются применением стандартных панельных моделей, не учитывающих пространственные автокорреляцию и переливы (*spillover effects*). В то же время, как показывают исследования для других стран, игнорирование пространственной зависимости может приводить к смещению оценок и ошибочным выводам (Elhorst, 2014; LeSage, 2009). В частности, с помощью пространственной модели Дарбина можно выделить прямые эффекты факторов инновационного развития внутри региона и косвенные эффекты, возникающие под влиянием соседних регионов (Наумов, Никулина, 2023). Поэтому в рамках эконометрического моделирования учет пространственных зависимостей становится необходимым условием для получения несмещенных оценок и корректной интерпретации результатов.

Институты часто рассматриваются с позиций качественного анализа (Ефимов, 2016). Однако эволюцию институциональной среды можно рассматривать через призму влияния, которое она оказывает на развитие инновационной деятельности в регионах. Поэтому комплексное использование эконометрического моделирования дает возможность оценки влияния экономических и институциональных факторов на инновационное развитие в контексте возможностей промышленного развития.

Теоретический обзор

В современной экономической науке проблематика институциональных изменений представлена широко. Прежде всего анализ институциональных изменений в экономике затрагивает фундаментальные вопросы исторической эволюции институтов (North, 1990; North, 2005; Grief, 2006). Также существуют подходы, в которых институциональные изменения рассматриваются через призму социальных ценностей и широких социальных контекстов (Bush, 1987; Elsner, 2012; Maslov & Volchik, 2014). Постепенно исследования институтов и институциональных изменений стали использовать обширные массивы эмпирических данных, что позволяет проводить не только качественный, но и количественный анализ с использованием различных методов, включая эконометрические. Интересным примером такого эконометрического исследования является пространственный анализ институциональных изменений в Китае в контексте их влияния на экономический рост и неравномерное региональное развитие (Jia et al., 2024).

Эволюция институтов, связанная с инструментальными факторами, позволяет формировать условия для устойчивого инновационного развития. В российских условиях экономическая и инновационная устойчивость регионов не являются универсальными при разного рода шоках и кризисах (Dementiev, 2024). Поэтому формирование условий для преодоления шоков зависит не только от институтов и механизмов регулирования, которые формируются внутри регионов, но и от формирования экономической и институциональной инфраструктуры, обеспечивающей фундаментальные системные основы для развития национальной инновационной системы (Volchik & Maslyukova, 2022; Тополева, 2021).

Концепт дихотомии Веблена в современной экономической науке уходит от отрицательных коннотаций, которые были связаны с институтами, в частности, денежной экономики. Более того, существуют исследования, в которых подчеркивается, что институты и связанные с ними ценности в контексте дихотомии Веблена могут рассматриваться через призму исторической обусловленности хозяйственных процессов (Верников, Курешева, 2024; Kurysheva & Vernikov, 2024).

Качественные подходы к исследованию дихотомии Веблена позволяют выявить неоднозначное влияние элементов институциональной структуры экономики на промышленное и инновационное развитие (Маслюкова и др., 2025). И хотя все больше появляется количественных и качественных исследований институтов проблема междисциплинарного взаимодействия институционалистов (Hollingsworth, 2000) до сих пор остается актуальной. Например, при анализе инновационных процессов одним из важнейших институциональных факторов рассматриваются патенты, их защита и другие права интеллектуальной собственности как в позитивном, так и в негативном контексте (Sharma et al., 2022; Brüggemann et al., 2016). Однако, исходя из специфики, например, российской инновационной системы, можно однозначно рассматривать патенты как драйвер инновационной деятельности особенно в контексте новых технологий и промышленного производства (Ширяев и др., 2022; Вольчик, Ширяев, 2023).

Рассматривая инновационное развитие через призму дихотомии Веблена, можно акцентировать внимание на двух важных аспектах, связанных с ценностями, институтами и технологиями. Первый аспект связан с тем, что стимулы, связанные с институтами «денежной экономики», ориентированы более на краткосрочные периоды, что может создавать определенные препятствия для долгосрочного планирования, которое необходимо для сложных технологических инноваций. Второй аспект связан с формированием долгосрочной и непротиворечивой траектории институциональных реформ. Именно институциональные реформы являются важнейшим фактором создания среды для инновационной деятельности (AlMalki & Durugbo, 2022). Поэтому в дальнейшем необходимо проводить детальные качественные и количественные исследования конкретных институтов и связанных с ними механизмов регулирования в плане выявления и преодоления различных барьеров и создания новых возможностей для инноваций и развития современных высокотехнологичных промышленных предприятий.

Пространственные эконометрические модели активно применяются для исследования экономического роста и инновационного развития регионов, поскольку данный тип моделей позволяет учесть пространственную гетерогенность и эффекты перелива (*spillover*) (переливы инноваций и знаний из одного региона в другой), что позволяет моделировать неравномерность развития и выявлять зоны влияния. Как видно из табл. 1, данный инструментарий успешно используется как в международных, так и в российских исследованиях.

Таблица 1

Использование эконометрических моделей для анализа пространственного развития
Table 1. Using econometric models for spatial development analysis

Статья/Источник / Article/Source	Методы/Модели / Methods/Models	Объект исследования / Object of research	Основные результаты / Main results
Pinar & Karahasan, 2025	<i>MGWR</i>	Европейские регионы / European regions	Показано, что различные аспекты инноваций (технологическая готовность, уровень развития бизнеса и общий инновационный потенциал) по-разному влияют на экономическое развитие различных регионов ЕС / It was shown that different aspects of innovations (technological preparedness, business development and overall innovation potential) have various effects on the economic development of different EU regions
Патракова, 2025 / Patrakova, 2025	<i>SAR, SEM, SDM, GSPRE</i>	Российские регионы / Russian regions	Установлено, что автотранспортная связность оказывает позитивное влияние на экономический рост региона / It was established that road connectivity has a positive impact on the economic growth of the region
Jia et al., 2024	Модифицированная гравитационная модель, сетевой анализ, пространственный корреляционно-регрессионный анализ / Modified gravity model, network analysis, spatial correlation, and regression analysis	Регионы Китая / Regions of China	Показана пространственная корреляция институциональных изменений, влияющих на экономический рост провинций / The spatial correlation of institutional changes affecting the economic growth of provinces was shown
Bürscher & Scherngell, 2024	<i>SAR</i>	Европейские регионы / European regions	Подтверждены пространственные неравенства в инновационной активности из-за различий влияния внутрирегиональной технологической структуры, отражаемой плотностью связей, разнообразием связей и сложностью знаний, на региональный запас технологических знаний, измеряемый патентованием / Spatial inequalities in innovation activity are confirmed, which are due to different influence of the intraregional technological structure (reflected by the density and diversity of connections and complexity of knowledge) on the regional stock of technological knowledge, measured by patenting
Попова и др., 2024 / Pороva et al., 2024	<i>SAR</i> , пространственная корреляция / <i>SAR</i> , spatial correlation	Российские регионы / Russian regions	Выявлены значимые различия пространственных эффектов на экономическое развитие между западом и востоком России / Significant differences in spatial effects on economic development between the west and the east of Russia were identified
Патракеева, Кулыгин, 2024 / Patrakeeva & Kulygin, 2024	<i>SAR, SEM</i>	Российские регионы / Russian regions	Пространственный анализ выявил значимые прямые и косвенные эффекты влияния инфраструктурных факторов на уровень экономического развития регионов / Spatial analysis revealed significant direct and indirect effects of infrastructural factors on the economic development of the regions
Наумов, Никулина, 2023 / Naumov & Nikulina, 2023	<i>SDM</i>	Российские регионы / Russian regions	Выявлено положительное влияние выделяемых предприятиями внутри региона финансовых ресурсов на инновационную деятельность и негативное их влияние на динамику отгруженных инновационных товаров в соседних регионах / The positive impact of financial resources, allocated by enterprises within the region, on innovation activities and their negative impact on the dynamics of shipped innovative goods in neighboring regions was revealed

Продолжение табл. 1 / Continuation of Table 1

Статья/Источник / Article/Source	Методы/Модели / Methods/Models	Объект исследования / Object of research	Основные результаты / Main results
Popescu et al., 2023	<i>DSDM</i>	Европейские регионы / European regions	На европейских данных обнаружены значимые эффекты инновационного перелива между регионами, влияющие на пространственную конкуренцию как с точки зрения распределения инвестиций, так и с точки зрения диффузии краткосрочных выгод от инноваций / The European data revealed significant effects of innovation overflow between regions, affecting spatial competition in terms of both investment distribution and diffusion of short-term benefits from innovation
Мосалев, 2022 / Mosalev, 2022	Пошаговая регрессия, <i>SEM, SDM</i> / Stepwise regression, <i>SEM, SDM</i>	Российские регионы / Russian regions	Установлено наличие пространственной корреляции уровней инновационной активности регионов, размеров рынков, а также институциональной поддержки предприятий в отдельных регионах, выявлены регионы-лидеры по инновационной активности / A spatial correlation was established between the levels of innovation activity in regions, the size of markets and institutional support for enterprises in individual regions; the leading regions in innovation activity were identified.
Sharma et al., 2022	Квантильная регрессия, FE, RE / Quantile regression, FE, RE	Международные данные по странам / International data by country	Проведен анализ влияния качества институтов на результаты инновационной деятельности, выявлено сильное негативное влияние защиты патентов и человеческих ресурсов в сфере НИОКР на менее инновационные экономики, а также различное влияние по квантилям на экспорт высокотехнологичной продукции / The analysis of the impact of the quality of institutions on the results of innovation activities was carried out; a strong negative impact of patent protection and human resources in the field of R&D on less innovative economies was revealed, as well as a varied quantile impact on the export of high-tech products
Capriati, 2022	SAR, системы одновременных уравнений / SAR, simultaneous equations model	Европейские регионы / European regions	Показано, что развитие инноваций тесно связано с человеческим потенциалом и экономическим ростом; пространственный анализ дополнительно подтверждает существование благоприятных циклов и наличие пространственных взаимосвязей как с точки зрения эффектов перетока, так и обратной связи / It was shown that the development of innovations is closely related to human potential and economic growth; spatial analysis additionally confirms the existence of favorable cycles and the presence of spatial relationships both in terms of overflow effects and feedback
Тимирьянова и др., 2021 / Timiryanova et al., 2021	SAR, SEM, HLM, HSAR	Муниципальные образования в разрезе регионов России / Municipal entities by Russian regions	Проведен анализ пространственных и иерархических эффектов экономической активности, выявлено значимое влияние на объем отгруженной продукции следующих факторов: отношения среднесписочной численности работников организаций к численности постоянного населения, объема инвестиций в основной капитал в расчете на одного человека и доли городского населения / The analysis of spatial and hierarchical effects of economic activity was carried out; the following factors significantly influenced the volume of shipped products: the ratio of the average number of employees to the permanent population, the volume of investments in fixed assets per person, and the share of the urban population

Статья/Источник / Article/Source	Методы/Модели / Methods/Models	Объект исследования / Object of research	Основные результаты / Main results
Демидова, 2021 / Demidova, 2021	SAR, SEM, SDM	Российские регионы / Russian regions	Проведен обзор основных работ, в которых пространственно-эконометрический инструментарий применяется к российским данным / The main works in which spatial econometric tools are applied to Russian data were reviewed
Наумов, Барыбина, 2020 / Naumov & Barybina, 2020	Пространственная сегментация регионов, пространственный автокорреляционный анализ, степенная регрессионная модель / Spatial segmentation of regions, spatial autocorrelation analysis, power-law regression model	Российские регионы / Russian regions	Осуществлена кластеризация регионов по уровням инновационного развития, выявлена неоднородность регионов по уровню инновационной активности и объему финансирования, обеспеченности территорий научно-исследовательскими кадрами, разработке передовых производственных технологий / Clusterization of regions by levels of innovative development was performed; heterogeneity of regions was revealed in terms of the level of innovation activity and the amount of financing, provision of territories with research personnel and advanced production technologies
Qiu et al., 2020	FE, пространственный автокорреляционный анализ, SFA / FE, spatial autocorrelation analysis, SFA	Регионы Китая / Regions of China	Осуществлена оценка диапазона переливов знаний и обнаружена конвергенция региональных темпов роста знаний; доказано, что развивающиеся регионы получают больше выгод от внешних переливов знаний, чем развитые / The range of knowledge flows was assessed; a convergence of regional knowledge growth rates was found; it was proved that developing regions benefit more from external knowledge flows than developed ones

Таким образом, эмпирические исследования демонстрируют значимые эффекты перелива между регионами в странах ЕС, Китае (Jia et al., 2024) и России и убедительно доказывают необходимость учета этого аспекта в моделях. Пространственные эконометрические модели являются важным инструментом для анализа инновационного развития регионов, позволяя выявлять пространственную взаимосвязь и механизмы распространения инноваций между территориями, а также учитывать гетерогенность регионов для более точного анализа и прогнозирования. При этом учет пространственных эффектов и институциональных факторов является не просто техническим усложнением модели, а необходимым условием для выработки адекватных мер региональной политики.

Тем не менее, несмотря на растущее применение пространственных моделей в региональных исследованиях, интеграция идей институциональной экономики, в частности дихотомии Веблена, с современным пространственным эконометрическим инструментарием для анализа российских реалий остается недостаточно изученной. Комбинация методологии пространственной эконометрики с концептуальным аппаратом дихотомии Веблена для эмпирического анализа инновационного развития российских регионов позволит выявить не только прямые эффекты, но и пространственные механизмы распространения как технологических, так и институциональных изменений.

В рамках нашего проекта мы акцентируем внимание на особенностях институциональных и технологических изменений. Институты и ценности по своей природе являются инерционными, и поэтому их влияние наиболее значимо в среднесрочном и долгосрочном периодах. На основе проведенного анализа отечественной и зарубежной литературы, а также в рамках теоретической рамки дихотомии Веблена были сформулированы следующие рабочие гипотезы, подлежащие эконометрической проверке:

H1: Уровень инновационной активности региона положительно связан с уровнем промышленного производства, предпринимательской активностью и образовательным потенциалом, что отражает влияние инструментальных институциональных факторов.

Н2: Социальное неравенство и безработица оказывают негативное влияние на инновационную активность, выступая в качестве проявления церемониальной институциональной инерции.

Н3: Существуют значимые положительные пространственные эффекты перелива, причем инновационная активность в соседних регионах положительно влияет на инновационную активность в данном регионе ($\lambda > 0$).

Н4: Институциональные факторы, измеряемые через предпринимательскую активность и образовательный потенциал, имеют более сильное и устойчивое прямое влияние на инновации, чем общие макроэкономические показатели (такие как ВРП).

Результаты исследования

Методология и данные

Эконометрические методы могут использоваться для исследования инновационного развития регионов как многофакторного процесса. Использование современных количественных данных позволяет не только оценить влияние экономических, но и институциональных факторов на инновационное развитие.

Методология исследования включает несколько этапов. Первоначально рассматриваются стандартные модели панельных данных: объединенная регрессия (формула 1) (регрессия пула, *Pooled Regression, POLS*), модель с фиксированными эффектами – внутригрупповой фиксированный эффект (формула 2) (*Fixed Effects Model, within transformation, FE*)¹ и модель со случайными эффектами (формула 3) (*Random Effects Model, RE*):

$$y_{it} = \alpha + X_{it} \beta + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

$$\widetilde{y}_{it} = \widetilde{X}_{it} \beta + \widetilde{\varepsilon}_{it}, \quad (2)$$

$$y_{it} = \alpha + X_{it} \beta + v_{it}, \quad (3)$$

где y_{it} – зависимая переменная, X_{it} – матрица независимых переменных, β – вектор коэффициентов, ε_{it} – вектор ошибок, $\widetilde{y}_{it} = y_{it} - \bar{y}_i$, $\widetilde{X}_{it} = X_{it} - \bar{X}_{it}$, $\widetilde{\varepsilon}_{it} = \varepsilon_{it} - \bar{\varepsilon}_i$, $v_{it} = \varepsilon_{it} + u_i$, u_i – индивидуальные эффекты, $i = 1, 2, \dots, n$ – номер объекта; $t = 1, 2, \dots, T$ – номер периода.

Стандартные модели панельных данных (1) – (3) оценивались для сравнения и верификации базовых зависимостей.

Далее для учета возможных пространственных эффектов были рассмотрены следующие эконометрические модели:

1. Модель с пространственной зависимостью в ошибке (*Spatial Error Model, SEM*) предполагает наличие пространственной зависимости в необъясненной части модели (ошибке):

Модель с фиксированными эффектами (*SEM_FE*, формула 4):

$$y_{it} = X_{it} \beta + \mu_i + \varepsilon_{it}, \quad \varepsilon_{it} = \rho W \varepsilon_{it} + u_{it}, \quad (4)$$

где y_{it} – зависимая переменная, X_{it} – матрица регрессоров, μ_i – фиксированные эффекты (индивидуальные), ε_{it} – пространственно автокоррелированная ошибка, ρ – параметр пространственной автокорреляции ошибок, W – матрица пространственных весов, u_{it} – случайная ошибка.

Модель со случайными эффектами (*SEM_RE*, формула 5):

$$y_{it} = X_{it} \beta + \alpha_i + \varepsilon_{it}, \quad \varepsilon_{it} = \rho W \varepsilon_{it} + u_{it}, \quad (5)$$

где α_i – случайные эффекты (индивидуальные).

2. Модель с авторегрессионным пространственным лагом (*Spatial Autoregressive Model, SAR*) предполагает, что уровень инновационного развития в каждом регионе объясняется уровнем инновационного развития в других регионах:

¹ Модель с фиксированными эффектами (2) представлена в эквивалентной форме «внутригруппового» преобразования, где переменные выражены в отклонениях от своих средних по времени значений для каждого i -го региона. Данная форма записи более наглядно показывает суть метода: внутригрупповое преобразование позволяет исключить ненаблюдаемые индивидуальные особенности регионов, не меняющиеся во времени.

Модель с фиксированными эффектами (SAR_FE, формула 6):

$$y_{it} = \lambda W y_{it} + X_{it} \beta + \mu_i + \varepsilon_{it}, \quad (6)$$

где λ – коэффициент пространственного лага зависимой переменной.

Модель со случайными эффектами (SAR_RE, формула 7):

$$y_{it} = \lambda W y_{it} + X_{it} \beta + \alpha_i + \varepsilon_{it}. \quad (7)$$

3. Объединяя модели SAR и SEM, получим комбинированную модель **SAC (Spatial Autoregressive Combined Model)**, которая одновременно включает пространственный авторегрессионный лаг зависимой переменной и пространственную зависимость в ошибках модели:

Модель с фиксированными эффектами (SAC_FE, формула 8):

$$y_{it} = \lambda W y_{it} + X_{it} \beta + \mu_i + \varepsilon_{it}, \varepsilon_{it} = \rho W \varepsilon_{it} + u_{it}. \quad (8)$$

Модель со случайными эффектами (SAC_RE, формула 9):

$$y_{it} = \lambda W y_{it} + X_{it} \beta + \alpha_i + \varepsilon_{it}, \varepsilon_{it} = \rho W \varepsilon_{it} + u_{it}. \quad (9)$$

4. **Модель Дарбина (Spatial Durbin Model, SDM)**, в отличие от предыдущих спецификаций, позволяет учесть пространственные лаги зависимой и независимых переменных.

Модель с фиксированными эффектами (SDM_FE, формула 10):

$$y_{it} = \lambda W y_{it} + X_{it} \beta + W X_{it} \gamma + \mu_i + \varepsilon_{it}, \quad (10)$$

где γ – коэффициенты при лагированных регрессорах.

Модель со случайными эффектами (SDM_RE, формула 11):

$$y_{it} = \lambda W y_{it} + X_{it} \beta + W X_{it} \gamma + \alpha_i + \varepsilon_{it}. \quad (11)$$

Для интерпретации результатов оценок пространственных моделей используются значения прямых, косвенных и общих эффектов. Прямой эффект определяется как среднее (по всем регионам) изменение уровня инновационной активности в регионе при изменении i -го фактора в том же регионе. Косвенный эффект (эффект перетока) – это среднее изменение уровня инновационной активности в регионе при изменении i -го фактора во всех других регионах. Общий эффект – это сумма прямого и косвенного эффектов, т. е. среднее изменение инновационной активности в данном регионе в случае изменения i -го фактора во всех регионах.

Выбор пространственных моделей связан с необходимостью учитывать институциональные различия и региональные особенности, что соответствует институциональной концепции дихотомии Веблена – экономические взаимодействия рассматриваются не только с позиции изолированных регионов, но и с учетом культурного и социального контекста (Hayden, 2006; Waller, 2021; Вольчик, Маслюкова, 2024). Это позволяет оценить не только инструментальную (нацеленную на технический прогресс) составляющую результатов инновационного развития, но и церемониальные (связанные с традициями) аспекты.

В контексте выбранных моделей церемониальные (институциональные) факторы проявляются в устойчивых региональных различиях, обусловленных культурой, традициями, неформальными институтами, что можно рассматривать через показатели неравенства, уровня образования, структуры промышленности и инноваций. Инструментальные аспекты отражаются в реакциях регионов на новые технологии, инновации и институциональные изменения, что оценивается с помощью регрессионного анализа динамики социально-экономических показателей.

Панельные регрессионные модели позволяют выявить, какие факторы и механизмы действуют преимущественно как инструментальные, а какие – как церемониальные, а также наличие пространственных эффектов распространения институтов, инноваций и социального капитала.

Количественная оценка факторов инновационного развития осуществляется на основе анализа панельных данных по регионам Российской Федерации в период с 2017 по 2023 г. В качестве переменных в моделях использовались следующие показатели:

Зависимая переменная: *innov* – уровень инновационной активности организаций по субъектам Российской Федерации, %

Ключевые независимые переменные (переменные интереса), интерпретируемые через призму дихотомии Веблена:

Инструментальные факторы:

burn – коэффициент рождаемости организаций на 1 000 организаций по субъектам Российской Федерации, ‰. Данный фактор рассматривается прокси для динамичной предпринимательской среды и адаптации к новым возможностям;

educ – численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 000 человек населения, человек. Данная переменная отражает инвестиции в человеческий капитал и потенциал для генерации знаний.

Церемониальные факторы:

Gini – коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) по субъектам Российской Федерации. Данный фактор характеризует институциональную инерцию, связанную с сохранением социального неравенства.

Контрольные переменные:

GRP – Индекс физического объема валового регионального продукта на душу населения (в процентах к предыдущему году, общий уровень экономического развития);

unempl – уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше по субъектам Российской Федерации, % (состояние рынка труда);

obnovl – коэффициент обновления основных фондов коммерческих (без субъектов малого предпринимательства) и некоммерческих организаций в разрезе субъектов Российской Федерации по полной учетной стоимости, в смешанных ценах (в процентах) (инвестиционная активность);

indust – индекс промышленного производства по субъектам Российской Федерации (в % к предыдущему году) (структура экономики).

Выбор контрольных переменных обусловлен распространенной практикой анализа региональных инновационных различий и изучения пространственных зависимостей. Множество работ подтверждает наличие существенного влияния этих переменных на инновационное развитие и межрегиональные эффекты (Демидова, 2021; Elhorst, 2014; LeSage, 2009, Popescu et al., 2023, Sharma et al., 2022). Например, уровень экономического развития (*GRP*) является стандартным контролем в региональных исследованиях (Мосалев, 2022; Демидова, 2021; Dementiev, 2024, Попова и др., 2024). Уровни образования и промышленного развития традиционно рассматриваются как ключевые двигатели инноваций, что подтверждают исследования Mokyr (2002), North (1990, 2005), Volchik & Maslyukova (2022), а также обзоры современного состояния институциональных влияний на инновации (AlMalki & Durugbo, 2022). Переменные коэффициент Джини и уровень безработицы характеризуют степень социального неравенства и структурных ограничений для исследования инновативности и экономического роста (Демидова, 2021; Panzera & Postiglione, 2022).

Перед оценкой пространственных моделей был проведен тест на глобальную пространственную автокорреляцию с использованием индекса Морана (*Moran's I*). Для зависимой переменной *innov* в период с 2018 по 2023 г. индекс Морана изменялся в пределах от 0,11 до 0,18 и был статистически значим на 1 % уровне ($p\text{-value} < 0,01$), что указывает на наличие положительной пространственной автокорреляции инновационной активности между регионами России. Также на всем рассматриваемом периоде статистически значимыми были индексы Морана для переменной *unempl* (изменяется в пределах от 0,26 до 0,32). Данный результат подтверждает целесообразность применения пространственно-эконометрических моделей для избежания смещения оценок.

Результаты моделирования

Расчеты были произведены с использованием пространственной весовой матрицы обратных географических расстояний столицами субъектов Российской Федерации по автомобильным дорогам (Сальников, Филатов, 2023). При этом, чтобы избежать потенциальной проблемы эндогенности, вместо самих регрессоров в модели использованы их первые лаги (периода $T-1$).

Результаты оценивания модели с помощью стандартного метода оценки панельных данных – моделей с фиксированными эффектами (оценки *within*), случайными эффектами и объединенной регрессии представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты оценки моделей панельных данных (без учета пространственной структуры)
 Table 2. Results of panel data model evaluation (excluding spatial structure)

Оценки / Evaluations	<i>POLS</i>	<i>FE</i>	<i>RE</i>
<i>const</i>	21,6688*** (6,1484)	–	25,0114*** (5,7763)
<i>grp</i>	–0,1434** (0,0602)	–0,1008** (0,0399)	–0,1202*** (0,0398)
<i>Gini</i>	–15,9652* (8,6247)	–75,9621*** (18,8332)	–34,8992*** (12,8633)
<i>unempl</i>	–0,6034*** (0,0542)	–0,2335* (0,1296)	–0,4337*** (0,0842)
<i>obnovl</i>	–0,0224 (0,0688)	–0,0049 (0,0548)	–0,0101 (0,0536)
<i>indust</i>	0,0555** (0,0252)	0,0567*** (0,0169)	0,0582*** (0,0169)
<i>burn</i>	0,0445*** (0,0107)	0,0209* (0,0109)	0,0270*** (0,0010)
<i>educ</i>	0,01616*** (0,0020)	0,0391*** (0,0102)	0,0205*** (0,0038)
Тест на различие констант в группах (<i>p</i> -значение) / Test for the difference of constants in groups (<i>p</i> -value)	–	6,7513 × 10 ^{–65} → Выбор FE / Choice of FE	
Тест Бреуша – Пагана (<i>p</i> -значение) / Breusch–Pagan test (<i>p</i> -value)	–	–	2,3117*10 ^{–100} → Выбор RE / Choice of RE
Тест Хаусмана (<i>p</i> -значение) / Hausman test (<i>p</i> -value)	–	–	0,0103 → Выбор FE / Choice of FE
Число наблюдений / Number of observations	504	504	504
<i>AIC</i>	2 892,195	2 471,935	2 915,090

Примечание: в скобках указаны стандартные ошибки. *, **, *** – значимость коэффициентов на 10, 5, 1%-м уровне значимости соответственно.

Note: The standard errors are shown in parentheses. *, **, *** – the significance of the coefficients at the 10, 5, 1% significance level, respectively.

На основе результатов тестирования моделей (тесты на различие констант в группах, Бреуша – Пагана и Хаусмана), а также сравнивая значения информационных критериев Акаике, можно сделать вывод, что использование модели с фиксированными эффектами является наиболее предпочтительным. Во всех спецификациях подтверждается статистически значимое положительное влияние на уровень инновационной активности таких факторов, как коэффициент рождаемости организаций (*burn*), индекс промышленного производства (*indust*) и численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 000 человек населения, человек (*educ*), что подтверждает гипотезу о том, что появление новых предприятий и высокие уровни промышленного развития и подготовки высококвалифицированных кадров в регионе способствуют поступательному росту инновационного развития. Факторами, лимитирующими инновационное развитие, оказались *GRP*, коэффициент Джини (*Gini*) и уровень безработицы (*unempl*),

что подчеркивает важность факторов экономического благосостояния и социальной стабильности для создания благоприятной инновационной среды. Кроме того, во всех спецификациях наблюдается отрицательное статистически значимое влияние индекса физического объема валового регионального продукта на душу населения, что противоречит нашей гипотезе. Возможно, из-за неучета пространственной структуры коэффициент является смещенным. Показатель обновления основных фондов (*obnovl*) во всех спецификациях оказался статистически незначимым.

Результаты оценки пространственных эконометрических моделей панельных данных представлены в табл. 3–4.

Таблица 3

Результаты оценки моделей панельных данных SEM и SAR
Table 3. Results of panel data model evaluation of SEM and SAR

Оценки / Evaluations	SEM		SAR	
	FE	RE	FE	RE
<i>const</i>	–	24,748*** (6,036)	–	17,042*** (5,378)
<i>grp</i>	–0,059 (0,03740)	–0,062 (0,041)	–0,0661* (0,034)	–0,077** (0,037)
<i>Gini</i>	–81,637*** (16,8372)	–42,659*** (12,707)	–75,8217*** (16,079)	–35,948*** (11,982)
<i>unempl</i>	–0,526*** (0,144)	–0,592*** (0,0907)	–0,320*** (0,111)	–0,406*** (0,078)
<i>obnovl</i>	0,011 (0,046)	0,012 (0,049)	0,008 (0,047)	0,011 (0,050)
<i>indust</i>	0,047*** (0,014)	0,044*** (0,015)	0,050*** (0,014)	0,049*** (0,016)
<i>burn</i>	0,021** (0,009)	0,027*** (0,010)	0,017* (0,009)	0,020** (0,009)
<i>educ</i>	0,027*** (0,009)	0,017*** (0,004)	0,029*** (0,009)	0,020*** (0,004)
ρ (параметр пространственной ошибки) / ρ (spatial error parameter)	0,552*** (0,0763)	0,559*** (0,065)	–	–
λ (пространственный авторегрессионный коэффициент) / λ (spatial autoregression coefficient)			0,482*** (0,080)	0,501*** (0,063)
ϕ (дисперсия случайных эффектов) / ϕ (variance of random effects)	–	1,9626*** (0,3747)	–	1,760*** (0,339)
Тест Хаусмана (p -значение) / Hausman test (p -value)	0,158 → Выбор RE / 0,158 → Choice of RE		0,044 → Выбор FE / 0,044 → Choice of FE	
Число наблюдений / Number of observations	504	504	504	504
AIC	3953,135	2557,873	2256,778	2560,033

Примечание: в скобках указаны стандартные ошибки. *, **, *** – значимость коэффициентов на 10, 5, 1%-м уровне значимости соответственно.

Note: The standard errors are shown in parentheses. *, **, *** – the significance of the coefficients at the 10, 5, 1% significance level, respectively.

Таблица 4

Результаты оценки моделей панельных данных SAC и SDM
Table 4. Results of panel data model evaluation of SAC and SDM

Оценки /	SAC		SDM	
	FE	RE	FE	RE
<i>const</i>	–	11,886** (4,328)		0,284 (12,379)
<i>grp</i>	–0,037 (0,035)	–0,058* (0,029)	–0,057 (0,038)	–0,062 (0,041)
<i>Gini</i>	–71,176*** (15,734)	–33,474*** (10,778)	–75,299*** (16,838)	–33,766*** (13,000)
<i>unempl</i>	–0,618*** (0,148)	–0,284*** (0,064)	–0,760*** (0,166)	–0,524*** (0,109)
<i>obnovl</i>	0,0004 (0,042)	0,011 (0,046)	–0,019 (0,046)	–0,007 (0,049)
<i>indust</i>	0,047*** (0,013)	0,048*** (0,014)	0,054*** (0,014)	0,050*** (0,015)
<i>burn</i>	0,009 (0,009)	0,001 (0,008)	0,010 (0,010)	0,020** (0,010)
<i>educ</i>	0,021* (0,009)	0,020*** (0,004)	0,022** (0,010)	0,021*** (0,0034)
Пространственный лаг <i>grp</i> / Spatial lag <i>grp</i>	–	–	–0,185** (0,084)	–0,191** (0,086)
Пространственный лаг <i>Gini</i> / Spatial lag <i>Gini</i>	–	–	142,615** (56,590)	75,425* (44,264)
Пространственный лаг <i>unempl</i> / Spatial lag <i>unempl</i>	–	–	0,840*** (0,265)	0,331* (0,186)
Пространственный лаг <i>obnovl</i> / Spatial lag <i>obnovl</i>	–	–	–0,368** (0,187)	–0,399** (0,195)
Пространственный лаг <i>indust</i> / Spatial lag <i>indust</i>	–	–	0,088* (0,052)	0,108* (0,056)
Пространственный лаг <i>burn</i> / Spatial lag <i>burn</i>	–	–	–0,057** (0,025)	–0,073*** (0,021)
Пространственный лаг <i>educ</i> / Spatial lag <i>educ</i>	–	–	–0,012 (0,031)	0,004 (0,010)
ρ (параметр пространственной ошибки) / ρ (spatial error parameter)	0,815*** (0,039)	–0,663*** (0,094)		
λ (пространственный авторегрессионный коэффициент) / λ (spatial autoregression coefficient)	–0,679*** (0,081)	0,775*** (0,044)	0,503*** (0,079)	0,508*** (0,068)
ϕ (дисперсия случайных эффектов) / ϕ (variance of random effects)	–	2,076*** (0,399)		1,905*** (0,377)
Тест Хаусмана (<i>p</i> -значение) / Hausman test (<i>p</i> -value)	2,024×10 ^{–15} → Выбор FE / Choice of FE		0,892 → Выбор RE / RE	
Число наблюдений / Number of observations	504	504	504	504
<i>AIC</i>	–	2 536,547	2 239,236	2553,714

Примечание: в скобках указаны стандартные ошибки. *, **, *** – значимость коэффициентов на 10, 5, 1%-м уровне значимости соответственно.

Note: The standard errors are shown in parentheses. *, **, *** – the significance of the coefficients at the 10, 5, 1% significance level, respectively.

Во всех рассмотренных спецификациях подтверждается сильная пространственная зависимость: параметры ρ (параметр пространственной ошибки) и λ (пространственный авторегрессионный коэффициент) статистически значимы, т. е. наблюдается так называемый эффект «заражения», при этом следует отметить, что для спецификаций *SEM*, *SAR* и *SDM* данные коэффициенты положительны. Однако для моделей *SAC_FE* и *SAC_RE* коэффициенты λ и ρ имеют противоположные знаки, что может свидетельствовать о том, что пространственная зависимость тесно переплетена с ненаблюдаемыми индивидуальными характеристиками регионов. Когда в модели присутствуют и λ , и ρ , они начинают «конкурировать» за объяснение одной и той же пространственной зависимости, что может указывать на внутреннюю нестабильность оценок в этой модели. Также подтверждается статистически значимое влияние факторов коэффициент Джини (*Gini*), уровень безработицы (*unempl*), коэффициент рождаемости организаций (*burn*), индекс промышленного производства (*indust*) и численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 000 человек населения, человек (*educ*).

Выбор наилучшей спецификации осуществлялся с помощью тестов Хаусмана на случайные и фиксированные эффекты и информационного критерия Акаике. В результате, согласно критерию Акаике, лучшей является модель *SDM_FE*, однако в соответствии с тестом Хаусмана нет статистически значимых оснований отвергать нулевую гипотезу о предпочтительности модели со случайными эффектами. Поэтому для итогового анализа рассмотрим две модели: *SDM_FE* и *SDM_RE*. В данных спецификациях оказались значимыми как пространственный лаг зависимой переменной (коэффициент λ), так и пространственные лаги независимых переменных. Прямые, косвенные и общие эффекты представлены в табл. 5.

В обеих моделях косвенные эффекты оказались статистически незначимыми ($p > 0,1$). Это означает, что изменения переменных влияют на локальные регионы, но не вызывают существенных пространственных эффектов перелива. Общие эффекты близки к прямым, так как косвенные пренебрежимо малы. В обеих моделях переменные *indust* и *educ* показывают статистически значимые положительные прямые эффекты, а переменные *unempl* и *Gini* демонстрируют значимые отрицательные воздействия. При этом значимый положительный коэффициент обнаружен у пространственного лага переменной безработицы (пространственный лаг *unempl*, табл. 4). Однако, как видно из табл. 5, рассчитанные на его основе косвенные эффекты оказались статистически незначимыми. Это означает, что в среднем по всем регионам изменение уровня безработицы в соседних регионах не оказывает статистически значимого систематического влияния на инновационную активность. *SDM_FE* дает более консервативные оценки для переменных *Gini* и *unempl* (большие по модулю коэффициенты), чем *SDM_RE*. В *SDM_RE* эффекты *burn* и *slag(burn)* становятся значимыми ($p < 0,05$), что не наблюдается в *FE*. Это может указывать на неучтенные индивидуальные особенности в *RE*. Пространственные лаги регрессоров *slag(grp)*, *slag(Gini)*, *slag(obnovl)* также значимы в обеих моделях, но с разной интенсивностью. Переменные *obnovl* и *slag(educ)* не оказывают значимого влияния в обеих моделях.

Таблица 5

Прямые, косвенные и общие эффекты для моделей SDM
Table 5. Direct, indirect and general effects for SDM models

Переменная / Variable	SDM_FE			SDM_RE		
	Direct	Indirect	Total	Direct	Indirect	Total
<i>grp</i>	-0,114 (0,092)	0,0002 (0,019)	-0,114 (0,080)	-0,127 (0,093)	0,0009 (0,013)	-0,126 (0,087)
<i>Gini</i>	-151,805*** (58,856)	0,300 (18,797)	-151,504*** (44,631)	-69,199** (31,269)	0,512 (6,279)	-68,686** (27,849)
<i>unempl</i>	-1,532*** (0,593)	0,003 (0,184)	-1,529*** (0,452)	-1,073*** (0,356)	0,008 (0,098)	-1,066*** (0,282)
<i>obnovl</i>	-0,037 (0,108)	0,00007 (0,012)	-0,037 (0,102)	-0,015 (0,118)	0,0001 (0,011)	-0,015 (0,112)
<i>indust</i>	0,108** (0,047)	-0,0002 (0,014)	0,108*** (0,037)	0,103*** (0,039)	-0,0008 (0,009)	0,103*** (0,034)
<i>burn</i>	0,020 (0,026)	-0,00004 (0,004)	0,020 (0,024)	0,042** (0,023)	-0,0003 (0,004)	0,041** (0,021)

Переменная / Variable	SDM_FE			SDM_RE		
	Direct	Indirect	Total	Direct	Indirect	Total
<i>educ</i>	0,044* (0,028)	-0,00009 (0,007)	0,044** (0,024)	0,044*** (0,013)	-0,0003 (0,004)	0,044*** (0,011)
<i>slag(grp)</i>	-0,373* (0,214)	0,0007 (0,047)	-0,372** (0,188)	-0,392** (0,221)	0,003 (0,038)	-0,389** (0,199)
<i>slag(Gini)</i>	287,517** (151,535)	-0,569 (36,010)	286,947** (130,231)	154,573 (102,204)	-1,145 (13,472)	153,428* (97,391)
<i>slag(unempl)</i>	1,693** (0,783)	-0,003 (0,209)	1,689*** (0,641)	0,679* (0,437)	-0,005 (0,078)	0,673* (0,433)
<i>slag(obnovl)</i>	-0,741* (0,484)	0,001 (0,102)	-0,740** (0,397)	-0,818* (0,453)	0,006 (0,080)	-0,812** (0,414)
<i>slag(indust)</i>	0,177 (0,121)	-0,0004 (0,026)	0,177* (0,107)	0,222* (0,130)	-0,002 (0,022)	0,220* (0,118)
<i>slag(burn)</i>	-0,115* (0,069)	0,0002 (0,017)	-0,114** (0,058)	-0,149*** (0,053)	0,001 (0,013)	-0,148*** (0,045)
<i>slag(educ)</i>	-0,023 (0,066)	0,00005 (0,006)	-0,023 (0,063)	0,009 (0,020)	-0,00006 (0,002)	0,008 (0,019)

Примечание: в скобках указаны стандартные ошибки. *, **, *** – значимость коэффициентов на 10, 5, 1%-м уровне значимости соответственно.

Note: The standard errors are shown in parentheses. *, **, *** – the significance of the coefficients at the 10, 5, 1% significance level, respectively.

Также показатели безработицы, инновационной активности и неравенство могут отражать качество институциональной среды. Действительно, для успешной инновационной деятельности необходимы институты и механизмы регулирования, которые позволяют осуществлять долгосрочное планирование и соответствующее привлечение инвестиционных ресурсов.

Обсуждение результатов

Новизна исследования состоит в комплексном применении широкого спектра пространственных моделей к панельным данным по регионам России за 2017–2023 гг., что позволяет не только подтвердить значимость традиционных факторов, но и выявить роль пространственных взаимодействий, часто остающихся за рамками анализа. Такой подход согласуется с фундаментальными идеями оригинального институционализма о природе социальных и экономических изменений, выявляя глубинные механизмы институциональных различий и их роль в социально-экономической динамике.

Рассмотренные спецификации демонстрируют, что ключевыми драйверами инноваций является развитие промышленности, образования и снижение неравенства и безработицы, причем последнее имеет сильные пространственные эффекты перелива (*spillover*-эффекты). Несмотря на то, что локальные факторы (прямые эффекты) доминируют, учет пространственных лагов показывает, что политика стимулирования инноваций в одном регионе может иметь мультипликативный эффект на соседей, что не было возможным в случае оценки модели без включения пространственных эффектов. Выявленные в рамках пространственных эффекты позволяют понять сложную структуру влияния экономических и институциональных переменных, а также природу адаптации институциональным изменениям в регионах России.

Модель *SDM_FE* надежнее выявляет пространственные зависимости, но *SDM_RE* может быть полезна для анализа индивидуальных эффектов. Несмотря на формальные результаты теста Хаусмана, существенно лучший *AIC* и содержательная интерпретируемость эффектов свидетельствуют в пользу модели с фиксированными эффектами (*SDM_FE*) как основной для выводов. Однако значимые коэффициенты в *RE*-модели для некоторых переменных указывают на необходимость дополнительного анализа индивидуальных эффектов. Кроме того, поскольку косвенные эффекты в моделях оказались незначимы, возможно, в дальнейших ис-

следованиях потребуется уточнение матрицы весов W , а также рассмотрение альтернативных спецификаций, в том числе нелинейных эффектов.

Полученные результаты позволяют вернуться к сформулированным гипотезам и дать их интерпретацию в контексте дихотомии Веблена.

Подтвердилась гипотеза **H1**: такие факторы, как *indust* и *educ*, оказывают стабильно положительное влияние на инновационную активность. Это согласуется с их трактовкой как инструментальных факторов, ориентированных на развитие производственных сил и человеческого капитала. Переменная *burn* также показала положительное влияние в большинстве спецификаций, что подтверждает ее роль как индикатора адаптивной предпринимательской среды.

Гипотеза **H2** также нашла свое подтверждение: переменные *Gini* и *unempl* продемонстрировали значимое негативное воздействие. Это позволяет интерпретировать их как проявление церемониальных аспектов институциональной среды, создающих барьеры для инноваций через усиление социальной напряженности и ограничение ресурсной базы.

Результаты оценки пространственных моделей, в частности значимость коэффициента λ во всех спецификациях, однозначно подтверждают гипотезу **H3** о наличии положительных пространственных эффектов перелива. Инновации в одном регионе стимулируют инновационную активность в соседних, что свидетельствует о процессе «заражения» технологиями и знаниями.

Что касается гипотезы **H4**, то значимость и устойчивость влияния *burn* и *educ*, по сравнению с неоднозначным и зачастую негативным влиянием *GRP*, указывает на то, что именно институциональные факторы, а не просто общий экономический рост являются фундаментальными драйверами инновационного развития в российских регионах.

Мы концентрируем внимание на том, что институциональные факторы создают долгосрочные и среднесрочные условия для развития инновационного развития промышленности. Говоря о важности институциональной структуры и институциональных изменений, в контексте данной работы необходимо сделать акцент на значимости переменных *burn* и *educ*.

Переменные *burn* (коэффициент рождаемости организаций) и *educ* (численность студентов вузов на 10 тыс. человек) в рамках данного исследования выступают ключевыми индикаторами, отражающими институциональные и структурные условия для инновационного развития.

Burn (рождаемость организаций) является прокси-переменной для предпринимательской активности и динамики институциональной среды. Высокий коэффициент *burn* сигнализирует о здоровой конкурентной среде, низких барьерах для входа на рынок и общей благоприятной институциональной обстановке, которая поощряет создание новых предприятий. Согласно теоретической рамке, основанной на дихотомии Веблена, эту переменную можно отнести к инструментальным факторам. Она отражает адаптацию и реакцию экономической системы на новые возможности, технологические вызовы и изменения, обеспечивая необходимые условия для долгосрочного планирования и развития. Новые компании часто являются носителями инноваций, внедряют новые технологии и бизнес-модели, тем самым напрямую способствуя росту инновационного развития. Статистически значимое положительное влияние *burn* в большинстве моделей подтверждает эту гипотезу.

Educ (численность студентов) является ключевым показателем, характеризующим качество человеческого капитала и образовательного потенциала региона. Эта переменная отражает долгосрочные институциональные вложения в формирование знаний и компетенций. В контексте дихотомии Веблена образование может нести как инструментальную ценность (подготовка специалистов, способных к созданию и внедрению инноваций), так и быть частью церемониальной институциональной структуры (воспроизводство сложившихся социальных иерархий). Однако в данном исследовании устойчивое положительное влияние *educ* на инновационную активность указывает на доминирование именно инструментальных факторов. Высокий образовательный потенциал создает среду, благоприятную для генерации и восприимчивости к инновациям, обеспечивая регион высококвалифицированными кадрами.

Полученные выводы согласуются с другими исследованиями регионального развития, где подчеркивается влияние институциональной структуры на долгосрочные траектории инновационной деятельности (Popescu et al., 2023).

Заключение

Проведенный регрессионный анализ показал наличие устойчивых положительных взаимосвязей между уровнем инновационной активности и рядом социально-экономических индикаторов, включая индекс промышленного производства, коэффициент обновления основных фондов, предпринимательскую активность и образовательный потенциал. Это подтверждает гипотезу о системном характере инновационного развития, зависящем не только от экономических условий, но и от качества человеческого капитала и степени технологической модернизации производства.

Вместе с тем показатели *GRP* и *Gini* демонстрируют слабую или неоднозначную связь с уровнем инновационной активности. Это свидетельствует о том, что общий экономический рост и распределение доходов не являются определяющими факторами инновационного развития. Рост ВРП, не сопровождающийся структурной трансформацией экономики, не ведет к усилению инновационной активности. В то же время умеренный уровень неравенства может способствовать формированию среднего класса – основного потребителя и носителя инноваций, тогда как чрезмерная концентрация доходов, напротив, ограничивает инновационный спрос.

Важным результатом исследования является выявление значимой положительной пространственной автокорреляции инновационной активности российских регионов, подтвержденной тестом Морана и значимостью коэффициентов ρ (параметр пространственной ошибки) и λ (пространственный авторегрессионный коэффициент) в моделях. Это свидетельствует о наличии эффекта «заражения» или перелива знаний и технологий между соседними регионами. Однако анализ разложения эффектов в модели *SDM* показал, что прямые эффекты (внутрирегиональные) для ключевых факторов являются доминирующими, в то время как косвенные эффекты (эффекты перелива между регионами) оказались статистически незначимыми. Это указывает на то, что инновационная активность в российских регионах в большей степени определяется локальными процессами и внутренними характеристиками (такими как уровень промышленности, образования, неравенства и безработицы внутри региона), нежели воздействием этих же факторов из соседних регионов. Следовательно, региональная политика стимулирования инноваций должна быть в первую очередь сфокусирована на внутренних резервах территорий.

Особенность данного исследования заключается в том, что мы рассматриваем через призму современного оригинального институционализма процессы промышленного и инновационного развития. Эти процессы анализируются через двойственность влияния экономических и институциональных факторов. И если экономические факторы традиционно используются в анализе инновационного развития, то анализ институциональных факторов представлен значительно меньше. Поэтому мы подчеркиваем важность системного подхода для понимания среднесрочных, долгосрочных тенденций и возможностей инновационного развития.

Таким образом, значимость переменных *burn* и *educ* в эконометрических моделях подчеркивает, что инновационное развитие – это не только вопрос экономических инвестиций, но и результат сложившейся институциональной среды. Динамичная предпринимательская среда (*burn*) и накопленный образовательный потенциал (*educ*) создают те самые долгосрочные и среднесрочные условия, которые необходимы для устойчивого инновационного развития. Они формируют основу для адаптации к технологическим изменениям и являются проявлением того, как институциональные факторы создают условия для инновационного развития региона.

Список литературы

- Верников, А. В., Курьшева, А. А. (2024). Русская традиционная экономическая культура с точки зрения концепции Веблена о поведенческих установках. *Мир России*, 33(4), 110–135. EDN: RSXOIW. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-110-135
- Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В. (2024). Промышленное развитие и социальные ценности: эконометрический подход. *Journal of Institutional Studies*, 16(1), 22–37. EDN: PGBRSL. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.1.022-037
- Вольчик, В. В., Ширяев, И. М. (2023). Государственная инновационная политика и нарративная экономика. *Управление наукой: теория и практика*, 5(4), 110–132. EDN: LWWUBW. DOI: 10.19181/smtп.2023.5.4.6

- Демидова, О. А. (2021). Методы пространственной эконометрики и оценка эффективности государственных программ. *Прикладная эконометрика*, 64, 107–134. EDN: VLMHTK. DOI: 10.22394/1993-7601-2021-64-107-134
- Ефимов, В. М. (2016). *Экономическая наука под вопросом*. Москва: Инфра-М. EDN: VHUVCN
- Маслюкова, Е. В., Барунова, А. А., Демахина, О. В. (2025). Реиндустриализация и промышленное развитие в дискурсах предпринимателей. *Journal of Institutional Studies*, 17(3), 101–117. EDN: NKMEGK. DOI: 10.17835/2076-6297.2025.17.3.101-117
- Мосалев, А. И. (2022). Оптимальные пространственные форматы межрегионального экономического сотрудничества в рамках инновационной экономики. *Экономика региона*, 18(3), 638–652. EDN: EEPJWN. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-3-2
- Наумов, И. В., Барыбина, А. З. (2020). Пространственная регрессионная модель инновационного развития регионов России. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, 52, 215–232. EDN: LCEJGE. DOI: 10.17223/19988648/52/13
- Наумов, И. В., Никулина, Н. Л. (2023). Моделирование пространственных эффектов инновационного развития регионов России. *Проблемы развития территории*, 27(6), 121–140. EDN: ERRTBZ. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.8
- Патракеева, О. Ю., Кулыгин, В. В. (2024). Пространственный анализ инфраструктурных эффектов экономической динамики регионов России. *Экономика региона*, 20(3), 642–654. EDN: QLVRNX. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-3-3
- Патракова, С. С. (2025). Влияние автотранспортной связности на экономический рост регионов: эконометрическое моделирование. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 18(1), 89–105. EDN: THIQND. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.5
- Попова, П. А., Букина, Т. В., Кашин, Д. В. (2024). Влияние межрегиональных пространственных эффектов на экономическое развитие регионов России. *Journal of Applied Economic Research*, 23(3), 751–775. EDN: YVITXQ. DOI: 10.15826/vestnik.2024.23.3.030
- Сальников, К. Н., Филатов, А. Ю. (2023). Матрица расстояний между российскими регионами и ее использование в экономическом анализе. *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*, 3(107), 67–81. EDN: XZZXBO. DOI: 10.24866/2311-2271/2023-3/67-81
- Тимирьянова, В. М., Зимин, А. Ф., Юсупов, К. Н. (2021). Экономическая активность территорий: сравнительный анализ способов оценки пространственных эффектов. *Пространственная экономика*, 17(4), 41–68. EDN: KLWWCD. DOI: 10.14530/se.2021.4.041-068
- Тополева, Т. Н. (2021). Региональные фонды поддержки научной и инновационной деятельности: институциональный аспект. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*, 4, 92–108. EDN: HQTZIR. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-4-92-108
- Ширяев И. М., Маскаев А. И., Цыганков С. С. (2022). Институт интеллектуальной собственности в контексте развития российской инновационной системы. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(2), 275–293. EDN: XMGZMU. DOI: 10.21202/2782-2923.2022.2.275-293
- AlMalki, H. A., & Durugbo, C. M. (2022). Systematic review of institutional innovation literature: towards a multi-level management model. *Management Review Quarterly*, 73(2), 731. EDN: ZKDVYY. DOI: 10.1007/S11301-022-00259-8
- Brüggemann, J., Crosetto, P., Meub, L., & Bizer, K. (2016). Intellectual property rights hinder sequential innovation. Experimental evidence. *Research Policy*, 45(10), 2054–2068. DOI: 10.1016/J.RESPOL.2016.07.008
- Bürscher, T., & Scherngell, T. (2024). Potentials for reducing spatial inequalities in innovation: A spatial econometric perspective. *Growth and Change*, 55(4), e70001.
- Bush, P. D. (1987). The Theory of Institutional Change. *Journal of Economic Issues*, 21(3), 1075–1116. DOI: 10.1080/00213624.1987.11504697
- Capriati, M. (2022). Capabilities, innovation and economic growth in EU regions. *Journal of Human Development and Capabilities*, 23(3), 373–399. EDN: BPGONY. DOI: 10.1080/19452829.2021.2008886
- Dementiev, V. E. (2024). On the ability of regions to adapt to various external shocks. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 36–49. EDN: NTOXEE. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.2
- Elhorst, J. P. (2014). *Spatial Econometrics: From Cross-Sectional Data to Spatial Panels*. Springer.
- Elsner, W. (2012). The Theory of Institutional Change Revisited: The Institutional Dichotomy, Its Dynamic, and Its Policy Implications in a More Formal Analysis. *Journal of Economic Issues*. DOI: 10.2753/jei0021-3624460101
- Grief, A. (2006). *Institutions and the path to the modern economy: Lessons from medieval trade* Cambridge University Press. Cambridge UK.
- Greif, A., Mokyr, J., & Tabellini, G. (2025). Culture and Social Organizations in the Great Reversal: Europe and China, 1000–2000. *CESifo Working Paper*, No. 12023. Munich: CESifo GmbH.
- Hayden, F. G. (2006). *Policymaking for a good society: the social fabric matrix approach to policy analysis and program evaluation*. Boston, MA: Springer US.
- Hollingsworth, J. R. (2000). Doing institutional analysis: Implications for the study of innovations. *Review of International Political Economy*, 7(4), 595–644. DOI: 10.1080/096922900750034563
- Jia, W., Di, Q., & Chen, X. (2024). The spatial correlation of economic institutional change in China and its impact on economic growth: A social network analysis approach. *PLOS ONE*, 19(10), e0297354. EDN: RVQCVE. DOI: 10.1371/JOURNAL.PONE.0297354

- Kurysheva, A., & Vernikov, A. (2024). A Veblenian view of Russian folklore: Instrumental or ceremonial habits of thought?. *Journal of Economic Issues*, 58(2), 479–486. EDN: WCGQZZ. DOI: 10.1080/00213624.2024.2344423
- LeSage, J. P. (2009). *Introduction to spatial econometrics*. Chapman & Hall/CRC.
- Maslov, A., & Volchik, V. (2014). Institutions and Lagging Development: The Case of the Don Army Region. *Journal of Economic Issues*, 48(3), 727–742. EDN: STQFHT. DOI: 10.2753/JEI0021-3624480307
- Mokyr, J. (2002). Innovation in an historical perspective: tales of technology and evolution. In B. Steil, D. G. Victor, & R. R. Nelson (Eds.), *Technological innovation and economic performance* (pp. 23–46). Princeton University Press.
- North, D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511808678
- North, D. C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton University Press. DOI: 10.1515/9781400829484
- Pinar, M., & Karahasan, B. C. (2026). Heterogeneous impact of innovation on economic development: Evidence from EU regions. *Technology in Society*, 84, 103100.
- Panzer, D., & Postiglione, P. (2022). The impact of regional inequality on economic growth: a spatial econometric approach. *Regional Studies*, 56(5), 687–702. EDN: AMWADG. DOI: 10.1080/00343404.2021.1910228
- Popescu, I. A., Mourao, P. R., & Bilan, Y. (2023). Innovation, coopetition and spillover effects in European regions. *Journal of Business Economics and Management*, 24(5), 818–840. EDN: ZXYOQB. DOI: 10.3846/jbem.2023.19890
- Qiu, J., Liu, W., & Ning, N. (2020). Evolution of regional innovation with spatial knowledge spillovers: Convergence or divergence?. *Networks and Spatial Economics*, 20(1), 179–208. EDN: NSFWFQ. DOI: 10.1007/s11067-019-09477-2
- Sharma, A., Sousa, C., & Woodward, R. (2022). Determinants of innovation outcomes: The role of institutional quality. *Technovation*, 118, 102562. EDN: QZEUAO. DOI: 10.1016/J.TECHNOVATION.2022.102562
- Volchik, V. V., & Maslyukova, E. V. (2022). Impact of formal and informal institutions on innovative economic development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 77–94. EDN: QMHDHB. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.4
- Waller, W. T. (2021). Institutions, technology, and instrumental value: A reassessment of the Veblenian dichotomy. In Ch. J. Whalen (Ed.), *Institutional Economics* (pp. 19–48). Routledge.

References

- AlMalki, H. A., & Durugbo, C. M. (2022). Systematic review of institutional innovation literature: towards a multi-level management model. *Management Review Quarterly*, 73(2), 731. <https://doi.org/10.1007/S11301-022-00259-8>
- Brüggemann, J., Crosetto, P., Meub, L., & Bizer, K. (2016). Intellectual property rights hinder sequential innovation. Experimental evidence. *Research Policy*, 45(10), 2054–2068. <https://doi.org/10.1016/J.RESPOL.2016.07.008>
- Bürscher, T., & Scherngell, T. (2024). Potentials for reducing spatial inequalities in innovation: A spatial econometric perspective. *Growth and Change*, 55(4), e70001.
- Bush, P. D. (1987). The Theory of Institutional Change. *Journal of Economic Issues*, 21(3), 1075–1116. <https://doi.org/10.1080/00213624.1987.11504697>
- Capriati, M. (2022). Capabilities, innovation and economic growth in EU regions. *Journal of Human Development and Capabilities*, 23(3), 373–399. <https://doi.org/10.1080/19452829.2021.2008886>
- Dementiev, V. E. (2024). On the ability of regions to adapt to various external shocks. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 36–49. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.3.93.2>
- Demidova, O. A. (2021). Methods of spatial econometrics and evaluation of government programs effectiveness. *Applied Econometrics*, 64, 107–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/1993-7601-2021-64-107-134>
- Efimov, V. M. (2016). *Economic science in question*. Moscow: Infra-M. (In Russ.).
- Elhorst, J. P. (2014). *Spatial Econometrics: From Cross-Sectional Data to Spatial Panels*. Springer.
- Elsner, W. (2012). The Theory of Institutional Change Revisited: The Institutional Dichotomy, Its Dynamic, and Its Policy Implications in a More Formal Analysis. *Journal of Economic Issues*. <https://doi.org/10.2753/jei0021-3624460101>
- Greif, A., Mokyr, J., & Tabellini, G. (2025). Culture and Social Organizations in the Great Reversal: Europe and China, 1000–2000. *CESifo Working Paper*, No. 12023. Munich: CESifo GmbH.
- Grief, A. (2006). *Institutions and the path to the modern economy: Lessons from medieval trade* Cambridge University Press. Cambridge UK.
- Hayden, F. G. (2006). *Policymaking for a good society: the social fabric matrix approach to policy analysis and program evaluation*. Boston, MA: Springer US.
- Hollingsworth, J. R. (2000). Doing institutional analysis: Implications for the study of innovations. *Review of International Political Economy*, 7(4), 595–644. <https://doi.org/10.1080/096922900750034563>
- Jia, W., Di, Q., & Chen, X. (2024). The spatial correlation of economic institutional change in China and its impact on economic growth: A social network analysis approach. *PLOS ONE*, 19(10), e0297354. <https://doi.org/10.1371/JOURNAL.PONE.0297354>

- Kurysheva, A., & Vernikov, A. (2024). A Veblenian view of Russian folklore: Instrumental or ceremonial habits of thought? *Journal of Economic Issues*, 58(2), 479–486. <https://doi.org/10.1080/00213624.2024.2344423>
- LeSage, J. P. (2009). *Introduction to spatial econometrics*. Chapman & Hall/CRC.
- Maslov, A., & Volchik, V. (2014). Institutions and Lagging Development: The Case of the Don Army Region. *Journal of Economic Issues*, 48(3), 727–742. <https://doi.org/10.2753/JEI0021-3624480307>
- Maslyukova, E. V., Barunova, A. A., & Demakhina, O. V. (2025). Reindustrialization and industrial development in the discourses of entrepreneurs. *Journal of Institutional Studies*, 17(3), 101–117. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2025.17.3.101-117>
- Mokyr, J. (2002). Innovation in an historical perspective: tales of technology and evolution. In B. Steil, D. G. Victor, & R. R. Nelson (Eds.), *Technological innovation and economic performance* (pp. 23–46). Princeton University Press.
- Mosalev, A. I. (2022). Optimal Spatial Models of Interregional Economic Cooperation in the Field of Innovative Economy. *Economy of Regions*, 18(3), 638–652. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-2>
- Naumov, I. V., & Barybina, A. Z. (2020). The Spatial Autoregression Model of Innovative Development of Russian Regions. *Tomsk State University Journal of Economics*, 52, 215–232. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19988648/52/13>
- Naumov, I. V., & Nikulina, N. L. (2023). Modeling spatial effects of innovative development in Russia's regions. *Problems of Territory's Development*, 27(6), 121–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.6.128.8>
- North, D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>
- North, D. C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400829484>
- Panzer, D., & Postiglione, P. (2022). The impact of regional inequality on economic growth: a spatial econometric approach. *Regional Studies*, 56(5), 687–702. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1910228>
- Patrakeeva, O. Yu., & Kulygin, V. V. (2024). Spatial Analysis of Infrastructure Effects of Economic Dynamics in Russian Regions. *Economy of Regions*, 20(3), 642–654. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-3>
- Patrakova, S. S. (2025). The impact of road transport connectivity on economic growth of regions: Econometric modeling. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 89–105. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2025.1.97.5>
- Pinar, M., & Karahasan, B. C. (2026). Heterogeneous impact of innovation on economic development: Evidence from EU regions. *Technology in Society*, 84, 103100.
- Popescu, I. A., Mourao, P. R., & Bilan, Y. (2023). Innovation, coopetition and spillover effects in European regions. *Journal of Business Economics and Management*, 24(5), 818–840. <https://doi.org/10.3846/jbem.2023.19890>
- Popova, P. A., Bukina, T. V., & Kashin, D. V. (2024). Influence of Interregional Spatial Effects on the Economic Development of Russian Regions. *Journal of Applied Economic Research*, 23(3), 751–775. (In Russ.). <https://doi.org/10.15826/vestnik.2024.23.3.030>
- Qiu, J., Liu, W., & Ning, N. (2020). Evolution of regional innovation with spatial knowledge spillovers: Convergence or divergence?. *Networks and Spatial Economics*, 20(1), 179–208. <https://doi.org/10.1007/s11067-019-09477-2>
- Salnikov, C. N., & Filatov, A. Yu. (2023). Russian Regional Matrix of Distances: Use in Economic Analysis. *Far Eastern Federal University Bulletin. Economics and Management*, 3(107), 67–81. (In Russ.).
- Sharma, A., Sousa, C., & Woodward, R. (2022). Determinants of innovation outcomes: The role of institutional quality. *Technovation*, 118, 102562. <https://doi.org/10.1016/j.TECHNOVATION.2022.102562>
- Shiriaev, I. M., Maskae, A. I., & Tsygankov, S. S. (2022). Institute of intellectual property in the context of the Russian innovative system development. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(2), 275–293. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.275-293>
- Timiryanova, V. M., Zimin, A. F., & Yusupov, K. N. (2021). Economic Activity of Territories: Comparative Analysis of the Spatial Effects Assessing Methods. *Spatial Economics*, 17(4), 41–68. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.4.041-068>
- Topoleva, T. N. (2021). Regional Funds of Scientific and Innovation Activity Support: Institutional Aspect. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 4, 92–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-4-92-108>
- Vernikov, A. V., & Kurysheva, A. A. (2024). The traditional economic culture of russians through the lens of Thorstein Veblen's Evolutionary theory. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 33(4), 110–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2024-33-4-110-135>
- Volchik, V. V., & Maslyukova, E. V. (2022). Impact of formal and informal institutions on innovative economic development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 77–94. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.4>
- Volchik, V. V., & Maslyukova, E. V. (2024). Industrial development and social values: an econometric approach. *Journal of Institutional Studies*, 16(1), 22–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.1.022-037>
- Volchik, V. V., & Shiriaev, I. M. (2023). State innovation policy and narrative economics. *Science Management: Theory and Practice*, 5(4), 110–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/smt.2023.5.4.6>
- Waller, W. T. (2021). Institutions, technology, and instrumental value: A reassessment of the Veblenian dichotomy. In Ch. J. Whalen (Ed.), *Institutional Economics* (pp. 19–48). Routledge.

Вклад авторов

Е. В. Маслюкова – концепция статьи, эконометрическое моделирование и обобщение результатов статистического и эконометрического анализа.

В. В. Вольчик – концепция статьи, работа с научной литературой, качественный анализ источников.

Author's contribution

E. V. Maslyukova – the article concept, econometric modeling and generalization of the results of statistical and econometric analysis.

V. V. Volchik – the article concept, work with scientific literature, qualitative analysis of sources.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Один из авторов (В. В. Вольчик) является членом редколлегии журнала *Russian Journal of Economics and Law*. Статья прошла рецензирование на общих основаниях / One of the authors (V. V. Volchik) is a member of the Journal Editorial Board

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 04.10.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 04.11.2025

Дата принятия в печать / Accepted 04.11.2025

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

Редактор рубрики Н. С. Селиверстова / Rubric editor N. S. Seliverstova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.775-798>

УДК / UDC 303.72:311:[001.89:378(470+571)]

JEL: C1, C5, C8, I2, I23, O3

Т. В. Крамин¹,
И. П. Пестов²

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

² АО «Сетевая компания», г. Казань, Россия

К вопросу оценки эффективности научной и инновационной деятельности вузов в России

Контактное лицо:

Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор, проректор по корпоративному управлению, заведующий кафедрой финансового менеджмента, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

E-mail: kramint@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6020-6161>

Web of Science Researcher ID: J-9126-2013

eLIBRARY SPIN-код: 3478-6209

Пестов Илья Павлович, соискатель; заместитель начальника управления по работе с персоналом – начальник отдела компенсаций, льгот и организационного проектирования, АО «Сетевая компания»

E-mail: pestovip@mail.ru

ORCID: <http://0000-0002-5962-7866>

Web of Science Researcher ID: E-3643-2018

eLIBRARY SPIN-код: 2989-0231

Аннотация

Цель: разработка и апробация методики оценки эффективности научной и инновационной деятельности вузов России на основе эконометрического моделирования для выявления ключевых факторов, влияющих на доходы от НИОКР. **Методы:** регрессионный анализ для выборки 99 ведущих российских университетов за 2023 и 2024 гг. из топ-100 в рейтинге RAEX.

Результаты: в работе рассматривается актуальная проблема оценки эффективности научной и инновационной деятельности российских вузов. Проведенный анализ существующих подходов к оценке, включая государственный мониторинг и наукометрические показатели, выявил их ограниченность и недостаточную объективность. Эконометрический анализ выявил статистически значимое положительное влияние на совокупные доходы от НИОКР следующих факторов: численности штатных научных работников, количества принятых в вуз победителей и призеров

олимпиад, а также числа статей, подготовленных в соавторстве с зарубежными организациями. Производительность труда (доходы от НИОКР на одного НПР) положительно связана с долей молодых сотрудников (до 40 лет), долей опытных сотрудников (старше 65 лет) и удельным весом магистрантов в общем контингенте студентов.

Научная новизна: заключается в разработке и эмпирической верификации комплексной эконометрической методики, которая выявляет новые, ранее не учитывавшиеся в подобных моделях факторы эффективности (например, роль олимпиадников и возрастной структуры кадров). Полученные результаты количественно подтверждают гипотезу о значимости человеческого и социального капитала, а также международной кооперации для финансовых результатов научной деятельности вузов.

Практическая значимость: предложенные в работе модели обладают высокой объясняющей способностью и могут быть использованы в качестве инструмента для бенчмаркинга и построения рейтинга эффективности вузов в сфере генерации доходов, в том числе от НИОКР, что открывает новые перспективы для более объективной и комплексной оценки деятельности университетов.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, научная инновационная деятельность вузов, ИАС «Мониторинг», наукометрические показатели, бенчмаркинг, эконометрическое моделирование

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Крамин, Т. В., Пестов, И. П. (2025). К вопросу оценки эффективности научной и инновационной деятельности вузов в России. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 775–798. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.775-798>

Scientific article

T. V. Kramin¹,

I. P. Pestov²

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

² JSC "Grid Company", Kazan, Russia

On assessing the efficiency of research and innovative activity of Russian universities

Contact:

Timur V. Kramin, Dr. Sci. (Economics), Professor, Vice Rector on corporate management, Head of the Department of Financial management, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: kramint@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6020-6161>

Web of Science Researcher ID: J-9126-2013

eLIBRARY SPIN-code: 3478-6209

Ilya P. Pestov, applicant; Vice Head of the Department of Human Resources – Head of the Section of remunerations, benefits and organizational design льгот, Setevaya kompaniya JSC

E-mail: pestovip@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5962-7866>

Web of Science Researcher ID: E-3643-2018

eLIBRARY SPIN-code: 2989-0231

Abstract

Objective: to develop and test a methodology for evaluating the effectiveness of scientific and innovative activities of Russian universities based on econometric modeling to identify key factors affecting revenues from R&D.

Methods: regression analysis of a sample of 99 leading Russian universities out of the RAEX top 100 in 2023 and 2024.

Results: the paper considers an urgent problem of evaluating the effectiveness of scientific and innovative activities of Russian universities. The analysis of existing approaches to assessment, including government monitoring and scientometric indicators, revealed their limitations and lack of objectivity. The econometric analysis revealed a statistically significant positive impact on the total income from R&D of the following factors: the number of full-time researchers, the number of academic Olympiads winners and prize-winners enrolled to the university, and the number of articles prepared in collaboration with foreign organizations. Labor productivity (income from R&D per a professor) is positively related to the proportion of young employees (under 40 years old), the proportion of experienced employees (over 65 years old), and the proportion of master's students in the total number of students.

Scientific novelty: a comprehensive econometric methodology was developed and empirically verified, that identifies new efficiency factors that previously had not been taken into account in such models (for example, the role of academic Olympiads winners and the personnel age structure). The results quantitatively confirm the hypothesis about the importance of human and social capital, as well as of international cooperation, for the financial results of universities' scientific work.

Practical significance: the models proposed in the paper have a high explanatory power and can be used as a tool for benchmarking and rating the universities' effectiveness in gaining income, including from R&D. This opens up new prospects for a more objective and comprehensive assessment of university performance.

Keywords:

regional and sectoral economy, scientific innovative activity of universities, "Monitoring" IAS, scientometric indicators, benchmarking, econometric modeling

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kramin, T. V., & Pestov, I. P. (2025). On assessing the efficiency of research and innovative activity of Russian universities. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 775–798. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.775-798>

Введение

Происходящая в настоящее время четвертая промышленная революция привносит значительные изменения в социально-экономические отношения: многие страны выбирают путь развития цифровой экономики, а в структуре промышленности увеличивается доля высокотехнологичных товаров и услуг. Рост и развитие цифровых или электронных технологий, которые позволяют быстро перемещать информацию или товары, является фундаментальной тенденцией развития всех секторов экономики. В результате цифровой трансформации формируется новый уклад экономики. Такие преобразования сопровождаются трансформацией восприятия человеческого капитала и увеличением его значимости: ведущие страны мира для своего экономического процветания все чаще эволюционируют в сторону экономики, базирующейся на знаниях, меньше полагаясь на традиционные ресурсы.

Человеческий капитал является важнейшим ресурсом развития любой страны, региона, организации, поскольку именно он определяет уровень производительности труда, конкурентоспособности и инновационности экономики. Кроме того, в современной экономике именно человеческий капитал определяет основную долю национального богатства стран, регионов и организаций. Ключевую роль в формировании и развитии человеческих ресурсов играют образовательные учреждения высшего профессионального образования, обеспечивая постоянный приток квалифицированных специалистов.

При этом перед вузами как перед субъектами рыночной экономики в настоящее время возникли принципиально новые вызовы, среди которых: глобализация образования и усиление конкуренции, изменение роли государства в регулировании высшего образования, снижение качества образования, необходимость адаптации образовательных программ к требованиям рынка труда, демографические факторы и т. д. Как видим, эти вызовы затрагивают различные аспекты деятельности университетов – от образовательного процесса до научно-исследовательской работы и взаимодействия с обществом.

На рынке образовательных услуг наряду с государственными образовательными учреждениями появились и различные негосударственные (частные). Бизнес-структуры также активно включились в этот процесс, предлагая образовательные программы и курсы различного уровня. Таким образом, уровень конкуренции на рынке образовательных услуг значительно вырос. И в условиях перехода к инновационной экономике и усиления глобальной конкуренции на рынке образовательных услуг оценка эффективности деятельности высших учебных заведений приобретает особую актуальность.

Несмотря на значительный интерес исследователей к данной тематике, проблема оценки эффективности деятельности вузов остается недостаточно разработанной. Различные авторы предлагают множество подходов к оценке эффективности вузов, однако ряд аспектов остаются предметом дискуссий и требуют дальнейшего изучения.

Недостаточно изученной является степень влияния различных показателей деятельности вузов на показатели их эффективности. Одним из направлений исследований, заслуживающих особого внимания, является создание системы оценки эффективности вузов. Для России, стремящейся укрепить свои позиции в мировом научном и образовательном пространстве, создание объективной и комплексной системы оценки вузов является одной из ключевых задач государственной политики.

Существующие методики, в том числе официальный мониторинг эффективности, проводимый Министерством образования и науки РФ, часто подвергаются критике за формализм (Слободняк, Баенхаева, 2015), ограниченный набор показателей (Губа, Завадская, 2017) и слабую связь с реальным качеством образования и науки (Вкусов, 2018; Винокуров, 2013; Левашов, 2016; Романов, 2019). Это порождает необходимость поиска новых, более совершенных подходов, способных адекватно оценить вклад университетов в развитие страны.

Задачи исследования:

1. Провести анализ опыта оценки научной и инновационной деятельности вузов.
2. Обосновать выбор данных и методологии для проведения эконометрического анализа.
3. Построить эконометрические модели, объясняющие вариацию доходов вузов от НИОКР.
4. Проинтерпретировать полученные результаты и выявить ключевые факторы, определяющие эффективность научной и инновационной деятельности вузов в России в сфере проведения НИОКР.
5. Сформулировать выводы и определить направления дальнейших исследований.

Объект исследования – совокупность ведущих высших учебных заведений Российской Федерации, входящих в топ-100 лучших вузов России по версии рейтинга *RAEX*.

Предмет исследования – взаимосвязи между показателями деятельности вузов и их эффективностью в сфере научной и инновационной деятельности, выраженной через объем доходов от НИОКР.

Обзор литературы

Современные университеты играют ключевую роль не только в образовании, но и в научном и инновационном развитии регионов и стран в целом. В связи с этим возрастает актуальность разработки и применения эффективных методик оценки их научной и инновационной деятельности. Анализ представленных в работе публикаций позволяет выделить два основных направления исследований: оценка общей эффективности деятельности вузов и более узкая оценка их научной и инновационной активности.

Вопросы оценки эффективности деятельности высших учебных заведений в России являются предметом оживленных научных дискуссий. Однако, несмотря на многочисленные попытки создания универсальной системы, до сих пор не выработано единого мнения о том, какие критерии и показатели наиболее адекватно отражают реальный вклад вузов в развитие науки, экономики и общества.

Эффективность деятельности вузов: общие подходы и проблемы

Многие исследователи отмечают, что существующая система мониторинга эффективности вузов, проводимая Министерством науки и высшего образования РФ, носит в значительной степени формальный характер. Критерии, используемые в этом мониторинге, часто подвергаются критике за их неспособность отразить качество образовательного процесса и реальную ценность вуза для студентов и работодателей (Левашов, 2016; Елшанский, 2017). Например, такие показатели, как средний балл ЕГЭ абитуриентов, не всегда являются надежным индикатором качества последующего обучения (Григораш, 2014).

Одной из ключевых проблем является сложность разработки единой системы оценки, применимой ко всем вузам без исключения. Исследователи подчеркивают необходимость дифференцированного подхода, который бы учитывал специфику различных типов университетов (национальных исследовательских, федеральных, опорных и др.) и их миссию (Гаффорова, Карловский, 2009; Романов, 2019). Простое копирование зарубежных моделей оценки без адаптации к российским реалиям и традициям отечественной высшей школы также признается неэффективным (Григораш, 2014).

Для повышения объективности оценки предлагаются различные подходы. Например, звучат призывы к двухэтапной системе оценки, которая бы включала анализ не только конечных результатов, но и самого процесса организации деятельности (Григораш, 2014). Другие авторы предлагают разделять понятия «эффективность» и «результативность», где первое относится к рациональности использования ресурсов, а второе – к достижению поставленных целей, и анализировать их в совокупности (Свиридова, Сазонова, 2011). Существует также проблема оценки предпринимательской деятельности вузов, которая требует особых подходов и показателей (Ниязова, 2003). В целом исследователи сходятся во мнении, что существующая система оценки нуждается в серьезной переработке и дополнении новыми, более гибкими и комплексными показателями (Сизов, Сизова, 2013; Астафьева и др., 2015).

Эффективность деятельности вузов в целом

Оценка эффективности университета – это комплексная задача, выходящая за рамки простого подсчета публикаций или патентов. Исследователи Н. А. Литвинова, Э. А. Гасанов, А. Е. Зубарев рассматривают вуз как сложную социально-экономическую систему, эффективность которой зависит от множества факторов, включая управление, человеческий капитал и интеграцию в глобальное пространство (Литвинова, 2024; Гасанов, Зубарев, 2019).

Один из подходов к оценке предполагает рассмотрение университета как интеллектуально-творческой организации. В этом контексте эффективность измеряется через способность генерировать, применять и распространять новые знания, что напрямую связано с качеством человеческого капитала. Ключевыми становятся не только формальные показатели, но и содержание инновационных компонентов человеческого потенциала, таких как креативность, предпринимательские навыки и способность к совместной работе (Ponomareva et al., 2019; Davydova et al., 2019).

Другой важный аспект – стратегическое управление. Эффективный университет должен обладать четкой стратегией развития, адаптированной к глобальным вызовам. Глобальная конкурентоспособность вуза напрямую связана с качеством стратегического менеджмента, который позволяет эффективно использовать имеющиеся ресурсы для достижения поставленных целей (Parakhina et al., 2017). При этом управление эффективным университетом – это непрерывный процесс, требующий постоянного мониторинга и корректировки (Ramsden, 1998).

Опыт оценки научной и инновационной деятельности вуза

При оценке непосредственно научной и инновационной деятельности исследователи фокусируются на конкретных показателях и моделях, позволяющих измерить вклад университета в экономику и технологическое развитие. Рассмотрим ключевые направления в этой области.

1. Влияние на экономику и инновации. Научная деятельность вузов оказывает прямое влияние на экономическое и инновационное развитие. Это влияние можно оценить через такие показатели, как количество и качество научных публикаций, цитируемость, участие в совместных исследованиях с индустрией и объем привлеченных средств на исследования и разработки (Терещенко, Щербаков, 2021). Эффективность трансфера технологий, т. е. процесса передачи знаний и разработок от университета к бизнесу, является одним из ключевых индикаторов успешности инновационной деятельности (Tseng & Raudensky, 2014).

2. Инновационный потенциал и его оценка. Для системной оценки инновационной деятельности предлагается анализировать инновационный потенциал университета. Этот подход включает оценку не только результатов (патенты, лицензии), но и ресурсов (финансовых, кадровых), а также процессов (управление интеллектуальной собственностью, поддержка стартапов). Такой комплексный анализ позволяет выявить сильные и слабые стороны в инновационной экосистеме вуза (Zhylynska et al., 2019).

3. Модели и индексы. В международной практике существуют различные индексы для оценки предпринимательской и инновационной активности университетов. Например, в Турции применяется специальный индекс для оценки предпринимательских университетов. Он включает в себя следующие критерии оценки: объем договорных работ, выполняемых под заказ индустриальных партнеров, наличие дисциплин, связанных с формированием предпринимательского мышления студентов, количество стартапов, основанных выпускниками вуза, количество рабочих мест, созданных инновационными предприятиями при вузе, участие вуза в разработке и реализации стратегии региона и др. Но, несмотря на свою полезность, он подвергается критике и требует доработки для более точного отражения реальности (Gür et al., 2017).

Опыт разных стран, таких как Германия, Испания, Великобритания, Нидерланды, демонстрирует разнообразие подходов к оценке, от анализа политики в области исследований и инноваций до измерения эффективности трансфера знаний и роли интеллектуального капитала (Kuhlmann, 2003; Berbegal-Mirabent et al., 2013; Hughes, 2006; Vinig & Lips, 2015; Cricelli et al., 2018) (табл. 1). Исследования также показывают, что государственные субсидии и кооперация с промышленностью являются значимыми факторами, стимулирующими инновационную активность вузов (Szücs, 2018).

Таблица 1

Исследования научной и инновационной деятельности вузов в разных странах
Table 1. Works on research and innovative activity of universities

Автор / Author	Рассматриваемые факторы / Factors studied	Основной результат исследования в контексте научной и инновационной деятельности вуза / Key result of research in the context of research and innovative activity of a university
Kuhlmann, Германия, 2003 / Kuhlmann, Germany, 2003	Научно-исследовательская и инновационная политика. Эффективность индивидуальных исследований. Доверие предприятий. Спрос на информацию / Research and innovation policy. Efficiency of individual research. Trust of enterprises. Demand for information	Сотрудничество между исследовательскими учреждениями, университетами, частными фирмами, технологическими центрами и другими организациями в Германии направлено на оптимизацию инновационных систем, а междисциплинарные компетенции приобретают значение в инновационном процессе / Cooperation between research institutions, universities, private firms, technology centers and other organizations in Germany is aimed at optimizing innovation systems, while interdisciplinary competencies are gaining importance in the innovation process
Bergal-Mirabent и др., Испания, 2013 / Bergal-Mirabent et al., Spain, 2013	Зависимые переменные: показатели публикационной активности испанских университетов, измеряемые публикацией в научных журналах, индексируемые в Scopus и Web of Science. Независимые переменные: доля сотрудников, работающих на основе постоянных контрактов, доля сотрудников, работающих на основе краткосрочных контрактов, доля сотрудников, занятых неполное рабочее время; размер университета, специфицированный как среднегодовая численность научных сотрудников; средний возраст сотрудников, занятых академическими видами деятельности; гендерное распределение научных сотрудников; характеристика сети международной деятельности университета, измеряемая количеством публикаций научных сотрудников в соавторстве с сотрудниками университетов других стран относительно общего числа публикаций университета; научная специализация научных сотрудников, классифицированная по направлениям: гуманитарные, социальные, естественные, медицинские и технические науки / Dependent variables: indices of publication activity of Spanish universities, measured by publications in scientific journals indexed in Scopus and Web of Science. Independent variables: the proportion of employees working on permanent contracts, the proportion of employees working on short-term contracts, the proportion of part-time employees; the university size, specified as the average annual number of researchers; the average age of employees engaged in academic activities; gender distribution of researchers; characteristics of the university's network of international activities, measured by the number of publications in collaboration with university staff in other countries relative to the total number of university publications; scientific specialization of researchers, classified by areas: humanities, social sciences, natural sciences, medical and technical sciences	На эффективность университетов Испании и их участие в деятельности по передаче знаний влияют региональные факторы, связанные с технологическим развитием и предпринимательской культурой / Efficiency of Spanish universities and their participation in knowledge transfer are influenced by regional factors related to technological development and entrepreneurial culture

Окончание табл. 1 / End of Table 1

Автор / Author	Рассматриваемые факторы / Factors studied	Основной результат исследования в контексте научной и инновационной деятельности вуза / Key result of research in the context of research and innovative activity of a university
Hughes, Великобритания, 2006 / Hughes, Great Britain, 2006	Государственная поддержка. Экономическая ситуация. Научная ориентация высших учебных заведений. Структура управления академических заведений. Географическое местоположение. Региональные инициативы / Government support. Economic situation. Scientific orientation of higher educational institutions. Management structure of academic institutions. Geographical location. Regional initiatives	Выявлены связи между университетами и промышленностью в Великобритании и США, а также место связей между университетами и промышленностью в общей структуре политики страны / Links between universities and industry in the UK and the USA have been identified, as well as the place of links between universities and industry in the overall structure of the country's politics
Vinig & Lips, Нидерланды, 2015 / Vinig & Lips, the Netherlands, 2015	Факторы, влияющие на эффективность передачи университетских технологий: потенциал передачи технологий, фактическая передача технологий. Количество патентов, дочерних компаний и лицензионных соглашений. Миссия университета, источник финансирования исследований, размер университета, регион или страна, а также уровень зрелости университета и отдела передачи технологий / Factors influencing the effectiveness of university technology transfer: technology transfer potential, actual technology transfer. Number of patents, subsidiaries, and licensing agreements. The university mission, the research funding source, the university size, the region or country, as well as the maturity level of the university and the technology transfer department	Большинство исследовательских университетов Нидерландов имеют низкую эффективность, в то время как технические университеты Нидерландов и академические медицинские центры показывают хорошие результаты / Most research universities in the Netherlands have low efficiency, while technical universities and academic medical centers show good results
Cricelli и др., Италия, 2018 / Cricelli et al., Italy, 2018	Размер университета. Программы международной мобильности. Участие в конференциях и встречах. Участие в академических социальных взаимодействиях / The university size. International mobility programs. Participation in conferences and meetings. Participation in academic social interactions	Для достижения выдающихся результатов в исследованиях и инновациях университетам необходимо достичь критической массы. Также было выявлено важное значение программ международной мобильности студентов и ученых для большинства переменных эффективности / To achieve outstanding results in research and innovation, universities need to reach a critical mass. The importance of international student and academic mobility programs for most performance variables was also identified
Szücs, Австрия, 2018 / Szücs, Austria, 2018	Сотрудничество между университетами и компаниями. Количество участников проекта. Роль исследовательских центров. Академическое качество университетов / Cooperation between universities and companies. Number of project participants. Role of research centers. Academic quality of universities	Количество участников проекта, и в частности университетов, положительно влияет на результаты, что говорит о передаче знаний между участниками проекта. Исследовательские центры, с другой стороны, не оказывают положительного внешнего эффекта. Преимущества сотрудничества с университетами усиливаются их академическим качеством / The number of project participants, and in particular universities, has a positive effect on the results, which indicates the knowledge transfer between the project participants. Research centers, on the other hand, do not have a positive external effect. The advantages of cooperation between universities are enhanced by their academic quality

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что оценка эффективности научной и инновационной деятельности вузов является многогранной задачей. Эффективные подходы должны сочетать как количественные, так и качественные показатели, учитывать специфику национальной и региональной инновационной системы, а также рассматривать университет как целостную систему, где научная и образовательная деятельность тесно взаимосвязаны.

Опыт оценки научной и инновационной деятельности вузов на основе эконометрического моделирования

Научная и инновационная деятельность является одним из приоритетных направлений для современных университетов, особенно в контексте их трансформации в инновационные центры (Пушкарев, Латуха, 2012). Оценка этого аспекта деятельности вузов сопряжена с рядом трудностей.

Основным инструментом оценки научной деятельности в настоящее время являются наукометрические показатели, такие как количество публикаций в международных базах данных (*Scopus*, *Web of Science*) и индекс цитируемости (Полихина, Тростянская, 2018; Москалева, 2013). Однако использование исключительно этих показателей вызывает серьезную критику. Указывается, что погоня за публикационной активностью может приводить к снижению качества научных исследований и не всегда отражает реальный вклад ученого или вуза в науку (Молчанова и др., 2019).

Для более комплексной оценки предлагаются многоуровневые системы показателей. Например, для национальных исследовательских университетов предлагается система, учитывающая не только публикации, но и доходы от НИОКР, количество защищенных диссертаций, патентов и другие индикаторы (Шешукова, Сергеева, 2012).

Отдельные попытки оценки влияния показателей доходности вузов на различные показатели проводились учеными Н. L. Fan, М. Н. Huang и D. Z. Chen (2019), однако ими оценивается влияние именно доходов на различные показатели, а не каких-либо факторов на увеличение доходов.

Рядом исследователей также строятся различные эконометрические модели. Исследователи А. В. Меликян (2018), Т. Г. Максимова, А. С. Николаев, Б. Дулгуун (2018) на основе проведенных исследований делают вывод о том, что общий объем НИОКР связан отрицательной зависимостью с долей внебюджетных средств в доходах от НИОКР; на доход вуза от образовательной деятельности из иностранных источников влияют: число международных программ двух дипломов (положительно), число международных партнерских сетей университета (положительно), стоимость обучения (положительно), доля иностранных учащихся на коммерческой основе (положительно) и средний балл ЕГЭ (отрицательно), нахождение в Москве или Санкт-Петербурге (отрицательно) и медицинский профиль университета (положительно).

В исследовании Д. И. Зинченко и А. А. Егорова (2019) анализируются факторы эффективности российских университетов с использованием данных Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования за 2017 г. Особое внимание в работе уделяется детерминантам эффективности, которые соотносятся с факторами государственной политики в сфере высшего образования.

Исследователями Я. Е. Львовичем, И. Л. Кашириной, А. Н. Швиндтом (2017) представлено моделирование взаимосвязи показателей мониторинга эффективности деятельности вузов и мониторинга трудоустройства выпускников для прогнозирования доли выпускников, трудоустроившихся в течение календарного года, следующего за годом выпуска. В работе А. Ю. Тимофеевой (2018) выявлено, что увеличение доли математических, естественно-научных, информационных и технических направлений в структуре студенческой подготовки в среднем приводит к росту показателей научной деятельности, в то время как для экономики и туризма характерна обратная тенденция. Ученые Я. Б. Лавриненко, Р. М. Новенников, В. И. Тинякова (2023) проанализировали связь между доходами вузов и их баллами в рейтинге *Times Higher Education World University Rankings*. Результаты их исследований показали, что между доходами и баллами существует сильная корреляционная связь. В своей работе они делают вывод о том, что инновационный уровень вузов зависит от объемов их финансирования.

В работах Д. Г. Сандлера и Д. А. Гладырева (2020, 2021) на данных крупнейших университетов исследуются факторы, которые влияют на внебюджетные доходы вузов, величину собственных доходов университета на одного научно-педагогического работника (далее – НПР) и доходы от НИОКР на одного НПР, а также проводится анализ влияния различных показателей доходности на наукометрические показатели вузов. Факторами положительного влияния на внебюджетные доходы являются: количество публикаций в РИНЦ на 100 НПР, наличие собственных научных журналов, отношение средней заработной платы НПР к средней региональной заработной плате, доля публикаций с иностранными соавторами, число полученных грантов на 100 НПР, доля сотрудников с учеными степенями. Факторы отрицательного влияния: доля защищенных диссертаций среди НПР, статьи с российскими соавторами.

Другие исследователи предлагают модели, основанные на оценке всего инновационного цикла: от имеющихся ресурсов («вход») через сам процесс генерации знаний («процесс») к конкретным результатам в виде новых технологий и разработок («выход») (Ефремова, 2019; Перфильева, 2016).

Подчеркивается, что оценка эффективности научно-исследовательской деятельности должна быть направлена не только на контроль, но и на стимулирование ученых и научных коллективов (Шаршов, 2014). Для этого необходима разработка сбалансированной методики, которая бы интегрировала различные группы показателей и позволяла проводить комплексный анализ эффективности как отдельных структурных подразделений, так и университета в целом (Речинский и др., 2015).

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что, несмотря на обилие исследований, проблема объективной и всесторонней оценки эффективности научной и инновационной деятельности вузов в России остается нерешенной и требует дальнейшей проработки.

Приведенные исследования наглядно иллюстрируют разнообразие подходов к изучению взаимосвязей между показателями эффективности вузов. Ученые применяют разнообразные методики анализа, позволяющие выделить значимые факторы, которые влияют на показатели эффективности. Однако используемые статистические инструменты имеют определенную степень погрешности, что затрудняет точное определение степени влияния факторов друг на друга. Кроме того, многие исследования базируются на ограниченной выборке университетов, что снижает значимость выводов. Также в указанных исследованиях могут возникать проблемы эндогенности, т. е. когда объясняющие переменные взаимозависимы.

Таким образом, несмотря на наличие многочисленных работ в части влияния различных факторов на различные показатели деятельности вузов, следует признать, что оценка количественного влияния различных факторов на показатели эффективности вузов недостаточно изучена и требуется продолжение исследований в данной области, особенно для российских вузов.

Результаты исследования

Данные и методика исследования

В связи с вышеизложенным в настоящей работе проведено комплексное исследование, направленное на выявление взаимосвязей между показателями эффективности и различными характеристиками деятельности вузов. Цель исследования – выявление взаимосвязей и закономерностей, позволяющих повысить эффективность вузов. В частности, использованы статистические методы и эконометрическое моделирование.

Источником данных выбрана Информационно-аналитическая система (далее – ИАС) «Мониторинг» Минобрнауки РФ¹. Обусловлено это тем, что мониторинг охватывает разнообразные показатели деятельности вузов; данные регулярно и своевременно обновляются, открыты и публикуются публично, что обеспечивает высокую достоверность и надежность данных.

Для построения оценивающих моделей были отобраны данные 99 вузов за 2023 и 2024 гг. из топ-100 в рейтинге RAEX за 2024 г. Использование двух временных периодов при построении моделей осуществлялось для проверки, подтверждения полученных результатов и обеспечения большей уверенности в надежности выявленных закономерностей.

Предполагается, что связь между зависимыми и независимыми переменными носит линейный характер. Линейность упрощает интерпретацию коэффициентов и позволяет легко объяснить каждое изменение независимой переменной. Кроме того, предполагается, что независимые переменные не коррелируют между собой, так как высокая корреляция между ними приведет к завышению стандартной ошибки и снижению точности моделей.

Предлагаемая спецификация моделей направлена на выявление факторов, определяющих уровень осуществления инновационной деятельности вузами, выраженный через уровень доходов от научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ вузов. В этой связи в качестве пилотных моделей построены эконометрические модели, объясняющие различия университетов, включенных в выборку, по уровню доходов, полученных от НИОКР. Для его изучения рассмотрены показатели, представленные в ИАС «Мониторинг» Минобрнауки РФ:

¹ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. ГИВЦ МИРЭА. <https://monitoring.miccedu.ru/>

1. Общий объем средств, поступивших (за отчетный год) от выполнения НИОКР (обозначен далее как $R18$).

2. Объем НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника, за исключением профессорско-преподавательского состава (далее – ППС) из числа работников предприятий и организаций (кроме образовательных), привлеченных к образовательной деятельности по реализации образовательных программ бакалавриата, специалитета, магистратуры (обозначен далее как $R21$).

В статье Т. В. Миролубовой и Л. О. Соломатовой (2012) осуществляется корреляционно-регрессионный анализ, в котором результирующим показателем выступает величина внебюджетных доходов университета, генерируемых деятельностью в области науки. Для выявления зависимостей используются объясняющие переменные, представляющие собой элементы внутренней и внешней инновационной среды учебного заведения. Среди рассматриваемых факторов выделяют следующие компоненты: численность кандидатов и докторов наук, количество студентов, принимающих активное участие в научно-исследовательских инициативах, объем выданных университетом патентов, развитие региональной инфраструктуры, поддерживающей инновационный процесс, включая технологические парки, бизнес-инкубаторы и аналогичные институты и др.

В исследовании Д. Г. Сандлера и Д. А. Гладырева (2020) предпринималась попытка оценить линейные корреляционные зависимости между основными показателями, измеряющими доходность вузов (доля внебюджетных доходов, внебюджетные доходы университета на одного ННР, доходы от НИОКР на одного ННР). В исследовании выявлена положительная корреляция между доходами от НИОКР на одного ННР и количеством цитирований на 100 ННР, отношением средней зарплаты ННР к средней зарплате региона и количеством цитирований университета на 100 ННР, общим объемом НИОКР и долей статей с соавторами из университетов других стран.

В исследовании И. П. Пестова (2024) выявлены взаимосвязи между показателями вузов и их доходностью: наиболее высокая корреляция показателей доходности наблюдается с числом студентов очной формы обучения, наличием материально-технической базы и уровнем интеллектуального капитала. Также в исследовании выявлено, что определенные факторы оказывают позитивное влияние на рост доходов высшего учебного заведения. К числу таких факторов относятся: увеличение количества студентов, обучающихся на дневной (очной) форме, повышение интенсивности международного сотрудничества в сфере научных исследований посредством увеличения доли совместных публикаций с иностранными партнерами, увеличение числа диссертационных советов.

Таким образом, представленные исследования послужили основой для выбора зависимых и независимых переменных, используемых в настоящей статье. Проведенный обзор литературы и предыдущие исследования определили совокупность факторов, непосредственно влияющих на размер внебюджетных доходов вузов, что позволило выбрать адекватные зависимую и независимые переменные для дальнейшего анализа и построения модели.

Анализ предполагает изучение влияния различных аспектов деятельности вузов на уровень доходов от НИОКР. В первоначальной выборке в качестве объясняющих переменных были рассмотрены 116 индикаторов (см. Приложение), охватывающих ключевые блоки показателей – образовательные, научные, финансовые, инфраструктурные и международные аспекты деятельности вузов (обозначены как $R1$ – $R115$, $RR86$).

Конечные варианты регрессионных моделей имеют следующий вид:

1) для переменной $R18$ «Общий объем средств, поступивших (за отчетный год) от выполнения НИОКР» (построены модели по данным 2023 и 2024 гг.):

$$R18 = \alpha + \beta \cdot R6 + \gamma \cdot R83 + \delta \cdot R95 + \varepsilon, \quad (1)$$

где $R6$ – численность студентов, победителей и призеров олимпиад школьников, принятых на очную форму обучения на первый курс по программам бакалавриата и специалитета по специальностям и (или) направлениям; $R83$ – общая численность научных работников (без внешних совместителей и работающих по договорам ГПХ); $R95$ – число статей, подготовленных совместно с зарубежными организациями;

2) для переменной $R21$ «Объем НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника, за исключением ППС из числа работников предприятий и организаций (кроме образовательных), привлеченных к образовательной деятельности по реализации образовательных программ бакалавриата, специалитета, магистратуры» (построены модели по данным 2023 и 2024 гг.):

$$R21 = \alpha + \beta \cdot R9 + \gamma \cdot RR86 + \delta \cdot R87 + \varepsilon, \quad (2)$$

где R_9 – удельный вес численности студентов (приведенного контингента), обучающихся по программам магистратуры, в общей численности приведенного контингента обучающихся по образовательным программам; RR_{86} – доля ППС возрастной категории старше 65 лет; R_{87} – доля ППС возрастной категории моложе 40 лет.

Результаты и обсуждение

Конечный вид линейных спецификаций эконометрических моделей, соответствующих уравнениям (1) и (2), представлен в табл. 2 и 5. На основе проведенного тестирования также были построены нелинейные спецификации указанных моделей (см. ниже).

Таблица 2

Модели оценки влияния показателей деятельности вуза на объем доходов вуза от НИОКР
Table 2. Models for assessing the impact of university performance indicators on the amount of university income from R&D

Зависимая переменная: R18 – Объем доходов вуза от НИОКР / Dependent variable: R18 – Amount of university income from R&D		
Пространственная выборка: включено 99 наблюдений / Spatial sampling: 99 observations included		
Номер модели / Model number	Модель 1 (2023) / Model 1 (2023)	Модель 2 (2024) / Model 2 (2024)
Переменная / Variable	Коэффициент (вероятность) / Coefficient (probability)	Коэффициент (вероятность) / Coefficient (probability)
C	344010,1 (0,0001)	414602,7 (0,0001)
R6	4798,425 (0,0001)	3995,528 (0,0001)
R83	1735.858 (0,0001)	2232,694 (0,0001)
R95	803,1893 (0,0002)	1473,934 (0,0001)
R ²	0,765131	0,765476
Вероятность (F-статистика) / Probability (F statistics)	0,000001	0,000001

Примечание: R6 – численность студентов, победителей и призеров олимпиад школьников, принятых на очную форму обучения на первый курс по программам бакалавриата и специалитета по специальностям и (или) направлениям; R83 – общая численность научных работников (без внешних совместителей и работающих по договорам ГПХ); R95 – число статей, подготовленных совместно с зарубежными организациями.

Note: R6 – the number of students – winners and prize-winners of school Olympiads accepted for full-time study in the first year of bachelor’s and specialist’s degree programs, by specialties and (or) majors; R83 – the total number of researchers (without external part-timers and those working under civil contracts); R95 – the number of articles prepared jointly with foreign organizations.

Модели 1 и 2 в табл. 2 хорошо специфицированы. Все включенные в модели переменные статистически значимы. Обе модели объясняют более 76 % различий зависимой переменной. Вклад объясняющих переменных хорошо интерпретируем. В частности, включенные в модель объясняющие переменные являются индикаторами человеческого и социального капитала вуза (с точки зрения международного взаимодействия). Чем эти виды капитала больше, тем больше предпосылок для способности сотрудников вуза (возможно, совместно со студентами) зарабатывать на НИОКР.

Следует отметить высокую степень однородности и подобия моделей 1 и 2, построенных по данным 2023 и 2024 гг. Этот факт говорит о стабильности и надежности построенных моделей.

Проверка моделей 1 и 2 при использовании теста Брюша – Пегана – Годфри выявила признаки гетескедастичности их ошибок. Поэтому в целях преодоления этого явления спецификации указанных моделей были уточнены (приобрели нелинейный характер), параметры моделей в результате этого преобразования улучшились (табл. 3).

Таблица 3

Уточненные модели оценки влияния показателей деятельности вуза на объем его доходов от НИОКР
Table 3. Refined models for assessing the impact of university performance indicators on the amount of its R&D income

Зависимая переменная: R18 – Объем доходов вуза от НИОКР / Dependent variable: R18 – Amount of university income from R&D		
Пространственная выборка: 99 наблюдений / Spatial sampling: 99 observations		
Номер модели / Model number	Модель 1–2 (2023) / Model 1–2 (2023)	Модель 2–2 (2024) / Model 2–2 (2024)
Переменная / Variable	Коэффициент (вероятность) / Coefficient (probability)	Коэффициент (вероятность) / Coefficient (probability)
C	210645,5 (0,0111)	396765,9 (0,0001)
R6	4039,261 (0,0001)	3640,550 (0,0001)
R83	1682,937 (0,0001)	4522,047 (0,0001)
R95	2661,482 (0,0001)	–
R83 ²	–	-0,685133 (0,0120)
R95 ²	-1,257001 (0,0002)	1,013560 (0,0010)
R ²	0,796704	0,776529
Вероятность (F-статистика) / Probability (F statistics)	0,000001	0,000001

В целях проверки гипотезы о наличии постоянной эластичности объясняющих переменных по включенным в модели 1 и 2 факторным признакам построены так называемые Log-log-модели, спецификация которых получается в результате применения ко всем переменным моделей 1 и 2 функции натурального логарифма. Результаты указанных моделей представлены в табл. 4. Следует отметить, что в целях сохранения в Log-log-моделях всех наблюдений первоначальной выборки нулевые значения всех переменных были заменены на 0,000001.

Таблица 4

Модели оценки наличия постоянных эластичностей объема доходов вуза от НИОКР по показателям его деятельности
Table 4. Models for assessing the presence of constant elasticities of the amount of university income from R&D by its performance indicators

Зависимая переменная: Log(R18), R18 – Объем доходов вуза от НИОКР / Dependent variable: Log(R18), R18 – Amount of university income from R&D		
Пространственная выборка: 99 наблюдений / Spatial sampling: 99 observations		
Номер модели / Model number	Модель 1* (2023) / Model 1* (2023)	Модель 2* (2024) / Model 2* (2024)
Переменная / Variable	Коэффициент (вероятность) / Coefficient (probability)	Коэффициент (вероятность) / Coefficient (probability)
C	11,73586 (0,0001)	11,75116 (0,0001)
Log(R6)	0,071081 (0,0541)	0,064987 (0,0542)
Log(R83)	0,431874 (0,0001)	0,296824 (0,0001)
Log(R95)	-0,053433 (0,2935)	0,156866 (0,0036)
R ²	0,378198	0,415837
Вероятность (F-статистика) / Probability (F statistics)	0,000001	0,000001

Таким образом, подтверждена гипотеза о наличии постоянной эластичности объема доходов вуза от НИОКР по объясняющей переменной R83.

Рассмотрим результаты построения моделей оценки влияния показателей деятельности вуза на объем его доходов от НИОКР на одного научно-педагогического работника (НПР) (табл. 5).

Таблица 5

Модели оценки влияния показателей деятельности вуза на объем его доходов от НИОКР на одного НПР
Table 5. Models for assessing the impact of university performance indicators on the amount of university income from R&D per one academic employee

Зависимая переменная: R21 – Объем доходов вуза от НИОКР на одного НПР / Dependent variable: R21 – Amount of university income from R&D per one academic employee		
Пространственная выборка: 99 наблюдений / Spatial sampling: 99 observations		
Номер модели / Model number	Модель 3 (2023) / Model 3 (2023)	Модель 4 (2024) / Model 4 (2024)
Переменная / Variable	Коэффициент (вероятность) / Coefficient (probability)	Коэффициент (вероятность) / Coefficient (probability)
C	-1890,286 (0,0001)	-2130,573 (0,0001)
R9	31,57747 (0,0001)	27,36186 (0,0007)
RR86	50,64661 (0,0001)	54,42686 (0,0001)
R87	36,06766 (0,0005)	43,74017 (0,0001)
R ²	0,380923	0,365012
Вероятность (F-статистика) / Probability (F statistics)	0,000001	0,000001

Примечание: R9 – удельный вес численности студентов (приведенного контингента), обучающихся по программам магистратуры, в общей численности приведенного контингента обучающихся по образовательным программам; RR86 – доля ППС возрастной категории старше 65 лет; R87 – доля ППС возрастной категории моложе 40 лет.

Note: R9 – the proportion of the number of students (the specified contingent) enrolled in master’s degree programs in the total number of students enrolled in educational programs; RR86 – the proportion of teaching staff over the age of 65; R87 – the proportion of teaching staff under the age of 40.

Модели 3 и 4 в табл. 5 также хорошо специфицированы. Все включенные в модели переменные статистически значимы. Обе модели объясняют более 36 % различий зависимой переменной. Вклад объясняющих переменных хорошо интерпретируем. В частности, включенные в модель объясняющие переменные являются индикаторами структуры человеческого капитала вуза (прежде всего, возрастной структуры). На основе построенной модели следует отметить существенный вклад в эффективность проведения НИОКР в стоимостном выражении (по показателю удельного объема НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника) молодых ученых (до 40 лет). Это весьма значимый результат, подтверждающий перспективность молодых ученых в прикладных исследованиях, востребованных отраслями. Более высокая доля ученых старше 65 лет (потенциальных наставников) также положительно влияет на общую «производительность» ученых вуза. Увеличение доли магистрантов в контингенте студентов вуза повышает общую производительность труда ученых вуза в сфере производства НИОКР. Этот факт можно объяснить выгодным сочетанием у магистрантов молодости и определенного опыта, накопленного во время обучения на бакалавриате и позже.

Проверка моделей 3 и 4 при использовании теста Брюша – Пегана – Годфри также выявила признаки гетескедастичности их ошибок, для преодоления которых спецификации указанных моделей были уточнены (приобрели нелинейный характер), параметры моделей в результате этого преобразования улучшились (табл. 6).

Таблица 6

Уточненные модели оценки влияния показателей деятельности вуза на объем его доходов от НИОКР
Table 6. Refined models for assessing the impact of university performance indicators on the amount of its R&D income

Зависимая переменная: R18 – Объем доходов вуза от НИОКР / Dependent variable: R18 – Amount of university income from R&D		
Пространственная выборка: 99 наблюдений / Spatial sampling: 99 observations		
Номер модели / Model number	Модель 3–2 (2023) / Model 3–2 (2023)	Модель 4–2 (2024) / Model 4–2 (2024)
Переменная / Variable	Коэффициент (вероятность) / Coefficient (probability)	Коэффициент (вероятность) / Coefficient (probability)
C	-1082.313 (0,0004)	-1335.765 (0,0001)
R ⁹²	1.185237 (0,0001)	0.948304 (0,0001)
RR86 ²	1.115520 (0,0001)	1.230208 (0,0001)
R87	29.88724 (0,0013)	39.13391 (0,0002)
R ²	0.473590	0.437675
Вероятность (F-статистика) / Probability (F statistics)	0.000001	0.000001

В целях проверки гипотезы о наличии постоянной эластичности объясняющих переменных по включенным в модели 3 и 4 факторным признакам также построены Log-log-модели, спецификация которых получается в результате применения ко всем переменным моделей 3 и 4 функции натурального логарифма. Результаты указанных моделей представлены в табл. 7.

Таблица 7

Модели оценки наличия постоянных эластичностей объема доходов вуза от НИОКР на одного НПП по показателям его деятельности

Table 7. Models for assessing the presence of constant elasticities of the amount of university income from R&D per one academic employee by its performance indicators

Зависимая переменная: Log(R21), R21– Объем доходов вуза от НИОКР на одного НПП / Dependent variable: Log(R21), R21– Amount of university income from R&D per one academic employee		
Пространственная выборка: включено 97 наблюдений / Spatial sampling: 97 observations included		
Номер модели / Model number	Модель 3* (2023) / Model 3* (2023)	Модель 4* (2024) / Model 4* (2024)
Переменная / Variable	Коэффициент (вероятность) / Coefficient (probability)	Коэффициент (вероятность) / Coefficient (probability)
C	-15,55833 (0,0003)	-18,51913 (0,0001)
Log(R9)	0,023107 (0,8192)	0,033909 (0,7350)
Log(RR86)	3,557996 (0,0001)	4,097985 (0,0001)
Log(R87)	3,168222 (0,0004)	3,585995 (0,0001)
R ²	0,243697	0,282429
Вероятность (F-статистика) / Probability (F statistics)	0,000001	0,000001

Таким образом, подтверждена гипотеза о наличии постоянной эластичности объема доходов вуза от НИОКР на одного НПП по объясняющим переменным RR86 и R87, включенным в модели 3* и 4*.

Кроме того, для всех моделей, представленных выше (модели 1, 2, 3, 4), рассчитан *VIF* (*Variance Inflation Factor*) – коэффициент увеличения дисперсии, позволяющий выявить корреляцию между объясняющими переменными модели. В частности, центрированный *VIF* для всех переменных всех указанных моделей не превышает 1,8 (для всех переменных моделей 1, 3, 4 этот индикатор не превышает 1,5), что является допустимым (предполагает умеренную корреляцию). В этом случае проведение корректирующих мер в спецификации моделей не требуется.

В процессе оценки устойчивости моделей в качестве контрольных переменных использованы: переменная *R9* для моделей, построенных по спецификации уравнения (1) (модели 1 и 2), и *R6* – для моделей, построенных по спецификации уравнения (2) (модели 3 и 4). При добавлении в модели контрольных переменных все модели продемонстрировали высокий уровень устойчивости оценок.

Следует снова отметить высокую степень однородности и подобия моделей, построенных по данным 2023 и 2024 гг., представленных в табл. 3. Этот факт говорит о стабильности и надежности построенных моделей.

Таким образом, все модели обладают высоким уровнем точности и надежности, позволяя эффективно прогнозировать объемы поступлений от НИОКР и удельную НИОКР вуза.

Полученные результаты коррелируют с аналогичными выводами ряда исследований (Миролюбова, Соломатова, 2012; Сандлер, Гладырев, 2020; Пестов, 2024), демонстрируя высокую степень сопоставимости полученных данных и общую научную достоверность подхода. При этом построенные модели отличаются от моделей, построенных другими исследователями, выявлением новых факторов влияния, которые ранее оставались вне поля зрения исследователей. Выявлены дополнительные переменные, которые позволяют глубже понять влияние различных факторов на эффективность вуза и повысить точность прогнозирования.

Высокая объясняющая способность моделей и их легкая интерпретируемость дают возможность использовать эти модели в качестве бенчмарка для построения рейтинга эффективности вузов в сфере генерации доходов от НИОКР. Кроме того, построенные модели обеспечивают более полное представление о прогнозировании объемов НИОКР и открывают перспективы для дальнейших научных изысканий.

Заключение

В ходе проведенного исследования была предложена и апробирована новая методика оценки эффективности научной и инновационной деятельности российских вузов, основанная на эконометрическом моделировании. Результаты работы позволяют сделать следующие ключевые выводы.

Во-первых, подтверждена ограниченность существующих подходов к оценке, которые в основном опираются на формальные и наукометрические показатели, не всегда отражающие реальную эффективность вузов. Предложенные модели, использующие данные официального мониторинга, позволяют провести более глубокий и объективный анализ.

Во-вторых, выявлены конкретные факторы, оказывающие статистически значимое влияние на объем доходов от НИОКР. Ключевую положительную роль для формирования абсолютного показателя объема НИОКР вуза играют численность его штатных научных работников; количество принятых в вуз призеров олимпиад; число статей, подготовленных совместно с зарубежными организациями. Производительность труда научных работников в сфере производства НИОКР закономерно зависит от структуры человеческого капитала университета: от удельного веса молодых сотрудников, а также доли опытных возрастных сотрудников и магистрантов (в общей численности студентов).

Указанные факторы подчеркивают важность наличия в университете сильного научного ядра, а привлечение молодых специалистов при наличии опытных наставников обеспечивает преемственность поколений и поддержку инновационного потенциала вузов. Кроме того, подчеркивается важность процесса интернационализации НИОКР путем привлечения зарубежных авторов в качестве соавторов публикаций.

Предложенные эконометрические модели обладают высокой объясняющей способностью, что подтверждает их адекватность и практическую значимость. Они могут быть использованы не только для анализа, но и в качестве инструмента для бенчмаркинга – сравнения эффективности вузов и выявления лучших практик, а также для построения более объективного рейтинга эффективности в сфере научной деятельности.

Направления будущих исследований могут включать:

- Расширение модели за счет включения дополнительных переменных, таких как качество публикаций, объем привлеченных грантов, показатели международной деятельности и востребованности выпускников.
- Проведение анализа на более длительном временном отрезке (с использованием панельных данных) для выявления динамических эффектов и причинно-следственных связей.
- Построение аналогичных моделей для других показателей эффективности, например, для оценки образовательной или международной деятельности вузов.
- Сегментацию выборки по типам вузов (например, национальные исследовательские, федеральные, опорные) для выявления специфических для каждой группы факторов эффективности.

Таким образом, настоящая работа вносит вклад в развитие методологии оценки деятельности вузов и открывает новые возможности для принятия обоснованных управленческих решений как на уровне отдельных университетов, так и на уровне государственной образовательной политики.

Список литературы

- Астафьева, М. П., Зятева, О. А., Пешкова, И. В., Питухин, Е. А. (2015). Анализ показателей эффективности деятельности российских вузов. *Университетское управление: практика и анализ*, 4(98), 4–18. EDN: ТВНАFU
- Вкусов, А. В. (2018). Проблемы оценки эффективности деятельности университетов. *Социологические исследования*, 4, 140–145. EDN: YMAEXD. DOI: 10.7868/S0132162518010154
- Винокуров, М. А. (2013). Мониторинг эффективности российских вузов: совершенствование методологии. *Известия ИГЭА*, 6(92), 5–11. EDN: RSFAZT
- Гаффорова, Е. Б., Карловский, А. В. (2009). О подходах к оценке эффективности деятельности вузов. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки*, 9(3), 81–87. EDN: KWCOTR
- Гасанов, Э. А., Зубарев, А. Е. (2019). Принципы интеграции университетов в глобальное пространство высшего образования и неоиндустриального развития. *Вестник Тихоокеанского государственного университета*, 3(54), 35–46. EDN: ONCWKU
- Григораш, О. В. (2014). О показателях оценки эффективности деятельности вузов. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*, 95, 1237–1262. EDN: RVEZFR
- Губа, К., Завадская, М. (2017). *Лучше быть неэффективным, чем негосударственным: как Рособрнадзор наказывает вузы: Аналитические записки по проблемам правоприменения*. Санкт-Петербург. EDN: YTBPLK
- Егоршин, А. П., Гладышева, И. А. (2014). Как оценить эффективность работы вузов? *Высшее образование сегодня*, 11, 29–32. EDN: TOUFGZ
- Елшанский, С. П. (2017). Об оценке эффективности образования в вузе. *Проблемы современного образования*, 5, 99–108. EDN: ZRCCAD
- Ефремова, П. В. (2019). Показатели оценки эффективности развития инновационной деятельности вузов. *Вопросы инновационной экономики*, 9(3), 989–1010. EDN: PKIHSW. DOI: 10.18334/vinec.9.3.41001
- Зинченко, Д. И., Егоров, А. А. (2019). Моделирование эффективности российских университетов. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 23(1). EDN: PUZFFC. DOI: 10.17323/1813-8691-2019-23-1-143-172
- Лавриненко, Я. Б., Новенников, Р. М., Тинякова, В. И. (2023). Оценка влияния доходов университетов на уровень их инновационной активности. *Современная экономика: проблемы и решения*, 105–122. EDN: GLLMSM. DOI: 10.17308/ters/2078-9017/2023/5/105-122
- Левашов, Е. Н. (2016). Критерии оценки эффективности деятельности вузов в России. *Символ науки*, 2-2, 170–173. EDN: XWJEND
- Литвинова, Н. А. (2024). Развитие человеческого капитала в университетах как одно из направлений инновационной политики в условиях цифровой экономики. *Экономика, предпринимательство и право*, 14(12), 7927–7944. EDN: VPAOVQ. DOI: 10.18334/erpp.14.12.122380
- Львович, Я. Е., Каширина, И. Л., Швиндт, А. Н. (2017). Нейросетевое моделирование результатов мониторингового оценивания деятельности вузов. *Моделирование, оптимизация и информационные технологии*, 4(19), 359–371. EDN: YNWWJB
- Максимова, Т. Г., Николаев, А. С., Дулгуун, Б. (2018). Исследовательские университеты в структуре национальной инновационной экосистемы. *Теория и практика общественного развития*, 126, 81–87. EDN: XWFBZZ. DOI: 10.24158/tipor.2018.8.15
- Меликян, А. В. (2018). Внутренние факторы результативности экспорта образования в российских вузах. *Вопросы образования*, 3, 146–178. EDN: OZSPYD. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-3-146-179
- Миролюбова, Т. В., Соломатова, Л. О. (2012). Методические подходы к анализу факторов, влияющих на развитие инновационной системы университета. *Фундаментальные исследования*, 11–4, 1004–1010. EDN: PUKPSV

- Молчанова, Н. В., Сканцев, В. М., Спасенников, В. В. (2019). Дискуссионные вопросы оценки эффективности научной деятельности с использованием индексов цитирования (обзор отечественных и зарубежных публикаций). *Эргодизайн*, 4(6), 186–195. EDN: FIAFGA. DOI: 10.30987/2619-1512-2019-2019-4-186-195
- Москалева, О. В. (2013). Использование наукометрических показателей для оценки научной деятельности. *Наукоедческие исследования*, 85–109. EDN: RQQSKH
- Ниязова, М. В. (2003). Проблемы оценки эффективности предпринимательской деятельности бюджетных вузов. *Университетское управление: практика и анализ*, 3, 68–76. EDN: HTNLQN
- Перфильева, О. В. (2016). Обзор современных методик оценки эффективности инновационного развития. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право*, 16(2), 166–171. EDN: WGETNF. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-2-166-171
- Пестов, И. П. (2024). Оценка факторов, влияющих на доходы российских вузов. *Журнал монетарной экономики и менеджмента*, 5, 185–194. EDN: ZRWQIH. DOI: 10.26118/2782-4586.2024.44.65.026
- Полихина, Н. А., Тростянская, И. Б. (2018). Эффективность оценки деятельности университета через наукометрические показатели. *Образование и наука в России: состояние и потенциал развития*, 3, 257–281. EDN: YSWIFV
- Пушкарев, Ю. В., Лагуха, О. А. (2012). Оценка эффективности деятельности современного университета как инновационного вуза. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, 5(1), 25–31. EDN: OWOIQF
- Речинский, А. В., Черненко, Л. В., Магер, В. Е., Матвеева, Е. В., Черненко, А. В. (2015). Разработка методики расчета показателей эффективности деятельности университета и его структурных подразделений. *Современные технологии управления*, 6(54), 46–54. EDN: TYRWHP
- Романов, Е. В. (2019). Оценка эффективности деятельности вузов: противоречия и парадоксы. Часть I. *Образование и наука*, 21(9), 9–48. EDN: GUZJZP. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-9-9-48
- Сандлер, Д. Г., Гладырев, Д. А. (2020). Построение экономически эффективной системы целевых показателей развития исследовательской деятельности университета с учетом корреляционных зависимостей. *Статистика и Экономика*, 17(4), 71–84. EDN: FKSTWT. DOI: 10.21686/2500-3925-2020-4-71-84
- Сандлер, Д. Г., Гладырев, Д. А. (2021). Обзор эмпирических исследований факторов экономической результативности российских университетов. *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*, 4, 37–49. EDN: EHLIYO. DOI: 10.18287/2542-0461-2021-12-4-37-49
- Свиридова, Н. В., Сазонова, И. В. (2011). Сравнительный анализ эффективности и результативности деятельности вузов. *Университетское управление: практика и анализ*, 4, 83–86. EDN: OBOVER
- Сизов, В. С., Сизова, Е. Н. (2013). Проблема оценки эффективности деятельности вузов. *Экономика образования*, 2, 91–96. EDN: RQBHPN
- Слободняк, И. А., Баенхаева, А. В. (2015). К вопросу о методике проведения мониторинга эффективности деятельности вузов. *Экономический анализ: теория и практика*, 36(435), 50–60. EDN: UKEACX
- Терещенко, Д. С., Щербаков, В. С. (2019). Статистический анализ дифференциации российских регионов по уровню публикационной активности. *ЭКО*, 9(543). EDN: PCZHTK. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-9-132-154
- Тимофеева, А. Ю. (2018). Оценка влияния профильной направленности на показатели деятельности российских вузов. *Мир экономики и управления*, 18(3). EDN: YQHXYX. DOI: 10.25205/2542-0429-2018-18-3-81-90
- Шаршов, И. А. (2014). Оценка эффективности научно-исследовательской деятельности в современном университете. *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*, 1(23), 38–44. EDN: SFOZHF
- Шешукова, Т. Г., Сергеева, Н. В. (2012). Формирование системы показателей для оценки эффективности научной деятельности национальных исследовательских университетов. *Экономический анализ: теория и практика*, 4, 53–63. EDN: ONZHOL
- Berbegal-Mirabent, J., Lafuente, E., & Solé, F. (2013). The pursuit of knowledge transfer activities: An efficiency analysis of Spanish universities. *Journal of Business Research*, 66(10), 2051–2059. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2013.02.031>
- Cricelli, L., Greco, M., Grimaldi, M., & Llanes Dueñas, L. P. (2018). Intellectual capital and university performance in emerging countries: Evidence from Colombian public universities. *Journal of Intellectual Capital*, 19(1), 71–95. <https://doi.org/10.1108/JIC-02-2017-0037>
- Davydova, T., Barkalov, S., & Poryadina, V. (2019, May). Content and evaluation of innovative components of human potential in the ratings of universities. In *Society. Integration. Education: proceedings of the International Scientific Conference* (Vol. 6, pp. 117–132). <https://doi.org/10.17770/sie2019vol6.3736>
- Fan, H. L., Huang, M. H. & Chen, D. Z. (2019). Do funding sources matter?: The impact of university-industry collaboration funding sources on innovation performance of universities. *Technology Analysis & Strategic Management*, 31(11), 1368–1380. <https://doi.org/10.1080/09537325.2019.1614158>
- Gür, U., Oylumlu, I. S., & Kunday, Ö. (2017). Critical assessment of entrepreneurial and innovative universities index of Turkey: Future directions. *Technological Forecasting and Social Change*, 123, 161–168. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.09.008>
- Hughes, A. (2006). *University-industry linkages and UK science and innovation policy*. Cambridge: Centre for Business Research, University of Cambridge.
- Kuhlmann, S. (2003). Evaluation of research and innovation policies: a discussion of trends with examples from Germany. *International Journal of Technology Management*, 26(2–4), 131–149. <https://doi.org/10.1504/IJTM.2003.003366>

- Parakhina, V., Godina, O., Boris, O., & Ushvitsky, L. (2017). Strategic management in universities as a factor of their global competitiveness. *International Journal of Educational Management*, 31(1), 62–75. EDN: YUKPJV. DOI: 10.1108/IJEM-03-2016-0053
- Ponomareva, A. M., Zhumanova, M. H., Kolchugina, T. A., Solovieva, I. V., & Puchkova, E. E. (2019, October). Evaluating the Effectiveness of the University as Intellectual and Creative Organization. In *Institute of Scientific Communications Conference* (pp. 559–566). Cham: Springer International Publishing. EDN: VUQBVV. DOI: 10.1007/978-3-030-69415-9_64
- Ramsden, P. (1998). Managing the effective university. *Higher Education Research & Development*, 17(3), 347–370. <https://doi.org/10.1080/0729436980170307>
- Szücs, F. (2018). Research subsidies, industry-university cooperation and innovation. *Research Policy*, 47(7), 1256–1266.
- Tereshchenko, D. S., & Shcherbakov, V. S. (2021). The Impact of Scientific Activity of Universities on Economic and Innovative Development. *Экономика региона*, 17(1), 223–234. EDN: WCXCGS. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-17
- Tseng, A. A., & Raudensky, M. (2014). Performance evaluations of technology transfer offices of major US research universities. *Journal of Technology Management & Innovation*, 9(1), 93–102. <https://doi.org/10.4067/S0718-27242014000100008>
- Vinig, T., & Lips, D. (2015). Measuring the performance of university technology transfer using meta data approach: the case of Dutch universities. *The Journal of Technology Transfer*, 40(6), 1034–1049. EDN: IQUPZO. DOI: 10.1007/s10961-014-9389-0
- Zhylynska, O., Sitnicki, M., & Vikulova, A. (2019). Systematic assessment of the innovative potential of a research university. *Baltic Journal of Economic Studies*, 5(2), 38–44. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2019-5-2-38-44>

References

- Astafyeva, M., Zyateva, O., Peshkova, I., & Pitukhin, E. (2015). Russian universities in terms of performance indicators. *Journal University Management: Practice and Analysis*, 4(98), 4–18. (In Russ.).
- Berbegal-Mirabent, J., Lafuente, E., & Solé, F. (2013). The pursuit of knowledge transfer activities: An efficiency analysis of Spanish universities. *Journal of Business Research*, 66(10), 2051–2059. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2013.02.031>
- Cricelli, L., Greco, M., Grimaldi, M., & Llanes Dueñas, L. P. (2018). Intellectual capital and university performance in emerging countries: Evidence from Colombian public universities. *Journal of Intellectual Capital*, 19(1), 71–95. <https://doi.org/10.1108/JIC-02-2017-0037>
- Davydova, T., Barkalov, S., & Poryadina, V. (2019, May). Content and evaluation of innovative components of human potential in the ratings of universities. In *Society. Integration. Education: proceedings of the International Scientific Conference* (Vol. 6, pp. 117–132). (In Russ.). <https://doi.org/10.17770/sie2019vol6.3736>
- Efremova, P. V. (2019). Indicators for assessing the effectiveness of the universities innovative activity development. *Russian Journal of Innovation Economics*, 9(3), 989–1010. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/vinec.9.3.41001>
- Egorshin, A. P., & Gladysheva, I. A. (2014). How to assess the efficiency of universities' performance? *Vysshee obrazovanie segodnya*, 11, 29–32. (In Russ.).
- Fan, H. L., Huang, M. H. & Chen, D. Z. (2019). Do funding sources matter?: The impact of university-industry collaboration funding sources on innovation performance of universities. *Technology Analysis & Strategic Management*, 31(11), 1368–1380. <https://doi.org/10.1080/09537325.2019.1614158>
- Gafforova, E. B., & Karlovskiy, A. V. (2009). About approaches to the effectiveness of higher education institutions assessment. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Soczialno-ekonomicheskie nauki*. (In Russ.).
- Gasarov, E. A., & Zubarev, A. E. (2019). Principles for the integration of universities in the global space of higher education and neo-industrial development. *Bulletin of Pacific National University*, 3(54), 35–46. (In Russ.).
- Grigorash, O. V. (2014). About indicators of an assessment of efficiency of activity of higher education institutions. *Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*, 95, 1237–1262. (In Russ.).
- Guba, K., & Zavadskaya, M. (2017). *It is better to be inefficient than non-state: how Rosobrnadzor punishes universities: Analytical notes on law enforcement*. Saint Petersburg. (In Russ.).
- Gür, U., Oylumlu, I. S., & Kunday, Ö. (2017). Critical assessment of entrepreneurial and innovative universities index of Turkey: Future directions. *Technological Forecasting and Social Change*, 123, 161–168. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.09.008>
- Hughes, A. (2006). *University-industry linkages and UK science and innovation policy*. Cambridge: Centre for Business Research, University of Cambridge.
- Kuhlmann, S. (2003). Evaluation of research and innovation policies: a discussion of trends with examples from Germany. *International Journal of Technology Management*, 26(2–4), 131–149. <https://doi.org/10.1504/IJTM.2003.003366>
- Lavrinenko, Y. B., Novennikov, R. M., & Tinyakova, V. I. (2023). Evaluation of the impact of university income on the level of their innovative activity. *Modern Economics: Problems and Solutions*, 105–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2023/5/105-122>
- Levashov, E. N. (2016). Criteria for assessing the efficiency of Russian universities' performance. *Symbol of Science: International Scientific Journal*, 2-2, 170–173. (In Russ.).
- Litvinova, N. A. (2024). Development of human capital in universities as one of the directions of innovation policy in the digital economy. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 14(12), 7927–7944. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/epp.14.12.122380>

- Lvovich, Y. E., Kashirina, I. L., & Schwindt, A. N. (2017). Network-based simulation of the results monitoring evaluation of activity of universities. *Modeling, Optimization and Information Technology*, 4(19), 359–371. (In Russ.).
- Maksimova, T. G., Nikolaev, A. S., & Byambatsogt, D. Research universities in the national innovation ecosystem. *Theory and Practice of Social Development*, 126, 81–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.8.15>
- Melikyan, A. (2018). Internal factors of education export performance in Russian universities. *Educational studies. Moscow*, 3, 146–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-146-179>
- Mirolubova, T. V., & Solomatova, L. O. (2012). Methodical approaches for factor analysis of university's innovation system development. *Fundamentalnye Issledovaniya*, 11–4, 1004–1010. (In Russ.).
- Molchanova, N., Skantsev, V., & Spasennikov V. (2019). Discussion issues of evaluation of the scientific activity's effectiveness using citation indices (review of domestic and foreign publications). *Ergodizayn*, 4(6), 186–195. (In Russ.). <https://doi.org/10.30987/2619-1512-2019-4-186-195>
- Moskaleva, O. V. (2013). Using of scientometric indices for research assessment. *Naukovedcheskie Issledovaniya*, 85–109. (In Russ.).
- Niyazova, M. V. (2003). Problems of assessing the efficiency of business activity of budget-funded universities. *Journal University Management: Practice and Analysis*, 3, 68–76. (In Russ.).
- Parakhina, V., Godina, O., Boris, O., & Ushvitsky, L. (2017). Strategic management in universities as a factor of their global competitiveness. *International Journal of Educational Management*, 31(1), 62–75. <https://doi.org/10.1108/IJEM-03-2016-0053>
- Perfileva, O. V. (2016). Review of the modern methods of assessing the efficiency of innovative development. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, 16(2), 166–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2016-16-2-166-171>
- Pestov, I. P. (2024). Assessment of factors affecting the income of Russian universities. *Journal of Monetary Economics and Management*, 5, 185–194. (In Russ.). <https://doi.org/10.26118/2782-4586.2024.44.65.026>
- Polikhina, N. A., & Trostyanskaya, I. B. (2018). The effectiveness of the evaluation of the university through scientometric indicators. *Education and Science in Russia: the State and Development Potential*, 3, 257–281. (In Russ.).
- Ponomareva, A. M., Zhumanova, M. H., Kolchugina, T. A., Solovieva, I. V., & Puchkova, E. E. (2019, October). Evaluating the Effectiveness of the University as Intellectual and Creative Organization. In *Institute of Scientific Communications Conference* (pp. 559–566). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_64
- Pushkarev, Yu. V., & Latuha, O. A. (2012). Estimation of management efficiency innovative activity of university as innovative higher school. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 5(1), 25–31. (In Russ.).
- Ramsden, P. (1998). Managing the effective university. *Higher Education Research & Development*, 17(3), 347–370. <https://doi.org/10.1080/0729436980170307>
- Rechinskij, A. V., Chernenkaja, L. V., Mager, V. E., Matveeva, E. V., & Chernenkij, A. V. (2015). Development of the method of calculating the effectiveness of the university and its structural divisions. *Modern Management Technology*, 6(54), 46–54.
- Romanov, E. V. (2019). Efficiency assessment of higher education institutions: contradictions and paradoxes. Part I. *Education and Science Journal*, 21(9), 9–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-9-9-48>
- Sandler, D. G., & Gladyshev, D. A. (2020). Construction of an economically effective system of target indicators for the development of university research activities considering correlation dependencies. *Statistics and Economics*, 17(4), 71–84. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-4-71-84>
- Sandler, D. G., & Gladyshev, D. A. (2021). Review of empirical researches on the factors of economic performance of Russian universities. *Vestnik of Samara University. Economics and Management*, 4, 37–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.18287/2542-0461-2021-12-4-37-49>
- Sharshov, I. A. (2014). Assessing the efficiency of R&D activity at a modern university. *Psychological-Pedagogical Journal Gaudeamus*, 1(23), 38–44. (In Russ.).
- Sheshukova, T. G., & Sergeeva, N. V. (2012). Forming the system of indices for assessing the efficiency of research activity of national research universities. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 4, 53–63. (In Russ.).
- Sizov, V. S., & Sizova, E. N. (2013). Problem of an assessment of efficiency of activity of higher education institutions. *Ekonomika Obrazovaniya*, 2, 91–96. (In Russ.).
- Slobodnyak, I. A., & Baenkhayeva, A. V. (2015). On methodology for monitoring the efficiency of higher school activities. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 36(435), 50–60. (In Russ.).
- Sviridova, N. V., & Sazonova, I. V. (2011). The comparative analysis of efficiency and productivity of activity of high schools. *Journal University Management: Practice and Analysis*, 4, 83–86. (In Russ.).
- Szücs, F. (2018). Research subsidies, industry-university cooperation and innovation. *Research Policy*, 47(7), 1256–1266.
- Tereshchenko, D. S., & Shcherbakov, V. S. (2019). Statistical analysis of differentiation between Russian regions by level of publications. *ECO*, 9(543). (In Russ.). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-9-132-154>
- Timofeeva, A. Yu. (2018). Evaluation of the impact of profile direction to the indicators of the activities of Russian universities. *World of Economics and Management*, 18(3). (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2018-18-3-81-90>
- Tseng, A. A., & Raudensky, M. (2014). Performance evaluations of technology transfer offices of major US research universities. *Journal of Technology Management & Innovation*, 9(1), 93–102. <https://doi.org/10.4067/S0718-27242014000100008>

Tsivinskaya, A. O., Guba, K. S., Guba, K., & Zavadskaya, M. (2017). *Better Ineffective than Private: How Universities are Penalized by Rosobrnadzor*. Saint Petersburg: The Institute for the Rule of Law, European University. (In Russ.).

Vinig, T., & Lips, D. (2015). Measuring the performance of university technology transfer using meta data approach: the case of Dutch universities. *The Journal of Technology Transfer*, 40(6), 1034–1049. <https://doi.org/10.1007/s10961-014-9389-0>

Vinokurov, M. A. (2013). Monitoring the effectiveness of Russian universities: enhancing the methodology. *Izvestiya Irkutskoy Gosudarstvennoy Ekonomicheskoy Akademii*, 6(92), 5–11. (In Russ.).

Vkusov, A. V. (2018). Problems of assessing the effectiveness of universities. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 4, 140–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S0132162518010154>

Yelshansky, S. P. (2017). On the assessment of the effectiveness of education in a university. *Problemy Sovremennogo Obrazovaniya*, 5, 99–108. (In Russ.).

Zinchenko, D., & Egorov, A. (2019). Efficiency modeling of Russian universities. *Higher School of Economics Economic Journal*, 23(1). (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2019-23-1-143-172>

Zhylynska, O., Sitnicki, M., & Vikulova, A. (2019). Systematic assessment of the innovative potential of a research university. *Baltic Journal of Economic Studies*, 5(2), 38–44. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2019-5-2-38-44>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Переменные, использованные в процессе моделирования

Переменная	Обозначение
Средний балл ЕГЭ студентов, принятых по результатам ЕГЭ на обучение по очной форме по программам бакалавриата и специалитета за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы РФ	R1
Средний балл ЕГЭ студентов университета, принятых по результатам ЕГЭ на обучение по очной форме по программам бакалавриата и специалитета за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, за исключением лиц, поступивших с учетом особых прав и в рамках квоты целевого приема	R2
Средний балл ЕГЭ студентов, принятых по результатам ЕГЭ на обучение по очной форме по программам бакалавриата и специалитета с оплатой стоимости затрат на обучение физическими и юридическими лицами	R3
Усредненный по реализуемым направлениям (специальностям) минимальный балл ЕГЭ студентов, принятых по результатам ЕГЭ на обучение по очной форме на программы бакалавриата и специалитета	R4
Численность студентов – победителей и призеров заключительного этапа Всероссийской олимпиады школьников, членов сборных команд Российской Федерации, участвовавших в международных олимпиадах по общеобразовательным предметам по специальностям и (или) направлениям подготовки, соответствующим профилю Всероссийской олимпиады школьников или Международной олимпиады, принятых на очную форму обучения на первый курс по программам бакалавриата и специалитета без вступительных испытаний	R5
Численность студентов – победителей и призеров олимпиад школьников, принятых на очную форму обучения на первый курс по программам бакалавриата и специалитета по специальностям и (или) направлениям подготовки, соответствующим профилю олимпиады школьников, без вступительных испытаний	R6
Численность студентов, принятых по результатам целевого приема на первый курс на очную форму обучения по программам бакалавриата и специалитета	R7
Удельный вес численности студентов, принятых по результатам целевого приема на первый курс на очную форму обучения по программам бакалавриата и специалитета в общей численности студентов, принятых на первый курс по программам бакалавриата и специалитета на очную форму обучения	R8
Удельный вес численности студентов (приведенного контингента), обучающихся по программам магистратуры, в общей численности приведенного контингента обучающихся по образовательным программам бакалавриата, специалитета и магистратуры	R9
Удельный вес численности обучающихся (приведенного контингента) по программам магистратуры, подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), ординатуры, ассистентуры-стажировки в общей численности приведенного контингента обучающихся по основным образовательным программам высшего образования	R10
Удельный вес численности студентов, имеющих диплом бакалавра, специалиста или магистра других организаций, принятых на первый курс на обучение по программам магистратуры образовательной организации, в общей численности студентов, принятых на первый курс по программам магистратуры на очную форму обучения	R11

Продолжение приложения

Переменная	Обозначение
Удельный вес численности обучающихся по программам магистратуры, подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), ординатуры, ассистентуры-стажировки, имеющих диплом бакалавра, диплом специалиста или диплом магистра других организаций в общей численности обучающихся по программам магистратуры, подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), ординатуры, ассистентуры-стажировки	R12
Численность аспирантов (адъюнктов), ординаторов, ассистентов-стажеров образовательной организации в расчете на 100 студентов (приведенного контингента)	R13
Удельный вес численности слушателей из сторонних организаций в общей численности слушателей, прошедших обучение в образовательной организации по программам повышения квалификации или профессиональной переподготовки	R14
Удельный вес численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, и магистратуры по областям знаний «Инженерное дело, технологии и технические науки», «Здравоохранение и медицинские науки», «Образование и педагогические науки», с которыми заключены договоры о целевом обучении, в общей численности студентов, обучающихся по указанным областям знаний	R15
Количество цитирований публикаций, изданных за последние пять лет, индексируемых в Российском индексе научного цитирования (далее – РИНЦ) в расчете на 100 НПР[n]	R16
Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования РИНЦ, в расчете на 100 НПР[n]	R17
Общий объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ	R18
Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах образовательной организации	R19
Удельный вес НИОКР, выполненных собственными силами (без привлечения соисполнителей), в общих доходах образовательной организации от НИОКР	R20
Доходы от НИОКР (за исключением средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, государственных фондов поддержки науки) в расчете на одного НПР[n]	R21
Количество лицензионных соглашений	R22
Удельный вес средств, полученных образовательной организацией от использования результатов интеллектуальной деятельности, в общих доходах образовательной организации	R23
Удельный вес численности НПР[n] без ученой степени – до 30 лет, кандидатов наук – до 35 лет, докторов наук – до 40 лет, в общей численности НПР[n]	R24
Удельный вес научно-педагогических работников, защитивших кандидатские и докторские диссертации за отчетный период, в общей численности НПР	R25
Количество научных журналов, в том числе электронных, издаваемых образовательной организацией	R26
Количество полученных грантов за отчетный год в расчете на 100 НПР[n]	R27
Удельный вес численности иностранных студентов (кроме стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ)), обучающихся программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов (приведенный контингент)	R28
Удельный вес численности иностранных студентов из СНГ, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов (приведенный контингент)	R29
Удельный вес численности иностранных студентов, завершивших освоение образовательных программ бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов (приведенный контингент)	R30
Удельный вес численности иностранных студентов (кроме стран СНГ), завершивших освоение образовательных программ бакалавриата, программ специалитета, программ магистратуры, в общей численности студентов (приведенный контингент)	R31
Удельный вес численности иностранных студентов из стран СНГ, завершивших освоение образовательных программ бакалавриата, программ специалитета, программ магистратуры, в общей численности студентов (приведенный контингент)	R32
Удельный вес численности студентов, обучающихся по очной форме обучения по образовательным программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, прошедших обучение за рубежом не менее семестра (триместра), в общей численности студентов, обучающихся по очной форме обучения	R33

Переменная	Обозначение
Численность студентов иностранных образовательных организаций, прошедших обучение в образовательной организации по очной форме обучения по образовательным программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, не менее семестра (триместра) в расчете на 100 студентов, обучающихся по очной форме обучения	R34
Удельный вес численности иностранных граждан из числа НПП в общей численности НПП	R35
Численность зарубежных ведущих профессоров, преподавателей и исследователей, работающих (работавших) в образовательной организации не менее одного семестра	R36
Удельный вес численности иностранных граждан (кроме стран СНГ) из числа аспирантов (адъюнктов), ординаторов, ассистентов-стажеров образовательной организации в общей численности аспирантов (адъюнктов), ординаторов, ассистентов-стажеров	R37
Удельный вес численности иностранных граждан из стран СНГ из числа аспирантов (адъюнктов), ординаторов, ассистентов-стажеров образовательной организации в общей численности аспирантов (адъюнктов), ординаторов, ассистентов-стажеров	R38
Объем средств, полученных образовательной организацией от выполнения НИОКР от иностранных граждан и иностранных юридических лиц	R39
Объем средств от образовательной деятельности, полученных образовательной организацией от иностранных граждан и иностранных юридических лиц	R40
Доходы образовательной организации из средств от приносящей доход деятельности в расчете на одного НПП	R41
Доля доходов из средств от приносящей доход деятельности в доходах по всем видам финансового обеспечения (деятельности) образовательной организации	R42
Отношение средней заработной платы НПП в образовательной организации (из всех источников) к средней заработной плате по экономике региона	R43
Доходы образовательной организации из всех источников в расчете на численность студентов (приведенный контингент)	R44
Общая площадь учебно-лабораторных помещений в расчете на одного студента (приведенного контингента):	R45
– имеющих на праве собственности	R46
– закрепленных на праве оперативного управления	R47
– предоставленных в безвозмездное пользование	R48
– предоставленных в аренду	R49
Количество персональных компьютеров в расчете на одного студента (приведенного контингента)	R50
Удельный вес стоимости машин и оборудования (не старше 5 лет) в общей стоимости машин и оборудования	R51
Количество экземпляров печатных учебных изданий (включая учебники и учебные пособия) из общего количества единиц хранения библиотечного фонда, состоящих на учете, в расчете на одного студента (приведенного контингента)	R52
Удельный вес НПП, имеющих ученую степень кандидата наук, в общей численности НПП	R53
Удельный вес НПП, имеющих ученую степень доктора наук, в общей численности НПП	R54
Удельный вес НПП, имеющих ученую степень кандидата и доктора наук, в общей численности НПП образовательной организации (без совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера)	R55
Число НПП, имеющих ученую степень кандидата и доктора наук, в расчете на 100 студентов	R56
Доля штатных работников ППС в общей численности ППС	R57
Общая численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в том числе:	R58
– по очной форме обучения	R59
– по очно-заочной (вечерней) форме обучения	R60
– по заочной форме обучения	R61

Продолжение приложения

Переменная	Обозначение
Средний балл ЕГЭ студентов, принятых на обучение по программам бакалавриата и специалитета, по всем формам обучения	R62
Доля обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в очной форме	R63
Доля обучающихся по программам бакалавриата в общей численности обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры	R64
Доля обучающихся по программам магистратуры в общей численности обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры	R65
Общая численность слушателей программ дополнительного профессионального образования	R66
Общая численность обучающихся по программам среднего профессионального образования	R67
Число предприятий, с которыми заключены договоры на подготовку специалистов	R68
Число предприятий, являющихся базами практики, с которыми оформлены договорные отношения	R69
Общий объем средств, поступивших (за отчетный год) от выполнения НИОКР, выполненных собственными силами	R70
Общий объем средств, поступивших (за отчетный год) от выполнения работ, услуг, связанных с научными, научно-техническими, творческими услугами и разработками, выполненных собственными силами	R71
Общее количество публикаций организации в расчете на 100 НПР	R72
Количество бизнес-инкубаторов	R73
Количество технопарков	R74
Количество центров коллективного пользования научным оборудованием	R75
Количество малых предприятий	R76
Общая численность аспирантов (адъюнктов), интернов, ординаторов, ассистентов-стажеров	R77
Доля аспирантов (адъюнктов), интернов, ординаторов, ассистентов-стажеров, обучающихся в очной форме	R78
Общая численность докторантов	R79
Число диссертационных советов	R80
Общая численность работников образовательной организации (без внешних совместителей и работающих по договорам ГПХ)	R81
Общая численность ППС (без внешних совместителей и работающих по договорам ГПХ)	R82
Общая численность научных работников (без внешних совместителей и работающих по договорам ГПХ)	R83
Доля ППС, имеющих ученые степени	R84
Доля научных работников, имеющих ученые степени	R85
Доля ППС возрастной категории моложе 65 лет	R86
Доля ППС возрастной категории старше 65 лет	RR86
Доля ППС возрастной категории моложе 40 лет	R87
Средняя заработная плата ППС (без внешних совместителей и работающих по договорам ГПХ)	R88
Средняя заработная плата научных работников (без внешних совместителей и работающих по договорам ГПХ)	R89
Общая численность иностранных студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры	R90
Доля иностранных студентов в общей численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры	R91
Общее число образовательных программ высшего образования, реализуемых совместно с зарубежными вузами и ведущих к получению двух дипломов	R92
Общая численность обучающихся по очной форме обучения по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, реализуемым совместно с зарубежными вузами и ведущим к получению двух дипломов	R93

Переменная	Обозначение
Общая численность иностранных аспирантов (адъюнктов), интернов, ординаторов, ассистентов-стажеров	R94
Число статей, подготовленных совместно с зарубежными организациями	R95
Доходы вуза из иностранных источников на выполнение НИОКР	R96
Доходы вуза от образовательной деятельности из иностранных источников	R97
Количество созданных результатов интеллектуальной деятельности, имеющих правовую охрану за пределами России	R98
Общая площадь зданий (помещений)	R99
Площадь учебно-лабораторных зданий	R100
Площадь, предназначенная для научно-исследовательских подразделений	R101
Площадь общежитий	R102
Площадь крытых спортивных сооружений	R103
Доля студентов, не обеспеченных собственным общежитием, в числе студентов, нуждающихся в общежитии	R104
Количество персональных компьютеров	R105
Доля персональных компьютеров, имеющих доступ к Интернету	R106
Доходы вуза из всех источников	R107
Доходы вуза из внебюджетных источников	R108
Доля доходов вуза из внебюджетных источников	R109
Доля доходов вуза из федерального бюджета	R110
Доля доходов вуза из бюджета субъекта РФ и местного бюджета	R111
Доля доходов вуза от образовательной деятельности в общих доходах вуза	R112
Доля доходов вуза от научных исследований и разработок в общих доходах вуза	R113
Доля внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности	R114
Доля внебюджетных средств в доходах от научных исследований и разработок	R115

Вклад авторов

И. П. Пестов проводил обзор литературы, подготовил рукопись, осуществлял эконометрический анализ, интерпретировал результаты.
Т. В. Крамин руководил и координировал исследование, управлял процессом моделирования в исследовании.

The author’s contributions

I. P. Pestov performed literature review, prepared the manuscript, provided economic analysis, and interpreted the results.
T. V. Kramin guided and coordinated the research, and guided the modeling process.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Один из авторов (Т. В. Крамин) является членом редколлегии журнала Russian Journal of Economics and Law. Статья прошла рецензирование на общих основаниях / One of the authors (T. V. Kramin) is a member of the Editorial Board of the Russian Journal of Economics and Law. The article has been reviewed on the usual terms.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 28.08.2025
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 30.09.2025
Дата принятия в печать / Accepted 01.10.2025

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.799-825>

УДК / UDC 336.1:336.7:338.2:504(470+571)

JEL: H23, O13, P48, Q5, Q53, Q56, Q57, Q58

О. В. Кудрявцева¹,

С. В. Васильев¹

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Механизмы финансирования проектов в сфере обращения с отходами

Контактное лицо:

Кудрявцева Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики устойчивого развития и природопользования экономического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: kudryavtseva@econ.msu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1517-0398>

Scopus AuthorID: 55941524100

eLIBRARY SPIN-код: 9064-4420

Васильев Сергей Владимирович, аспирант экономического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: vasiljevsv@mtsbank.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1406-3286>

eLIBRARY SPIN-код: 6090-9975

Аннотация

Цель: выявление и анализ экономической эффективности основных финансовых инструментов и механизмов финансирования в сфере обращения с отходами в России.

Методы: экономико-статистический анализ, системный подход, обобщение, сравнение, синтез данных Росстата и отчетов институтов развития.

Результаты: поиск эффективных решений финансирования сферы обращения с отходами приобретает стратегическое значение в условиях экономических вызовов и растущего бюджетного давления. Ключевым фактором успеха становится гармонизация интересов государства и бизнеса при мобилизации внутренних ресурсов. В исследовании проведен анализ методов и механизмов финансирования проектов в сфере обращения с отходами. Выявлено усиление внимания к экологической повестке, что подтверждается ростом затрат на обращение с отходами, а также инвестициями в основной капитал. Увеличение объема субсидий в данную сферу, а также рост рынка ESG-облигаций показывают необходимость модернизации сферы обращения с отходами, создания соответствующей инфраструктуры. Авторы выявили высокую эффективность рассмотренных проектов, что подтверждается положительной чистой приведенной стоимостью, стабильной годовой выручкой и рентабельностью переработки отходов. Также была отмечена эколого-экономическая, социальная эффективность проектов (снижение выбросов CO₂, создание рабочих мест, пополнение бюджетов). В статье определены результативные методы привлечения частных инвестиций: льготное кредитование, эмиссия зеленых облигаций, механизмы проектного финансирования, которые обеспечивают доступ к долгосрочному капиталу и успешную реализацию проектов.

Научная новизна: предложено дополнить инструментарий реализации инвестиционных проектов современными и актуальными финансовыми инструментами. Разработана и представлена модель функционирования финансово-кредитного механизма при финансировании предприятий сферы обращения с отходами, отражающая ключевые аспекты взаимодействия участников рынка и включающая актуальные методы финансирования, в том числе предложенные авторами; предложено дополнение инструментария консолидированными субсидиями и пенсионными резервами для зеленых облигаций с учетом рисков (санкции, ликвидность). Предлагается направить инвестиции на адресную поддержку развития стартапов, занимающихся внедрением новаторских подходов, научных разработок.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы для оптимизации стратегий, разработки действенных механизмов финансирования, внедрения рациональных инструментов для реализации проектов.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, сфера обращения с отходами, механизмы финансирования, субсидии, зеленые кредиты, зеленые облигации, синдицированный кредит

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кудрявцева, О. В., Васильев, С. В. (2025). Механизмы финансирования проектов в сфере обращения с отходами. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 799–825. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.799-825>

Scientific article

O. V. Kudryavtseva¹,

S. V. Vasilev¹

¹*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

Mechanisms of funding projects in the field of waste management

Contact:

Olga V. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Economics), Professor, Department of Economics of Sustainable Development and Environmental Management, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

E-mail: kudryavtseva@econ.msu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1517-0398>

Scopus Author ID: 55941524100

eLIBRARY SPIN-code: 9064-4420

Sergey V. Vasilev, postgraduate student at the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

E-mail: vasilevsv@mtsbank.ru

eLIBRARY SPIN-code: 6090-9975

Abstract

Objective: to identify and analyze the economic effectiveness of the main financial tools and financing mechanisms in the field of waste management in Russia.

Methods: economic and statistical analysis, systematic approach, generalization, comparison, synthesis of data from Rosstat and reports of development institutes.

Results: the search for effective financing solutions for waste management is becoming strategically important in the face of economic challenges and growing budgetary pressures. The key success factor is the harmonization of the interests of the state and business in mobilizing internal resources. The study analyzes the methods and mechanisms of financing projects in the field of waste management. The environmental agenda attracts great attention, which is proved by an increase in waste management costs and investments in fixed assets. The increase in subsidies in this area, as well as the growth of the ESG bond market, show the need to modernize the waste management sector and create appropriate infrastructure. The authors revealed the high efficiency of the reviewed projects, which is confirmed by the positive net present value, stable annual revenues and profitability of waste recycling. The study also notes the environmental, economic, and social effectiveness of the projects (reducing CO₂ emissions, creating jobs, and replenishing budgets). The article identifies effective methods of attracting private investment: preferential loans, green bond issuance, project financing mechanisms, providing access to long-term capital and successful project implementation.

Scientific novelty: the authors propose to supplement the tools for implementing investment projects with modern and relevant financial instruments. They developed and presented a model of the financial and credit mechanism for financing waste management enterprises, which reflects key aspects of the market participants' interaction and relevant financing methods, including those proposed by the authors. They also propose to supplement the toolkit with consolidated subsidies and pension reserves for green bonds, taking into account risks (sanctions, liquidity). Another proposal is to direct investments to targeted support of startups implementing innovative approaches and scientific developments.

Practical significance: the research results can be used to optimize strategies, develop effective financing mechanisms, and implement rational tools for project implementation.

Keywords:

regional and sectoral economy, waste management, financing mechanisms, subsidies, green loans, green bonds, syndicated loan

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kudryavtseva, O. V., & Vasilev, S. V. (2025). Mechanisms of funding projects in the field of waste management. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 799–825. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.799-825>

Введение

По мере обострения глобальных проблем, связанных с истощением ресурсов, загрязнением окружающей среды и изменением климата, возрастает необходимость в эффективных стратегиях, направленных на повышение циркулярности ресурсов и обеспечение устойчивого управления отходами.

Прогнозируемый рост объемов образования отходов в мире к 2050 г. до 3,40 млрд т в год¹, в России до 108 млн т² подчеркивает важность принятия масштабных мер по сокращению, переработке и вторичному использованию ресурсов, что требует улучшения инфраструктуры и методов управления и нуждается в значительных инвестициях.

Правительство реализует ряд национальных проектов (далее – НП), направленных на совершенствование методов переработки отходов, включая ужесточение правил сортировки отходов, рост объемов инвестиций в инфраструктуру сферы обращения с отходами, максимальное вовлечение отходов в промышленную переработку (Массеров и др., 2024). Мероприятия НП «Экология» и «Экологическое благополучие» направлены на решение многочисленных проблем в сфере обращения с отходами.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе экономической эффективности основных финансовых инструментов и механизмов финансирования в сфере обращения с отходами в России. Для достижения данной цели необходимо решение следующих задач:

- исследовать механизмы финансирования проектов обращения с отходами, включая инструменты государственной поддержки, а также их влияние на развитие отрасли;
- проанализировать реализацию зеленых кредитов и зеленых облигаций как инструментов финансирования проектов;
- выявить механизмы привлечения частных инвестиций в проекты сферы обращения с отходами;
- разработать модель функционирования финансово-кредитного механизма при финансировании проектов сферы, при этом дополнить инструментарий реализации инвестиционных проектов актуальными финансовыми инструментами.

Обзор литературы

Механизм зеленого финансирования играет важную роль в устойчивом развитии экономики. Он обеспечивает эффективное распределение инвестиционных ресурсов и поддерживает экологические проекты через специальные финансовые инструменты (Дегтярева и др., 2024). Исследования подтверждают эффективность зеленого финансирования в сфере утилизации промышленных отходов. Расширение перечня проектов по

¹ Kaza, S. et al. (2018, 31 августа). What a Waste 2.0: A Global Snapshot of Solid Waste Management to 2050. P. 17. <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/d3f9d45e-115f-559b-b14f-28552410e90a>

² Экологи предупредили о мусорном коллапсе к 2030 без введения РОП. (2021, 24 августа). Российский экологический оператор. <https://reo.ru/news/tpost/e73otss1x1-ekologi-predupredili-o-musornom-kollapse>

утилизации отходов способствует систематизации экологических инициатив, повышает прозрачность финансирования и привлекает дополнительные инвестиции (Осокин и др., 2022). Корреляция между финансовыми вложениями в природоохранную деятельность и ростом ВВП доказывает целесообразность внедрения комплексной стратегии развития зеленого финансирования. Такая стратегия должна включать модернизацию законодательной системы, создание инновационных финансовых механизмов и формирование специализированных банковских учреждений (Семенова и др., 2020).

Мировой рынок зеленых облигаций характеризуется активным участием наднациональных организаций в формировании стандартов и принципов выпуска ценных бумаг, развитием новых устойчивых финансовых инструментов, а также значительным потенциалом применения блокчейн-технологий, которые создают основу для эффективного зеленого финансирования и реализации пилотных проектов в данной сфере (Алексеева и др., 2024). В контексте зарубежных практик можно отметить опыт развития рынка зеленых облигаций в Китае, обладающий высокой практической значимостью для достижения целей по реформированию российского рынка, поскольку он включает в себя создание эффективной системы государственного регулирования, налоговых стимулов, формирование прозрачной методологии верификации проектов, развитие инфраструктуры. Адаптация этих практик ускорит развитие российского рынка и повысит его конкурентоспособность (Дорофеев, 2023).

Зеленые облигации демонстрируют высокую эффективность благодаря прозрачности финансирования, верификации стандартов и налоговым стимулам. Это привлекает *ESG*-инвесторов, обеспечивая низкие процентные ставки и улучшая репутацию эмитентов (Bhutta et al., 2022). Однако рынок сталкивается с рядом проблем, среди которых неоднородность эмитентов, повышенные риски для инвесторов, недостаточное участие государства и низкая доходность банковских облигаций. Для решения этих проблем предлагается внедрить налоговые льготы, диверсифицировать состав эмитентов и усилить роль центральных банков в финансировании низкоуглеродного перехода (Taghizadeh-Hesary & Yoshino, 2020; Sartzetakis, 2020).

Успешная работа системы обращения с твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО) зависит от последовательного выстраивания организационно-технологической цепочки, расширения финансовых инструментов для привлечения частных инвестиций и создания надежных механизмов управления рисками (Килоева, 2020). Комплексный подход к государственному стимулированию зеленых проектов через систему финансовых инструментов (гранты, субсидии, налоговые льготы, зеленые облигации) формирует благоприятную инвестиционную среду для развития отрасли обращения с отходами (Косов, 2025). Также для совершенствования финансирования необходимо улучшить тарифное регулирование и механизмы формирования утилизационного и экологического сборов. Этого можно достичь через внедрение прозрачных методик расчета тарифов и усиление экономического стимулирования переработки отходов (Полтораднева, Латыпова, 2017).

В настоящее время зеленые кредиты и облигации являются основными инструментами зеленого финансирования (Архипова, 2017). Указанные инструменты, широко применяемые в международной практике, стимулируют развитие зеленых проектов, в том числе при реализации передовых мировых практик, например, «города без отходов», который является моделью достижения циркулярной экономики, способствуя минимизации выбросов ПГ, отходов и получения экономических выгод (Кудрявцева, Васильев, 2025а).

Развитие отрасли обращения с отходами требует комплексного подхода, который включает организацию раздельного сбора мусора, эффективную тарифную политику и привлечение частных инвестиций через механизм государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) (Седаш, 2021). Успешная реализация проектов в этой сфере зависит от создания комплексной системы привлечения внебюджетных средств. Важную роль в этом ранее играли международные организации, институты развития и иностранный капитал, что способствовало внедрению отечественных технологий и современного оборудования (Васильева, Сюпова, 2021). Однако еще в то время имело место серьезное препятствие – высокая степень неопределенности проектов, связанная с различными рисками: штрафами, инфляционными потерями, упущенной выгодой, нестабильностью поставок оборудования и налоговыми рисками (Шкодинский и др., 2021). Для преодоления этих трудностей предлагалось развивать механизм ГЧП с тщательной оценкой эффективности и рисков проектов, используя цифровые инструменты (Толстолесова, 2019). При этом критически важным оставался детальный анализ моделей ГЧП на региональном и межрегиональном уровнях, поскольку особенности партнерских отношений между государством и бизнесом требовали тщательной проработки (Донченко, 2021; Шаманина,

Аршинская, 2022). За последние годы перечисленные риски усилились, что придает еще большую актуальность поиску механизмов финансирования проектов.

В настоящее время российские исследователи активно создают различные механизмы развития отрасли обращения с отходами. Разработанная финансово-экономическая модель мусороперерабатывающего предприятия (Шилкина, 2022) позволяет оценить эффективность проекта при использовании собственных средств и показывает, что при правильном управлении производственными процессами проект может обеспечить своевременную окупаемость и принести прибыль. В то же время другими авторами был разработан организационно-экономический механизм (Ковальчук, Милорадов, 2022), направленный на внедрение принципов зеленой экономики и создание условий для переработки отходов. Предложенный механизм способствует развитию экологического предпринимательства, эффективному использованию ресурсов, модернизации инфраструктуры и привлечению инвестиций в экологичные технологии. Отдельно стоит отметить механизм проектного финансирования в сфере переработки отходов, предложенный другими исследователями (Тютюкина, Губернаторов, 2022а), который включает комплексную систему управления заинтересованными сторонами, что снижает риски для региональных операторов и создает благоприятные условия для реализации инвестиционных проектов по обращению с ТКО.

Зарубежные исследования также подтверждают необходимость комплексного подхода к финансированию отрасли с учетом специфики страны, оптимизации затрат на утилизацию и выбора экономически эффективных технологий переработки (Alhanaqtah, 2024).

Результаты исследования

Современные механизмы финансирования обращения отходами в России

Платежи по единому тарифу за услуги регионального оператора по обращению с ТКО являются одним из источников финансирования данной сферы. Применяются также современные финансовые инструменты, такие как субсидии, зеленые облигации, зеленые кредиты, ГЧП, проектное финансирование, кредитование предприятий, механизмы льготного финансирования через облигационные займы.

Бюджетное финансирование выступает ключевым источником развития сферы обращения с отходами. Успешная реализация НП «Экология» в период 2019–2024 гг. продемонстрировала эффективность государственной поддержки в формировании современной системы управления отходами (табл. 1).

Анализ реализации федерального проекта (далее – ФП) демонстрирует рост отрасли обращения с отходами, в том числе благодаря бюджетному финансированию. Российский экологический оператор (далее – РЭО) стал главным инструментом развития отрасли.

Анализ текущих затрат и расходов на охрану окружающей среды, в том числе на обращение с отходами, помогает оценить эффективность природоохранной деятельности, определить потребности в государственном финансировании. С каждым годом проблема накопления отходов становится все более актуальной, что делает необходимым активное инвестирование в ее решение.

Анализ распределения расходов на охрану окружающей среды показывает, что приоритеты в 2023 г. были отданы в том числе обращению с отходами: расходы по этой статье составили 219 342,0 млн руб., или 21,1 % в общем объеме. Затраты на обращение с отходами с 2020 по 2023 г. увеличились вдвое. Текущие затраты на охрану окружающей среды с 2020 по 2024 г. выросли в 1,6 раза, что в том числе обусловлено высокими темпами роста ВВП. При этом текущие затраты на обращение с отходами также выросли в 1,6 раза. Рост текущих затрат в этом секторе наблюдается по всем направлениям, лидирующие позиции в них занимают затраты на очистку сточных вод, которые выросли на 38,8 % и составили 252 195,0 млн руб. Итого в сфере обращения с отходами наблюдается рост затрат до 230 701,0 млн руб., что вызвано сменой модели потребительского поведения (табл. 2). В этой сфере в 2024 г. инвестиции в основной капитал выросли более чем в три раза относительно 2020 г. В общем объеме инвестиций их доля составила 9,0 %. Стоит отметить, что инвестиции в сферу обращения с отходами не только показывают значимость проблемы, но и становятся катализатором роста уровня переработки.

Средства из поступлений экологических налогов и платежей направляются в том числе на модернизацию инфраструктуры, утилизацию отходов. В 2023 г. относительно 2020 г. рост поступлений отмечался в разрезе

всех указанных платежей: поступление экологических налогов выросло на 15,1 %, прочих экологических платежей – в 2,4 раза (табл. 3). При этом 2022 г. превосходил 2023 г. (иногда значительно) по всем показателям таблицы, кроме транспортных налогов, налогов на загрязнение окружающей среды и платежей за добычу природных ресурсов (кроме нефти и газа).

Опираясь на представленные данные о расходах на охрану окружающей среды и экологических платежах, перейдем к рассмотрению бюджетных трансфертов, в том числе субсидий. Стоит отметить, что отмечался рост объема субсидий и трансфертов в сферу обращения с отходами в 2023 г. на 9,6 % по сравнению с 2022 г., что составило 43 476 млн руб. и свидетельствует о динамичном развитии отрасли обращения с отходами и усилении ее поддержки. Следует отметить, что доля объема субсидий, трансфертов в сферу обращения с отходами в общем объеме также выросла (0,9 процентных пункта) (табл. 4).

Таблица 1

Результаты реализации НП «Экология» за 2019–2024 гг.
Table 1. Results of “Ecology” NP implementation in 2019–2024

Федеральный проект (ФП) «Комплексная система обращения с ТКО» / Federal Project (FP) “Integrated system of municipal solid waste management”	ФП «Инфраструктура для обращения с отходами I–II классов опасности» / Federal Project (FP) “Infrastructure for managing waste of I–II hazard class”
<p>Бюджетные ассигнования – 79,5 млрд руб.</p> <p>Относительно обращения с указанными видами отходов внедрены и созданы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – институт региональных операторов; – государственная информационная система учета отходов, включая электронную модель федеральной схемы обращения с ТКО; – ряд фундаментальных нормативных правовых актов; – создано 295 объектов ТКО; – увеличены мощности: <ul style="list-style-type: none"> по обработке – на 23,16 млн т, по утилизации – на 7,5688 млн т, по безопасному размещению – на 6,11 млн т; – 532 ед. спецтехники и 32 тыс. контейнеров (ЛНР, ДНР, Запорожская, Херсонская области)³ / <p>Budget allocations of 79,5 billion rubles.</p> <p>Regarding the management of these types of waste, the following was introduced and created:</p> <ul style="list-style-type: none"> – the institute of regional operators; – the state information system for waste accounting, including an electronic model of the federal MSW management scheme; – a number of fundamental regulatory legal acts; – 295 MSW facilities created; – increased capacities: <ul style="list-style-type: none"> for processing – by 23,16 million tons, for recycling – by 7,5688 million tons, for safe storage – by 6.11 million tons; – 532 units of special equipment and 32 thousand containers (LPR, DPR, Zaporozhyha, Kherson oblasts) 	<p>Бюджетные ассигнования – 35,6 млрд руб.</p> <p>Относительно обращения с указанными видами отходов:</p> <ul style="list-style-type: none"> – создано новое регулирование отрасли с указанными отходами (шесть федеральных законов); – создана федеральная государственная информационная система учета и контроля за обращением (ФГИС ОПВК, 2021); – определен и приступил к оказанию услуг по обращению с отходами федеральный оператор (2022); – производственно-технические комплексы (ПТК) «Горный» и «Щучье» введены в опытно-промышленную эксплуатацию / <p>Budget allocations of 35,6 billion rubles.</p> <p>Regarding the management of these types of waste:</p> <ul style="list-style-type: none"> – a new regulation of the sector with these wastes was created (six federal laws); – a federal state information system for accounting and treatment control (FGIS OPVC, 2021) was created; – a federal operator was identified and started providing waste management services (2022); – “Gorny” and “Shchuchye” production and technical complexes (PTC) were put into pilot operation

Источник: 7,5 млн тонн мощностей по утилизации и обезвреживанию ТКО ввели за 6 лет реформы. (2025, 30 января). Рос-сийский экологический оператор. <https://reo.ru/tpost/efilk89fc1-75-mln-tonn-moschnostei-po-utilizatsii-i>; ФП «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами», ФП «Инфраструктура для обращения с отходами I–II классов опасности».

Source: 7,5 million tons of MSW recycling and neutralization facilities were introduced during the 6 years of the reform. (January 30, 2025). Russian environmental operator. <https://reo.ru/tpost/efilk89fc1-75-mln-tonn-moschnostei-po-utilizatsii-i>; Federal Project (FP) “Integrated system of municipal solid waste management”, Federal Project (FP) “Infrastructure for managing waste of I–II hazard class”.

³ Федеральный проект «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами». https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/federalnyy-proekt-kompleksnaya-sistema-obrashcheniya-s-tverdymi-kommunalnymi-otkhodami/

Таблица 2

Динамика направленных на охрану окружающей среды расходов, текущих затрат, инвестиций в основной капитал (в фактически действовавших ценах, млн руб.)
Table 2. Dynamics of environmental protection expenditures, current expenses, and investments in fixed assets (in actual prices, million rubles)

Расходы / Expenditures						
Годы / Years	Всего / Total	Обращение со сточными водами / Waste water management	Охрана атмосферного воздуха и предотвращение изменения климата / Protection of atmospheric air and prevention of climate change	Защита и экологическая реабилитация земель, водных объектов / Protection and ecological rehabilitation of lands and water bodies	Обращение с отходами/ на защиту от вредного воздействия отходов производства и потребления / Waste management/Protection against harmful effects of industrial and communal waste	Доля расходов, затрат, инвестиций на обращение с отходами в общем объеме / Share of expenditures, expenses, investments in waste management in the total volume
2019	872 456,00	257 214,00	139 191,00	35 570,00	112 216,00	12,9
2020	970 059,00	285 091,00	138 699,00	39 815,00	155 618,00	16
2021	804 762,00	292 764,00	203 345,00	79 032,00	130 183,00	16,2
2022	879 498,00	329 493,00	215 637,00	58 651,00	161 472,00	18,4
2023	1 038 750,00	364 216,00	254 565,00	68 815,00	219 342,00	21,1
Темп роста, % / Growth rate, %		141,6	182,9	193,5	195,5	164,2
2021–2023 Всего – без учета государственного сектора / Total – excluding the public sector						
Текущие затраты на охрану окружающей среды / Current expenses on environment protection						Доля текущих затрат / Share of current expenses
2020	394 186,00	181 661,00	64 002,00	16 356,00	113 873,00	28,9
2021	425 021,00	187 765,00	69 766,00	7 545,00	128 918,00	30,3
2022	478 914,00	204 203,00	72 217,00	20 706,00	160 287,00	33,5
2023	559 549,00	222 137,00	80 667,00	25 210,00	207 625,00	37,1
2024	627 614,00	252 195,00	90 999,00	24 260,00	230 701,00	36,8
Темп роста, % / Growth rate, %		138,8	142,2	148,3	202,6	127,2
Инвестиции в основной капитал / Investment into capital assets						Доля инвестиций / Share of investments
2020	195 962,00	91 275,00	69 560,00	15 303,0 / 8 282,0	11 003,00 9 893,00	5,6
2021	299 408,00	92 511,00	130 300,00	47 473,0 / 9 916,0	13 308,00 10 084,00	4,4
2022	306 887,00	110 560,00	139 273,00	27 806,0 / 10 435,0	17 195,00 11 763,00	5,6
2023	371 292,00	127 758,00	168 165,00	28 820,0 / 9 381,0	26 656,00	7,2
2024	375 289,00	140 697,00	148 563,00	25 864,0 / 8 729,0	33 614,00	9
Темп роста, % / Growth rate, %		154,1	213,6	169,0 / 105,4	305,5	159,5

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата: Статистический бюллетень. Основные показатели охраны окружающей среды. (2023). Росстат. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2023.pdf; Статистический бюллетень. Основные показатели охраны окружающей среды. (2025). Росстат. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2025.pdf

Source: compiled by the authors based on Rosstat data: Statistical bulletin. Main indicators of environmental protection. (2023). Rosstat. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2023.pdf; Statistical bulletin. Main indicators of environmental protection. (2025). Rosstat. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2025.pdf

Таблица 3

Динамика поступлений экологических налогов и платежей (млрд руб.)
Table 3. Dynamics of revenues from environmental taxes and payments (billion rubles)

Показатель / Indicator	2020	2021	2022	2023	Темп роста, % / Growth rate, %
Поступление экологических налогов, всего / Revenues from environmental taxes, total	2 680,6	3 983,0	4 405,0	3 086,0	115,1
налоги на энергоносители / taxes on energy carriers	1 920,1	3 143,0	3 764,0	2 111,0	109,9
транспортные налоги / taxes on transport	264,3	291,0	251,0	286,0	108,2
налоги на загрязнение окружающей среды / taxes on environment pollution	382,8	540,9	386,0	685,0	178,9
Поступление прочих экологических платежей, всего / Revenues from other environmental payments, total	4 219,7	7 849,0	11 222,0	10 017,0	237,4
платежи за землепользование / payments for land use	36,2	40,0	85,0	55,0	151,9
платежи за добычу нефти, природного газа / payments for extracting oil and natural gas	3 918,4	7 277,0	10 810,0	9 614,0	245,4
платежи за добычу природных ресурсов (кроме природного газа, нефти) / payments for extracting natural resources (except oil and natural gas)	262,7	380,0	318,0	340,0	129,4

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата: Статистический бюллетень. Основные показатели охраны окружающей среды. (2023). Росстат. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2023.pdf; Статистический бюллетень. Основные показатели охраны окружающей среды. (2025). Росстат. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2025.pdf

Source: compiled by the authors based on Rosstat data: Statistical bulletin. Main indicators of environmental protection. (2023). Rosstat. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2023.pdf; Statistical bulletin. Main indicators of environmental protection. (2025). Rosstat. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2025.pdf

Таблица 4

Динамика объемов экологических субсидий, трансфертов в 2022–2023 гг. (млн руб.)
Table 4. Dynamics of environmental subsidies and transfers, 2022–2023 (million rubles)

Показатель / Indicator	2022	2023	Темп роста, % / Growth rate, %
Экологические субсидии/трансферты, всего / Environmental subsidies and transfers, total	257 281,0	267 159,0	103,8
в том числе связанные с деятельностью по охране окружающей среды / including those related to environment protection	256 945,0	266 870,0	103,9
охрана атмосферного воздуха и предотвращение деятельности изменения климата / protection of atmospheric air and prevention of climate change	154 579,0	158 048,0	102,2
обращение со сточными водами/отходами / waste water management	24 174,0 / 39 671,0	20 011,0 / 43 476,0	82,8 / 109,6
Защита, экологическая реабилитация земель, водных объектов / Protection and ecological rehabilitation of lands and water bodies	5 333,0	5 326,0	99,9
сохранение биоразнообразия, охрана природных территорий / conservation of biodiversity, protection of natural territories	27 473,0	31 497,0	114,6
научно-исследовательская деятельность / R&D	4 689,0	5 867,0	125,1
Доля объема субсидий, трансфертов в сферу обращения с отходами в общем объеме / Share of subsidies and transfers into waste management in the total volume	15,4	16,3	–

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата: Статистический бюллетень. Основные показатели охраны окружающей среды. (2023). Росстат. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2023.pdf; Статистический бюллетень. Основные показатели охраны окружающей среды. (2025). Росстат. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2025.pdf

Source: compiled by the authors based on Rosstat data: Statistical bulletin. Main indicators of environmental protection. (2023). Rosstat. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2023.pdf; Statistical bulletin. Main indicators of environmental protection. (2025). Rosstat. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2025.pdf

Таким образом, в отрасли обращения с отходами наблюдается уверенный рост: инвестиции в основной капитал увеличились, государство финансирует отрасль, что создает основу для повышения уровня переработки отходов и улучшения экологической ситуации.

Переходя к анализу инструментов финансирования проектов, следует рассмотреть консолидированную и объединенную субсидии как механизмы поддержки проектов в сфере обращения с отходами.

Консолидированная субсидия. Данная субсидия предоставляется для софинансирования одновременно нескольких мероприятий в рамках одной государственной программы. Цель предоставления сформулирована широко, и конкретные направления расходования средств определяются получателем субсидии самостоятельно.

О высоком уровне эффективности использования консолидированных субсидий свидетельствует средний уровень достижения значений результатов использования, согласно отчетности главного распорядителя бюджетных средств за 2023 г.: более 120 % у Минэкономразвития России, Минсельхоза России, Росрыболовства, 100–120 % – у Минприроды России⁴.

Есть несколько подходов к консолидации субсидий: укрупнение субсидий в рамках государственных программ (например, на одну программу – одна субсидия), объединение всех субсидий (всех субсидий на капитальные расходы) в рамках одной государственной программы.

Объединенная субсидия. Данный вид субсидий ранее действовал в агропромышленном комплексе (до 2020 г.), после чего субсидия была разделена на компенсирующую и стимулирующую, а с 2024 г. заменила их. Минсельхоз России усовершенствовал механизмы господдержки АПК, объединив субсидии на поддержку сельхозпроизводства и на стимулирование развития приоритетных отраслей. Регионы сами выбирают направления для возмещения затрат. Компенсирующая субсидия направляется на компенсацию выпадающих доходов производителей, в то время как стимулирующая субсидия – на развитие приоритетных отраслей. Например, в Липецкой области в 2024 г. на объединенную субсидию из бюджетов направлено 897,0 млн руб., поддерживаются производство продукции плодово-ягодных насаждений, молока и переработка сельскохозяйственной продукции; в Ивановской области предоставлены средства на поддержку производства молока в размере 121,5 млн руб. и племенное животноводство 56,4 млн руб., что способствует увеличению объемов сельхозпроизводства⁵.

При возможной реализации указанной субсидии в сфере обращения с отходами бюджетные средства можно направить в приоритетные отрасли, например, в Челябинской, Кемеровской областях, где много производств, большой объем средств целесообразно направить на переработку, в некоторых регионах – на обработку, утилизацию и обезвреживание опасных отходов (Северо-Западный, Южный, Приволжский федеральные округа).

Объединенную субсидию в сфере обращения с отходами можно нацелить на повышение уровня переработки, например, путем реализации мероприятий трех государственных программ (далее – ГП): в рамках ГП «Охрана окружающей среды» на реализацию мероприятий, направленных на строительство мусоросжигательных заводов (далее – МСЗ), модернизацию производственных мощностей и внедрение систем раздельного сбора ТКО; в рамках ГП «Содействие занятости населения» – на содействие работодателям, создание рабочих мест, переподготовку кадров для зеленых технологий, в рамках ГП «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» – на поддержку предприятий, использующих вторичное сырье при производстве определенных видов товаров (последнее стало возможно с 1 марта 2024 г.). Такой подход обеспечивает синергию экологических, экономических и социальных эффектов, что соответствует принципам экономики замкнутого цикла и национальным целям развития. Таким образом, анализ реализации субсидий подчеркивает преимущества нового подхода к предоставлению финансовой помощи регионам, который в сфере обращения с отходами позволит перейти к принципу бюджетирования, ориентированного на результаты.

Основное отличие консолидированной субсидии от объединенной заключается в том, что первая ориентирована на софинансирование нескольких объектов и мероприятий в рамках одной программы, а вторая – на достижение определенных двух и более результатов путем осуществления мероприятий в рамках различных

⁴ Минфин России. 2024–2026 годы. minfin.gov.ru/ru/performance/regions/mb/mb2024_2026

⁵ Министерство сельского хозяйства РФ. (2024, 9 января). Липецкие аграрии в этом году получат 897 млн рублей «объединенной» субсидии. <https://mcx.gov.ru/press-service/regions/lipetskie-agrarii-v-etom-godu-poluchat-897-mln-rublej-obedinennoy-subsidii/>

государственных или муниципальных программ. Субсидии представляют собой разные механизмы государственной поддержки. Таким образом, преимуществами объединенной субсидии являются получение возможности выбора и расширения направлений поддержки, упрощение процедуры ее оформления и получения. При этом объединение мероприятий из разных программ не только расширяет возможности финансирования, но и создает условия для системного решения задач, закрепленных в государственных стратегиях. Консолидация субсидий – важное направление совершенствования межбюджетных отношений, которое стимулирует модернизацию различных отраслей экономики в целом, а не только отдельных направлений, повышает межотраслевую гибкость, так как регионы могут определять приоритеты в направлениях расходования средств.

Развитие механизмов финансирования системы обращения с отходами способствует развитию отрасли, снижению внутреннего потребления материалов (показатель Цели устойчивого развития (далее – ЦУР) 12.2.2), так как эффективное использование вторичных ресурсов, утилизация отходов позволяют повысить ресурсную эффективность производства, способствуют оптимизации производственных процессов и достижению ЦУР 12 (Кудрявцева, Васильев, 2025b).

Особого внимания заслуживает анализ эффективности механизмов субсидирования в сфере обращения с отходами.

Благодаря субсидиям, выделенным РЭО, реализованы крупные проекты в сфере обращения с ТКО. В 2024 г. предоставлено субсидий на сумму 16 857,6 млн руб., из них: 8 241,4 млн руб. – на реализацию мероприятий по формированию комплексной системы обращения с ТКО (исполнение составило 100 %), 5 591,0 млн руб. – ООО «Экоцифра» на строительство объектов инфраструктуры экопромышленных парков в рамках ФП «Экономика замкнутого цикла». За период 2022–2024 гг. объем субсидии составил 9 400,2 млн руб., в том числе в 2024 г. – 5 591,0 млн руб.⁶

Средства экологического сбора путем субсидирования направляются на установку контейнеров для раздельного накопления отходов. Многие города России охвачены раздельным сбором отходов (на 01.07.2025 более 50 % населения), в 148 городах расставлены контейнеры⁷. За 2021 г. установили 62,8 тыс. контейнеров на 1 млрд руб., за 2022 г. – 77 тыс. контейнеров на 1,5 млрд руб., за 2023 г. были получены заявки на 1,3 млрд руб. от 37 регионов^{8,9}. В результате установлено более 135 000 контейнеров по всей стране.

По данным исследования Международной финансовой корпорации, 68 млрд руб. ежегодных экономических потерь происходит из-за отсутствия системы раздельного сбора и утилизации отходов. Указанные потери возникают при захоронении 90 % необработанных ТКО (Полтораднева, Латыпова, 2017).

Реализация инфраструктурных проектов в сфере энергетической утилизации отходов продемонстрировала на начальном этапе впечатляющую эффективность: государственные инвестиции в размере 10,8 млрд руб. послужили катализатором привлечения частных вложений на сумму 110 млрд руб., обеспечив мультипликативный эффект в 10,2 раза. Этот масштабный проект должен способствовать развитию экологически безопасных технологий обращения с отходами и создать 200 новых рабочих мест¹⁰.

Таким образом, субсидирование показывает высокую эффективность в развитии инфраструктуры обращения с отходами, однако, помимо достигнутых результатов, требуется дальнейшее усиление мер поддержки

⁶ Минприроды РФ. (2025). Заключение Счетной палаты РФ о результатах внешней проверки исполнения Федерального закона «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» и бюджетной отчетности об исполнении федерального бюджета за 2024 год в Министерстве природных ресурсов и экологии РФ (Министр природных ресурсов и экологии РФ А.А. Козлов). https://ach.gov.ru/upload/iblock/3d6/t4bvud30q9ox9m60a7rch0fogvva1y4z/GRBS_Minprirody.pdf

⁷ Количество контейнеров для раздельного сбора отходов превысило 235 тысяч. (2025, 12 августа). Российский экологический оператор. <https://reo.ru/tpost/jnIndya7a1-kolichestvo-konteinerov-dlya-razdelnogo>

⁸ Субсидия на закупку контейнеров для раздельного сбора в регионах увеличена втрое – до 1,5 млрд рублей. (2022, 12 июня). Минприроды РФ. https://www.mnr.gov.ru/press/news/subsidiya_na_zakupku_konteynerov_dlya_razdelnogo_sbora_v_regionakh_uvelichena_v_troe_do_1_5_mlrld_rub/

⁹ В 2023 году 37 регионов получают субсидию Минприроды России на закупку контейнеров для раздельного сбора мусора. (2022, 8 августа). Минприроды РФ. https://www.mnr.gov.ru/press/news/v_2023_godu_37_regionov_poluchat_subsidiyu_minprirody_rossii_na_zakupku_konteynerov_dlya_razdelnogo_sobra_musora/?sphrase_id=508006

¹⁰ Аналитический бюллетень «Актуальное в ESG-повестке». ВЭБ. https://inveb-docs.ru/attachments/article/2023_05/Aktualnoe-v-ESG-povestke-TKO.pdf

для достижения целевых показателей к 2030 г. Поэтому важно уделить внимание в том числе необходимым мероприятиям, например:

- в связи с нехваткой контейнеров (около 350 тыс. единиц), наличием лишь 129 тыс. контейнерных площадок, недостаточным развитием логистической сети¹¹ перераспределять часть субсидий в рамках объединенной субсидии на развитие инфраструктуры раздельного сбора отходов (контейнеры, логистика);
- помимо возврата части субсидий при недостижении *KPI* по переработке установить штрафы от суммы субсидии пропорционально невыполненному проценту.

Проведенный авторами анализ доказывает, что бюджетное финансирование остается ключевым драйвером развития отрасли. Эффективность субсидий подтверждается также исполнением бюджета в части реализации мероприятий ФП (табл. 1), ростом объемов экологических субсидий, трансфертов, направленных в сферу обращения с отходами (табл. 4), реализацией проектов, финансируемых за счет средств субсидий.

Таким образом, необходимо расширить арсенал инструментов господдержки, интегрируя рыночные механизмы и стимулируя частные инвестиции. Далее рассмотрим некоторые механизмы привлечения частных инвестиций в сферу обращения с отходами.

Льготное кредитование

В связи с потребностью в средствах, инвестируемых в природоохранные программы, использование ссудного капитала особенно эффективно. Льготное кредитование реализуется с применением мер государственной поддержки, что предоставляет заемщику возможность получить кредит на выгодных условиях.

В конце 2023 г. закреплено определение социального проекта и его критериев, утверждены таксономия социальных проектов, критерии для зеленых, адаптационных и социальных проектов¹². В мировой практике реализуются кредиты, условия которых зависят от *ESG*-метрик, *ESG*-рейтингов, привязанных к показателям устойчивого развития (*sustainability-linked loans*, *SLL*), однако в России они остаются за пределами регулирования.

В российском банковском секторе наблюдается рост *ESG*-кредитования: к концу 2023 г. объем портфеля достиг 4,4 трлн руб.¹³ Структура портфеля распределилась следующим образом: 46,9 % составили зеленые кредиты (1,9 трлн руб.), 53 % – кредиты с привязкой к устойчивому развитию (2,3 трлн руб.)^{14, 15}. К концу 2024 г. ожидается увеличение объема кредитов устойчивого развития до 6 трлн руб., при этом половина портфеля будет связана с ключевыми показателями эффективности¹⁶.

Структура *ESG*-портфеля банковского сектора показывает преобладание кредитов, связанных с показателями устойчивого развития, и зеленых кредитов над другими видами кредитования (рис. 1).

В 2024 г. наблюдался рост объемов зеленого кредитования по сравнению с 2023 г., что свидетельствует о востребованности, возрастающей значимости данного направления. Ставки зеленых кредитов экономически выгодны, так как являются более низкими в сравнении с обычными кредитами, что делает их привлекательным инструментом для финансирования экологических инициатив и проектов устойчивого развития.

Снижение риск-весов в ГЧП-проектах с прямыми соглашениями возможно при выполнении ряда условий, причем величина риск-веса напрямую коррелирует с кредитным рейтингом публичной стороны. Для РФ, субъектов и муниципалитетов с рейтингом «ААА» устанавливается вес 20 %, для рейтинга от «АА» до «АА+» – 40 %, а для рейтинга от «А» до «АА-» – 60 %. Для проектов ВЭБ.РФ в инвестиционной фазе

¹¹ Недостаток мусорных баков восполнят за два года, заявили в Минприроды. (2025, 25 июня). РИА Новости. <https://ria.ru/20250625/bak-2025237725.html>

¹² Постановление Правительства РФ № 1587 от 21.09.2021 (ред. от 14.10.2025). (2025). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396203/

¹³ ESG, декарбонизация и зеленые финансы России 2022: ежегодный доклад. (2023). Экспертно-аналитическая платформа ИНФРАГРИН. https://esg-a.ru/uploads/research-file/INFRAGREEN_Green_finance_ESG_Russia_2023-1714225292.pdf

¹⁴ Экопортфель за семью замками. (2024, 7 июня). Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/6745609>

¹⁵ АКРА. (2024, 23 июля). ESG-портфель российского банковского сектора: бремя первых. https://rusbonds.ru/rb-docs/analytics/ACRA_Rus_Macro_2024-07-23.pdf

¹⁶ Зеленые финансы перестали цвести. (2025, 1 апреля). Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/7619873>

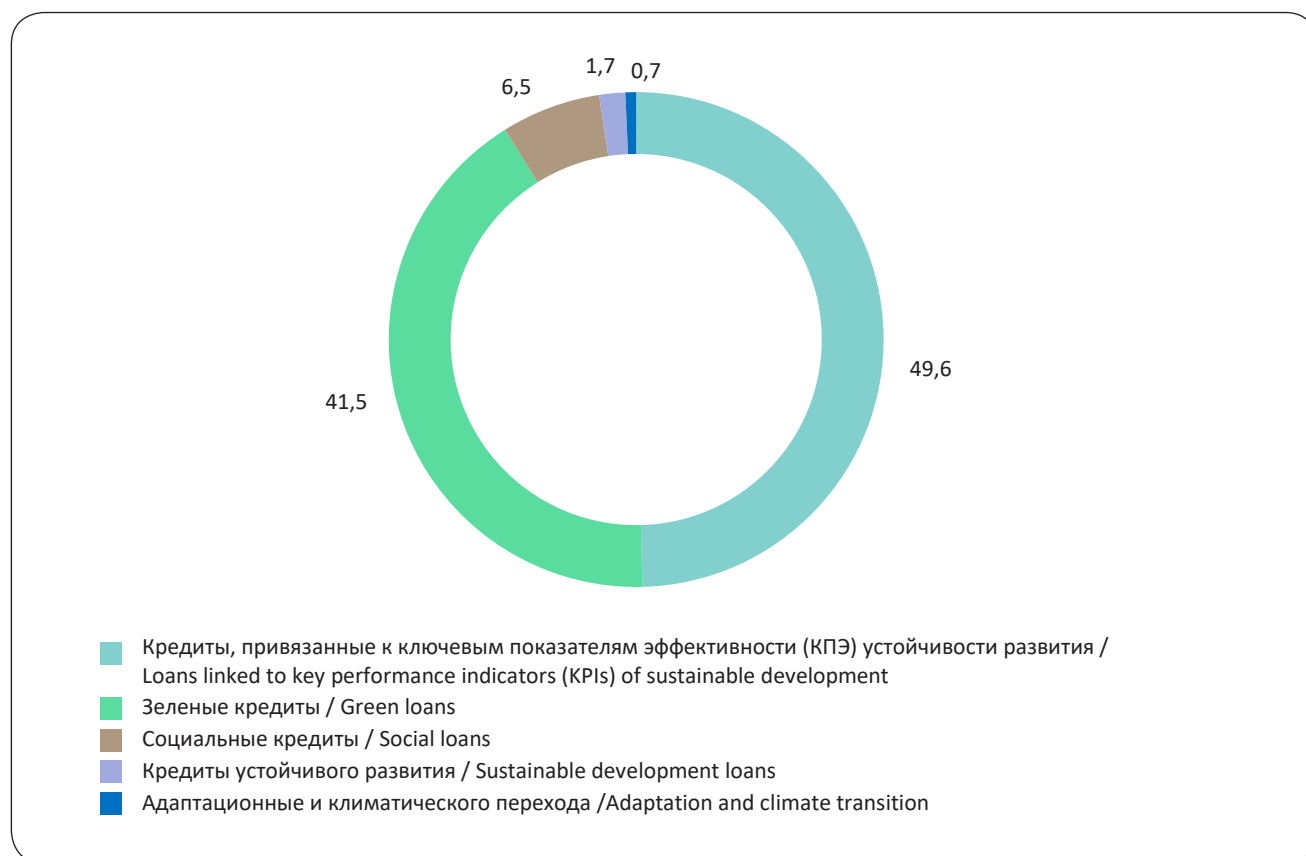

Рис. 1. Структура ESG-портфеля российского банковского сектора за январь – июнь 2024 г., %

Источник: составлено авторами на основе данных (АКРА. (2024, 23 июля). ESG-портфель российского банковского сектора: бремя первых. https://rusbonds.ru/rb-docs/analytics/ACRA_Rus_Macro_2024-07-23.pdf; «Эксперт РА»: объем портфеля ESG-кредитов вырос вдвое. (2021, 11 ноября). Эксперт РА. https://raexpert.ru/researches/publications/vedomosti_nov11_2024/

Fig. 1. Structure of the ESG portfolio of the Russian banking sector in January – June 2024, %

Source: compiled by the authors based on data from (ACRA. (2024, July 23). ESG-portfolio of the Russian banking sector: the burden of the first. https://rusbonds.ru/rb-docs/analytics/ACRA_Rus_Macro_2024-07-23.pdf; "Expert RA": the volume of the ESG loan portfolio doubled. (2021, November 11). Expert RA. https://raexpert.ru/researches/publications/vedomosti_nov11_2024/

предусмотрено исключение применения коэффициента риска 130 %, при этом риск-вес составляет 100 %, тогда как для всех остальных проектов, не связанных с ВЭБ.РФ, сохраняется стандартный риск-вес в размере 130 %^{17, 18}.

Верификация инструментов финансирования, необходимая для обеспечения прозрачности и соответствия проектов критериям устойчивого развития, позволяет подтвердить, что финансирование направляется на проекты, способствующие экологическим, социальным и климатическим целям, а также минимизировать риски. Однако процедура верификации ограничивает доступ малому и среднему предпринимательству к зеленому финансированию, что усугубляет дисбаланс в распределении господдержки и замедляет экологическую трансформацию сектора.

¹⁷ Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией: Инструкция Банка России № 199-И от 29.11.2019. Подп. 3.3.4.3. (2020, 6 января). <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73263119/>

¹⁸ Новации в регулировании рисков финансирования государственно-частного партнерства. Банк России. (2025). https://cbr.ru/Content/Document/File/177185/Consultation_Paper_10062025.pdf

Размещение облигационного заимствования на рынке ценных бумаг

Если обратиться к мировым тенденциям, то можно увидеть, что в сложных геополитических и экономических условиях рынок устойчивых облигаций продемонстрировал стабильность и достиг более 1,04 трлн долл., что превышает на 4 % показатель 2023 г. (рис. 2). В 2024 г. зеленые облигации составили около 60 % глобального рынка устойчивых облигаций, достигнув 625,8 млрд долл.¹⁹, при этом превысив показатель 2023 г. (618,2 млрд долл.); рынок облигаций климатического перехода (*Climate Transition Bonds*) достиг рекордного объема эмиссии – 20,6 млрд долл.

Анализ данных Банка России об объеме долговых ценных бумаг, выпущенных в России в период с 2019 по 2024 г., показывает рост объемов выпусков ESG-облигаций. В 2021 г. зафиксирован скачок роста ESG-облигаций, что было обусловлено спросом на зеленые инвестиции, повышенным интересом инвесторов, активной поддержкой государства. Объем 21 выпуска составил 167,0 млрд руб., что в 7,3 раза больше показателя 2020 г. (12 выпусков на сумму 23 млрд руб.), из них: зеленые облигации в 2021 г. (134,0 млрд руб.) выросли в 7,4 раза по сравнению с показателем 2020 г. (18,0 млрд руб.).

В 2022–2024 гг. отмечается умеренный рост ESG-облигаций, однако:

- облигации сегмента национальных и адаптационных проектов выросли в 2,3 раза в 2024 г. (115,0 млрд руб.) относительно 2022 г. (50,0 млрд руб.);
- в 2024 г. объем ESG-облигаций (402,0 млрд руб.) на 8,4 % больше показателя 2023 г. (371,0 млрд руб.).

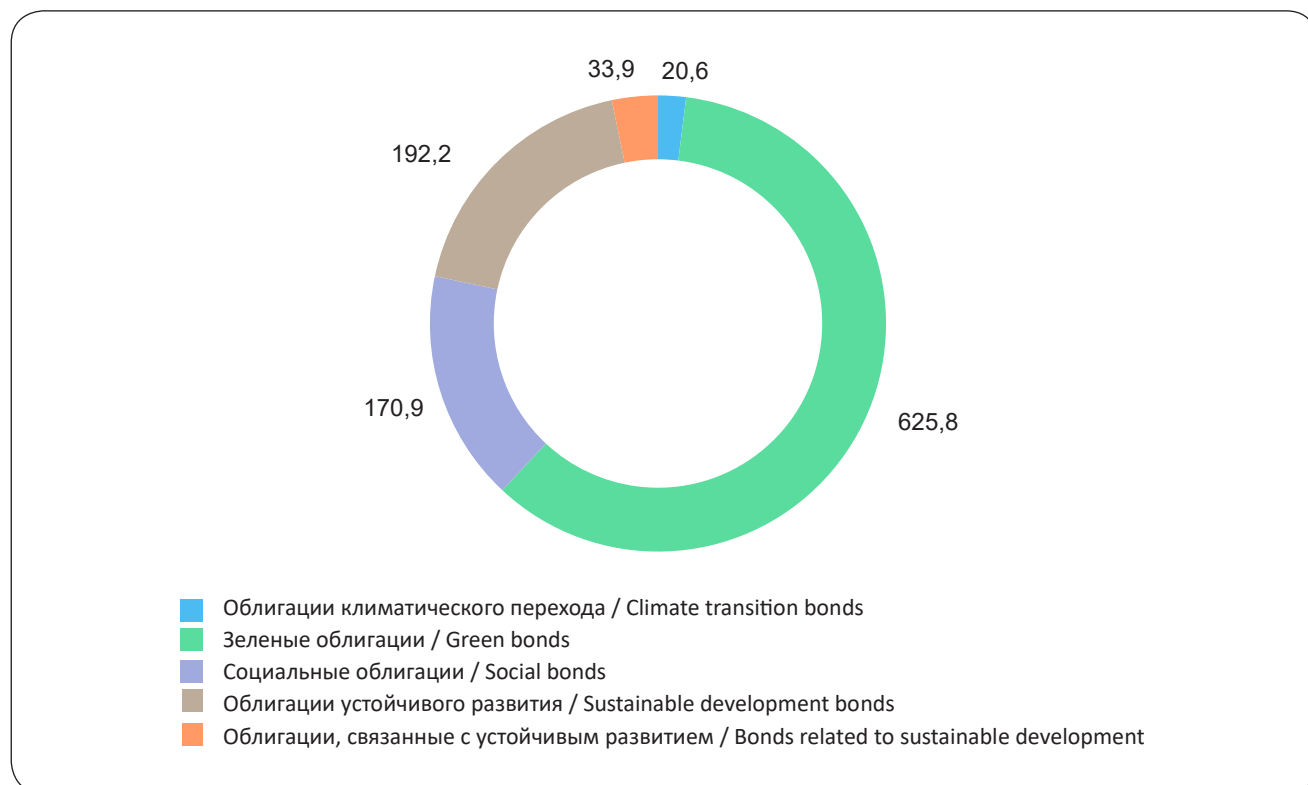

Рис 2. Структура объема глобального выпуска облигаций в 2024 г., млрд долларов

Источник: составлено авторами на основе Environmental Finance. Sustainable Bonds Insight 2025. <https://infragreen.ru/globalnyi-rynok-ustoichivyykh-obligatsii-2024-stabilnost-innovatsii-i-pierspektivy/>

Fig. 2. Structure of the global bond issue volume in 2024, billion dollars

Source: compiled by the authors based on Environmental Finance. Sustainable Bonds Insight 2025. <https://infragreen.ru/globalnyi-rynok-ustoichivyykh-obligatsii-2024-stabilnost-innovatsii-i-pierspektivy/>

¹⁹ Алексеева, А. (2025, 16 марта). Опубликован отчет о глобальном рынке устойчивых облигаций-2024 объемом свыше \$1 трлн. Платформа ИнфаГрин. <https://infragreen.ru/globalnyi-rynok-ustoichivyykh-obligatsii-2024-stabilnost-innovatsii-i-pierspektivy/>

На 01.06.2025 задолженность по облигационным займам сектора устойчивого развития составила 405 млрд руб.; основной объем задолженности приходился на зеленые облигации (223 млрд руб.)²⁰ (рис. 3).

Облигации климатического перехода (*Climate Transition Bonds, CTB*) и облигации, связанные с устойчивым развитием (*Sustainability-Linked Bonds, SLB*) – новые инструменты в сфере устойчивого финансирования, на 01.06.2025 на них приходится соответственно 2,5 и 7,7 % общего объема ESG-облигаций (рис. 3). Они направлены на поддержку экологических и социальных инициатив, но имеют специфическую направленность. Целью облигаций СТВ является содействие переходу от традиционных моделей производства и потребления к низкоуглеродной экономике, их чаще выпускают компании из углеродоемких отраслей.

SLB – это долговые ценные бумаги, финансовые условия которых привязаны к достижению эмитентом заранее определенных целей в области окружающей среды, социальной ответственности и корпоративного управления (*ESG*). Ставка купона зависит от достижения целей. Облигации не имеют конкретного целевого назначения.

Несмотря на то, что на данный момент российский рынок зеленых облигаций не достиг крупных размеров, отмечается его устойчивый рост. Данный инструмент используется для реализации проектов в сфере обращения с отходами, в том числе в рамках ГЧП. Все большее число компаний участвуют в финансировании экологических проектов с помощью зеленых облигаций (Конуягина, 2023). Рынок ESG-облигаций в 2024 г. показал устойчивость; несмотря на сложные экономические и геополитические условия, он демонстрирует способность к адаптации, обеспечивая эффективный механизм финансирования перехода к более устойчивой экономике.

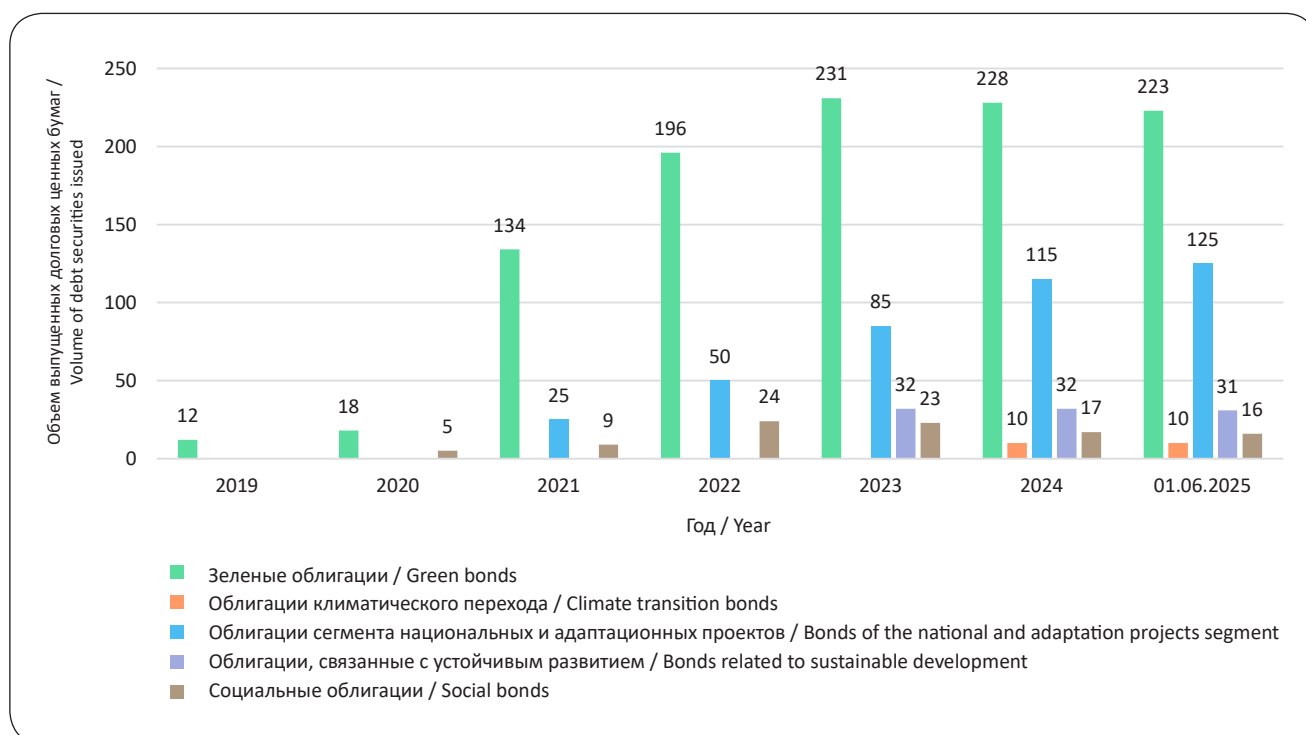

Рис. 3. Динамика объемов выпущенных долговых ценных бумаг в разрезе типов ценных бумаг, млрд руб.

Источник: составлено авторами на основе данных (Банк России. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/sec_st/issue_sector/; Московская биржа. <https://www.moex.com/s3019>).

Fig. 3. Dynamics of the volume of debt securities issued by types of securities, billion rubles

Source: compiled by the authors based on data from (Bank of Russia. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/sec_st/issue_sector/; Moscow Stock Exchange <https://www.moex.com/s3019>).

²⁰ Выпущенные на внутреннем рынке долговые ценные бумаги, включенные в сектор устойчивого развития. (2025, сентябрь). Банк России. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/sec_st/issue_sector/

Плановый показатель количества и суммы облигационных займов РЭО на 2025 г. показывает тенденцию к росту. РЭО планирует разместить в 2025 г. 20 выпусков облигаций на сумму более 55 млрд руб. для финансирования 20 приоритетных инвестпроектов²¹. Их общая мощность составит 4,71 млн тонн переработанных отходов в год. Механизм финансирования со стороны РЭО предполагает срок обращения облигаций до 12 лет, субсидирование купонного дохода в размере 90 % от ключевой ставки Банка России, предоставление льготных займов по ставке 8–9 % годовых. При снижении объемов облигационных займов РЭО на создание объектов обращения с ТКО в 2024 г. средний размер одного выпуска займов в 2024 г. (4,3 млрд руб.) вырос на 1 млрд руб. по сравнению с 2023 г. (3,3 млрд руб.) (рис. 4).

В рамках программы зеленых облигаций в 2023 г. было профинансировано девять инвестиционных проектов в сфере обращения с отходами на общую сумму 29,9 млрд руб. Это позволило ввести дополнительно 6 млн т мощностей по обработке, утилизации и захоронению отходов в 11 субъектах. С помощью указанной меры поддержки РЭО предоставил финансирование проектам компании группы «Ситиматик» (11,3 млрд руб.), «МПК Коломенский» в Московской области (2 млрд руб.), «Укооло» в Ленинградской области (3 млрд руб.) и др.^{22, 23}

Строительство и введение в эксплуатацию в 2024 г. завода по переработке пластика в Московской области стоимостью 7,2 млрд руб. обеспечит переработку пластика до 60,2 тыс. т в год. На это пошли в том числе средства зеленых облигаций в размере 2 млрд руб., которые РЭО приобрел у компании «ЭкоЛайнВторПласт»²⁴.

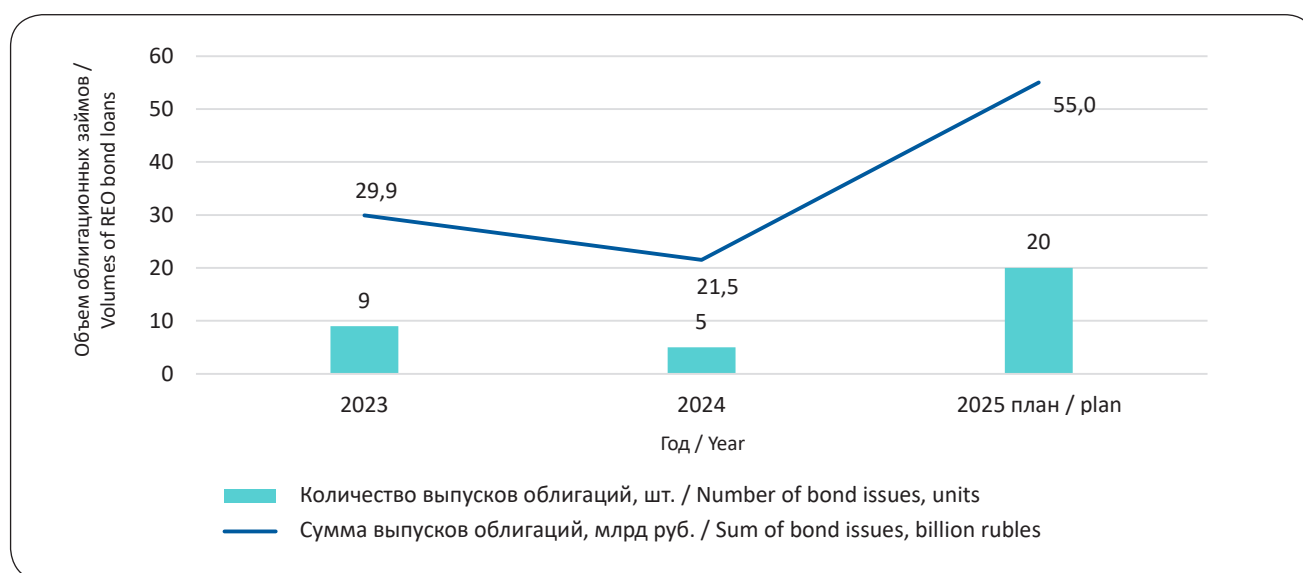

Рис. 4. Объемы облигационных займов РЭО на создание объектов обращения с ТКО

Источник: составлено авторами на основе (РЭО планирует разместить 20 выпусков облигаций на 55 млрд в 2025 году. (2025, 5 февраля). Российский экологический оператор. <https://reo.ru/tpost/1hd8dlazr1-reo-planiruet-razmestit-20-vipuskov-obli?ysclid=m9pw91v43h416738237>)

Fig. 4. Volumes of REO bond loans for the creation of MSW treatment facilities

Source: compiled by the authors based on (REO plans to place 20 bond issues worth 55 billion in 2025. (February 5, 2025). Russian environmental operator. <https://reo.ru/tpost/1hd8dlazr1-reo-planiruet-razmestit-20-vipuskov-obli?ysclid=m9pw91v43h416738237>)

²¹ РЭО планирует разместить 20 выпусков облигаций на 55 млрд в 2025 году. (2025, 5 февраля). РЭО. <https://reo.ru/tpost/1hd8dlazr1-reo-planiruet-razmestit-20-vipuskov-obli?ysclid=m9pw91v43h416738237>

²² Инвестиции в мусор: бизнес теряет интерес к проектам в сфере обращения с отходами. (2024, 11 сентября). АБН24. <https://abnews.ru/news/2024/9/11/investiczii-v-musor-biznes-teryet-interes-k-proektam-v-sfere-obrashheniya-s-othodami>

²³ Российский экологический оператор выплатил владельцам зеленых облигаций купонный доход в размере 763 млн рублей. (2023, 29 сентября). Neftegaz.ru. <https://neftegaz.ru/news/finance/795892-rossiyskiy-ekologicheskii-operator-vyplatil-vladeltsam-zelenykh-obligatsiy-kuponnyy-dokhod-v-razmere/>

²⁴ Размещение первых зеленых коммерческих облигаций состоялось в России. (2021, 16 декабря). Российский экологический оператор. <https://reo.ru/tpost/e2d0hg8sk1-razmeschenie-pervih-zelenih-kommercheski?ysclid=m9yltw1mz8148512008>

Ожидаются значительные экологические эффекты от проводимых мероприятий. Во-первых, вторичное использование материалов позволит сэкономить энергию на 84–96 %, сократить выбросы парниковых газов в размере 74 850 т CO₂ в год. Во-вторых, сокращение объемов размещения отходов на полигонах позволит сократить выбросы парниковых газов на 12 750 т CO₂ в год. Реализация проекта принесет значительный социально-экономический эффект. Ожидается создание более 200 новых рабочих мест, а также пополнение бюджетов за счет налоговых отчислений. За первые 10 лет эксплуатации планируется поступление в бюджет около 5,53 млрд руб. налоговых платежей, что подтверждает высокую экономическую эффективность инициативы²⁵.

Государство решает проблемы зеленого финансирования при сотрудничестве с частным сектором, при этом оно стимулирует, координирует и контролирует деятельность в области зеленых финансов (Федорова, 2020).

Итак, возвратное финансирование через выкуп облигаций – востребованный рынком инструмент поддержки создания инфраструктуры по обращению с отходами. Указанный инструмент применяется и в 2025 г., в том числе в сфере обращения с отходами: запланированы инвестиции РЭО в 20 проектов по созданию инфраструктуры мощностью 4,71 млн т в год за счет полученных от выпуска облигаций средств²⁶.

Подводя итог рассмотрению зеленых кредитов и облигаций, можно сделать вывод о том, что они стали мощными инструментами в финансировании устойчивых проектов в сфере обращения с отходами. Они обеспечивают механизм привлечения капитала для проектов, предполагающих экологические выгоды, помогают обеспечить зеленые инициативы необходимым финансированием.

Проектное финансирование. Развивая тему финансовых инструментов, перейдем к рассмотрению проектного финансирования как альтернативного способа привлечения инвестиций в экологические инициативы. Учитывая остроту проблемы обращения с отходами и недостаток прозрачных институтов в сфере сбора и переработки, необходимо планировать объемы образующихся отходов и необходимые капитальные вложения в мощности отрасли (Кудрявцева и др., 2018). Для этого важно привлекать частные инвестиции.

Выше было показано, что ГЧП в сфере обращения с отходами – эффективный инструмент, который помогает привлечь частные инвестиции, создать инфраструктуру и внедрить передовые технологии. Для достижения целей по строительству инфраструктуры для управления отходами требуется финансовый вклад, превышающий 500 млрд руб., из них до 350 млрд руб. можно привлечь с помощью механизмов ГЧП (Маслова, 2023).

Проектное финансирование позволяет привлекать частные инвестиции для финансирования долгосрочных инфраструктурных проектов. Привлечение финансирования особенно важно в условиях ограниченных государственных средств и необходимости снижения долговой нагрузки, что отмечается в стратегических документах по развитию системы обращения с ТКО (Тютюкина, Губернаторов, 2022а).

При реализации инвестиционных проектов стороны обычно комбинируют наиболее подходящие инструменты финансирования.

В России инвестиционные проекты в настоящее время реализуются в том числе с использованием механизма «Фабрики проектного финансирования» (далее – ФПФ), при этом ВЭБ.РФ и несколько банков выступают в качестве кредиторов, которые затем предоставляют синдицированный кредит.

Ключевыми целями ФПФ, важнейшего инструмента, позволяющего ВЭБ.РФ развивать инфраструктуру, вводить в эксплуатацию высокотехнологичные производственные мощности, являются обеспечение экономического роста, повышение уровня доступности проектного финансирования, рост объемов кредитования на реализацию инвестиционных проектов.

Ниже приведем некоторые значимые проекты в сфере обращения с отходами, которые получили финансирование от ВЭБ.РФ.

Во-первых, в 2020 г. синдикат банков во главе с ВЭБ.РФ подписал договор о предоставлении синдицированного кредита до 110,0 млрд руб. сроком до 2035 г. для проекта «Энергия из отходов», предусматривающий строительство четырех заводов по термической переработке ТКО в энергию в Московской области произ-

²⁵ Там же.

²⁶ РЭО планирует разместить 20 выпусков облигаций на 55 млрд в 2025 году. (2025, 5 февраля). Российский экологический оператор. <https://reo.ru/tpost/1hd8dlazr1-reo-planiruet-razmestit-20-vipuskov-obli>

водительностью по 700 тыс. т отходов в год каждый²⁷. Ежегодное сокращение выбросов парниковых газов достигнет 3,2 млн тонн CO₂, а предотвращение создания около 20 полигонов в течение 30 лет позволит сохранить 11,5 тыс. гектаров земли. На каждую тысячу руб. субсидии приходится сокращение выбросов парниковых газов в размере 296 кг CO₂ в год, а инвестиции в размере 1 млн руб. обеспечат сохранение 1,06 га земельных площадей, что показывает экологическую и экономическую целесообразность реализуемого проекта²⁸.

Во-вторых, на конец 2024 г. в рамках ФПФ реализовывалось 38 проектов общей стоимостью более 4 трлн руб. Объем синдицированных кредитов составил более 2,6 трлн руб., участие ВЭБ.РФ в финансировании проектов – 669 млрд руб.²⁹

Проектное финансирование предоставляет ряд преимуществ, в частности, обеспечивает более качественный контроль за управлением проектом и его эффективностью со стороны кредиторов, а также возможность спонсоров привлекать средства третьих лиц, не неся прямой ответственности перед кредиторами. Для расширения привлечения заемного финансирования важно использовать механизмы проектного финансирования специализированных обществ проектного финансирования (СОПФ) и софинансирования проектов РЭО (Тютюкина, Губернаторов, 2022b).

Эффективность финансирования проектов в сфере обращения с отходами отражают представленные ниже показатели.

Во-первых, чистая приведенная стоимость (или англ. *NPV*). Для примера рассчитаем *NPV* для проекта крупного МСЗ с первоначальными инвестициями 45 млрд руб. Годовой денежный поток – 7,5 млрд руб., что является реалистичной оценкой для крупного МСЗ. Для расчета используем формулу:

$$NPV = \sum_{t=1}^n \left(\frac{CF_t}{(1+r)^t} - I_0 \right),$$

где CF_t – денежный поток за период t ; r – ставка дисконтирования; t – номер периода; I_0 – первоначальные инвестиции.

Следует отметить, что сроки окупаемости (или *PBP*, от англ. *Payback Period*) для МСЗ составляют 7–10 лет (при внутренней норме доходности, или англ. *IRR* 12–15 %), для сортировочных комплексов – 5–7 лет (внутренняя норма доходности – 18–22 %). Высокая внутренняя норма доходности актуальна для регионов с нормативом по раздельному сбору (Москва, Казань).

При расчете эффективности проекта используем ставку дисконтирования, равную 12 %, что соответствует среднему уровню внутренней нормы доходности. Рассчитаем *NPV* за период эксплуатации 15 лет. Сумма всех дисконтированных денежных потоков составит 67,3 млрд руб.

Таким образом, при заданных параметрах проекта $NPV = 67,3 - 45 = 14,3$ млрд руб., что подтверждает экономическую целесообразность инвестиций.

Во-вторых, выручка проекта. Для МСЗ в Московской области выгоды включают выручку от утилизации 2,7 млрд руб./год (700 тыс. т/год × 3 800 руб./т – тариф на утилизацию) и от продажи электроэнергии 2,1 млрд руб./год (520 млн кВт·ч × 4,1 руб./кВт·ч – стоимость электроэнергии). В данном случае выручка составляет 4,8 млрд руб./год, что указывает на высокую экономическую эффективность проекта.

В-третьих, уровень государственной поддержки проектов. Субсидии и налоговые льготы снижают капитальные расходы (*CAPEX*) и сокращают срок окупаемости проектов. В России программы Минприроды (2024 г.) компенсируют 30 % затрат на строительство перерабатывающих заводов. Например, в случае с проектом «Экотехнопарк» в Татарстане льготы в сумме 3,2 млрд руб. позволили сократить срок окупаемости на 2 года, что делает инвестирование в сферу обращения с отходами более привлекательным для частных инвесторов.

²⁷ ВЭБ.РФ профинансирует проект по переработке мусора. (2020, 7 февраля). Росинфа. <https://rosinfra.ru/news/vebrf-profinansiruet-proekt-po-pererabotke-musora>

²⁸ Система обращения с ТКО: Национальный проект «Экология». (2023, апрель). Аналитический бюллетень «Актуальное в ESG-повестке». https://inveb-docs.ru/attachments/article/2023_05/Aktualnoe-v-ESG-povestke-TKO.pdf

²⁹ Более 10 проектов вошли в Фабрику проектного финансирования в 2024 году. (2024, 23 декабря). ТАСС. <https://tass.ru/ekonomika/22751089?ysclid=ma8nhexr2110481434>

В-четвертых, эффективность технологий переработки отходов. Она напрямую отражается в рентабельности технологий. Наибольшая эффективность достигается при переработке пластика (процент переработки ПЭТ-бутылки – около 25 %), что свидетельствует о высокой окупаемости соответствующих технологических решений. Рентабельность бизнеса по переработке ПЭТ-бутылок зависит от процента утилизации сырья. Увеличение объема переработки ведет к росту доходности, однако сопряжено с повышенным риском недозагруженности производственного оборудования. Уровень переработки стекла (стеклобой) в России составляет примерно 40 %. Стекло пригодно для вторичной переработки, его можно переплавлять без ухудшения качества, что делает его эффективным материалом для рециклинга. Однако стекольный бизнес имеет относительно низкую рентабельность (около 10 %), что обусловлено высокой капиталоемкостью производства^{30, 31}.

Можно сделать вывод, что инвестиции в сферу обращения с отходами экономически обоснованы. Проекты имеют положительную *NPV*, стабильный денежный поток и окупаемость за 5–10 лет, а государственная поддержка и высокая рентабельность переработки некоторых видов отходов (пластика – 25–35 %) создают благоприятные условия для развития отрасли.

Мировой опыт реализации подобных проектов, например, комплекса по переработке отходов и очистке воды *Tuas Nexus* также показывает, что проекты в сфере обращения с отходами при грамотной организации могут обеспечить стабильную доходность (*ROI* 9,2 %) и относительно короткий срок окупаемости (8 лет) за счет диверсификации доходов (продажа энергии и биогаза)³².

Итак, анализ механизмов проектного финансирования подтверждает их высокую эффективность в сфере обращения с отходами. Сочетание государственных и частных инвестиций создает надежную основу для развития инфраструктуры и внедрения инновационных технологий, что способствует решению экологических задач и формированию устойчивой системы управления отходами.

Однако следует отметить риски для частных инвесторов, в том числе в рамках проектного финансирования. Так, проект строительства МСЗ «РТ-Инвест» столкнулся с задержками и рисками, что привело к переносу сроков ввода объекта и вызвало сомнения в его успешности. Несвоевременная сдача МСЗ создает значительные финансовые, правовые и операционные риски для частных инвесторов, включая штрафы, упущенную выгоду и необходимость дополнительных затрат на обслуживание кредитов (см. Прил. 1).

Несмотря на выявленные риски и сложности реализации инвестиционных проектов в сфере обращения с отходами, существует значительный потенциал для расширения механизмов финансирования зеленых инициатив. Анализ успешных практик и выявленных проблем позволяет определить перспективные направления развития финансовых инструментов. Рассмотрим ключевые резервы привлечения финансирования для экологических проектов в сфере обращения с отходами.

Перспективные резервы финансирования зеленых проектов

В современных условиях особую актуальность приобретает вопрос формирования эффективного инструментария денежно-кредитной политики, способного создать благоприятные условия для активизации частных инвестиций в сферу обращения с отходами и обеспечения ее дальнейшего развития. Разработка и внедрение соответствующих механизмов поддержки инвестиционных проектов позволят не только привлечь дополнительные финансовые ресурсы в отрасль, но и способствовать ее модернизации и повышению эффективности функционирования.

В отчете о деятельности за 2022 г. ЦБ РФ привел возможные меры для защиты прав инвесторов, пострадавших от блокировки иностранных активов. Банк России назвал несколько способов разблокировки замороженных активов инвесторов: обмен, взаимозачет, перевод в российскую инфраструктуру и компенсация убытков инвесторам³³. Следует рассмотреть применение механизма, позволяющего вернуть деньги

³⁰ Переработка упаковки в России: проценты ПЭТ, стекло, картон, алюминий. (2025, 24 октября). Inner. <https://inner.su/articles/pererabotka-upakovki-v-rossii-protenty-pet-steklo-karton-alyuminiy-2025/>

³¹ Новые ставки экосбора могут привести к банкротству стекольных заводов. (2023, 26 декабря). Российская газета. <https://rg.ru/2023/12/26/reg-cfo/novye-stavki-ekosbora-mogut-privesti-k-bankrotstvu-steklozavodov.html>

³² National Environment Agency. <https://www.nea.gov.sg/our-services/waste-management/tuas-nexus>

³³ Годовой отчет. 2022. Банк России. С. 157. https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43872/ar_2022.pdf

пострадавшим от санкций инвесторам и направить их средства на развитие российской инфраструктуры сферы обращения с отходами.

Предлагается использование аккумулированных на счетах пенсионных фондов средств пенсионных накоплений для инвестиций в развитие сферы обращения с отходами, в том числе инвестирование пенсионных резервов (далее – ПР) в зеленые облигации. Для реализации указанного инструмента привлечения инвестиций необходимо принятие мер по снятию некоторых ограничений относительно указанных вложений. Однако правового регулирования вложения ПР негосударственных пенсионных фондов (далее – НПФ) в зеленые облигации в России нет. Обеспечение нормативного регулирования инвестиций НПФ позволит увеличить долю зеленых облигаций в составе инвестиционного портфеля НПФ, будет способствовать росту эмитентов зеленых финансовых инструментов и модернизации сферы обращения с отходами.

С помощью индивидуального инвестиционного счета (далее – ИИС) частные лица могут вкладывать средства в облигации, в том числе зеленые. В целях поощрения указанных инвестиций частным лицам предоставляются налоговые льготы. Рекомендуются в рамках государственной поддержки проектов сферы применение инвестиционных налоговых льгот – эффективного инструмента стимулирования инвестиций, который помогает снизить затраты инвесторов и сделать проекты более привлекательными. Важно подчеркнуть, что, хотя институт квалифицированного инвестирования и представляет собой перспективный инструмент для вовлечения частных средств в данную сферу, механизмы его функционирования все еще нуждаются в оптимизации и совершенствовании.

При рассмотрении возможности инвестирования пенсионных резервов и замороженных активов в проекты обращения с отходами необходимо учитывать существенные риски. Основным ограничением выступает регуляторная политика Банка России, которая накладывает строгие требования на инвестиционную деятельность НПФ. Согласно установленным нормам, пенсионные резервы рекомендуется направлять исключительно в среднерискованные активы с рейтингом не ниже *BBB*, тогда как большинство проектов в сфере обращения с отходами имеют более низкий рейтинг надежности (*B/B-*). Это обусловлено высокой волатильностью тарифов и некоторой степенью неопределенности в данной отрасли.

Особую актуальность приобретают санкционные риски при работе с замороженными активами. Использование заблокированных средств через офшорные схемы может привести к полной конфискации инвестиций согласно статье 15.25 Кодекса об административных правонарушениях. Данная проблема особенно остро стоит в контексте последних событий: к 2025 г. объем арестованных активов российских инвесторов, связанных с обходом санкций, достиг 2,1 млрд долл., что подчеркивает серьезность последствий подобных операций.

Не секрет, что проекты сферы обращения с отходами сопряжены со значительными финансовыми рисками, принимая во внимание низкий уровень внутренней нормы доходности 8–12 % вместо 15–18 % в других отраслях. Значительную долю стресса для инвесторов вносит и непредсказуемость курса рубля, так как большая часть оборудования отрасли импортировалась.

Не следует забывать и про экологические и репутационные риски, приведем их с примерами: во-первых, существует угроза *ESG*-скоринга. Для пенсионных фондов, ориентированных на зеленые принципы, это означает отток клиентов. Например, *CalPERS* (США) отказался от «неэтичных» инвестиций, в том числе в угольные компании, что обошлось фонду в сумму от 4 до 8 млрд долл.³⁴ Во-вторых, имеются риски ликвидности, проекты имеют долгий срок окупаемости. МСЗ окупаются за 10–15 лет, сортировочные комплексы – за 5–7 лет. Для пенсионных резервов, требующих кратко-, среднесрочной ликвидности, это недопустимо. Например, заморозка проекта МСЗ в Казани (2025 г.) привела к блокировке 7,2 млрд руб. на три года. В-третьих, существуют международные прецеденты. Приведем пример неудачных вложений пенсионных инвестиций в США. *CalPERS* потерпел значительные убытки, потеряв 71 % из вложенных 468 млн долл. в сферу чистой энергетики и технологий, что выявило серьезные изъяны в стратегии фонда – ориентацию на непрозрачные и неликвидные активы, а также создало угрозу перекладывания убытков на плечи налогоплательщиков³⁵.

³⁴ Consultant warns CalPERS divesting from coal could hurt returns. (2015, October 20). Reuters. <https://www.reuters.com/article/california-calpers-coal-idUSL1N12K01120151020/>

³⁵ Fund Advisor Responds: California's Retirement Fund Lost 71% Of \$468M Investment In Clean Energy And Won't Say How. (2025, 30 October). ZeroHedge. <https://www.zerohedge.com/energy/californias-retirement-fund-lost-71-468m-investment-clean-energy-and-wont-say-how>

Для минимизации инвестиционных рисков рекомендуется придерживаться комплексного подхода. Прежде всего необходимо соблюдать принцип диверсификации, не превышая установленные лимиты при размещении пенсионных резервов в проекты обращения с отходами. Эффективным инструментом защиты инвестиций выступает страхование рисков через кредитные деривативы с покрытием 80–90 % возможных убытков.

Особого внимания заслуживает выбор направлений инвестирования – приоритетным является финансирование наиболее рентабельных сегментов отрасли с внутренней нормой доходности свыше 15 %, таких как переработка пластика и производство биогаза. Оптимальным вариантом выступает участие в проектах государственно-частного партнерства, которые гарантируют возврат не менее 70 % инвестиций в соответствии с действующим законодательством³⁶. При этом для работы с замороженными активами допускается более высокий уровень риска, однако требуется тщательный анализ санкционных ограничений и потенциальных правовых последствий.

Инвестирование пенсионных средств в проекты обращения с отходами требует баланса между доходностью и рисками, учитывая регуляторные ограничения и низкую ликвидность. Оптимальная стратегия включает диверсификацию, страхование рисков и фокус на прибыльные сегменты в рамках государственно-частного партнерства.

Также может быть целесообразным направление инвестиций в стартапы, занимающиеся инновационными научными разработками, которые имеют потенциал для роста и способны генерировать прибыль. Возможно расширение направлений в части внедрения в проекты сферы искусственного интеллекта, биотехнологий, робототехники. Так, в Красноярске запущен стартап «Вторсырьевой агент линейный легкий с искусственным интеллектом» («ВАЛЛ-ИИ»), занимающийся интеллектуальной сортировкой мусора: это улучшенная система компьютерного зрения³⁷. Примером из мировой практики служит стартап *AMP Robotics* (США), разрабатывающий роботов для совершенствования процессов переработки отходов (пропускная способность линии – до 62 000 т отходов/год, распознавание *PET*, алюминия, картона – 98 %) ³⁸.

Итак, на основании проведенного анализа был выявлен расширенный спектр финансовых инструментов, которые могут быть применены при создании инновационного механизма финансирования сферы обращения с отходами. Эти инструменты открывают новые возможности для эффективного управления финансовыми потоками в данной области.

Модель функционирования финансово-кредитного механизма при финансировании предприятий сферы обращения с отходами

На основе проведенного исследования сформирована комплексная модель денежных потоков в сфере обращения с отходами, отражающая все ключевые аспекты взаимодействия участников рынка и актуальные методы финансирования, в том числе предложенные авторами (рис. 5).

На данной схеме используются следующие обозначения:

A1 – действия со стороны государства (субсидирование процентных ставок по кредитам, затрат на пополнение оборотных средств, капитальных затрат), со стороны субъектов РФ (бюджетные инвестиции, субсидии и др.).

A2 – возмещаемые расходы, заложенные в структуру тарифа на управление ТКО;

A3 – участие в уставном капитале, софинансирование, займы;

A4 – зеленые, *ESG*-инструменты: кредиты, облигации;

A5 – ДПМ-платежи (зеленые тарифы ВИЭ). В сфере обращения с отходами зеленые тарифы (специальный компенсационный инструмент, покрывающий разницу между себестоимостью продукции и рыночной ценой) могут применяться для поддержки мусоросжигательных заводов;

³⁶ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 224-ФЗ от 13.07.2015. (2015). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/

³⁷ Стартап по интеллектуальной сортировке мусора «ВАЛЛ-ИИ» запустили магистранты СФУ и СибГУ имени Решетнёва в Красноярске. (2025, 22 июля). Сибирский.Новостной. <https://sibirnews.ru/news/2025-07-22-startap-po-intellektualnoy-sortirovke-musora-vall-ii-zapustili-magistranty-sfu-i-sibgu-imeni-reshetneva/>

³⁸ Роботы с искусственным интеллектом сортируют мусор. Upperator. <https://upperator.ru/ai-sorts-guarbage>

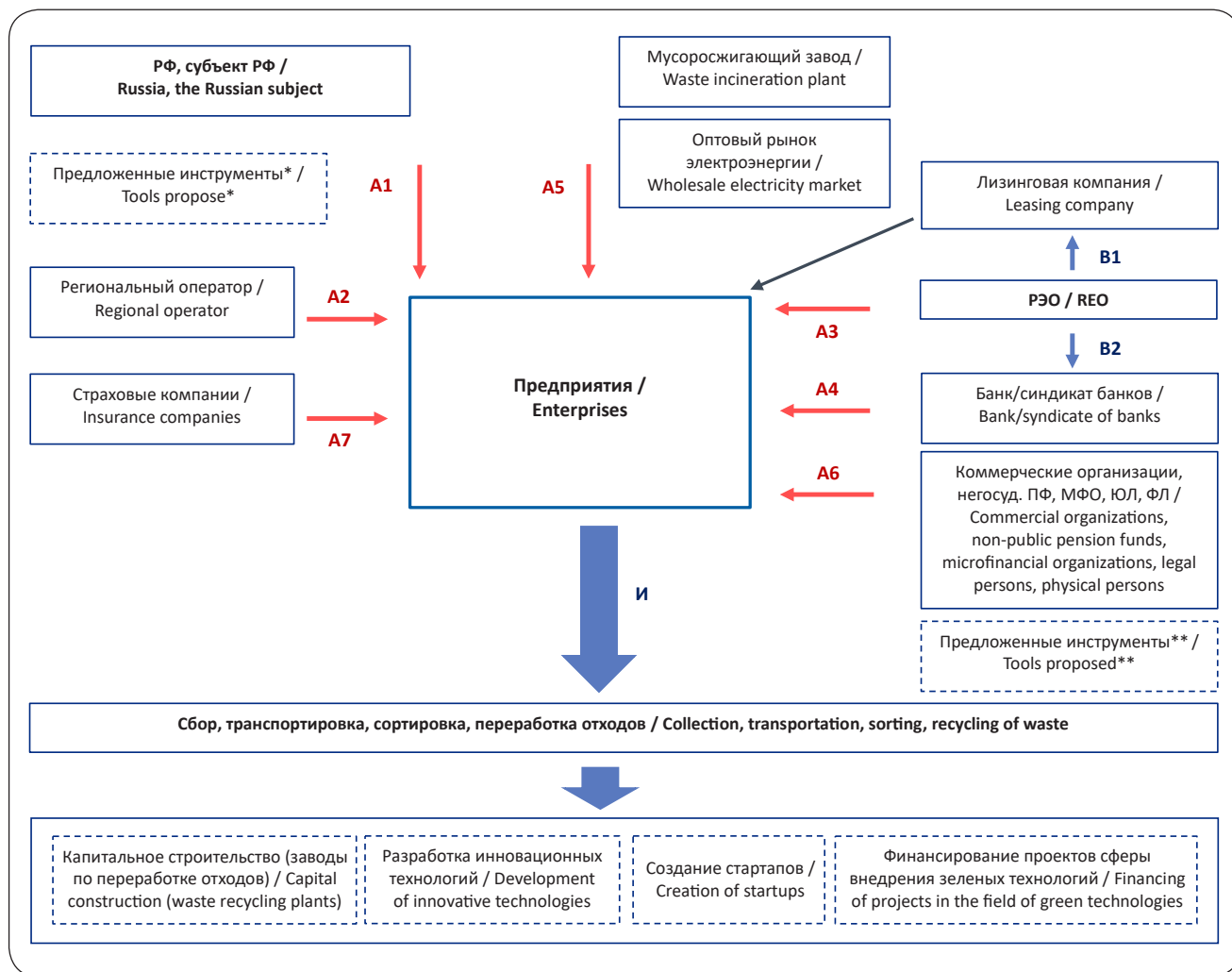

Рис. 5. Модель функционирования финансово-кредитного механизма при финансировании предприятий сферы обращения с отходами

Примечание: * а) инвестиционные налоговые льготы, б) объединенная и консолидированная субсидии; ** а) средства пострадавших от санкций инвесторов, б) инвестиции, вложения пенсионных накоплений в зеленые облигации данной области.

Fig. 5. Model of functioning of the financial and credit mechanism for financing enterprises in the field of waste management

Note: * a) investment tax incentives, b) combined and consolidated subsidies; ** a) funds of investors affected by sanctions, b) investments of pension savings in “green” bonds in this area.

A6 – частные инвестиции (выпуск зеленых облигаций, покупка портфеля акций, прямое инвестирование, участие в ESG-фондах);

A7 – экологическое страхование;

B1 – субсидии на лизинговые платежи;

B2 – субсидирование (компенсация части процентной ставки по кредитам), поручительство банкам;

И – инвестиции в сферу.

Таким образом, на основе проведенного анализа разработана модель функционирования финансово-кредитного механизма, которая эффективно интегрирует современные инструменты финансирования в сферу обращения с отходами. Данная модель направлена на поддержку внедрения передовых технологических решений и способствует динамичному развитию отрасли через привлечение инвестиционных ресурсов в инновационные проекты.

Предлагается расширить набор инструментов для реализации инвестиционных проектов в сфере обращения с отходами, включив в него актуальные и современные финансовые решения.

В контексте научного вклада авторов выделены следующие ключевые элементы: рациональные методы финансирования, расширенный инструментарий, включающий новые финансовые инструменты, а также новое направление их реализации – на поддержку стартап-проектов через современные финансовые механизмы.

Заключение

Подводя итог в рамках проведенного анализа механизмов финансирования сферы обращения с отходами, отметим, что основными источниками поддержки и финансирования проектов являются государственные структуры, банки, инвестиционные компании, частный капитал, зеленые облигации и др.

Экономические инструменты поддержки, такие как налоговые льготы, субсидии и льготное кредитование для предприятий, внедряющих технологии переработки, зеленые облигации и инфраструктурные кредиты через институты развития (например, ППК «РЭО»), способствуют финансированию проектов, направленных на улучшение экологической ситуации и борьбу с изменением климата.

Проведены исследования инструментов финансирования сферы, отмечен рост объемов бюджетного финансирования, доли зеленого кредитования в общем объеме ESG-портфеля и объема зеленых облигаций. Исследованы эффективные методы, позволяющие привлечь частные инвестиции по принципу проектного финансирования и в рамках ФПФ: в 2024 г. реализованы проекты стоимостью более 4 трлн руб. Объем синдицированных кредитов составил более 2,6 трлн руб., участие ВЭБ.РФ – 669 млрд руб.

Выявлены эколого-экономические преимущества проектов, и определены возможные риски инвестирования в зеленую сферу: финансовые, правовые, санкционные (для замороженных активов), валютные риски, штрафы, потери от инфляции и др.

Для обеспечения устойчивого развития инфраструктуры и надежного финансирования сферы обращения с отходами целесообразно стимулировать внедрение эффективных механизмов государственного финансирования.

Реализация модели функционирования финансово-кредитного механизма в сфере обращения с отходами направлена на системное решение проблемы управления ТКО через комбинацию государственного регулирования, экономических стимулов и привлечения частных инвестиций.

В этой связи рекомендуется проработать вопрос применения инструментов совершенствования механизмов государственной поддержки:

- применение инвестиционных налоговых льгот;
- расширение использования консолидированной субсидии;
- предложение применения в сфере обращения с отходами объединенной субсидии.

С целью привлечения частных инвестиций в сферу авторами рекомендовано применение инструментов, которые позволят направить финансовые ресурсы, высвобожденные пострадавшими от санкционного давления инвесторами, на развитие современной инфраструктуры России, а также сделают возможным вложение пенсионных накоплений в развитие сферы обращения с отходами (в зеленые облигации).

Предлагается также рассмотреть возможность инвестирования в целенаправленную поддержку стартапов, занимающихся передовыми научными разработками и внедрением инновационных решений, что способствует научно-техническому прогрессу и создает благоприятные условия для динамичного роста экономики страны.

Список литературы

- Алексеева, О. А., Ванина, А. Г., Ледовская, А. В. (2024). Глобальная мозаика зеленых облигаций. *Journal of Monetary Economics and Management*, 7, 92–100. EDN: FENWRT. DOI: 10.26118/2782-4586.2024.82.75.014
- Архипова, В. В. (2017). «Зеленые финансы» как средство для решения глобальных проблем. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 21(2), 312–332. EDN: ZFVTTT

- Васильева, Н. В., Сюпова, М. С. (2021). Основные направления и проблемы развития системы обращения с твердыми коммунальными отходами. *Ученые заметки ТОГУ*, 4, 78–86. EDN: NNJKOA
- Дегтярева, И. В., Шалина, О. И., Неучева, М. Ю. (2024). Зеленое финансирование: мировой и российский опыт. *Уфимский гуманитарный научный форум*, 2, 45–56. EDN: OYNCHV. DOI: 10.47309/2713-2358-2024-2-45-56
- Донченко, В. К. (2021). Развитие рыночных отношений в отходоперерабатывающей отрасли Российской Федерации. *Тенденции развития науки и образования*, 78–4, 36–42. EDN: SRZPRE. DOI: 10.18411/trnio-10-2021-140
- Дорофеев, М. Л. (2023). Анализ лучших мировых практик развития рынка зеленых облигаций и оценка возможностей их применения в современной России. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, 13(1), 46–58. EDN: KCQIZA. DOI: 10.21869/2223-1552-2023-13-1-46-58
- Килюева, М. М. (2020). Система обращения с твердыми коммунальными отходами и механизм ее финансирования в России: состояние и направления развития. *Власть*, 28(2), 146–155. EDN: VRTGMR. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7149
- Ковальчук, А. П., Милорадов, К. А. (2022). Организационно-экономический механизм реализации проектов переработки отходов для развития экономики замкнутого цикла. *Креативная экономика*, 16(7), 2757–2768. EDN: RPPGVU. DOI: 10.18334/ce.16.7.114944
- Косов, М. Е. (2025). Государственные зеленые финансы: механизмы и инструменты государственной поддержки экологической трансформации. *E-Management*, 8(1), 19–42. EDN: EEZGCN. DOI: 10.26425/2658-3445-2025-8-1-19-42
- Кудрявцева, О. В., Васильев, С. В. (2025a). Государственная политика в сфере обращения с отходами: эффективные мировые практики для России. *Мир новой экономики*, 19(1), 105–116. EDN: PCXOZX. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-1-105-116
- Кудрявцева, О. В., Васильев, С. В. (2025b). Реализация Цели устойчивого развития в сфере обращения с отходами в России через национальные проекты. *Государственное управление. Электронный вестник*, 109, 80–95. EDN: LPALLH. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-109-2025-80-95
- Кудрявцева, О. В., Солодова, М. А., Кореневская, Д. С., Кутубаева, Р. Ж., Тишкова, А. А., Щевьёва, Л. С. (2018). Перспективы обращения с отходами в городе Москве. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*, 10(2), 64–87. EDN: CQNYNZ. DOI: 10.38050/2078-3809-2018-10-2-64-87
- Маслова, С. В. (2023). Региональные проекты ГЧП в сфере обращения с отходами: переход к экономике замкнутого цикла и обеспечению устойчивого развития. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*, 22(4), 556–579. EDN: EAKTEU. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2023.405>
- Массеров, Д. А., Кирюшин, А. В., Вавилин, Д. А., Храмова, А. А., Кирюхин, В. О., Шиляев, И. И. (2024). Оценка состояния системы обращения с твердыми коммунальными отходами в России. *Международный научно-исследовательский журнал*, 5(143), 2024. EDN: OZAADT. DOI: 10.60797/IRJ.2024.143.27
- Осокин, Н. А., Никитушкина, Ю. В., Золотова, И. Ю. (2022). Инструменты зеленого финансирования как фактор повышения утилизации промышленных отходов в России. *Финансы: теория и практика*, 26(6), 17–31. EDN: LCXFCW. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-6-17-31
- Полтораднева, Н. Л., Латыпова, М. В. (2017). Особенности финансирования системы обращения с твердыми коммунальными отходами в России: проблемы и перспективы. *Финансы и кредит*, 23(41), 2468–2484. EDN: ZSJWTV. DOI: 10.24891/fc.23.41.2468
- Седаш, Т. Н. (2021). Зарубежная и российская практика использования механизмов финансирования в системе твердых коммунальных отходов. *Экономика. Налоги. Право*, 2, 109–118. EDN: UNTZYA. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-109-118
- Семенова, Н. Н., Еремина, О. И., Скворцова, М. А. (2020). Зеленое финансирование в России: современное состояние и перспективы развития. *Финансы: теория и практика*, 24(2), 39–49. EDN: XWYIZO. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-2-39-49
- Толстолесова, Л. А. (2019). Механизм государственно-частного партнерства в системе управления отходами: российская практика. *Отходы и ресурсы*, 4. EDN: UKLMAV. DOI: 10.15862/16ECOR419
- Тютюкина, Е. Б., Губернаторов, А. М. (2022a). Организационно-финансовые механизмы обеспечения внедрения проектного финансирования при обращении с твердыми коммунальными отходами. *Вестник Алтайской академии экономики и права*, 12–2, 311–318. EDN: XIXRGZ. DOI: 10.17513/vaael.2656
- Тютюкина, Е. Б., Губернаторов, А. М. (2022b). Риски проектного финансирования в деятельности региональных операторов в системе обращения с твердыми коммунальными отходами и их минимизация. *Экономика, предпринимательство и право*, 12(8), 2279–2294. EDN: LIWXRK. DOI: 10.18334/epp.12.8.115211
- Федорова, Е. П. (2020). Роль государства в решении проблем развития «зеленого» финансирования. *Финансовый журнал*, 12, 37–51. EDN: HDUTIC. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-4-37-51
- Шаманина, Е. И., Аршинская, И. С. (2022). Проблемы инвестирования в предприятия по переработке и утилизации твердых коммунальных отходов. *Вестник университета*, 1, 124–129. EDN: EXXRXL. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-124-129
- Шилкина, С. В. (2022). Управление пластиковыми отходами: российский и зарубежный опыт. *Отходы и ресурсы*, 9(1). EDN: NEVQLS. DOI: 10.15862/10ECOR122
- Шкодинский, С. В., Рыкова, И. Н., Юрьева, А. А. (2021). Анализ существующей в России системы поддержки инвестиционных проектов в сфере обработки и утилизации отходов. *Вестник евразийской науки*, 13(5). EDN: MNDNRR. DOI: 10.15862/02ECVN52126

- Alhanaqtah, O. J. M. (2024). Financial aspects of the solid waste management. *Финансы: теория и практика*, 28(6), 154–163. EDN: ISOFVU. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-6-154-163
- Bhutta, U., Tariq, A., Farrukh, M., Raza, A., & Khalid Iqbal, M. (2022). Green bonds for sustainable development: Review of literature on development and impact of green bonds. *Technological Forecasting and Social Change*, 175, 121378. EDN: NXKNUK. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121378
- Konyagina, M. (2023). Development of the green bonds market for financing eco-projects in Russia. *E3S Web of Conferences*, 371, Article 05056. EDN: LGTOAH. DOI: 10.1051/e3sconf/202337105056
- Sartzetakis, E. S. (2020). Green bonds as an instrument to finance low carbon transition. *Economic Change and Restructuring*. EDN: NGOZYG. DOI: 10.1007/s10644-020-09266-9
- Taghizadeh-Hesary, F., & Yoshino, N. (2020). Sustainable solutions for green financing and investment in renewable energy projects. *Energies*, 13(4), 788. EDN: VCQMDI. DOI: 10.3390/en13040788

References

- Alekseeva, O. A., Vanina, A. G., & Ledovskaya, A. V. (2024). Global mosaic of green bonds. *Journal of Monetary Economics and Management*, 7, 92–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.26118/2782-4586.2024.82.75.014>
- Alhanaqtah, O. J. M. (2024). Financial aspects of the solid waste management. *Finance: theory and practice*, 28(6), 154–163. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-6-154-163>
- Arkipova, V. V. (2017). "Green finance" as recipe for solving global problems. *Higher School of Economics Economic Journal*, 21(2), 312–332. (In Russ.).
- Bhutta, U., Tariq, A., Farrukh, M., Raza, A., & Khalid Iqbal, M. (2022). Green bonds for sustainable development: Review of literature on development and impact of green bonds. *Technological Forecasting and Social Change*, 175, 121378. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121378>
- Degtyareva, I. V., Shalina, O. I., & Neucheva, M. Y. (2024). Green finance: world and Russian experience. *Ufa Humanitarian Scientific Forum*, 2, 45–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.47309/2713-2358-2024-2-45-56>
- Donchenko, V. K. (2021). Development of Market Relations in the Waste Management and Recycling Industry of the Russian Federation. *Tendencii Razvitiya Nauki i Obrazovaniya*, 78-4, 36–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.18411/trnio-10-2021-140>
- Dorofeev, M. L. (2023). Analysis of the world's best practices in the development of the green bond market and assessment of the possibilities of their application in modern Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Economics. Sociology. Management*, 13(1), 46–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-46-58>
- Fedorova, E. P. (2020). Role of the state in the resolution of green finance development issues. *Financial Journal*, 12, 37–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-4-37-51>
- Kiloeva, M. M. (2020). Solid municipal waste management system and its financing mechanism in Russia: the state and directions of development. *The Authority*, 28(2), 146–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.31171/power.v28i2.7149>
- Konyagina, M. (2023). Development of the green bonds market for financing eco-projects in Russia. *E3S Web of Conferences*, 371, Article 05056. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202337105056>
- Kosov, M. E. (2025). Public green finance: mechanisms and instruments of state support for ecological transformation. *E-Management*, 8(1), 19–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2025-8-1-19-42>
- Kovalchuk, A. P., & Miloradov, K. A. (2022). Organisational and economic mechanism for implementing recycling projects for the development of a circular economy. *Creative Economy*, 16(7), 2757–2768. <https://doi.org/10.18334/ce.16.7.114944>
- Kudryavtseva, O. V., & Vasiliev, S. V. (2025b). Implementation of the Sustainable Development Goal in the field of waste management in Russia through national projects. *E-Journal Public Administration*, 109, 80–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-109-2025-80-95>
- Kudryavtseva, O. V., & Vasiliev, S. V. (2025a). State policy in the field of waste management: effective global practices for Russia. *The World of New Economy*, 19(1), 105–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2025-19-1-105-116>
- Kudryavtseva, O. V., Solodova, M. A., Korenevskaya, D. S., Kutubaeva, R. Zh., Tishkova, A. A., & Shchevyeva, L. S. (2018). Perspectives of solid waste management in Moscow. *Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic Journal*, 10(2), 64–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2018-10-2-64-87>
- Maslova, S. V. (2023). Regional projects of public-private partnership in the field of waste management: the transition to a circular economy and sustainable development. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, 22(4), 556–579. (In Russ.). <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2023.405>
- Masserov, D. A., Kiryushin, A. V., Vavilin, D. A., Khramova, A. A., Kiryukhin, V. O., & Shilyaev, I. I. (2024). An evaluation of the state of the municipal solid waste management system in Russia. *International Research Journal*, 5(143). (In Russ.). <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.143.27>
- Osokin, N. A., Nikitushkina, Yu. V., & Zolotova, I. Y. (2022). Green finance instruments as a factor of increasing industrial waste utilization in Russia. *Finance: Theory and Practice*, 26(6), 17–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-6-17-31>

- Poltoradneva, N. L., & Latypova, M. V. (2017). The financing of the municipal solid waste treatment system in Russia: challenges and prospects. *Finance and Credit*, 23(41), 2468–2484. (In Russ.). <https://doi.org/10.24891/fc.23.41.2468>
- Sartzetakis, E. S. (2020). Green bonds as an instrument to finance low carbon transition. *Economic Change and Restructuring*. <https://doi.org/10.1007/s10644-020-09266-9>
- Sedash, T. N. (2021). Foreign and Russian practice of using financing mechanisms in the municipal solid waste system. *Economika. Nalogi. Pravo*, 2, 109–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-2-109-118>
- Semenova, N. N., Eremina, O. I., & Skvortsova, M. A. (2020). Green financing in Russia: current state and development prospects. *Finance: Theory and Practice*. 24(2), 39–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-2-39-49>
- Shamanina, E. I., & Arshinskaya, I. S. (2022). Problems of investing in enterprises for the processing and disposal of solid municipal waste. *Vestnik Universiteta*, 1, 124–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-1-124-129>
- Shilkina, S. V. (2022). Plastic waste management: Russian and foreign experience. *Otkhody i Resursy*, 9(1). (In Russ.). <https://doi.org/10.15862/10ECOR122>
- Shkodinsky, V., Rykova, N., & Yuryeva, A. A. (2021). Analysis of the system for supporting investment projects in the sphere of processing and disposal of waste existing in Russia. *Vestnik Evraziyskoy Nauki*, 13(5). (In Russ.). <https://doi.org/10.15862/02ECVN521>
- Taghizadeh-Hesary, F., & Yoshino, N. (2020). Sustainable solutions for green financing and investment in renewable energy projects. *Energies*, 13(4), 788. <https://doi.org/10.3390/en13040788>
- Teng, F., Sasai, K., Wang, Z., Ren, K., Liu, S., & Ding, H. (2024). Analysis of composition characteristics and treatment techniques of municipal solid waste incineration fly ash in China. *Journal of Environmental Management*, 357, 120783. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2024.120783>
- Tolstolesova, L. A. (2019). Public-private partnership mechanism in the waste management system: Russian practice. *Otkhody i Resursy*, 4. (In Russ.). <https://doi.org/10.15862/16ECOR419>
- Tyutyukina, E. B., & Gubernatorov, A. M. (2022a). Organizational and financial mechanisms for ensuring the implementation of project financing in the management of municipal solid waste. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 12–2, 311–318. (In Russ.). <https://doi.org/10.17513/vaael.2656>
- Tyutyukina, E. B., & Gubernatorov, A. M. (2022b). Risks of project financing in the activities of regional operators in the system of solid municipal waste management and their minimization. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 12(8), 2279–2294. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/epp.12.8.115211>
- Vasilyeva, N. V., & Syupova, M. S. (2021). The main directions and problems of the development of the solid handling system municipal waste. *Uchenye Zametki Tikhookeanskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 4, 78–86. (In Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Риски несвоевременной сдачи в эксплуатацию мусоросжигательного завода для частных инвесторов

Тип риска	Описание риска	Финансовые последствия
Штрафы за просрочку	Штрафные санкции за каждый месяц задержки запуска завода (25 % от гарантированного платежа за мощность). Инвестор теряет платеж за мощность без продления срока договора	Штраф за месяц задержки: 557 млн руб. для 5 заводов; за год: 6,7 млрд руб. Отменен штраф за первый год задержки (7 млрд руб.)
Потери от инфляции	Удорожание строительных материалов на 15–25 % (2024), увеличение сметной стоимости строительства	Рост сметной стоимости: 34,8 млрд руб. (20 %) Стоимость завода в Воскресенском районе: 30 млрд руб., завод нового поколения мощностью 550 тыс. руб.: 24 млрд руб. Рост сметной стоимости 5 заводов: 28 млрд руб. (20 %)
Упущенная выгода	Потеря выручки из-за задержки ввода станций	26,7 млрд руб. платежей за мощность за год задержки
Смена поставщиков оборудования	Введение санкций привело к необходимости поиска новых поставщиков	Нарушение цепочек поставок оборудования, нарушение сроков, увеличение затрат
Низкая эффективность переработки	Перерабатывается 7 % ТКО, план к 2030 г. – 25 %	Упущенная выгода: 68 млрд руб./год от невозврата вторичных ресурсов. В Казани сортируется 10–11 % отходов, во вторичный оборот – 5,1 %, на захоронение – 94,9 %

Тип риска	Описание риска	Финансовые последствия
Налоговые риски	Не реализуется возврат налогов и создание рабочих мест	Обнуление налога на имущество на 15 лет (2,4 млрд руб.) не приводит к ожидаемым результатам
Стоимость заемного финансирования	Высокие процентные ставки	При ставке 12 % на кредит 100 млрд руб.: дополнительные расходы 12 млрд руб./год. Проект в Татарстане с готовностью 24 % становится нереализуемым
Риски расторжения контрактов	Возможность расторжения контрактов при просрочке	Может привести к потере 100 % инвестиций и компенсации ущерба контрагенту
Правовые риски	Штрафы за нарушения СанПиН	Самарский завод «Коммунар» обязан возместить более 43 млн руб. за вред почвам от незаконного размещения отходов. Штрафы по ст. 8.2 КоАП

Источник: составлено авторами на основе данных^{39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48}.

Source: compiled by the authors based on the data^{39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48}.

Вклад авторов

О. В. Кудрявцева определяла направление исследования; дополняла и корректировала обзор литературы; корректировала рукопись, определяла направления анализа современных методов и механизмов финансирования проектов в сфере обращения с ТКО.

С. В. Васильев проводил обзор литературы; подготовил рукопись; осуществлял расчеты; интерпретировал результаты, проводил комплексный анализ современных методов и механизмов финансирования проектов в сфере обращения с ТКО в России с использованием мер государственной поддержки, зеленых кредитов и зеленых облигаций, эффективных методов привлечения частных инвестиций в сферу.

³⁹ Минэнерго требует доказать форс-мажор для отсрочки ввода МТЭС. (2021, 30 апреля). Техэксперт. <https://kt032.ru/news/read/minnergo-trebuat-dokazat-fors-major-dlya-otsrochki-vvoda-mts/novosti-energetiki>

⁴⁰ Стройматериалы начали остывать. (2025, 31 января). Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/7459392>

⁴¹ Богатство под ногами. Как «Ростех» собирается зарабатывать на мусоре. (2020, 20 мая). Рамблер. <https://news.rambler.ru/other/44209604-bogatstvo-pod-nogami-kak-rosteh-sobiraetsya-zarabatyvat-na-musore/>

⁴² Компания Ротенберга стала подрядчиком «мусорного» проекта «Ростеха». (2018, 4 июня). РБК. <https://www.rbc.ru/politics/04/06/2018/5b15229b9a79471f284ea171>

⁴³ Экоцикллинг. <https://rpecor.ru/news/1524-zapusk-pyati-zelenyh-tes-rosteha-otkladyvaetsya-do-2024-goda.html>

⁴⁴ Лычагина, А. А. (2020). Анализ существующих проблем в сфере обращения с отходами в РФ. Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса, 14(2), 175–181. <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-suschestvuyuschih-problem-v-sfere-obrascheniya-s-othodami-v-rf>

⁴⁵ Заморозка вместо сжигания: как провал проекта МСЗ оставил Татарстан с мусорным кризисом. (2025, 23 июня). KazanFirst. <https://kazanfirst.ru/articles/zamorozka-vmesto-szhiganiya-kak-proval-proekta-msz-ostavil-tatarstan-s-musornym-krizisom>

⁴⁶ Пандемия и санкции: почему в России заморозили строительство трех заводов. (2025, 17 июня). Газета.ru. <https://www.gazeta.ru/politics/2025/06/17/21225026.shtml>

⁴⁷ В Ярославле объекты культурного наследия отдадут инвесторам на 49 лет. (2023, 19 июня). Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/6054321>

⁴⁸ Самарский завод «Коммунар» обязан возместить более 43 млн рублей за вред почвам от незаконной свалки. (2025, 6 июня). Росприроднадзор. https://rpn.gov.ru/press/news/samarskiy_zavod_kommunar_obyazan_vozmestit_bole_43 mln_rubley_za_vred_pochvam_ot_nezakonnoy_svalki/

The author's contributions

O. V. Kudryavtseva determined the research direction; supplemented and corrected the literature review; corrected the manuscript, determined the directions for analyzing the modern methods and mechanisms of financing projects in MSW management.

S. V. Vasiliev reviewed the literature; prepared the manuscript; carried out calculations; interpreted the results; conducted a comprehensive analysis of modern methods and mechanisms of financing projects in MSW management in Russia using state support measures, green loans and green bonds, as well as effective methods of attracting private investment in the field.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 28.07.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 02.09.2025

Дата принятия в печать / Accepted 02.09.2025

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.826-855>

УДК / UDC 338.48:379.85:332.1(470.319)

JEL: L83, Q26, R1, R58

М. С. Шмарков¹

¹ Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орел, Россия

Методический подход к исследованию состояния регионального рынка туристских услуг

Шмарков Михаил Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма и гостиничного дела факультета технологий, предпринимательства и сервиса, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
E-mail: tuxpert888@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1120-5338>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-3399-2017>
eLIBRARY SPIN-код: 9561-2662

Аннотация

Цель: разработка и апробация методики исследования состояния регионального рынка туристских услуг (РРТУ), а также ее применение для выявления и анализа проблем развития РРТУ в Орловской области.

Методы: исследование основано на системном подходе. Использован комплекс общенаучных и общелогических методов (анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификация, систематизация), а также статистический анализ. Методика предполагает сбор и сопоставление данных из официальных источников (ФНС, Росстат, ЕМИСС, отраслевые реестры Минэкономразвития России) и аналитических цифровых сервисов («Яндекс.Вордстат»).

Результаты: проанализированы подходы к исследованию состояния региональных рынков туристских услуг в России, источники и системы используемых показателей. Обоснована необходимость учета специфики формирования регионального рынка туристских услуг в современных условиях функционирования, системного использования более широкого спектра источников и системы показателей при анализе его состояния для выработки решений по формированию и развитию. Разработана авторская методика исследования состояния регионального рынка туристских услуг, определена схема процесса исследования, детализирующая его процедуру по содержанию и источникам информации. Методика использована для выявления проблем функционирования регионального рынка туристских услуг Орловской области.

Научная новизна: разработаны авторская методика и схема исследования состояния РРТУ, отличающиеся комплексным учетом современной структуры рынка, состава его участников и их цифровой активности. В отличие от существующих подходов методика интегрирует анализ данных из государственных и коммерческих цифровых ресурсов и напрямую увязывает диагностику состояния с выявлением конкретных проблем функционирования.

Практическая значимость: выделенные проблемные поля и конкретные проблемы функционирования РРТУ Орловской области предоставляют органам исполнительной власти и бизнес-сообществу объективную основу для выработки адресных решений и механизмов регулирования, направленных на активизацию туризма и рост экономики региона. Методика может быть применена для анализа других региональных рынков.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, туризм, региональный рынок туристских услуг, трансформация рынка туристских услуг, туристские интернет-ресурсы, методика исследования состояния рынка туристских услуг

Благодарности

Выражаю благодарность рецензентам за детальное рассмотрение рукописи статьи и конструктивный характер полезных рекомендаций, выполнение которых повысило качество материала.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

© Шмарков М. С., 2025

Как цитировать статью: Шмарков, М. С. (2025). Методический подход к исследованию состояния регионального рынка туристских услуг. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 826–855. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.826-855>

Scientific article

M. S. Shmarkov¹

¹ Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russia

Methodological approach to researching the state of a regional market of tourist services

Mikhail S. Shmarkov, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Tourism and Hotel Business, Faculty of Technologies, Entrepreneurship and Service, Orel State University named after I. S. Turgenev
E-mail: turexpert888@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1120-5338>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-3399-2017>
eLIBRARY SPIN-code: 9561-2662

Abstract

Objective: to develop and test a methodology for studying the state of the regional market of tourism services (RMTS); to apply the methodology to identify and analyze the problems of RMTS development in Orel oblast.

Methods: the research is based on a systematic approach. The author used a set of general scientific and general logical methods (analysis, synthesis, comparison, generalization, classification, systematization), as well as statistical analysis. The methodology involves the collection and comparison of data from official sources (Federal Tax Service, Rosstat, UIISS, sector registers of the Russian Ministry of Economic Development), and analytical digital services (Yandex.Wordstat).

Results: the author analyzed the approaches to studying the state of regional markets of tourist services in Russia, sources and systems of indicators used. The study substantiates the need to take into account the specifics of the RMTS formation under the modern conditions; to systematically use a wider range of sources and a system of indicators when analyzing its state to make decisions on formation and development. The author developed a methodology for studying the state of the regional market of tourist services, defined the research design, and detailed its content and sources of information. The methodology helped to identify the problems of RMTS functioning in Orel oblast.

Scientific novelty: the author developed a methodology and design for studying the state of RMTS, which comprehensively reflects the modern market structure, the composition of its participants and their digital activity. Unlike existing approaches, the methodology integrates the analysis of data from government and commercial digital resources and directly links the diagnosis with the identification of specific functioning problems.

Practical significance: the identified problem areas and specific problems of the RMTS in Orel oblast provide the executive authorities and the business community with an objective basis for developing targeted solutions and regulatory mechanisms aimed at boosting tourism and economic growth in the region. The methodology can be applied to analyze other regional markets.

Keywords:

regional and sectoral economy, tourism, regional market of tourist services, transformation of the tourist services market, Internet resources in tourism, methodology for researching the state of the tourist services market

Acknowledgements

The author would like to thank the reviewers for a detailed review of the manuscript and the constructive and useful recommendations, which improved the quality of the material.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Shmarkov, M. S. (2025). Methodological approach to researching the state of a regional market of tourist services. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 826–855. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.826-855>

Введение

Современные преобразования в социально-экономическом пространстве влекут новые приоритеты развития, в числе которых обозначена задача активизации въездного и внутреннего туризма¹. Регионы России обладают значительным потенциалом и уникальными ресурсами (Королева, Марциневская, 2018; Шабалина и др., 2021; Оборин, 2020а; Аксенова и др., 2020; Павлова, 2022; Оборин, 2020b; Строева и др., 2021; Зырянов и др., 2017; Федюлин и др., 2023; Миненкова и др., 2021; Цветков, 2023; Забураева, Шаипова, 2025; Шмарков и др., 2024), и важно не только развивать известные центры туризма, но использовать туристский потенциал всех субъектов России для экономического подъема регионов (Карлов, Богатырев, 2020).

Туризм выступает мощным катализатором роста: он стимулирует развитие производства, строительства, сервиса и инфраструктуры, создает новые рабочие места и способствует социальному развитию (Robina-Ramírez et al., 2023) в целом, развитию множества отраслей, формируя мультипликативный эффект в региональной экономике (Леонидова, 2022; Pjanić, 2019). Эмпирические исследования подтверждают его значимость как драйвера долгосрочного экономического роста и развития человеческого потенциала (Su et al., 2021; Zhang, 2017; Бобко и др., 2025; Ковалева, Щебарова, 2022), включая влияние не только локальных ресурсов, но и спроса из соседних регионов (Primayesa et al., 2023); «туризм играет важную роль в содействии долгосрочному экономическому росту и ускорении развития человеческого потенциала» (Tan et al., 2025). Однако, несмотря на очевидные преимущества, развитие туристических рынков сталкивается с системными барьерами: наследие административного подхода подавляет частную инициативу, препятствуя формированию устойчивых туристских кластеров (Кощеев и др., 2018), а отсутствие координации между уровнями управления снижает эффективность инвестиций и институциональных решений² (Предводителева и др., 2023; Sharma et al., 2024; Aguinis et al., 2023).

В ответ на эти вызовы государством определен стратегический вектор: Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г.³ (далее – Стратегия) и реализуемый в ее рамках национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства»⁴ закрепили приоритет развития региональных рынков туристских услуг (далее – РРТУ) как ключевого механизма достижения национальных целей (Семеркова и др., 2019; Пшеничных, 2021; Леонидова, 2022). Однако, как показывают исследования, не все регионы обладают достаточной готовностью к приему туристов⁵. В связи с этим особую значимость приобретают вопросы:

- конкурентоспособности региональных туристских услуг (Песоцкая, Селютина, 2021; Фролова, Рогач, 2023);
- формирования отраслевой экосистемы (Гамидуллаева, Финогеев, 2023);
- создания и развития моногородов туризма (Плисецкий и др., 2022);

¹ Заседание Президиума Госсовета по вопросам развития туризма. (2022, 6 сентября). Президент России. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69291>

² В Правительстве состоялись встречи, посвященные вопросам развития туризма в регионах и реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». (2023, 23 марта). Международный туристический форум «Путешествуй!». https://rustravelforum.com/media/news/v-pravitelstve-sostoyalis-vstrechi-posvyashchennye-voprosam-razvitiya-turizma-v-regionakh-i-realizats/?sphrase_id=9455&ysclid=mdu07xphgo276787683

³ Правительство России. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. <http://static.government.ru/media/files/FjJ74rYOaVA4yzPAshEulYxmWSpB4lrM.pdf>

⁴ Министерство экономического развития Российской Федерации. Паспорт национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». https://www.economy.gov.ru/material/file/da6490a6b838998e49df2556be17aaff/NP_Turizm_i_industriya_gostepriimstva

⁵ См., например, Внутренний туризм в России: как развивать отрасль в новых условиях. (2025). ПМЭФ. https://forums.spb.com/news/news/vnutrennij-turizm-v-rossii-kak-razvivat-otrasl-v-novyh-uslovijah/?ysclid=mdu6aik8h1794151162&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru

- выстраивания межрегиональных взаимодействий при продвижении и реализации туристских услуг (Ермакова, Полякова, 2024);
- обеспечения региональной доступности для развития туризма (Морошкина, Кондратьева, 2021) и множество других.

Инициативы по преодолению этих барьеров все чаще генерируются не из центра, а из бизнес-среды⁶: множественные гостиничные предприятия (далее – ГП), туроператоры (далее – ТО), транспортные и ИТ-компании, экскурсионные службы (Шпырня, Коренева, 2019; Нюренбергер и др., 2022; Карпова и др., 2024) формируют основу туристической индустрии⁷ (Ермакова, Полякова, 2024; Mizrachi & Gretzel, 2020). Именно субъекты рынка – предприниматели, операторы, сервисные компании – становятся реальными агентами трансформации (Морозов, Морозова, 2021; Kato, 2025; Lei et al., 2024), адаптируя туристские продукты к новым условиям цифровизации (Богомазова, Климова, 2022; Макринова и др., 2020; Шмарков и др., 2021), меняющимся предпочтениям потребителей и ограничениям инфраструктуры (Гущина, Витальева, 2024; Овчаренко, Лебезова, 2021).

Таким образом, переход от стратегических деклараций к практическому развитию РРТУ требует не просто реализации проектов, а глубокого понимания, как бизнес-субъекты, действуя в условиях неравномерной инфраструктурной готовности и нестабильной регуляторной среды, формируют реальную доступность туристских услуг, что именно мешает им это делать эффективно. В задаче активизации внутреннего и въездного туризма главенствующим вопросом является доступность, соответственно, формирование и реализация туристских услуг в регионах.

В условиях интенсивной трансформации туристической среды и ускоряющейся цифровизации формирование объективного представления о состоянии региональных рынков туристских услуг остается сложной научной и практической задачей. Это обусловлено не только значительными различиями между регионами, но и системным дефицитом достоверных, комплексных и оперативных данных как о поведении потребителей, так и о деятельности субъектов рынка, включая турагентства, гостиницы, ИТ-платформы и операторов туристических информационных систем. Недостаточность информации ограничивает возможности анализа, прогнозирования и управления развитием отрасли (Александрова, 2017).

Еще более тревожным является тот факт, что даже базовые статистические показатели в регионах зачастую не анализируются в полном объеме или интерпретируются вне контекста. Например, при оценке состояния туризма в Орловской области используются маргинальные индикаторы: количество объектов культуры, прогноз среднемесячной заработной платы, число индивидуальных предпринимателей и физических лиц⁸. Эти данные, хотя и косвенно связаны с экономической средой, не отражают ни масштаба туристического потока, ни эффективности бизнеса, ни качества предлагаемых услуг, ни динамики развития рынка. В результате в официальных документах отсутствует целостное представление о реальном состоянии регионального рынка туристских услуг.

Кроме того, большинство региональных стратегий по-прежнему сосредоточены преимущественно на развитии инфраструктуры (строительстве гостиниц, реконструкции достопримечательностей, создании парковых зон) и не выделяют туризм в качестве самостоятельного экономического сектора⁹. Программы развития туризма редко оформляются как отдельные, с механизмами мониторинга и ответственностью за результат. Сформированная туристская индустрия не рассматривается как ключевой механизм экономического роста, способный генерировать доходы, рабочие места и мультипликативный эффект.

Между тем внутренний туризм сегодня провозглашен государством как один из основных драйверов социально-экономического развития регионов. При этом устанавливаются конкретные количественные

⁶ См., например: Агентство стратегических инициатив создает условия для развития предпринимательских инициатив и продвижения прорывных проектов в сфере туризма. Агентство стратегических инициатив. <https://asi.ru/leaders/initiatives/tourism/>

⁷ См., например: Туристический рынок России в 2025 году: состояние, тренды, перспективы. МИТТ. <https://mitt.ru/ru/media/news/2025/june/30/turisticheskij-rynok-rossii-v-2025-godu-sostoyanie-trendy-perspektivy/>

⁸ См., например: Постановление Правительства Орловской области № 716 от 23.12.2019. (2020). Электронный фонд правовых нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/561657046>

⁹ Там же.

ориентиры¹⁰: рост числа туристов, увеличение сроков пребывания, рост расходов. Регионам предлагается поддержка в реализации этих задач в рамках национального проекта «Развитие туризма»^{11, 12}. Однако без объективной диагностики текущего состояния рынка и понимания системных барьеров его развития любые инициативы рискуют стать формальными.

Следовательно, разработка эффективных стратегий требует не только оценки туристского потенциала региона (Шмарков, 2024), но и детального исследования фактического состояния рынка туристских услуг: кто и какие услуги предлагает, как они воспринимаются потребителями, где возникают дисбалансы, какие факторы тормозят развитие. Только на основе такого анализа можно принимать обоснованные управленческие решения, направленные на преодоление проблем и раскрытие потенциала.

В этой связи цель настоящего исследования – разработка методики комплексного анализа состояния регионального рынка туристских услуг и ее применение для выявления и оценки ключевых проблем развития туристской отрасли в Орловской области.

В первой части работы представлены результаты обзора методических подходов к исследованию сферы туризма и региональных рынков туристских услуг, обоснована необходимость разработки методики исследования состояния регионального рынка туристских услуг, наиболее полно учитывающей его современную структуру, состав участников и трансформацию в условиях цифрового развития. Во второй части представлена авторская методика исследования состояния регионального рынка туристских услуг. В третьей части представлены практические результаты исследования состояния регионального рынка туристских услуг Орловской области по разработанной методике, выделены проблемные поля функционирования, обозначены приоритетные задачи преобразования. В завершающем разделе представлены выводы, обозначена практическая значимость исследования, направления его продолжения.

Подходы к исследованию состояния региональных рынков туристских услуг

Исследование регионального рынка туристских услуг требует не просто анализа данных, а осознанного методологического выбора: какие показатели отражают реальную динамику рынка, какие источники информации позволяют избежать искажений и как отделить рынок туристских услуг от таких смежных понятий, как «туризм», «сфера туризма» и др. Ключевая проблема заключается в том, что рынок – это система взаимодействия спроса и предложения, и его состояние невозможно оценить без одновременного анализа того, кто предлагает услуги (субъекты рынка), что потребляется (объем, структура, поведение туристов), как формируется доходность и доступность.

Однако на практике исследование сталкивается с рядом системных барьеров, таких как:

- многоотраслевая наполненность и трудность расчета показателей затрудняют расчет оценки вклада туристской индустрии в региональную экономику (Шабанова и др., 2022);
- несовершенство системы региональной статистики туризма (Максанова, Дамбуева, 2016);
- проблема учета туристских расходов в регионах (Вахрамеева и др., 2016);
- недостаточность данных (Зевеке и др., 2019) вынуждает исследователей прибегать к экспертным оценкам и др.

Эти ограничения делают необходимым не просто использование существующих показателей, а их критический отбор и комбинирование с альтернативными источниками (административными данными (ФНС, ЕГРЮЛ), цифровыми следами (поисковые запросы, отзывы, мобильная геолокация), профильными реестрами (туроператоры, средства размещения)).

Таким образом, адекватное исследование состояния РРТУ возможно только при условии перехода от описательного анализа к комплексному, многоуровневому подходу, основанному на сопоставлении официальной статистики, данных бизнеса и поведенческих индикаторов потребителей.

¹⁰ См., например: В российской стратегии развития туризма до 2035 г. обновлены цели. (2022, 11 февраля). Ассоциация туроператоров. <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/58708.html?ysclid=mdu98aecgd178020828>

¹¹ См., например: Постановление Правительства РФ № 2439 от 24.12.2021. (2022). Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/727709328>

¹² См., например: Правительство расширило меры поддержки регионов в рамках государственной программы «Развитие туризма». (2024, 24 декабря). Правительство России. <http://government.ru/news/53821/>

Обратимся к практике научных исследований в сфере туризма: большинство работ сосредоточены не на анализе рынка туристских услуг как целостной экономической системы, а на изучении отдельных аспектов развития сферы туризма, таких как туристский потенциал, инфраструктурная готовность, организационные модели или конкурентоспособность регионов. Хотя эти факторы имеют значение, они не позволяют оценить сам рынок, т. е. совокупность взаимодействий между предложением и спросом, формирование цен, динамику доходов и поведение субъектов. В результате в научной литературе наблюдается отсутствие единой методологии: одни авторы используют показатели инфраструктуры, другие – объемы доходов туроператоров, третьи – туристские запросы в Интернете. Как следствие, сравнение результатов становится затруднительным, а выводы невозможно сопоставить. В приложении приведены показатели, применяемые в различных исследованиях для оценки состояния сферы туризма и рынка туристских услуг в российских регионах, их неоднородность подтверждает отсутствие общепринятого подхода к диагностике регионального рынка и свидетельствует о необходимости разработки системной методики, способной обеспечить объективную и сопоставимую оценку его состояния. Эти показатели отражают наиболее часто используемые в исследованиях индикаторы, однако перечень их не являются исчерпывающим, что обусловлено широким спектром применяемых показателей и существующими разногласиями в их методологическом понимании. Как показывает анализ литературы (см. Прил. 1), одни авторы учитывают только лиц, размещенных в классифицированных средствах размещения (далее – КСР), другие включают самозанятых и неформальные услуги, третьи используют число культурных объектов или запросы в Интернете. Эти нюансы интерпретации и детализации напрямую определяют методологические различия в подходах и делают результаты исследований не сопоставимыми без стандартизации.

Так, Т. В. Миролюбова, А. И. Зырянов, С. Э. Мышлянцева, Р. С. Николаев, Е. Н. Ворончихина и А. В. Фирсова при исследовании состояния туризма в Пермском крае использовали наиболее обширную систему показателей, при этом выделив базовый сегмент (деятельность средств размещения, туроператоров и турагентств, по бронированию услуг) и дополнительный (деятельность по предоставлению транспортных услуг, общественного питания, страхования, в сфере культуры и других) (Миролюбова и др., 2023). А исследователи А. А. Дочкина, В. Н. Градусова в сравнительном анализе развития туризма в регионах Приволжского федерального округа ограничились рассмотрением относительных показателей: числа гостей региона, воспользовавшихся услугами гостиниц и других коллективных средств размещения, отнесенного к численности населения региона и удельного веса населения региона, воспользовавшегося услугами региональных турагентств в организации поездок (Дочкина, Градусова, 2025).

В зарубежной практике чаще всего в исследованиях используются следующие показатели: индекс интенсивности туризма (как отношение количества номеров в отелях к количеству домохозяйств) (Kato, 2025); доходы от внутреннего и международного туризма (Zhang, 2017); доходы и расходы правительства, инвестиции в туристскую индустрию (Singh & Alam, 2024) и др.

Современные методики исследования региональных рынков туристских услуг, разработанные отечественными учеными, в подавляющем большинстве случаев также сосредоточены на анализе отдельных компонентов туристической системы, а не на целостной диагностике самого рынка как экономической структуры. Так, ряд исследований ориентирован на оценку туристского потенциала территории (Киреева, Павленко, 2021; Большаков, Михальченкова, 2019), в частности концепции соответствия «результатов оценки балансу интересов акторов туристской деятельности» (Мякшин и др., 2021); развития гостиничных услуг на региональном рынке (Шнорр, 2023); туристской инфраструктуры региона (Величкина, 2014; Степанова, Шулепов, 2018);

Параллельно ведутся исследования спросовой составляющей рынка, в частности на анализе привлекательности региональных туристских продуктов и значимости составляющих их элементов для потребителей (Сизенева, 2018); объема туристского потока (Кислова, Казунина, 2015); «экспертного мнения представителей туристского бизнеса относительно функционирования региональных туристско-информационных центров» (Карпова и др., 2017); «уровня цифровизации предложения предприятий туристской индустрии и степени охвата по видам туристских услуг» (Ходаковская, 2023) и др.

В некоторых работах рассматриваются особенности применения общественно-графических методов исследования региональных рынков туристских услуг (на предмет особенностей их применения) (Гладкий, 2019).

Методики исследования состояния непосредственно регионального рынка туристских услуг встречаются в научной литературе реже и основываются на рассмотрении вариаций, представленных в Приложении

к статье показателей и типовых алгоритмов расчета экономических показателей, используемых при исследовании макро- и национальных рынков, что не позволяет сформировать целостное представление о ситуации в регионе; используются показатели, характеризующие лишь некоторые сферы туристской деятельности, при этом отмечается, что «в последние годы количество факторов, оказывающих влияние на развитие регионального рынка туристских услуг, заметно возросло» (Курносова, 2015). Отметим, что число таких факторов по мере трансформации рынка туристских услуг в условиях цифрового развития с 2015 г. по настоящее время возросло еще больше. Очевидна необходимость учета цифровых факторов (Ходаковская, 2024; Gozgor et al., 2024) и мониторинга потребностей субъектов рынка (Арефьев и др., 2022).

Аспекты функционирования региональных рынков туристских услуг зачастую рассматриваются в привязке к конкретным, хотя и весьма важным обстоятельствам и проблемам: смене экономической ситуации, условий функционирования, барьеров становления рынка туристских услуг в регионах (Ситкевич, 2024), кадрового обеспечения туристской индустрии (Романцова, Доценко, 2022), упорядочения отношений групп субъектов крупного, малого и среднего бизнеса в периоды экономических кризисов и адаптации управления бизнес-структурами (Оборин, 2023) и множеству других, а не как результат состояния. Соответственно, выводы фокусируются на устранении барьеров, а не на трансформации самого рынка как структуры, способной совершенствоваться и развиваться, адаптироваться к новым условиям функционирования.

Исследование состояния рынка туристских услуг зачастую завершается описанием рыночной ситуации и не влечет выделения комплекса проблем (формирования, регулирования и других), решений по их преодолению. Результаты обзора и собственный многолетний опыт организации туристской деятельности указывают на целесообразность разработки комплексного подхода к исследованию состояния регионального рынка туристских услуг и выделения проблем его развития.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что систематический отбор и интеграция ключевых источников информации и показателей, отражающих структуру, состав участников и динамику трансформации регионального рынка туристских услуг в условиях цифрового развития, позволят сформировать целостную, объективную и воспроизводимую модель его текущего состояния, выявить системные проблемы развития и тем самым обосновать основу для эффективного регулирования, направленного на повышение экономической устойчивости региона.

Материалы и методы

Цифровая трансформация экономических систем обусловила формирование масштабных, структурированных баз данных и реестров, содержащих объективные сведения о деятельности субъектов рынка туристских услуг. Открытый доступ к этим источникам создает предпосылки для многоуровневого, доказательного анализа как отдельных сегментов туристической индустрии, так и целостного состояния регионального рынка туристских услуг в условиях цифровой экономики.

В качестве основных источников информации использованы официальные государственные реестры и открытые данные: Федеральная налоговая служба РФ (далее – ФНС); Национальная система аккредитации (далее – НСА); Федеральная служба государственной статистики (далее – ФСГС) и другие, а также аналитические платформы коммерческого сектора: «Яндекс.Вордстат», TravelLine – TL: Dashboard и др.

В России разработаны и реализуются практико-ориентированные проекты по анализу туристского рынка на основе больших данных, разработанные крупными цифровыми платформами, включая инициативы Сбербанка¹³ (например, аналитика по данным сервисов «СберТуризм», SberDevices) и ПАО «МТС»¹⁴ (геоаналитика мобильного трафика). Эти проекты демонстрируют потенциал использования альтернативных источников данных, таких как поведенческие треки пользователей, история поисковых запросов, данные о перемещениях и бронированиях, для мониторинга туристической активности в реальном времени. Включение подобных данных, генерируемых аналитическими агентствами и цифровыми сервисами, в научное исследование позволяет обогатить картину состояния регионального рынка туристских услуг за счет ин-

¹³ См., например: Туризм. СберИндекс. <https://sberindex.ru/ru?partition=9>

¹⁴ См., например: Аналитика МТС Travel: в 2023 году внутренний турпоток вырос на 10 % (2024, 22 января). МТС – Москва и Московская область. <https://moskva.mts.ru/about/media-centr/soobshheniya-kompanii/novosti-mts-v-rossii-i-mire/2024-01-22/analitika-mts-travel-v-2023-godu-vnutrennij-turpotok-vyros-na-10>

дикаторов спроса, которые не фиксируются традиционной статистикой: интерес к конкретным направлениям, сезонные колебания интереса, структура потребительских предпочтений, динамика формирования туристических решений.

Приоритетным считаем использование в исследовании официальных статистических данных, представленных на сайтах ФСГС¹⁵ и ФНС¹⁶, в федеральных реестрах и системах:

- в Едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ)/индивидуальных предпринимателей (далее – ЕГРИП)¹⁷;
- Федеральной и территориальных службах государственной статистики (далее – ФСГС и ТО ФСГС);
- Единой межведомственной информационно-статистической системе (далее – ЕМИСС);
- BI-системе (*BI Portal*);
- Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства (ЕРСМиСП);
- сервисе «Проверка статуса налогоплательщика на профессиональный доход (самозанятого)»;
- Государственном информационном ресурсе бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Информация, полученная из перечисленных источников составляет основной материал настоящего исследования. Использование этих данных обеспечивает многоуровневую, межисточниковую валидацию результатов, позволяет преодолеть ограничения традиционной статистики и обеспечивает эмпирическую основу для построения интегрированной модели состояния регионального рынка туристских услуг.

Результаты исследования

Настоящее исследование основано на авторской методике анализа состояния и выявления проблем развития регионального рынка туристских услуг (рис. 1), которая направлена на преодоление ключевых ограничений существующих подходов, в частности, фрагментарности данных и отсутствия комплексной оценки рынка как системы взаимодействия спроса и предложения. Методика базируется на синтезе данных официальной статистики и цифровых следов экономической активности, полученных из федеральных реестров и аналитических платформ (табл. 1). Основой эмпирического анализа стали данные, содержащиеся в следующих источниках:

- Единый федеральный реестр туроператоров (далее – ЕФРТ) Министерства экономического развития РФ¹⁸;
- Единый федеральный реестр турагентов, субагентов (далее – ЕФРТС) Министерства экономического развития РФ¹⁹;
- Реестр экскурсоводов и гидов-переводчиков (далее – РЭиГП) Министерства экономического развития РФ²⁰;
- Реестр горнолыжных трасс (далее – РГТ) Федеральной службы по аккредитации (ранее Министерства экономического развития РФ)²¹;
- Реестр пляжей (далее – РП) Федеральной службы по аккредитации²²;
- Реестр классифицированных объектов: гостиницы и иные средства размещения (далее – РКО ГиИСП) Национальной системы классификации²³;

¹⁵ Росстат – Туризм. Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/folder/182831>

¹⁶ ФНС России. Федеральная налоговая служба. <https://www.nalog.gov.ru/rn57/>

¹⁷ Проверь себя и контрагента. Прозрачный бизнес. <https://pb.nalog.ru/>

¹⁸ Поиск по Единому федеральному реестру туроператоров. Министерство экономического развития Российской Федерации. https://ev.economy.gov.ru/lk_exp/registry/

¹⁹ Единый федеральный реестр турагентов, субагентов. Министерство экономического развития Российской Федерации. <https://tourism.gov.ru/agents/>

²⁰ Реестр экскурсоводов и гидов-переводчиков. Министерство экономического развития Российской Федерации. https://www.economy.gov.ru/material/directions/turizm/reestry_turizm/reestr_ekskurovodov_i_gidov_perevodchikov/

²¹ Реестр горнолыжных трасс. Федеральная служба по аккредитации. <https://tourism.gov.ru/reestry/reestr-plyazhey/> <https://tourism.fsa.gov.ru/ru/resorts/showcase/ski-slopes>

²² Реестр пляжей. Федеральная служба по аккредитации. <https://tourism.fsa.gov.ru/ru/resorts/showcase/beaches>

²³ Единый реестр объектов классификации в сфере туристской индустрии. Национальная система аккредитации. <https://tourism.fsa.gov.ru/ru/resorts/showcase/hotels>

– Единый реестр объектов классификации в сфере туристской индустрии (далее – ЕРОКвСТИ) Национальной системы классификации, содержащий сведения о гостиницах и иных средствах размещения, горнолыжных трассах и пляжах²⁴, а также сведения о ЭКГ-рейтингах²⁵ и информации из банков данных, сформированных в регионах, которые в совокупности составляют материалы исследования.

Предложенные к использованию показатели позволяют оценить уровень развития отдельных сегментов регионального рынка туристских услуг и характеризуются взаимодополняемостью, что обеспечивает более полное и многомерное представление о его состоянии.

Так, при анализе сведений о начислении и поступлении налогов, сборов и страховых взносов в бюджетную систему Российской Федерации по основным видам экономической деятельности наблюдаем, что сведения об отчислениях предприятий сфер гостеприимства и общественного питания как элементов туристской индустрии, а следовательно и регионального рынка туристских услуг, представлены в виде суммарного значения (в соответствии с разделом I Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (редакция 2) (далее – ОКВЭД-2), куда входят только эти два вида деятельности), а результаты отчислений в бюджет, произведенных туроператорами, экскурсоводами и другими субъектами, осуществляющими туристскую деятельность, представлены как суммарное значение вместе с остальными пятью классами, входящими в раздел N ОКВЭД-2, что приводит к потере информационной детализации: невозможно выделить вклад именно туристических организаций в общий объем налоговых поступлений, что затрудняет оценку их экономического значения и динамики развития. В этой связи следует обратиться к иным источникам, например, к Государственному информационному ресурсу бухгалтерской (финансовой) отчетности, где публикуются отчетные материалы юридических лиц. Аналогичного разрешения требует проверка статуса самозанятого, коими могут являться экскурсоводы, осуществляющие деятельность на рынке туристских услуг самостоятельно. Комбинирование агрегированных государственных данных с источниками микроуровня является необходимым условием формирования объективной картины функционирования регионального рынка туристских услуг и выявления скрытых проблем его развития.

Учитывая, что значительная часть потребителей туристских услуг регионального рынка проживают за его пределами, эффективное продвижение и реализация туристических продуктов невозможны без использования цифровых каналов коммуникации. В современных условиях именно интернет-платформы становятся ключевым инструментом выхода на целевую аудиторию и формирования спроса.

Анализ практики функционирования субъектов рынка показывает, что использование собственных веб-сайтов или агрегаторов доказало свою эффективность в повышении видимости и доступности туристических предложений. При этом наличие сайта для гостиниц носит факультативный характер, тогда как в соответствии с Федеральным законом № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ-132) туроператоры обязаны обеспечивать публичный доступ к информации о реализуемых туристических продуктах через информационные системы, включая сайты в сети Интернет. Это делает цифровое присутствие не просто маркетинговым преимуществом, но обязательным элементом легальной деятельности.

Одновременно наблюдается изменение поведения потребителей: поиск информации о туристических услугах все чаще осуществляется в цифровой среде, что обуславливает растущую актуальность анализа состояния онлайн-пространства как компонента рыночной инфраструктуры. Исследование цифрового следа пользователей позволяет выявить реальный интерес к региону, оценить сезонность спроса и пространственную концентрацию запросов. Современные цифровые ресурсы позволяют собирать сведения об активности и интересах потребителей при поиске информации в сети Интернет, например, сервис компании «Яндекс.Вордстат» позволяет получить сведения о числе поисковых запросов, об их вариациях и о локациях, с которых они поступают (их сопоставление с данными официальной статистики полезно для получения информации о конверсии продаж), изучить интерес туристов к посещению региона, скоординировать маркетинговые стратегии.

²⁴ Единый реестр объектов классификации в сфере туристской индустрии. Средства размещения. Национальная система аккредитации. <https://tourism.fsa.gov.ru/ru/resorts/showcase/hotels?regionIdList=57&hotelTypeIdList=20&hotelTypeIdList=30&hotelTypeIdList=107>

²⁵ ЭКГ-рейтинг ответственного бизнеса. ЭКГ. <https://экг-рейтинг.рф/>

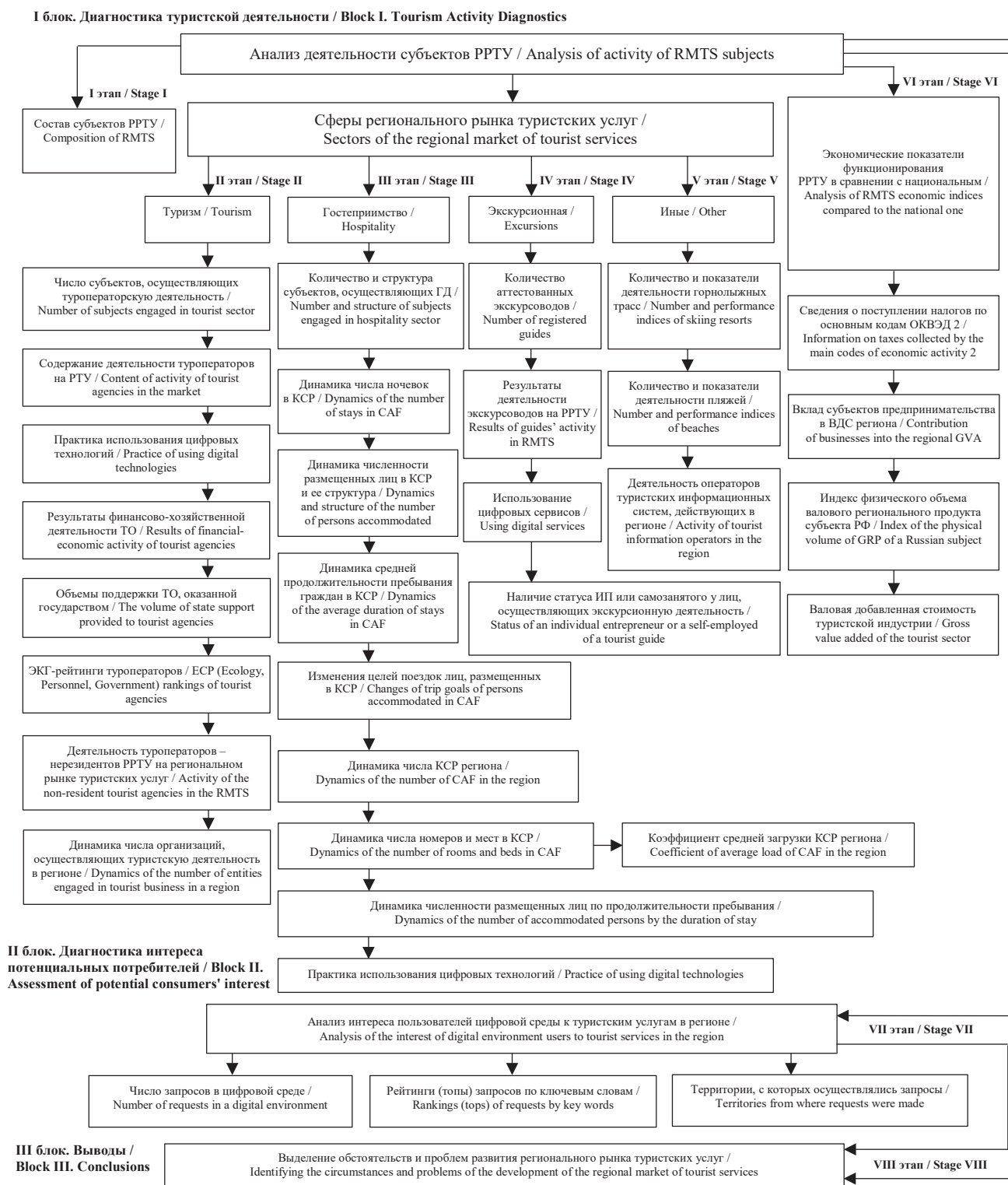

Рис. 1. Методика исследования состояния и выявления проблем развития регионального рынка туристских услуг

Примечание: РПТУ – региональный рынок туристских услуг, КСР – коллективное средство размещения, ВДС – валовая добавленная стоимость.

Fig. 1. Methodology for researching and identifying the problems of the regional market of tourist services development

Note: RMTS – regional market of tourist services, DAC – collective accommodation facility, GVA – gross value added.

Таблица 1

Показатели, используемые в научной литературе при анализе состояния сферы туризма в российских регионах
Table 2. Indicators used in the scientific literature to analyze the state of tourism in Russian regions

Источник информации / Source	Показатели / Indicators
Федеральная служба государственной статистики / Federal Service of State Statistics	<ul style="list-style-type: none"> – Число ночевков в коллективных средствах размещения; – численность граждан Российской Федерации, размещенных в КСР; – численность иностранных граждан, размещенных в КСР; – число КСР; – число номеров в КСР; – число мест в КСР; – число КСР Орловской области; – валовая добавленная стоимость туристской индустрии; – валовая добавленная стоимость туристской индустрии экономики субъекта Российской Федерации / – number of overnight stays in collective accommodation facilities; – number of Russian citizens accommodated in CAF; – number of foreigners accommodated in CAF; – number of CAF; – number of rooms in CAF; – number of beds in CAF; – number of CAF in Orel oblast; – gross added value of the tourism sector; – gross added value of the tourism sector in the economy of the Russian subject
Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики региона / Territorial body of Federal Service of State Statistics of a region	<ul style="list-style-type: none"> – Численность размещенных лиц по целям поездок в КСР; – численность размещенных граждан России по продолжительности пребывания в регионе; – вклад субъектов предпринимательства в ВДС региона; – индекс физического объема валового регионального продукта в регионе / – number of persons accommodated in CAF by the trip goals; – number of Russian citizens accommodated by length of stay in the region; – contribution of business entities to the region's GVA; – index of the physical volume of the gross regional product in the region
Федеральная налоговая служба / Federal Tax Service	<ul style="list-style-type: none"> – Сведения о юридических и физических лицах – резидентах Орловской области, являющихся субъектами туристской индустрии; – сведения о начислении и поступлении налогов, сборов и страховых взносов в бюджетную систему Российской Федерации по основным видам экономической деятельности; – статус налогоплательщика налога на профессиональный доход (самозанятого) / – information about legal entities and individuals – residents of Orel oblast, engaged in the tourism industry; – information on the accrual and receipt of taxes, fees and insurance premiums to the Russian budget for the main types of economic activity; – status of a tax payer on professional income (self-employed)
Единая межведомственная информационно-статистическая система / Unified Interdepartmental Information-statistics System	<ul style="list-style-type: none"> – Число турфирм; – туристский поток (по числу туристских поездок); – число ночевков в коллективных средствах размещения; – численность граждан Российской Федерации, размещенных в КСР; – численность иностранных граждан, размещенных в КСР; – число номеров в КСР; – число мест в КСР; – число КСР / – number of travel agencies; – tourist flow (by the number of tourist trips); – number of overnight stays in collective accommodation facilities; – number of the Russian citizens accommodated in CAF; – number of foreigners accommodated in CAF; – number of rooms in CAF; – number of beds in CAF; – number of CAF
BI-системы (BI Portal) / BI-systems (BI Portal)	<ul style="list-style-type: none"> – Средняя продолжительность пребывания граждан в КСР / – average duration of staying in CAF
Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности / State information resource for accounting (financial) reporting	<ul style="list-style-type: none"> – Бухгалтерская отчетность юридических лиц (далее – ЮЛ), осуществляющих туроператорскую деятельность / – bookkeeping reporting of legal persons engaged in tourism operation

Окончание табл. 1 / End of Table 1

Источник информации / Source	Показатели / Indicators
Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки / Unified register of small and medium enterprises receiving support	– Сведения о суммах поддержки, оказанной туроператорам / – information on support provided to tourist agencies
«Яндекс Вордстат», «Яндекс Радар» / Yandex Wordstart, Yandex Radar	– Популярность поисковых систем в РФ; – число и варианты поисковых запросов / – popularity of search engines in the Russian Federation; – number and variants of search requests

Предложенные показатели позволяют получить характеристику конъюнктуры регионального рынка туристских услуг, выявить особенности и согласованность функционирования туристской индустрии, сформулировать выводы об объективных проблемах его развития. При выборе показателей мы руководствовались принципами доступности, верифицируемости и релевантности, обеспечивающими воспроизводимость и научную надежность результатов. При этом учтены различия и практика формирования региональных рынков туристских услуг (регионы с развитой сферой туризма имеют собственные источники сбора информации о состоянии спроса на туризм в регионе: сайты региональных туристских порталов, цифровые проекты субъектов бизнеса и т. п., а депрессивным регионам такая работа только предстоит). Считаем, что включение метрик цифровой активности, таких как охват аудитории, продолжительность сессии, глубина просмотра, конверсия, в систему мониторинга позволит повысить качество анализа и обеспечить более точную оценку маркетинговой эффективности. Исключение любого из предложенных показателей снижает полноту и достоверность диагностики, поскольку каждый из них отражает определенный аспект функционирования рынка и играет роль в формировании целостной картины его состояния.

Предложенная методика дифференцирована на три блока.

Первый блок включает шесть этапов, цель которых – формирование представления об общем состоянии сфер туристской индустрии и о совокупных результатах деятельности субъектов (рис. 2).

На первом этапе осуществляется сбор сведений о субъектах, осуществляющих туристскую деятельность на региональном рынке туризма; при этом считаем важным сопоставить сведения, содержащиеся в профильных реестрах, с данными ФНС. Идентификация количества субъектов, осуществляющих туристскую деятельность в регионе, необходима для изучения характера их вовлеченности в туристскую деятельность, роли и значимости в формировании регионального рынка туристских услуг. Полученные сведения послужат базой исследования сфер туристской индустрии региона.

Ядром системы показателей являются показатели развития сфер туризма, гостеприимства, оказания экскурсионных услуг и иных объектов, относящихся к туристским (пляжей, горнолыжных трасс, тематических индексов цитирования (ТИЦ) и т. п.), что согласуется с областями деятельности, регулируемые ФЗ-132²⁶.

На втором этапе исследуется деятельность туроператорских организаций и ее результаты; сверяются сведения, содержащиеся в ЕФРТ с фактической деятельностью субъектов (резидентов регионального рынка туристских услуг); ее содержание по нишам туризма; уровень цифрового развития; результаты; а также деятельность нерезидентов регионального рынка туристских услуг на его территории; динамика числа турфирм. Результаты исследования позволят определить состояние организованного туризма, его баланс с самостоятельным; установить соотношение организаций, генерирующих туристский поток в регион и наоборот; сопоставить результаты их хозяйственной деятельности и определить уровень интеграции в цифровую экономику.

На третьем этапе исследуются результаты деятельности предприятий сферы гостеприимства; собираются и анализируются данные о составе и структуре средств размещения; о результатах их деятельности по приему

²⁶ Об основах туристской деятельности в Российской Федерации. № 132-ФЗ от 24.11.1996 (последняя редакция). (1996). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/

размещенных лиц и о целях их поездок; анализируется динамика показателей развития сферы гостеприимства; изучается практика использования цифровых сервисов и уровень интеграции в цифровую экономику. Результаты исследования позволяют выявить мотивы посещения региона самостоятельных и организованных туристов; анализ сведений о продолжительности их пребывания в регионе сформирует представление о структуре туристского потока. Средняя загрузка характеризует эффективность функционирования КСР.

На четвертом этапе анализируются практика и результаты деятельности экскурсоводов на региональном рынке туристских услуг (их предложения и используемые каналы продвижения оказываемых услуг); верифицируется правомерность осуществления экскурсионной деятельности.

На пятом этапе идентифицируются субъекты регионального рынка туристских услуг, использующие в своей деятельности пляжи и горнолыжные трассы, осуществляется сверка с информацией, представленной в профильных реестрах, верифицируется правомерность и изучается практика их использования.

На шестом этапе анализируются общеэкономические показатели, характеризующих состояние регионального рынка туристских услуг и сравниваются с национальными.

Второй блок предполагает реализацию седьмого этапа и анализ интереса потребителей к посещению региона и использованию его инфраструктуры в туристских целях. Важно выявить число тематических запросов, поступающих от интересантов, уточнить их содержание и вариации, определить локации, с которых они поступают, источники и средства запросов (мобильный телефон, планшет, персональный компьютер).

Третий блок подразумевает реализацию восьмого этапа, где осмысливаются, сопоставляются и обобщаются полученные результаты исследования, аргументируются и формулируются выявленные проблемы на каждом этапе первого и второго блоков исследования.

В качестве составляющей авторской методики разработана схема процесса исследования состояния и выявления проблем развития регионального рынка туристских услуг (рис. 2), в которой определены ключевые этапы, установлена последовательность и указаны источники информации, используемые на каждом этапе.

Результаты апробации методики исследования

Апробация разработанной авторской методики проведена на примере Орловской области в 2025 г. (Шмарков, 2025. С. 26–99). Исследование реализовано в соответствии с предложенной последовательностью анализа, что позволило системно выявить ключевые проблемы функционирования регионального рынка туристских услуг (РРТУ) через сопоставление данных о предложении, спросе и экономических эффектах. Ниже представлены ключевые результаты в соответствии с последовательностью исследования (для определения соответствующих выводов).

I этап: Анализ состава субъектов РРТУ. Выявлено значительное расхождение между количеством организаций, заявивших туристскую деятельность по кодам ОКВЭД 2 (класс 79), и числом субъектов, включенных в федеральные реестры. Так, в ЕФРТС зафиксировано 89 субъектов, тогда как в ЕГРЮЛ и ЕГРИП только 46 юридических и 43 физических лица указали эту деятельность как основную. Дополнительно ее заявляют 175 юридических лиц, а 249 компаний выбрали ее как второстепенную. При этом туроператорскую деятельность официально осуществляют лишь девять юридических лиц, что соответствует данным ЕФРТ. Полученные данные свидетельствуют о высоком интересе предпринимателей к туристической сфере, однако фактическая активность ограничена. Большинство компаний не используют свой потенциал для формирования туристского продукта, воспринимая рынок скорее как резервный или дополнительный. Это указывает на низкую мотивацию к ведению полноценной туристской деятельности, даже при наличии правового статуса.

II этап: Исследование состояния и тенденций развития сферы туризма региона РРТУ. Из девяти туроператоров, зарегистрированных в регионе, только один (ООО «Тур») целенаправленно формирует въездной поток в Орловскую область. Компания специализируется на активном туризме (походы, сплавы, велотуры) и использует государственную поддержку для развития инфраструктуры (например, кемпинг «Байдарочный порт»). Остальные туроператоры сосредоточены на организации выездного туризма, направляя туристов за пределы региона.

Ключевые недостатки цифровой зрелости туроператоров (ни один из туроператоров не использует системы автоматизированного бронирования (*PMS, GDS*); лишь один (ООО «Меридиан») применяет модуль поиска и бронирования; большинство ограничивается витринами на сайтах или социальными сетями (преимущественно «ВКонтакте»); национальные дистрибьюторские сети (например, *Level.Travel, Travelata*) включают в свои каталоги ограниченный перечень предложений от местных операторов) показывают, что региональные

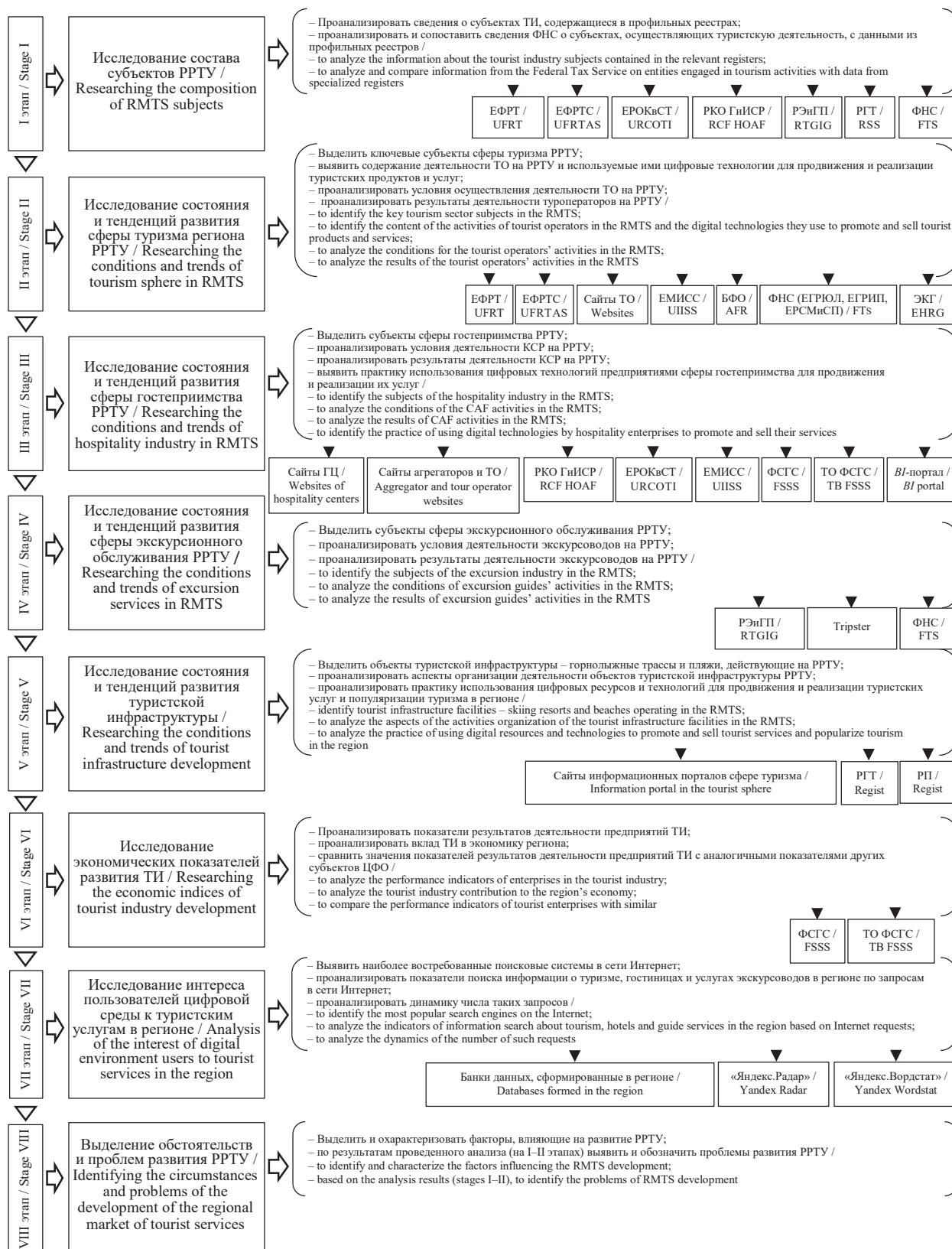

Рис. 2. Процесс и источники информации для исследования состояния и выделения проблем развития регионального рынка туристских услуг

Fig. 2. Diagram of the process and sources of information for researching the state and identifying the problems of the development of the regional market of tourist services (RMTS)

туроператоры не вовлечены в формирование туристического имиджа Орловской области, а цифровые каналы используются преимущественно для информационного сопровождения, а не для продаж.

III этап: *Исследование состояния и тенденций развития сферы гостеприимства РРТУ.* Показатели загрузки КСР, предоставляемые официальной статистикой, формируют искаженное представление о состоянии туристического спроса в Орловской области. Это обусловлено несколькими взаимосвязанными факторами. Так, значения показателя средней продолжительности пребывания граждан в КСР в Орловском регионе отстают от аналогичных в национальном масштабе, а значения показателя средней загрузки номерного фонда существенно отстают от средних по регионам Центрального федерального округа (разница составляет 9–11 % по годам). Рост загрузки сопровождается сокращением общего числа мест, что снижает объем возможного дохода. Преобладание деловых и профессиональных поездок свидетельствует о том, что регион не воспринимается как туристическое направление. Кроме того, большинство гостиниц не используют современные ИТ-решения: многие средства размещения либо не имеют собственных сайтов, либо не оптимизированы под поиск; хостелы активно используют агрегаторы (*Booking.com*, *Ostrovok*), но при этом не включены в ЕРОКвСТИ, что делает их невидимыми для официальной статистики. Только наиболее востребованные объекты («ГРИНН», «Очарованный странник», «Мечта», «Полесье») внедрили системы автоматизации бронирования.

IV этап: *Исследование состояния и тенденций развития сферы экскурсионного обслуживания РРТУ.* В Реестре экскурсоводов и гидов-переводчиков (РЭиГ) зафиксировано всего 10 аттестованных экскурсоводов. Услуги большинства из них представлены на *Tripster*, но отсутствуют на Официальном туристическом портале Орловской области. Экскурсии ориентированы исключительно на индивидуальных туристов, сборные группы не формируются.

V этап: *Исследование состояния и тенденций развития туристской инфраструктуры.* Выявлено, что горнолыжные трассы и пляжи, функционирующие в регионе, не прошли обязательную классификацию и отсутствуют в соответствующих реестрах (РГТ, РП). В регионе действуют два параллельных портала: Официальный туристический портал и Туристский информационный центр, которые характеризуются неактуальным контентом, редким обновлением, отсутствием функционала онлайн-бронирования, низкой технологичностью. Потенциал местных ИТ-разработчиков используется фрагментарно, единая система цифрового взаимодействия не сформирована.

VI этап: *Исследование экономических показателей развития туристической индустрии.* Статистические данные, свидетельствующие о совокупном состоянии рынка туристских услуг в Орловской области, показывают отрицательную динамику. Так, доля ВДС туристской индустрии Орловской области в значении суммарного показателя (по субъектам Российской Федерации) весьма низка и составила 0,2 % в 2019 и 2020 гг., 0,18 % – в 2021 и в 2022 гг. (снизилась), т. е. уменьшилась. Доля уплаченных налогов туроператорами – резидентами Орловской области с прибыли в бюджет местного уровня в 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 гг. от общего объема налоговых поступлений в результате осуществления деятельности организаций, виды которой определены разделом N ОКВЭД 2, соответственно составила 0,43; 1,17; 0,53; 0,62; 1,11 и 1,53 % и является весьма низкой. Вклад субъектов предпринимательства, осуществляющих деятельность, предусмотренную разделами I и N ОКВЭД 2, в валовую добавленную стоимость по Орловской области в 2023 г. составил 0,6 и 1,2 % соответственно.

VII этап: *Исследование интереса пользователей цифровой среды к туристским услугам в регионе.* Анализ запросов в «Яндекс.Вордстат» показал выраженную сезонность: пики интереса – июль и январь, минимум – февраль и декабрь; большая часть запросов («туры в Орел», «экскурсии в Орле», «гостиницы Орла») исходит с территории самого региона, что указывает на низкий внешний спрос; интерес со стороны других регионов спонтанен и ограничен.

VIII этап: *Выделение обстоятельств и проблем развития РРТУ.* На основе сопоставления данных по всем блокам исследования (полученные результаты исследования более подробно изложены в работе автора (Шмарков, 2025. С. 26–99)) выявлены системные проблемы развития рынка туристских услуг Орловской области²⁷:

²⁷ Выводы систематизированы в соответствии с траекторией этапов исследования (рис. 2).

Туроператорские организации, являющиеся резидентами Орловской области, не проявляют инициативы и активности в развитии въездного туризма в Орловскую область, преимущественно организуют туры по территориям других регионов (II этап) (далее – П1).

Предложения на внешних рынках туристских услуг в Орловской области не отличаются широтой разнообразия и ограниченно продвигаются несколькими столичными туроператорами, а экскурсионные программы – в основном туроператорами соседних регионов. Туроператоры пассивны в формировании новых туристских продуктов и услуг в Орловском регионе и в целом не демонстрируют активность в привлечении туристов в домашний регион (II этап). Деятельность лишь одного из девяти туроператоров (резидентов Орловской области) – ООО «Тур» – сосредоточена на формировании туристских потоков в Орловский регион (далее – П2).

Туроператорские организации, функционирующие в Орловской области, несмотря на наличие сайтов в сети Интернет, существенно отстают в применении современных цифровых технологий для продвижения и реализации туристских продуктов и услуг по сравнению с лидерами национального рынка. Только один туроператор (ООО «Меридиан») использует автоматизированную систему поиска и бронирования туров по ряду направлений туризма. Туроператоры, сосредоточившие свою деятельность на сфере внутреннего туризма и формирующие туристский поток из региона, как правило, используют витрины реализуемых туров или модули, позволяющие пользователям по базовым параметрам (даты, состав туристов, тип тура) подобрать предложения. На сайте единственного туроператора – ООО «Тур» – доступен функционал, позволяющий подобрать тур по базовым параметрам, однако без возможности онлайн-бронирования; в то же время пользователям ресурса предоставляется возможность забронировать гостиничные услуги кемпинга «Байдарочный порт» и приобрести дополнительные услуги (сплавы, прокат велосипедов и др.). Туроператор лишь частично использует национальную дистрибьюторскую сеть для реализации сформированных им турпродуктов (II этап) (далее – П3).

Рост показателя средней загрузки номерного фонда коллективных средств размещения Орловской области реально не свидетельствует о повышении интереса самостоятельных туристов к посещению региона, поскольку в них уменьшилось число мест (III этап) (далее – П4).

Средний годовой процент загрузки номерного фонда в коллективных средствах размещения Орловской области в 2024 г. составил 29,34 %, что существенно ниже значения этого показателя в ЦФО (в 2024 г. составила 40,44 %) (III этап) (далее – П5).

Приоритетными целями поездок лиц, размещенных в коллективных средствах размещения Орловской области, являются деловые и профессиональные цели (более 50 %, за исключением 2023 г. – 48,33 %), что свидетельствует о несформированности туристского имиджа и привлекательности региона, указывает на необходимость пересмотра стратегии и технологий развития туризма в регионе (III этап) (далее – П6).

Показатели «численность граждан, размещенных в коллективных средствах размещения», «цели их поездок» неоднозначно отражают действительное состояние регионального рынка туристских услуг Орловской области в период с 2022 г. и по настоящее время, поскольку методика их сбора не учитывает специфику перемещений граждан в настоящее время в связи с проведением СВО (III этап). Несмотря на положительную динамику статистических показателей, характеризующих состояние сферы гостеприимства, наблюдаем тенденцию преобладания деловых целей визитов в регион, что свидетельствует о несформированном у туристов восприятии Орловского региона как направления туризма. Сложившаяся практика требует корректировки. Необходимо формирование интереса российских и иностранных граждан к посещению региона с экскурсионными и рекреационными целями (далее – П7).

Потенциал креативных индустрий и предприятий сферы культуры недостаточно активно используется при организации обслуживания туристов в Орловском регионе (далее – П8).

Предприятия сферы гостеприимства реализуют политику продвижения услуг, минуя цифровое пространство, сформированное в регионе, ввиду его неразвитости и низкой технологичности. Функциональные сервисы используют только крупные средства размещения, однако малые отстают в вопросах организации автоматического бронирования их услуг (III этап) (далее – П9).

Деятельность экскурсоводов не упорядочена и не систематизирована. Игнорирование некоторыми гидами-экскурсоводами норм действующего законодательства влечет функционирование в теневом секторе экономики и, как следствие, снижение показателей вклада туристской индустрии в экономику региона (IV этап) (далее – П10).

За деятельностью субъектов туристской индустрии региона не установлен надлежащий контроль, в том числе за соблюдением норм действующего законодательства (IV этап) (далее – П11).

В регионе не сформирован перечень классифицированных туристских объектов, что препятствует выделению туристской инфраструктуры, востребованной потребителями. Ряд объектов туристской индустрии не выполнили требования законодательства в части прохождения обязательной классификации (V этап) (далее – П12).

Деятельность туристских информационных порталов в регионе не системна, их контент неактуален, а функционал ограничен. Цифровая среда неэффективно используется для продвижения и реализации региональных туристских продуктов и услуг (V этап) (далее – П13).

Несмотря на наличие в Орловской области компетентных разработчиков цифровых решений для продвижения туристских услуг, их потенциал используется фрагментарно, единая система информирования и продвижения туристских продуктов и услуг в регионе не сформирована (V этап) (далее – П14).

Доля ВДС туристской индустрии Орловской области в валовом региональном продукте (2 %, по данным на 2023 г.) не соответствует цели, поставленной Президентом РФ В. В. Путиным: удвоить число туристских поездок и нарастить вклад туризма в ВВП страны до 5 % (VI этап)²⁸ (далее – П15).

Интерес к посещению Орловского региона с туристскими целями низок. Треть поисковых запросов в сервисах «Яндекса» осуществляют жители г. Орла и Орловской области (VII этап) (далее – П16).

Недостаточность статистических показателей, характеризующих результаты и специфику деятельности организаций на региональном рынке туристских услуг, затрудняет анализ его состояния. В связи с этим приходится анализировать косвенные показатели (далее – П17).

В регионе не сформирована система сбора, обработки, эффективного предоставления информации о продуктах и услугах субъектов регионального рынка туристских услуг. Общепринятые индикаторы не позволяют сформировать целостное представление о состоянии и тенденции развития регионального рынка туристских услуг (далее – П18).

В Орловском регионе не сформирована система регулирования рынка туристских услуг, стратегическое планирование не сфокусировано на туризме. Действия региональных властей нацелены на решение текущих задач и развитие инфраструктуры; специфика, современные тенденции и технологии развития рынка туристских услуг не учитываются; инициативы в продвижении туристского бренда региона на внешних рынках и в переходе к использованию передовых цифровых технологий не наблюдаются (далее – П19).

Не определены четкие ориентиры и не сформированы действенные программы развития регионального рынка туристских услуг (далее – П20).

Систематизация выявленных проблем (П1 – П20) в сопоставлении с ключевыми процессами и функциональными доменами туристической деятельности позволила выделить три основных поля функционирования регионального рынка туристских услуг, в которых эти проблемы концентрируются и проявляются наиболее ярко (рис. 3), что формирует основу для аналитической модели функционирования РРТУ. Поля функционирования рынка туруслуг моделируются как пересечение трех компонентов: процессов (регулирование, продвижение, реализация, разработка продукта), субъектов (рыночные агенты, потребители) и характера предоставляемых услуг.

В результате отмечаем, что основные проблемы функционирования регионального рынка туристских услуг Орловской области сконцентрированы:

- в поле 1 «регулирование – субъекты» (отражает взаимодействие органов власти с бизнесом);
- поле 2 «продвижение – субъекты» (охватывает маркетинговую активность бизнеса и его цифровизацию);
- поле 3 «продвижение – потребители/реализация – потребители» (характеризует формирование спроса, интереса и конверсии туристов в регион).

²⁸ МЭР: доля туризма в ВВП будет расти за счет кластерных проектов и стимулирования инвестиционной активности. (2024, 29 февраля). Министерство экономического развития Российской Федерации. https://www.economy.gov.ru/material/news/mer_dolya_turizma_v_vvp_budet_rasti_zha_schet_klasternykh_proektov_i_stimulirovaniya_investicionnoy_aktivnosti.html

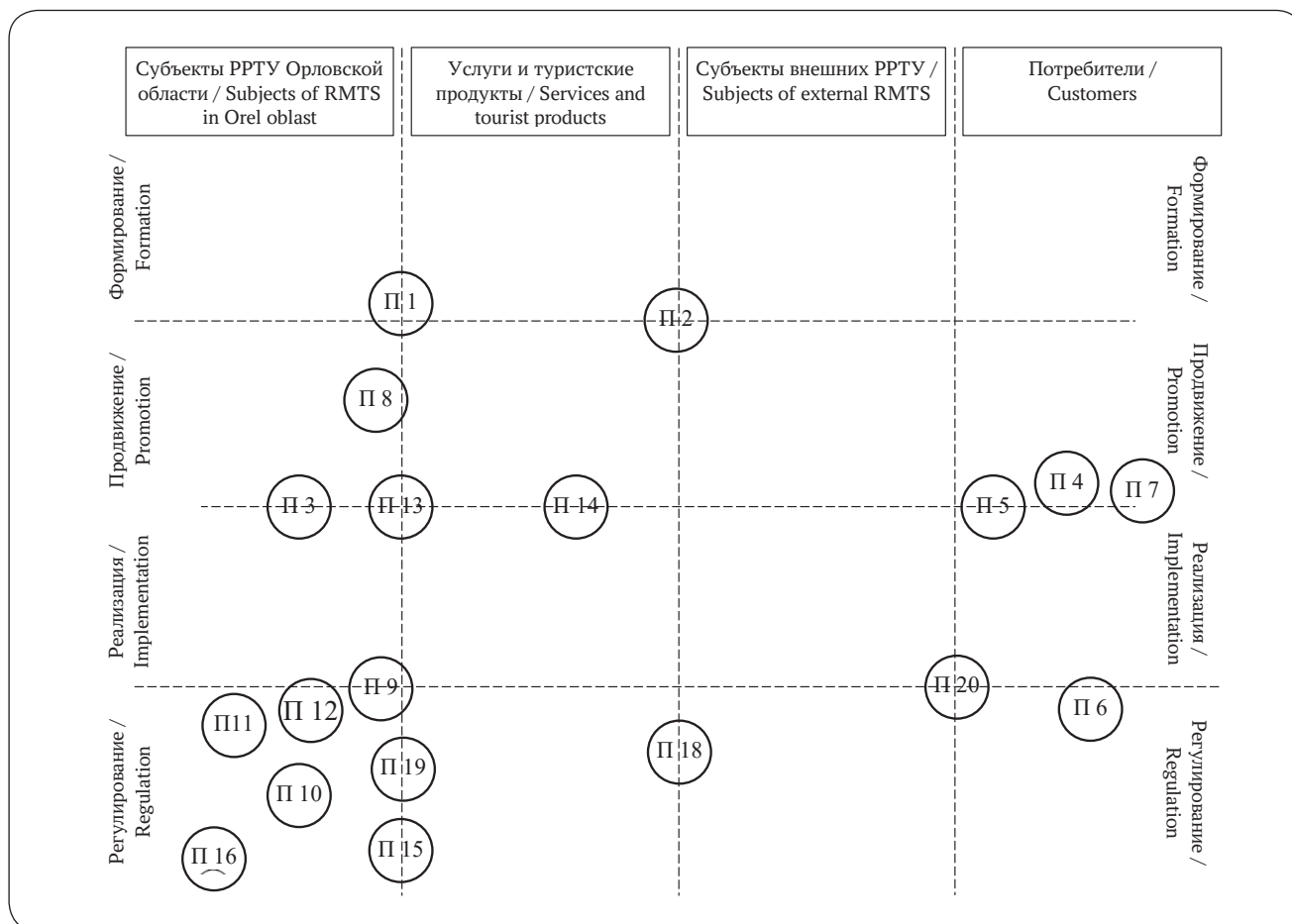

Рис. 3. Поля функционирования рынка туристских услуг Орловской области

Примечание: П1–П20 – проблемы, выделенные на основе анализа данных по методике исследования

Fig. 3. Areas of functioning of the tourist services market in Orel oblast

Note: П1–П20 – the problems identified by the data analysis using the research methodology

Проблемы, сосредоточенные в поле 1 («регулирование – субъекты»), обусловлены низкой вовлеченностью органов исполнительной власти в процессы формирования регионального рынка туристских услуг, а также отсутствием системных мер по созданию благоприятных условий для его функционирования и развития. Слабость регуляторной среды проявляется в несформированности стратегических приоритетов, дефиците целевых программ поддержки туризма и отсутствии координирующего органа с четко определенными полномочиями. Эти факторы являются ключевыми причинами низких показателей, характеризующих состояние РРТУ. В этих условиях необходимость реформирования системы управления туризмом становится стратегической задачей: требуется разработка модели регионального органа исполнительной власти, наделенного специализированными компетенциями в сфере туризма, способного обеспечить профессиональное, основанное на данных регулирование и долгосрочную стратегическую ориентацию.

Проблемы, выявленные в поле 2 («продвижение – субъекты»), свидетельствуют о низком уровне цифровой зрелости субъектов туристской индустрии. Недостаточная цифровизация деятельности гостиниц, туроператоров и экскурсоводов ограничивает их доступ к современным каналам дистрибуции, снижая конкурентоспособность на внешних рынках. Отсутствие консолидированной маркетинговой стратегии региона и эффективных инструментов ее реализации — таких как единый туристический портал, платформа автоматизированного бронирования или цифровые кампании — приводит к фрагментарности коммуникаций и минимизации усилий по привлечению туристов. В результате даже потенциально востребованные туристские продукты остаются невидимыми для широкой аудитории.

Проблемы поля 3 («продвижение – потребители») представляют собой одновременно следствие и усугубление проблем первых двух полей. Низкая востребованность туристских предложений Орловской области, преобладание деловых и профессиональных поездок), слабый интерес со стороны рекреационных туристов свидетельствуют о несформированности туристского имиджа региона. Это указывает на то, что спрос не генерируется ни государственной политикой, ни бизнес-инициативами, а формируется экстерриториально, преимущественно за счет экономической активности, а не туристической привлекательности.

Концентрация системных проблем в трех выделенных полях функционирования РРТУ оказывает существенное влияние на его экономическую эффективность и устойчивое развитие. В этой связи стратегия трансформации регионального рынка туристских услуг должна быть сфокусирована на следующих приоритетах:

- реформировании системы управления туризмом, включая создание специализированного органа с полномочиями в сфере стратегического планирования, регулирования и поддержки;
- определении приоритетных направлений и видов туризма (например, активный, культурно-исторический, событийный) с формированием «магнитов» и «точек роста», вокруг которых будет концентрироваться деятельность участников рынка;
- разработке и реализации комплексных маркетинговых программ продвижения Орловской области как туристического направления на национальном и международном уровнях;
- совершенствовании цифровой инфраструктуры, включая создание единой цифровой платформы, интегрированной с национальными и международными дистрибьюторскими сетями, повышающей роль региональных ресурсов в туристском обмене.

Среди комплексных проблем, частично выходящих за рамки основных полей, следует отметить технологическую отсталость в продвижении туристских продуктов (П2). Узкий ассортимент и низкое качество предлагаемых турпродуктов, формируемых резидентами РРТУ, ограничивают интерес крупных национальных туроператоров к реализации маршрутов по Орловской области²⁹. При этом сами субъекты рынка не используют потенциал цифровых платформ дистрибуции (*GDS*, агрегаторы), что исключает возможность масштабного привлечения организованного туризма.

Кроме того, неэффективное администрирование региональных информационных ресурсов (П14) (в части наполнения контента, его актуальности, функциональности и интеграции с внешними системами) препятствует формированию положительного восприятия региона у потенциальных туристов. Это свидетельствует об отсутствии единой медийной стратегии и глубокого понимания цифрового взаимодействия с потребителем.

Наконец, технологическая отсталость используемых сервисов ограничивает сбор и анализ данных о поведении туристов (П18), что затрудняет выявление мотивационных паттернов, прогнозирование спроса и выстраивание персонализированных коммуникаций. Это лишает регион возможности формировать банк данных, необходимый для поиска новых точек роста и адаптации предложения к меняющимся рыночным условиям.

Полученные результаты позволяют заключить, что региональный рынок туристских услуг Орловской области находится в состоянии структурного застоя, обусловленного взаимосвязанными дисфункциями в сферах регулирования, продвижения и потребительского восприятия. Для перехода от декларативной политики к практическому развитию туризма требуется не просто набор тактических мероприятий, а глубокая системная трансформация, направленная на создание интегрированной, устойчивой и цифрово-ориентированной туристской экосистемы региона.

Заключение

Разработанная методика позволяет преодолеть ключевой недостаток существующих подходов – фрагментарность анализа. Она обеспечивает системное понимание состояния РРТУ через интеграцию данных о предложении, спросе и экономических эффектах, что делает возможным выявление скрытых дисбалансов и формирование обоснованных рекомендаций по трансформации рынка.

²⁹ Эксперты Минэкономразвития дали честную оценку орловскому туризму. (2025, 19 августа). Орелtimes. <https://oreltimes.ru/news/obshchestvo/jeksperty-minjekonmrazvitiya-dali-chestnuju-ocenku-orlovskomu-turizmu/>

Отличие предложенной методики от реализованных подходов состоит:

- в выделении и детализированном исследовании сфер регионального рынка туристских услуг (туризма, гостеприимства, экскурсионных услуг и др.);
- использовании системы источников информации и показателей, наиболее полно учитывающих современную структуру и состав участников регионального рынка туристских услуг;
- включении в процедуру исследования анализа практики и аспектов использования цифровых технологий субъектами туристской индустрии;
- реализации системного подхода к исследованию регионального рынка туристских услуг;
- увязке результатов исследования состояния к выделению проблем функционирования регионального рынка туристских услуг.

Использование гармонично дополняющих доступных показателей о деятельности субъектов регионального рынка туристских услуг в части предложенной системы и схемы исследования составляют новизну разработанной методики. Практическая значимость ее использования заключается в получении более полного представления о состоянии и специфике функционирования регионального рынка туристских услуг, что позволяет пошагово выделить и структурировать проблемы его трансформации. Такая информация является весьма полезной для руководства региона и органов исполнительной власти, наделенных полномочиями в сфере туризма, для выработки механизмов и принятия решений по активизации туризма и росту экономики региона. Полученные выводы обладают практической значимостью и могут быть использованы органами исполнительной власти и бизнес-сообществом для разработки целевых управленческих решений, направленных на повышение экономической эффективности и конкурентоспособности туристской индустрии региона.

Исследование продолжается в рамках следующего этапа – разработки стратегических мер по трансформации регионального рынка туристских услуг. Акцент сделан на внедрение современных цифровых технологий и формирование эффективной системы регулирования, адаптированной к условиям цифровой экономики.

Список литературы

- Аксенова, Е. И., Петрова, Г. Д., Чернышев, Е. В., Юдина, Н. Н. (2020). Рекреационный потенциал медицинского туризма России. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 28, 1180–1185. EDN: UCGHUA. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1180-1185
- Арутюнян, С. А., Яхонтова М. В. (2019) Современное состояние и проблемы развития туризма в Астраханской области. *Вестник евразийской науки*, 6(11), 1–12. EDN: LZRSRY
- Александрова, А. Ю. (2017). Формирование интегрированной системы статистики туризма в Российской Федерации. *Вестник Московского университета*, 6(1), 41–61. EDN: YGJEBZ
- Арефьев, А. С., Савельева, Н. А., Симонян, А. Р., Жербо, Л. (2022). Применение методологии качественного исследования «Основание теории» в изучении потребностей заинтересованных сторон туристской дестинации и разработке цифровой отраслевой платформы. *Теоретическая и прикладная экономика*, 4, 1–19. EDN: UNIMCM. DOI: 10.25136/2409-8647.2022.4.38767
- Бобко, К. И., Затеякин, О. А., Бобко, Т. В. (2025). Туризм как фактор диверсификации региональной экономики (на примере Кемеровской области – Кузбасса). *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*, 20(2), 180–198. EDN: DEYILK. DOI: 10.17072/1994-9960-2025-2-180-198
- Богомазова, И. В., Климова, Т. Б. (2022). Цифровые сервисы и туристская экосистема в развитии внутреннего туризма. *Экономика. Информатика*, 49(4), 718–730. EDN: XFWWVF. DOI: 10.52575/2687-0932-2022-49-4-718-730
- Большаков, С. Н., Михальченкова, Н. А. (2019). Состояние и оценка рынка туристских услуг республики Коми. *Региональные проблемы преобразования экономики*, 2(100), 125–137. EDN: EHCROH. DOI: 10.26726/1812-7096-2019-2-125-137
- Вахрамеева, М. В., Розанова, Т. П., Салин, В. Н., Шпаковская, Е. П. (2016). Международные стандарты формирования системы показателей статистики туризма. *Журнал правовых и экономических исследований*, 3, 95–103. EDN: WJTOGT
- Величина, А. В. (2014). Оценка развития туристской инфраструктуры региона. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 2(32), 239–250. EDN: SEKWTL. DOI: 10.15838/esc/2014.2.32.18
- Гамидуллаева, Л. А., Финогеев, А. Г. (2023). Методические подходы к управлению развитием отраслевых экосистем (на примере туристской индустрии). *π-Economy*, 16(2), 7–23. EDN: PLTWMN. DOI: 10.18721/JE.16201
- Гладкий, А. В. (2019) Общественно-географические методы научных исследований региональных рынков туристских услуг. *Псковский регионологический журнал*, 2(38), 86–103. EDN: WUPAUF

Гущина, Е. Г., Витальева, Е. М. (2024). Цифровизация как новая реальность в управлении туристским рынком России. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*, 26(3), 122–133. EDN: QIJCYC. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2024.3.10

Дочкина, А. А., Градусова, В. Н. (2025). Сравнительная характеристика развития туризма в регионах Приволжского федерального округа. *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*, 17(1), 39–49. EDN: YIQXXI

Ермакова, Ж. А., Полякова, И. Л. (2024). Организационные аспекты межрегионального взаимодействия в рамках формирования, продвижения и реализации туристских продуктов. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, 4, 26–36. EDN: WPJHKK. DOI: 10.25198/2077-7175-2024-4-26

Желнина, З. Ю. (2021). Туризм Мурманской области как драйвер развития территории. *Общество: политика, экономика, право*, 9(98), 65–75. EDN: OMFPUV. DOI: 10.24158/per.2021.9.11

Забураева, Х. Ш., Шаипова, А. А. (2025). Горные регионы России как центры развития экологического туризма. *Геология и геофизика Юга России*, 15(1), 180–193. EDN: KTEQIP. DOI: 10.46698/VNC.2025.26.88.015

Зевеке, О. Ю., Гришина, Т. В., Шадченко, Н. Ю., Сырникова, Л. В. (2019). Обзор существующих международных и российских методик оценки туристского потока. *Горизонты экономики*, 3(49), 19–28. EDN: HTWUWO

Зырянов, А. И., Королёв, А. Ю., Мышлявцева, С. Э., Сафарян, А. А. (2017). Организация территорий активного туризма на Урале. *Современные проблемы сервиса и туризма*, 11(3), 130–141. EDN: ZFBGGV. DOI: 10.22412/1995-0411-2017-11-3-130-141

Ивлева, О. В., Шабляускене, Е. В. (2024). Развитие туристской индустрии Калининградской области в цифрах и ключевых показателях. *Сервис в России и за рубежом*, 18, 4(113), 55–64. EDN: MQOTIY. DOI: 10.5281/zenodo.14513732

Карлов, А. Н., Богатырев, Р. А. (2020). Развитие туризма в Российской Федерации как вектор реализации туристского потенциала в регионах. *Среднерусский вестник общественных наук*, 15(6), 191–200. EDN: OQWWSR. DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-6-191-200

Карпова, Г. А., Кучумов, А. В., Сиренко, О. О., Еремичева, П. Ю. (2024). Основные тенденции развития цифрового предпринимательства в туризме. *Сервис в России и за рубежом*, 18, 3(112), 16–25. EDN: AVPIPV. DOI: 10.5281/zenodo.14254290

Карпова Г. А., Песоцкая Е. В., Ткачев В. А. (2017). Туристско-информационные центры и их роль в повышении конкурентоспособности туристских кластеров. *Сервис plus*, 11(3), 11–20. EDN: ZFDGBJ. DOI: 10.22412/1993-7768-11-3-2

Киреева, М. М., Павленко, И. Г. (2021). Методический подход к оценке использования ресурсного потенциала территории для развития внутреннего туризма. *Journal of New Economy*, 22(2), 23–43. EDN: XZBZKG. DOI: 10.29141/2658-5081-2021-22-2-2

Кислова, Ю., Казунина, А. (2015). Анализ объемов и структуры туристских потоков на территорию региона (на примере города Москвы): методология и проблемы оценки. *Логистика*, 7, 12–23. EDN: UCTDKP

Ковалева, М. А., Щебарова, Н. Н. (2022). Анализ влияния туристического кластера на развитие региональной экономики на примере Мурманской области. *Управленческий учет*, 1–2, 231–240. EDN: XXWOQZ. DOI: <https://doi.org/10.25806/uu1-22022231-240>

Королева, И. С., Марциневская, Л. В. (2018). Культурно-исторический потенциал как ресурс для развития регионального туризма. *Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса*, 4(2), 11–19. EDN: YLKWNF. DOI: 10.18413/2408-9346-2018-4-2-0-2

Кошечев, Д. А., Исопескуль, О. Ю., Третьякова, Е. А. (2018). Российская модель региональной кластерной политики в туризме: теоретические и практические аспекты. *Журнал экономической теории*, 15(4), 607–620. EDN: YSTWFN. DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-4.6

Курносова, Е. А. (2015). Методика исследования регионального рынка туристских услуг. *Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета*, 1(6), 103–107. EDN: VWWXSD

Леонидова, Е. Г. (2022). Приоритеты и угрозы развития регионального туризма. *Регионология*, 3(30), 624–646. EDN: EEJSZZ. DOI: 10.15507/2413-1407.120.030.202203.624-646

Лукашенко, Т. Р., Охрименко, Е. И. (2022). Туризм в регионе: определяющие факторы и направления развития на современном этапе. *Экономика, предпринимательство и право*, 12(11), 3023–3036. EDN: MMLUSG. DOI: 10.18334/err.12.11.116647

Макринова, Е. И., Лысенко, В. В., Фалимендилов, И. В. (2020). Приоритетные направления развития и поддержки внутреннего туризма в условиях ограничительных мер Российской экономики. *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*, 6(85), 23–36. EDN: FTXXZW. DOI: 10.21295/2223-5639-2020-6-23-36

Максанова, Л. Б. Ж., Дамбуева, М. М. (2016). Региональные подходы к совершенствованию системы статистики туризма. *Вестник ВСГУТУ*, 1(58), 81–88. EDN: GHHRXN

Максанова, Л. Б. Ж., Хребтова, Т. А., Бадмацыренова, М. Б. (2023). Туризм в Дальневосточном федеральном округе: современное состояние и перспективы развития. *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*, 3, 65–75. EDN: GHHRXN. DOI: <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2023-3-65-75>

Миненкова, В. В., Филобок, А. А., Коновалова, А. В., Морозов, А. Н. (2021). Круизный туризм в Азово-Черноморском бассейне России. *Современные проблемы сервиса и туризма*, 15(3), 69–83. EDN: QFZCEA. DOI: 10.24412/1995-0411-2021-3-69-83

- Миролюбова, Т. В., Зырянов, А. И., Мышлявцева, С. Э., Николаев, Р. С., Ворончихина, Е. Н., Фирсова, А. В. (2023). Особенности и перспективы развития внутреннего и въездного туризма в региональной экономике Пермского края. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет. EDN: EXREDT
- Морозов, М. А., Морозова, Н. С. (2021). Региональные особенности развития туристской инфраструктуры и их влияние на туризм. *Регионоведение*, 29(3), 588–610. EDN: UWAOSR. DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.588-610
- Морошкина, М. В., Кондратьева, С. В. (2021). Региональная доступность как фактор развития туристского направления. *Регионоведение*, 29(1), 60–81. EDN: TOPVDQ. DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.060-081
- Мякишин, В. Н., Шапаров, А. Е., Тиханова, Д. В. (2021). Совершенствование оценки туристского потенциала субъектов Арктической зоны РФ. *Экономика региона*, 17(1), 235–248. EDN: WMDOAD. DOI: 10.17059/ekon. reg.2021-1-18
- Нюренбергер, Л. Б., Новгородов, П. А., Мальгин, А. В., Петренко, Н. Е. (2022). Российский рынок туристских услуг: современное состояние, проблемы, региональная специфика. *Креативная экономика*, 16(12), 5079–5100. EDN: WRJHWQ. DOI: 10.18334/ce.16.12.116658
- Оборин, М. С. (2020a). Религиозный туризм как особый вид социально-культурной деятельности. *Сервис в России и за рубежом*, 14(2), 147–156. EDN: JYVQVO. DOI: 10.24411/1995-042X2020-10213
- Оборин, М. С. (2020b). Образовательный туризм как перспективное направление развития молодежных путешествий. *Сервис в России и за рубежом*, 14(3), 86–96. EDN: PIBPSM. DOI: 10.24411/1995-042X-2020-10306
- Оборин, М. С. (2023). Стратегия адаптации управления бизнес-структурами к кризисным условиям на основе компромисса. *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*, 18(4), 389–408. EDN: PCQZTN. DOI: 10.17072/1994-9960-2023-4-389-408
- Овчаренко, Л. А., Лебезова, Э. М. (2021). Цифровизация как новая парадигма управления. *Век качества*, 4, 106–126. EDN: PWKZKB
- Павлова, Ю. Ю. (2022). Проблемы и перспективы развития редких видов туризма в Архангельской области. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*, 4, 85–93. EDN: XEGBYW. DOI: 10.21686/2413-2829-2022-4-85-93
- Песоцкая, Е. В., Селютина, Л. Г. (2021). Концепции маркетинга в управлении предпринимательской деятельностью на рынке туристских услуг. *Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса*, 7(1), 23–37. EDN: OGYHCB. DOI: 10.18413/2408-9346-2021-7-4-0-3
- Плисецкий, Е. Е., Леонард, К. С., Ильина, И. Н. (2022). Переосмысление моногородов: ориентация на развитие туризма. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 2, 114–141. EDN: VXGSBM. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-3-114-141
- Предводителева, М. Д., Решетникова, К. В., Пустов Л. Ю., Голубовская П. А. (2023). Российские туристические технологические стартапы в 2020–2023 гг.: адаптация к вызовам и перспективы развития. *Российский журнал менеджмента*, 21(3), 419–439. EDN: WXSPSL. DOI: 10.21638/spbu18.2023.306
- Пшеничных, Ю. А. (2021). Актуальные проблемы неравномерного распределения туристских потоков и пространственного развития туризма в Ростовской области. *Сервис в России и за рубежом*, 15(3), 119–130. EDN: KYNETX. DOI: 10.24412/1995-042X-2021-3-119-130
- Романцова, Д. В., Доценко, А. А. (2022). Кадровый голод туристской индустрии Приморского края. *Сервис в России и за рубежом*, 16(2), 112–120. EDN: AXJARK. DOI: 10.24412/1995-042X2022-2-112-120
- Саранча, М. А. (2020) Оценка конкурентоспособности туристских сфер государств Балтийского региона. *Балтийский регион*, 12(3), 147–165. EDN: DCXXHA. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-3-9
- Семеркова, Л. Н., Зинченко, С. В., Бижанова, Е. М. (2019). Актуальные проблемы неравномерного распределения туристских потоков. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, 1(49), 168–178. EDN: VAOAMS. DOI: 10.21685/2072-3016-2019-1-17
- Сизенева, Л. А. (2018). Методика оценки потребительской привлекательности региональных туристских продуктов. *Сервис в России и за рубежом*, 12, 3(81), 90–111. EDN: YVMBQT. DOI: 10.24411/1995-042X-2018-10307
- Ситкевич, Д. А. (2024). Ресурсы и барьеры развития внутреннего туризма в российских регионах: опыт Дагестана. *Вестник Московского университета, Серия 6. Экономика*, 59(1), 203–220. EDN: IOTZGN. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-1-10
- Степанова, С. В., Шулепов, В. И. (2018). Туристская инфраструктура региона в муниципальном разрезе: подходы к оценке. *Вестник Поволжского государственного технологического университета. Экономика и управление*, 4(40), 5–16. EDN: YWGNWX. DOI: 10.15350/2306-2800.2018.4.5
- Строева, А. Г., Иволга, А. Г., Елфимова, Ю. М. (2021) Сельский туризм как перспективное направление развития сельских территорий регионов России. *Сервис в России и за рубежом*, 15, 2(94), 110–120. EDN: DNBHRG. DOI: 10.24412/1995-042X-2021-2-110-120
- Тельных, В. В. (2019) Рынок туристских услуг Красноярского края: тенденции и особенности развития. *Фундаментальные исследования*, 2, 26–31. EDN: VVZEYO
- Трошкина, И. Н. (2022). Инновационные направления развития туризма на местах (опыт Республики Хакасия). *Сервис в России и за рубежом*, 16, 3(100), 64–75. EDN: DONKDM. DOI: 10.24412/1995-042X-2022-3-64-75

Федулин, А. А., Погребова, Е. С., Афанасьев, О. Е., Афанасьева, А. В. (2023). Формы и направления организации и реализации общественно-полезных туристских программ для молодежи. *Сервис в России и за рубежом*, 17, 3(105), 5-20. EDN: UWUISS. DOI: 10.5281/zenodo.8140211

Фролова, Е. В., Рогач, О. В. (2023). Ограничения и перспективы развития внутреннего туризма в регионах России. *Экономика региона*, 19(1), 208-219. EDN: BPDONH. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-16

Хаирова, Э. А. (2020). Анализ современного состояния развития туризма республики Крым. *Вестник Алтайской академии экономики и права*, 10(1), 89-94. EDN: FWWICG. DOI: 10.17513/vaael.1351

Ходаковская, О. П. (2023). Внедрение цифровых технологий в сфере туризма на примере города-курорта Сочи. *Вестник Алтайской академии экономики и права*, 11-2, 316-322. EDN: UWHVIA. DOI: 10.17513/vaael.3094

Ходаковская, О. П. (2024). Обзор результатов проведения мониторинга состояния и развития конкурентной среды на региональном рынке туризма. *Известия Субтропического научного центра Российской академии наук*, 4(3), 45-53. EDN: HRZPXA. DOI: 10.31360/2949-4591-2024-4-3-45-53

Цветков, А. Ю. (2023). Перспективы арктического туризма в России в современных условиях. *Арктика и Север*, 51, 233-246. EDN: JKVCPX. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.233

Шабалина, Н. В., Азина, Е. А., Каширина, Е. С. (2021). Потенциал российских регионов для развития промышленного туризма. *Современные проблемы сервиса и туризма*, 15(2), 58-67. EDN: DQZZOZ. DOI: 10.24412/1995-0411-2021-2-58-67

Шабанова, Л. Б., Юсупова, Г. Р., Кабиров, И. С. (2022). Трансформация индустрии туризма как следствие пандемии и санкций. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*, 7(4), 511-520. EDN: QHCPCV. DOI: 10.21603/2500-3372-2022-7-4-511-520

Шмарков, М. С., Цёхла, С. Ю., Шмаркова, Л. И., Казакова, М. В. (2024). Гастрономический туризм как драйвер развития регионального рынка туристских услуг: оценка состояния и перспективы. *Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса*, 10(4), 67-83. EDN: HDPBYW. DOI: 10.18413/2408-9346-2024-10-4-0-5

Шмарков, М. С., Шмаркова, Л. И. (2024). Оценка и сравнение туристского потенциала и общественных рейтингов регионов в задаче развития регионального рынка туристских услуг (на примере Орловской области). *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 729-758. EDN: BXAGMO. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.729-758

Шмарков, М. С., Шмаркова, Л. И., Шмаркова, Е. А. (2021). Адаптация деятельности предприятий туристской индустрии к кризисным условиям. *Вестник ОрелГИЭТ*, 2(56), 37-41. EDN: EYPZUZ. DOI: 10.36683/2076-5347-2021-2-56-37-41

Шмарков, М. С. (2025). Региональный рынок туристских услуг Орловской области: трансформация и перспективы развития. ОГУ имени И. С. Тургенева. ISBN 978-5-9929-1966-0.

Шнорр, Ж. П. (2023). Совершенствование методических подходов к оценке развития регионального рынка гостиничных услуг. *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*, 3(100), 48-61. EDN: CRAXIS. DOI: 10.21295/2223-5639-2023-3-48-61

Шпырня, О. В., Коренева, М. В. (2019). Новые технологии развития рынка туристских услуг. *Научный вестник Южного института менеджмента*, 4, 113-116. EDN: VRVVDH. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-4-113-116

Янкевич, Е. М. (2021). Оценка социально-экономических эффектов формирования региональной туристической дестинации. *Право. Экономика. Психология*, 4(24), 59-68. EDN: ETEHQZ

Aguinis, H., Kraus, S. A., Poček, J., Meyer, N., & Jensen, S. H. (2023). The why, how, and what of public policy implications of tourism and hospitality research. *Tourism Management*, 97, 104720. EDN: LFNPN. DOI: 10.1016/j.tourman.2023.104720

Gozgor, G., Lau, C. K., Lin, Z., & Zeng, Y. (2024). The impact of digital governance on tourism development. *Journal of Digital Economy*, 3, 1-13. EDN: DQPHUA. DOI: 10.1016/j.jdec.2024.05.003

Kato, H. (2025). Spatial patterns and geographic characteristics of tourism-accommodation intensity hotspots in Kyoto city. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*, 6(1), 100178. <https://doi.org/10.1016/j.annale.2025.100178>

Lei, Z., Shanghong, S., & Jie, C. (2024). Study on the influence of global tourism development on the upgrading of county industrial structure. *Heliyon* 10, e39287. EDN: SBNGRI. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e39287

Mizrachi, I., & Gretzel, U. (2020). Collaborating against COVID-19: bridging travel and travel tech. *Information Technology & Tourism* (pp. 489-496). EDN: DHSRIN. DOI: 10.1007/s40558-020-00192-0

Pjanić, M. (2019). Economic effects of tourism on the world economy. In *4th International Thematic Monograph: Modern Management Tools and Economy of Tourism Sector in Present Era* (pp. 291-305). <https://doi.org/10.31410/tmt.2019.291>

Primayesa, E., Widodo, W., & Sugiyanto, F. X. (2023). Tourism Spatial Spillover Effect and Economic Growth in Indonesia. *Economika Regiona*, 19(4), 1161-1176. EDN: OLRFMJ. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-16

Robina-Ramírez, R., Torrecilla-Pinero, J., Leal-Solís, A., & Pavón-Pérez, J. A. (2023). Tourism as a driver of economic and social development in underdeveloped regions. *Regional Science Policy & Practice*, 1-19. EDN: WOOSGS. DOI: 10.1111/rsp3.12639

Sharma, G. D., Taheri, B., Cichon, D., Parihar, J. S., & Kharbanda, A. (2024). Using innovation and entrepreneurship for creating edge in service firms: A review research of tourism and hospitality industry. *Journal of Innovation & Knowledge*, 9(4), 100572. EDN: CRWRWL. DOI: 10.1016/j.jik.2024.100572

Singh, D., & Alam, Q. (2024). Is tourism expansion the key to economic growth in India? An aggregate-level time series analysis. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*, 5(2), 100126. <https://doi.org/10.1016/j.annale.2024.100126>

Su, Y., Cherian, J., Sial, M., Badulescu, A., Phung Anh, Badulescu, D., & Samad Does, S. (2021). Tourism Affect Economic Growth of China? A Panel Granger Causality Approach. *Sustainability*, 13(3). EDN: ZRSDPU. DOI: 10.3390/su13031349

- Tan, Y.-T., Gan, P.-T., Hadi, F. S. A., & Gamal, A. A. M. (2025). Tourism's Impact on Economic and Human Development: Evidence from ASEAN 5. *Economika Regiona*, 21(1), 166–179. EDN: DMKEMO. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-1-12
- Zhang, J. (2017) Analysis of the factors affecting the efficiency of regional tourism growth in China. *Proceedings of the 7th International conference on education, management, information and mechanical engineering (EMIM 2017)* (pp. 1601–1605). <https://doi.org/10.2991/emim-17.2017.324>

References

- Aguinis, H., Kraus, S. A., Poček, J., Meyer, N., & Jensen, S. H. (2023). The why, how, and what of public policy implications of tourism and hospitality research. *Tourism Management*, 97, 104720. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2023.104720>
- Aksenova, E. I., Petrova, G. D., Chernyshev, E. V., & Yudina, N. N. (2020). Recreational potential of medical tourism of Russia. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 28, 1180–1185. (In Russ.). <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1180-1185>
- Aleksandrova, A. Yu. (2017). Construction of the integrated tourism statistics system in the Russian Federation. *Moscow University Economics Bulletin*, 6(1), 41–61. (In Russ.).
- Arefyev, A. S., Saveleva, N. A., Simonyan, A. R., & Gerbaud, L. (2022). Application of the qualitative research methodology grounded theory in studying of the needs of tourist destination stakeholders and developing digital industry platform. *Theoretical and Applied Economics*, 4, 1–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2022.4.38767>
- Arutyunyan, S. A., & Yahontova, M. V. (2019). The current state and problems of development of tourism in the Astrakhan region. *Vestnik evraziyskoy nauki*, 6(11). (In Russ.).
- Bobko, K. I., Zatepyakin, O. A., & Bobko, T. V. (2025). Tourism as a diversification factor for the economy of Kemerovo region – Kuzbass. *Perm University Herald. Economy*, 20(2), 180–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2025-2-180-198>
- Bogomazova, I. V., & Klimova, T. B. (2022). Digital services and the tourist ecosystem in the development of domestic tourism. *Economics. Information Technologies*, 49(4), 718–730. (In Russ.). <https://doi.org/10.52575/2687-0932-2022-49-4-718-730>
- Bolshakov, S. N., & Mikhanchenkova, N. A. (2019). The state and tourism services market assessment in the Komi Republic. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2(100), 125–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-2-125-137>
- Dochkina, A. A., & Gradusova, V. N. (2025). Comparative characteristics of tourism development in the regions of the Volga Federal District. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravительstve Respubliki Mordoviya*, 17(1), 39–49. (In Russ.).
- Ermakova, J. A., & Polyakova, I. L. (2024). Organizational aspects of interregional cooperation in the framework of the formation, promotion and sale of tourism products. *Intellect. Innovation. Investments*, 4, 26–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-4-26>
- Fedulin, A. A., Pogrebova, E. S., Afanasiev, O. E., & Afanasieva, A. V. (2023). Socially beneficial tourism programs for young people: the forms and directions of their organization and implementation. *Services in Russia and Abroad*, 17, 3(105), 5–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.5281/zenodo.8140211>
- Frolova, E. V., & Rogach, O. V. (2023). Limitations and Development Prospects of Domestic Tourism in Russian Regions. *Economy of Regions*, 19(1), 208–219. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-16>
- Gamidullaeva, L. A., & Finogeev, A. G. (2023). Methodological approaches to managing the development of sectoral ecosystems (on the example of the tourism industry). *π-Economy*, 16(2), 7–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.18721/JE.16201>
- Gladkey, A. V. (2019) Socio-geographical methods of scientific research of tourist services' regional markets. *Pskovskiy Regionologicheskij Zhurnal*, 2(38), 86–103. (In Russ.).
- Gozgor, G., Lau, C. K., Lin, Z., & Zeng, Y. (2024). The impact of digital governance on tourism development. *Journal of Digital Economy*, 3, 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.jdec.2024.05.003>
- Gushchina, E. G., & Vitalyeva, E. M. (2024). Digitalization as a new reality in the management of the Russian tourism market. *Journal of Volgograd State University. Economics*, 26(3), 122–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2024.3.10>
- Ivleva, O. V., & Shablyauskene, E. V. (2024). Development of the tourism industry of the Kaliningrad region in numbers and key indicators. *Services in Russia and Abroad*, 18, 4(113), 55–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.5281/zenodo.14513732>
- Karlov, A. N., & Bogatyrev, R. A. (2020). Development of tourism in the Russian Federation as a vector of realization the tourist potential in the regions. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 15(6), 191–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-6-191-200>
- Karpova G. A., Pesotskaya E. V., Tkachev V. A. (2017). Tourist information centers and their role in enhancing the competitiveness of tourism clusters. *Service Plus*, 11(3), 11–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.22412/1993-7768-11-3-2>
- Karpova, G. A., Kuchumov, A. V., Sirenko, O. O., & Eremicheva, P. Yu. (2024). The main trends in the development of digital entrepreneurship in tourism. *Services in Russia and Abroad*, 18, 3(112), 16–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.5281/zenodo.14254290>
- Kato, H. (2025). Spatial patterns and geographic characteristics of tourism-accommodation intensity hotspots in Kyoto city. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*, 6(1), 100178. <https://doi.org/10.1016/j.annale.2025.100178>
- Khairova, E. A. (2020). Analysis of the current state of tourism development in the Republic of Crimea. *Vestnik Altajskoy Akademii Ekonomiki i Prava*, 10(1), 89–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.17513/vaael.1351>

- Khodakovskaya, O. P. (2023). Introduction of digital technologies in the field of tourism on the example of the resort city of Sochi. *Vestnik Altajskoy Akademii Ekonomiki i Prava*, 11–2, 316–322. (In Russ.). <https://doi.org/10.17513/vaael.3094>
- Khodakovskaya, O. P. (2024). Review of the results of monitoring the state and development of the competitive environment in the regional tourism market. *Proceedings of the Subtropical Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 4(3), 45–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.31360/2949-4591-2024-4-3-45-53>
- Kireeva, M. M., & Pavlenko, I. G. (2021). Methodological approach to assessing the resource potential of a territory for the domestic tourism development. *Journal of New Economy*, 22(2), 23–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2021-22-2-2>
- Kislova, Yu., & Kazunina, A. (2015). Analysis of the Volume and Structure of Tourist Flows to the Region (the Case of Moscow): Methodology and Evaluation Issues. *Logistika*, 7, 12–23. (In Russ.).
- Koroleva, I. S., & Marcinowska, L. V. (2018). Historical-cultural potential as a resource for the development of regional tourism. *Research Result. Business and Service Technologies*, 4(2), 11–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2018-4-2-0-2>
- Koshcheev, D. A., Isopeskul, O. Yu., & Tretyakova, E. A. (2018). Russian model of regional cluster policy in tourism: theoretical and practical issues. *Russian Journal of Economic Theory*, 15(4), 607–620. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2018.15-4.6>
- Kovaleva, M. A., & Shchebarova, N. N. (2022). Analysis of the impact of the tourism cluster on the development of the regional economy on the example of the Murmansk region. *Upravlencheskiy Uchet*, 1–2, 231–240. (In Russ.). <https://doi.org/10.25806/uu1-22022231-240>
- Kurnosova, E. A. (2015) Methods study of regional tourism market. *Vestnik Molodykh Uchenykh i Specialistov Samarskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 1(6), 103–107. (In Russ.).
- Lei, Z., Shanghong, S., & Jie, C. (2024). Study on the influence of global tourism development on the upgrading of county industrial structure. *Heliyon* 10, e39287. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e39287>
- Leonidova, E. G. (2022). Priorities and threats for the development of regional tourism. *Russian Journal of Regional Studies*, 3(30), 624–646. (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/2413-1407.120.030.202203.624-646>
- Lukashenok, T. R., & Okhrimenko, E. I. (2022). Tourism in the region: determinants and development trends at the present stage. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 12(11), 3023–3036. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/epp.12.11.116647>
- Makrinova, E. I., Lysenko, V. V., & Falimendikov, I. V. (2020). Priority areas for development and support of domestic tourism under restrictive measures. *Vestnik Belgorodskogo Universiteta Cooperacii, Ekonomiki i Prava*, 6(85), 23–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2020-6-23-36>
- Maksanova, L. B. Zh., & Dambueva, M. M. (2016). The regional approaches to improving the system of tourism statistics. *ESSUTM Bulletin*, 1(58), 81–88. (In Russ.).
- Maksanova, L. B. Zh., Khrebtova, T. A., & Badmatsyrenova, M. B. (2023). Tourism in the Far Eastern Federal District: current state and developmental prospects. *BSU Bulletin. Economics and Management*, 3, 65–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2023-3-65-75>
- Minenkova, V. V., Filobok, A. A., Konovalova, A. V., & Morozov, A. N. (2021). Cruise tourism in the Azov-Black Sea basin of Russia. *Service and Tourism: Current Challenges*, 15(3), 69–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1995-0411-2021-3-69-83>
- Mirolyubova, T. V., Zyryanov, A. I., Myshlyavtseva, S. E., Nikolaev, R. S., Voronchikhina, E. N., & Firsova, A. V. (2023). *Features and development prospects of the domestic and incoming tourism in the regional economy of Perm region*: monograph. Perm: Perm University. (In Russ.).
- Mizrachi, I., & Gretzel, U. (2020). Collaborating against COVID-19: bridging travel and travel tech. *Information Technology & Tourism* (pp. 489–496). <https://doi.org/10.1007/s40558-020-00192-0>
- Moroshkina, M. V., & Kondrateva, S. V. (2021). Regional accessibility as a factor in the development of a tourist destination. *Russian Journal of Regional Studies*, 29(1), 60–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.060-081>
- Morozov, M. A., & Morozova, N. S. (2021). Regional features of development of tourism infrastructure and their impact on tourism. *Russian Journal of Regional Studies*, 29(3), 588–610. (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.588-610>
- Myakshin, V. N., Shaparov, A. E., & Tikhanova, D. V. (2021). Improving the assessment of the tourism potential of the Russian Arctic. *Economy of Regions*, 17(1), 235–248. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon. reg.2021-1-18>
- Nyurenberger, L. B., Novgorodov, P. A., Malgin, A. V., & Petrenko, N. E. (2022). The Russian market of tourist services: state-of-the-art, problems and regional specifics. *Creative Economy*, 16(12), 5079–5100. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/ce.16.12.116658>
- Oborin, M. S. (2020a). Religious tourism as a special type of socio-cultural activity. *Services in Russia and Abroad*, 14(2), 147–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1995-042X2020-10213>
- Oborin, M. S. (2020b). Educational tourism as a promising development direction of youth travel in Russia. *Services in Russia and Abroad*, 14(3), 86–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10306>
- Oborin, M. S. (2023). A compromise based adaptation strategy for business structure management in crisis. *Perm University Herald. Economy*, 18(4), 389–408. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2023-4-389-408>
- Ovcharenko, L. A., & Lebezova, E. M. (2021). Digitalization as a new paradigm tourism development management. *Age of Quality*, 4, 106–126. (In Russ.).
- Pavlova, Yu. Yu. (2022). Problems and prospects of developing rare types of tourism in the Arkhngelsk region. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 4, 85–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-4-85-93>
- Pesotskaya, E. V., Selyutina, L. G. (2021). Marketing concepts in business management in the market of tourist services. *Research Result. Business and Service Technologies*, 7(1), 23–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2021-7-4-0-3>

- Pjanić, M. (2019). Economic effects of tourism on the world economy. In *4th International Thematic Monograph: Modern Management Tools and Economy of Tourism Sector in Present Era* (pp. 291–305). <https://doi.org/10.31410/tmt.2019.291>
- Plisetsky, E. E., Leonard, K. S., & Ilyina, I. N. (2022). Redefining one-industry towns: targeting tourist development. *Public Administration Issues*, 2, 114–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-3-114-141>
- Predvoditeleva, M. D., Reshetnikova, K. V., Pustov, L. Yu., & Golubovskaya, P. A. (2023). Russian travel technological startups in 2020–2023: the adaptation to challenges and development perspectives. *Russian Management Journal*, 21(3), 419–439. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu18.2023.306>
- Primayesa, E., Widodo, W., & Sugiyanto, F. X. (2023). Tourism Spatial Spillover Effect and Economic Growth in Indonesia. *Economika Regiona*, 19(4), 1161–1176. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-16>
- Pshenichnykh, Yu. A. (2021). Topical problems of uneven distribution of tourist flows and spatial tourism development in Rostov region. *Services in Russia and Abroad*, 15(3), 119–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1995-042X-2021-3-119-130>
- Robina-Ramírez, R., Torrecilla-Pinero, J., Leal-Solís, A., & Pavón-Pérez, J. A. (2023). Tourism as a driver of economic and social development in underdeveloped regions. *Regional Science Policy & Practice*, 1–19. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12639>
- Romantsova, D. V., & Dotsenko, A. A. (2022). Personnel hunger in the tourism industry of Primorsky Krai. *Services in Russia and Abroad*, 16(2), 112–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1995-042X2022-2-112-120>
- Sarancha, M. A. (2020) Assessing competitiveness of the Baltic states in tourism. *Baltiiskii Region*, 12(3), 147–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2020-3-9>
- Semerikova, L. N., Zinchenko, S. V., & Bizhanova, E. M. (2019). Actual problems of uneven distribution of tourist streams. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*, 1(49), 168–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-1-17>
- Shabalina, N. V., Azina, E. A., & Kashirina, E. S. (2021). The potential of Russian regions for industrial tourism development. *Service and Tourism: Current Challenges*, 15(2), 58–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1995-0411-2021-2-58-67>
- Shabanova, L. B., Yusupova, G. R., & Kabirov, I. S. (2022). Transformation of the tourism industry after covid-19 pandemic and sanctions. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 7(4), 511–520. (In Russ.). <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-511-520>
- Sharma, G. D., Taheri, B., Cichon, D., Parihar, J. S., & Kharbanda, A. (2024). Using innovation and entrepreneurship for creating edge in service firms: A review research of tourism and hospitality industry. *Journal of Innovation & Knowledge*, 9(4), 100572. <https://doi.org/10.1016/j.jik.2024.100572>
- Shmarkov, M. S., Tsyokhla, S. Yu., Shmarkova, L. I., & Kazakova, M. V. (2024). Gastronomic tourism as a driver of the development of the regional market of tourist services: assessment of the state and prospects. *Research Result. Business and Service Technologies*, 10(4), 67–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2024-10-4-0-5>
- Shmarkov, M. S., & Shmarkova, L. I. (2024). Assessment and comparison of tourist potential and public ratings of regions for the regional tourist market development (by the example of Orel region). *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 729–758. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.729-758>
- Shmarkov, M. S., Shmarkova, L. I., & Shmarkova, E. A. (2021). Adaptation of tourism enterprises activities to crisis conditions. *OrelGIET Bulletin*, 2(56), 37–41. (In Russ.). <http://doi.org/10.36683/2076-5347-2021-2-56-37-41>
- Shmarkov, M. S. (2025). *Regional market of tourist services in Orel oblast: transformation and development prospects*. Orel State University. (In Russ.).
- Shnorr, Zh. P. (2023). Improvement of methodological approaches to the assessment of the hotel services regional market development. *Vestnik Belgorodskogo Universiteta Kooperacii, Ekonomiki i Prava*, 3(100), 48–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2023-3-48-61>
- Shpyrnya, O. V., & Koreneva, M. V. (2019). New technologies for tourist services market development. *Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*, 4, 113–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2019-4-113-116>
- Singh, D., & Alam, Q. (2024). Is tourism expansion the key to economic growth in India? An aggregate-level time series analysis. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*, 5(2), 100126. <https://doi.org/10.1016/j.annale.2024.100126>
- Sitkevich, D. A. (2024). Resources and barriers to the development of internal tourism in Russian regions: evidence from Dagestan. *Moscow University Economics Bulletin*, 59(1), 203–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-1-10>
- Sizeneva, L. A. (2018). Methodology for assessing the consumer attractiveness of regional tourist products. *Services in Russia and Abroad*, 12, 3(81), 90–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2018-10307>
- Stepanova, S. V., & Shulepov, V. I. (2018). Tourist infrastructure in a municipality: approaches to assess. *Vestnik of Volga State University of Technology. Series: Economy and Management*, 4(40), 5–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.15350/2306-2800.2018.4.5>
- Stroeveva, A. G., Ivolga, A. G., & Elfimova, Yu. M. (2021) Rural tourism as a promising direction for the rural areas development in Russian regions. *Services in Russia and Abroad*, 15, 2(94), 110–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1995-042X-2021-2-110-120>
- Su, Y., Cherian, J., Sial, M., Badulescu, A., Phung Anh, Badulescu, D., & Samad Does, S. (2021). Tourism Affect Economic Growth of China? A Panel Granger Causality Approach. *Sustainability*, 13(3), <https://doi.org/10.3390/su13031349>
- Tan, Y.-T., Gan, P.-T., Hadi, F. S. A., & Gamal, A. A. M. (2025). Tourism's Impact on Economic and Human Development: Evidence from ASEAN 5. *Economika Regiona*, 21(1), 166–179. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-1-12>
- Telnykh, V. V. (2019) Market of tourist services of Krasnoyarsk region: trends and features of development. *Fundamentalnye Issledovaniya*, 2, 26–31. (In Russ.).

Troshkina, I. N. (2022). Innovative directions of local tourism development (experience of the Republic of Khakassia). *Services in Russia and Abroad*, 16, 3(100), 64–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1995-042X-2022-3-64-75>

Tsvetkov, A. Y. (2023). Prospects of arctic tourism in Russia in current conditions. *Arctic and North*, 51, 233–246. (In Russ.). <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.233>

Vakhrameeva, M. V., Rozanova, T. P., Salin, V. N., & Shpakovskaya, E. P. (2016). International standards of creating tourism statistics indicators system. *Journal of Legal and Economic Studies*, 3, 95–103. (In Russ.).

Velichkina, A. V. (2014). Assessment of the regional tourism infrastructure development. *Economicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*, 2(32), 239–250. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc/2014.2.32.18>

Yankevich, E. M. (2021). Assessment of Social and Economic Effects of Shaping a Regional Tourist Destination. *Right. Economy. Psychology*, 4(24), 59–68. (In Russ.).

Zaburaeva, H. S., & Shaipova, A. A. (2025). Mountain regions of Russia as centers for the development of ecological tourism. *Geology and Geophysics of Russian South*, 15(1), 180–193. (In Russ.). <https://doi.org/10.46698/VNC.2025.26.88.015>

Zeveke, O. Yu., Grishina, T. V., Shadchenko, N. Yu., & Syrnikova, L. V. (2019). Review of existing international and Russian methods of evaluation of tourist flow. *Horizons of Economics*, 3(49), 19–28. (In Russ.).

Zhang, J. (2017) Analysis of the factors affecting the efficiency of regional tourism growth in China. In *Proceedings of the 7th International Conference on Education, Management, Information and Mechanical Engineering (EMIM 2017)* (pp. 1601–1605). <https://doi.org/10.2991/emim-17.2017.324>

Zheltnina, Z. Y. (2021). Tourism of the Murmansk region as a driver of territory development. *Obshchestvo: Politika, Ekonomika, Pravo*, 9(98), 65–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/pep.2021.9.11>

Zyrianov, A. I., Korolyov, A. Yu., Myshlyavtseva, S. E., & Safaryan, A. A. (2017). Arranging the territories of active tourism in Ural. *Service and Tourism: Current Challenges*, 11(3), 130–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.22412/1995-0411-2017-11-3-130-141>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Показатели, используемые в научной литературе при анализе состояния сферы туризма в российских регионах

Показатель	В. В. Тельных (Тельных, 2019)	С. А. Арутюнян, М. В. Яхонтова (Арутюнян, Яхонтова, 2019)	Ю. А. Пшеничных (Пшеничных, 2021)	Е. М. Янкевич (Янкевич, 2021)	Т. В. Миролюбова, А. И. Зырянов, С. Э. Мышляцева, Р. С. Николаев, Е. Н. Ворончихина, А. В. Фирсова (Миролюбова, 2023)	Т. Р. Лукашенко, Е. И. Охрименко (Лукашенко, Охрименко, 2022)	З. Ю. Желнина (Желнина, 2021)	Л. Б.-Ж. Максимова, Т. А. Хребтова, М. Б. Бадмацзыренова (Максимова и др., 2023)	Э. А. Хаирова (Хаирова, 2020)	И. Н. Трошкина (Трошкина, 2022)	О. В. Ивлева, Е. В. Шабляускене (Ивлева, Шабляускене, 2024)	М. А. Саранча (Саранча, 2020)
Число КСР/численность КСР	+	+						+			+	
Число классифицированных средств размещения								+				
Количество санаторно-курортных учреждений				+				+				
Число номеров в КСР					+					+	+	
Количество мест в КСР	+				+							
Численность лиц, обслуженных в КСР					+							
Численность лиц/граждан, размещенных в КСР		+	+		+	+	+	+		+	+	
Численность иностранных граждан, размещенных в КСР			+								+	

Продолжение приложения

Показатель	В. В. Тельных (Тельных, 2019)	С. А. Арутюнян, М. В. Яхонтова (Арутюнян, Яхонтова, 2019)	Ю. А. Пшеничных (Пшеничных, 2021)	Е. М. Янкевич (Янкевич, 2021)	Т. В. Миролюбова, А. И. Зырянов, С. Э. Мышлавецкая, Р. С. Николаев, Е. Н. Ворончихина, А. В. Фирсова (Миролюбова, 2023)	Т. Р. Лукашенко, Е. И. Охрименко (Лукашенко, Охрименко, 2022)	З. Ю. Желнина (Желнина, 2021)	Л. Б.-Ж. Максимова, Т. А. Хребтова, М. Б. Бадмацзыренова (Максимова и др., 2023)	Э. А. Хаирова (Хаирова, 2020)	И. Н. Трошкина (Трошкина, 2022)	О. В. Ивлева, Е. В. Шабляускене (Ивлева, Шабляускене, 2024)	М. А. Саранча (Саранча, 2020)
Удельный вес российских и иностранных граждан, размещенных в КСР										+		
Площадь номерного фонда КСР										+		
Число ночевок в КСР				+	+							
Коэффициент использования номерного фонда					+							
Число лиц, обслуженных в КСР					+							
Объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, санаторно-курортных организаций					+							
Объем доходов КСР		+	+	+	+							
Инвестиции в основной капитал средств размещения										+		
Число турфирм	+	+	+			+						+
Количество туроператоров		+						+	+			
Число турагентов		+										
Число занимающихся экскурсионной деятельностью		+										
Количество лиц, работающих в туристических фирмах	+									+		+
Доходы турфирм/средства, поступившие от реализации туристского продукта			+									+
Объем доходов туроператоров, турагентств, услуг по бронированию и прочих сопутствующих					+							
Число/стоимость реализованных населению туристских путевок/турпакетов	+	+										
Количество рабочих мест в сфере туризма				+								
Доли услуг в области туризма в общей структуре платных услуг населению					+							
Туристский поток									+		+	
Число туристов, отправленных турфирмами по России						+	+					
Количество туристов в регионе							+			+		

Показатель	В. В. Тельных (Тельных, 2019)	С. А. Арутюнян, М. В. Яхонтова (Арутюнян, Яхонтова, 2019)	Ю. А. Пшеничных (Пшеничных, 2021)	Е. М. Янкевич (Янкевич, 2021)	Т. В. Миролюбова, А. И. Зырянов, С. Э. Мышлянцева, Р. С. Николаев, Е. Н. Ворончихина, А. В. Фирсова (Миролюбова, 2023)	Т. Р. Лукашенко, Е. И. Охрименко (Лукашенко, Охрименко, 2022)	З. Ю. Желнина (Желнина, 2021)	Л. Б.-Ж. Максимова, Т. А. Хребтова, М. Б. Бадмацзыренова (Максимова и др., 2023)	Э. А. Хаирова (Хаирова, 2020)	И. Н. Трошкина (Трошкина, 2022)	О. В. Ивлева, Е. В. Шабляускене (Ивлева, Шабляускене, 2024)	М. А. Саранча (Саранча, 2020)
Структура туристского потока в регион									+			
Число прибытий иностранных граждан и граждан РФ											+	
Число организованных туристов и экскурсантов				+								
Рост заработной платы занятых в сфере туризма				+								
Объем платных услуг в области туризма на душу населения					+							
Индекс внутреннего туризма							+					
Выручка объектов розничной торговли и розничного питания / оборот общественного питания	+		+	+								
Доходы от предоставляемых услуг / размер поступлений в бюджет				+		+						
Объем платных услуг населению								+		+		
Вклад в занятость населения сферы гостиниц и предприятий общественного питания			+									
Число реализованных услуг населению									+			
Стоимость реализованных услуг населению									+			
Средняя цена обеда						+						
Объем расходов домашних хозяйств на услуги центров отдыха и туризм							+					
Число культурных объектов (музеи, театры, зоопарки, цирки и др.)	+		+									
Количество сертифицированных горнолыжных трасс								+				
Количество особо охраняемых природных территорий федерального значения								+				
Объем налоговых поступлений туристско-рекреационной сферы									+	+		
Валовая добавленная стоимость туристской индустрии											+	

Окончание приложения

Показатель	В. В. Тельных (Тельных, 2019)	С. А. Арутюнян, М. В. Яхонтова (Арутюнян, Яхонтова, 2019)	Ю. А. Пшеничных (Пшеничных, 2021)	Е. М. Янкевич (Янкевич, 2021)	Т. В. Миролюбова, А. И. Зырянов, С. Э. Мышлявцева, Р. С. Николаев, Е. Н. Ворончихина, А. В. Фирсова (Миролюбова, 2023)	Т. Р. Лукашенко, Е. И. Охрименко (Лукашенко, Охрименко, 2022)	З. Ю. Желнина (Желнина, 2021)	Л. Б.-Ж. Максанова, Т. А. Хребтова, М. Б. Бадмацпыренова (Максанова и др., 2023)	Э. А. Хайрова (Хайрова, 2020)	И. Н. Трошкина (Трошкина, 2022)	О. В. Ивлева, Е. В. Шабляускене (Ивлева, Шабляускене, 2024)	М. А. Саранча (Саранча, 2020)
Размер налогов, поступивших в бюджет				+								
Удельный вес доходов от туризма в ВВП (ВРП) / доля туристской добавленной стоимости в ВРП			+	+								
Туристские запросы в Интернете												+

Представленный перечень отражает наиболее востребованные показатели и не является исчерпывающим по причине весьма большого спектра используемых показателей и разночтений в их понимании (что выявлено при проведении обзора и следует из приведенных в таблице сведений). Нюансы их интерпретаций или детализаций определяют различия в подходах.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 18.08.2025
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 11.11.2025
Дата принятия в печать / Accepted 11.11.2025

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ / CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

Редактор рубрики Р. А. Григорьев / Rubric editor R. A. Grigoryev

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.856-881>

УДК / UDC 327:[004:336.02:336.7]

Э. Л. Сидоренко¹

¹ Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России,
г. Москва, Россия

Многополярная финансовая архитектура: кластерный анализ альтернативных платежных систем

Сидоренко Элина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России; Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека
E-mail: 12011979@list.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4741-0184>
Web of Science Researcher ID: P-9046-2015
eLIBRARY SPIN-код: 3744-0382

Аннотация

Цель: анализ современных тенденций формирования альтернативных трансграничных платежных систем в условиях геополитической фрагментации, санкционного давления и формирования нарративов финансовой суверенности государств. Особое внимание в работе уделяется роли цифровых валют центральных банков (*Central Bank Digital Currency, CBDC*), цифровых финансовых активов и мультilaterальных платформ как инструментов дедолларизации и создания многополярной глобальной финансовой архитектуры.

Методы: исследование основано на применении общенаучных методов познания (анализ, синтез, системный подход, моделирование), междисциплинарного подхода с привлечением теорий международных отношений (неореализм, мир-системный анализ, институционализм, конструктивизм), а также кластерного анализа геополитических стратегий и сравнительного исследования архитектур цифровых платежных инициатив (включая проекты Банка международных расчетов – *mBridge, Dunbar, Jura*).

Результаты: выявлены основные векторы, целевые ориентиры и инструменты реализации альтернативных платежных проектов; оценены преимущества и риски инициатив Банка международных расчетов; выявлены четыре основных геополитических кластера с отличающимися стратегиями развития цифровых платежных систем: американско-европейский (оборонительный), азиатско-тихоокеанский (инновационно-экспансионистский), ближневосточный (шариатско ориентированный) и латиноамериканский (инклюзивный). Показано, что ключевыми барьерами для создания универсальных альтернативных систем являются регуляторная несогласованность, технологическая несовместимость и геополитическое противодействие. Определена стратегия России как «селективная интеграция», использующая точки пересечения интересов между кластерами для обеспечения финансового суверенитета.

© Сидоренко Э. Л., 2025

Научная новизна: впервые предложена интегративная модель анализа альтернативных платежных систем, объединяющая структурный, идеационный, стратегический и внутривластный уровни. Введена оригинальная типология геополитических кластеров цифровых платежей, и обоснована концепция «селективной интеграции» как стратегии России в условиях многополярного финансового порядка.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы при разработке национальной и международной политики в сфере цифровых финансов, формировании стратегий по созданию межгосударственных платежных платформ (в рамках БРИКС, ШОС, ЕАЭС), а также при проектировании правовых и технологических решений для обеспечения финансовой устойчивости и суверенитета в условиях санкционного давления.

Ключевые слова:

криптоминер и цифровые финансы, альтернативные платежные системы, цифровая валюта центрального банка (CBDC), трансграничные расчеты, дедолларизация, финансовый суверенитет, геополитические кластеры, транзакции, платформы, интероперабельность, блокчейн, санкции

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Сидоренко, Э. Л. (2025). Многополярная финансовая архитектура: кластерный анализ альтернативных платежных систем. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 856–881. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.856-881>

Scientific article

E. L. Sidorenko¹

¹ Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia

Multipolar financial architecture: cluster analysis of alternative payment systems

Elina L. Sidorenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs; Council under the President of the Russian Federation for the development of civil society and human rights
E-mail: 12011979@list.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4741-0184>
Web of Science Researcher ID: P-9046-2015
eLIBRARY SPIN-code: 3744-0382

Abstract

Objective: to analyze current trends in the formation of alternative cross-border payment systems in the context of geopolitical fragmentation, sanctions pressure, and the formation of narratives of financial sovereignty of states. The author pays special attention to the role of Central Bank digital currencies (CBDC), digital financial assets and multilateral platforms as tools for de-dollarization and the creation of a multipolar global financial architecture.

Methods: the research applies general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, system approach, modeling), an interdisciplinary approach involving theories of international relations (neorealism, world-system analysis, institutionalism, constructivism), as well as cluster analysis of geopolitical strategies and comparative study of architectures of digital payment initiatives (including the Bank for International Settlements projects like mBridge, Dunbar, Jura).

Results: the article identifies the main vectors, targets and tools for the implementation of alternative payment projects; assesses the advantages and risks of the Bank for International Settlements initiatives; and identifies four main geopolitical clusters with differing strategies for the development of digital payment systems: American-European (defensive), Asia-Pacific (innovative and expansionist), Middle East (Sharia-oriented) and Latin American (inclusive). The author showed that the key barriers to the creation of universal alternative systems are regulatory inconsistency, technological incompatibility, and geopolitical opposition. Russia's strategy is defined as "selective integration", using points of intersection of interests between clusters to ensure financial sovereignty.

Scientific novelty: for the first time, an integrative model for the analysis of alternative payment systems was proposed, combining structural, ideological, strategic and domestic policy levels. The author introduced an original typology of geopolitical clusters of digital payments and substantiated the concept of “selective integration” as Russia’s strategy in a multipolar financial order.

Practical significance: the research results can be used in the development of national and international policies in the field of digital finance, in the formation of strategies for the creation of interstate payment platforms (within BRICS, SCO, and EAEU), as well as in the design of legal and technological solutions to ensure financial stability and sovereignty under the sanctions pressure.

Keywords:

alternative payment systems, central bank digital currency (CBDC), cross-border settlements, de-dollarization, financial sovereignty, geopolitical clusters, transactions, platforms, interoperability, blockchain, sanctions, crypto-world and digital finance

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Sidorenko, E. L. (2025). Multipolar financial architecture: cluster analysis of alternative payment systems. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 856–881. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.856-881>

Введение

Глобальная система трансграничных платежей находится в кризисе эффективности. Несмотря на масштабные международные усилия, инициированные G20 с 2020 г., прогресс в достижении целей по снижению стоимости, увеличению скорости, повышению прозрачности и доступности платежей к 2027 г. является недостаточным, а в некоторых аспектах – регрессирующим. По данным Совета по финансовой стабильности (FSB) за 2024 г., ни один регион или сегмент рынка не достиг всех целевых показателей¹. Средняя стоимость розничных платежей остается в 2–3 раза выше целевого уровня (1 %), а скорость операций в ключевых сегментах экономики снижается. Основными причинами являются технологическая фрагментация, несогласованное регулирование и доминирование устаревшей корреспондентской банковской модели².

Глобальный запрос на создание более устойчивых и суверенных механизмов трансграничных расчетов стал очевиден после введения США финансовых санкций против России (Манушин, 2024). В ответ на санкционное давление, отключение российских банков от системы *SWIFT* и общую неуверенность в стабильности доллара США страны БРИКС, Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС) стали разрабатывать стратегии, направленные на создание независимой трансграничной расчетной инфраструктуры. В настоящее время данные стратегии закреплены в ключевых документах саммитов этих объединений³.

Наиболее яркими проявлениями новой финансовой повестки стали инициативы, принятые на XVI саммите БРИКС в Казани в октябре 2024 г.⁴ и XXV саммите ШОС в Тяньцзине в сентябре 2025 г.⁵ В частности,

¹ Promoting Global Financial Stability: 2024 FSB Annual Report. (2024, November 18). <https://www.fsb.org/2024/11/promoting-global-financial-stability-2024-fsb-annual-report/>

² Yash Kalash, S. (2025, June). How Central Banks Are Shaping the Future of Digital Currencies. CIGI Paper, 322. https://www.cigionline.org/static/documents/DADW_Kalash_3.pdf

³ Торговля ЕАЭС и БРИКС: перспективы создания новых систем. (2023, 21 сентября). Sputnik. <https://sputnik.by/20230921/torgovlya-eaes-i-briks-perspektivy-sozdaniya-novykh-sistem-raschetov-1079638110.html>; БРИКС разработал Трансграничную платежную инициативу. (2024, 23 октября). Цифровые закупки. <https://zakupki-digital.ru/goszakaz/novosti/briks-razrabotal-transgranichnuju-platelnju-iniciativu-bcbpi/>

⁴ Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация 23 октября 2024 года. https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d14d/6272/6906/a464/0000/original/Казанская_декларация.pdf?1732890957

⁵ По итогам саммита ШОС в Китае подписано 20 документов. (2025, 1 сентября). Eurasia Today. <https://eurasiatoday.ru/po-itogam-sammita-shos-v-kitae-podpisanj-20-dokumentov-spisok/>

в Казанской декларации БРИКС содержится поручение министрам финансов и главам центральных банков стран-участниц изучить возможность создания независимой расчетно-депозитарной инфраструктуры *BRICS Clear* и перестраховочной компании *BRICS (Re)Insurance* на добровольной основе⁶. Аналогичные шаги предприняты и в рамках ШОС: на саммите в Тяньцзине была принята Тяньцзиньская декларация, которая также подтверждает намерение углублять сотрудничество в финансовой сфере, учреждать Банк развития ШОС и увеличивать долю национальных валют во взаимных расчетах⁷. Эти документы формируют общую правовую и политическую базу для дальнейших действий, однако добровольный и консенсусный характер сводит на нет потенциал этих мер.

В ЕАЭС также ведется активная работа по изучению возможных архитектур межгосударственных цифровых расчетов. Еще в 2016 г. главы государств-членов подписали «Заявление о цифровой повестке ЕАЭС»⁸. В последующие годы были приняты Решение № 12 от 11 октября 2017 г. и Стратегия развития до 2025 г., которые детализировали направления цифровизации⁹. В августе 2023 г. Коллегия Европейской экономической комиссии утвердила правила признания электронной подписи при трансграничном взаимодействии, а в сентябре 2024 г. начался проект цифровизации техрегламентов. Для обеспечения верификации электронных документов был создан специальный ГИС «Доверенная третья сторона» (ДТС)¹⁰.

Очевидно, что обозначенные выше меры, предпринимаемые в рамках союзов и интеграционных объединений, создают необходимую правовую и технологическую основу для внедрения платежных платформенных решений, но, к сожалению, такие решения находятся на начальном этапе своего развития во многом из-за непонимания на уровне геополитических акторов целевых установок, конечных результатов и показателей эффективности межстрановых цифровых платежных инициатив, особенно в их преломлении к современной экономической, правовой и геополитической ситуации.

Аморфность геополитических акторов продвижения идей альтернативных платежных систем усиливается мозаичностью правовых подходов к регулированию цифровой валюты и токенизированных активов в национальном законодательстве. Ярким образцом неоднородности подходов является регуляторный ландшафт стран БРИКС: в Бразилии цифровые активы регулируются, но не признаются валютой; в Индии они облагаются налогом; в Китае операции с цифровыми валютами запрещены, но развивается собственная цифровая валюта центрального банка – (далее – *CBDC* (цифровой юань)); в ЮАР вообще нет закона о цифровых активах. Но, несмотря на очевидные трудности в части продвижения межгосударственных платежных инициатив, крупные геополитические игроки все же работают над созданием интегрированных цифровых сервисов.

И для положительных прогнозов имеются весомые основания.

Во-первых, альтернативные платежные системы – это мощный геополитический стимул. «Заморозка» США \$300 млрд резервов ЦБ РФ, отключение российских банков от *SWIFT* создало «травму доверия» у всех стран, зависимых от доллара: Китая, Индии, Ирана, Саудовской Аравии, Турции, Бразилии, ЮАР, Индонезии и др. Доллар перестал восприниматься как «нейтральный» инструмент (Барановский, 2025).

Во-вторых, существуют конкретные технологии и неплохие первоначальные юридические предпосылки для запуска цифровых платежных проектов (Кравченко, 2024). Российский пилот цифрового рубля, китайский цифровой юань и рынок ЦФА в России создают необходимую технологическую базу. Экономические выгоды, такие как потенциальная экономия в \$30 млрд в год в БРИКС, послужат мощным мотивом для реализации цифровых платежных проектов¹¹.

⁶ БРИКС изучит вопрос создания трансграничной расчетно-депозитарной инфраструктуры. (2024, 23 октября). Интерфакс. <https://www.interfax.ru/world/988206>

⁷ Тяньцзиньская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. (2025, 1 сентября). <http://kremlin.ru/supplement/6376>

⁸ Заявление о цифровой повестке Евразийского экономического союза. https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/4d5/zayavlenie-o-tsifrovoy-povestke-EAES-kopiya_ppodpisannoe.pdf

⁹ Цифровая повестка ЕАЭС в контексте глобальных трендов цифровой трансформации. (2024). Евразийский банк развития. https://fci.eabr.org/upload/EDB_Digital_Technologies_2024-12-16_web.pdf

¹⁰ Цифровая повестка ЕАЭС. Евразийский экономический союз. <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d7c/TSifrovaya-povestka-Strategicheskoe-videnie.pdf>

¹¹ Предложенная Россией система расчетов сэкономит БРИКС до \$30 млрд в год. (2024, 10 октября). РБК. <https://www.rbc.ru/economics/10/10/2024/6707f5be9a7947a605ad89b3>

Но, с другой стороны, жизнеспособность этих проектов подвергается серьезному испытанию несколькими ключевыми факторами. В числе основных из них можно обозначить трудности достижения геополитического консенсуса в рамках таких широких и разнообразных альянсов, как БРИКС и ШОС. Заметным препятствием для развития платежных инициатив является технологическая и регуляторная несовместимость, а также отсутствие единых для стран-партнеров геополитических установок и нарративов, которые бы позволили противостоять идеологическому и инфраструктурному прессингу Запада при развитии альтернативных платежных систем. Межгосударственные объединения развивают свои цифровые программы вне рамок контекста современного геополитического дискурса, а потому в большинстве своем не имеют долгосрочных стратегий и набора эффективных инструментов для противодействия влиянию геополитических оппонентов, настаивающих на сохранении существующего финансового порядка (Королев, Кудряшов, 2025).

Важно понимать, что активная работа над альтернативными платежными системами – это уже раскол мирового порядка: мультиполярность против однополярности (Кирдина-Чэндлер, 2022). Запад стремится сохранить монополию на правила игры, не-западный мир настаивает на «многополярности», где каждая региональная зона имеет право на собственные финансовые протоколы. Но для того, чтобы такие системы были созданы и могли стать достойной альтернативой традиционной долларовой модели, они должны быть рассмотрены в срезе мировых экономических политических процессов, с оглядкой на современные геополитические нарративы и накал геополитического дискурса.

В соответствии с изложенным целью настоящего исследования являются системный анализ и оценка перспектив развития межгосударственных платежных инициатив с опорой на ключевые геополитические нарративы разработчиков.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение ряда важных исследовательских задач:

- рассмотреть идеологические и методологические предпосылки развития альтернативных цифровых платежных систем и оценить возможность интеграции подходов ключевых акторов новых платежных инициатив;
- проанализировать базовые архитектуры и модели интероперабельности цифровых проектов;
- дать оценку платежным инициативам Банка международных расчетов как с позиции их технологической состоятельности, так и с точки зрения их геополитической востребованности и функциональной значимости;
- предложить кластерный анализ современных цифровых платежных инициатив и на его основе сформулировать ряд предложений, касающихся перспектив и направлений развития российских проектов транснациональных цифровых платежей.

Результаты исследования

Альтернативные цифровые платежные системы в контексте современного геополитического дискурса: основные подходы

Полагаем, не будет преувеличением сказать, что современный геополитический дискурс переживает глубокую трансформацию: традиционные инструменты влияния – военная сила, торговые соглашения – все чаще дополняются или даже вытесняются технологическими и финансовыми рычагами. В условиях обострения международной конфронтации, санкционных ограничений и стремления к многополярности именно цифровые платежные инфраструктуры становятся новым полем стратегического соперничества. Цифровые валюты центральных банков (ЦБДЦ) и токенизированные активы уже не воспринимаются лишь как технологические инновации; они превращаются в элементы национальной безопасности, инструменты дедолларизации и символы технологического суверенитета. Проблема, однако, заключается в том, что эти масштабные процессы редко рассматриваются в едином аналитическом поле, что затрудняет выработку целостной концепции.

Преодоление фрагментарности в установках и построение новой глобальной расчетной стратегии многополярного мира возможны только на основе комплексного анализа современных позиций и нарративов. Именно такой синтез позволяет выявить не только технические и правовые рамки будущих платежных систем, но и глубинную логику, формирующую их архитектуру, а также оценить, насколько предлагаемые теории способны отвечать вызовам цифровой эпохи – от вопросов суверенитета и безопасности до требований эффективности и инклюзивности.

Мощную теоретическую базу под обоснование неизбежности формирования альтернативных платежных систем подводит **неореализм** Кеннета Уолца (Waltz, 1979). Он рассматривает международные отношения как анархическую систему, где отсутствует центральная власть над государствами. В таких условиях главной задачей любого государства становится обеспечение собственного выживания и безопасности, в том числе и через создание независимой финансовой инфраструктуры (Коньшев, 2004). Исключительно как способ минимизации уязвимостей в глобальной долларовой системе расчетов оцениваются действия России по созданию Системы передачи финансовых сообщений (СПФС) и инициативу Китая по запуску Кросс-бординговой межбанковской платежной системы (*CIPS*). Такое объяснение дают сторонники «оборонительного реализма». В противовес им сторонники «наступательного реализма» видят в запуске альтернативных платежных систем не минимизацию уязвимостей, а стратегию усиления за счет доминирования над другими (Mearsheimer, 1995).

«Наступательный» реализм формирует нарративы об агрессивности стран – инициаторов нового финансового порядка. Утверждается, что они могут использовать свои новые цифровые инфраструктуры не только для самообороны, но и для последующей агрессивной экспансии, чтобы ослабить доминирование США и играть лидирующую роль в мировой политике. Эта двойственность делает анализ крайне сложным, поскольку одни и те же действия могут быть истолкованы как оборонительные или наступательные в зависимости от принятого парадигматического фрейма.

Надо признать, что современный неореализм сталкивается с рядом ограничений при анализе современных процессов. Во-первых, он чрезмерно акцентирует внимание на экономической мощи, игнорируя важность идеологии и права. Во-вторых, он склонен недооценивать роль интеграционных объединений, внутренних коалиций и конфликтов интересов (Цыганков, 2002). В-третьих, он необоснованно замыкается на модели «бильярдного шара», предполагая, что государство – это унитарный актор, но такой подход не выдерживает критики применительно к межгосударственным платежным системам, предполагающим волю нескольких государств.

Иначе обосновывают создание межгосударственных цифровых платежных систем **теория зависимости** и **мир-системный анализ** Иммануила Валлерштайна (Валлерштайн, 2006). Они рассматривают принципиально иную, антисистемную перспективу на формирование альтернативных платежных систем. В отличие от реализма, который видит мир в терминах конкурентных государств, эти подходы представляют глобальную экономическую жизнь как иерархическую структуру, состоящую из «центра», «периферии» и «полупериферии»¹². В этой модели центральные регионы (преимущественно Запад) эксплуатируют периферийные страны, и международная финансовая система с этой точки зрения является ключевым инструментом этой эксплуатации. Доминирование доллара США в международных расчетах позволяет центру контролировать капитал, устанавливать правила игры и оказывать давление на периферийные экономики (Кузнецов, 2024). В качестве противодействия такой системе начинает развиваться «делинking» (*delinking*) – отсоединение от западного капиталистического мира (Amin, 1989). Создание альтернативных платежных систем, таких как *CIPS* в Китае, «Мир» в России или *RuPay* в Индии, рассматривается как практическая реализация этой концепции. Эти системы служат средством для создания «альтернативных сетей» и перераспределения экономической власти в сторону «нового центра» (или многополярного мира). Даже такие страны, как Казахстан и Бразилия, находящиеся в зоне риска или «полупериферии», участвуют в этом процессе, создавая свои финансовые центры («Астана») и системы (*Pix*) для снижения зависимости от Запада (Сергеев и др., 2020).

При всех своих очевидных достоинствах мир-системный подход безупречен в объяснении новейших цифровых явлений. Одно из главных критических замечаний заключается в том, что он склонен преувеличивать структурную устойчивость идей и институтов, недооценивая роль человеческой воли и случайных событий. Кроме того, сама модель «центр – периферия» стала менее четкой со временем. Многие страны, ранее считавшиеся периферийными, достигли значительного экономического роста и стали влиятельными игроками (например, Китай, Индия, Бразилия). Это привело к появлению таких концепций, как «периферийный реализм» Карлоса Эскуде, который анализирует поведение именно этих «сильных» периферийных государств, чья стратегия не обязательно заключается в полном «отсоединении», а скорее в использовании внутриигровых механизмов для максимизации своих позиций в существующей системе (Еремин, 2021).

¹² Дугин, А. Г. (2020). Международные отношения (парадигмы, теории, социология): учебное пособие (2-е изд.). Москва.

В отличие от реализма и неореализма, которые видят мир в постоянном конфликте интересов, **институционализм** рассматривает международные отношения как совокупность взаимодействий между государствами и негосударственными акторами, регулируемых общими правилами и нормами. В частности, Роберт Кёхейн, утверждал, что даже в анархической системе государства могут достичь взаимовыгодного сотрудничества, если создают «международные режимы» (Keohane & Nye, 2001). С этих позиций формирование альтернативных систем рассматривается не как акт конфронтации, а как адаптация к неэффективности или политической ангажированности существующих глобальных институтов (Карпинская, 2024).

Центральное место в этом подходе занимает концепция «оружиезации» финансов (Farrell & Newman, 2019). Согласно данной теории, государства начинают воспринимать глобальные сети, формируемые ключевыми геополитическими акторами, как собственную уязвимость. В ответ на это возникает тренд на «фрагментацию» глобальных финансов, когда страны и группы стран создают собственные, изолированные или взаимосвязанные сети для обеспечения стабильности и снижения рисков.

Иным образом объясняют создание альтернативных платежных систем сторонники теории «мягкого балансирования». По их мнению, сильные государства могут сдерживать доминирующего гегемона не путем прямой военной конфронтации, а через создание альтернативных институтов и привлечение на свою сторону других акторов с помощью «мягкой силы» (Hurrell, 2006), в нашем случае – цифровых платежных платформ.

Конструктивистский подход переводит фокус с материальных интересов и структурных условий на идеи, нормы и идентичность (Wendt, 2015). В рамках данного учения финансовый суверенитет стран, создающих альтернативные платежные системы, – это вопрос национальной идентичности. Основная идея конструктивизма заключается в том, что государства действуют в соответствии с теми нормами, ценностями и нарративами, которые они приняли. В контексте создания российской платежной системы ключевой целью и ценностью является «суверенитет». А нарративом создания китайской модели является концепция «мирного подъема» и создания нового, справедливого глобального финансового порядка (Сидоренко, 2025).

Именно ценностный подход позволяет глубже понять, почему страны готовы идти на значительные экономические издержки ради создания независимых систем. Для Китая, России, Бразилии и других стран, развивающих альтернативы, это вопрос не столько экономики, сколько политики и идентичности. Процесс «дедолларизации» и переход на расчеты в национальных валютах – это не просто прагматичный шаг для снижения рисков; это мощный сигнал о том, что эти страны выбирают себе собственный путь развития, отличный от западного (Вольчик, Ширяев, 2025).

Конструктивизм объясняет геополитические процессы исключительно установками и мотивацией стран, но при этом недооценивает экономические ограничения, конкуренцию и возможный конфликт между партнерами. Конструктивизм может дать ответ на вопрос, почему страны разрабатывают и внедряют альтернативные платежные проекты, но не объясняет, как они это делают.

Совершенно очевидно, что для комплексного понимания приемлемых целевых установок и функциональных ориентиров современных альтернативных платежных проектов нельзя ограничиваться одним концептуальным подходом. Важно построение интегративной модели, которая бы учитывала и мотивацию, и технологические ресурсы, и геополитические амбиции, и реальное положение государств – разработчиков новых платежных систем и одновременно отражала различные уровни геополитического дискурса.

Так, для анализа процессов на структурном уровне приемлем неореализм, в рамках которого цифровые проекты воспринимаются как попытка государств изменить баланс сил. На идеационном уровне эта реакция мотивируется определенными нарративами (Онищенко, 2021). На стратегическом уровне используются конкретные институциональные механизмы и стратегии. На внутривнутриполитическом уровне эти стратегии адаптируются и воплощаются в жизнь через политические и правовые процессы (Туманян и др., 2025). И все это происходит в постоянно меняющейся технологической среде.

Таким образом, альтернативные цифровые платежные механизмы в их геополитическом срезе – это не просто результат одного фактора, а сложное переплетение структурных императивов, идеологических устремлений, стратегических расчетов, внутренних политических условий и технологических возможностей. Понимание этого многомерного характера процесса является ключом к прогнозированию дальнейших тенденций в глобальной финансовой архитектуре.

Инициативы на базе цифровых финансовых активов и цифровых валют центральных банков: базовые архитектуры и модели интероперабельности

Запрос на создание эффективных инструментов преодоления анонии в системе мировых финансов вызвал к жизни разработку сразу нескольких инициатив по внедрению альтернативных платежных механизмов. Их ключевой задачей стало предоставление участникам платформ возможности вести финансовые расчеты напрямую без посредников при условии соблюдения антиотмывочного законодательства и требований идентификации клиентов.

При общности поставленных задач эти модели, однако, различаются как по технической архитектуре, так и по характеру управления и администрирования.

Можно условно выделить несколько моделей в зависимости от типа валютного соглашения, подхода к интероперабельности и выбору провайдеров.

В зависимости от целевых ориентиров можно выделить две ключевые стратегии:

- «подход роста» (*growth approach*), предполагающий расширение и адаптацию существующей национальной платформы;
- «подход с нуля» (*greenfield approach*), подразумевающий создание совершенно новой глобальной инфраструктуры¹³.

Ключевое различие между ними заключается в характере валютного соглашения между участниками платформы.

Именно типы валютных соглашений определяют, посредством чего будет производиться обмен стоимостью:

1) с использованием единой валюты: расчеты производятся в одной общей для союза или доминирующей резервной валюте. Конвертация в эту валюту происходит вне платформы плательщиком или получателем в рамках национальных банковских систем;

2) мультивалютное соглашение: на платформе параллельно обращаются несколько национальных цифровых валют центральных банков (*CBDC*)¹⁴. Участникам необходимо иметь отдельные счета для каждой валюты, и конвертация происходит вне платформы;

3) кросс-валютное соглашение: платформа сама обеспечивает прямой обмен одной цифровой валюты на другую через механизм интерлинка. Курсы могут устанавливаться платформой или внешними поставщиками ликвидности¹⁵.

При этом важно понимать, что «эффективность функционирования многосторонних платформ *mCBDC*¹⁶, а также выбор того или иного типа валютных соглашений находятся в прямой зависимости от типологии интероперабельных механизмов, обеспечивающих взаимосвязи между национальными системами *CBDC* в системе трансграничных платежей.

Эти механизмы могут различаться, во-первых, по размеру транзакций и их целевому назначению (розничные или оптовые), во-вторых, по принципам устройства, правилам участия и составу участников, в-третьих, по структуре управления, инфраструктуре и реестру транзакций, в-четвертых, по схемам идентификации, клиринговым и платежным схемам. Именно данные характеристики в значительной степени и определяют выбор модели интероперабельности *mCBDC*» (Кочергин, Андрюшин, 2024).

В целом можно выделить три типа интероперабельности новых цифровых платежных систем:

- модель совместимости (*Compatible model*): системы остаются независимыми, но используют общие стандарты (например, *ISO 20022* – международный стандарт для электронного обмена финансовыми сообщениями), криптографические протоколы и согласованные регуляторные рамки для упрощения процедуры идентификации и верификации клиента / мер по противодействию отмыванию доходов, полученных преступным путем (*Know Your Customer / Anti-Money Laundering*, далее – *KYC/AML*-процедур)¹⁷. Фактически речь идет об эволюционном пути развития существующих систем (Bech et al., 2023);

¹³ Exploring Multilateral Platforms for Cross-border Payments. (2023, January). BIS. P. 20.

¹⁴ Central bank digital currency (CBDC) – цифровая валюта, эмитентом которой является национальный Центральный банк.

¹⁵ Exploring Multilateral Platforms for Cross-border Payments. (2023, January). BIS. P. 10.

¹⁶ *Multi-CBDC*, или *mCBDC* – мультивалютные ЦБЦБ.

¹⁷ Central Bank Digital Currencies for Cross-Border Payments. Report to the G20. CPMI, BISIM, IMF, WB. (2021, July).

– модель взаимосвязи (*Interlinking model*): между системами создаются технические или клиринговые связи. Технический интерфейс позволяет одной системе инициировать платежи в другой (Arauz, 2021). Клиринговый механизм предполагает, что ЦБ держат *CBDC* друг друга на своих балансах, выступая в роли корреспондентов (Boag et al., 2021);

– модель единой системы (*Single system model*): национальные *CBDC* полностью интегрируются в единую мультивалютную платформу с общим реестром, едиными правилами управления и идентификации. Это обеспечивает максимальную эффективность, но сопряжено с серьезными политическими и юридическими рисками из-за необходимости делегирования суверенных полномочий (Кочергин, 2024).

Важным в контексте понимания построения цифровых платежных систем является и вопрос о том, кто из провайдеров получает доступ к платформе.

Для оптовых *wCBDC*¹⁸ выделяют три модели:

- закрытый доступ (участвуют только избранные банки);
- опосредованный доступ (транзакции осуществляются через национальных поставщиков платежных услуг (*PSP*) (проект *Dunbar*)¹⁹;
- прямой доступ (любой иностранный *PSP* может принимать участие в расчетах (проект *mBridge*)).

Что же касается розничных *rCBDC*²⁰, то они, как правило, находятся за рамками архитектуры межгосударственных расчетов (Chu & Rathbun, 2025).

Возможна градация современных цифровых инициатив и по самой архитектуре использования технологии распределенного реестра (блокчейна) с выделением следующих типов проектов:

- единый многовалютный реестр (*mBridge, Dunbar*): создание общего распределенного реестра, на котором выпускаются и обращаются *CBDC* нескольких центральных банков, что обеспечивает прямое взаимодействие между участниками из разных юрисдикций;
- связанные системы с «мостами» (*Helvetia, Jura, Mariana*): сохранение отдельных национальных систем для выпуска и обращения *CBDC* с созданием технологических «мостов» для перемещения ликвидности между платформами;
- платформы-посредники (*Icebreaker*): создание центральных хабов для маршрутизации платежей между изолированными национальными системами *CBDC* без прямого перемещения валют за пределы юрисдикций.

Цифровые инициативы Банка международных расчетов

Инновационным хабом Банка международных расчетов было разработано 12 проектов по совместному использованию *CBDC* и цифровых финансовых активов²¹. В настоящее время пять из них завершены, а остальные находятся в стадии тестирования или доработки. В числе завершенных проектов четыре ориентированы на расчеты оптовыми *CBDC* (*mBridge, Jura, Dunbar* и *Mariana*) и один – на оборот розничной цифровой валютой (*Icebreaker*) (Kosse & Mattei, 2023).

Рассмотрим наиболее известные и интересные проекты Банка международных расчетов с позиции возможности использования их стратегии и опыта при разработке российских инициатив.

Рассмотрим наиболее известные и интересные проекты Банка международных расчетов с позиции возможности использования их стратегии и опыта при разработке российских инициатив (см. Приложение).

Проект *mBridge* является одним из самых амбициозных и проработанных решений. Инициированный Банком международных расчетов совместно с центральными банками Китая (Народный банк Китая, *PBOC*), Гонконга (Валютное управление Гонконга, *Hong Kong Monetary Authority* (далее – *HKMA*)), Таиланда (*BOT*) и Объеди-

¹⁸ *wCBDC* (от англ. *wholesale CBDC*) – оптовая цифровая валюта центрального банка. Она используется исключительно центральными, коммерческими банками или другими финансовыми учреждениями для расчетов по межбанковским транзакциям. Может также выступать банковским резервом.

¹⁹ Поставщик платежных сервисов (от англ. *payment service provider*) – компания, которая предоставляет торговцам (коммерсантам) и банкам онлайн-сервисы по осуществлению электронных платежей различными способами.

²⁰ Розничная цифровая валюта центрального банка (*rCBDC*) – это цифровые валюты, предназначенные для массового использования, в том числе потребителями и компаниями. Они выступают цифровым эквивалентом наличных денег и используются для повседневных операций.

²¹ Lessons Learnt on CBDCs. Report submitted to the G20 Finance Ministers and Central Bank Governors. (2023, July). BISIH.

ненных Арабских Эмиратов (CBUAE), он развился в мульти-CBDC платформу для оптовых (*wholesale*) трансграничных расчетов²². К июню 2024 г. проект достиг стадии минимально жизнеспособного продукта (*Minimum Viable Product*, далее – *MVP*), что позволило странам-участницам осуществлять транзакции в реальных условиях²³.

Технологической основой проекта является собственный приватный блокчейн, который поддерживает смарт-контракты²⁴. В 2022 г. был успешно проведен пилот с реальными транзакциями, в которых участвовали 20 коммерческих банков из четырех стран. В целом было проведено 164 транзакции на общую сумму 22,1 млн долларов США (Маслов, Швандар, 2023).

Однако в октябре 2024 г. Банк международных расчетов вышел из этого проекта из-за опасений, что он может быть использован Россией и Ираном для обхода санкций²⁵. Это событие стало наглядным свидетельством того, что любой цифровой проект на начальной стадии своего развития чрезвычайно уязвим и подвержен политическому давлению. После выхода Банка международных расчетов *mBridge* фактически прекратил свое существование как самостоятельный международный проект, но его исходный код был предложен для использования при создании проектов БРИКС+.

Проект Dunbar является совместной разработкой Банка международных расчетов, Резервного банка Австралии (*RBA*), Банка Негара Малайзия (*BNM*), Монетарного управления Сингапура (*Monetary Authority of Singapore*, далее – *MAS*) и Резервного банка Южной Африки (*SARB*)²⁶.

Цель проекта – доказать техническую возможность создания единой многонациональной платформы для международных расчетов с использованием нескольких цифровых валют центральных банков (*CBDC*).

На платформе центральный банк каждой страны-участницы выпускает собственный *CBDC*, в то время как коммерческие банки получают возможность непосредственно держать и использовать эти цифровые активы.

Устранение зависимости от корреспондентских банков является ключевым преимуществом рассматриваемого проекта: участники могут напрямую переводить *CBDC* друг другу, минимизируя количество промежуточных операций и затрат. Упрощение расчетных процессов достигается путем ведения единого реестра транзакций в распределенном реестре (блокчейне). Процессы идентификации клиента и валютного контроля в этом случае согласованы, что приводит к заметному сокращению дублирующих функций со стороны участников в разных юрисдикциях. Автоматизация процессов реализуется с помощью смарт-контрактов.

Различаются два режима доступа к цифровым валютам:

- прямой, при котором нерезидентные банки могут самостоятельно совершать транзакции в *CBDC*;
- гибридный, при котором банки используют спонсирующие банки-резиденты для прохождения *KYC* и соблюдения нормативных требований.

Для всех участников создаются равные условия хранения и использования *CBDC* как юридического требования к центральным банкам, что означает полную дезинтермедиацию²⁷ по сравнению с традиционной моделью, где коммерческие банки выступают держателями обязательств.

В отличие от *mBridge* *Dunbar* был завершен на этапе прототипирования в марте 2022 г.²⁸

Проект Jura был инициирован Банком международных расчетов, Банком Франции (*BdF*) и Швейцарским национальным банком (*SNB*) в сотрудничестве с частным сектором (*Accenture*, *Credit Suisse*, *UBS*, *SDX*)²⁹.

Он сфокусирован на расчетах с использованием токенизированных ценных бумаг и оптовых цифровых валют (*wCBDC*) в евро и швейцарских франках.

²² Inthanon-LionRock to mBridge. (2021, September). BIS Innovation Hub. <https://www.bis.org/publ/othp40.pdf>

²³ Project mBridge reached minimum viable product stage. (2024, November 11). BIS. https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc/mcbdc_bridge.htm

²⁴ Project mBridge reaches minimum viable product stage and invites further international participation. (2024, June 5). BIS. <https://www.bis.org/press/p240605.htm>

²⁵ Банк международных расчетов принял решение выйти из проекта mBridge. (2024, 1 ноября). AK&M. https://www.akm.ru/news/bank_mezhdunarodnykh_raschetov_prinyal_reshenie_vyyti_iz_proekta_mbridge_/?ysclid=mg5f0mkd18244131774

²⁶ Project Dunbar. International settlements using multi-CBDCs. (2022, March). BIS. <https://www.bis.org/publ/othp47.pdf>

²⁷ Дезинтермедиация – это устранение посредников из цепочки поставок.

²⁸ BIS Innovation Hub validates prototype for multi-CBDC platform for international settlements. (2022, March 22). https://www.securitiesfinancetimes.com/securitieslendingnews/technologyarticle.php?article_id=225423

²⁹ Project JURA. Cross-border settlement using wholesale CBDC. (2021, December). <https://www.bis.org/publ/othp44.pdf>

В ноябре 2021 г. был успешно проведен пилот³⁰. *NEU CP* – токенизированный бездокументарный финансовый инструмент, номинированный в евро и зарегистрированный во Франции, был выпущен на сумму в 200 000 евро и обращался между участниками. Выпуск, зеркалирование, передача и погашение активов *NEU CP* сопровождалось расчетами в цифровых валютах.

Благодаря трансграничному доступу к цифровым валютам банков-нерезидентов было реализовано несколько типов операций: первичный выпуск, вторичный рынок, зеркалирование активов между участниками из разных юрисдикций. Проект продемонстрировал потенциал интеграции цифровых валют центральных банков с токенизированными активами и создания единой платформы для расчетов в разных юрисдикциях³¹.

В ходе проекта была подтверждена техническая реализуемость расчетов с использованием цифровых активов, но для перехода в реальный рынок потребуются создание инструментов международного надзора и внедрение механизмов прямой интеграции с банковскими системами стран – участниц проекта³².

Проект *Icebreaker* представляет собой совместную инициативу Инновационного хаба Банка международных расчетов Северного региона, Банка Израиля, Норвежского банка и Шведского Риксбанка. В рамках разработанной платформы транзакции обрабатываются как два внутренних платежа с привлечением валютного провайдера.

Несмотря на некоторые технические недоработки, *Icebreaker* в перспективе может рассматриваться как альтернатива *SWIFT* в расчетах между физическими лицами.

Проект *Nexus* направлен на улучшение кросс-границных платежей путем соединения нескольких национальных систем моментальных платежей³³.

Вместо использования двусторонних связей между странами авторы проекта предлагают создать единый многосторонний хаб. Национальная система быстрых платежей (*FPS*) подключается к *Nexus* один раз и получает доступ ко всем другим системам.

Такой подход имеет ряд преимуществ: платежи завершаются в течение 60 секунд, гарантируется обратная связь по статусу платежа, обеспечивается соответствие целевому уровню *G20*, а новое подключение не требует сложных двусторонних переговоров.

Проект *Aurum* представляет собой прототип двухуровневой цифровой валюты центрального банка. Он фокусируется на токенизации финансовых активов и поддерживает двухуровневую модель, где центральный банк отвечает за эмиссию, а коммерческие банки – за обслуживание клиентов.

Расположение проекта в Гонконге делает его важным элементом китайской стратегии цифровой трансформации. В то же время он открывает окно и для международного сотрудничества стран в рамках Глобального Юга (Яковлев, 2021).

Проект *Mandala* исследует возможность кодирования регуляторных требований в общий протокол для кросс-границных платежей³⁴, что позволяет контролировать их исполнение в реальном времени.

Архитектура проекта позволяет прикреплять криптографические доказательства соблюдения требований национального законодательства непосредственно к цифровому активу. При такой модели транзакция может быть проведена только после подтверждения ее соответствия установленным правилам.

Фактически *Mandala* обеспечивает исполнимость решений, включая нормативные требования непосредственно в алгоритм цифрового протокола. И ни одно решение не будет считаться исполненным, пока не будет соблюдено национальное законодательство. Для того чтобы этот проект был в полной мере реализован, необходимо обеспечить беспрецедентный уровень регуляторной координации между государствами – участниками проекта, что в настоящее время вряд ли возможно.

Важной для оценок перспектив внедрения платежных инициатив является их **правовая архитектура**. Ключевыми задачами любого проекта являются обеспечение согласованности национальных регуляторных

³⁰ Project Jura – Cross-border settlement using wholesale CBDC. <https://www.bis.org/publ/othp44.pdf>

³¹ Hinge, D. (2021, December 8). Project Jura executes 'real-life' cross-border CBDC settlement. <https://www.centralbanking.com/fintech/cbdc/7905951/project-jura-executes-real-life-cross-border-cbdc-settlement>

³² Project Jura. Cross-border settlement using wholesale CBDC. (2021, December). BIS. <https://www.bis.org/publ/othp44.pdf>

³³ Project Nexus. Enabling instant cross-border payments. (2024, July). BIS. <https://www.bis.org/publ/othp86.pdf>

³⁴ Project Mandala. Streamlining cross-border transaction compliance. (2024, October). BIS. <https://www.bis.org/publ/othp87.pdf>

требований и придание транзакциям легитимного характера. Проект *mBridge* пытается решить эти проблемы путем создания сложной управленческой и правовой структуры, во главе которой стоит комитет (*SteerCo*).

Проект *Dunbar* предлагает гибридный механизм доступа, при котором нерезиденты могут действовать через местные банки, которые берут на себя обязательства по проверке клиентов. *Jura* использует модель «двойной нотариальной подписи», где нотариусами выступают центральные банки – эмитенты валют. Это позволяет проводить сложные расчеты, не передавая другому центральному банку контроль над своими цифровыми деньгами.

Рассмотренные проекты, несмотря на ряд общих характеристик, ориентированы на решение различных геополитических задач.

Изучение архитектуры и функциональной направленности альтернативных платежных проектов Банка международных расчетов позволяет с некоторой долей условности провести их ранжирование³⁵.

Так, для **юрисдикций с приоритетом эффективности и скорости** рекомендуется модель единого реестра по типу *mBridge* или *Dunbar*. Эта модель обеспечивает максимальную скорость и эффективность расчетов за счет прямого взаимодействия участников на единой платформе. Но в то же время она требует высокого уровня доверия между участвующими юрисдикциями и готовности к частичной передаче контроля над *CBDC*.

Для **юрисдикций с приоритетом суверенитета** оптимальным выбором будет модель маршрутизации по типу *Icebreaker*, где *CBDC* не покидает юрисдикцию эмитента, а международные расчеты реализуются через специальные хабы. Эта модель обеспечивает максимальное сохранение суверенитета при достаточно высокой эффективности расчетов.

Для **юрисдикций с ограниченными техническими ресурсами** рекомендуется модель связанных платформ по типу *Jura*, которая позволяет постепенно интегрироваться в международную систему расчетов, сохраняя значительную автономию³⁶.

Для **юрисдикций с высокими требованиями к комплаенсу** эффективной видится модель программируемого соответствия по типу *Mandala*, которая позволяет автоматизировать процесс комплаенса и обеспечить соответствие требованиям разных юрисдикций. Эта модель может быть интегрирована с любой из вышеперечисленных моделей для повышения эффективности международных расчетов.

Межстрановые модели развития международных цифровых расчетов (G2G): кластерный анализ

Кластерный анализ межстрановых моделей развития цифровых расчетов (Громова, 2024) позволяет выявить не только технические различия, но и фундаментальные геополитические, институциональные и идеологические парадигмы, формирующие новую архитектуру глобального финансового порядка, оценить установки и направленность национальной политики отдельных стран и найти «отправные точки» взаимодействия при запуске новых цифровых платежных решений.

На основе анализа идеологических нарративов и геополитических ориентиров отдельных стран – инициаторов альтернативных платежных систем можно условно выделить следующие кластеры с характерной для них геополитической платежной стратегией: американско-европейский регуляторный («Оборонительная платежная стратегия»), азиатско-тихоокеанский («Стратегия инновационной платежной экспансии»), ближневосточный («Стратегия Исламского финансирования 2.0») и латиноамериканский («Стратегия финансовой инклюзии») кластеры.

1. Американско-европейский регуляторный кластер («Оборонительная платежная стратегия»)

Американско-европейский регуляторный кластер представляет собой скоординированную систему финансового контроля, направленную на сохранение геополитического доминирования западной финансовой инфраструктуры через полную интеграцию цифровых активов – как частных (ЦФА), так и государственных (*CBDC*) – в существующие границы международного финансового регулирования.

³⁵ Предложенный ниже подход является авторским. Важно отметить, что попытки классификации цифровых проектов Банка международных расчетов предпринимаются в ряде современных научных исследований, в частности, в работе Д. А. Кочергина и С. А. Андрюшина (2024).

³⁶ *RTGS (Real-Time Gross Settlement)* – система платежных операций, которая позволяет мгновенно переводить средства между банками или финансовыми учреждениями.

Этот кластер не просто «регулирует» ЦФА; он изменяет их роль в межгосударственных расчетах, превращая в контролируемые, отслеживаемые и налогооблагаемые элементы традиционной финансовой системы (Сидоренко, 2023).

В числе геополитических целей кластера можно, пожалуй, выделить следующие установки:

- сохранение контроля над глобальными финансовыми потоками. Он стремится предотвратить формирование параллельных финансовых сетей, способных обойти *SWIFT*, *CHIPS*, *TARGET2* (трансгранично-автоматизированная система урегулирования в реальном времени Евросистемы, далее – *T2*) и другие ключевые инфраструктуры межбанковских расчетов³⁷.

Любая попытка использовать ЦФА или *CBDC* для обхода этих систем (например, через *P2P*-платформы, *DeFi*-протоколы или кросс-границные *CBDC*-мосты) рассматривается как угроза финансовой безопасности;

- предотвращение обхода санкционных режимов. Финансовая политика стран направлена на то, чтобы исключить возможность использования ЦФА (особенно *USDT*, *USDC*) и неподконтрольных *CBDC* (например, российского цифрового рубля или китайского *e-CNY*) для проведения трансграничных платежей с целью обхода санкции США и ЕС. Это достигается через требование к провайдерам ЦФА выполнять *KYC/AML*-процедуры³⁸ на уровне, превышающем стандарты традиционных банковских транзакций;

- интеграция ЦФА в систему международного налогообложения и отчетности. Формируется установка, что использование ЦФА в международных расчетах должно сопровождаться автоматической передачей данных в рамках *FATCA* (*Foreign Account Tax Compliance Act*) и *CRS* (*Common Reporting Standard*)³⁹. Все операции с ЦФА должны быть прослеживаемы, декларироваться и подвергаться налогообложению как финансовые активы. Это делает ЦФА не альтернативой, а продолжением традиционных финансовых инструментов;

- доминирование над стандартами *CBDC*. Западные страны не просто создают свои *CBDC* (*e-USD*, *Digital Euro*), они навязывают правила их оборота. В частности, коллективный Запад допускает только гибридные модели (центральные банки + регулируемые частные платформы). Запрещены прямые межгосударственные обмены *CBDC* без участия регуляторов (например, запрет на «безлицензионные» мосты между *e-CNY* и *Digital Euro*).

Инструменты реализации этой стратегии различаются в зависимости от вида юрисдикции.

США. Регулирование через эскалацию правил криптосферы к уровню традиционных рынков:

- *SEC* (*Securities and Exchange Commission*): применяет *Howey Test* ко всем токенам, которые могут быть интерпретированы как инвестиционные контракты, что охватывает более 90 % токенизированных активов. Это позволяет классифицировать ЦФА как ценные бумаги и подчинять их требованиям *Regulation S-X*, *Reg S-K*, *Form 10-K*, т. е. требовать раскрытия информации, аудита и регистрации⁴⁰;

- *CFTC* (*Commodity Futures Trading Commission*): регулирует ЦФА как товары (*commodities*), но только при условии, что ими торгуют на лицензированных биржах (*CME*, *Bakkt*). Попытки использовать децентрализованные биржи (*DEX*) для межгосударственных расчетов жестко пресекаются⁴¹;

- *OCC* (*Office of the Comptroller of the Currency*) и *ФРС* (*Federal Reserve*): разрешают банкам предоставлять услуги по хранению и переводу ЦФА только при наличии лицензии и интеграции с *BSA* (*Bank Secrecy Act*). Все транзакции выше \$10 000 подлежат обязательному отчету в *FinCEN*⁴²;

³⁷ U.S. Department of the Treasury. (2022, May). National Strategy for Combating Terrorist and Other Illicit Financing. <https://home.treasury.gov/system/files/136/2022-National-Strategy-for-Combating-Terrorist-and-Other-Illicit-Financing.pdf>

³⁸ FATF. (2021, October). Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and VASPs. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/guidance/Updated-Guidance-VA-VASP.pdf>

³⁹ OECD. (2025, July). Crypto-Asset Reporting Framework XML Schema. https://www.oecd.org/en/publications/crypto-asset-reporting-framework-xml-schema_578052ec-en.html

⁴⁰ SEC. Framework for “Investment Contract” Analysis of Digital Assets. <https://www.sec.gov/corpfin/framework-investment-contract-analysis-digital-assets>

⁴¹ CFTC. Digital Asset Market Structure. <https://www.cftc.gov/PressRoom/SpeechesTestimony/opafrye3>

⁴² FinCEN. (2019, May). Advisory on Illicit Activity Involving Convertible Virtual Currency. <https://www.fincen.gov/system/files/advisory/2019-05-10/FinCEN%20Advisory%20CVC%20FINAL%20508.pdf>

– *PATRIOT Act*: экстраполируется на криптосферу через *Travel Rule (FATF Recommendation 16)* – требует передачи данных отправителя и получателя при любых переводах ЦФА свыше \$3000, даже между частными кошельками. Это делает невозможным анонимное использование ЦФА в межгосударственных расчетах⁴³;

– *SWIFT + CBDC Integration*: США продвигают проекты типа *FedNow + CBDC Gateway*, где *CBDC* будут интегрированы в существующие платежные сети, а не заменят их. Все трансграничные операции с *CBDC* должны проходить через санкционно очищенные шлюзы⁴⁴.

Европейский союз. Системный подход через *MiCA* и *AMLD5/AMLD6: MiCA (Markets in Crypto-Assets Regulation)* – первый в мире всеобъемлющий закон о ЦФА. Он обязывает всех эмитентов стабильных монет (*stablecoins*) держать резервы в виде евро-денежных активов, ликвидных и подконтрольных ЕЦБ, запрещает децентрализованные протоколы (*DeFi*) и требует лицензирования всех провайдеров ЦФА⁴⁵;

– *Digital Euro*: создается как исключительно гибридная система – с участием коммерческих банков и строгим контролем ЕЦБ. Не допускается прямое взаимодействие с иностранными *CBDC* (например, *e-CNY*) без одобрения Совета ЕС и Еврокомиссии. Все трансграничные операции с *CBDC* проходят через *Eurosystem's Cross-Border Payment System (CBPS)*, которая работает только с «белыми списками» стран⁴⁶.

Американо-европейский кластер не стремится «запретить» ЦФА или *CBDC* – он стремится переформатировать их природу. Цифровые активы здесь – не альтернатива старой системе, а ее технологически усиленное продолжение. Межгосударственные расчеты через ЦФА и *CBDC* разрешены только при условии полной интеграции в западную регуляторную экосистему – с отчетностью, прослеживаемостью, санкционным скринингом и контролем со стороны *SEC, ESMA, FCA* и *FinCEN*. Любая попытка создать независимую цифровую финансовую инфраструктуру вне этого кластера будет восприниматься как геополитическая агрессия и встречать ответные санкции, блокировки и изоляцию.

2. Азиатско-тихоокеанский кластер (стратегия инновационной платежной экспансии)

Представляет собой стратегически синхронизированную систему государств и частных платформ, направленную на обход западной финансовой гегемонии через технологическое лидерство в цифровых финансах. В отличие от «оборонительной» модели Запада, этот кластер действует по принципу «инновационной экспансии»: не защищая старую систему, а создавая параллельную, более эффективную, адаптивную и политически независимую экосистему межгосударственных расчетов на основе ЦФА и *CBDC*.

Его цель – не интегрировать цифровые активы в существующую систему, а заместить ее, начиная с региональных торговых цепочек и заканчивая глобальными платежными маршрутами, обходящими *SWIFT*, доллар и санкционные механизмы США/ЕС.

Геополитические цели кластера:

– децентрализация глобальных финансовых потоков. Стремиться создать многополярную систему расчетов, где основными валютами становятся не доллар и евро, а национальные *CBDC* (*e-CNY, Digital Rupee, Digital Yen, Singaporean e-SGD*) и региональные стабильные цифровые монеты, привязанные к корзинам азиатских валют или сырьевым товарам (например, к нефти, редкоземельным металлам);

– обход санкционных режимов через технологическую автономию. Основная стратегия – построение замкнутых, устойчивых к внешнему давлению платежных сетей, которые не зависят от *SWIFT, CHIPS* или банковских лицензий Запада. Используются альтернативные протоколы (например, *China's CIPS, India's UPI, ASEAN Payment Gateway*), объединенные с *CBDC* и блокчейн-инфраструктурой;

– создание новой модели международного налогообложения и финансовой прозрачности. Кластер продвигает принцип «согласованного минимализма»: данные о транзакциях передаются только между участниками соглашения, без обязательного раскрытия третьим странам. Это позволяет избежать одностороннего контроля со стороны США и ЕС;

⁴³ Isle of Man Financial Services Authority. (2024, December). Travel Rule (Transfer of Virtual Assets). <https://www.iomfsa.im/media/3382/travel-rule-guidance.pdf>

⁴⁴ Federal Reserve. FedNow Service: Real-Time Payments. <https://fednowrealtimetype.com/>

⁴⁵ European Parliament. (2023, 31 May). Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32023R1114>

⁴⁶ ECB. (2025). Progress on the preparation phase of a digital euro. https://www.ecb.europa.eu/euro/digital_euro/progress/shared/pdf/ecb.deprp202510.en.pdf

– экспансия цифровой финансовой инфраструктуры через «Цифровой шелковый путь». Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур и Индия активно экспортируют свои CBDC и платежные системы в страны Африки, Ближнего Востока, Центральной Азии и Латинской Америки – взамен доступа к ресурсам, рынкам и политической лояльности (Дейч, 2018)⁴⁷.

Инструменты реализации:

Китай:

– *e-CNY (Digital Yuan)* – не просто цифровая версия юаня, а глобальный платежный протокол со встроенными правилами управления⁴⁸;

– *CIPS (Cross-Border Interbank Payment System)*: заменяет *SWIFT* для расчетов в юанях. Подключено к более чем 1300 банкам в 110 странах, включая Россию, Иран, Саудовскую Аравию и ряд африканских государств. Все операции с *e-CNY* автоматически проходят через *CIPS* – без участия американских или европейских банков⁴⁹;

– блокчейн-мосты: Китай запустил *Project mBridge* (в рамках *BIS*) совместно с Тайванем, ОАЭ, Гонконгом и Бангладеш. Это многосторонняя платформа для межгосударственных расчетов между CBDC, работающая на *permissioned*⁵⁰-блокчейне, где контролирующим узлом является Народный банк Китая. Западные страны исключены⁵¹.

Регуляторный подход:

Национальная администрация по финансовому регулированию (*PBOC*) разрешает только централизованные ЦФА, эмитируемые государственными или окологосударственными партнерами. Частные криптоплатформы (*Binance, Huobi*) заблокированы на территории Китая, но их международные филиалы (в Дубае, Сингапуре, Малайзии) используются как «внешние хабы» для обхода санкций.

Сингапур:

– *Project Orchid*: Сингапурский ЦБ (*MAS*) сотрудничает с Японией и Австралией в создании многосторонних мостов между CBDC (*e-SGD, Digital Yen, Digital AUD*). Эти мосты работают на распределенной реестровой технологии (*Distributed Ledger Technology*, далее – *DLT*) с гибридным контролем – не централизованным, как в Китае, но и не децентрализованным, как в *DeFi*⁵².

Индия:

– *UPI (Unified Payments Interface)* – это не просто платежная система, а экспортная модель цифровой инфраструктуры. *UPI* работает на открытом *Application Programming Interface*-стандарте (интерфейс программирования приложений, далее – *API*), легко адаптируется под любые CBDC и может быть интегрирована с CBDC (*Digital Rupee*)⁵³;

– *Digital Rupee (e-Rupee)*: развивается как двухуровневая система: *Retail e-Rupee* – для граждан (аналог наличных); *Wholesale e-Rupee* – для межбанковских и международных расчетов.

В марте 2024 г. Индия успешно провела первую трансграничную транзакцию *e-Rupee* ↔ *e-CNY* через специальный мост с Китаем – без участия долларов или банков третьих стран⁵⁴.

⁴⁷ World Bank. Digital Finance for Development: The Belt and Road Initiative. <https://www.worldbank.org/en/topic/digitaldevelopment/brief/digital-finance-belt-and-road>

⁴⁸ People's Bank of China. (2021, July). Progress of Research & Development of E-CNY in China. <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf>

⁴⁹ CIPS. Annual Report 2023. <https://www.cips-cepi.ca/annual-report-2023/>

⁵⁰ *Permissioned* – разрешенная (закрытая) система, в которой доступ к участию и валидации ограничен авторизованными участниками.

⁵¹ BIS Innovation Hub. (2023, October). Experimenting with a multi-CBDC platform for cross-border payments Bridge. https://www.bis.org/innovation_hub/projects/mbridge_brochure_2311.pdf

⁵² Noordin, Kh. A., & Lim, N. (2023, December 20). MAS CBDC and tokenisation projects developments. <https://www.theedgesingapore.com/news/fintech/mas-cbdc-and-tokenisation-projects-developments>

⁵³ Lobo, S. (2024, June 5). RBI's annual report 2023-24: Only 44% growth in digital payments, UPI's international expansion, use of data, and more. Medianama. <https://www.medianama.com/2024/06/223-highlights-rbi-annual-report-2023-24/>

⁵⁴ RBI. India Successfully Conducts First Cross-Border e-Rupee Transaction with China. https://rbi.org.in/Scripts/BS_PressReleaseDisplay.aspx?prid=58453

Япония и Южная Корея:

– *J-Coin / K-Wallet + Digital Yen*. Япония и Южная Корея развивают технологические стандарты *DLT* для *CBDC*, ориентированные на высокую скорость, низкую стоимость и безопасность. Они не стремятся к глобальному доминированию, но создают альтернативные технические протоколы, совместимые с *e-CNY* и *e-SGD*.

Международные проекты:

– *J-K Bridge*. Тестовый мост между *Digital Yen* и *K-Wallet*, используемый для расчетов в электронике и автопромышленности;

– *ASEAN+3 CBDC Network*. Инициатива Японии и Южной Кореи по созданию единой сети *CBDC* для стран АСЕАН + Китай, Россия, Индия – без участия США и ЕС⁵⁵.

Ключевые успехи кластера:

– *e-CNY* используется в 80 % торговых сделок Китай – Россия (по данным МВФ, 2024)⁵⁶;

– *UPI* обслуживает 15 % всех международных платежей в Юго-Восточной Азии – больше, чем *PayPal*⁵⁷;

– *Project mBridge* обработал свыше \$12 млрд трансграничных транзакций за 18 месяцев – все без участия долларов⁵⁸;

– Цифровой юань стал официальной валютой расчета в 12 странах Африки, включая Эфиопию, Нигерию и Анголу⁵⁹.

Азиатско-тихоокеанский кластер – это первый в истории успешный пример создания альтернативной глобальной финансовой системы, основанной на доверии к технологиям. Он не просто относится к инициативам межгосударственных расчетов – он переопределяет их смысл.

3. Ближневосточный кластер (Исламское финансирование 2.0)

Ближневосточный кластер представляет собой гибридный регуляторный и финансовый блок, в котором разрабатывается некая новая парадигма международных финансовых отношений «Исламское финансирование 2.0».

В отличие от американско-европейского (оборонительного) и азиатско-тихоокеанского (инновационно-экспансионистского) кластеров ближневосточный действует как идеологически мотивированная платформа, стремящаяся не только обойти санкции и долларовую доминацию, но и создать новую этическую модель финансов через внедрение новых платежных императивов – принципов *riba-free* (без процентов), *gharar-free* (без неопределенности) и *zakat-integrated* (с обязательным благотворительным взносом) финансирования.

Геополитическая цель – создание «нефтеденежного» альтернативного стандарта. Инициативы по расчетам в юанях, рупиях, дирхамах и цифровых валютах направлены на создание многовалютной, не привязанной к Западу торговой зоны, где платежи совершаются в соответствии с шариатскими нормами⁶⁰. Все операции с ЦФА и *CBDC* проходят под контролем шариатских надзорных советов, интегрированных с цифровыми платежными системами. Это создает первый в мире правовой режим, где технология и религия функционируют как единый регуляторный аппарат.

Инструменты реализации:

ОАЭ (Дубай): создание «криптовалютной свободной зоны» *Dubai International Financial Centre*⁶¹. В рамках «дорожной карты 2025» этот центр позиционируется как один из ключевых крипто-дружественных свободных зон⁶².

⁵⁵ Bank of Japan. Joint Research on CBDCs with Korea and ASEAN. <https://www.boj.or.jp/en/research/announcements/2023/pr231016.htm>

⁵⁶ IMF. Russia-China Trade Settlement in Non-Dollar Currencies. IMF Working Paper WP/24/105. <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/15/Russia-China-Trade-Settlement-in-Non-Dollar-Currencies-542541>

⁵⁷ Statista. UPI Transaction Volume in Southeast Asia. <https://www.statista.com/statistics/1378889/upi-transaction-volume-asia/>

⁵⁸ BIS. mBridge Pilot Results: USD 12 Billion in Transactions. <https://www.bis.org/news/240418-mbridge-results.htm>

⁵⁹ African Development Bank. China's Digital Yuan Adoption in Africa. <https://www.afdb.org/en/documents/china-digital-yuan-africa-2024>

⁶⁰ Clarke, A. (2023, April 6). Islam and crypto: How digital assets can comply with Islamic financial law. Cointelegraph. <https://cointelegraph.com/news/islam-and-crypto-how-digital-assets-can-comply-with-islamic-financial-law>

⁶¹ DWTC cryptocurrency regulations. Galadari. <https://galadarilaw.com/news/dubai-world-trade-centre-authority-cryptocurrency-regulations/>

⁶² Navigating Bahrain's Crypto-Asset Licensing Framework: A Comprehensive Analysis of the Four Licensing Categories. Cryptoverse. <https://www.cryptoverselawyers.io/navigating-bahrain-crypto-asset-licensing-framework/>

Саудовская Аравия: *Project Aber* (совместно с ОАЭ) – первый международный *CBDC* проект, совместный проект центральных банков Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов по внедрению трансграничных переводов с использованием технологии блокчейн⁶³. Проект успешно продемонстрировал техническую жизнеспособность межгосударственных платежей на основе распределенного реестра и показал, что такие системы могут «переосмыслить» традиционные подходы к международным переводам даже далеко за рамками ближневосточного кластера⁶⁴.

Бахрейн: первая в регионе комплексная система лицензирования криптобирж в Бахрейне, где *Central Bank of Bahrain (CBB)* обеспечивал регуляторную базу для компаний, работающих с криптовалютой⁶⁵.

«Исламское финансирование 2.0» – первый успешный эксперимент создания цифровой финансовой системы, базирующейся на религиозной основе. Кластер демонстрирует, что цифровые технологии могут быть не нейтральными, а культурно-религиозно обусловленными, ставя под сомнение доминирующую в академической литературе гипотезу о «техническом универсализме», и открывает путь к многообразию цифровых финансовых стандартов, каждый из которых отражает свою цивилизационную парадигму (*pluralistic digital finance paradigm*).

Декларируется, что к 2030 г. до 25 % всех трансграничных расчетов в мусульманском мире будут осуществляться через шариатско-цифровые каналы. Если кластер объявит о создании цифровой валюты, соответствующей принципам исламских финансов (шариата) (*Global Islamic Digital Currency (GIDC)*), это станет первым в истории межгосударственным цифровым стандартом, не имеющим отношения к доллару, евро или юаню.

4. Латиноамериканский кластер (стратегия финансовой инклюзии)

В этом кластере осуществляется попытка политической и этической перезагрузки самой природы денег. Здесь цифровые валюты и активы используются не для усиления госконтроля или геополитического давления, а в целях восстановления экономической суверенности, социальной справедливости и деколонизации финансовой инфраструктуры.

Главная цель – полное освобождение от доминирования доллара США, который, несмотря на невысокую экономическую связь с регионом, остается основной валютой торговли, кредитования и резервов. Более 70 % экспортно-импортных операций в Латинской Америке совершаются в долларах, что делает страны уязвимыми к колебаниям курса, политике ФРС и односторонним санкциям.

Кластер преследует три взаимосвязанных приоритета:

- создание автономной региональной финансовой среды, свободной от *SWIFT*. В частности, лидеры семи стран Латинской Америки (Аргентины, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Парагвая, Уругвая и Эквадора) договорились о запуске проекта – создании регионального банка развития (Южноамериканского банка, или Банка Юга). Цель учреждения – уменьшить зависимость южноамериканских стран от международных финансовых институтов, таких как МВФ и Всемирный банк⁶⁶;

- превращение цифровых валют в инструменты социальной репарации – способ обеспечения доступа к финансовым услугам для 38 % населения, оставшегося вне банковской системы⁶⁷. В частности, Багамы запустили первую в мире *CBDC* – *Sand Dollar* – еще в 2020 г., и к 2024 г. проект продолжает успешно функционировать, обеспечивая население, особенно на удаленных островах, доступом к финансовым услугам без необходимости открытия банковского счета⁶⁸. Боливия в 2025 г. оценивает возможность выпуска оптовой *CBDC* (*wholesale CBDC*) как инструмента модернизации межбанковских расчетов и расширения доступа

⁶³ Saudi Central Bank (SAMA). Project Aber: Saudi Central Bank and Central Bank of the U.A.E. Joint Digital Currency and Distributed Ledger Project. https://www.sama.gov.sa/en-US/News/Documents/Project_Aber_report-EN.pdf

⁶⁴ Baker, J. (2025, June). UAE cross-border moves highlight digital growth. <https://www.fxcintel.com/research/analysis/uae-cross-border-developments>

⁶⁵ Alexandre, A. (2019, February 26). Bahrain Central Bank Releases First Crypto Exchange to Graduate Its Regulatory Sandbox. Cointelegraph. <https://cointelegraph.com/news/bahrain-central-bank-releases-first-crypto-exchange-to-graduate-its-regulatory-sandbox>

⁶⁶ Латиноамериканцы создали альтернативу МВФ – Банк Юга. (2007, 10 декабря). Финмаркет. <https://www.finmarket.ru/news/730467>

⁶⁷ World Bank. Global Findex Database 2021. <https://globalfindex.worldbank.org/>

⁶⁸ Песчаный доллар и другие цифровые валюты. (2024, 17 октября). Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/7219475>

к финансовой системе для ранее исключенных участников⁶⁹. Центральный банк Чили в 2024 г. объявил о проведении тестов *CBDC* с целью улучшения понимания ее потенциала в обеспечении инклюзии и устойчивости платежной системы⁷⁰;

– токенизация реального сектора как механизм возвращения контроля над природными ресурсами.

Центральным инструментом кластера являются цифровые валюты центральных банков (*CBDC*), но их конструкция принципиально отличается от западных или азиатских моделей. Вместо того чтобы быть инструментами монетарного контроля, они становятся платформами социальной поддержки и экономической автономии.

Межгосударственные расчеты организованы через региональные сети, созданные вне западной системы. Речь идет о проекте единой региональной расчетной системы (*SUCRE*)⁷¹ и крупнейшем интеграционном объединении в Южной Америке – *Mercosur*, в которое входят Бразилия, Аргентина, Уругвай, Парагвай и Венесуэла⁷².

С 2021 по 2024 г. внедрялся проект *DCash* – *CBDC* Восточно-Карибского региона. Он представлял собой цифровую валюту Центрального банка Восточных Карибов (*ECCB*) и охватывал восемь стран Восточно-Карибского валютного союза (*ECCU*), включая Антигуа и Барбуду, Доминикану, Гренаду, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсию, Сент-Винсент и Гренадины⁷³.

В целом латиноамериканский кластер демонстрирует, что цифровые технологии могут быть инструментом децентрализации финансовых расчетов. Этот кластер – первый в истории пример финансовой деколонизации в действии. Он показывает, что технология может быть не нейтральной, а культурно и политически заряженной. Здесь блокчейн не средство отслеживания, а средство освобождения; *CBDC* не инструмент контроля, а гарантия существования; *DeFi* не тренд, а сопротивление.

Российская стратегия финансового суверенитета

С некоторой долей условности можно выделить российскую стратегию финансовой суверенности во взаимодействии с четырьмя основными глобальными кластерами – американско-европейским, азиатско-тихоокеанским, ближневосточным и латиноамериканским – с фокусом на создание и участие в проектах межгосударственных цифровых финансовых расчетов. Эта стратегия может быть представлена как селективная интеграция в рамках стратегической информационной автономии.

Геополитически Россия не может и не должна стремиться стать полноценным членом ни одного из существующих кластеров – ни западного (который ее исключил), ни азиатского (который требует технологической зависимости от Китая), ни ближневосточного (который опирается на шариатскую легитимацию, неприемлемую для России), ни латиноамериканского (базирующегося на социальной инклюзии, а не на государственной безопасности).

Ключевая задача России – управлять точками их пересечения, а не вступать в долгосрочные альянсы. В этом контексте стратегической задачей в развитии межгосударственных цифровых расчетов является создание собственной, открытой в контролируемых узлах цифровой финансовой экосистемы, через которую другие кластеры будут вынуждены взаимодействовать с Россией.

⁶⁹ Goschenko, S. (2025, 27 октября). Latam Insights: Боливия запускает CBDC, Аргентина завершает сделку по обмену на \$20 миллиардов. Bitcoin.com. <https://news.bitcoin.com/ru/latam-insights-boliviya-zapuskayet-cbdc-argentina-zavershaet-sdelku-po-obmenu-na-20-milliardov/>

⁷⁰ Latam Insights: Чили продолжит развивать тестирование *CBDC*, Аргентина дебютирует с реестром VASP. (2024, 25 марта). Bitcoin.com. <https://news.bitcoin.com/ru/latam-insights-chili-prodolzhit-razvivat-testirovanie-cbdc-argentina-debyutiruet-s-reestrom-vasp/>

⁷¹ Региональные платежные системы. Новый проверенный инструмент геополитики? Plus World. <https://plusworld.ru/journal/2020/plus-3-2020/regionalnye-platezhnye-sistemy-novyy-proverennyj-instrument-geopolitiki/>

⁷² Mercosur. <https://www.mercosur.int/>

⁷³ Avan-Nomayo, O. (2021, April 1). Eastern Caribbean Central Bank's DCash digital currency goes live. Cointelegraph. <https://cointelegraph.com/news/eastern-caribbean-central-bank-s-dcash-digital-currency-goes-live>

В рамках взаимодействия с азиатско-тихоокеанским кластером важно укрепление сотрудничества с Китаем с использованием проектов Трансграничной межбанковской платежной системы *CIPS*⁷⁴, *mBridge* и *e-CNY* как основы для дедолларизации.

Тактически целесообразно:

- полное внедрение рублево-юаневого моста как основного канала для торговли энергоресурсами, зерном, металлургией и вооружением. Все сделки – в *CBDC* (цифровой рубль ↔ цифровой юань) с использованием совместной блокчейн-платформы, управляемой ЦБ РФ и Народным банком Китая;
- отказ от участия в *mBridge* как универсальном проекте *BIS*. Россия не вступает в него официально, но использует его технические протоколы для создания двойной системы – внутренней (российско-китайской) и внешней (для третьих стран);
- токенизация сырья в рамках «рублево-юаневой корзины» (нефть, газ, уголь и металлы);
- контроль над технологическим стеком: Россия уже сегодня не полагается на китайское программное обеспечение (*Huawei, Alibaba Cloud*), разрабатывая собственные блокчейн-ядра и шифровальные протоколы, совместимые с *CIPS*, но независимые от китайских алгоритмов.

Стратегически Россия может стать технологическим партнером Китая, но при этом независимым узлом.

Во взаимодействии с ближневосточным кластером Россия может использовать его платежные инструменты для обхода санкций. С позиции расширения международной стратегии в сфере финансов политика России может быть направлена на превращение ОАЭ, Саудовской Аравии, Катар и Турции в финансовые транзитные хабы, позволяющие обходить западные ограничения.

Тактически целесообразно:

- создание «золото-рублевого моста» (*Gold-Ruble Corridor*). Россия предлагает странам Персидского залива обмен нефти и газа на цифровой рубль, который можно конвертировать в металлообеспеченные токены. Это позволяет обойти шариатский запрет на проценты, поскольку операции не являются кредитными, они бартер с цифровым эквивалентом. Дубай и Абу-Даби становятся центральными пунктами конвертации, где рубли превращаются в драгоценные металлы, а металлы – в дирхамы или евро;
- создание «альянса энергетических суверенитетов». Россия, Саудовская Аравия, ОАЭ, Индия и Иран формируют неформальный клуб, где все расчеты ведутся в цифровых валютах, привязанных к сырью, а не к валютам (альянс не имеет имени, не публикует документов, не участвует в *BIS*, он работает через частные смарт-контракты, подписываемые правительствами).

Взаимодействие с латиноамериканским кластером может быть представлено как партнерство на основе взаимной изоляции. Геополитической целью можно обозначить превращение Латинской Америки в зону экспортного давления и альтернативного рынка, где Россия становится поставщиком энергии, технологий и финансовой устойчивости.

Тактически целесообразны:

- обмен энергии на продовольствие и минералы через цифровые токены: Россия предоставляет технологии цифрового рубля (*RusChain*) Бразилии, Аргентине, Венесуэле и Эквадору в обмен на соевые бобы, медь, кофе и литий. Все расчеты ведутся в токенах, привязанных к товарным корзинам, а не к валютам. Это создает замкнутую систему вне санкций;
- поддержка региональных *CBDC* как анти*SWIFT* инфраструктуры: Россия предоставляет техническую помощь в создании национальных цифровых валют (например, в Эквадоре, Венесуэле, Боливии), но только при условии, что эти валюты не используются для связи с США или ЕС;
- создание «южноамериканского рублевого хаба» – специальной финансовой зоны, где российские компании могут проводить расчеты в цифровом рубле, получая налоговые льготы и защиту от санкций.

В рамках взаимодействия с этим кластером Россия может создать альтернативную цепочку поставок, где Латинская Америка становится не клиентом, а союзником в борьбе с долларом.

⁷⁴ *CIPS* (англ. *Cross-border Interbank Payment System*, англ. *China International Payments System – is unofficial name*, англ. *China Interbank Payments System*) – международная китайская система передачи финансовых сообщений и платежей, созданная в 2015 г. для расширения платежей в юане.

Взаимодействие с *американо-европейским кластером* может быть построено на основе подрыва значимости его решений через демонстрацию платежных альтернатив.

В целом в рамках продвижения собственных инициатив по развитию межгосударственных цифровых платежных систем для Российской Федерации целесообразно поэтапно реализовывать ряд мер в рамках как внутренней, так и внешнеполитической стратегии:

- важно завершить пилотирование цифрового рубля как инструмента межгосударственных расчетов и создать инфраструктурную основу для использования криптовалюты, стейблкоинов и цифровой валюты во внешнеэкономической деятельности через модель закрытых экспериментальных режимов⁷⁵;
- создать национальный блокчейн, совместимый с *CIPS*, но независимый от китайских алгоритмов; запустить первый мультивалютный мост – «рубль – юань – дирхам – рупия»;
- подписать двусторонние соглашения с Китаем, ОАЭ, Индией, Ираном, Турцией, Венесуэлой, Боливией и Сербией о признании цифрового рубля как средства расчета;
- создать с геополитическими партнерами консорциумы, советы и платформы по продвижению и координации цифровых расчетов, где взаимодействие осуществляется через закрытые каналы, а голосование – через смарт-контракты.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Глобальная платежная система в настоящее время переживает не модернизацию, а смену парадигмы – переходит от корреспондентского банкинга к токенизированным платформам, вводит в систему платежей цифровые финансовые активы (включая токенизированные активы и стейблкоины) и цифровую валюту центральных банков (*CBDC*). Это приводит к тому, что у ключевых геополитических акторов заметно смещаются приоритеты и установки в международной платежной политике: для них зависимость от внешних платежных систем начинает приравняться к созданию недопустимых уязвимостей для национальной финансовой безопасности, а разработка собственных цифровых платформ (ЦФА, *CBDC*) видится стратегическим приоритетом внутренней и международной политики.

2. В стремлении создать платежные цифровые модели, максимально адаптированные к стратегическим задачам, ключевые внешнеполитические игроки создают собственные технологические архитектуры, что приводит к фрагментации рынка цифровых финансовых услуг. Единственным способом противостоять ей становится создание альтернативных, но совместимых и технологически передовых мультилатеральных платформ, построенных на основе единых технологических стандартов и протоколов. Что же касается создания полностью автономных, закрытых систем внутри отдельных блоков (преимущественно в формате *G2G*), то в перспективе трех-пяти лет они обречены на провал, поскольку в силу своей геополитической закрытости будут воспроизводить все слабости старой модели международных расчетов – высокую стоимость, низкую скорость и др.

3. Ответом на запрос о создании универсальной модели цифровых трансграничных расчетов с использованием ЦФА и *CBDC* стали проекты Банка международных расчетов (*mBridge*, *Dunbar*, *Jura*, *Icebreaker* и др.). Они демонстрируют различные подходы к интероперабельности цифровых активов: от единого многовалютного реестра до связанных систем с «мостами» и платформ-посредников. Эти проекты стали основой для региональных инициатив БРИКС, ШОС и ЕАЭС, но в реальности столкнулись с проблемами регуляторной гармонизации и геополитических противоречий, что подтвердило их политическую уязвимость и неспособность в настоящее время стать интеграционным фактором для коллективного продвижения идей дедолларизации.

4. Регуляторная гармонизация является одной из главных проблем для международных цифровых платежных систем. Различия в национальных законах о цифровых активах, подходах к *KYC/AML* и правовом статусе цифровых финансовых активов и *CBDC* создают серьезные барьеры для масштабирования проектов на уровне БРИКС и ШОС.

⁷⁵ Министерство экономического развития РФ. Экспериментальные правовые режимы. https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/?ysclid=mhj5hswtt6613588222

5. Наиболее перспективным в прогнозе трех-пяти лет является создание «гибридных систем», где новые технологии используются для дополнения, а не для полной замены существующей инфраструктуры. Такие модели позволяют частично решить проблему санкционных рисков, сохраняя при этом доступ к глобальным финансовым рынкам.

6. Выход Банка международных расчетов из проекта *mBridge* в 2024 г. показывает, что даже на ранней стадии реализации глобальных цифровых задач геополитические факторы могут оказывать решающее влияние на судьбу платежных инициатив. Это подчеркивает необходимость создания альтернативных платформ, которые не зависят от западных институтов, но при этом сохраняют высокую степень технологической совместимости и надежности.

7. Геополитическая фрагментация цифровых платежных систем становится неизбежным следствием глобальных противоречий: западные страны стремятся сохранить контроль над финансовой инфраструктурой через регуляторные рамки и санкционные механизмы, в то время как страны БРИКС, ШОС и Ближнего Востока создают альтернативные системы, основанные на технологической автономии и региональных интересах. Это приводит к расколу глобальной финансовой системы на четыре основных кластера – американо-европейский (оборонительный), азиатско-тихоокеанский (инновационный), ближневосточный (шариатский) и латиноамериканский (инклюзивный), каждый из которых преследует свои геополитические цели, что в конечном итоге подрывает единство мировой финансовой системы.

8. Россия, находясь вне основных геополитических кластеров, выстраивает стратегию селективной интеграции, используя свои позиции в точках пересечения интересов других акторов для создания цифровой финансовой экосистемы, которая позволяла бы обходить санкции и сохранять технологическую независимость. Через партнерство с Китаем в рамках рублево-юаневого моста с использованием цифровой валюты центральных банков, посредством пилотирования шариатской легитимации с применением токенизированных активов для обхода западных ограничений с Ближним Востоком и создания альтернативных цепочек поставок с Латинской Америкой Россия превращается в ключевого «технологического посредника» между различными финансовыми системами, что позволяет ей сохранять влияние в условиях многополярного мирового финансового порядка.

9. В качестве предложений на расширение участия России в развитии транснациональных цифровых платежных сервисов в перспективе трех-семи лет могут быть рассмотрены:

- построение гибридной цифровой инфраструктуры, ключевыми компонентами которой могут выступать рублево-юаневая корзина цифровой валюты центральных банков, «золото-рублевый мост» для Ближнего Востока (конвертация в металлообеспеченные токены для обхода шариатских запретов) и «южно-американский рублевый хаб» для Латинской Америки;

- внедрение закрытых консорциумов с управлением через смарт-контракты, активное участие в международных стандартах (*ISO*, *FATF*) с контролируемым доступом и формирование «цифрового суверенитета» как основы национальной безопасности позволят сохранить гибкость и устойчивость в условиях геополитической нестабильности.

Список литературы

- Барановский, В. Г. (2025). О формировании нового миропорядка. *Полис. Политические исследования*, 1, 7–23. EDN: DBTAZY. DOI: 10.17976/jpps/2025.01.02
- Валлерштайн, И. (2006). *Миротелестемный анализ: введение*. Москва: Территория будущего.
- Вольчик, В. В., Ширяев, И. М. (2025). Экономическая идеология и экономическая политика в зеркале нарративов. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 469–487. EDN: CHOGTL. DOI: 10.21202/2782-2923.2025.3.469-487
- Громова, Е. А. (2024). Модель правового регулирования кластеров в Российской Федерации. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 121–133. EDN: TRLZSW. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1.121-133
- Дейч, Т. Л. (2018). Китай в Африке: «неоколонизализм» или «win-win» стратегия? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 11(5), 119–141. EDN: YOLFUL. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141
- Еремин, А. А. (2021). Периферийный реализм Карлоса Эскуде. *Ибероамериканские тетради*, 9(1), 50–61. EDN: SQJJOZ. DOI: 10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61
- Карпинская, В. А. (2024). Экотелестемный стиль мышления в экономическом анализе: принцип единства непрерывного и дискретного. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 863–875. EDN: UKIKTV. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.4.863-875

- Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2022). Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век. *Социологические исследования*, 10, 3–16. EDN: VCDKYF. DOI: 10.31857/S013216250022645-2
- Конышев, В. Н. (2004). О неореализме Кеннета Уолтса. *Полис. Политические исследования*, 2, 146–155. EDN: HSODMZ. DOI: 10.17976/jpps/2004.02.14
- Королев, А. А., Кудряшов, А. А. (2025). Динамика взаимозависимости криптовалютного рынка и мировой экономики в контексте глобальных экономико-политических потрясений. *Вопросы инновационной экономики*, 15(2), 645–660. EDN: EPUXXP. DOI: 10.18334/vines.15.2.122309
- Кочергин, Д. А. (2024). Цифровые валюты центральных банков для трансграничных платежей: модели интероперабельности и перспективы внедрения. *Финансы: теория и практика*, 28(2), 82–100. EDN: AUCSSF. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-2-82-100
- Кочергин, Д. А., Андрушин, С. А. (2024). Перспективы международных расчетов цифровыми валютами центральных банков на платформенной основе в зарубежных странах и России. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 6, 156–185. EDN: LQCJRN. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_6_156_185
- Кравченко, С. А. (2024). Синергия сложности как императивный принцип организации власти в цифровую эпоху: новые вызовы человеческому капиталу. *Полис. Политические исследования*, 2, 65–79. EDN: GDHVVD. DOI: 10.17976/jpps/2024.02.06
- Кузнецов, А. В. (2024). Валютная гегемония как инструмент глобального доминирования США. *Мир новой экономики*, 18(1), 69–79. EDN: JSSZNZ. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-1-69-79
- Манушин, Д. В. (2024). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 2: Последствия войны санкций, управление изменениями, уточнение понятий исследования. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 36–69. EDN: OTFHYP. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1.36-69
- Маслов, А. В., Швандар, К. В. (2023). Новые международные проекты по использованию цифровых валют центральных банков в трансформации трансграничных расчетов. *Финансовый журнал*, 15(2), 47–58. EDN: LVINPJ. DOI: 10.31107/2075-1990-2023-2-47-58
- Онищенко, А. О. (2021). Идеационный институционализм: объяснение институциональных трансформаций в период кризиса. *Вестник Пермского университета. Политология*, 2, 5–15. EDN: ACVSTZ. DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-5-15
- Сергеев, В. М., Казанцев, А. А., Медведева, С. М. (2020). Территориальная неоднородность глобализации и порождаемые ею типы конфликтов. *Полис. Политические исследования*, 1, 44–61. EDN: XWARUZ. DOI: 10.17976/jpps/2020.01.04
- Сидоренко, Э. Л. (2023). DeFi-преступность: состояние, тенденции и криминологические модели. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 327–341. EDN: UXSEIM. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.327-341
- Сидоренко, Э. Л. (2025). Китайская инициатива Цифрового шелкового пути: направления и перспективы развития, преимущества и риски для России. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(1), 57–79. EDN: HGIXIT. DOI: 10.21202/2782-2923.2025.1.57-79
- Туманян, Ю. Р., Корытцев, М. А., Ипатова, А. В. (2025). Геоэкономика и неолиберализм: теория, методология, практика. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 488–502. EDN: WVRUAP. DOI: 10.21202/2782-2923.2025.3.488-502
- Цыганков, П. А. (2002). *Теория международных отношений*. Москва: Гардарики.
- Яковлев, П. П. (2021). Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 14(2), 6–27. EDN: XGXCVD. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1
- Amin, S. (1989). *Delinking: Towards a Polycentric World*. London: Zed Books Press.
- Arauz, A. (2021). The International Hierarchy of Money in Cross-Border Payment Systems: Developing Countries' Regulation for Central Bank Digital Currencies and Facebook's* Stablecoin. *International Journal of Political Economy*, 50(3), 226–243. EDN: PSLJNJ. DOI: 10.1080/08911916.2021.1984728
- Bech, M., Boar, C., Eidan, D., Haene, P., Holden, H., & Toh, W. K. (2023). Using Central Bank Digital Currencies Across Borders: Lessons From Practical Experiments. *Journal of Payments Strategy & Systems*, 17(1), 46–57. EDN: PWQKEF. DOI: 10.69554/reyy9560
- Boar, C., Claessens, S., Kosse, A., Leckow, R., & Rice, T. (2021). Interoperability Between Payment Systems Across Borders. *BIS Bulletin*, 49, 1–10.
- Chu, Y., & Rathbun, N. (2025). Monetary Sovereignty and Central Bank Digital Currencies: Competing Models for Future Cross-Border Payment Platforms. *Global Policy*, 16, 329–340. EDN: ESRCJA. DOI: 10.1111/1758-5899.13495
- Farrell, H., & Newman, A. (2019). Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*, 44, 42–79. https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
- Hurrell, A. (2006). Hegemony, liberalism and global order: what space for would-be great powers? *International Affairs*, 82(1), 1–19.
- Keohane, R. O., & Nye, J. S. (2001). *Power and interdependence*. New York – London.
- Kosse, A., & Mattei, I. (2023). Making Headway – Results of the 2022 BIS Survey on Central Bank Digital Currencies and Crypto. *Bank for International Settlements*. <https://www.bis.org/publ/bppdf/bisap136.htm>

* Facebook – социальная сеть принадлежит Meta, признанной экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

- Mearsheimer, J. (1995). A Realist Reply. *International Security*, 20(1), 1–24. <https://doi.org/10.2307/2539218>
- Waltz, K. (1979). *Theory of International Politics*. New York.
- Wendt, A. (2015). Flatland: Quantum Mind and the International Hologram. In M. Albert et al. (Eds.), *New Systems of World Politics* (pp. 279–310). New York: Palgrave Macmillan.

References

- Amin, S. (1989). *Delinking: Towards a Polycentric World*. London: Zed Books Press.
- Arauz, A. (2021). The International Hierarchy of Money in Cross-Border Payment Systems: Developing Countries' Regulation for Central Bank Digital Currencies and Facebook's* Stablecoin. *International Journal of Political Economy*, 50(3), 226–243. <https://doi.org/10.1080/08911916.2021.1984728>
- Baranovskiy, V. G. (2025). On the Formation of a New World Order. *Polis. Political Studies*, 1, 7–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.02>
- Bech, M., Boar, C., Eidan, D., Haene, P., Holden, H., & Toh, W. K. (2023). Using Central Bank Digital Currencies Across Borders: Lessons From Practical Experiments. *Journal of Payments Strategy & Systems*, 17(1), 46–57. <https://doi.org/10.69554/reyy9560>
- Boar, C., Claessens, S., Kosse, A., Leckow, R., & Rice, T. (2021). Interoperability Between Payment Systems Across Borders. *BIS Bulletin*, 49, 1–10.
- Chu, Y., & Rathbun, N. (2025). Monetary Sovereignty and Central Bank Digital Currencies: Competing Models for Future Cross-Border Payment Platforms. *Global Policy*, 16, 329–340. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13495>
- Deych, T. L. (2018). China in Africa: Neo-Colonial Power or a “Win-Win” Strategy? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 11(5), 119–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141>
- Eremin, A. A. (2021). Peripheral realism of Carlos Escudé. *Cuadernos Iberoamericanos*, 9(1), 50–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>
- Farrell, H., & Newman, A. (2019). Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*, 44, 42–79. https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
- Gromova, E. A. (2024). Model of Legal Regulation of Clusters in the Russian Federation. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 121–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.121-133>
- Hurrell, A. (2006). Hegemony, liberalism and global order: what space for would-be great powers? *International Affairs*, 82(1), 1–19.
- Karpinskaya, V. A. (2024). Ecosystem style of thinking in economic analysis: principle of unity of the continuous and the discrete. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 863–875. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.863-875>
- Keohane, R. O., & Nye, J. S. (2001). *Power and Interdependence*. New York – London.
- Kirdina-Chandler, S. G. (2022). Unipolarity, Multipolarity, and Bipolar Coalitions. XXI Century. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 10, 3–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013216250022645-2>
- Kochergin, D. A. (2024). Central Bank Digital Currencies for Cross-Border Payments: Interoperability Models and Implementation Possibilities. *Finance: Theory and Practice*, 28(2), 82–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-2-82-100>
- Kochergin, D. A., & Andryushin, S. A. (2024). Prospects for international settlements in central bank digital currencies on a platform basis in foreign countries and Russia. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*, 6, 156–185. (In Russ.). https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_6_156_185
- Konyshyev, V. N. (2004). On Kenneth Waltz's Neorealism. *Polis. Political Studies*, 2, 146–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.02.14>
- Korolev, A. A., & Kudryashov, A. A. (2025). Dynamics of Cryptocurrency Market Interdependence with the Global Economy in the Context of Global Economic-Political Shocks. *Russian Journal of Innovation Economics*, 15(2), 645–660. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/vinec.15.2.122309>
- Kosse, A., & Mattei, I. (2023). Making Headway – Results of the 2022 BIS Survey on Central Bank Digital Currencies and Crypto. *Bank for International Settlements*. <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap136.htm>
- Kravchenko, S. A. (2024). The emergence of the synergistically complex power in digital era: challenges to human capital. *Polis. Political Studies*, 2, 65–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.06>
- Kuznetsov, A. V. (2024). Currency Hegemony as a Tool of US Global Dominance. *The World of New Economy*, 18(1), 69–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-1-69-79>
- Manushin, D. V. (2024). Anti-Sanctions and Sanctions Economic Policy of Russia 2022–2025. Part 2: Aftermaths of sanctions war, management of changes, clarification of research concepts. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 36–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69>

* Facebook – социальная сеть принадлежит Meta, признанной экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

- Maslov, A. V., & Shvandar, K. V. (2023). New International Projects on the Use of Central Bank Digital Currencies in Transforming Cross-Border Settlements. *Financial Journal*, 15(2), 47–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-2-47-58>
- Mearshheimer, J. (1995). A Realist Reply. *International Security*, 20(1), 1–24. <https://doi.org/10.2307/2539218>
- Onishchenko, A. O. (2021). Ideational Institutionalism: Explaining Institutional Transformations During a Crisis. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2, 5–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-2-5-15>
- Sergeev, V. M., Kazantsev, A. A., & Medvedeva, S. M. (2020). Territorial Heterogeneity of Globalization and the Types of Conflicts. *Polis. Political Studies*, 1, 44–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.04>
- Sidorenko, E. L. (2023). DeFi-Crime: condition, trends and criminological models. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 327–341. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.2.327-341>
- Sidorenko, E. L. (2025). China's Digital Silk Road Initiative: Directions and prospects of development, advantages and risks for Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(1), 57–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.57-79>
- Tsyphkankov, P. A. (2002). *Theory of International Relations*. Moscow: Gardariki. (In Russ.).
- Tumanyan, Y. R., Korytsev, M. A., & Ipatova, A. V. (2025). Geo-economics and Neoliberalism: Theory, Methodology, Practice. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 488–502. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.488-502>
- Vallerstein, I. (2006). *World-Systems Analysis: An Introduction*. Moscow: Territoriya budushhego. (In Russ.).
- Volchik, V. V., & Shiriaev, I. M. (2025). Economic Ideology and Economic Policy in the Mirror of Narratives. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 469–487. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.469-487>
- Waltz, K. (1979). *Theory of International Politics*. New York.
- Wendt, A. (2015). Flatland: Quantum Mind and the International Hologram. In M. Albert et al. (Eds.), *New Systems of World Politics* (pp. 279–310). New York: Palgrave Macmillan.
- Yakovlev, P. P. (2021). Global South: Conceptual Approaches and Socio-Economic Processes. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 14(2), 6–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-2-1>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Технологическая характеристика проектов Банка международных расчетов (далее – BIS)

Проект	Тип цифровых активов	Технологическая основа (тип блокчейна)	Модель валидации	Модель доступа	Иные технологические особенности
mBridge ⁷⁶	Национальные wholesale CBDC ⁷⁷ (потенциал для retail)	Модифицированный Hyperledger Fabric(mBridge Ledger)	PBFT ⁷⁸ -подобный (permissioned)	Только авторизованные участники: центробанки и уполномоченные коммерческие банки	Модульная архитектура с изолированными «зонами» по юрисдикциям; поддержка atomic PvP-сделок ⁷⁹ ; прямой обмен CBDC без конвертации в промежуточную валюту
Dunbar ⁸⁰	Wholesale CBDC нескольких юрисдикций	Фаза 1: permissioned Ethereum (PoA ⁸¹) Фаза 2: Corda Enterprise(R3)	Фаза 1: Proof-of-Authority Фаза 2: нотариальная модель Corda (без глобального консенсуса)	Только центробанки и уполномоченные банки	Юридическая и операционная изоляция активов; общий ledger с мультивалютной поддержкой

⁷⁶ Inthanon-LionRock to mBridge. (2021, September). <https://www.bis.org/publ/othp40.pdf>

⁷⁷ wholesale CBDC – оптовая цифровая валюта центрального банка (предназначена для финансовых институтов, в первую очередь коммерческих банков).

⁷⁸ PBFT (Practical Byzantine Fault Tolerance) – практический алгоритм устойчивости к византийским отказам.

⁷⁹ PvP (Payment-versus-Payment) – механизм одновременного обмена двумя валютами при условии, что обе стороны исполняют свои обязательства.

⁸⁰ Project Dunbar: international settlements using multi-CBDCs. <https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc/dunbar.htm>

⁸¹ PoA (Proof of Authority) – доказательство авторитета – консенсусный механизм, при котором валидаторами выступают доверенные узлы.

Проект	Тип цифровых активов	Технологическая основа (тип блокчейна)	Модель валидации	Модель доступа	Иные технологические особенности
<i>Jura</i> ⁸²	<i>Wholesale CBDC</i> (евро и швейцарский франк)	<i>Corda Enterprise</i>	Нотариальная модель <i>Corda</i> (локальная валидация транзакций)	Двусторонний доступ: только участники из Франции и Швейцарии	Интеграция с национальными системами урегулирования (<i>SIC</i> ⁸³ , <i>T2</i>)
<i>Icebreaker</i> ⁸⁴	<i>Retail CBDC</i> ⁸⁵	Гибридная архитектура: локальные <i>CBDC</i> -платформы + центральный посреднический хаб (<i>intermediary hub</i>)	Зависит от национальных систем; хаб координирует без глобального консенсуса	Розничные пользователи через национальные платформы; хаб – доверенный оператор	Архитектура <i>hub-and-spoke</i> ; не требует прямой совместимости между национальными системами; хаб обеспечивает конвертацию
<i>Nexus</i> ⁸⁶	<i>Retail CBDC</i>	Не единый блокчейн; <i>API</i> -шлюз (<i>Nexus Gateway</i>), подключаемый к национальным платформам	Не определяет консенсус – зависит от национальной <i>CBDC</i> -системы	Розничные пользователи → национальные платформы → <i>Nexus Gateway</i>	Фокус на интероперабельности через <i>API</i> ; поддержка <i>KYC/AML</i> , маршрутизации и валютной конвертации на уровне шлюза
<i>Aurum</i> ⁸⁷	<i>Hybrid CBDC: wholesale CBDC + retail CBDC</i> (выпущенная банками)	Двухуровневая <i>DLT</i> -архитектура (<i>wholesale</i> уровень – <i>DLT</i> , например <i>Fabric</i> или <i>Corda</i>)	<i>PBFT</i> или аналог (в зависимости от реализации <i>wholesale</i> -слоя)	Центробанк → коммерческие банки → конечные пользователи	<i>Retail CBDC</i> – обязательства банков, на 100 % обеспеченные <i>wholesale CBDC</i> ; поддержка мгновенного урегулирования и стабильности банковской системы
<i>Mandala</i> ⁸⁸	<i>Retail и wholesale CBDC</i> (концептуально разработана)	Не фиксирована; исследовательская платформа с возможным использованием различных <i>DLT</i> (включая <i>Hyperledger Fabric</i> , <i>Corda</i> , централизованные базы)	Не определена (анализ альтернативных моделей)	Региональный доступ (центробанки <i>ACEAN+3</i> ⁸⁹); многоуровневая модель участия	Проект не создает единую платформу, а фокусируется на сравнении архитектур, стандартах интероперабельности (включая <i>ISO 20022</i>), правовых и операционных рамках совместимости национальных <i>CBDC</i>

⁸² Project Jura: cross-border settlement using wholesale CBDC. <https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc/jura.htm>

⁸³ *SIC* (*Swiss Interbank Clearing*) – швейцарская система межбанковских расчетов.

⁸⁴ Project Icebreaker concludes experiment for a new architecture for cross-border retail CBDCs. <https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc/icebreaker.htm>

⁸⁵ *Retail CBDC* – розничная цифровая валюта центрального банка (доступна конечным пользователям – физическим и юридическим лицам).

⁸⁶ Project Nexus: enabling instant cross-border payments. <https://www.bis.org/about/bisih/topics/fmis/nexus.htm>

⁸⁷ Project Aurum. https://www.bis.org/innovation/bis_open_tech_aurum.htm

⁸⁸ Project Mandala: shaping the future of cross-border payments compliance. <https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc/mandala.htm>

⁸⁹ *ACEAN+3* – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (*ASEAN*) и дополнительно трех стран: Китая, Японии и Республики Корея.

Таблица 2. Экономические характеристики Банка международных расчетов (BIS)

Проект	Участники	Стадии реализации	Фокус проекта
<i>mBridge</i>	BIS, НКМА, Народный банк Китая (НБ Китая), Банк Таиланда, ЦБ ОАЭ; позже – ЦБ Франции, Швейцарии, Малайзии и др.	<i>Live pilot</i> (с 2022 г.), движется к <i>MVP</i> и возможному промышленному запуску	Снижение стоимости и времени кросс-бордерных платежей; снижение зависимости от корреспондентских банков и доллара США
<i>Dunbar</i>	BIS, Резервный банк Австралии, Банк Малайзии, <i>MAS</i> (Сингапур), Резервный банк (РБ) ЮАР	Завершен (фаза 2 в 2022 г.); дальнейшее развитие не анонсировано	Создание общего международного <i>ledger</i> для <i>wholesale CBDC</i> с юридической изоляцией активов
<i>Jura</i>	BIS, Швейцарский национальный банк, Банк Франции	Успешный пилот завершен в 2021 г.; результаты интегрированы в инициативы Евросистемы	Обеспечение безопасного <i>atomic settlement (PvP/DvP⁹⁰)</i> в двусторонних кросс-бордерных расчетах
<i>Icebreaker</i>	BIS, банк Израиля, Норвегии, Швеции	Пилот завершен в 2023 г.; рассматривается как архитектурная концепция	Обеспечение розничных кросс-бордерных платежей без прямой интеграции национальных систем через доверенный хаб
<i>Nexus</i>	BIS, центробанки Малайзии, Филиппин, Сингапура, Таиланда и др. (в рамках <i>ACEAN</i>)	Активная разработка → внедрение (2023–2024); переход к практическому применению	Стандартизация подключения розничных <i>CBDC</i> к международным платежам; поддержка малых экономик и локальных валют
<i>Aurum</i>	BIS, НКМА (Гонконг)	Исследование завершено в 2022 г.; идеи интегрированы в другие проекты	Сохранение двухуровневой банковской системы при внедрении <i>CBDC</i> ; предотвращение «побега в <i>CBDC</i> »
<i>Mandala</i>	BIS (<i>Innovation Hub Singapore</i>) и центробанки <i>ACEAN+3</i> : Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам, Китай, Япония, Республика Корея	Исследовательская фаза (2022–2023); пилот не запускался; проект завершен на уровне анализа и рекомендаций	Региональная интеграция <i>CBDC</i> в Азии; снижение зависимости от долларовой инфраструктуры; поддержка локальных валют; разработка общих стандартов совместимости для будущих кросс-бордерных решений

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 25.09.2025
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 30.10.2025
Дата принятия в печать / Accepted 30.10.2025

⁹⁰ *DvP (Delivery-versus-Payment)* – механизм одновременной передачи актива и оплаты.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ / CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

Редактор рубрики Э. Ю. Латыпова / Rubric editor E. Yu. Latypova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.882-898>

УДК / UDC [343.914:343.61](049.3)

П. А. Кабанов¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

Женская преступность в контексте криминальной антропологии. Предисловие к статье П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин»

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
E-mail: kabanovp@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/D-7776-2015>
eLIBRARY SPIN-код: 5342-0391

Аннотация

Цель: краткий обзор и оценка содержания статьи женщины-врача П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин», определение ее места в творчестве этого автора и научной ценности для современной криминологии.

Методы: общенаучный метод диалектического познания, сравнение, а также формально-логический метод (дедукции, индукции, определения и деления понятия).

Результаты: в работе на основе анализа содержания статьи П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин» определяется ее значение в формировании авторской криминологическо-антропологической концепции исследования женщин-убийц. Выделены основные положения этого произведения, которые в последующем обогатили упомянутую концепцию. В первую очередь проведенная П. Н. Тарновской криминологическая группировка женщин-убийц на шесть различных категорий: 1) убийцы из корысти; 2) убийцы по страстному побуждению; 3) убийцы, побуждаемые супружескими разногласиями и половым отвращением; 4) убийцы, побуждаемые частичным притуплением нравственного чувства; 5) убийцы случайные; 6) убийцы-душевнобольные.

Неменьшую научную ценность представляет криминологическая группировка на однородные по своему внешнему составу преступления – детоубийства – по мотивации преступного поведения, которые впервые были разделены П. Н. Тарновской на две категории: детоубийства, вызванные эмотивными движениями – стыдом, страхом, отчаянием, – и детоубийства из-за личных выгод.

Научная новизна: автором впервые дается историко-криминологическая оценка статьи П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин», определяется ее значение для криминологической науки, а также указывается ее связь с предыдущими и последующими научными произведениями этого автора.

© Кабанов П. А., 2025

Практическая значимость: полученные результаты позволяют изменить взгляд на исследования женской преступности П. Н. Тарновской, сместив акцент с их описания на ее концепцию предупреждения женской преступности, в которой впервые дана криминологическая группировка женщин-убийц.

Ключевые слова

уголовно-правовые науки, криминология, криминальная антропология, женская преступность, мужеубийство, детоубийство, женщина-убийца, П. Н. Тарновская

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кабанов, П. А. (2025). Женская преступность в контексте криминальной антропологии. Предисловие к статье П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин». *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 882–898. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.882-898>

Scientific article

P. A. Kabanov¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

Female criminality in the context of criminal anthropology.

Foreword to the article by P. N. Tarnovskaya

“Criminal anthropology and women’s criminality”

Pavel A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan
Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: kabanovp@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/D-7776-2015>
eLIBRARY SPIN-code: 5342-0391

Abstract

Objective: to briefly review and evaluate the content of the article by a female doctor P. N. Tarnovskaya “Criminal anthropology and women’s criminality”; to determine its place among the author’s works and its scientific value for modern criminology.

Methods: the general scientific method of dialectical cognition, comparison, and the formal logical method (deduction, induction, definition and division of concepts).

Results: based on the content analysis of P. N. Tarnovskaya’s article “Criminal anthropology and women’s criminality”, this paper defines its significance in the formation of the author’s criminological and anthropological concept of studying female murderers. The author highlights the main provisions of the work, which subsequently enriched the mentioned concept. This is, first of all, P. N. Tarnovskaya’s criminological grouping of female murderers into six categories: 1) murderers out of self-interest; 2) murderers out of passion; 3) murderers motivated by marital discord and sexual aversion; 4) murderers motivated by a partial blunting of the moral sense; 5) accidental murderers; 6) mentally ill murderers.

Of no less scientific value is the criminological grouping of crimes that are homogeneous in their external composition. Based on the motivation of criminal behavior, P. N. Tarnovskaya was the first to divide infanticides into two categories: infanticide caused by emotional movements (shame, fear, despair) and infanticide for personal gain.

Scientific novelty: for the first time, the author gives a historical and criminological assessment of P. N. Tarnovskaya’s article “Criminal anthropology and women’s criminality”, determines its significance for criminological science, and highlights its connection with previous and subsequent scientific works by that author.

Practical significance: the results obtained make it possible to change the view of P. N. Tarnovskaya’s research on women’s crime, shifting the focus from describing them to studying her concept of preventing women’s criminality, where the criminological grouping of female murderers was provided for the first time.

Keywords

criminal law sciences, criminology, criminal anthropology, female crime, mariticide, infanticide, female murderer, P. N. Tarnovskaya

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kabanov, P. A. (2025). Female criminality in the context of criminal anthropology. Foreword to the article by P. N. Tarnovskaya “Criminal anthropology and women’s criminality”. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 882–898. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.882-898>

Введение

Женская преступность – явление изменчивое. Она под воздействием различных причин объективного и субъективного характера привлекает внимание различных слоев населения, а в условиях активности средств массовой информации – значительной доли исследователей к этому явлению. Достаточно одного получившего общественный резонанс (громкого) и всколыхнувшего общество преступления, совершенного женщинами, как интерес к изучению этого явления резко возрастает. Мода на исследование женской преступности, подогреваемая средствами массовой информации, становится притягательной для лиц, желающих не столько снижения этого вида преступности, сколько личной популярности. Однако среди исследователей женской преступности находились и те, для кого такие работы являлись средством самовыражения либо, как принято ныне говорить, личностного или профессионального роста, в котором личная популярность не была основной целью. В числе таких специалистов в конце XIX – начале XX в. оказалась наша соотечественница – представительница медицинской династии, женщина-врач Прасковья Николаевна Тарновская, чей вклад в развитие криминологии и изучение женской преступности (Rafter, 2009. Pp. 178–182), а также ее отдельных видов (Ковальски, 2021. С. 183–184) и некоторых форм девиантности (Prechet et al., 2015. Pp. 61–73) и по сей день признается значительным (Espinoza & Resendiz, 2025; Уайт, 2020, С. 7–23; Huff-Corzine & Toohy, 2019. Pp. 18–21; Huff-Corzine & Toohy, 2023; Kamola, 2023, S. 59–74; Pignata, 2023. Pp. 85–99). Действительно, международное признание П. Н. Тарновской как одного из ведущих исследователей женской преступности произошло после выхода в свет в парижском издательстве *Leerosnier and Bade* в 1889 г. книги под названием *Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses*, посвященной антропологическому измерению российских женщин – преступниц и проституток (Tarnowsky, 1889). Ее работу высоко оценили представители различных научных школ не только Европы, но и Северной и Южной Америки, а результаты отдельных исследований публиковались в наиболее престижных европейских изданиях на французском, немецком, итальянском и английском языках. В связи с этим указанная книга была переиздана этим же издательством значительным тиражом в 1892 г. (Tarnowsky, 1892). Популярность П. Н. Тарновской резко возросла после ряда выступлений с научными докладами по криминальной антропологии и женской преступности на научных мероприятиях в России и за рубежом. Наиболее значимым выступлением П. Н. Тарновской стал доклад о женской преступности в России *Criminalite de la femme*, сделанный на четвертом Женевском конгрессе криминальной антропологии (1896 г.). Об этом событии упоминали как отечественные специалисты, участвовавшие в нем (Сербский, 1896. С. 443–446; Розенбах, 1896. С. 177–179; Закревский, 1897. С. 67, 91–92; Никольский, 1898, С. 33–34), так и зарубежные криминологи (Marie, 1896. Pp. 176–178; Mais, 1896. P. 383; The Fourth international..., 1896. Pp. 618–619; Nache, 1897. Pp. 85–88; Räcké, 1897. Pp. 390–394), включая молодого, но уже популярного итальянского криминолога, ученика Ч. Ломброзо, адвоката Рудольфа Ляски (Laschi, 1896. Pp. 634–647). Краткое изложение этого доклада П. Н. Тарновской было отражено в сборнике упомянутого конгресса (Tarnowsky, 1897. Pp. 231–237). Значительное количество обзоров IV Конгресса криминальной антропологии и незначительный объем тезисов самого доклада позволили Прасковье Николаевне подготовить обширные работы по женской преступности и высказать отдельные суждения по криминальной антропологии как самостоятельном направлении научного познания. Первой крупной работой, объединившей

проблематику криминальной антропологии и женской преступности, стала ее статья, опубликованная в 1897 г. в седьмом номере журнала «Северный Вестник» под названием «Криминальная антропология и преступность женщин» (Тарновская, 1897. С. 8–22). Именно о значении этой работы для последующих исследований П. Н. Тарновской и криминологической науки пойдут дальнейшие наши рассуждения.

Процесс и результаты оценки значения произведения

Вышедшая в свет статья П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин» через год после ее доклада на IV конгрессе криминальной антропологии в Женеве структурно состоит из двух частей. Первая часть раскрывает суждения автора о криминальной антропологии как направлении научных знаний и методологическом фундаменте исследования личности преступника, а вторая отражает результаты собственного эмпирического антропологического исследования 160 российских женщин-убийц.

В первой части своего произведения П. Н. Тарновская кратко рассматривает эволюцию развития итальянской (туринской) школы криминальной антропологии и трансформацию воззрений ее основателя Чезаре Ломброзо. В ней автор кратко описывает содержание четырех международных конгрессов криминальной антропологии, проведенных в период с 1885 по 1896 г., включая критические замечания противников этой школы. В числе оппонентов школы, активно выступавших против наименования научного направления «криминальная антропология», она назвала генерального секретаря Антропологического общества Парижа, в котором сама состояла, профессора антропологической школы, доктора медицины, редактора журнала *Revue d'Anthropologie* Поля Топинарда (*Paul Topinard*). К тому же автор включила в содержание статьи мнение явного противника итальянской школы криминальной антропологии, утверждавшего о несостоятельности этой школы, профессора антропологической школы Парижа, а в последующем генерального секретаря Антропологического общества Парижа, доктора медицины Леонса Пьера Мануврие (*Léonce-Pierre Manouvrier*).

В первой части статьи П. Н. Тарновская четко формирует свое видение места криминальной антропологии, изучающей личность преступника, как новой самостоятельной отрасли биологии, а итальянского профессора Чезаре Ломброзо называет основателем этой отрасли. По мнению П. Н. Тарновской, с которой были солидарны многие криминологи, Ч. Ломброзо во множестве разнородных научных исследований (психологии, анатомии, френологии) собрал отдельные сведения о преступниках в одно направление – криминальную антропологию. Описывая достижения криминальной антропологии, П. Н. Тарновская отмечает, что в процессе ее развития появились исследования, указывающие на влияние наследственности на преступность и пьянство. Кроме того, в процессе развития криминальной антропологии были обнаружены и исследованы социальные условия преступности: нищета, безработица, брошенное детство, отсутствие воспитания и наличие «дурного примера» (подражания). В конце первого раздела она обозначает цель и задачи криминальной антропологии: изучение с физической и нравственной стороны преступников, которые в силу ослабленной организации и психических аномалий – врожденных и приобретенных – совершают преступления; отделение больных от здоровых, больных – лечить, здоровых – исправлять.

Представленная П. Н. Тарновской гуманистическая концепция криминальной антропологии как биологического направления в изучении преступника во многом совпадала с результатами ее научных исследований и воззрениями значительной доли европейских криминологов (Kürell, 1893; Bär, 1893). Подтверждением тому может служить то обстоятельство, что через небольшой промежуток времени после ее смерти появились крупные исследования криминальных антропологов под названием «криминальная биология» (Lenz, 1925). В настоящее время в рамках мировой криминологической науки развивается раздел, изучающий роль биологических факторов в этиологии преступного поведения, именуемый «биокриминология» (Walby & Carrier, 2010. Pp. 261–285).

Вторая часть этого произведения посвящена исследованию женской преступности как формы противоправного поведения. Автор отмечает, что, согласно исследованиям зарубежных и отечественных специалистов, соотношение преступности между мужчинами и женщинами не одинаково – криминальная активность мужчин значительно выше. Действительно, эти положения отмечались ранее в произведениях авторитетных зарубежных и российских специалистов (Näcke, 1894. Pp. 8–9; Lombroso & Ferrero, 1894. Pp. 24–26; Фойницкий, 1893. С. 3; Тарновский, 1893. С. 33–64). При этом автор отмечает, что женщины больше совершают преступлений под влиянием различных эмоций (ревности, мести, гнева, любви, супружеских разногласий, полового отвращения), чем преступлений, побудительной причиной которых стала корысть. Проведя анализ

сведений об осужденных женщинах-убийцах и воровках, П. Н. Тарновская делает вывод, что женщины чаще совершают преступления в кругу семьи, в том числе и мужеубийства. При этом автор ссылается на сведения о причинах криминального поведения российских мужеубийц-отравительниц, прозвучавшие 20 февраля 1893 г. в докладе юриста, а в последующем начальника Главного тюремного управления Российской империи Сергея Степановича Хрулева (Хрулев, 1893) на совместном заседании уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества и Санкт-Петербургского общества психиатров. В качестве основных причин мужеубийства П. Н. Тарновская называет: а) физиологическое отвращение к мужьям; б) побои от мужа; в) пьянство мужа; г) отсутствие возможности уйти от мужа; д) притупление нравственного чувства (самолюбие, эгоизм).

Особой ценностью в представленной работе П. Н. Тарновской является проведенная ею криминологическая группировка женщин-убийц на шесть различных категорий:

- а) убийцы из корысти;
- б) убийцы по страстному побуждению;
- в) убийцы, побуждаемые супружескими разногласиями и половым отвращением;
- г) убийцы, побуждаемые частичным притуплением нравственного чувства;
- д) убийцы случайные;
- е) убийцы-душевнобольные.

К тому же впервые в российской юридической науке, медицине и криминальной антропологии однородные по своему внешнему составу преступления – детоубийства – были разделены П. Н. Тарновской на две категории по мотивации преступного поведения:

1) детоубийства, вызванные эмотивными движениями: стыдом, страхом, отчаянием, т. е. подведенные под группу как убийства по страстному побуждению;

2) детоубийства из-за личных выгод: невозможность найти работу с грудным ребенком, нежелание ухаживать за ним и опасение лишних хлопот и расходов, случаи повторного детоубийства были отнесены в группу убийств, побуждаемых частичным притуплением нравственного чувства.

Такая классификация детоубийства оказалась востребованной в криминологической доктрине и широко применяется в исследованиях.

Для иллюстрации своих выводов и предложений П. Н. Тарновская обращалась к материалам антропологических измерений осужденных женщин-убийц, контент-анализу личных дел осужденных, собственным социологическим опросам и интервью женщин-убийц, находящихся в пересыльных тюрьмах, местах предварительного содержания осужденных (острогах) перед направлением их для исполнения наказания в места лишения свободы в Сибирь и на Сахалин.

В последующем результаты криминологического антропологического исследования женщин-убийц, изложенные в статье «Криминальная антропология и преступность женщин», П. Н. Тарновская с некоторыми изменениями и дополнениями использовала в своей монографии «Женщины-убийцы», изданной в Санкт-Петербурге в 1902 г. (Тарновская, 1902), которая после переработки была переиздана на французском языке в Париже. В этой переведенной монографии также используются полученные результаты, упомянутые в представляемой статье (Tarnowsky, 1908). Проведенное нами сравнение текста исследуемой статьи с монографическими исследованиями П. Н. Тарновской о женщинах-убийцах 1902 и 1908 гг. (Бикеев, Кабанов, 2025. С. 65–84) свидетельствует о том, что статья стала составной частью этих произведений, хотя и в несколько измененной форме. Основные изменения в содержании монографий вызваны в первую очередь редакторской правкой, а также особенностями перевода русскоязычного научного текста на французский язык.

Краткие выводы по представляемой работе

Представляемое нами произведение П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин» является завершенным эмпирическим комплексным криминологическим антропологическим научным исследованием. Оно является составным по своей структуре, включающим в себя две взаимосвязанные части: представления автора о диалектике развития криминальной антропологии, ее основных направлениях и месте в системе научного знания – отрасли биологии; результаты собственных эмпирических исследований осужденных российских женщин-убийц, их криминологическую антропологическую классификацию на виды по мотивации преступного поведения.

Представленная работа П. Н. Тарновской имеет важную научную ценность: она позволяет оценивать процесс подготовки, обработки и переработки, получения и интерпретации эмпирических данных о женщинах-убийцах при проведении автором монографического исследования «Женщины-убийцы», получившего заслуженное признание как одно из лучших произведений по криминологии женской преступности XX в. Очевидно, что влияние этого произведения на современные исследования по данной проблематике сохраняется и даже получает новый импульс в процессе формирования исторической криминологии.

Список литературы

- Бикеев, И. И., Кабанов, П. А. (2025). *Прасковья Николаевна Тарновская – лидер мировой криминологии: историко-криминологическое исследование*. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета.
- Закревский, И. (1897). Уголовная антропология на Женевском международном конгрессе. *Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете* (Кн. 2. Февраль. С. 59–108).
- Ковальски, Ш. (2021). *Правонарушительницы. Женская преступность и криминология в России (1880–1930)* (пер. с англ. А. Глебовской). Санкт-Петербург: Academic Studies Pres / Библиороссика.
- Никольский, Д. П. (1898). Четвертый съезд криминальной антропологии, бывший в 1896 году. *Труды Антропологического общества при Императорской Военно-медицинской академии* (Т. III. За 1895–96 учебный год. С. 33–34).
- Розенбах, П. Я. (1896). Четвертый конгресс криминальной антропологии (в Женеве, в августе 1896 г.). *Журнал Министерства юстиции*, 9, 177–179.
- Сербский, В. П. (1896). Четвертый Международный конгресс криминальной антропологии в Женеве. *Вопросы философии и психологии*. 34, 443–446.
- Тарновская, П. (1897). Криминальная антропология и преступность женщин. *Северный Вестник*, 7, 8–22.
- Тарновская, П. Н. (1902). *Женщины-убийцы. Антропологическое исследование с 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами*. Санкт-Петербург: Товарищество художественной печати.
- Тарновский, Е. Н. (1893). Вопросы сравнительной преступности полов (по поводу статьи г. Фойницкого: «Женщина-преступница»). *Русская мысль*, 12, 33–64.
- Уайт, Ф. Х. (2020). Прасковья Тарновская и русские источники книги Чезаре Ломброзо «Женщина-преступница и проститутка» (авториз. пер. с англ. А. С. Волгиной). *Новое литературное обозрение*, 5, 7–23.
- Фойницкий, И. Я. (1893, 10 января). Женщина-преступница. *Новое время*, 3.
- Хрулев, С. С. (1893). *Характер преступных деяний душевно-больных: Сообщ., прочит. 20 февр. 1893 г. в соедин. заседании Уголов. отд-ния С.-Петерб. юрид. о-ва и С.-Петерб. о-ва психиатров*. Санкт-Петербург: тип. В. В. Комарова.
- Bär, A. (1893). *Der Verbrecher in anthropologischer Beziehung*. Mit 4 lithographischen Tafeln. Leipzig, Thieme.
- Dr. Pauline Tarnowsky's 1908 book, *Les femmes homicides*. Paper presented at the Annual Meeting of the Homicide Research Working Group.
- Espinoza, L. E., & Resendiz, R. (2025). Re/Claiming Pauline Tarnowsky: Pioneering Female Criminologist. *Sociology Compass*, 8. <https://doi.org/10.1111/soc4.70099>
- Huff-Corzine, L., & Toohy, K. (2023). The life and scholarship of Pauline Tarnowsky: Criminology's mother. *Journal of Criminal Justice*, 85, March – April. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2022.101986>
- Kamola, J. (2023). „Das Gebäude der Kriminalanthropologie ist errichtet“: Kriminelle Frauen bei Pauline Tarnowsky. In J. Kamola, S. Becker, & K. Chochkova Giese (Eds.), *Criminal Women: Eine Geschichte der weiblichen Kriminalität* (pp. 59–74). Verbrecher Verlag.
- Kürell, H. (1893). *Naturgeschichte des Verbrechers: Grundzüge der kriminellen Anthropologie und Kriminalpsychologie für Gerichtsärzte, Psychiater, Juristen und Verwaltungsbeamte*. Mit zahlreichen anatomischen Abbildungen und Verbrecherporträts. Enke.
- Laschi, R. (1896). IV Congresso di Antropologia criminale Ginevra. *Archivio di Psichiatria, Antropologia criminale*, XVII, 634–647.
- Lenz, A. (1925). Kriminalbiologischer Unterricht mit Demonstrationen Sträflingen. *Msch. Krim. Psychol.*, 16, 30–7.
- Lombroso, C., & Ferrero, G. (1894). *Das Weib als Verbrecherin und Prostituierte: Anthropologische Studien, gegründet auf eine Darstellung der Biologie und Psychologie des normalen Weibes* (H. Kürell, Trans.). Verlagsanstalt und Druckerei A.-G.
- Mais, I. (1896). Le IVème Congres d'Anthropologie Criminelle. *Revue néoscolastique*, 9, 383.
- Marie A. (1896). Congress International D'anthropologie Criminale. Session de Geneve (24–28 Août 1896). *Le Progres Medical*, IV, 176–178.
- Nache, Dr. P. (1897). Bericht über den 4. internationalen Kongress für Criminale-Antropologie in Genf. *Zeitschrift für Criminal-Anthropologie, Gefängnis-wissenschaft und Prostitutionswesen*, I, 85–88.
- Näcke, P. (1894). *Verbrechen und Wahnsinn beim Weibe: Mit Ausblicken auf die Kriminalanthropologie überhaupt. Klinisch-statistische, anthropologisch-biologische und kraniologische Untersuchungen*. Braumüller.

- Pignata, M. (2023). Follia al femminile: Les femmes homicides di Pauline Tarnowsky. In M. Pignata & A. Cesaro (Eds.), *Follia: Femminile, singolare* (pp. 85–99). Artettra Edizioni.
- Prechet, B. do N., Saiol, J. R. S., & Nery, L. (2015). Antropologia Criminal e prostituição: a matematização do corpo segundo Pauline Tarnowsky. *Revista Transversos*. “Dossiê : O Corpo na História e a História do Corpo”, 1, 61–73. <https://doi.org/10.12957/transversos.2015.19796>
- Räcke, G. (1896). 13. Der. 4. internationale Kongreß für Kriminalanthropologie in Genf, vom 24. bis 29. August 1896. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft, Jahresband*, 390–394. <https://doi.org/10.1515/zstw.1897.17.1.390>
- Rafter, N. H. (Ed.). (2009). Pauline Tarnowsky: The anthropology of prostitutes and female thieves, 1889. In *The Origins of Criminology: A Reader* (pp. 178–182). London: Routledge-Cavendish. <https://doi.org/10.4324/9780203869949>
- Tarnowsky, P. (1889). *Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses*. Paris: Progrès Médical.
- Tarnowsky, P. (1892). *Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. With eight anthrometric tables and twenty wood-cuts*. Paris: Leerosnier and Bade.
- Tarnowsky, P. (1897). Criminalite de la femme. In *Congres International D'Anthropologie Criminelle: Compte Rendu Des Travaux De La Quatrieme Session Tenue A Geneve Du 24 Au 29 Aout 1896* (pp. 231–237). Geneva: Georg & Co.
- Tarnowsky, P. (1908). *Les femmes homicides. Avec 40 planches hors texte contenant 161 figures et 8 tableaux antropometriques*. Paris, Félix Alcan.
- The Fourth international congress of criminals (from our Special Correspondent) (Concluded from p. 853). (1896, September 26). *The Lancet*. Vol. II, 618–619.
- Walby, K., & Carrier, N. (2010). The rise of biocriminology: Capturing observable bodily economies of ‘criminal man’. *Criminology & Criminal Justice*, 10(3), 261–285. <https://doi.org/10.1177/1748895810370314>

References

- Bär, A. (1893). *Der Verbrecher in anthropologischer Beziehung*. Mit 4 lithographischen Tafeln. Leipzig, Thieme.
- Bikeev, I. I., & Kabanov, P. A. (2025). *Praskovya Nikolaevna Tarnovskaya – a leader of world criminology: historical and criminological research*. Kazan: Poznanie Publishing House of Kazan Innovative University. (In Russ.).
- Dr. Pauline Tarnowsky’s 1908 book, *Les femmes homicides*. Paper presented at the Annual Meeting of the Homicide Research Working Group.
- Espinoza, L. E., & Resendiz, R. (2025). Re/Claiming Pauline Tarnowsky: Pioneering Female Criminologist. *Sociology Compass*, 8. <https://doi.org/10.1111/soc4.70099>
- Foyniczkiy, I. Ya. (1893, January 10). A woman-criminal. *Novoe vremya*, 3. (In Russ.).
- Huff-Corzine, L., & Toohy, K. (2023). The life and scholarship of Pauline Tarnowsky: Criminology’s mother. *Journal of Criminal Justice*, 85, March – April. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2022.101986>
- Kamola, J. (2023). „Das Gebäude der Kriminalanthropologie ist errichtet“: Kriminelle Frauen bei Pauline Tarnowsky. In J. Kamola, S. Becker, & K. Chochkova Giese (Eds.), *Criminal Women: Eine Geschichte der weiblichen Kriminalität* (pp. 59–74). Verbrecher Verlag.
- Khrulev, S. S. (1893). *Character of criminal deeds of the mentally insane: Report made on February 20, 1893, at a joint meeting of the Criminal section of Saint Petersburg Law Society and Saint Petersburg Psychiatrists’ Society*. Saint Petersburg: tip. V. V. Komarova. (In Russ.).
- Kovalsky, Sh. (2021). *Female offenders. Female crime and criminology in Russia (1880–1930)*. Saint Petersburg: Academic Studies Pres / Bibliorossika. (In Russ.).
- Kürella, H. (1893). *Naturgeschichte des Verbrechers: Grundzüge der kriminellen Anthropologie und Kriminalpsychologie für Gerichtsärzte, Psychiater, Juristen und Verwaltungsbeamte*. Mit zahlreichen anatomischen Abbildungen und Verbrecherporträts. Enke.
- Laschi, R. (1896). IV Congresso di Antropologia criminale Ginevra. *Archivio di Psichiatria, Antropologia criminale*, XVII, 634–647.
- Lenz, A. (1925). Kriminalbiologischer Unterricht mit Demonstrationen Sträflingen. *Mschr. Krim. Psychol.*, 16, 30–7.
- Lombroso, C., & Ferrero, G. (1894). *Das Weib als Verbrecherin und Prostituierte: Anthropologische Studien, gegründet auf eine Darstellung der Biologie und Psychologie des normalen Weibes* (H. Kürella, Trans.). Verlagsanstalt und Druckerei A.-G.
- Mais, I. (1896). Le IVème Congres d'Anthropologie Criminelle. *Revue néoscolastique*, 9, 383.
- Marie A. (1896). Congress International D'anthropologie Criminale. Session de Geneve (24–28 Août 1896). *Le Progres Medical*, IV, 176–178.
- Nache, Dr. P. (1897). Bericht über den 4. internationalen Kongress für Criminale-Antropologie in Genf. *Zeitschrift für Criminal-Anthropologie, Gefängnis-wissenschaft und Prostitutionswesen*, I, 85–88.
- Näcke, P. (1894). *Verbrechen und Wahnsinn beim Weibe: Mit Ausblicken auf die Kriminalanthropologie überhaupt. Klinisch-statistische, anthropologisch-biologische und kranilogische Untersuchungen*. Braumüller.
- Nikolskiy, D. P. (1898). *Fourth Assembly for Criminal Anthropology held in 1896. Works of the Anthropological Society under the Emperor’s Military-medical Academy* (Vol. III. For the 1895–96 academic year. Pp. 33–34). (In Russ.).

- Pignata, M. (2023). Follia al femminile: Les femmes homicides di Pauline Tarnowsky. In M. Pignata & A. Cesaro (Eds.), *Follia: Femminile, singolare* (pp. 85–99). Artetetra Edizioni.
- Prechet, B. do N., Saiol, J. R. S., & Nery, L. (2015). Antropologia Criminal e prostituição: a matematização do corpo segundo Pauline Tarnowsky. *Revista Transversos*. “Dossiê : O Corpo na História e a História do Corpo”, 1, 61–73. <https://doi.org/10.12957/transversos.2015.19796>
- Räcke, G. (1896). 13. Der. 4. internationale Kongreß für Kriminalanthropologie in Genf, vom 24. bis 29. August 1896. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft, Jahresband*, 390–394. <https://doi.org/10.1515/zstw.1897.17.1.390>
- Rafter, N. H. (Ed.). (2009). Pauline Tarnowsky: The anthropology of prostitutes and female thieves, 1889. In *The Origins of Criminology: A Reader* (pp. 178–182). London: Routledge-Cavendish. <https://doi.org/10.4324/9780203869949>
- Rozenbakh, P. Ya. (1896). Fourth Congress for Criminal Anthropology (Geneva, August 1896). *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*, 9, 177–179. (In Russ.).
- Serbskiy, V. P. (1896). Fourth International Congress for Criminal Anthropology in Geneva. *Voprosy Filosofii i Psikhologii*, 34, 443–446. (In Russ.).
- Tarnovskaya, P. (1897). Criminal anthropology and women’s crime. *Severny Vestnik*, 7, 8–22. (In Russ.).
- Tarnovskaya, P. N. (1902). *Female murderers. Anthropological research with 163 figures and 8 anthropometric tables*. Saint Petersburg: Tovarishhestvo khudozhestvennoy pechati. (In Russ.).
- Tarnovskiy, E. N. (1893). Issues of comparative criminality of genders (on Mr. Fojniczkiy’s article “A woman-criminal”). *Russkaya mysl*, 12, 33–64. (In Russ.).
- Tarnowsky, P. (1889). *Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses*. Paris: Progrès Médical.
- Tarnowsky, P. (1892). *Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. With eight anthropometric tables and twenty wood-cuts*. Paris: Leerosnier and Bade.
- Tarnowsky, P. (1897). Criminalite de la femme. In *Congres International D'Anthropologie Criminelle: Compte Rendu Des Travaux De La Quatrieme Session Tenue A Geneve Du 24 Au 29 Aout 1896* (pp. 231–237). Geneva: Georg & Co.
- Tarnowsky, P. (1908). *Les femmes homicides. Avec 40 planches hors texte contenant 161 figures et 8 tableaux anthropometriques*. Paris, Félix Alcan.
- The Fourth international congress of criminals (from our Special Correspondent) (Concluded from p. 853). (1896, September 26). *The Lancet*. Vol. II, 618–619.
- Walby, K., & Carrier, N. (2010). The rise of biocriminology: Capturing observable bodily economies of ‘criminal man’. *Criminology & Criminal Justice*, 10(3), 261–285. <https://doi.org/10.1177/1748895810370314>
- White, F. Kh. (2020). Praskovya Tarnovskaya and the Russian sources of Cesare Lombroso’s book “A woman criminal and prostitute”. *Novoye Literaturnoye Obozrenie*, 5, 7–23. (In Russ.).
- Zakrevskiy, I. (1897). Criminal anthropology at the Geneva International Congress. *Journal of Law Society at Emperor’s Saint Petersburg University* (Part 2. February. Pp. 59–108). (In Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

П. Тарновская

Криминальная антропология и преступность женщин

Переводчик на современный русский язык А. Г. Хорошавина

Криминальная антропология еще юная наука, но с каждым годом она все больше и больше развивается и приобретает «права гражданства».

Отцом криминальной антропологии справедливо считается туринский профессор Чезаре Ламброзо (*Cesare Lombroso*)¹. Начиная с 70-х годов² он обратил на себя внимание врачей и юристов всех стран рядом своих сочинений о преступном человеке (*l'uomo delinquente*). Как в высшей степени талантливый новатор, создавший школу, Ч. Ломброзо имеет горячих противников, ожесточенно критикующих его подчас слишком скорые выводы и обобщения. Имеет он и трудолюбивых учеников и сторонников, развивающих созданную

¹ Чезаре Ломброзо (1835–1909) – итальянский психиатр, преподаватель, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве, основной мыслью которого стала идея о прирожденном преступнике. Вклад Ч. Ломброзо в криминологическую науку заключается в изменении предмета исследования с преступления как деяния на человека-преступника, рассматриваемого сквозь призму антропологии. – *Прим. А. Х.*

² Речь идет о XIX веке. – *Прим. А. Х.*

им науку, непрестанно обогащаемую им самим в течение четверти столетия новыми плодотворными мыслями и научными открытиями. Его победы достаются ему нелегко – он подвергался и подвергается резкой критике со стороны противников, тщательно подчеркивающих его ошибки и слабые стороны, заключающиеся главным образом в слишком поспешных обобщениях, вызываемых его умом, а также необыкновенной живостью и яркостью мысли. Однако высокогуманное учение Ч. Ломброзо о необходимости глубже изучать преступного человека, не довольствуясь абстрактным рассмотрением содеянного им преступления, настолько уже проникло в умы, что на III конгрессе антропологов (Брюссель, 1892 г.) обсуждался вопрос о необходимости ввести обязательное преподавание криминальной антропологии в университетах на юридических и медицинских факультетах.

Такая постановка вопроса невольно заставляет оглянуться назад и вспомнить в самых общих чертах главные положения, выдвинутые на первых двух конгрессах по криминальной антропологии.

Как известно, I конгресс состоялся в Риме осенью 1886 г. Он стал торжеством учения Ч. Ломброзо. На этом конгрессе профессором П. Топинаром³ впервые было высказано возражение относительно термина «криминальная антропология». Однако участники конгресса отметили, что, пока будет существовать преступный человек, наука, делающая его своим предметом, будет иметь законное основание процветать и носить название криминальной антропологии.

Я потому останавливаюсь на этом вопросе, что с 1885 г. сделанная П. Топинаром попытка выступить против этого термина много раз (и всегда так же неудачно) повторялась противниками этой новой отрасли биологии.

На римском конгрессе Ч. Ломброзо горячо и убежденно доказывал, опираясь на многочисленные вскрытия преступников, что объем мозга у них в большинстве случаев уменьшен, а объем мозжечка часто увеличен в сравнении с нормой. Одновременно с этим Ч. Ломброзо наблюдал у преступников недостаточное или неправильное распределение мозговых извилин и борозд, изобиловавших преимущественно в правом полушарии. При вскрытии преступников Ч. Ломброзо также часто наблюдал в их мозгу различные патологические процессы: воспаленное состояние оболочек, их сращение, размягчение мозгового вещества, изменения в костях черепа, а также нередко встречал болезни сердца, сосудодвигательной системы, печени и пр. Исследования живых преступников убедили Ч. Ломброзо в существовании у них неменьшего количества анатомических признаков вырождения в сравнении с отклонениями от нормы в психической сфере. Основываясь на совокупности этих данных, Ч. Ломброзо горячо защищал созданную им теорию преступного человека, и победа на этом конгрессе осталась за ним.

Его противники взяли реванш на II конгрессе по криминальной антропологии (Париж, 1889 г.). Теории Ч. Ломброзо об атавизме, преступном человеке, а также идея о параллелях между преступником, эпилептиком и нравственно помешанным⁴ подверглись ожесточенной и не всегда беспристрастной критике. Одним из наиболее резких оппонентов Ч. Ломброзо стал французский ученый, профессор Л. П. Мануврие⁵, доказывавший, что преступники с анатомической точки зрения не имеют никаких отличительных признаков в сравнении с честными людьми и преступление находится в гораздо более тесной связи с социологией, чем с физиологией.

Как всегда бывает при слишком страстном отношении к делу, на парижском конгрессе учение Ч. Ломброзо подверглось чересчур резким нападкам со стороны его противников, носившим порой оттенок глумления, что, конечно, несовместимо с беспристрастием, свойственным науке. Это отчасти стало причиной того, что не только сам Ч. Ломброзо, но и все его ученики воздержались от участия в III конгрессе (Брюссель, 1892 г.), на котором вовсе не оказалось представителей итальянской школы.

На брюссельском конгрессе, однако, научный престиж Ч. Ломброзо был несколько восстановлен, несмотря на доклад Л. П. Мануврие, вновь выступившего против теории Ч. Ломброзо. Л. П. Мануврие доказывал,

³ Поль Топинар (1830–1911) – французский врач и антрополог. Был учеником П. Брока, специализировался на физической антропологии. – Прим. А. Х.

⁴ Нравственное помешательство (*moral insanity*) – это устаревшее психиатрическое и юридическое понятие, впервые введенное английским врачом Джеймсом Притчардом в 1835 г. Оно описывало состояние, при котором человек сохранял интеллектуальные способности (логическое мышление, память, восприятие реальности), но проявлял стойкие нарушения морального поведения. Сегодня термин считается устаревшим и не используется в современной психиатрии. – Прим. ред.

⁵ Леонс Пьер Мануврие (1850–1927) – французский антрополог, анатом и физиолог; профессор Антропологической школы в Париже. – Прим. А. Х.

что бесполезно наблюдать и изучать преступников, находящихся в тюрьмах, так как в тюрьмах сидят лишь те преступники, которые попались, а наибольшее число самых ловких мошенников находятся на свободе. Кроме того, отмечал Л. П. Мануврие, среди образованных людей существует много тех, кто пользуется не только свободой, но даже известным почетом, занимаясь различного рода безнравственной деятельностью: биржевой игрой, созданием акционерных компаний, стремящихся к легкому обогащению за счет легковерных жертв и т. п. Именно поэтому трудно установить критерии, кого считать преступником. Несмотря на парадоксальный доклад Л. П. Мануврие, на брюссельском конгрессе вновь было высказано пожелание ввести обязательное преподавание криминальной антропологии на медицинских и юридических факультетах.

После восстановления «прав гражданства» антропологии Ч. Ломброзо, а также многие его ученики и последователи приняли участие в IV конгрессе по криминальной антропологии (Женева, 1896 г.). Их участие было блестящим, так как вокруг идей Ч. Ломброзо и его талантливого ученика профессора Э. Ферри⁶ сосредоточился главный интерес женевского конгресса.

О таких недостатках Ч. Ломброзо, как склонность обобщать единичные факты, его стремление считать доказанными вопросы, еще требующие научного подтверждения, говорилось много и часто; поэтому я считаю излишним долее останавливаться на этом вопросе. Позволю себе лишь отметить два положения прежде, чем завершить разговор о, безусловно, интересной личности Ч. Ломброзо. Несмотря на все его недостатки, не следует забывать о его огромном научном вкладе, который состоит в создании новой отрасли биологии – криминальной антропологии. Он доказал необходимость всестороннего изучения преступника, до него рассмотрения удостаивалось только преступление, при этом личность нарушителя закона часто совершенно отходила на задний план, и форма преобладала над содержанием.

Ч. Ломброзо часто ставят в вину то, что он во многом изменил свои первоначальные научные воззрения на личность преступника, на атавизм, на исключительность роли эпилепсии в преступности. Но замечу, что легче упорствовать в своих заблуждениях, чем чистосердечно сознаться в них; не ошибается только тот, кто ничего не делает в области мысли.

Конечно, задолго до Ч. Ломброзо мы знали, что среди преступников встречаются помешанные; и до него существовало много работ и указаний на различного рода аномалии и дефекты. Так, например, физические признаки вырождения были описаны в 50-х гг.⁷ знаменитым французским психиатром Б. О. Морелем⁸. О «нравственном помешательстве» (*moral insanity*) писал известный английский врач Дж. К. Причард⁹. Около того же времени вышло большое сочинение П. Деспина¹⁰ – «*Psychologie Naturelle*»¹¹. Были и другие. Но все эти отдельные труды из области психиатрии, отрывочные наблюдения и замечания по анатомии, френологии, о физических признаках вырождения и прочих аномалиях, вызванных неблагоприятными наследственными влияниями, – все эти отклонения от нормального развития Ч. Ломброзо смог свести в систему, применить к преступнику и доказать, что среди преступников не только есть умопомешанные, очевидные для всех, но и люди с многочисленными оттенками болезненных состояний, с несомненными отклонениями в психической сфере, вследствие чего эти люди, совершая нарушения закона, менее других, здоровых людей ответственны за свои поступки.

Дальнейшие работы по криминальной антропологии продемонстрировали несомненное значение неблагоприятной наследственности, представляющей собой почву, на которой растут и развиваются многие преступления. Наследственная передача умопомешательства, эпилепсии, истерии и различных других нервных

⁶ Энрико Ферри (1856–1929) – итальянский криминолог и политический деятель. С 1884 г. профессор уголовного права в крупнейших университетах Италии. Последователь основателя криминальной антропологии Чезаре Ломброзо внес существенный вклад в развитие идей позитивистской школы криминологии. – Прим. А. Х.

⁷ Речь идет о XIX веке. – Прим. А. Х.

⁸ Бенедикт Огюстен Морель (1809–1873) – французский психиатр, оказавший большое влияние на психиатрические теории в XIX в. Разрабатывал вопросы причин помешательства, а также значения наследственности для развития психических заболеваний. – Прим. А. Х.

⁹ Вероятнее всего, упоминается Джеймс Коулз Причард (1786–1848) – английский психиатр, этнолог и антрополог. – Прим. А. Х.

¹⁰ Проспер Деспин (1812–1892) – французский психиатр. – Прим. А. Х.

¹¹ «Естественная психология». – Прим. А. Х.

болезней, давно установленная психиатрами, нашла широкое применение в вопросах этиологии многих преступлений. За последние 20 лет также было установлено крайне пагубное влияние пьянства родителей на нисходящее поколение. Ряд блестящих работ коллег, включая В. Маньяна¹², посвященных вопросам алкоголизма, а также капитальные труды П. М. Легрена¹³ (ученика В. Маньяна) представляют тщательно собранные статистические данные о пагубных последствиях пьянства для потомков алкоголиков.

Дети родителей-пьяниц страдают английской болезнью¹⁴, размягчением костей, остановкой развития, малокровием; чрезвычайно часто и легко подвергаются приступам судорог и нередко умирают от так называемого родимчика – эклампсии¹⁵. Согласно последним исследованиям П. М. Легрена, процент смертности детей алкоголиков огромен. Те дети, которые выживают, нередко представляют собой ослабленные организмы, с плохим питанием, с крайне легкой нервной возбудимостью, с известного рода импульсивностью – стремлением моментально привести в исполнение появившееся желание – и полной несостоятельностью противодействовать рассудком и силой воли своим себялюбивым стремлениям. Такие люди страдают ослаблением сдерживающих центров и в своем стремлении к удовлетворению себялюбивых побуждений не стесняются устранять путем насилия препятствия, стоящие между ними и их желаниями. Именно они и становятся преступниками.

Благодаря дальнейшим работам по криминальной антропологии было установлено большое число причин, усиливающих преступность. В их числе, помимо наследственных и приобретенных болезней, значительную роль играют различные социальные условия: нищета, безработица, безнадзорное детство, отсутствие воспитания и, наконец, дурной пример, который нередко толкает плохо уравновешенных людей на нарушение законов.

Уже из этого краткого перечня причин, влияющих на преступность, становится вполне ясным, что криминальная антропология далека от утверждения, что все преступники непременно больные, помешанные или эпилептики, как это весьма часто ставится ей в укор ее противниками. Цель и задача криминальной антропологии именно и заключаются в том, чтобы путем всестороннего изучения преступника – не только с физической, но и с нравственной стороны – отделять тех лиц, которые в силу своей неправильной, ослабленной организации и психических аномалий (врожденных или приобретенных) совершают преступления как люди неотчетливые; отделять больных от здоровых (больных – лечить, здоровых – ставить в условия правильной работы – единственное условие, дающее им возможность исправиться и вновь сделаться полезными членами общества).

Оставим, однако, эти общие соображения и перейдем к вопросу о женской преступности. Все исследователи согласны, что женская преступность по численности своей значительно меньше мужской. Четверть века тому назад, в самом начале 70-х гг.¹⁶, бельгийский ученый Л. А. Ж. Кетле¹⁷ на основании очень обширных статистических данных вывел соотношение женской и мужской преступности, обозначив его как 1 : 5. Это соотношение и сейчас признается верным. В замечательном труде известного криминалиста И. Я. Фойницкого¹⁸ «Женщина-преступница» упоминается, что «во всех культурных странах участие женщины в преступлениях значительно слабее мужского, колеблясь между одной десятой (Россия) и одной пятой (Пруссия, Англия) и давая среднюю в одну шестую (Италия, Франция, Австрия)»¹⁹. Не следует, однако, из этого делать вывод, что женщины в пять раз добродетельнее мужчин. Несомненно, что меньшее количество преступле-

¹² Валентин Маньян (1835–1916) – французский психиатр, создатель научной школы психиатрии. – Прим. А. Х.

¹³ Поль Морис Легрен (1860–1939) – французский психиатр, ученик В. Маньяна. Специализировался на лечении алкоголизма. – Прим. А. Х.

¹⁴ Так в XIX в. называли рахит. – Прим. А. Х.

¹⁵ Эклампсия – это заболевание, возникающее в период беременности и родов, при котором наблюдается судорожная активность, а артериальное давление становится настолько высоким, что создается угроза для жизни матери и ребенка. – Прим. А. Х.

¹⁶ Речь идет о XIX веке. – Прим. А. Х.

¹⁷ Ламбер Адольф Жак Кетле (1796–1874) – бельгийский ученый, социолог-позитивист, один из создателей научной статистики. – Прим. А. Х.

¹⁸ Фойницкий Иван Яковлевич (1847–1913) – российский ученый-правовед, криминолог, профессор. – Прим. А. Х.

¹⁹ Женщина-преступница / Исслед. И. Я. Фойницкого, ординарного проф. С.-Петербургского ун-та. Тип. А. Бенке, 1892. [36] с.: табл.

ний, совершенных женщинами, в значительной степени уравнивается проституцией – этой «младшей сестрой» преступлений – и отчасти тем, что в очень многих случаях, согласно справедливому замечанию И. Я. Фойницкого, женщина остается скрытой участницей преступления. Даже если она не принимает в нем непосредственного участия, нередко бывает его зачинщицей или подстрекательницей. Нет сомнений и в том, что множество преступлений совершается мужчинами по косвенному наущению или в угоду женщине. В таких случаях женщина пользуется плодами преступления. Всем, конечно, памятно не только случаи, когда мужчины совершали растрату вверенных им денежных средств в банкирских конторах, в кассах различных торговых учреждений, а также случаи поджогов, отравлений и убийств, в которых женщины были подстрекательницами.

Вполне допуская существование известного процента преступлений, в которых женщина оставалась скрытой участницей или их инициатором, мы должны признать неопровержимым пока фактом меньший уровень уголовной преступности среди женщин по сравнению с мужчинами. Несомненно, что одной из причин этого явления является меньшая физическая сила женщины. Заметим мимоходом, что, по статистическим данным мелкой преступности, число женщин, совершающих мелкие кражи, несколько не меньше числа мужчин. Другой причиной следует признать то, что деятельность большого числа женщин протекает в домашней обстановке, где всевозможных внешних столкновений и впечатлений несравненно меньше, чем в деятельности мужчин, работающих преимущественно вне дома и, следовательно, имеющих несравненно больше поводов к случайным столкновениям, ссорам и дракам. Наконец, в-третьих, алкоголизм значительно меньше распространен среди женщин, чем среди мужчин. Поэтому в женской преступности не фигурирует огромный процент случайных смертоубийств, совершаемых мужчинами под влиянием опьянения. Возможно, из-за особенностей своей физической организации, а также в силу векового своеобразного воспитания женщины эмоциональность и чувствительность гораздо более развиты у нее, чем рассудочность, преобладающая у мужчины. Мужчина отличается большей способностью рассчитывать, быстрее соображать и обобщать. Все знают, насколько легко женщины поддаются как великодушным, благородным порывам, так и вспышкам гнева. При более легкой возбудимости женщины отличаются меньшим развитием сдерживающих центров, по этой причине легче уступают импульсивным побуждениям и труднее переживают борьбу с собою во всех тех случаях, когда их собственное благополучие сталкивается с житейскими интересами других. Особенно это заметно в преступлениях против личности. В женской уголовной преступности число преступлений, совершаемых под влиянием различных эмоций, значительно больше числа преступлений, побудительной причиной которых стала корысть (например, кражи со взломом, грабежи, подделка денежных знаков и пр.). На женевском конгрессе (1896 г.) я коснулась этого вопроса в своем докладе и привела следующие данные: из 160 моих наблюдений над женщинами-убийцами в 70 случаях убийства происходили под влиянием различных эмотивных или страстных побуждений – ревности, мести, гнева, любви, супружеских разногласий, полового отвращения; и только в 32 случаях убийство было вызвано корыстными целями. Женщине не всегда принадлежала инициатива; ее роль часто ограничивалась пособничеством в убийстве, задуманном мужем или чаще любовником. Наоборот, в преступлениях против личности, совершаемых под влиянием эмотивных или страстных побуждений, женщина не только бывает инициатором убийства, но в большинстве случаев совершает его собственными руками и редко имеет пособников. Женщина весьма часто прибегает к лишению жизни путем отравления, как бы инстинктивно сознавая свою меньшую физическую силу, которой в таких случаях она противопоставляет хитрость и обман – это обычное оружие поработенных. Такой способ лишения жизни особенно часто встречается среди представительниц крестьянского населения, из числа которых я преимущественно брала объекты наблюдения.

Я приведу здесь в общих чертах главные положения моего доклада в Женеве, а затем укажу и на некоторые бытовые особенности крестьянских браков, влияющих, как мне кажется, на женскую преступность, о чем, впрочем, я не сочла уместным распространяться в Женеве:

1. Женская преступность отличается от мужской настолько, насколько вообще женский характер, женский *habitus*²⁰ отличается от мужского, но в общем побуждения одни и те же.

²⁰ *Habitus* (лат.) – совокупность наружных признаков, характеризующих строение тела и внешний облик человека (телосложение, осанка, походка и т. д.). – Прим. А. Х.

2. Существует, правда, по одному преступлению, характерному исключительно для каждого пола: у женщин – отравление плода; у мужчин – изнасилование.

3. Все прочие преступления одинаково совершаются как мужчинами, так и женщинами, но, как уже сказано, численность их различна у обоих полов.

Среди женской уголовной преступности первое место занимают семейные преступления, т. е. направленные против одного из членов семьи – из них чаще всего в крестьянской среде совершаются мужеубийства. Причина этого, вероятно, лежит в некоторых бытовых условиях крестьянской семьи. Нам хорошо известно, как заключаются браки в крестьянской среде: едва девушке исполнится 16 лет, родители подыскивают ей жениха и выдают ее замуж, нередко помимо ее воли и согласия. Входя в семью мужа, она поступает в зависимость свекрови, которая в большинстве случаев не скупится давать ей работу и всегда критически относится к новому члену семьи. Само собой разумеется, что молодая женщина находится в полном повиновении не только у мужа, но и у свекрови. Бывает и так, что 16-летняя девушка выходит замуж еще до наступления половой зрелости. Менструация, как известно, у сельских девушек устанавливается несколько позднее, чем у городских. У жительниц городов менструация появляется между 14–16 годами, у жительниц деревень – между 16–18 годами. Таким образом, значительный процент крестьянских девушек выходит замуж еще до наступления периода половой зрелости, который ей приходится переживать уже после того, как она начала исполнять супружеские обязанности, что совершенно противоречит законам природы. В таких случаях жена-подросток не испытывает при сожительстве с мужем ничего другого, кроме физического страдания. Чем больше принуждает ее муж, тем больше она тяготится его ласками, которых разделить не может. Начинаются ссоры, муж упрекает жену, что она его не любит; отвращение ее переходит в ненависть – она желает во что бы то ни стало выйти из этого тягостного для нее положения. Если конфликт как-нибудь не разрешается, жена начинает все больше и больше раздумывать, как бы избавиться от этих ласк, переходящих в насилие, в некоторых случаях доходит до мысли об отравлении мужа, что иногда и приводит в исполнение. С. С. Хрулев²¹ в своем докладе в Юридическом обществе несколько лет тому назад прекрасно и подробно разобрал этот повод к отравлению мужей очень молодыми женами-подростками и подкрепил его многочисленными примерами из своей прежней судебной практики.

Из 160 моих наблюдений над женщинами-убийцами я зафиксировала 18 подобных случаев убийств и покушений на убийство мужей из-за физиологического отвращения, испытываемого женами-подростками. В одном из таких случаев попытки отравления не удалось; с наступлением менструации супруги помирились, жена забеременела и муж последовал за нею в ссылку.

Другим поводом к убийству мужа бывает плохое обращение, побои и пьянство мужа при полной невозможности для жены от него уйти. В случаях постоянных семейных ссор, сварливости жены или увлечения мужа другой женщиной мужчина всегда имеет возможность покинуть опостылевшую ему жену и сойтись с другой женщиной. Наконец он просто может уйти на заработок в губернский город или столицу. Ничего подобного жена сделать не может. В этом отчетливо проявляются преимущества, присвоенные себе мужчиной: уйти из дома мужа в случае его несогласия жена не может – муж имеет право ее вернуть, прибегнув к помощи полиции. С другой стороны, развод сопряжен со слишком большими трудностями и, можно сказать, совсем не практикуется у сельских жителей. Как бы тяжело ни сложилась семейная жизнь женщины, она поневоле должна терпеливо выносить ее. В безвыходных случаях она иногда прибегает к крайнему средству – самоубийству, но чаще – к мужеубийству и преимущественно путем отравления.

Есть еще одна существенная причина, побуждающая к этому преступлению многих жен. Это побуждение не относится к числу эмотивных движений души – оно не находится в зависимости ни от любви, ни от ревности, ни от мести, ни от вспышки гнева – всех этих состояний нашей психологической сферы, которые, хотя и не оправдывают преступления, но все-таки до некоторой степени делают его понятным. Здесь нет порыва, нет увлечения, нет страсти – напротив, все заранее обдуманно и точно рассчитано, предусмотрены все шансы, чтобы опровергнуть могущие возникнуть подозрения, установить свое алиби в момент смерти жертвы, всячески доказать свою непричастность к совершившемуся злодеянию. Здесь преобладающим и воодушев-

²¹ Хрулёв Сергей Степанович (1846–1906) – видный российский юрист, общественный деятель, член Петербургской судебной палаты. – Прим. А. Х.

ляющим чувством является себялюбие (эгоизм) в его наивысшем проявлении, заставляющее женщину для улучшения своих жизненных условий смело перешагнуть через всякие препятствия, стоящие на ее дороге, устранить их во что бы то ни стало путем насилия, даже путем принесения в жертву чужой жизни. К счастью для человечества, большинству людей совершенно непонятно, совершенно невозможно принять точку зрения человека, совершающего убийство для достижения личной выгоды, для улучшения условий собственной жизни. Для каждого из нас немыслимо путем убийства, отравления устранить человека, смерть которого принесет нам выгоду или улучшит наше общественное или имущественное состояние. Каждый из нас предпочтет продолжать терпеть неприятные, тягостные жизненные условия, закрывающие путь к материальному благополучию, но ни на минуту не задумается о возможности все это изменить путем убийства – поступка, органически противного сознанию каждого сколько-нибудь нормального, уравновешенного человека.

Женщины, убивающие своих мужей или родственников с целью улучшить свои жизненные условия, имущественные или общественные, отличаются одной особенностью: частичным притуплением нравственного чувства, отсутствием альтруистических побуждений и этических ограничений. Я сказала, «частичным» притуплением нравственного чувства, так как некоторые из этих женщин, убивая своих мужей с целью приобретения имущественных или общественных выгод, иногда ничтожных, проявляли одновременно с этим любовь к своим детям, ради которых готовы были на различные стеснения и жертвы. Следовательно, по отношению к детям они проявляли альтруистические побуждения.

Само собой разумеется, что термин «притупление нравственного чувства» весьма обширен, вмещает множество оттенков и степеней и, конечно, мог бы служить предметом отдельной работы. Я не буду более распространяться об этом, но позволю себе подкрепить сказанное выше примером – историей одного уголовного преступления, где женщина, до некоторой степени обеспеченная, совершенно свободная (муж предоставлял ей полную возможность жить, где ей было угодно, и вполне располагать собой), решила покончить с мужем путем отравления ради того, чтобы узаконить официальным браком свою связь с состоятельным человеком, который, со своей стороны, этого вовсе не требовал.

В июне 188* года в г. Х. прибыла Евгения Александровна Ш., владелица модного магазина в г. В., находящемся на одной из далеких окраин нашей страны. 15 лет прошло с тех пор, как Евгения уехала из г. Х., покинув своего мужа, мещанина Сергея Федоровича Ш., из-за семейных разногласий, прожив в замужестве с ним всего 2 года. Возвратившись после столь долгого отсутствия на родину, Евгения остановилась в доме своего отца и сразу начала разыскивать своего мужа, которому предложила дать ей формальный развод, обещая ему за это 50 руб. Супруг Евгении на это согласился. По прошествии нескольких дней Евгения вновь пригласила к себе мужа, сказав через посланного, чтобы он непременно пришел к ней вечером по делу. Когда муж явился, она, сказавшись нездоровой, попросила его сходить в аптеку, чтобы купить английской соли²², что он и исполнил. Получив лекарство, Евгения принесла водку, чайную чашку и маленькие стаканчики; в чашке и стаканчике она размешала соль для себя и своей мачехи, а также предложила мужу выпить этого «лекарства». Муж «по глупости» согласился. Тогда Евгения откуда-то взяла рюмку, всыпала в нее английской соли, заставила Сергея налить водки и выпить. Как только он проглотил рюмку этой смеси, ему обожгло рот, сжало горло и затошнило. Было ли что-то еще на дне рюмки, Сергей в сумерках не разглядел. Евгения сначала положила его на свою постель, а затем, наняв ему извозчика, отправила его домой, куда он возвратился с ясными признаками острого отравления. Из дома Сергей Ш. ушел совершенно здоровым, сказав, что идет в гости к жене подписывать бумаги по делу о разводе. Несколько часов спустя он возвратился совершенно больным, упал во дворе и стал звать на помощь; у него была сильная рвота, «жгло внутренности». Он объяснил родным, что, по всей вероятности, жена его отравила. Родные Сергея стали отпаивать его молоком, но так как положение его все ухудшалось, отвезли его в больницу, где было подтверждено отравление. Промучившись несколько дней, Сергей умер. При вскрытии было установлено отравление ртутным ядом. На другое утро после отравления Евгения была арестована. У нее нашли денежные расписки и переписку с ее сожителем в г. В., которому она себя выдавала за вдову, в свой родной город поехала под предлогом необходимости взять документы для совершения брака.

²² Английская соль (сульфат магния, магнезия) – издавна используемое лекарственное средство широкого спектра действия. – Прим. А. Х.

Личность Евгении Ш. была довольно подробно изучена мной с самого момента ее замужества в очень молодом возрасте. Ее муж, слабохарактерный и безнравственный человек, женившись на Евгении, продолжал свою прежнюю связь с женой своего старшего брата. Делал это почти на глазах молодой жены. Естественным желанием Евгении было уехать от мужа, продолжавшего после того, как она его дважды простила и с ним примирилась, свои отношения с невесткой. Оба брата с женами жили в одном доме. Старшая невестка, высокомерная и властная женщина, жестоко относилась к юной Евгении и щедро наделяла ее насмешками, подавляя ее своим превосходством в жизненном опыте. Кончилось тем, что Евгения отпросилась у мужа погостить к родным, а вместо этого тайно уехала с семьей инженера во Владивосток, нанявшись к ним горничной-портнихой. Дальнейшая судьба Евгении сложилась благополучно: муж ее не беспокоил, предоставив ей жить там, где угодно. Красивая, бойкая, энергичная женщина вскоре сделалась лучшей модисткой²³, имела много заказов, жила весело и безбедно. У нее появились поклонники, из которых со временем она выбрала себе сожителя и решила женить его на себе. Тщательно обдумав план действий, Евгения едет в родной город, симулирует примирение с мужем, убеждает его согласиться на развод, а затем через несколько дней лишает его жизни, рассчитывая объяснить его смерть последствиями пьянства, которому он нередко предавался. Смерть мужа не была для Евгении тем единственным выходом, на который иногда решаются жены в ранее упомянутых мною случаях побоев, грубого обращения и пьянства мужей. Сергей Ш. не мешал ей жить, много лет предоставляя ей полную свободу. Евгения отравляет мужа с целью улучшить собственную жизнь как в материальном отношении, так и в смысле тщеславия.

Расследуя жизнь этой женщины, можно сказать с полной уверенностью, что она совершила преступление, действительно руководствуясь исключительно эгоистическим побуждением. Она очень дешево оценила жизнь человека, стоявшего на пути к достижению ею больших житейских выгод. В уголовной практике так называемые семейственные преступления совершаются из такого рода побуждений, вызываемых частичным притуплением нравственного чувства, или, вернее, своеобразной оценкой преступлений, несовместимой с обычными проявлениями совести.

На женевском конгрессе я высказала соображения о необходимости глубже вникать в побуждения, вызывающие каждое данное преступление. Это может быть достигнуто только при более подробном, всестороннем изучении личности осужденных.

Как известно, в уголовном праве преступления делятся, между прочим, на три главные группы:

- 1) преступления против личности;
- 2) преступления семейственные;
- 3) преступления против собственности (имущественные).

Каждая из этих главных групп подразделяется на многочисленные подгруппы.

В первых двух главных группах рассматриваются все виды посягательств на личность, на жизнь, умышленные и непредумышленные убийства, убийства по неосторожности, детоубийства, телесные повреждения и пр.

В третьей группе рассматриваются все виды краж: кража легкая, кража со взломом, грабежи и пр.

В соответствии с этими квалификациями преступлений назначается и степень наказания, которое для лиц, совершивших, например, кражу со взломом, будет тяжелее, чем для совершивших простую кражу. Потому человек, побуждаемый голодом и разбивающий окно в булочной, чтобы украсть булку, совершает кражу со взломом и по букве закона должен быть наказан строже, чем профессиональный карманный вор, изо дня в день совершающий кражи часов и бумажников в толпе.

Преступления против личности, имеющие последствием лишение жизни или покушение на таковую, наказываются по нашим законам ссылкой на каторжные работы. Существует несколько степеней наказания, большее или меньшее число лет пребывания на каторге, пожизненная ссылка и подобное. Побудительные причины для совершения убийства могут быть различными: убийство из корыстной цели и детоубийство, совершаемое матерью под влиянием стыда и отчаяния, весьма различны по побуждениям. Постепенное отравление человека, застраховавшего свою жизнь, с целью получить эту страховую премию, конечно, имеет мало общего с убийством, совершаемым под влиянием внезапной вспышки гнева, ревности или мести. Как

²³ Модистка (от франц. *modiste*) – устаревшее название швеи, портнихи. – Прим. А. Х.

ни различны мотивы, вызвавшие эти преступления, они имеют результатом смерть человека, а по нашим законам все одинаково наказываются ссылкой на каторжные работы сроком на большее или меньшее число лет.

Несомненно, что психологические моменты, под влиянием которых человек может сделаться убийцей, весьма многочисленны и различны. Итальянской школой криминальной антропологии была сделана попытка классификации преступлений на основании побуждений, вызвавших их. Попытка эта не встретила у юристов интереса, ей противопоставили трудность определения действительной побудительной причины во многих преступлениях. Но ведь всякая классификация – вещь условная, лишь до некоторой степени облегчающая обзор явлений, отвечающая нуждам данного состояния известной науки. Никакая классификация не может сразу иметь законченную форму, и только жизнь выявит те поправки и изменения, которые могут ее сократить или, наоборот, дополнить, улучшить, сделать более точной.

Мне кажется, что попытка классификации преступлений на основании побуждений, лежащих в их основе, была осуждена слишком скоро и заслуживала несколько большего внимания: в большинстве случаев при тщательном расследовании преступления на первых же порах выясняются и его мотивы. К несчастью, в настоящее время на них не обращается достаточного внимания, важнее всего считается установить обрядность совершенного преступления или способ, каким оно было совершено: как убил, каким орудием, сколько нанесено ударов, какой величины и формы раны, в каком положении было найдено тело, во что одета жертва. Если речь идет об отравлении, то прежде всего устанавливается, каким ядом, с какой пищей или питьем. Разумеется, что подобное расследование внешней стороны преступления также необходимо и способствует его объяснению, но случается и так, что в погоне за этими малейшими подробностями ускользает нить, по которой можно было бы дойти до настоящей, действительной побудительной причины преступления. Его смысл остается неразгаданной загадкой, хотя внешняя сторона преступления точно определена до мельчайших подробностей.

Более близкое ознакомление с личностью подозреваемого и всестороннее ее изучение не только с внешней стороны, но и изучение его внутренней жизни, его прошлого во многих затруднительных случаях облегчало бы выяснение мотивов совершения данного преступления. Только такое тщательное ознакомление с побудительными причинами, лежащими в основе преступлений, способствовало бы, как мне кажется, уменьшению несоответствия наказания за преступления, вызванные различными побуждениями.

Посещая тюрьмы, остроги, центральную московскую пересыльную тюрьму, где перед отправкой на Сахалин и в Сибирь находятся сотни женщин, осужденных за убийства, мне приходилось подолгу беседовать с ними во время антропометрических и функциональных исследований. Я обратила внимание на факт одинакового наказания за убийства, мотивированные совершенно различными побуждениями.

Тот накопленный материал, который я имела в своем распоряжении, я разделила, соответственно мотивам, на следующие группы:

- а) убийцы из корысти;
- б) убийцы по страстному побуждению;
- в) убийцы, побуждаемые супружескими разногласиями и половым отвращением;
- г) убийцы, побуждаемые частичным притуплением нравственного чувства;
- д) убийцы случайные;
- е) убийцы-душевнобольные.

Убийства, однородные с внешней стороны, приходится относить к различным группам. Например, детоубийства разделены мной на две группы:

1) детоубийства, вызванные эмотивными движениями: стыдом, страхом, отчаянием, т. е. подведенные под группу «б» как убийства по страстному побуждению;

2) детоубийства из-за личных выгод: невозможность найти место с грудным ребенком, нежелание ухаживать за ним и опасение лишних хлопот и расходов – как и случаи повторного детоубийства – отнесены в группу «г», т. е. убийств, побуждаемых частичным притуплением нравственного чувства.

Среди осужденных на каторгу женщин реже всего мне приходилось встречать случайных убийц – их было всего 5 человек. Женщин, совершивших убийство или покушения на него под влиянием психических расстройств, было 8.

Свое выступление на женеvском съезде я закончила замечанием о том, что напрасно противники криминальной антропологии предъявляют ей такие категорические требования, на которые она в настоящее время

еще ответить не может. Конкретного типа преступника нет, так как преступление есть явление сложное, складывающееся из множества отрицательных факторов в жизни человека, в числе которых находятся неблагоприятная наследственность, бедность, дурной пример, пьянство родителей, безнадзорное детство и отсутствие всякого воспитания, приучающего человека с ранних лет сдерживать себялюбивые инстинкты и страстные побуждения.

Не заслужила криминальная антропология и упрек в том, что, чрезмерно заботясь об исправлении преступников, она забывает о нуждах честного и трудящегося населения, имеющего более прав на заботу общества. Разрабатывая методы всестороннего изучения преступника не только с анатомической точки зрения, но и с психической, а также нравственной сторон, антропология все ближе и ближе подходит к причинам, лежащим в основе большинства преступлений. Она уподобляется, так сказать, врачу, которому необходимо выяснить причину болезни прежде, чем лечить ее на основании одних только ее симптомов.

Популяризуя свои теории и распространяя их в обществе, антропология учит, как бороться с неблагоприятной наследственностью и путем правильного воспитания ослаблять ее вред. Она разъясняет опасность браков между близкими родственниками, между лицами, страдающими нервными болезнями, сифилисом, бугорчаткой²⁴, она предостерегает от алкоголизма и других излишеств, ведущих к ослаблению и вырождению нисходящего поколения, которое при таких неблагоприятных условиях рождается с недостаточной силой сопротивления для жизненной борьбы. Изучая преступника во всех его подробностях и углубляясь в причины, вызывающие преступление, антропология работает на пользу не только преступников, но и всего человечества, так как указывает на профилактические меры, способствующие оздоровлению, просвещению и повышению нравственного уровня масс. Этим самым антропология стремится к предупреждению и уменьшению числа преступлений. Не надо забывать, что криминальная антропология вовсе не утверждает, что все преступники больные и сумасшедшие, но она призывает и учит отделять больных от здоровых, отличать промежуточные формы, которые находятся на границе между болезнью и здоровьем и порождают людей ненормальных, плохо уравновешенных, чаще других нарушающих законы.

Напрасно также упрекают криминальную антропологию в жестоком отношении к преступнику. Напротив, она восстает против учения о возмездии, противоречащем истинному духу христианства, и учит гуманному отношению к преступнику – братской помощи падшему, поддержке неуравновешенного и врачевании больного.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автор является членом редколлегии журнала Russian Journal of Economics and Law. Статья прошла рецензирование на общих основаниях / The author is a member of the Editorial Board of the Russian Journal of Economics and Law. The article has been reviewed on the usual terms.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 10.09.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 02.11.2025

Дата принятия в печать / Accepted 02.11.2025

²⁴ Бугорчатка – устаревшее название туберкулеза (от лат. *tuberculum* – «бугорок»). – Прим. А. Х.

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор П. А. Кабанов / Persons in charge of selection P. A. Kabanov

Редактор рубрики Ш. Джеффри / Rubric editor Sh. Jaffry

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.899-923>

УДК / UDC 342.9:343:351.74/.76(73)

М. Дж. Стил¹,

Цзывэй Ци¹

¹ Университет штата Канзас в Форт-Хейсе, г. Хейс, США

Влияние законов штата на уровень смертей по вине сотрудников полиции (СПВСП)

Переводчик Е. Н. Беяева

Контактное лицо:

Морган Дж. Стил, PhD, ассистент преподавателя факультета уголовного правосудия, лидерства и социологии, Университет штата Канзас в Форт-Хейсе
E-mail: morganjsteele@gmail.com

Цзывэй Ци, PhD, доцент факультета уголовного правосудия, лидерства и социологии, Университет штата Канзас в Форт-Хейсе

Аннотация

Цель: изучение вопросов, связанных с незаконным применением силы сотрудниками правоохранительных органов в отношении задержанных, а также выявление влияния законов штата на уровень смертей по вине сотрудников полиции.

Методы: в статье используются всеобщий диалектический метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический).

Результаты: проблема незаконного или чрезмерного применения силы сотрудниками правоохранительных органов активно обсуждается общественностью, однако на местах отсутствует важная информация о том, как часто полицейские применяют силу при взаимодействии с гражданами. Более того, остается неизученным влияние законодательных ограничений на применение силы в различных штатах на частоту применения силы сотрудниками полиции. Следовательно, различные предлагаемые реформы имеют мало фактических подтверждений. Используя материалы базы данных *Mapping Police Violence* и переписи населения, авторы проанализировали следующие

© Стил М. Дж., Цзывэй Ци, 2025. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<https://rusjel.ru>) 25.12.2025.

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* (CCJLS) и The Western Society of Criminology: CCJLS@WesternCriminology.org

Цитирование оригинала статьи на английском: Steele, M. J. & Qi, Ziwei. (2024). The Impact of State Laws on Officer-Involved Deaths (OIDs). *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 25(3), 1–20.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/126714.pdf>

факторы: включение решений Верховного суда США в законодательство отдельных штатов; ограничения, которые каждый штат накладывает на применение силы сотрудниками правоохранительных органов при аресте; интерпретация понятия оправданного применения силы в отдельных штатах. В результате было обнаружено, что сильными предикторами количества и уровня смертей по вине сотрудников полиции являются численность населения штата и уровень насильственных преступлений в нем.

Научная новизна: наше исследование показало, что на количество смертей по вине сотрудников полиции в год, равно как и на уровень таких правонарушений на 100 тысяч жителей в год, не влияют такие факторы, как включение решений Верховного суда в законодательство штата или строгость законов штата в отношении применения силы сотрудниками полиции во время ареста, для защиты себя или других лиц или применения смертельного оружия. С помощью двухфакторного анализа мы обнаружили, что законы штатов в данной сфере влияют на показатели СПВСП, но включение в многомерный анализ других важных факторов, касающихся характеристик штатов, уменьшает этот эффект. Кроме того, законы штатов, о которых идет речь, могут и не оказывать влияния на действия сотрудников полиции. В данный момент штаты уделяют сравнительно меньше внимания вопросам о том, что является обоснованным подозрением, необходимым для задержания, или какие действия полицейских могут непреднамеренно привести к эскалации ситуации вплоть до применения силы.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с влиянием законов штата на уровень смертей по вине сотрудников полиции.

Ключевые слова:

применение силы, реформа полиции США, смерть по вине сотрудников полиции, использование оружия сотрудниками полиции, применение силы со смертельным исходом, применение огнестрельного оружия

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Стил, М. Дж., Ци, Цзивэй. (2025). Влияние законов штата на уровень смертей по вине сотрудников полиции (СПВСП). *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 899–923. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.899-923>

Scientific article

M. J. Steele¹,
Ziwei Qi¹

¹ Fort Hays State University, Hays, USA

The Impact of State Laws on Officer-Involved Deaths (OIDs)

Translator E. N. Belyaeva

Contact:

Morgan J. Steele, PhD, Assistant Professor in the School of Criminal Justice, Leadership, and Sociology, Fort Hayes State University
E-mail: morganjsteele@gmail.com

Ziwei Qi, PhD, Associate Professor in the School of Criminal Justice, Leadership, and Sociology, Fort Hayes State University

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org

For original publication: Steele, M. J., Qi, Ziwei. (2024). The Impact of State Laws on Officer-Involved Deaths (OIDs). *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 25(3), 1–20.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/126714.pdf>

Abstract

Objective: to study issues related to the illegal use of force by law enforcement officers against detainees, as well as to identify the impact of state laws on the rate of officer-involved deaths.

Methods: the article uses the universal dialectical method of cognition, as well as general (analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific research methods (formal-legal method).

Results: while the public debates whether law enforcement has a problem with mis- or over-using force, the field lacks critical information concerning how often officers use force when interacting with citizens. Moreover, researchers have not examined how differences in how states restrict officers' ability to use force affect the frequency of force used. Consequently, the various reforms proposed have little evidence supporting them. Using data from Mapping Police Violence combined with census data, the authors examined the impact of the incorporation of U.S. Supreme Court jurisprudence and the overall restrictiveness each state placed on law enforcement's ability to use force when making an arrest and what constituted reasonable force within each state. It was found that the state's population size and violent crime rate were strong predictors of the number and rate of officer-involved deaths.

Scientific novelty: The study showed that the incorporation of SCOTUS decisions within state laws, or the restrictiveness of state laws concerning how officers use force during an arrest, how officers use force to protect themselves or others, or the use of deadly force affect the number of officer-involved deaths that occur per year, nor the rate of officer-involved deaths per 100,000 residents per year. The bivariate analyses indicated that state laws concerning how officers use force may affect OIDs, but the inclusion of other relevant factors about the states in the multivariate analyses reduced those effects. Further, the state laws in question may not be the appropriate point to affect behavior. At this point, there has been comparatively less attention paid to state-level issues of what constitutes the reasonable suspicion necessary to begin an interaction through a Terry stop or issues where officers' behavior may have inadvertently escalated the situation to the point of using force.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering issues related to the impact of state laws on officer-involved deaths.

Keywords:

use of force, US police reform, officer-involved deaths, use of weapons by police officers, use of lethal force, use of firearms

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Steele, M. J., Qi, Ziwei. (2025). The Impact of State Laws on Officer-Involved Deaths (OIDs). *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 899–923. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.899-923>

Введение

Применение силы, особенно приводящее к гибели людей, является резонансной проблемой при обсуждении деятельности полиции в США (Mourtgos & Adams, 2020). Неоднозначное применение силы, особенно со смертельным исходом, часто приводит к протестам и призывам к реформированию системы охраны правопорядка. Термин «смерть, связанная с действиями сотрудника правоохранительных органов» (смерть по вине сотрудника полиции, далее – СПВСП) относится к любому случаю, когда смерть человека непосредственно является результатом действий или преднамеренного бездействия сотрудника правоохранительных органов (Illinois Police and Community Relations Act, 2015). В нашем исследовании этот термин означает смертельные случаи, вызванные действиями сотрудников правоохранительных органов при исполнении служебных обязанностей, или «смертельные случаи от законного вмешательства» (DeGue et al., 2016. Р. 174). СПВСП имеет социально-политические, юридические, культурные и экономические последствия как для отдельных непосредственно вовлеченных лиц, так и для их семей, общин и общества в целом. Например, наблюдается рост недоверия и напряженности между правоохранительными органами и гражданами, особенно в цветных сообществах (Alang et al., 2017; Bedi, 2022; Bottoms & Tankebe, 2012), звучат призывы к реформированию полиции. Предлагаемые меры варьируются от внедрения обучающих программ и различных инструментов, таких как деэскалация конфликтов, носимые камеры и электрошокеры, до широких ограничений на приме-

нение силы и потенциальных последствий в случае ошибок (Alpert & Dunham, 2010; Ariel et al., 2015; Bedi, 2022; Engel et al., 2022; Schwartz, 2017). Каждый вариант заслуживает рассмотрения и изучения; однако тот факт, что существует мало комплексных средств для достижения указанной цели, создает серьезные препятствия для проведения любых широкомасштабных реформ, за исключением решений Верховного суда об отмене прецедента.

Мы исследовали, как внедрение решений Верховного суда, касающихся применения силы правоохранительными органами, в законодательства отдельных штатов влияют на количество смертей по вине сотрудников полиции и их уровень на 100 тысяч жителей. Анализ законодательства штатов проясняет связь между нормативно-правовой базой, политическими решениями и практикой правоприменения. Основное внимание уделяется тому, насколько внедрение ключевых решений Верховного суда по делам *Tennessee v. Garner* и *Graham v. Connor* в законодательство штатов, а также ограничений на применение силы влияет на частоту таких инцидентов. При этом мы учитывали и другие факторы. Исследование призвано выявить те области, в которых было бы целесообразно пересмотреть законодательство штатов, чтобы снизить число жертв среди гражданского населения от рук сотрудников правоохранительных органов.

Обзор литературы

Исследования в области применения силы сотрудниками полиции

Чтобы изучить степень распространенности смертей по вине сотрудников полиции, мы проанализировали многочисленные факторы, однако данная статья посвящена исключительно влиянию законов штата и постановлений Верховного суда на показатели СПВСП. В ряде исследований было описано, как правоохранительные органы используют силу в ответ на угрозы и сопротивление законным требованиям. Однако нужно признать, что в США отсутствует какое-либо систематическое изучение того, как часто сотрудники полиции применяют силу и даже что представляет собой применение силы. Учитывая, что смертельные исходы в основном наступают в результате использования огнестрельного оружия, Fyfe (1981) предположил, что более релевантным количественным показателем для оценки распространенности этого явления будет не число убитых, а число случаев применения огнестрельного оружия полицией в отношении граждан. Такой подход оправдан, поскольку не все случаи применения огнестрельного оружия оканчиваются смертельным исходом, однако промахи, травмы и смерти в результате травм являются следствием тех же решений (Fyfe, 1981). Кроме того, реальное или предполагаемое злоупотребление силой, особенно со смертельным исходом, может спровоцировать протесты, реформы и репрессии (Fyfe, 1988; Maguire et al., 2017; Skolnick & Fyfe, 1993). При этом часто не требуется применения огнестрельного оружия, как показывают случаи Эрика Гарнера и Джорджа Флойда. Следовательно, различные определения применения силы оказывают влияние на количественные показатели при учете таких случаев. Это поднимает важный вопрос, касающийся отсутствия систематизированных данных в данной области (Oramas Mora et al., 2023).

Точная количественная оценка случаев смерти, связанных с деятельностью полиции в Соединенных Штатах, затруднена из-за нескольких факторов. Во-первых, в США отсутствует федеральный мандат, обязывающий правоохранительные органы регистрировать такие инциденты и сообщать о них (Doucett et al., 2022; Fyfe, 2002). Имеющиеся сообщения часто содержат противоречивую или неполную информацию, что затрудняет сравнение данных в различных юрисдикциях (Guss et al., 2020). Следовательно, анализу подвергаются в основном данные, собранные средствами массовой информации, а они могут содержать ошибки или отличаться в определениях (Oramas Mora et al., 2023). Отсутствие общепринятого определения таких явлений и его операционализации (например, отсутствие разграничения между перестрелками с участием сотрудников полиции, приведшими и не приведшими к гибели людей, т. е. случаи несмертельных ранений и промахов) играет решающую роль в определении критериев классификации смертей, связанных с деятельностью полиции (Craig & Reid, 2022; Oramas Mora et al., 2023). Это приводит к различиям в классификации и отчетности по данным инцидентам (Averdijk & Elffers, 2012; Tsui et al., 2009).

Точность и полнота данных также значительно снижается из-за возможных искажений в отчетности и процессах расследования СПВСП (Matusiak et al., 2022). Одна из причин отсутствия требований о внесении информации в централизованную федеральную базу данных – это Десятая поправка, которая гласит, что полномочия, не делегированные Соединенным Штатам Конституцией и не запрещенные ею штатам, со-

храняются соответственно за штатами либо за народом (*Garcia v. San Antonio Metropolitan Transit Authority*, 1985). По всей стране лишь небольшая часть органов правопорядка добровольно сообщает федеральному правительству данные о применении силы со смертельным исходом, при этом требования к отчетности отличаются в разных штатах (O’Leary, 2015). Это связано с тем, что федеральному правительству запрещено использовать государственные учреждения для выполнения федерального мандата в соответствии с Десятой поправкой (Jensen & Entin, 1998). Отсутствие обязательной отчетности создает дополнительные препятствия для мониторинга тенденций в области применения силы и для реализации инициатив по повышению подотчетности и прозрачности деятельности правоохранительных органов. Отсутствие этих важнейших данных затрудняет выявление и решение системных проблем, связанных с применением силы. Правоохранительные органы неохотно публикуют информацию об инцидентах, приводящих к СПВСП, в результате чего исследователи и общественность лишены исчерпывающих и точных данных (Jennings & Rubado, 2017). Несмотря на эти трудности, картографирование смертей по вине сотрудников полиции в Соединенных Штатах может пролить свет на общую частоту и распределение таких инцидентов.

Изучение СПВСП с помощью картографирования по географическому принципу позволяет эффективно выявлять закономерности и тенденции, связанные с этими событиями, касающиеся местоположения, демографических характеристик жертв и конкретных обстоятельств каждого инцидента (Feldman et al., 2017). В настоящее время данные, связанные с СПВСП в Соединенных Штатах, собираются и обсуждаются в рамках различных программ. Одним из примеров является проект *Mapping Police Violence* («Картографирование случаев полицейского насилия»), направленный на тщательный сбор и визуализацию данных о насилии в полиции по всей стране; в результате создается обширная база данных о смертях, связанных с деятельностью правоохранительных органов (De Angelis, 2024). Аналогичным образом, база данных *Fatal Force Database* газеты *Washington Post* содержит надежные данные о полицейских перестрелках со смертельным исходом с подробным описанием контекста каждого случая (Conner et al., 2019). В рамках другой инициативы, *Fatal Encounters*, приводятся данные обо всех случаях гибели людей в результате взаимодействия с правоохранительными органами по всей территории Соединенных Штатов (Comer & Ingram, 2022). Эти базы данных полезны для отслеживания таких инцидентов и разработки мер, направленных на снижение их числа.

Число смертей по вине сотрудников полиции

В настоящее время применение силы сотрудниками полиции в целом и гибель людей в результате этого происходят очень редко (Mclean et al., 2022; Stoughton et al., 2021). Однако исследования показывают, что представители расовых меньшинств, особенно чернокожего сообщества, становятся жертвами непропорционально большого числа перестрелок с полицией по сравнению с белыми. Кроме того, в этих инцидентах часто участвуют невооруженные чернокожие мужчины (DeGue et al., 2016; Fyfe, 1988), что приводит к распространению мнения о предвзятом отношении правоохранительных органов к афроамериканцам (Nix et al., 2017).

Как следствие, СПВСП также приводит к судебным искам, уголовным обвинениям и политическим беспорядкам, что негативно сказывается на репутации и финансировании правоохранительных органов (Cobbina-Dungy et al., 2022; Mazerolle et al., 2013; Sierra-Arevalo, 2021; Smith et al., 2007). Такие инциденты также могут повлиять на безопасность сотрудника полиции, поскольку даже сравнительно незначительное применение силы, такое как распыление перцового баллончика, сопряжено с определенным риском для владельца (Pinizzotto et al., 2012). Это способствует возникновению обратной связи, когда члены сообщества не доверяют полицейским и сопротивляются их указаниям, что приводит к увеличению числа инцидентов с применением силы. Более того, СПВСП усиливает страх перед правоохранительными органами, потенциально провоцируя дальнейшее насилие и создавая нестабильность в сообществах (Gill, 2015; Smith Lee & Robinson, 2019). Возникает общественный резонанс по поводу легитимности полиции; растет запрос на повышение прозрачности, мониторинга и юридической подотчетности (Archbold, 2021). Кроме того, применение силы также влияет на безопасность сотрудников, особенно в ситуациях непредсказуемости и угрозы для их жизни (Pinizzotto et al., 2012). Таким образом, крайне важно систематически изучать факторы применения силы правоохранительными органами.

Кроме того, специалисты в области криминологии и социологии местных сообществ уже давно установили взаимосвязь между социально-экономическим неблагополучием, факторами расы и уровнем насилия (McCall et al., 2010; Sampson & Wilson, 2013). Факторы, способствующие применению силы со стороны полиции,

подразделяются на три основные категории: служебные, организационные и ситуационные (Friedrich, 1980). К ним относятся системный расизм, скрытые предубеждения, стрессовая обстановка и демографические характеристики сотрудников полиции. Все они влияют на процессы принятия решений и могут привести к чрезмерному применению силы. Например, исследования неизменно показывают, что расовые и этнические меньшинства, особенно афроамериканцы, сталкиваются с непропорционально высоким риском эскалации и применения силы, а стресс и скрытые предубеждения еще больше усиливают эти последствия (James, 2018). Кроме того, имеют значение такие демографические факторы, как пол, уровень образования и опыт. Так, исследования показывают, что полицейские-женщины лучше следят за соблюдением требований подотчетности, определенных в правовых актах (Garrett & Slobogin, 2020; Stoughton et al., 2021), а также в Четвертой и Четырнадцатой поправках. Помимо Четвертой поправки, в законодательстве нескольких штатов и федеральном законодательстве также содержатся конкретные рекомендации по данной проблеме (Mourtgos & Adams, 2020). В некоторых штатах законодательство более конкретно формулирует дополнительные указания, например, ограничивает жесткие приемы при задержании или требует принимать меры деэскалации, прежде чем прибегать к более конфронтационной тактике (Swanson, 2016). Напротив, в других штатах регулирование применения силы минимально, что позволяет сотрудникам полиции применять более широкий спектр силовых средств в более разнообразных ситуациях (Terrill & Paoline, 2017). Эти различия между штатами усугубляются также различиями в политике юрисдикций в отношении применения силы и подотчетности (Lee, 2018; Roiphe, 2017), а также в механизмах надзора, доступных на местном уровне (Lum et al., 2019).

Большая распространенность огнестрельного оружия коррелирует с повышенным риском нападения на сотрудников правоохранительных органов с применением такового; этот риск значительно снижается в штатах, где действуют законы о проверке биографических данных [при продаже оружия – Прим. переводчика] (Sivaraman et al., 2020). Кроме того, расширение легального доступа к огнестрельному оружию (т. е. количество лицензированных магазинов оружия) коррелирует с более высоким уровнем как смертельных, так и несмертельных перестрелок со стороны полиции (Shjarback et al., 2023). Однако наличие незаконного огнестрельного оружия не демонстрирует тесной связи с этими инцидентами, а это означает, что законно приобретенное огнестрельное оружие является более важным фактором. Социально-экономические условия, такие как неблагоприятные условия проживания, также связаны с частотой полицейских перестрелок, что указывает на более широкие контекстуальные факторы (Shjarback et al., 2023). Ужесточение законодательства об огнестрельном оружии (в частности, усиление контроля за личными данными и за безопасным хранением оружия, меры по пресечению его незаконного оборота) приводит к значительному снижению числа случаев стрельбы полиции со смертельным исходом (Kivisto et al., 2017). Эти законы не только сокращают общее число владельцев огнестрельного оружия, но и непосредственно влияют на количество смертельных случаев, связанных с деятельностью полиции, что подчеркивает важность универсальных норм обращения с огнестрельным оружием. Внедрение и обеспечение соблюдения таких законов может привести к созданию более безопасных условий как для сотрудников правоохранительных органов, так и для сообществ, которым они служат (Kivisto et al., 2017; Rogna & Nguyen, 2022; Shjarback et al., 2023; Sivaraman et al., 2020).

Применение силы со смертельным исходом зависит от многих факторов, на выявление которых направлены многочисленные исследования. Однако целью настоящей работы является восполнение существенного пробела, а именно изучение того, как эти различия в формальном применении судебной практики Верховного суда и законов штатов влияют на распространенность смертей по вине сотрудников полиции. Мы фокусируемся на ограничительном характере законов штатов и ключевых постановлений Верховного суда. Цель работы – используя новые базы данных, выяснить, действительно ли более строгие правовые рамки снижают частоту СПВСП. Исследование вносит вклад в дискуссию о реформировании правоохранительных органов. Штаты, которые стремятся сократить уровень СПВСП, могут взять за образец эффективные законы, выявленные в нашей работе.

Методы

Работа основана на материалах базы данных *Mapping Police Violence* о географическом распределении случаев насилия в полиции, а также аналитического исследования (Stoughton, 2021), посвященного различиям в законах и судебной практике штатов, ограничивающих применение силы в правоохранительных органах. Используются также социально-экономические и демографические данные переписи населения США

и материалы Единого отчета о преступности (*Uniform Crime Report, UCR*), а также база данных о погибших и пострадавших сотрудниках правоохранительных органов (*Law Enforcement Officers Killed and Assaulted, LEOKA*). На материалах 2013–2019 гг. мы попытались определить степень влияния законодательства штата на применение силы сотрудниками полиции и уровень смертности от их действий с учетом других факторов.

База данных *Mapping Police Violence* (2022) объединяет сообщения СМИ о контактах сотрудников полиции с населением, которые привели к гибели гражданских лиц, включая законное и незаконное применение силы (т. е. как оправданное, так и неоправданное убийство при исполнении служебных обязанностей). Затем каждый отчет изучался, по крайней мере, двумя исследователями и перепроверялся на соответствие базе данных *Fatal Encounters, Fatal Force* (*Washington Post*) и официальным источникам, таким как материалы Центра по контролю заболеваний и Бюро судебной статистики. Согласно веб-сайту проекта *Mapping Police Violence*, он выявляет 92 % всех случаев СПВСП по сравнению с исследованием Banks et al. (2016), которое касалось случаев СПВСП, связанных с арестами, согласно отчетности Бюро судебной статистики о смертности в местах лишения свободы. Аналогичным образом, Comer и Ingram (2022) обнаружили сильную корреляцию между материалами *Fatal Encounters* (*Washington Post*) и *Mapping Police Violence* – это две открытые базы данных, которые фиксируют большинство подобных инцидентов в США. Мы выбрали последнюю, поскольку она предоставляет значительный объем информации о самих инцидентах, месте и причине смерти. Мы считаем, что случаи, по которым эта информация доступна, служат более надежным источником, чем те, по которым она отсутствует. Поскольку обязательной федеральной программы отчетности, кроме систем добровольной отчетности CDC и BJS, не существует, база данных *Mapping Police Violence* дает наиболее достоверную картину количества случаев насилия со стороны сотрудников полиции в Соединенных Штатах. В нее включены статистические данные по Вашингтону, округ Колумбия, хотя в этом городе работают полицейские с высшим образованием или большим опытом, которые, как правило, меньше прибегают к силовым методам (Rydberg & Terrill, 2010).

Хотя эти факторы могут влиять на СПВСП, многие из них остаются неподтвержденными и требуют дальнейшего изучения. Например, ни одно исследование не выявило прямой связи между скрытой предвзятостью и фактическим применением силы в полиции. На сегодняшний день доказано только то, что явная предвзятость связана с уровнем применения силы. Показатели скрытой предвзятости не являются фактором применения силы и, следовательно, не дают дополнительной информации, выходящей за рамки того, что дают измерения явной предвзятости. Акцент на скрытой предвзятости может непреднамеренно усилить установку «мы против них» в отношениях между полицией и обществом.

Учитывая тот факт, что полицию часто вызывают для вмешательства в ситуации насилия, логично, что подобные инциденты чаще происходят в районах с высокой концентрацией неблагоприятных факторов. Соответственно, исследования показали, что эти неблагоприятные факторы имеют связь с расовой принадлежностью. Иными словами, районы проживания расовых и этнических меньшинств с большей вероятностью испытывали концентрированное воздействие неблагоприятных факторов (McCall et al., 2010), что также повышало вероятность насилия и, следовательно, вмешательства полиции (Fridel et al., 2020). Расстрел Майкла Брауна в Фергюсоне, штат Миссури, не привел к значительному увеличению числа офицеров, подвергшихся нападению (White, 2020) или убитых (Maguire et al., 2017), однако после убийства Джорджа Флойда произошел всплеск случаев стрельбы по полицейским без смертельного исхода (Sierra-Arevalo et al., 2023).

Правовые ограничения в сфере использования огнестрельного оружия сотрудниками полиции

Верховный суд США установил прецеденты, в соответствии с которыми сотрудники полиции могут быть оправданы за применение смертельного оружия: для этого у них должны быть достаточные основания полагать, что подозреваемый представляет значительную угрозу смерти или серьезного физического увечья для себя или других лиц (*Graham v. Connor*, 1989). Верховный суд также постановил, что применение силы должно соответствовать обстоятельствам ситуации, принимая во внимание такие факторы, как тяжесть преступления и непосредственная угроза безопасности (*Tennessee v. Garner*, 1985). Тем не менее каждый такой инцидент подвергается тщательному изучению, особенно в тех случаях, когда есть мнение, что применение силы было неоправданным или излишним (Fyfe, 1988; Lyle & Esmail, 2016; Oramas Mora et al., 2023; Skolnick & Fyfe, 1993). В работе Skolnick и Fyfe (1993) эти случаи описаны как «законные, но

ужасные» в том смысле, что применение силы этими офицерами было законным, но все же вызвало пристальное внимание общественности.

Результатом стало выдвижение требований к повышению ответственности и прозрачности в применении полицией смертельного оружия, а также усовершенствование протоколов и подготовки с целью свести применение силы к минимуму там, где это возможно (Hine et al., 2018). Более ранние исследования показали, что основная ответственность за контроль над действиями полиции при применении смертоносной силы перешла к руководителям правоохранительных органов, что может иметь последствия для правового надзора и процессов принятия решений в этих органах (Fyfe & Walker, 1990). Такой переход контроля поднимает вопрос об ограничении гражданской ответственности. Сотрудники напрямую защищены от гражданской ответственности за применение силы при исполнении служебных обязанностей, если только их действия не противоречат действующему законодательству (Schwartz, 2017). Однако такой подход предоставляет руководителям правоохранительных органов значительную свободу в толковании законов штата и соответствующей судебной практики, гарантируя, что ведомственная политика не приведет к привлечению сотрудников или ведомства в целом к ответственности.

Некоторые штаты сильнее опираются на эти постановления в своем законодательстве, установив более строгие ограничения на условия применения силы (Stoughton et al., 2021). В других штатах действуют более мягкие законы, предоставляющие сотрудникам полиции более широкую свободу действий в отношении того, когда и как они могут применить силу для разрешения ситуации путем ареста или обоснованности применения силы, выходящей за рамки критериев, предусмотренных решениями Верховного суда. Такая вариативность создает различия в том, как регулируется применение силы: одни штаты выдвигают больше условий, а другие придерживаются базовых норм, установленных федеральными прецедентами. Эти различия имеют решающее значение для понимания взаимосвязи между правовыми рамками и практикой применения силы правоохранительными органами.

Хотя в некоторых ситуациях применение оружия оправдано, его следует рассматривать исключительно как последнее средство, когда все другие варианты были рассмотрены и признаны неэффективными (Blair et al., 2011; Klinger, 2012; Nix et al., 2017). Четвертая поправка к Конституции США защищает права граждан Соединенных Штатов от необоснованных обысков, конфискаций и непропорционального применения силы правоохранительными органами (Goode, 2018). Вопрос о том, было ли применение силы разумным, зависит от целого ряда факторов, включая серьезность преступления, непосредственную угрозу сотруднику полиции или другим лицам, а также обстоятельства сопротивления аресту или попытки побега (*Tennessee v. Garner*, 1985). Чрезмерное применение силы нарушает Четвертую поправку и может привести к судебному иску о защите гражданских прав или уголовному обвинению против сотрудника полиции (Meun, 2021). Однако, как указывали Fyfe и Walker (1990), большая часть надзора переходит от федеральной судебной практики к местным органам власти.

Влияние законодательства штата на уровень СПВСП

Нормативные акты штатов играют значительную роль при гибели людей в связи с деятельностью правоохранительных органов. Эти законы предписывают надлежащее применение силовых мер полицией. В анализе мы учитываем, что их наличие может оказать чрезмерное влияние на результаты по сравнению с влиянием социально-экономических условий.

Еще две базы данных – это результаты, полученные в ходе опроса американских сообществ (*American Communities Survey, ACS*), проводимого Бюро переписи населения США, и данные об убитых или подвергшихся нападению сотрудниках правоохранительных органов (*Law Enforcement Officers Killed or Assaulted, LEOKA*). Они имеют схожие структуры в том смысле, что опираются на добровольное участие. В основе данных *ACS* лежат обобщенные ответы жителей каждого штата; они позволяют сделать выводы о социально-экономических факторах. База данных *LEOKA* использовалась для разработки мер по предотвращению насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов. Из-за добровольного участия показатели обеих баз данных, скорее всего, занижены, что ослабляет эффект, показанный в разделе «Результаты» настоящего исследования. Поскольку наше исследование основано на вторичных данных из общедоступных источников, одобрения институционального совета не требовалось.

Показатели

В табл. 1 приведены среднее значение, стандартное отклонение и диапазон для двух конечных показателей (количество убийств в среднем за год; уровень убийств в среднем за год на 100 тысяч жителей) и четырех показателей социально-экономического развития и уровня преступности в штате (численность населения штата; число насильственных преступлений в штате на 100 тысяч жителей; концентрация неблагоприятных факторов; количество нападений на сотрудников правоохранительных органов на 1 000 сотрудников). Мы попытались включить в анализ количество полицейских, убитых в каждом штате за год, но этот показатель не внес существенного вклада в байесовский информационный критерий для отрицательных биномиальных моделей или дисперсии в рамках рассмотренных ниже моделей. В табл. 2 и 3 подробно описаны пять правовых ограничительных мер по законодательству штата.

Таблица 1

Описательная статистика
Table 1. Descriptive Statistics

Конечные показатели / Outcome Measures	Среднее значение (SD) / Mean (SD)	Стандартное отклонение / Standard Deviation	Диапазон / Range
Число смертей по вине сотрудников полиции в год / Number of Officer-Involved Deaths Per Year	21,72	28,295	0–200
Уровень смертей по вине сотрудников полиции в год на 100 тысяч жителей / Rate of Officer-Involved Deaths Per Year Per 100,000 Residents	0,370	0,220	0,000–1,088
Характеристики штата / State Characteristics			
Численность населения / Population Size	6 443 169,59	7 193 582,96	577 601–39 461 588
Натуральный логарифм – Численность населения / Natural Logarithm – Population Size	15,192	1,014	13,27–17,49
Уровень насильственной преступности на 100 тысяч населения / Violent Crime Rate per 100k	–	–	–
Концентрация неблагоприятных факторов / Concentrated Disadvantage	–0,065	0,901	–2,19–2,74
Количество нападений на сотрудников правоохранительных органов на 1000 сотрудников / Rate of Law Enforcement Officers Assaulted per 1000 Officers	118,791	86,228	0,00–677,68

Количество смертей по вине сотрудников полиции в год

База данных *Mapping Police Violence (MPV)* описывает случаи смерти сотрудников полиции по отдельности; мы обобщили эту информацию по штатам и годам. В анализ включены все 50 штатов США, но исключены данные по Вашингтону, округ Колумбия, поскольку там не имеется законов штата. Была предпринята попытка суммирования по месяцам и годам с учетом сезонности, но это привело к существенной нулевой инфляции и не отражено в результатах ниже. Согласно базе данных *MPV*, в течение семилетнего периода исследования в США в среднем было зарегистрировано 21,37 случая СПВСП в год со стандартным отклонением 28,09. Это средний показатель по стране, однако эти случаи гибели людей не были распределены случайным образом по территории США. В табл. 4 представлены результаты однофакторного дисперсионного анализа, который позволяет определить, значительно ли различались количество и частота смертельных случаев в разных штатах. Количество таких случаев в год варьировалось от нуля в Северной Дакоте (2019) и Род-Айленде (2015, 2019) до 200 в Калифорнии (2015). Разница между штатами является статистически значимой ($F = 153,75, p < 0,001$). Кроме того, мы использовали следующий показатель, чтобы учесть влияние численности населения на СПВСП.

Уровень СПВСП на 100 тысяч жителей в год

Показатели СПВСП на 100 тысяч жителей рассчитывались путем деления количества таких преступлений в год в каждом штате на общую численность населения штата по данным Единого отчета о преступности. Затем это число умножали на 100 тысяч, чтобы получить сопоставимый показатель СПВСП в год в разных штатах. Этот показатель варьировался от 0,00 (в Северной Дакоте в 2019 г. и Род-Айленде в 2015 и 2019 гг.) до 1,09 на Аляске (2017–2018 гг.). Средний показатель СПВСП на 100 тысяч жителей составил 0,370 ($sd = 0,220$) в год, при этом он значительно варьируется в разных штатах ($F = 13,47$, $p < 0,001$).

Законодательство штата, регулирующее использование оружия сотрудниками полиции

Используя контент-анализ из работы Stoughton et al. (2021), мы нашли пять положений законов штатов, касающихся применения силы сотрудниками правоохранительных органов. В табл. 2 приведены ограничения, налагаемые на принятие решений должностными лицами в различных областях, с указанием конкретных штатов для каждой категории и их общего количества. На основе этой информации мы вводим три индекса, представляющие более широкие концепции: «Применение силы для проведения ареста», «Применение силы для защиты себя или других лиц» и «Применение силы со смертельным исходом». Последний индекс показывает, каким образом полицейские применяли смертельное оружие в различных ситуациях или должны ли они совершать определенные действия перед его применением.

Таблица 2

Контент-анализ законодательства штатов в сфере применения силы сотрудниками полиции (по Stoughton et al., 2021)

Table 2. Stoughton et al.'s (2021) Content Analysis of State Laws Concerning When Officers May Use Force

Ограничения / Restrictions	Штаты / States
Применение силы для задержания или ареста / Use force to make arrest or detention	
Обоснованное убеждение в том, что арест является законным / Reasonable belief that arrest is lawful	AK, AZ, CA, CT, MN, MO, NY, NC, TX, WI ($n = 10$)
Субъективное убеждение в том, что арест является законным / Subjective belief that arrest is lawful	AL, AR, CO, DE, KY, ME, NE, NH, OR ($n = 9$)
Штат не учитывает восприятие сотрудником полиции законности ареста, но лишь его фактическую законность / State makes no distinction on officer's perception of lawfulness of arrest, merely that it is lawful (actual lawfulness)	FL, GA, HI, IA, ID, IL, IN, KS, LA, MA, MI, NE, NJ, PA, SD ($n = 15$)
Для проведения ареста может быть применена сила независимо от его законности / Force can be used to make an arrest without regard to the lawfulness of the arrest	MT, TN, UT, WA ($n = 4$)
Для проведения ареста может быть применена сила после того, как сотрудники полиции представятся / Force can be used to make an arrest after officers identify themselves	AZ, DE, KY, NE, NJ ($n = 5$)
Применение силы для защиты себя или других лиц / Force may be used to protect self or others	
Сила может быть применена для преодоления сопротивления подозреваемого / Force may be used to overcome suspect's resistance	ID, MN, WA ($n = 3$)
Сила может быть применена для предотвращения побега / Force may be used to prevent escape	AL, AK, AR, AZ, CA, CO, CT, DE, FL, HI, ID, IN, KY, ME, MN, MO, MT, NC, ND, NE, NH, NJ, NY, OR, PA, SD ($n = 24$)
Сила может быть применена для защиты себя или других лиц / Force may be used to protect self or others	AL, AR, CO, CT, DE, FL, IA, IL, KS, ME, NC, NE, NH, NJ, NY, OR, PA, UT ($n = 18$)
Сотрудники полиции могут применять разумно необходимую силу для защиты других лиц / Officers may use reasonably necessary force to protect others	AL, AK, AR, AZ, CO, CT, DE, GA, HI, IA, ID, IL, IN, KS, KY, MA, MI, MO, MS, MT, NC, NE, NH, NJ, NM, NV, NY, OH, OR, PA, RI, SC, TN, TX, UT ($n = 35$)
Сотрудники полиции могут применять разумную силу для защиты других лиц / Officers may use reasonable force to protect others	CA, LA, MD, ME, OK, VA, VT, WI, WV ($n = 9$)
Сотрудники полиции могут применять необходимую силу / Officers may use necessary force	FL, SD, WA ($n = 3$)

Окончание табл. 2 / End of Table 2

Ограничения / Restrictions	Штаты / States
Применение силы со смертельным исходом / Use of Deadly Force	
Убегающий преступник / Fleeing Felon approach	AL, FL, MS, OR, SD (n = 5)
Частично ограничительные / Partially Restrictive	
Тяжкое преступление или применение смертельного оружия или угроза его применения / Violent felony or use or threat of deadly force	AK, AR, AZ, CO, CT, DE, GA, HI, IL, IN, KS, ME, MN, MO, ND, NE, NH, NV, NY, OK, OR, PA, TN, TX, UT (n = 25)
Применение смертельного оружия в ходе определенных преступлений / Deadly force can be used for certain crimes	NJ, NY, OR (n = 3)
Разрешено применение смертельного оружия против возможной угрозы / Deadly force can be used against future threats	AK, AZ, CO, DE, HI, IA, IL, KS, ME, MN, MO, NE, NH, OK, PA, TN, TX, UT (n = 19)
Разрешено применение смертельного оружия против вооруженных и убегающих субъектов / Deadly force can be used against armed, escaping subjects	AK, AR, GA, ME, NY, PA (n = 6)
Разрешено применение смертельного оружия против убегающего подозреваемого, если он знает, что полицейский намерен произвести арест / Deadly force can be used against fleeing felon if suspect knows officer is attempting an arrest	RI (n = 1)
Разрешено применение смертельного оружия против заключенного, пытающегося убежать / Deadly force can be used against convicted felon attempting escape	NC (n = 1)
«Правило Гарнера» / “Garner Rule”	
Разрешено применение смертельного оружия, если субъект представляет угрозу смерти или тяжкого телесного повреждения полицейскому или другим лицам / Deadly force can be used when individual presents a threat of death or grievous bodily harm to officer or others	AL, AR, AZ, CA, CO, CT, FL, GA, ID, IL, IN, KS, ME, MN, NC, ND, NH, NJ, NM, NV, NY, OK, OR, PA, TN, UT, WA (n = 27)
Применение смертельного оружия не создает дополнительной угрозы невиновным лицам / No additional risk posed to innocent persons through use of deadly force	DE, HI, MA, NE, NJ, PA (n = 6)
Не разрешено применение смертельного оружия против суицидальных субъектов / No use of deadly force against suicidal subjects	CA, DE, NE, NJ, PA, TN (n = 6)
Применение смертельного оружия разрешено только для преодоления «реального сопротивления» / Force can only be used to overcome ‘actual resistance’	ID, MS, WA (n = 3)
Применение смертельного оружия разрешено после применения других разумных вариантов / Force can only be used when other reasonable options have been tried	CA, DE, IA, NH, TN (n = 5)
Полицейские должны назваться, если это возможно / Officers are required to identify self, if feasible	ME, NH, TN (n = 3)
Нарушения ПДД не могут служить причиной применения смертельного оружия / Officers cannot use motor vehicle violations as a predicate for use of deadly force	CO (n = 1)

Примечание: AL – Алабама, AK – Аляска, AZ – Аризона, AR – Арканзас, CA – Калифорния, CO – Колорадо, CT – Коннектикут, DE – Делавэр, FL – Флорида, GA – Джорджия, HI – Гавайи, ID – Айдахо, IL – Иллинойс, IN – Индиана, IA – Айова, KS – Канзас, KY – Кентукки, LA – Луизиана, ME – Мэн, MD – Мэриленд, MA – Массачусетс, MI – Мичиган, MN – Миннесота, MS – Миссисипи, MO – Миссури, MT – Монтана, NE – Небраска, NV – Невада, NH – Нью-Хэмпшир, NJ – Нью-Джерси, NM – Нью-Мексико, NY – Нью-Йорк, NC – Северная Каролина, ND – Северная Дакота, OH – Огайо, OK – Оклахома, OR – Орегон, PA – Пенсильвания, RI – Род-Айленд, SC – Южная Каролина, SD – Южная Дакота, TN – Теннесси, TX – Техас, UT – Юта, VT – Вермонт, VA – Вирджиния, WA – Вашингтон, WV – Западная Вирджиния, WI – Висконсин.

В табл. 3 показано, как различается судебная практика штатов в области законодательства, касающегося применения силы, по данным пяти аспектам. Два аспекта показывают, в какой степени штаты включили основные решения Верховного суда, касающиеся применения силы сотрудниками правоохранительных органов (*Graham v. Connor*; *Tennessee v. Garner*; *Scott v. Harris*), в свои правовые кодексы. Это объясняет тот факт, что применение силы может противоречить законодательству штата, но не нарушать существующую федеральную судебную практику в этой сфере, и наоборот. В работе Stoughton et al. (2021) на основе решений судов штатов были определены те штаты, которые рассматривали применение силы правоохранительными органами в соответствии с законами штатов или общим правом, а также показано, в какой степени суды учитывали федеральные стандарты. Штаты, которые полностью включили решения Верховного суда в свои акты, получили оценку –1; те, которые включили эти решения частично, получили оценку –0,5; те штаты, которые не включили эти решения, получили оценку 0. Этот подход был предложен в работе Stoughton et al. (2021), где было изучено, включала ли судебная практика штата наиболее известные случаи применения силы сотрудниками полиции или ссылки на них, и если да, то каким образом. Включение в модели 31 штата, которые не используют решения по делам *Tennessee v. Garner* или *Scott v. Harris*, или 19 штатов, которые не используют решение по делу *Graham v. Connor*, было сделано для того, чтобы изучить альтернативный сценарий и дать аргумент за включение судебной практики Верховного суда в законы штатов.

Для учета ограничений, которые штаты накладывают на решения сотрудников полиции о применении силы, были введены двумерные переменные. В табл. 2 представлены отдельные законы 50 штатов, выделенные в работе Stoughton et al. (2021). По совокупности указанных ограничений определены три показателя. Первый отражает количество ограничений, налагаемых отдельными штатами на применение силы сотрудниками полиции при проведении ареста. Второй показатель – это количество ограничений на применение силы сотрудниками полиции для защиты себя или других лиц. Последний показатель учитывает любые ограничения, налагаемые штатами на применение смертоносного оружия сотрудниками полиции.

Такая система кодирования предложена по аналогии с более ранними работами, в которых данные качественных исследований обрабатывались количественными методами. Например, оценка личностных профилей сотрудников полиции (Muir, 1979) была перенесена в форму эмпирического теста (Snipes & Mastrofski, 1990); концепция «уличного кодекса» (Anderson, 2000) изучалась с помощью опроса (Brezina et al., 2004). Хотя мы проводили факторный анализ показателей законов штатов, он не позволил объяснить значимую долю дисперсии и не выполнял другие требования к научному факторному анализу (*exploratory factor analysis, EFA*).

В табл. 1 представлены результаты работы Stoughton et al. (2021), а именно контент-анализ изменений в законах штатов по всей территории Соединенных Штатов. Как видно из этой таблицы, существуют значительные различия в том, как штаты контролируют применение силы правоохранительными органами против населения. В редких случаях сотрудники привлекаются к уголовной ответственности за свои действия при исполнении служебных обязанностей (Armocost, 2003; Skolnick & Fyfe, 1993); также нарушения законов штата могут послужить основанием для увольнения сотрудника (Grunwald & Rappaport, 2020) или привлечения его к гражданской ответственности путем аннулирования его квалифицированного иммунитета от судебных исков (Schwartz, 2017).

Особенности различных штатов

Мы включили три показателя особенностей различных штатов для учета различий в социально-экономической сфере и моделях насильственных действий. Во-первых, это численность населения штата, согласно Бюро переписи населения США. Этот показатель варьировался от 577 601 человека в Вайоминге (2018) до 39 461 588 человек в Калифорнии (2018), при этом средняя численность населения штата составила 6 330 191,89 человека ($sd = 7\,167\,295,52$). Поскольку показатель обладает сильной асимметрией, мы рассчитали натуральный логарифм, чтобы привести его к более нормальному распределению (Fox, 2008). Таким образом, среднее значение было скорректировано до 15,16 ($sd = 1,03$). Во-вторых, мы включили показатель насильственных преступлений на 100 тысяч жителей, рассчитанный по материалам Единого отчета о преступности (*Uniform Crime Report, UCR*). Этот показатель варьировался от 102,59 для Вермонта (2014) до 891,67 для Аляски (2018), при этом средний уровень насильственных преступлений в штате на 100 тысяч человек составил 380,48 ($sd = 178,41$). Нужно отметить, что два основных источника данных

о преступности в масштабах штата (*UCR* и Национальное обследование виктимизации от преступлений) часто демонстрируют различия (Berg & Lauritsen, 2016), особенно в сельской местности, однако это не снижает полезности первого источника. *UCR* содержит данные об обращениях пострадавших в полицию, но концептуально это отражает частоту применения оружия полицейскими, поскольку это с большей вероятностью будет происходить во время призывов к насилию. В-третьих, мы включили единый показатель социально-экономического неблагополучия в связи с многочисленными криминологическими и социологическими исследованиями, которые выявили взаимосвязь между неблагоприятными условиями и насильственным поведением (Sampson & Wilson, 2013; Wilson, 2012). В соответствии с научным факторным анализом (Finch, 2020) мы выделили единый фактор социально-экономического неблагополучия по методу косого вращения ($kappa = 4$), попарно исключив отсутствующие случаи. В этот коэффициент были включены следующие показатели: процент населения, живущего за чертой бедности; процент населения старше 25 лет, не имеющих документа о среднем образовании или свидетельства об окончании курса средней школы; уровень безработицы; процент домохозяйств с одним родителем; процент небелого населения. Этот коэффициент объяснил 59,136 % различий во включенных показателях социально-экономического неблагополучия, при этом критерий сферичности Бартлетта оказался значимым ($X^2 = 806,016$, $p < 0,001$). Показатель адекватности выборки по Кайзеру – Мейеру – Олкину был довольно низким ($KMO = 0,739$), что, вероятно, связано с характером работы с материалами 50 штатов. Включение данных о неблагоприятных условиях также помогает устранить недостаток, выявленный в работе Berg и Lauritsen (2016) в отношении сообщений о преступлениях в сельской местности: чем более неблагополучными являются сельские районы, тем больше вероятность того, что в них будет наблюдаться дисбаланс между количеством реальных случаев виктимизации и количеством сообщений о них.

В-четвертых, мы включили данные о количестве нападений на сотрудников полиции на каждую тысячу сотрудников согласно отчету штатов об убитых или подвергшихся нападению сотрудниках правоохранительных органов (*Law Enforcement Officers Killed or Assaulted*). Это добровольный компонент Единого отчета о преступлениях, о котором сообщают примерно две трети правоохранительных органов по всей территории США. Однако, поскольку это добровольный отчет и в нем не участвуют около 6 000 органов (по крайней мере, постоянно), многие подобные инциденты останутся неучтенными. Чтобы решить эту проблему, мы присваивали 0 баллов за этот показатель всем штатам, у которых нет ежегодных данных о количестве нападений на 1 000 сотрудников. Хотя это ослабляет влияние данной переменной на модель, такой подход минимизирует возможность завышения эффекта за счет подстановки среднего значения или других способов расчета недостающих данных. Как отмечалось выше, мы не включили количество сотрудников полиции, погибших в каждом штате за год, поскольку этот показатель не оказал существенного влияния на значения байесовского информационного критерия или на дисперсию, объясняемую в рамках наших моделей.

Важно заметить, что эти показатели основываются на ответах отдельных граждан в ходе переписи, на сообщениях в полицию о случаях виктимизации, а также на добровольных сообщениях правоохранительных органов об общем количестве насильственных преступлений и количестве нападений или убийств сотрудников полиции. Что касается данных переписи, то серьезность этой проблемы потребовала исключить данные за период с 2020 г. и далее. Это одно из ограничений настоящего исследования, которое будет рассмотрено ниже.

Следует отметить, что для оценки действий правоохранительных органов мы лишь ограниченно использовали сообщения СМИ в открытых источниках данных, так как материалы базы данных *Mapping Police Violence* могут содержать предвзятости, о которых нам неизвестно. Однако, поскольку в Соединенных Штатах не существует обязательной отчетности о гибели людей по вине сотрудников полиции, открытые базы данных восполняют этот пробел. В работе Nix и Shjarback (2021) утверждается, что показатель применения полицейскими смертельного оружия, вероятно, занижен, так как он не учитывает инциденты, которые не привели к смерти (например, промах или ранение). Наш подход может уменьшить эту проблему. Кроме того, Comer и Ingram (2022) обнаружили, что открытые базы данных показали сильную корреляцию в период проведения нашего исследования. Следовательно, на настоящий момент это лучший способ изучения данной проблемы.

Таблица 3

Ограничения на использование смертельного оружия в законодательстве штатов

Table 3. State Restrictions on Uses of Force

Показатель / Indicator	Нет упоминания / No Mention	Упомянуто / Referenced	Полностью включено / Fully Incorporated				
Включение решений по делам Tennessee v. Garner или Scott v. Harris / Incorporation of Tennessee v. Garner or Scott v. Harris	AK, AL, AR, CT, HI, ID, IL, IN, KS, LA, MA, ME, MN, MO, MS, MT, NC, ND, NE, NH, NJ, OK, OR, PA, SD, TN, TX, UT, VA, WI, WA, WI (n = 31)	AZ, CA, DE, FL, KY, MD, SC, WV (n = 8)	CO, GA, IA, MI, NM, NV, NY, OH, RI, WY (n = 10)				
Включение решения по делу Graham v. Connor / Incorporation of Graham v. Connor	AL, HI, KS, MA, MN, MO, MT, NC, ND, NH, NJ, OR, PA, SD, TN, TX, UT, WA, WI (n = 19)	ID, KY, MS, NY (n = 4)	AK, AR, AZ, CA, CO, CT, DE, FL, GA, IA, IL, IN, LA, MD, ME, MI, NE, NM, NV, OH, OK, RI, SC, VA, VT, WV, WY (n = 27)				
Число ограничений в законодательстве штата / Number of State Law Restrictions	0	1	2	3			
Применение смертельного оружия при аресте / Use of Force to make an arrest	MD, MS, ND, NM, NV, OH, OK, RI, SC, VA, VT, WV, WY (n = 13)	AK, AL, AR, CA, CO, CT, FL, GA, HI, IA, ID, IL, IN, KS, LA, MA, ME, MI, MN, MO, MT, NC, NH, NY, OR, PA, SD, TN, TX, UT, WA, WI (n = 32)	AZ, DE, KY, NJ (n = 4)	NE (n = 1)			
	0	1	2	3			
Применение смертельного оружия для защиты других / Use of Force in Protection of Others	WY (n = 1)	GA, LA, MA, MD, MI, MS, ND, NM, NV, OH, OK, RI, SC, TN, TX, UT, VA, VT, WI, WV (n = 20)	AK, AZ, CA, HI, IA, IL, IN, KS, KY, MN, MO, MT, SD, WA (n = 14)	AL, AR, CO, CT, DE, FL, IL, ME, NC, NE, NH, NJ, NY, OR, PA (n = 15)			
	0	1	2	3	4	5	6
Применение смертельного оружия / Use of Deadly Force	KY, MD, MI, MT, OH, SC, VA, VT, WI, WV, WY (n = 12)	MA, NM, RI, SD (n = 4)	AL, CT, FL, IA, ID, IN, MO, MS, NC, ND, NV, TX, WA (n = 13)	AK, AR, AZ, CA, GA, HI, IL, KS, MN, OK, UT (n = 11)	CO, NE, NJ, NY (n = 5)	DE, ME, NH (n = 3)	PA, TN (n = 2)

Примечание: AL – Алабама, AK – Аляска, AZ – Аризона, AR – Арканзас, CA – Калифорния, CO – Колорадо, CT – Коннектикут, DE – Делавэр, FL – Флорида, GA – Джорджия, HI – Гавайи, ID – Айдахо, IL – Иллинойс, IN – Индиана, IA – Айова, KS – Канзас, KY – Кентукки, LA – Луизиана, ME – Мэн, MD – Мэриленд, MA – Массачусетс, MI – Мичиган, MN – Миннесота, MS – Миссисипи, MO – Миссури, MT – Монтана, NE – Небраска, NV – Невада, NH – Нью-Хэмпшир, NJ – Нью-Джерси, NM – Нью-Мексико, NY – Нью-Йорк, NC – Северная Каролина, ND – Северная Дакота, OH – Огайо, OK – Оклахома, OR – Орегон, PA – Пенсильвания, RI – Род-Айленд, SC – Южная Каролина, SD – Южная Дакота, TN – Теннесси, TX – Техас, UT – Юта, VT – Вермонт, VA – Вирджиния, WA – Вашингтон, WV – Западная Вирджиния, WI – Висконсин, WY – Вайоминг.

План анализа

Анализ проводился с помощью программного обеспечения Stata 17. В табл. 4 показано, как количество СПВСП в год и уровень СПВСП на 100 тысяч жителей в год варьировались в различных штатах и в зависимости от юридических характеристик, описанных выше, с использованием семи тестов однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). В ней также отображаются коэффициенты корреляции Пирсона r для взаимосвязи между пятью характеристиками штата и количеством СПВСП в год и уровнем СПВСП на 100 тысяч жителей в год. Следующий этап анализа представлен в табл. 5, показывающей результаты пяти моделей отрицательной биномиальной панельной регрессии (модели 1–5). Они отражают влияние законов штата на количество СПВСП в год за вычетом других факторов. В табл. 5 также представлены результаты пяти обычных регрессионных моделей с использованием метода наименьших квадратов (модели 6–10), что показывает влияние законов штата на уровень СПВСП на 100 тысяч жителей в год за вычетом других факторов.

В Приложении показано влияние социально-экономических характеристик штата на количество и уровень смертей по вине сотрудников полиции в год, что демонстрирует работу модели без учета мер, предусмотренных законодательством штата.

Результаты исследования

Двумерная статистика

Как отмечалось выше, количество СПВСП в год и уровень СПВСП на 100 тысяч жителей в год значительно варьировались в разных штатах в течение семи лет исследуемого периода. Что касается включения двух решений Верховного суда, то количество и уровень СПВСП значительно варьировались в зависимости от трех уровней включения, определенных в работе Stoughton et al. (2021): неинкорпорированные, частично и полностью инкорпорированные решения. Однако эти законы не оказали существенного влияния на оба показателя. Включение нормы *Graham v. Connor* оказало существенное влияние на уровень СПВСП на 100 тысяч жителей в год ($F = 5,77, p = 0,003$), но не на количество СПВСП в год ($F = 2,11, p = 0,123$). И наоборот, включение нормы *Tennessee v. Garner* существенно повлияло на количество ($F = 20,88, p < 0,001$), но не на уровень СПВСП в год ($F = 1,27, p = 0,283$).

При анализе количества ограничений, которые законодательство штата налагает на применение силы правоохранительными органами, эти три показателя соответствовали значительным различиям в количестве СПВСП в год и уровне СПВСП на 100 тысяч человек в год. Количество ограничений, налагаемых на применение силы сотрудниками правоохранительных органов для проведения ареста, соответствовало значительному изменению уровня СПВСП на 100 тысяч жителей в год ($F = 3,71, p < 0,012$) и количества СПВСП в год ($F = 4,360, p = 0,005$). Аналогичным образом, индекс применения силы для защиты других показал значительные различия в количестве случаев применения силы в год ($F = 2,99, p = 0,031$) и уровне применения силы на 100 тысяч жителей в год ($F = 4,54, p = 0,004$). Наконец, показатель применения смертоносного оружия также соответствовал значительным различиям в количестве случаев такого применения в год ($F = 7,25, p < 0,001$) и его частоте на 100 тысяч жителей в год ($F = 4,30, p < 0,001$).

Используя двумерные корреляции Пирсона, мы обнаружили, что большинство показателей характеристик штатов оказывали постоянное влияние на количество СПВСП в год и уровень СПВСП на 100 тысяч жителей в год. Количество населения штата имело очень сильную положительную корреляцию с количеством СПВСП в каждом году периода наблюдения ($r = 0,889, p < 0,001$). Это подтвердилось, когда мы рассчитали натуральный логарифм годовой численности населения каждого штата с поправкой на положительную асимметрию, а затем вычислили корреляцию между этим показателем и количеством СПВСП в год ($r = 0,676, p < 0,001$). Аналогичным образом, уровень насильственных преступлений на 100 тысяч жителей наряду с показателем концентрации неблагоприятных условий оказывал устойчивое положительное влияние на количество СПВСП в год (уровень насильственных преступлений $r = 0,212, p < 0,001$; концентрация неблагоприятных условий $r = 0,351, p < 0,001$). Показатель нападения на сотрудников полиции на тысячу сотрудников представлен данными *LEOKA* ($r = -0,015, p = 0,785$).

Таблица 4

Двумерная статистика
Table 4. Bivariate Statistics

Разница между штатами / Difference Across States		p		
Итоговые параметры / Outcome Measures				
Количество смертей по вине сотрудников полиции в год / Number of Officer-Involved Deaths Per Year	F =153,750	0,000		
Уровень смертей по вине сотрудников полиции в год на 1 миллион жителей / Rate of Officer-Involved Deaths Per Year Per 1 Million Residents	F = 13,473	0,000		
Разница между округами / Differences Across Counts	p	Разница между уровнями / Differences Across Rates	p	
Введение решения Верховного суда в законодательство штата / Incorporation of SCOTUS Decisions into State Jurisprudence				
Введение норм по делу Graham v. Connor	F = 2,110	0,123	F = 5,773	0,003
Введение норм по делу Tennessee v. Garner	F = 20,877	0,000	F = 1,267	0,283
Ограничения законов штата в отношении применения силы / Restrictiveness of State Laws Concerning Law Enforcement				
Обоснование применения смертельного оружия / Use of Force During Arrest Index	F = 4,360	0,005	F = 3,709	0,012
Применение смертельного оружия при аресте / Use of Force to Protect Others Index	F = 2,991	0,031	F = 4,542	0,004
Применение смертельного оружия для защиты других / Use of Deadly Force Index	F = 7,250	0,000	F = 4,296	0,000
Характеристики штата / State Characteristics				
Численность населения / Population Size	R = 0,889	0,000	R = -0,132	0,013
Натуральный логарифм численности населения / Natural Logarithm – Population Size	R = 0,676	0,000	R = -0,168	0,002
Уровень насильственных преступлений на 100 тысяч населения / Violent Crime Rate per 100k	R = 0,212	0,000	R = 0,493	0,000
Концентрация неблагоприятных условий / Concentrated Disadvantage	R = 0,351	0,000	R = 0,086	0,110
Уровень нападений на сотрудников полиции на 1 000 сотрудников / Rate of Law Enforcement Officers Assaulted per 1 000 Officers	R = -0,015	0,785	R = 0,351	0,000

Однако численность населения штатов и его натуральный логарифм оказали негативное влияние на показатель СПВСП на 100 тысяч жителей в год (численность населения $r = -0,132$, $p = 0,013$; натуральный логарифм численности населения $\ln r = -0,168$, $p = 0,002$). Это говорит о том, что менее населенные штаты могут иметь больше СПВСП, чем можно было бы предположить по численности их населения, а это означает, что, вероятно, существует опосредующий фактор, влияющий на эту взаимосвязь. Уровень насильственных преступлений на 100 тысяч жителей имел сильную положительную взаимосвязь с уровнем СПВСП на 100 тысяч жителей в год ($r = 0,493$, $p < 0,001$). Однако концентрация неблагоприятных условий оказывала неустойчивое и несущественное влияние на этот показатель ($r = 0,086$, $p = 0,110$). Количество нападения на сотрудников полиции в каждом штате в год имело сильную положительную корреляцию с показателем СПВСП на 100 тысяч жителей в год ($r = 0,351$, $p < 0,001$). В целом двумерная статистика показывает, что существует множество факторов, влияющих как на количество СПВСП в год, так и на уровень СПВСП на 100 тысяч жителей в год, что подтверждает необходимость использования многомерных методов.

Модели отрицательной биномиальной регрессии

В табл. 5 представлены результаты пяти отрицательных биномиальных панельных регрессионных моделей со случайными эффектами. Во всех пяти моделях натуральный логарифм численности населения штата и уровень насильственных преступлений в нем на 100 тысяч жителей неизменно были самыми сильными предикторами количества смертельных случаев в год. Влияние натурального логарифма численности населения штата (\ln) варьировалось от $b = 0,842$ до $0,846$, при этом все эффекты были значимыми на уровне $0,001$. Аналогичным образом, уровень насильственной преступности в штате оказывал очень устойчивое положительное влияние на все шесть моделей, в которых присутствовал этот показатель, при этом все его эффекты были значимыми на уровне $b = 0,001$ ($p < 0,001$).

Показатель концентрации неблагоприятных условий в штате не оказывал постоянного влияния на количество смертельных случаев в год во всех пяти моделях. Он оказывал лишь незначительное положительное влияние на количество СПВСП в год ($b = 0,066$ – $0,067$, $p = 0,079$ – $0,89$). Аналогичным образом, количество нападения на сотрудников полиции на 1 000 сотрудников оказало положительное, но неустойчивое влияние на количество СПВСП в год ($b = 0,001$, $p = 0,092$ – $0,102$). Как ни удивительно, ни меры штатов по ограничению применения силы сотрудниками полиции, ни степень введения существующих прецедентов Верховного суда в судебную практику штатов не повлияли на количество СПВСП в штате, если сделать поправку на социально-экономические характеристики штата и характеристики насильственных преступлений.

Во всех пяти моделях байесовский информационный критерий существенно не изменился. В совокупности это указывает на то, что имеются другие факторы, которые лучше объясняют эту взаимосвязь.

Панельные регрессионные модели на основе обычного метода наименьших квадратов

В табл. 5 представлены результаты панельных регрессионных моделей на основе обычного метода наименьших квадратов с использованием обобщенной оценки наименьших квадратов в моделях 6–10. Эта аналитическая модель позволяет получить квадратичные значения для внутренней, промежуточной и общей дисперсии с объяснением для каждой модели. Таким образом, наши сравнения моделей оцениваются на основе величины различий между штатами и в целом того, что объясняет каждая модель. Аналогично моделям 1–5, показанным в табл. 5, натуральный логарифм численности населения штата оказал положительное влияние на уровень СПВСП на 100 тысяч жителей ($b = 18,56$ – $18,78$, $p = 0,000$), что в значительной степени согласуется во всех пяти моделях. При изучении влияния других характеристик штата ни одна из них не оказалась устойчивым предиктором уровня СПВСП на 100 тысяч жителей в год. Как и в моделях, представленных в табл. 3, такие показатели, как введение прецедента Верховного суда в законодательство штата и количество ограничений на применение силы сотрудниками полиции, не являлись устойчивыми предикторами и не объясняли различия в уровне смертности от действий сотрудников полиции на 100 тысяч жителей в год. Следовательно, эти показатели, по-видимому, мало что добавляют к пониманию закономерностей СПВСП в Соединенных Штатах. Общая дисперсия, объясняемая моделями, постоянно находилась в пределах $r^2 = 0,470$ – $0,480$; при этом разница между штатами увеличивалась до $0,49$ – $0,50$.

Поскольку мы рассчитывали модели множественной регрессии для количества СПВСП в каждом штате за год, а также для уровня СПВСП на 100 тысяч жителей, важный контекст обеспечивает альфа-поправка Бонферрони (Van der Weele & Mathur, 2019). Чтобы учесть рост ошибки 1-го типа при проведении множественных сравнений, мы разделили порог значимости ($p = 0,05$) на количество тестов для каждого итогового параметра, а затем на общее количество рассчитанных тестов. Таким образом, более консервативный порог статистической значимости составил $p < 0,01$ для пяти тестов или $p < 0,005$ для 10 тестов. Во всех 10 моделях только натуральный логарифм численности населения штата последовательно превышал оба более консервативных порога значимости. В моделях 1–5, которые оценивали количество насильственных преступлений в год, уровень таких преступлений на 100 тысяч жителей также был стабильно положительным предиктором при более высоких порогах значимости, но снизился до незначимого при рассмотрении моделей уровня СПВСП на 100 тысяч жителей.

Обсуждение

В настоящем исследовании мы рассмотрели, как законы штата, касающиеся применения силы сотрудниками полиции, влияют на число гражданских лиц, погибших от рук сотрудников правоохранительных

Таблица 5

Влияние законов штата на количество и уровень смертей по вине сотрудников полиции на 100 тысяч населения в год
 Table 5. The Effect of State Laws on the Number and Rate of Officer-Involved Deaths per 100,000 Residents per Year

	Количество СПВСП на 100 тысяч населения в год / Number of OI per Year						Уровень СПВСП на 100 тысяч населения в год / Rate of OI per 100,000 Residents per Year					
	Модель 1 / Model 1	Модель 2 / Model 2	Модель 3 / Model 3	Модель 4 / Model 4	Модель 5 / Model 5	Модель 6 / Model 6	Модель 7 / Model 7	Модель 8 / Model 8	Модель 9 / Model 9	Модель 10 / Model 10		
	B (se)	P	B (se)	P	B (se)	P	B (se)	P	B (se)	P		
Численность населения (ln) / Population Size (ln)	0,844 (,059)	0,00	0,842 (,059)	0,000	0,845 (,059)	0,000	18,776 (2,847)	0,000	18,770 (2,889)	0,000	18,605 (2,900)	0,000
Уровень насильственной преступности на 100 тысяч населения / Violent Crime Rate per 100k	0,001 (,000)	0,000	0,001 (,000)	0,000	0,001 (,000)	0,000	0,018 (,010)	0,053	0,019 (,010)	0,056	0,019 (,010)	0,051
Концентрация неблагоприятных факторов / Concentrated Disadvantage	0,067 (,039)	0,089	0,068 (,039)	0,079	0,067 (,039)	0,087	0,627 (1,163)	0,590	0,722 (1,158)	0,533	0,750 (1,159)	0,518
Уровень нападения на полицейских на 1 000 полицейских / Rate of Assaults on Officers per 1 000	0,0005 (,000)	0,098	0,0006 (,0003)	0,097	0,0005 (,0003)	0,094	0,005 (,007)	0,452	0,005 (,007)	0,454	0,005 (,007)	0,455
Введение норм по делу Graham v. Connor / Incorporation of Graham v. Connor	-0,044 (,124)	0,720					-5,765 (6,179)	0,351				
Введение норм по делу Tennessee v. Garner / Incorporation of Tennessee v. Garner							-2,163 (7,345)	0,768				
Обоснование применения смертельного оружия / Justifications for Deadly Force												
Применение смертельного оружия при аресте / Use of force to make an arrest			-0,051 (,095)	0,584					-1,193 (4,692)	0,799		
Применение смертельного оружия для защиты других / Use of Force to Protect Others									-1,556 (3,381)	0,645		
Показатель применения смертельного оружия / Deadly Force Index					-0,015 (,036)	0,684			0,192 (1,766)			0,913
Константа / Constant	-9,421 (,942)	0,000	-9,384 (,941)	0,000	-9,407 (,938)	0,000	-274,128 (43,502)	0,000	-268,334 (43,641)	0,000	-267,995 (43,653)	0,000
Логарифмическая вероятность / Log Likelihood	-1039,	60	-1039	912 -1039	-1039,841							
Байесовский информационный критерий / BIC	2126,5	83	2126,6	87	2126,544							
R ² внутренняя / within							0,024	0	0,0239	0	1,0239	0,0
R ² промежуточная / between							0,498	0	0,489	0,491	0,4	88
R ² общая / overall							0,480	0	0,471	0,473	0,4	71
Вальдов X ² / Wald X ²	259,59	0,000	258,51	0,000	258,63	0,000	52,85	0,000	51,09	0,000	51,19	0,000
												50,63

Примечание: ** Коэффициент b, отражающий количество нападения на сотрудников полиции на 1 000 сотрудников, рассчитан с точностью до четырех знаков после запятой и указывает направление эффекта. Вызывает сомнения значение b = 0,000, со стандартной ошибкой 0,000 и p = 0,000, поэтому результаты отображены на 4-м месте.

Note: ** The b coefficient for the effect of Rate of Assaults on Officers per 1000 Officers employed in the state was displayed to four decimal places to indicate the direction of the effect. Listing a b value of 0.000 with a standard error of 0.000, with a p value of 0.000 seemed confusing, so we chose to display the results to the 4th place.

органов в штате. Это актуальная тема для изучения, поскольку в настоящее время Соединенные Штаты предпринимают широкомасштабные усилия по сокращению числа таких лиц. В работе представлены 10 панельных регрессионных моделей, согласно которым численность населения штата и уровень насильственных преступлений на 100 тысяч жителей являются самыми сильными и последовательными предикторами как количества смертей по вине сотрудников полиции в год, так и частоты СПВСП на 100 тысяч жителей в год в каждом штате, с учетом других факторов. Это согласуется как с логикой, так и с современным пониманием системы уголовного правосудия: большее число насильственных преступлений приводит к большему количеству контактов с правоохранительными органами на душу населения, что также соответствует большему уровню применения силы, независимо от других факторов. Следовательно, целесообразно изучить потенциальные промежуточные факторы этой взаимосвязи, такие как различия в количестве СПВСП в зависимости от других факторов на уровне штата.

Кроме того, результаты моделирования показывают, что количество ограничений, введенных штатами в отношении применения силы сотрудниками полиции, не оказывает устойчивого влияния ни на количество смертей по вине сотрудников полиции в год, ни на уровень СПВСП на 100 тысяч жителей в год. Однако это не означает, что установленные на уровне штатов ограничения на действия сотрудников полиции не важны. Скорее всего, на решение сотрудников полиции о применении силы также влияют не только указанные ограничения, но и законы, касающиеся случаев, когда сотрудники полиции должны прибегать к принудительному вмешательству, такие как законы об обязательном аресте за бытовое насилие или законы штата, касающиеся задержаний, обысков и выдачи ордеров. Поскольку политика правоохранительных органов является самым непосредственным средством контроля за действиями сотрудников (Fyfe, 1988; Stoughton et al., 2021; Terrill & Paoline, 2017), усилия по реформированию следует сосредоточить на разработке мер, ограничивающих применение силы полицейскими. На общенациональном уровне или на уровне штатов необходимо ввести самые передовые практики, направленные на последовательное сокращение числа смертей по вине сотрудников полиции.

В целом результаты других исследований подчеркивают важность решения системных проблем, таких как неясная предвзятость, для сокращения числа смертей по вине сотрудников полиции. Кроме того, снизить общую частоту применения смертельного оружия и СПВСП может обучение сотрудников методам деэскалации, учета травматичных ситуаций и другим стратегиям управления стрессом (Bailey et al., 2022; Engel et al., 2020, 2022). Однако эти реформы могут и не оказать прямого или немедленного влияния на действия сотрудников полиции. Усилия по устранению организационных особенностей, неблагоприятных условий для сообщества, а также меры по найму, обучению и удержанию персонала предпринимаются в рамках отдельных юрисдикций или штатов, а не по всей территории США сразу. Таким образом, систематическая реформа может осуществиться лишь путем принятия Верховным судом США мер по кардинальной перестройке правоохранительной сферы.

Практические следствия проведенной работы

Хотя полученные нами результаты показывают, что законы штатов о применении силы сотрудниками полиции не дают должного эффекта, все же необходимо сделать некоторые важные выводы для политики в этой сфере. Во-первых, изменение законодательства штата для уменьшения числа смертей, связанных с действиями сотрудников полиции, может не оказывать влияния, однако это не означает, что реформы не нужны. Скорее, это означает, что на уровне штатов следует принять и поддерживать те меры, которые имеют доказанный эффект по сокращению применения силовых методов в целом; примером служит обучение методам деэскалации конфликтов (Engel et al., 2020, 2022). Далее федеральное правительство должно определять национальную политику, стимулирующую к внедрению передового опыта. Кроме того, как показано в работе Stoughton et al. (2021), законы штата могут сыграть важную роль в привлечении сотрудников полиции к дисциплинарной ответственности за злоупотребление силой.

Однако возможно, что сотрудники не были привлечены к ответственности в гражданском или уголовном суде, поскольку не были применены соответствующие законы. В наше исследование не включены данные о сотрудниках, которые нарушили закон, были привлечены к ответственности за ненадлежащее поведение или за чрезмерное или жестокое применение силы. Эти неучтенные факторы свидетельствуют не о том, что законы неэффективны, а о том, что они не соблюдаются. Политическое и общественное давление с це-

лью строгой оценки случаев гибели людей в связи с деятельностью сотрудников полиции, а также с целью определения того, действовали ли сотрудники ненадлежащим образом в соответствии с существующими законами и прецедентами, может стать важной временной мерой, пока правительство проводит другие реформы. В рамках будущих исследований было бы целесообразно более подробно изучить эти проблемы, чтобы понять, изменилось ли поведение сотрудника полиции после заявления о ненадлежащем поведении или вынесения решения суда.

Сокращение масштабов насилия в штате, например, путем поощрения подходов, ориентированных на решение проблем, и устранения факторов насильственного поведения, выявленных учеными-криминологами (Land et al., 1990; McCall et al., 2010), может быть более эффективным, чем сосредоточение усилий на сокращении смертей по вине сотрудников полиции. Эти меры включают целенаправленные стратегии сдерживания и охраны правопорядка на местах, направленные на сокращение масштабов насильственных преступлений, а также более долгосрочные усилия по улучшению образования и занятости и сокращению бедности в штате. Хотя концентрация неблагоприятных факторов оказывала незначительное и неустойчивое влияние на показатели количества СПВСП в год и уровня СПВСП на 100 тысяч человек в год, однако снижение уровня насильственных преступлений в штате может привести к вторичным выгодам: так, снижение числа нападений гражданских лиц на сотрудников правоохранительных органов уменьшит нужду в применении силы для разрешения конфликтных ситуаций (Fridel et al., 2020; McCall et al., 2010).

Наконец, для выработки мер, способствующих соблюдению процедурных норм полицейскими в США в целом, необходимо изучать вопросы институциональной культуры правоохранительных органов и менталитета сотрудников полиции как защитников и стражей порядка (Carlson, 2020; Stoughton, 2016). Важно внедрять принципы деятельности полиции, учитывающие возможность травматизации, подчеркивающие необходимость ее признания и устранения последствий для отдельных лиц и сообществ (Clark et al., 2023; Rich, 2019). Приоритетное внимание должно уделяться глубинным причинам преступного поведения. Взаимодействие между полицейскими и гражданским населением должно основываться на сочувствии и чуткости. Применяя такие подходы, сотрудники правоохранительных органов могут более эффективно удовлетворять потребности людей, испытывающих травмы, психические заболевания или неблагоприятные переживания. Кроме того, соблюдение процедурных норм по отношению к членам сообщества как при индивидуальном, так и при общественном взаимодействии полицейских с гражданами поможет правоохранительным органам получить поддержку, необходимую для выполнения их миссии по защите общества. Без такой поддержки отношения между правоохранительными органами и общественностью будут становиться все более напряженными.

Ограничения исследования

Работа имеет ряд ограничений, которые обозначают важный контекст для выводов и направления для дальнейших исследований в этой области. Во-первых, подсчет количества смертей по вине сотрудников полиции, а не случаев применения смертельного оружия мог бы снизить влияние законодательства штатов и свести эффект от концентрации неблагоприятных условий до незначительного. Возможно, что эти факторы влияют на вероятность применения силы сотрудниками полиции при взаимодействии с гражданскими лицами, вплоть до случаев со смертельным исходом, но небольшое число таких инцидентов снижает точность данных. Для решения этой проблемы необходим более полный сбор данных, поскольку в настоящем исследовании мы учитывали только инциденты, приведшие к смерти. Однако изучение такого показателя, как СПВСП, означает, что наши результаты относятся к самому серьезному исходу, возможному при применении силы, – гибели людей. Несомненно, в сельской местности количество СПВСП зависит также от эффективности медицинского вмешательства и от расстояния, которое необходимо преодолеть для получения адекватной медицинской помощи. Однако факт остается фактом: как в США в целом, так и в большинстве штатов не существует всеобъемлющей базы данных о случаях применения сотрудниками правоохранительных органов смертельного оружия, не приведших к гибели людей. Следовательно, для изучения этой проблемы в США наиболее адекватно использовать в качестве итогового параметра показатель СПВСП, а не применение силы в более широком смысле.

Таким образом, использование базы данных *Mapping Police Violence* является ограничением нашего исследования, поскольку в ней могут отсутствовать данные о гибели людей по вине сотрудников полиции. В отсутствие систематического сбора данных о СПВСП федеральным правительством США следующим

наилучшим вариантом для изучения этой темы является использование сообщений СМИ. Тем не менее, как отмечают Comer и Ingram (2022), случаи полицейского насилия могут быть не зафиксированы ни в базе данных *Mapping Police Violence*, ни в средствах массовой информации. В результате наш анализ, вероятно, не вполне адекватно учитывает районы, в которых отсутствуют печатные или электронные СМИ, например, сельские общины. Кроме того, база данных *LEOKA* является добровольной, и в ней участвуют примерно 66 % отделов полиции в отличие от более 90 %, участвующих в *UCR*. Таким образом, ее влияние на представленные результаты может преувеличивать истинное положение вещей.

Заключение

Наше исследование показало, что на количество смертей по вине сотрудников полиции в год, равно как и на уровень таких правонарушений на 100 тысяч жителей в год, не влияют такие факторы, как включение решений Верховного суда в законодательство штата или строгость законов штата в отношении применения силы сотрудниками полиции во время ареста, для защиты себя или других лиц, или применения смертельного оружия. С помощью двухфакторного анализа мы обнаружили, что законы штатов в данной сфере влияют на показатели СПВСП, но включение в многомерный анализ других важных факторов, касающихся характеристик штатов, уменьшает этот эффект. Кроме того, законы штатов, о которых идет речь, могут и не оказывать влияния на действия сотрудников полиции. В данный момент штаты уделяют сравнительно меньше внимания вопросам о том, что является обоснованным подозрением, необходимым для задержания, или какие действия полицейских могут непреднамеренно привести к эскалации ситуации вплоть до применения силы. Усилия по реформированию полиции на уровне штатов потребуют учета факторов, приводящих к ситуации применения силы, и предоставления дополнительных рекомендаций относительно того, как сотрудники полиции могут защитить себя и других, одновременно уменьшая ненужный вред.

Таким образом, усилия по сокращению СПВСП могут быть более эффективными на местном или национальном уровне. Однако, учитывая, что в 50 штатах имеется 18 тысяч органов охраны правопорядка, адекватное изучение каждого из них в отдельности является практически невыполнимой задачей. Будущие исследования необходимо направить на выявление более масштабных закономерностей в данных о случаях смертей в результате действий сотрудников правоохранительных органов. Тем самым исследователи смогут дать политикам и общественности ценную информацию для принятия обоснованных решений о том, как сделать взаимодействие с правоохранительными органами более безопасным для всех вовлеченных сторон.

Доступность данных

В работе использовались данные, собранные в рамках проекта компании Campaign Zero (2022) «Картографирование случаев полицейского насилия» (*Mapping Police Violence*) за период 2013–2019 гг., а также данные опроса в рамках переписи населения США и базы данных ФБР «Единый отчет о преступности» (*Uniform Crime Report*) и «Убийства сотрудников правоохранительных органов и нападения на них» (*Law Enforcement Officers Killed and Assaulted*) за тот же период. Наконец, характеристики законодательства штатов были созданы на основе анализа, представленного в работе Stoughton et al. (2021).

Список литературы / References

- Alang, S., McAlpine, D., McCreedy, E., & Hardeman, R. (2017). Police brutality and Black health: Setting the agenda for public health scholars. *American Journal of Public Health*, 107(5), 662–665. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2017.303691>
- Alpert, G. P., & Dunham, R. G. (2010). Policy and training recommendations related to police use of CEDs: Overview of findings from a comprehensive national study. *Police Quarterly*, 13(3), 235–259. <https://doi.org/10.1177/1098611110373993>
- Anderson, E. (2000). *Code of the street: Decency, violence, and the moral life of the inner city*. WW Norton & Company.
- Archbold, C. A. (2021). Police accountability in the USA: Gaining traction or spinning wheels? *Policing: A Journal of Policy and Practice*, 15(3), 1665–1683. <https://doi.org/10.1093/policing/paab033>
- Ariel, B., Farrar, W., & Sutherland, A. (2015). The effect of police body-worn cameras on use of force and citizens' complaints against the police: A randomized controlled trial. *Journal of Quantitative Criminology*, 31(3), 509–535. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2569481>

- Armacost, B. E. (2003). Organizational culture and police misconduct. *George Washington Law Review*, 72(3), 453–546. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.412620>
- Averdijk, M., & Elffers, H. (2012). The discrepancy between survey-based victim accounts and police reports revisited. *International Review of Victimology*, 18(2), 91–107. <https://doi.org/10.1177/0269758011432955>
- Bailey, J. A., Jacoby, S. F., Hall, E. C., Khatri, U., Whitehorn, G., & Kaufman, E. J. (2022). Compounding trauma: The intersections of racism, law enforcement, and injury. *Current Trauma Reports*, 8(3), 105–112. <https://doi.org/10.1007/s40719-022-00231-7>
- Banks, D., Ruddle, P., Kennedy, E., & Planty, M. G. (2016). Arrest-related deaths program redesign study, 2015–16: Preliminary findings. *Bureau of Justice Statistics*. <https://bjs.ojp.gov/content/pub/pdf/ardprs1516pf.pdf>
- Bedi, S. (2022). The myths of effective law enforcement and the demand to defund the police. *Stanford Journal of Civil Rights & Civil Liberties*, 17, 499–550. https://law.stanford.edu/wp-content/uploads/2022/03/Bedi_Limiting-Police-Presence-Power_Revised-3.21.22-1.pdf
- Berg, M. T., & Lauritsen, J. L. (2016). Telling a similar story twice? NCVS/UCR convergence in serious violent crime rates in rural, suburban, and urban places (1973–2010). *Journal of Quantitative Criminology*, 32, 61–87. <https://doi.org/10.1007/s10940-015-9254-9>
- Blair, J., Pollock, J., Montague, D., Nichols, T., Curnutt, J., & Burns, D. (2011). Reasonableness and reaction time. *Police Quarterly*, 14(4), 323–343. <https://doi.org/10.1177/1098611111423737>
- Bottoms, A., & Tankebe, J. (2012). Beyond procedural justice: A dialogic approach to legitimacy in criminal justice. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 102(1), 119–170. <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/jclc/vol102/iss1/4>
- Brezina, T., Agnew, R., Cullen, F. T., & Wright, J. P. (2004). The code of the street: A quantitative assessment of Elijah Anderson's subculture of violence thesis and its contribution to youth violence research. *Youth Violence and Juvenile Justice*, 2(4), 303–328. <https://doi.org/10.1177/1541204004267780>
- Campaign Zero. (2022). *Mapping Police Violence*. [Data Set]. <https://mappingpoliceviolence.org/>
- Carlson, J. (2020). Police warriors and police guardians: Race, masculinity, and the construction of gun violence. *Social Problems*, 67(3), 399–417. <https://doi.org/10.1093/socpro/spz020>
- Clark, T. J., Conrad, C. G., Cummings, A. D. P., & Dunn-Johnson, A. (2023). Trauma-informed policing: The impact of adult and childhood trauma on law enforcement officers. *Case Western Reserve Law Review*, 73(3), 843–894. <https://ssrn.com/abstract=4637161>
- Cobbina-Dungy, J., Chaudhuri, S., LaCourse, A., & DeJong, C. (2022). "Defund the police:" Perceptions among protesters in the 2020 March on Washington. *Criminology & Public Policy*, 21(1), 147–174. <https://doi.org/10.1111/1745-9133.12571>
- Comer, B., & Ingram, J. (2022). Comparing Fatal Encounters, Mapping Police Violence, and Washington Post Fatal Police Shooting data from 2015–2019: A research note. *Criminal Justice Review*, 48(2), 249–261. <https://doi.org/10.1177/07340168211071014>
- Conner, A., Azrael, D., Lyons, V. H., Barber, C., & Miller, M. (2019). Validating the national violent death reporting system as a source of data on fatal shootings of civilians by law enforcement officers. *American Journal of Public Health*, 109(4), 578–584. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2018.304904>
- Craig, M., & Reid, J. (2022). Progressive or problematic? A comparative analysis of media depictions of demands to defund the police. *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*, 45(4), 600–617. <https://doi.org/10.1108/PIJPSM-09-2021-0124>
- De Angelis, R. (2024). Systemic racism in police killings: New evidence from the Mapping Police Violence database, 2013–2021. *Race and Justice*, 14(3), 413–422. <https://doi.org/10.1177/21533687211047943>
- DeGue, S., Fowler, K. A., & Calkins, C. (2016). Deaths due to use of lethal force by law enforcement: Findings from the National Violent Death Reporting System, 17 U.S. States, 2009–2012. *American Journal of Preventive Medicine*, 51(3), S173–S187. <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2016.08.027>
- Doucette, M., Ward, J., McCourt, A., Webster, D., & Crifasi, C. (2022). Officer-involved shootings and concealed carry weapons permitting laws: Analysis of gun violence archive data, 2014–2020. *Journal of Urban Health*, 99(3), 373–384. <https://doi.org/10.1007/s11524-022-00627-5>
- Engel, R., Corsaro, N., Isaza, G., & McManus, H. (2022). Assessing the impact of de-escalation training on police behavior: Reducing police use of force in the Louisville, KY Metro Police Department. *Criminology & Public Policy*, 21(2), 199–233. <https://doi.org/10.1111/1745-9133.12574>
- Engel, R., McManus, H., & Herold, T. (2020). Does de-escalation training work? *Criminology & Public Policy*, 19(3), 721–759. <https://doi.org/10.1111/1745-9133.12467>
- Feldman, J., Gruskin, S., Coull, B., & Krieger, N. (2017). Quantifying underreporting of law-enforcement-related deaths in United States vital statistics and news-media-based data sources: A capture-recapture analysis. *PLoS Medicine*, 14(10), E1002399. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1002399>
- Finch, W. H. (2020). Using fit statistic differences to determine the optimal number of factors to retain in an exploratory factor analysis. *Educational and Psychological Measurement*, 80(2), 217–241. <https://doi.org/10.1177/0013164419865769>
- Fox, J. (2008). *Applied regression analysis and generalized linear models* (2nd ed.). Sage Publications.
- Fridel, E. E., Sheppard, K. G., & Zimmerman, G. M. (2020). Integrating the literature on police use of deadly force and police lethal victimization: How does place impact fatal police-citizen encounters? *Journal of Quantitative Criminology*, 36(4), 957–992. <https://doi.org/10.1007/s10940-019-09438-5>

- Friedrich, R. J. (1980). Police use of force: Individuals, situations, and organizations. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science of the American Academy of Political and Social Science*, 452(1), 82–97. <https://doi.org/10.1177/000271628045200109>
- Fyfe, J. J. (1981). Observations on police deadly force. *Crime & Delinquency*, 27(3), 376–389. <https://doi.org/10.1177/00112878102700305>
- Fyfe, J. J. (1988). Police use of deadly force: Research and reform. *Justice Quarterly*, 5(2), 165–205. <https://doi.org/10.1080/07418828800089691>
- Fyfe, J. J. (2002). Too many missing cases: Holes in our knowledge about police use of force. *Justice Research and Policy*, 4(1–2), 87–102. <https://doi.org/10.3818/irq4.L2002.87>
- Fyfe, J. J., & Walker, J. T. (1990). Garner plus five years: An examination of Supreme Court intervention into police discretion and legislative prerogatives. *American Journal of Criminal Justice*, 14(2), 167–188. <https://doi.org/10.1007/BF02892064>
- Garcia v. San Antonio Metropolitan Transit Authority*, 1469 U.S. 528 (1985).
- Garrett, B., & Slobogin, C. (2020). The law on police use of force in the United States. *German Law Journal*, 21(8), 1526–1540. <http://doi.org/10.1017/gli.2020.92>
- Gill, S. (2015). Use of deadly force by law enforcement: Building public trust. *The Prosecutor*, 49(2), 20–21. <https://ndaa.org/wp-content/uploads/Deadly Force.pdf>
- Goode, D. (2018). Law enforcement policies and the reasonable use of force. *Willamette Law Review*, 54(2), 371–425. <https://ssrn.com/abstract=3767629>
- Graham v. Connor*, 490 U.S. 386 (1989). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/490/386/>
- Grunwald, B., & Rappaport, J. (2020). The wandering officer. *Yale Law Journal*, 129(6), 1676–1782.
- Guss, C. D., Tuason, M. T., & Devine, A. (2020). Problems with police reports as data sources: A researchers' perspective. *Frontiers in Psychology*, 11, 582428. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.582428>
- Hine, K. A., Porter, L. E., Westera, N. J., Alpert, G. P., & Allen, A. (2018). Exploring police use of force decision-making processes and impairments using a naturalistic decision-making approach. *Criminal Justice and Behavior*, 45(11), 17821801. <https://doi.org/10.1177/0093854818789726>
- James, L. (2018). The stability of implicit racial bias in police officers. *Police Quarterly*, 21(1), 30–52. <https://doi.org/10.1177/1098611117732974>
- Jennings, J., & Rubado, M. (2017). Preventing the use of deadly force: The relationship between police agency policies and rates of officer-involved gun deaths. *Public Administration Review*, 77(2), 217–226. <https://doi.org/10.1111/puar.12738>
- Jensen, E. M., & Entin, J. L. (1998). Commandeering, the Tenth Amendment, and the Federal Requisition Power: New York v. United States Revisited. *Constitutional Commentary*, 15(2), 355–381. <https://hdl.handle.net/11299/167699>
- Kivisto, A. J., Ray, B., & Phalen, P. L. (2017). Firearm legislation and fatal police shootings in the United States. *American Journal of Public Health*, 107(7), 1068–1075. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2017.303770>
- Klinger, D. (2012). On the problems and promise of research on lethal police violence. *Homicide Studies*, 16(1), 78–96. <https://doi.org/10.1177/1088767911430861>
- Land, K. C., McCall, P. L., & Cohen, L. E. (1990). Structural covariates of homicide rates: Are there any invariances across time and social space? *American Journal of Sociology*, 95(4), 922–963. <http://dx.doi.org/10.1086/229381>
- Lee, C. (2018). Reforming the law on police use of deadly force: De-escalation, pre-seizure conduct, and imperfect self-defense. *University of Illinois Law Review*, 2018(2), 629–691. <http://ssrn.com/abstract=3036934>
- Lum, C., Stoltz, M., Koper, C., & Scherer, J. (2019). Research on body-worn cameras. *Criminology & Public Policy*, 78(1), 93–118. <https://doi.org/10.1111/1745-9133.12412>
- Lyle, P., & Esmail, A. (2016). Sworn to protect: Police brutality – A dilemma for America's police. *Race, Gender & Class*, 23(3–4), 155–185.
- Maguire, E. R., Lowrey, B. V., & Johnson, D. (2017). Evaluating the relative impact of positive and negative encounters with police: A randomized experiment. *Journal of Experimental Criminology*, 73(3), 367–391. <https://doi.org/10.1007/s11292-016-9276-9>
- Matusiak, M., Cavanaugh, M., & Stephenson, M. (2022). An assessment of officer-involved shooting data transparency in the United States. *Journal of Interpersonal Violence*, 37(1–2), 472–496. <https://doi.org/10.1177/0886260520913646>
- Mazerolle, L., Bennett, S., Davis, J., Sargeant, E., & Manning, M. (2013). Procedural justice and police legitimacy: A systematic review of the research evidence. *Journal of Experimental Criminology*, 9(3), 245–274. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1007/s11292-013-9175-2>
- McCall, P. L., Land, K. C., & Parker, K. F. (2010). An empirical assessment of what we know about structural covariates of homicide rates: A return to a classic 20 years later. *Homicide Studies*, 14(3), 219–243. <https://doi.org/10.1177/1088767910371166>
- McLean, K., Stoughton, S.W. & Alpert, G.P. (2022). Police uses of force in the USA: A wealth of theories and a lack of evidence. *Cambridge Journal of Evidence-based Policing*, 6, 87–108. <https://doi.org/10.1007/s41887-022-00078-7>
- Meyn, I. (2021). The invisible rules that govern use of force. *Wisconsin Law Review*, 593–656. <https://ssrn.com/abstract=3808250>
- Mourtgos, S., & Adams, I. (2020). Assessing public perceptions of police use-of-force: Legal reasonableness and community standards. *Justice Quarterly*, 37(5), 869–899. <https://doi.org/10.1177/08874034211038346>
- Muir, W. K. Jr. (1979). *Police: Streetcorner politicians*. University of Chicago Press.

- Nix, J., & Shjarback, J. A. (2021). Factors associated with police shooting mortality: A focus on race and a plea for more comprehensive data. *PLoS ONE*, 16(11), e0259024. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0259024>
- Nix, J., Campbell, B. A., Byers, E. H., & Alpert, G. P. (2017). A bird's eye view of civilians killed by police in 2015: Further evidence of implicit bias. *Criminology & Public Policy*, 16(1), 309–340. <http://dx.doi.org/10.1111/1745-9133.12269>
- O'Leary, M. (2015). Officer-involved shooting databases. *Information Today*, 32(2), 16–21.
- Oramas Mora, D., Terrill, W., & Foster, J. (2023). A decade of police use of deadly force research (2011–2020). *Homicide Studies*, 27(1), 6–33. <https://doi.org/10.1177/10887679221123591>
- Pinizzotto, A., Davis, E., Bohrer, S., & Infanti, B. (2012). Law enforcement restraint in the use of deadly force within the context of 'the deadly mix.' *International Journal of Police Science & Management*, 14(4), 285–298. <https://doi.org/10.1350/ijps.2012.14.4.289>
- Police and Community Relations Improvement Act, 50 ILCS 727. (2015). <https://www.ilga.gov/legislation/ilcs/ilcs5.asp?ActID=3660&ChapterID=11>
- Rich, K. (2019). Trauma-informed police responses to rape victims. *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*, 28(4), 463–480. <https://doi.org/10.1080/10926771.2018.1540448>
- Rogna, M., & Nguyen, B. D. (2022). Firearms law and fatal police shootings: A panel data analysis. *Applied Economics*, 54(27), 3121–3137. <https://doi.org/10.1080/00036846.2021.2003290>
- Roiphe, R. (2017). The duty to charge in police use of excessive force cases. *Cleveland State Law Review*, 65(4), 503–518. <https://digitalcommons.nyls.edu/facarticleschapters/1050/>
- Rydberg, J., & Terrill, W. (2010). The effect of higher education on police behavior. *Police Quarterly*, 13(1), 92–120. <https://doi.org/10.1177/1098611109357325>
- Sampson, R. J., & Wilson, W. J. (2013). Toward a theory of race, crime, and urban inequality. In S. Gabbidon & H. Taylor Greene (Eds.), *Race, crime, and justice: A reader* (pp. 177–190). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203955048>
- Schwartz, J. (2017). How qualified immunity fails. *The Yale Law Journal*, 127(1), 2–76.
- Scott v. Harris*, 550 U.S. 372 (2007).
- Shjarback, J. A., Semenza, D. C., & Stansfield, R. (2023). Firearm availability and police shootings of citizens: A city level analysis of fatal and injurious shootings in California and Florida. *Injury Epidemiology*, 10(50). <https://doi.org/10.1186/s40621-023-00466-1>
- Sierra-Arevalo, M. (2021). American policing and the danger imperative. *Law & Society Review*, 55(1), 70–103. <https://doi.org/10.1111/lasr.12526>
- Sierra-Arevalo, M., Nix, J., & Mourtgos, S. M. (2023). The “War on Cops”, retaliatory violence, and the murder of George Floyd. *Criminology*, 61(3), 389–420. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12334>
- Sivaraman, J. J., Marshall, S. W., & Ranapurwala, S. I. (2020). State firearm laws, race and law enforcement-related deaths in 16 US states: 2010–2016. *Injury Prevention*, 26(6), 569–572. <https://doi.org/10.1136/injuryprev-2020-043681>
- Skolnick, J. H., & Fyfe, J. J. (1993). *Above the law: Police and excessive use of force*. Free Press.
- Smith Lee, J. R., & Robinson, M. A. (2019). “That’s my number one fear in life. It’s the police”: Examining young Black men’s exposures to trauma and loss resulting from police violence and police killings. *Journal of Black Psychology*, 45(3), 143–184. <https://doi.org/10.1177/0095798419865152>
- Smith, M., Petrocelli, M., & Scheer, C. (2007). Excessive force, civil liability, and the Taser in the nation’s courts. Policing: *An International Journal of Police Strategies & Management*, 30(3), 398–422. <http://dx.doi.org/10.1108/13639510710778813>
- Snipes, J. B., & Mastrofski, S. D. (1990). An empirical test of Muir’s typology of police officers. *American Journal of Criminal Justice*, 14(2), 268–296. <https://doi.org/10.1007/BF02892069>
- Steele, M. J., & Qi, Ziwei. (2024). The Impact of State Laws on Officer-Involved Deaths (OIDs). *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 25(3), 1–20.
- Stoughton, S. W., Noble, J. J., & Alpert, G. P. (2021). *Evaluating police uses of force*. NYU Press.
- Swanson, A. (2016). Revisiting Garner with Garner: A look at deadly force and the use of chokeholds & neck restraints by law enforcement. *South Texas Law Review*, 57(3), 401–438.
- Tennessee v. Garner*, 471 U.S. 1 (1985).
- Terrill, W., & Paoline, E. (2017). Police use of less lethal force: Does administrative policy matter? *Justice Quarterly*, 34(2), 193–216. <https://doi.org/10.1080/07418825.2016.1147593>
- Tsui, K., So, F., Sze, N., Wong, S., & Leung, T. (2009). Misclassification of injury severity among road casualties in police reports. *Accident Analysis and Prevention*, 41(1), 84–89. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2008.09.005>
- U.S. Census Bureau. (2013–2019). *American Community Survey*. [Data Set]. www.data.census.gov
- Van der Weele, T. J., & Mathur, M. B. (2019). Some desirable properties of the Bonferroni Correction: Is the Bonferroni Correction really so bad? *American Journal of Epidemiology*, 188(3), 617–618. <https://doi.org/10.1093/aje/kwy250>
- White, M. D. (2020). Ambush killings of the police, 1970–2018: A longitudinal examination of the “War on Cops” debate. *Police Quarterly*, 23(4), 451–471. <https://doi.org/10.1177/1098611120919441>
- Wilson, W. J. (2012). *The truly disadvantaged: The inner city, the underclass, and public policy*. University of Chicago Press.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Влияние характеристик штата на количество и уровень смертей по вине сотрудников полиции в год

	Количество СПВСП в год								Уровень СПВСП в год							
	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4		Модель 5		Модель 6		Модель 7		Модель 8	
	<i>B</i> (<i>se</i>)	<i>P</i>	<i>B</i> (<i>se</i>)	<i>P</i>	<i>B</i> (<i>se</i>)	<i>P</i>	<i>B</i> (<i>se</i>)	<i>P</i>	<i>B</i> (<i>se</i>)	<i>p</i>	<i>B</i> (<i>se</i>)	<i>P</i>	<i>B</i> (<i>se</i>)	<i>P</i>	<i>B</i> (<i>se</i>)	<i>P</i>
Характеристики населения штата																
Натуральный логарифм численности населения (ln)	0,867 (,067)	0,000	0,838 (,058)	0,000	0,853 (,059)	0,000	0,857 (,059)	0,000	-0,034 (,025)	0,181	-0,047 (,021)	0,028	-0,049 (,022)	0,027	-0,049 (,022)	0,027
Уровень насильственной преступности на 100 тысяч населения			0,002 (,000)	0,000	0,002 (,000)	0,000	0,001 (,000)	0,000			0,001 (,000)	0,000	0,001 (,000)	0,000	0,001 (,000)	0,000
Концентрация неблагоприятных факторов			0,047 (,029)	0,101	0,043 (,029)	0,140	0,063 (,030)	0,034			-0,019 (,019)	0,311	-0,018 (,019)	0,324	-0,010 (,019)	0,619
Число убитых полицейских					-0,013 (,010)	0,192							0,002 (,007)	0,773		
Уровень нападений на полицейских на 1 000 полицейских							0,001 (,000)	0,034							0,0005 (,000)	0,008
Константа	-9,250 (1, 066)	0,000	-9,388 (,916)	0,000	-9,593 (,936)	0,000	-9,658 (,932)	0,000	0,888 (,388)	0,022	0,741 (,329)	0,024	0,764 (,338)	0,024	0,620 (,335)	0,064
Логарифмическое правдоподобие	-1054	,033	-1040,877		-1040,023		-1023,2233									
Вальдов χ^2	165,42	0,000	262,88	0,000	262,95	0,000	266,93	0,000	1,79	0,1805	58,97	0,000	59,16	0,000	68,58	0,000
Байесовский информационный критерий	2131	,498	2116,901		2121,052		2087,331									
R^2 внутренняя									0,0	,09	0,0	91	0,091		0	X120
R^2 промежуточная									0,0	,42	0,3	98	0,400		0	X403
R^2 общая									0,0	,28	0,3	00	0,302			D,311

Об авторах

Морган Дж. Стил, PhD, ассистент преподавателя факультета уголовного правосудия, лидерства и социологии. Научные интересы включают количественную методологию, проблемы принятия решений в работе полиции, криминологию сообществ.

Цзывэй Ци, PhD, доцент факультета уголовного правосудия, лидерства и социологии. В круг научных интересов входят криминология сельских сообществ, виктимология, вопросы социальной справедливости.

About the Authors

Morgan J. Steele, PhD, is an Assistant Professor in the School of Criminal Justice, Leadership, and Sociology. His research interests include quantitative methodology, police decision making, and community criminology.

Ziwei Qi, PhD, is an Associate Professor in the School of Criminal Justice, Leadership, and Sociology. Her research interests include rural criminology, victimology, and social justice.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 23.06.2025
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 11.09.2025
Дата принятия в печать / Accepted 11.09.2025

М. М. Уилфорд¹,
Р. Дж. Дайфава²,
К. С. Хендерсон³

¹ Университет штата Айова, г. Эймс, США

² Университет Нова Саутистерн, г. Форт-Лодердейл, США

³ Университет штата Орегон в Портленде, г. Портленд, США

Открываем тайны процесса признания вины: рекомендации адвокатов и ошибочные представления их клиентов

Переводчик Е. Н. Беляева

Контактное лицо:

Мико М. Уилфорд, PhD, доцент психологии, Университет штата Айова
E-mail: mwilford@iastate.edu

Рашель Дж. Дайфава, стажер в области клинической психологии, кандидат на получение степени доктора психологии, Университет Нова Саутистерн
E-mail: rd1503@mynsu.nova.edu

Келси С. Хендерсон, PhD, доцент криминологии и уголовного правосудия, Университет штата Орегон в Портленде
E-mail: Kelsey.henderson@pdx.edu

Аннотация

Цель: изучение вопросов, связанных с взаимодействием адвоката и клиента, по поводу выстраивания правовой позиции по делу и признания клиентом вины.

Методы: в статье используются всеобщий диалектический метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический).

Результаты: система правосудия Соединенных Штатов все больше становится «системой признания вины», роль адвокатов также меняется – от участия в судебном процессе к ведению переговоров о признании вины. Результаты исследования показывают, что адвокаты защиты тратят значительное количество времени на встречи с клиентами. Респонденты также сообщили о пробелах в знаниях обвиняемых относительно работы правовой системы и о многочисленных неверных представлениях клиентов о юридических процедурах. Ответы на вопросы о наиболее важных советах, которые они дают своим клиентам, значительно разнились: среди них были сообщения о процессе разрешения дела, о прямых и побочных последствиях обвинительного приговора, о роли адвоката защиты, а также о важности права на молчание. Кроме того, более половины опрошенных адвокатов указали на свое нежелание, а 15,0 % – на прямой отказ давать клиентам четкие рекомендации о признании вины.

Научная новизна: процесс признания вины сложен, и адвокаты защиты играют в нем важнейшую роль. В данной работе показано, как эволюционировали их функции – от консультативной до образовательной и оценочной. Будущие исследования потребуют дополнительного сбора качественных данных, что поможет понять не только то, влияют ли адвокаты на принятие решений обвиняемыми и в какой степени, но и как именно они это делают. Такой тип

© Уилфорд М. М., Дайфава Р. Дж., Хендерсон К. С., 2025. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<https://rusjel.ru>) 25.12.2025.

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* и *The Western Society of Criminology* Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* (CCJLS) и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org

Цитирование оригинала статьи на английском: Wilford, M. M., DiFava, R. J. & Henderson, K. S. (2025). Demystifying the Plea Process: Investigating Attorney Communications and Client Misconceptions. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 26(1), 16–34.
URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/133757.pdf>

исследований, посвященных «расширенной юридической защите по уголовным делам», часто фокусируется не столько на типичных исходах дел, сколько на процессах, например, на переговорах о признании вины и эффективных коммуникациях между адвокатом и клиентом, а также часто учитывает точку зрения обвиняемых. Это открывает новые направления исследований и показывает, как организовать успешное взаимодействие между защитником и клиентом. В работе обосновывается мнение о том, что необходимо снизить нагрузку на адвокатов защиты и облегчить им задачу по обеспечению того, чтобы их клиенты имели необходимые знания, принимая решения о признании вины. **Практическая значимость:** основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с выстраиванием правовой позиции по делу и признания клиентом вины.

Ключевые слова:

вина, признание вины, процесс доказывания в США, адвокат, подсудимый

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Уилфорд, М. М., Дайфава, Р. Дж., Хендерсон, К. С. (2025). Открываем тайны процесса признания вины: рекомендации адвокатов и ошибочные представления их клиентов. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 924–946. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.924-946>

Scientific article

M. M. Wilford¹,
R. J. DiFava²,
K. S. Henderson³

¹ Iowa State University, Ames, USA

² Nova Southeastern University, Fort Lauderdale, USA

³ Portland State University, Portland, USA

Demystifying the Plea Process: Investigating Attorney Communications and Client Misconceptions

Translator E. N. Belyaeva

Contact:

Miko M. Wilford, associate professor of Psychology, Iowa State University
E-mail: mwilford@iastate.edu

Rachele J. DiFava, psychology trainee and candidate for a Psy.D. in Clinical Psychology, Nova Southeastern University
E-mail: rd1503@mynsu.nova.edu

Kelsey S. Henderson, PhD, associate professor of Criminology and Criminal Justice, Portland State University
E-mail: Kelsey.henderson@pdx.edu

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org

For original publication: Wilford, M. M., DiFava, R. J., & Henderson, K. S. (2025). Demystifying the Plea Process: Investigating Attorney Communications and Client Misconceptions. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 26(1), 16–34.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/133757.pdf>

Abstract

Objective: to study issues related to the lawyer and client interaction regarding building a legal position on the case and the plea process.

Methods: the article uses the universal dialectical method of cognition, as well as general (analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific research methods (formal-legal method).

Results: As the United States has shifted to “a system of pleas,” the role of defense attorneys has swung from trial litigator to plea negotiator. The study results indicated that defense attorneys spend a significant amount of time meeting with clients. Attorneys also cited substantial deficits in criminal defendants’ knowledge of the legal system, as well as many misconceptions regarding legal procedures. The respondents provided a diversity of responses regarding the most important advice they offer their clients with many mentioning facts related to the case resolution process, the direct and collateral consequences associated with a criminal conviction, the role of the defense attorney, and the importance of the right to silence. Further, over half of the attorneys surveyed indicated a general hesitance and 15.0% – an outright refusal to provide an explicit plea recommendation to their clients.

Scientific novelty: The plea process is complex, and defense attorneys play a critical role in this process. The current work highlights how that role has potentially evolved – moving from adviser to educator and evaluator. More qualitative data collection like this is needed to illuminate how attorneys influence defendants’ decision-making rather than just whether they do and by how much. This type of research on “expanded criminal defense lawyering” often goes above and beyond typical outcomes, and instead focuses more on the process, such as plea negotiations and effective attorney-client communication, and often incorporates the defendants’ perspectives. Such studies will inform future avenues for research and how best to operationalize attorney-client communication. The research substantiates the need to reduce the burden on defense attorneys by making it easier for them to ensure that their clients are meeting the knowing and intelligent requirements for plea decisions.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering issues related to building a legal position on the case and the plea process.

Keywords:

guilt, plea process, proving, lawyer, defendant

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Wilford, M. M., DiFava, R. J., & Henderson, K. S. (2025). Demystifying the Plea Process: Investigating Attorney Communications and Client Misconceptions. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 924–946. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.924-946>

Введение

Поскольку система правосудия Соединенных Штатов все больше становится «системой признания вины», роль адвокатов также меняется – от участия в судебном процессе к ведению переговоров о признании вины. Чтобы глубже изучить значение этого сдвига для работы защитников, был проведен общенациональный опрос. Адвокаты ($n = 134$) отвечали на вопросы о продолжительности и частоте их встреч с клиентами; о том, какой информации часто не хватает их клиентам и каких ошибочных представлений те придерживаются относительно признания вины и судебного процесса; а также о рекомендациях адвоката принять или отклонить предложение о признании вины. Результаты показывают, что адвокаты защиты тратят значительное количество времени на встречи с клиентами (в среднем они проводят с клиентом 5,7 встречи продолжительностью 44,9 минуты). Респонденты также сообщили о существенных пробелах в знаниях обвиняемых относительно работы правовой системы, а также о многочисленных неверных представлениях клиентов о юридических процедурах. Ответы на вопросы о наиболее важных советах, которые они дают своим клиентам, значительно разнились: среди них были сообщения о процессе разрешения дела (56,0 %), о прямых и побочных последствиях обвинительного приговора (29,4 %), о роли адвоката защиты (32,1 %), а также о важности права на молчание (24,8 %). Кроме того, более половины (54,0 %) опрошенных адвокатов указали на свое нежелание,

а 15,0 % – на прямой отказ давать клиентам четкие рекомендации о признании вины. В целом результаты исследования дают важное представление о трудностях, с которыми сталкивается адвокат защиты, вынужденный выполнять роль консультанта, переговорщика и даже учителя. Кроме того, многие защитники четко разделяют задачи консультирования и подталкивания клиента к принятию решения.

В настоящее время повысился интерес ученых к основному методу разрешения уголовных дел в Соединенных Штатах: признанию вины (Edkins & Redlich, 2019; Wilford & Redlich, 2018). Каждый день тысячи обвиняемых должны сделать выбор: признать себя виновными или воспользоваться своим правом на судебное разбирательство. Столкнувшись с этим трудным выбором, те обвиняемые, кто имеет такую возможность (поскольку консультации юриста не обязательны при вынесении приговора с признанием вины за мелкое правонарушение; Mayson & Stevenson, 2020), обратятся за советом к своему защитнику (Alschuler, 1975; Henderson & Levett, 2019). Адвокаты защиты могут не только информировать клиентов о деталях их дела (например, о конкретных обвинениях), но и консультировать их о вероятных исходах (например, о возможных результатах судебного разбирательства, о вероятном приговоре), а также о последствиях вынесения обвинительного приговора (например, о побочных последствиях). Однако, поскольку большая часть этих отношений защищена адвокатской тайной, существует очень мало исследований, посвященных переговорам о признании вины и тому, как адвокаты проводят этот процесс (Roberts & Wright, 2016). Это и являлось целью нашего опроса. В частности, адвокатам защиты задавали следующие вопросы: какой информации не хватает большинству клиентов? в отношении какой информации предположения клиентов часто ошибочны? какие знания и рекомендации они считают необходимыми для всех обвиняемых? Данные, представленные в этой статье, вносят важный вклад в понимание того, как происходит консультирование обвиняемых и в конечном счете как помочь обвиняемому принять решение по вопросу о признании вины.

Обзор литературы

Роль адвоката защиты в праве

Предполагается, что адвокат будет ревностно заботиться об интересах своего клиента в правовой системе, выступая одновременно в качестве защитника и консультанта (American Bar Association, n.d.). Во время переговоров о признании вины адвокат должен общаться с обвинителем, чтобы получить наилучшее возможное предложение и подготовить своих клиентов к принятию осознанного, добровольного и разумного решения в вопросе о признании вины (Boykin v. Alabama, 1969; Lafler v. Cooper, 2011). Однако важно отметить, что различия в работе адвокатских служб (Wright & Roberts, 2023) и в процедуре признания вины в разных юрисдикциях, вероятно, влияют на роль, которую они играют. Тем не менее Верховный суд неоднократно признавал право на эффективное консультирование в ходе процесса переговоров о признании вины и даже более подробно разъяснял, что означает «эффективный» в контексте признания вины (например, Lafler v. Cooper, 2011; Lee v. United States, 2017; Padilla v. Kentucky, 2010).

В деле Strickland v. Washington (1984) был установлен стандарт требований по оценке помощи адвоката как неэффективной: ответчики должны доказать, что представительство их адвоката не соответствовало «объективному стандарту разумности». Затем этот стандарт был применен к делам, в которых обвиняемые приняли неблагоприятное для них предложение о признании вины из-за неэффективной работы адвоката (Hill v. Lockhart, 1985). Этот стандарт был даже расширен – в него включили дела, когда обвиняемые не приняли благоприятное для них предложение о признании вины из-за неэффективной работы адвоката (Lafler v. Cooper, 2012; Missouri v. Frye, 2012). Затем Верховный суд постановил, что нераскрытие серьезных побочных последствий («решающих вопросов»), таких как депортация, также является основанием признать помощь адвоката неэффективной (Lee v. United States, 2017; Padilla v. Kentucky, 2010).

Эти юридические прецеденты, а также стандарты Американской юридической ассоциации (American Bar Association, ABA) устанавливают минимальные критерии для оценки того, являются ли действия адвоката эффективной помощью. Однако существуют также четкие указания на то, что адвокаты защиты должны превышать эти минимальные требования. Об этом свидетельствуют некоторые формулировки, присутствующие в судебных решениях, – «необходимая поддержка» и «жизненно важный и обязательный» (Powell v. Alabama, 1932). Эти фразы помогают лучше представить работу адвоката и отношения между ним и клиентом. Однако между идеализированным образом и реальным защитником (часто перегруженным работой) существуют заметные различия.

Роль адвоката защиты в реальности

Государственные защитники регулярно сталкиваются с финансовыми трудностями, поскольку их загруженность делами превышает рекомендации Американской юридической ассоциации (ABA, 2004). Кроме того, обучение на юридическом факультете и на курсах повышения квалификации направлено в первую очередь на подготовку адвокатов по уголовным делам к судебному разбирательству; при этом они могут быть мало знакомы с методами ведения переговоров и стратегиями, связанными с процедурой признания вины (Alkon & Schneider, 2021; Roberts & Wright, 2016). Отсутствие формального обучения, нехватка времени и ресурсов, а также большой объем дел приводят к тому, что адвокаты защиты вынуждены ускорять рассмотрение дел, что влияет на критически важное общение между ними и обвиняемыми.

После введения права на адвоката (*Gideon v. Wainwright*, 1963) большинство защитников по уголовным делам назначались судом. В Соединенных Штатах четверо из пяти обвиняемых имеют государственного защитника или назначенного адвоката (Harlow, 2000; Wright & Roberts, 2023). По сравнению с другими сферами государственного управления и даже другими областями уголовно-правовой системы (например, исправительными учреждениями) «структура, финансирование, качество и широта осуществления права на адвоката» сильно различаются и характеризуются децентрализованностью (Worden et al., 2011. P. 1424). По состоянию на 2013 г., в 28 штатах и в округе Колумбия системы общественных защитников находились под управлением штатов (Strong, 2016). Двадцать шесть штатов финансируют 100 % своих систем общественных защитников (Furst, 2019), но 14 штатов оплачивают менее 25 % расходов на государственную защиту, а оставшееся финансовое бремя ложится на местные юрисдикции (Worden et al., 2011). Широко распространенные проблемы, связанные с отсутствием адекватного финансирования государственной защиты, привели к увеличению объема дел, в результате чего адвокаты не могут оказывать эффективную юридическую помощь каждому клиенту (Backus & Marcus, 2018).

Существует множество примеров того, как адвокаты ежегодно рассматривают тысячи дел о мелких правонарушениях, тратя в среднем менее одного часа на каждого клиента (Brenner, 2011). Кроме того, во многих случаях условия профессиональной деятельности государственных защитников выходят далеко за рамки стандартов ABA (The Constitution Project, 2009). Например, в отчете о системе государственных защитников штата Луизиана за 2017 г. было указано, что штату необходимо дополнительно более 1 700 адвокатов для рассмотрения 150 тысяч дел, которые ежегодно возбуждаются в штате (ABA Standing Committee on Legal Aid and Indigent Defendants, 2017). На момент подготовки доклада в штате насчитывалось всего 363 государственных защитника. Штат Луизиана финансирует государственную защиту за счет штрафов и сборов (например, штрафов за нарушение правил дорожного движения), но эта система финансирования оказалась нестабильной и неоднократно подвергалась критике – ее даже оспаривали в Верховном суде штата (*Allen v. Edwards*, 2021; *Citizen v. Louisiana*, 2005; Brink, 2017). В отчете о системе государственной защиты штата Орегон были обнаружены аналогичные недостатки, а именно нехватка 1 300 адвокатов. Вместо этого действующие сотрудники «будут вынуждены затратить 6 632 часа в год на работу по государственной защите (26,6 часа за каждый рабочий день в течение календарного года)» (ABA Standing Committee on Legal Aid and Indigent Defendants, 2022. P. 5). Эти и другие отчеты проливают свет на большой объем работы государственных защитников, что неизбежно сказывается на времени, которое адвокаты могут уделять отдельным клиентам.

Ученые попытались количественно оценить разницу между временем, которое адвокат должен и реально может потратить на рассмотрение конкретного дела (для расчета количества часов, необходимых для оказания эффективной помощи адвокатом по делу, использовался метод *Delphi*). Расчеты убедительно демонстрируют, что перегруженные работой государственные защитники не могут уделять время, необходимое для рассмотрения каждого дела (Furst, 2019; Oppel & Patel, 2019). Это закономерно приводит к сокращению времени на общение адвоката с клиентом и количества встреч с ним. Было проведено несколько углубленных анализов частоты таких встреч; большинство из них обнаружили минимальное взаимодействие адвоката с клиентом до принятия обвиняемым решения по вопросу о признании вины (Daftary-Kapur & Zottoli, 2014; Zottoli et al., 2016). При этом большинство таких встреч проводятся непосредственно перед назначенной явкой в суд, что ограничивает продолжительность встреч, а также их конфиденциальность (например, об отсутствии конфиденциальности: Zottoli & Daftary-Kapur, 2019). Часто эти встречи бывают краткими (Fountain & Woolard, 2018). Так, в одной выборке более двух третей бесед между клиентами и их адвокатами длились менее 15 минут (Nugent-Borakove et al., 2017). Ограничения, введенные во время пандемии COVID-19, усугубили эти проблемы, еще больше огра-

ничив возможности адвокатов общаться со своими клиентами (Daftary-Kapur et al., 2021). В конечном счете чем меньше времени адвокаты проводят со своими клиентами, тем меньше у них возможностей консультировать их по вопросам судебных процедур и отвечать на их вопросы.

Эффективная коммуникация между адвокатом и клиентом

Согласно исследованию (Campbell & Henderson, 2021), качественная коммуникация между адвокатом и клиентом предполагает, что защитник внимательно слушает своего клиента, воплощает его потребности в юридические действия и выступает от имени своего клиента. Такая коммуникация формирует основу для прочных отношений между адвокатом и клиентом (Pruss et al., 2022; Sandys & Pruss, 2017), что, в свою очередь, способствует удовлетворенности последнего (Campbell et al., 2014). Исследование, проведенное с участием 22 клиентов государственных защитников, показало, что более качественная коммуникация возникает, когда адвокаты четко информируют клиентов об их возможностях и позволяют им высказаться (Moore et al., 2019). Однако бывает, что адвокат и его клиент впервые общаются только в день их первой явки в суд, когда клиенту уже предлагают признать вину (Dunlea & Wilford, 2025; Moore et al., 2019). В работе Boccaccini et al. (2014) на материалах штата Алабама показано, что адвокаты и совершеннолетние заключенные считают информирование клиентов и вовлечение их в процесс принятия юридических решений важнейшими навыками защитника.

Чтобы эффективно общаться с клиентами и надлежащим образом консультировать их на протяжении всего судебного процесса, адвокат должен обладать достаточными знаниями законодательства и факторов, специфичных для текущего дела. Исследование деятельности сотрудников суда крупного городского округа показало, что эффективное консультирование клиентов включает в себя следующие этапы: изучение материалов дела; обмен с клиентами соответствующей информацией о деле, его возможных результатах и последствиях; признание того, что клиент обладает полной автономией в принятии юридических решений (Lee & Ropp, 2020). В конечном итоге эффективная коммуникация между адвокатом и клиентом приводит к повышению доверия и удовлетворенности процессом представительства (Boccaccini & Brodsky, 2002; Boccaccini et al., 2004). И наоборот, отсутствие эффективной коммуникации – и, как следствие, недоверие – между обвиняемыми и их адвокатами может иметь пагубные последствия для обвиняемых, снижая их шансы как на освобождение, так и на жизнь (например, Lee v. United States, 2017; Missouri v. Frye, 2012; Padilla v. Kentucky, 2010). Учитывая важнейшую роль, которую защитник играет в помощи обвиняемым на протяжении всего периода своей работы в правовой системе, смягчение этих последствий для укрепления позитивных отношений между адвокатом и клиентом имеет решающее значение для достижения благоприятного (и справедливого) исхода дела.

Значение отношений между адвокатом и клиентом

Как правило, адвокат является для подзащитного основным источником информации обо всех аспектах его дела, включая сбор доказательств и возможные решения суда (Fountain & Woolard, 2018; Henderson & Shteynberg, 2019). Подзащитные обращаются к своим адвокатам за юридическими консультациями и рекомендациями, а также за переводом элементов дела (например, жаргона, относящегося к конкретному делу, вероятности вынесения обвинительного приговора) на понятный им язык (Henderson & Levett, 2019). Эти функции имеют решающее значение, поскольку, как показывают исследования, у обвиняемых нет твердого понимания процедуры судебного разбирательства и признания вины (Daftary-Kapur & Zottoli, 2014; Zottoli & Daftary-Kapur, 2019), даже после прохождения последней процедуры (Redlich & Summers, 2012). С одной стороны, знания подсудимых недостаточны; с другой – от них ожидается, что они признают свою вину осознанно. Следовательно, адвокат должен быть не только защитником, но и эффективным педагогом. Это подтверждают многочисленные исследования, в которых подчеркивается, как краток этап слушаний о признании вины, когда судья должен оценить осведомленность и понимание обвиняемого (например, Dezember et al., 2022; Redlich et al., 2022; Wilford et al., 2025). При этом, по-видимому, судья ожидает, что адвокат все объяснил своему клиенту.

Кроме того, участие защитника улучшает процесс принятия решений клиентом, так как последний становится более вовлеченным и сохраняет большую самостоятельность в процессе принятия решений (Fountain & Woolard, 2018). Охраняя автономию своего подзащитного, адвокат естественным образом ограждает его от потенциального принуждения в процессе признания вины (Luna, 2022). Однако адвокат также может усугубить чувства подзащитного в сценариях, когда его рекомендации совпадают с позицией обвинения.

Интересно отметить неоднозначность выводов ученых о влиянии рекомендаций адвокатов на решения подзащитных в вопросе признания вины. Ряд исследований показывает, что рекомендации адвокатов существенно влияют на такие решения (Henderson & Levett, 2018; Henderson & Shteynberg, 2019; Lee et al., 2020), однако другие авторы не обнаружили сколько-нибудь заметного влияния (Redlich & Shteynberg, 2016; Zimmerman & Hunter, 2018).

Для прояснения этих результатов Henderson с соавторами (2023) дополнительно изучили влияние рекомендаций адвоката на решения обвиняемых признать вину. Их исследование с использованием интерактивного компьютерного моделирования показало, что эффект был значительным, но асимметричным. В рамках модели обвиняемые гораздо чаще следовали рекомендации отклонить предложение о признании вины, чем рекомендации принять такое предложение, особенно если они были невиновны. Таким образом, исследования, касающиеся воздействия прямых рекомендаций о признании вины, указывают на определенный эффект, хотя его масштабы и контексты, в которых он наблюдается, остаются неясными. Несмотря на это, обвиняемые, несомненно, ценят помощь защитников; большинство обвиняемых доверяют своим адвокатам на протяжении всего процесса признания вины, даже если не согласны с полученными рекомендациями (Henderson & Levett, 2019). При этом структурно наша система не имеет механизмов поддержания качественных отношений между адвокатом и клиентом; ожидается, что государственные защитники будут делать все, что в их силах, имея ограниченное время и ресурсы.

Наше исследование направлено на дальнейшее изучение процесса коммуникации между адвокатами и их клиентами. Цель работы – определить области, в которых клиенты обычно имеют недостаточно информации, значимой, по мнению адвокатов. На этой основе мы надеемся предложить полезные стратегии для защитников в условиях нехватки ресурсов. Это должно повысить эффективность процесса коммуникации с клиентами и гарантировать, что последующие решения будут приниматься осознанно, разумно и добровольно.

Текущее исследование

При консультировании подзащитных по поводу их решений о признании вины (Redlich et al., 2016) адвокат должен учесть широкий спектр доказательственных факторов (например, признание вины), недоказательственных факторов (например, досудебное освобождение подзащитного) и даже характеристики своего клиента (например, употребление наркотиков и алкоголя), при этом оперируя ограниченными ресурсами. Исследования показали, что защитник может существенно повлиять на решение своего клиента о признании вины с помощью информации, которую он сообщает клиенту. Обвиняемые обычно принимают решения о признании вины при участии своего адвоката и с его учетом рекомендаций (Henderson & Levett, 2018; Henderson & Shteynberg, 2019; Redlich et al., 2017). В процессе ведения переговоров о признании вины адвокат выступает в качестве основного источника юридической информации и иной информации по делу (Fountain & Woolard, 2018; Henderson & Shteynberg, 2019). Именно он дает сведения, например, о значении доказательств и вероятности вынесения обвинительного приговора (Henderson & Levett, 2019).

Адвокат защиты может оказать влияние на три этапа рассмотрения заявления о признании вины (Alkon, 2016): (1) подготовительная работа по делу (например, установление юридических оснований), (2) переговоры с прокурором от имени клиента и (3) консультирование подзащитного по поводу принятия решения о признании вины (например, информирование о вероятных результатах расследования, ответы на вопросы клиента). Вероятно, именно на третьем этапе адвокат оказывает наибольшее влияние на принятие решений клиентом (Henderson et al., 2023). Поэтому наше исследование посвящено процессу коммуникации на третьем этапе. Выше мы подчеркивали важную роль адвокатов защиты и структурных проблем, которые влияют на качество и количество встреч между ними и их клиентами (что, вероятно, более актуально для адвокатов, назначенных судом, чем для частных адвокатов по уголовным делам). В связи с этим возникает ряд вопросов о содержании этого ограниченного по времени процесса коммуникации защитника с клиентом. Чтобы ответить на эти вопросы, мы провели опрос действующих адвокатов по уголовным делам из различных регионов США.

Методология исследования

Отбор и состав участников исследования

Для участия в исследовании были набраны действующие адвокаты по уголовным делам, практикующие в Соединенных Штатах. С потенциальными участниками связывались в основном посредством запросов по

электронной почте через службы рассылки для адвокатов штата и профессиональные контакты авторов. В общей сложности мы набрали 292 человека старше 18 лет.

Единственным критерием отбора был ответ на вопрос, является ли участник в настоящее время практикующим адвокатом по уголовным делам. Участники, ответившие на этот вопрос отрицательно, были исключены. В статье мы приводим данные только от адвокатов, которые ответили хотя бы на один из предложенных вопросов; в результате выборка уменьшилась до 137 человек. Еще три участника были исключены, поскольку они указали, что являются адвокатами апелляционной инстанции. Окончательная выборка включает 134 действующих адвокатов по уголовным делам из более чем 20 штатов, из них 60,4 % – из северо-восточного региона США, 17,4 % – западного, 13,2 % – южного и 9 % – из региона Среднего Запада. Респонденты занимались юридической практикой в среднем 18 лет (минимум – <1 года, максимум – 50 лет, средний стаж – 12,71 года). Стремясь сделать опрос кратким (чтобы оставить больше времени для вдумчивых ответов на открытые вопросы), мы не регистрировали никаких других демографических данных. Таким образом, мы не можем сказать, например, отличаются ли результаты в зависимости от работы адвоката в государственной или частной сфере. Однако в других исследованиях было неоднократно показано, что исходы дел с участием государственных и частных защитников схожи (например, Cohen, 2014; Stover & Eckart, 1975), тогда как различия между государственными защитниками и назначенными адвокатами наблюдаются чаще.

Материалы исследования

В исследовании использовался опросник, состоящий из двух частей. Первая группа вопросов касалась обучающей модели для несовершеннолетних обвиняемых, которая разрабатывается в рамках проекта по гранту (Wilford, Sutherland et al., 2021). Вторая часть, описанная в данной статье, была посвящена общению адвокатов по уголовным делам со своими клиентами и их восприятию взаимоотношений с ними¹. Этот раздел анкеты включает ряд оценочных шкал и вопросов с открытым ответом (приведены ниже).

Первые три вопроса касались процесса общения защитника с клиентом и его результатов:

1. Какая доля ваших клиентов признает себя виновными на досудебном этапе? Пожалуйста, укажите по шкале от 1 до 100.

2. Сколько встреч вы обычно проводите с клиентом, прежде чем его дело будет закрыто?

3. Какова средняя продолжительность встречи с вашими клиентами? Пожалуйста, укажите в минутах.

Затем следовал ряд открытых вопросов, касающихся мнения адвоката о том, понимают ли их клиенты юридический процесс, а также встреч с клиентами и общения в целом¹.

4. Когда вы впервые встречаетесь с клиентами, какой информации о процедуре признания вины и судебном процессе им обычно не хватает?

5. Когда вы впервые встречаетесь с клиентами, какие у них часто имеются неправильные представления о процедуре признания вины и судебном процессе?

6. Пожалуйста, перечислите некоторые факты или советы, которые, по вашему мнению, должны знать все ваши клиенты.

7. Если бы клиенту предложили сделку о признании вины, как бы вы изложили свое мнение относительно того, следует ли ему принять или отклонить это предложение? Например, если бы вы считали, что ваш клиент должен признать себя виновным, сказали бы вы ему, что, по вашему мнению, он должен признать себя виновным, или использовали бы другие способы, чтобы побудить его это сделать?

¹ Участникам задавали также следующие вопросы: «Есть ли какая-либо информация или юридические факты, которые вы сообщаете всем (или, по крайней мере, большинству) ваших клиентов?»; «Какие наиболее распространенные вопросы вы задаете своим клиентам на протяжении всего процесса признания вины?»; «Каковы некоторые из наиболее распространенных вопросов, которые ваши клиенты задают вам на протяжении всего процесса признания вины?»; «Какие, по вашему мнению, наиболее важные побочные последствия влечет за собой осуждение по уголовному делу (или решение суда по делам несовершеннолетних)?». Ответы на эти вопросы были закодированы и проанализированы, но, учитывая совпадение данных с представленными ниже, мы исключили их для краткости изложения.

Процедура исследования

Все материалы исследования и сбор данных были одобрены Институциональным наблюдательным советом Массачусетского университета в Лоуэлле. Набор участников проводился в основном посредством рассылки приглашений по электронной почте. Электронные письма содержали краткое описание проекта и ссылку на опрос, где участники сначала получали форму информированного согласия. Ответив на ряд закрытых вопросов, связанных с разработкой образовательной модели (Wilford, Sutherland et al., 2021), участник переходил к вопросам, представленным в настоящей работе. В среднем заполнение анкеты занимало 15 минут. Отвечать на каждый вопрос было не обязательно, поэтому не все 134 участника ответили на все открытые вопросы. За каждый ответ в Национальную сеть фондов освобождения под залог было внесено пожертвование в размере 5 долларов США (<https://www.comunitvjusticeexchange.org/en/nbfn-directory>).

Результаты исследования

Признание вины

По словам защитников ($n = 124$), в среднем 68,3 % их клиентов признают себя виновными на досудебном этапе ($SD = 26,9$). Двое заявили, что ни один (0 %) из их клиентов не признал себя виновным, а еще четверо – что лишь 10 % или менее их клиентов признают себя виновными. Тридцать восемь адвокатов (30,6 %) сообщили, что 90 % или более их клиентов признают себя виновными, а 87 (70,1 %) – что большинство их клиентов (более 50 %) признают себя виновными. Таким образом, менее трети нашей выборки сообщили о том, что уровень признания вины приближается к общенациональному, т. е. к 95 % (Wilford & Bornstein, 2023); однако важно отметить, что этот показатель не включает тех, кому было отказано в удовлетворении ходатайства, что в свете этих данных может составлять значительную долю всех обвиняемых.

Процесс коммуникации между адвокатом и клиентом

Участникам был задан ряд открытых вопросов об адвокатской практике и различных аспектах общения с клиентами. Поскольку участники могли не отвечать на некоторые вопросы, размеры выборки для каждого отдельного вопроса различны. На вопрос о количестве встреч, которые обычно требуются для разрешения дела ($n = 128$), 13,3 % респондентов сообщили, что это «зависит от конкретного дела» или «варьируется». Те, кто дал количественный ответ (или диапазон ответов) на этот вопрос ($n = 111$), заявили, что они встречаются с клиентами в среднем 5,7 раза ($SD = 4,1$), модальное значение 3. Несколько юристов указали диапазон цифр, в некоторых случаях от 1 до 4 или от 2 до 3 встреч ($n = 11$). Другие указали значительные диапазоны (например, «от 1 до 30 – нельзя назвать типичное количество»). Они также сообщили, что их встречи обычно длятся в среднем около 44,9 минуты ($n = 129$, $SD = 18,5$), модальное значение – 60 минут.

Описательные ответы

Далее рассмотрим ответы, полученные на четыре открытых вопроса. Ответы, как правило, кодировались с использованием контент-анализа, при котором выявляются общие закономерности (т. е. категории не были определены априори), а затем уточняются исследователями в ходе обсуждений. С этой целью два независимых ассистента-исследователя систематически кодировали ответы на каждый вопрос с достаточной степенью межэкспертной надежности для каждой кодировки ($k = 0,61 - 1,00$). Все разногласия тщательно обсуждались, и после выработки общего мнения рассчитывались частотные показатели. Цитаты подверглись небольшой редакции для удобства чтения. Части цитат, которые соответствуют изучаемым темам, выделены курсивом.

Знания клиентов о процедуре признания вины и судебном процессе

Чтобы изучить знания подсудимых о судебном процессе, защитникам был задан вопрос: «Когда вы впервые встречаетесь с клиентами, какой информации о процедуре признании вины и судебном процессе им обычно не хватает?» Результаты приведены в табл. 1. Коды для этого вопроса не были взаимоисключающими, поскольку несколько ответов содержали информацию, относящуюся к нескольким кодам. На этот вопрос ответили 94 % респондентов от общей выборки ($n = 126$). Большинство ответов относились к двум категориям: обвиняемые не имеют **общего** представления о судебном процессе (47,6 %, $n = 60$), и обвиняемые *ничего* не знают о судебном разбирательстве и процессе признания вины (31,0 %, $n = 39$). Первая категория подразумевает, что обвиняемым

не хватает существенных знаний о некоторых элементах судебной системы и судебного процесса (например, о том, что является допустимым в качестве доказательства, что означает определенная юридическая терминология, какова вероятность того, что они будут осуждены, сроки судебного разбирательства). Некоторые юристы также отметили ценность предыдущего опыта в понимании юридических процессов. Например:

«Не считая тех, кто имеет большой опыт взаимодействия с уголовно-правовой системой, *новые клиенты, как правило, не понимают порядка действий или реалистичных сроков урегулирования*, особенно во время пандемии COVID-19. Им необходимо знать, какой будет следующий этап судебного процесса, какова его цель, к чему это может привести и т. д. Я также, к сожалению, обнаружил, что многие живут в постоянном страхе, что во время следующего заседания суда они точно попадут в тюрьму, даже если... *я стараюсь заранее объяснить, что существует ограниченное число причин, по которым может измениться форма пресечения* (отмена залога, признание в совершении преступления или осуждение за него и тюремный срок), и подчеркнуть меры защиты/стратегии, которые у нас есть на случай, если что-то подобное произойдет. Короче говоря, им не хватает понимания своих прав и ограничений, которые существуют в отношении возможностей системы, поэтому они опасаются, что в любой момент могут оказаться за решеткой».

Аналогичным образом, еще треть адвокатов (31,0 %) указали, что обвиняемые не знают ничего. В этом случае речь идет не о недостаточных знаниях об определенных элементах судебного процесса (как указано выше); этим клиентам не хватает знаний обо всем, что связано с судебным разбирательством и переговорами о признании вины. В этих ответах защитники, как правило, отмечают полную или почти полную неосведомленность обвиняемых. Например, по словам одного адвоката:

«Клиенты *не знают почти ничего*. Большинство считает, что, когда им предъявляют обвинение, они уже считаются виновными. Даже опытные клиенты-преступники считают так и действуют соответствующе».

Остальные ответы касались непонимания обвиняемыми прямых и/или побочных последствий, роли юристов, роли их личных обстоятельств и процесса переговоров о признании вины (табл. 1).

Таблица 1

Мнения адвокатов относительно знаний подзащитных о процедуре признания вины и судебном процессе: категории, процент упоминаний и примеры ответов

Table 1. Perceptions of Defendants' Knowledge about Pleas and Trials: Categories, Percentage Referenced, and Example Responses

Категория – определение / Category – Definition	Процент (n) / Percentage (n)	Примеры / Examples
Понимание процедуры / Understanding the Process		
Недостаточно знаний о юридических процедурах (о судебном процессе) / Lack significant knowledge of the legal process (i.e., court and trial processes)	47,6 % (60)	«Что такое отсрочка слушания без вынесения решения. Все промежуточные этапы между предъявлением обвинения и судебным разбирательством». «Сроки, порядок и цель стандартных/предстоящих судебных мероприятий». «Побочные последствия вынесения обвинительного приговора. <i>Не полностью понимают судебный процесс, поскольку большинство клиентов сталкивались лишь с признанием вины</i> » / “What a continuance without a finding is. All the intermediate steps between arraignment and trial”. “Timeline, order and purpose of standard/expected court events”. “Collateral consequences of conviction. <i>Not fully understanding the trial process since most client experience is with pleas</i> ”.
Недостаточно знаний о процедуре признания вины (например, сколько времени занимает этот процесс, от каких прав они отказываются, преимущества признания вины) / Lack significant knowledge of the plea process (e.g., how long the process takes, what rights they are waiving, benefits of the plea)	16,7 % (21)	«Как на самом деле работает процедура, а не то, что они слышали в тюрьме. Например, <i>нет, вы не получите три предложения о признании вины, и нет, вы не можете просить о смягчении залога каждые 30 дней</i> ». «Понимание того, каковы их права в процессе признания вины и как работают различные программы условного освобождения» / “How the process really works, not what they heard at the jail. Like, no, you do not get three plea offers, and no, you can’t ask for a bond reduction every 30 days”. “Understanding what their rights are in the plea process and how different programs in probation work”

Категория – определение / Category – Definition	Процент (n) / Percentage (n)	Примеры / Examples
Роли участвующих сторон / Role of the Parties Involved		
Роль юристов (например, тайна взаимоотношений адвоката и клиента, ответственность судьи) / Role of legal actors (e.g., attorney-client privilege, the judge's responsibility)	10,3 % (13)	«Зависит от того, насколько плотно они работали в системе. В основном это касается работы и преданности делу государственных защитников». «Зависит от соответствующих полномочий прокурора, судьи и защитника, а также от того, насколько сам обвиняемый контролирует ход процесса» / “It depends on how often they have been in the system. Mostly the role and dedication of public defenders”. “The respective powers of the prosecutor, the judge, & defense counsel, as well as how much control the defendant herself has of the process”. “Understanding of which variables are controlled by the defendant, the prosecutor, and the judge”.
Роль личных обстоятельств клиента (например, жизненный опыт, демографические характеристики, действия, манера поведения) / Role of their own personal circumstances (e.g., how their own experiences, demographics, actions, demeanor impact their experience)	26,2 % (33)	«Зависит от понимания того, какие факторы находятся под контролем обвиняемого, прокурора и судьи». «Это зависит от их опыта. Я считаю, что большинство клиентов не могут понять многие аспекты системы, пока не столкнутся с ней на собственном опыте. Объяснения адвоката относительно процедуры часто напоминают попытки человека понять французский, будучи впервые во Франции». «Зависит от клиента и его предыдущего опыта взаимодействия с системой уголовного правосудия. У клиентов могут быть предвзятые представления о законах и их применении к обстоятельствам их дела. Они могут не осознавать серьезности своей ситуации. Многие из них имеют проблемы с психическим здоровьем, которые усугубляются злоупотреблением психоактивными веществами, поэтому они не могут правильно оценивать процессуальные действия в суде» / “It depends on their experience. I find most clients cannot understand much of the system until they experience it first-hand. Attorney explanations about the process often seem like someone trying to understand French while in France for the first time”. “The answer depends on the client and their previous interactions with the criminal justice system. They may have aggrandized preconceived perceptions on the laws and application to the facts of their case. They may not appreciate the gravity of their situation. A lot of them deal with mental health issues compounded with substance abuse disorders so they don't appreciate the procedural process with the courts”
Полное отсутствие знаний / Complete Lack of Knowledge		
«Не знают ничего» / “Don't know anything”	31,0 % (39)	«Большинство не имеют базовых представлений». «Почти ничего». «Они понимают только то, что видели в кино или по телевизору. Как правило, они имеют лишь элементарное представление о том, как работает судебный процесс, и не более того». «Некоторые не знают ничего, а некоторые думают, что знают больше тебя» / “Most have no basic understanding”. “Almost all of it”. “They only understand what they have seen in movies or on TV. They generally only have a rudimentary understanding of how a trial works and not much else”. “Some of them lack everything and some think they know more than you”
Последствия обвинительного приговора / Consequences of Conviction		
Прямые последствия (например, тюремное заключение, условный срок, штрафы) / Direct consequences (e.g., incarceration, probation, fines)	12,7 % (16)	«Понимание состязательного характера процесса и того, почему они никогда не будут ‘объяснять судье’, что произошло. Огромные потенциальные последствия дела». «Когда состоится судебный процесс. Многие думают, что это произойдет, например, в день следующего судебного заседания. Не понимают, что если максимальное наказание по делу составляет, например, 2 с половиной года лишения свободы, то возможно и более мягкое наказание или условный срок» / “An understanding of the adversarial nature of the process and how and why they will never ‘explain to the judge’ what happened. The tremendous potential ramifications of the case”. “When a trial would happen. A lot of them think it will happen on the next court date for example. That just because a case carries a max sentence of for example 2 ½ that doesn't mean that a lesser sentence or probation isn't an option”

Окончание табл. 1 / End of Table 1

Категория – определение / Category – Definition	Процент (n) / Percentage (n)	Примеры / Examples
Побочные последствия (например, потеря профессиональной лицензии, лишение права голосовать, лишение прав на получение помощи от государства) / Collateral consequences (e.g., loss of licensure, inability to vote, ineligibility for federal assistance)	14,3 % (18)	«Прямые и побочные последствия приговора, в частности, связанные с правами на ношение оружия и профессиональной лицензией». «Недостаточное понимание побочных последствий обвинительного приговора/судебного решения по делу» / “Direct and collateral consequences – particularly gun rights and professional licensure implications”. “Inadequate understanding of collateral consequences of a conviction/adjudication...”

Примечание. Ответы на вопрос: «Когда вы впервые встречаетесь с клиентами, какой информации о процедуре признания вины и судебном процессе им обычно не хватает?» Жирным шрифтом выделены темы. В цитатах с выделенным курсивом текстом только выделенный текст относится к соответствующему коду, поскольку к этим ответам применялось несколько кодов.

Note: Responses corresponding to the question: “When you first meet clients, what information about the plea and trial process do they typically lack?” Bolded text represents themes. For quotes with underlined text, only the underlined text represents the portion of the response relevant to the corresponding code as multiple codes applied to those responses.

Неверные представления клиентов о судебном процессе

Недостаток информации является одной из существенных проблем в общении адвоката с клиентом. Неверные представления обвиняемых относительно аспектов их дела и системы в целом могут еще больше усугубить эту проблему. Поэтому адвокаты должны просвещать своих клиентов и активно противодействовать предвзятым и неточным представлениям. Чтобы изучить неверные представления обвиняемых о судебном процессе, мы задали адвокатам вопрос 5: «Когда вы впервые встречаетесь с клиентами, какие у них часто имеются неправильные представления о процедуре признания вины и судебном процессе?» В табл. 2 приведены кодировки ответов, их частота и примеры. Коды для этого вопроса также не были взаимоисключающими, так как несколько ответов относились к нескольким кодировкам. На вопрос ответили 88,8 % от общей выборки ($n = 119$), и большинство адвокатов сообщили, что обвиняемые имеют неверные представления о юридических процедурах (63,9 %, $n = 76$). Например,

«что у них есть выбор в этом процессе (даже если это не так)».

Самым распространенным ответом в этой категории было то, что обвиняемые имеют неверные представления о судебном процессе; это относилось к широкому спектру понятий. Другие ответы были более детальными, но менее распространенными. Например, примерно четверть защитников (23,5 %) указали, что обвиняемые имеют неверные представления о роли юристов (например, о способности адвоката закрыть дело), а еще около четверти (21,8 %) указали, что обвиняемые имеют неправильные представления о процессе признания вины (например, о том, что признание вины всегда приводит к лучшему исходу дела).

Таблица 2

Ошибочные представления ответчиков о судебном процессе: категории, процент упоминаний и примеры ответов

Table 2. Perceptions of Defendants’ Misconceptions about Legal Processes: Categories, Percentage Referenced, and Example Responses

Категория – определение / Category – Definition	Процент (n) / Percentage (n)	Примеры / Examples
Неправильные представления о юридической процедуре (например, о (не)необходимых этапах процесса) / Misconceptions of legal procedure (e.g., unnecessary steps in the process)	63,9 % (76)	«Они думают, что обязаны давать показания». «Они неправильно понимают, что является доказательством, а что нет». «Что они должны защищаться, тогда как на самом деле обвинение должно доказать свою правоту» / “They think they have to testify”. “They misunderstand what is evidence and what isn’t”. “That they have to defend their case, when the prosecution must prove the case”.

Категория – определение / Category – Definition	Процент (n) / Percentage (n)	Примеры / Examples
Роль юристов (например, непонимание возможностей или функций адвокатов, судей) / Role of legal actors (e.g., confusion concerning the abilities or functions of attorneys, judges)	23,5 % (28)	«Самое большое заблуждение, с которым я сталкиваюсь, заключается в том, что клиенты верят, что адвокат защиты может просто взмахнуть волшебной палочкой и дело будет закрыто только потому, что они заявляют о своей невиновности. Они часто не понимают, что в этом и заключается суть судебного процесса: присяжные решают, каковы доказательства и кто говорит правду. Клиенты также считают, что если полицейские не зачитали им их права во время ареста, это каким-то образом аннулирует обвинения, даже если полицейские их не допрашивали». «Они часто думают, что прокурор обязан предложить соглашение о признании вины, причем такое, которое они готовы принять» / “The biggest misconception I see is that clients believe the defense lawyer can just wave a magic wand and make the case disappear just because they say they are innocent. They often don’t understand that is what a trial is all about, the jury decides what the evidence is and who is telling the truth. Clients also believe that if the police did not read them their Miranda rights at the time of arrest, that somehow invalidates the charges even if the police did not question them”. “They often think that the prosecutor is required to offer an agreement and required to offer one they are willing to accept”.
Неверные представления о процессе признания вины (например, о целях или результатах признания вины) / Misconceptions of plea process (e.g., purposes or outcomes of guilty pleas)	21,8 % (26)	«Что исход дела будет лучше, если они признают свою вину». «Сделка – это признание вины». «Им трудно понять условия освобождения, испытательного срока, и иногда судья задает вопрос в очень сложной форме. Это должно делаться в более разговорной форме» / “That they will get a better outcome if they plead.” “Pleas are admissions”. “They have a hard time understanding conditions of release, probation and sometimes the colloquy is said (by the judge) in a very sophisticated way. It should be in a more colloquial way”.
Прямые и побочные последствия (например, непонимание того, что последствия будут долгосрочными) / Direct and collateral consequences (e.g., misunderstandings regarding the permanence of case impacts)	12,6 % (15)	«Они не понимают, сколько денег может стоить испытательный срок». «Считают, что когда дело будет закрыто, оно каким-то образом исчезнет из их досье. Серьезность своего положения» / “They don’t realize how much money it can cost to be on probation”. “That when the case is over it will somehow vanish from their record. The gravity of their circumstance”.
Неправильные представления о системе правосудия (например, ошибочная вера в справедливость) / Misconceptions of justice system (e.g., false beliefs in fairness)	10,9 % (13)	«Что это каким-либо образом зависит от правосудия! ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНО» / “That it is in any way dependent on justice! EXTREMELY IMPORTANT”
Недостаток знаний (т. е. обвиняемым не хватает знаний, поэтому у них нет даже ошибочных представлений) / Lack of knowledge (i.e., defendants lack the knowledge to have misconceptions)	7,6 % (9)	«Они совершенно не понимают процесса». «Это скорее недостаток знаний, чем неправильные представления» / “They don’t understand the process at all”. “It’s more a lack of knowledge than misconceptions”.

Примечание: Ответы на вопрос «Когда вы впервые встречаетесь с клиентами, какие у них часто имеются неправильные представления о процедуре признания вины и судебном процессе?» В цитатах с выделенным курсивом текст только выделенный текст относится к соответствующему коду, поскольку к этим ответам применялось несколько кодов.

Note: Responses corresponding to the question “When you first meet clients, what are common misconceptions that they have about the plea and trial process?” For quotes with underlined text, only the underlined text represents the portion of the response relevant to the corresponding code as multiple codes applied to those responses.

Важная информация, которую адвокат может дать клиенту

Чтобы изучить информацию, которую адвокаты защиты считают особенно важной при общении с клиентами, мы попросили перечислить некоторые факты или советы, которые, по их мнению, должны знать все

клиенты. Кодировки, частота ответов и примеры приведены в табл. 3. Коды для этого вопроса также не были взаимоисключающими, поскольку содержание нескольких ответов подпадало под различные коды. На этот вопрос ответили 81,3 % от общей выборки ($n = 109$). Более половины ответивших сообщили, что наиболее важным было обсуждение процедуры разрешения спора (57,8 %, $n = 63$). В качестве примеров можно привести следующие ответы:

«Ваши шансы во время судебного разбирательства очень малы, даже в лучшем случае. Если вы не совершали того, в чем вас обвиняют, вам в той или иной степени придется доказывать это. Если вас обвинят, вы не сможете контролировать большую часть своей жизни».

«Многое находится вне моего контроля».

«Прокурор должен доказать *каждый* элемент преступления, чтобы осудить вас».

Пересечение кодов в ответах демонстрирует, что адвокаты считают необходимым обсуждать с клиентами широкий круг вопросов. Такое пересечение наблюдается в ответах на этот вопрос в большей степени, чем на два предыдущих. Вот один особенно наглядный пример:

1. Все, что вы скажете кому-либо, кроме меня, может вам навредить.

2. Прокурор не заботится о ваших интересах.

3. Не все дела можно выиграть. Иногда факты остаются фактами, и их нельзя избежать.

4. *Признание вины путем переговоров – часто лучшее, что вы можете сделать.*

5. Принимать решение по делу на основе принципов, а не законов и фактов – это хорошо, но часто безрассудно.

6. Что бы вы ни слышали о других юристах, *только от вас зависит – идти в суд или признать вину. Я честно выскажу вам свое мнение об относительной разумности вариантов, но решение остается за вами.* Я работаю много лет, и у меня никогда не было клиента, который мог бы сказать, что я заставил его пойти на сделку или обратиться в суд. Я не собираюсь начинать сейчас».

Примерно четверть адвокатов (24,8 %) отметили, что самый ценный совет, который они могут дать клиентам, – это не разговаривать ни с кем, кроме своего защитника. Как лаконично выразился один адвокат: *«Не доверяйте никому, кроме меня»*. Кроме того, примерно треть респондентов (32,1 %) считают, что обвиняемые плохо представляют себе роль защитника и что они тратят много времени на ознакомление клиентов с нюансами отношений между адвокатом и его клиентами (например, по вопросу конфиденциальности).

Как именно адвокаты предлагают варианты с признанием вины

Чтобы изучить, как защитники излагают свое мнение относительно предложения о признании вины, авторы исследования задали участникам следующий вопрос: «Если бы клиенту предложили сделку о признании вины, как бы вы изложили свое мнение относительно того, следует ли ему принять или отклонить это предложение?» Коды для этого вопроса были взаимоисключающими, т. е. каждый ответ мог получить только один код. На этот вопрос ответили 84,3 % от общей выборки ($n = 113$). Более половины адвокатов сообщили, что они сосредоточились бы на представлении плюсов и минусов принятия или отклонения предложения о признании вины (54,0 %, $n = 61$), не давая явной рекомендации. В этой ситуации защитники предпочитали информировать своих клиентов о факторах, влияющих на исход дела (например, об условиях сделки о признании вины, рисках и выгодах, судебных издержках и связанных с ними последствиях). Другими словами, большинство адвокатов считали, что их рекомендации должны касаться относительных преимуществ или недостатков принятия данного предложения, в то же время побуждая клиента принять собственное решение.

«Сначала я анализирую плюсы и минусы соглашения о признании вины по сравнению с признанием вины без соглашения или судебным процессом. *Я перечисляю варианты. Больше всего я доволен, когда клиент сам делает вывод. Если меня спрашивают, я высказываю свое мнение о том, какой вариант лучше, и объясняю почему.* Я повторяю, что это всегда выбор клиента и что я буду уважать его решение, каким бы оно ни было».

«Я бы сказал: окончательное решение остается за вами, однако вас будут судить 12 (или 6) человек, а теперь представьте, что вы сидите в одном из этих кресел присяжных; выслушав все доказательства, как бы вы проголосовали: виновен или не виновен?»

«Это всегда решение клиента. Я могу показать все сложности дела и так далее, но в конечном счете это его решение. Если мы проиграем, я пойду домой; для клиента это не так».

Таблица 3

Важнейшая информация и рекомендации: категории, процент упоминаний, примеры ответов
Table 3. Most Important Facts or Advice: Categories, Percentage Referenced, and Example Responses

Категория – определение / Category – Definition	Процент (n) / Percentage (n)	Примеры / Examples
Обсуждение хода процесса / Discussion of case resolution process	56,0 % (61)	«Передача дела в суд сопряжена с риском». «Отказаться от своих прав на судебное разбирательство и признать себя виновным гораздо проще, чем настаивать на невинности и заставлять правительство доказывать свою правоту» / “There are risks to taking a case to trial”. “That it is a bigger deal to give up one’s rights to a trial and plead guilty than it is to maintain innocence and force the government to prove its case”.
Роль адвоката / Attorneys’ roles	32,1 % (35)	«Ваш адвокат, назначенный судом, обычно очень загружен работой. Может потребоваться время, чтобы получить ответы на ваши запросы. НИКОГДА не пишите судье или прокурору». «Это их дело и их жизнь, поэтому решения принимают они. Моя работа – объяснять и давать советы, а их – принимать решения» / “Your attorney, if court appointed, is usually carrying a very heavy caseload. It may take time for your requests to be answered. NEVER write the judge or prosecutor”. “This is their case and their life, so they make the decisions. My job is to explain and advise, theirs is to decide”.
Последствия обвинительного приговора (прямые и побочные последствия / Impacts of conviction (e.g., direct and collateral consequences)	29,4 % (32)	«Испытательный срок обычно означает, что если вас арестуют до его истечения, вы отправитесь в тюрьму на определенный период времени». «Последствия вынесения обвинительного приговора по федеральным программам (SNAP, ADC, Pell Grants и т. д.)» / “Probation usually means if you get arrested before your probation ends, you’re going to jail for some period of time”. “Implications of convictions on federal programs (SNAP, ADC, Pell Grants, etc.)”.
Ни с кем не разговаривать / Do not talk to anyone	24,8 % (27)	«МОЛЧИТЕ». «Не разговаривайте с полицейскими без присутствия адвоката, даже если вы совершенно невиновны» / “BE QUIET”. “Don’t talk to the police without an attorney present, even if you are completely innocent”.
Состав преступления / Elements of the case	24,8 % (27)	«Каждое дело отличается в зависимости от фактов/доказательств. Доказательства или их отсутствие являются одним из основных факторов, влияющих на принятие решения о судебном разбирательстве или заключении сделки. Общий ход рассмотрения дела (процедура, включая апелляционный процесс)». «Как факты дела соотносятся с законом и наоборот. Возможный и потенциальный приговор – каждое дело должно быть подготовлено так, как если бы оно направлялось в суд, даже если в большинстве случаев этого не происходит» / “That each case is different based on the facts/evidence. Evidence, or lack thereof, is one of the main driving factors behind the decision to go to trial or take a deal. The general flow of a case (procedure – to include appellate process)”. “How the facts of the case may apply to the law and the other way round. Possible v. potential sentences – that every case should be prepared as if it is going to trial even though most don’t”.
Права подзащитного / Defendants’ rights	22,0 % (24)	«Все мои клиенты должны знать об адвокатской тайне и способах ее защиты на протяжении всего уголовного дела. Все мои клиенты также должны знать о своем праве хранить молчание и не давать показаний против себя» / “All my clients should know about attorney-client privilege, and how to protect it throughout a criminal case. All my clients should also know about their right to remain silent and not self-incriminate”.
Предыдущий опыт и манера поведения обвиняемого / Defendant’s prior experience and behaviors	12,8 % (14)	«Количество дел, которые фактически передаются в суд, относительно невелико по сравнению с количеством поданных исков, и история вашего взаимодействия с системой правосудия может повлиять на решение о том, какое наказание будет предложено в новом деле». «Считайте, что судебное заседание – это театр; вы участвуете в сольном выступлении; ваша аудитория – это один, 6 или 12 человек. Вам нужно привести себя в порядок, хорошо одеться, двигаться и говорить для этих людей» / “The number of cases that actually go to trial is relatively small when compared to the number of cases filed, and that your prior history can be used by the state when deciding what to offer in terms of punishment in the new case.” “Consider the court a theater; you are in a one person show; your audience is, variously, one person, 6 people, or 12 people. You need to groom, dress, move and speak with those people in mind”.

Примерно треть адвокатов (29,2 %, $n = 33$) сообщили, что они дают четкие рекомендации своим клиентам относительно того, следует ли им принять или отклонить предложение о признании вины. Среди причин, побудивших их поступать так, они называли желание быть прямыми и честными со своими клиентами, а также желание высказать свое экспертное мнение относительно этого предложения (учитывая их более глубокие юридические знания).

«Да. Конечно, я часто говорю клиенту, что он всегда волен решать, что делать. Я напоминаю, что он может уволить меня и попросить нового защитника. Но если я считаю, что клиент должен признать свою вину, и он спрашивает мое мнение, я говорю свое мнение, учитывая мой многолетний опыт, и часто формулирую это так: ЕСЛИ бы я высказывала своему брату/мужу/сыну свое мнение о его шансах на суде по сравнению с предложением о признании вины, я бы сказала, что в этой ситуации ему лучше признать вину, и вот почему. А затем я перечисляю факторы, которые я учитывала, делая такой вывод».

«Я бы посоветовал клиенту признать себя виновным и объяснил, почему я считаю это лучшим вариантом в данном случае. Я бы рассказал о рисках, с которыми клиент может столкнуться в суде; почему сделка выгодна; обвинения, которых он может избежать; почему мы не добьемся успеха, если дело будет передано в суд и т. д.».

«Проанализировав дело, я говорю, что я сделал бы на месте клиента, – согласился бы на сделку или предпочел судебное разбирательство».

Меньшее число адвокатов (15,0 %, $n = 17$) сообщили, что они, как правило, избегают давать своим клиентам какие-либо явные рекомендации о признании вины. Респонденты этой группы демонстрировали сильное нежелание высказывать прямые мнения, главным образом, чтобы сохранить независимость своих клиентов. Эта тема отличается от темы «За/против» тем, что адвокаты четко отметили: как правило, они отказываются давать прямые рекомендации клиентам.

«Нет, я излагаю факты, предсказываю вероятность вынесения обвинительного приговора и оставляю выбор за клиентом. Я не пытаюсь склонить клиента к признанию вины».

«Никогда не высказывайте своего мнения. Доводите до сведения лица, принимающего решение, все важные факторы и предоставьте ему самому принять решение».

«Я не высказываю своего мнения. Я объясняю юридические последствия, насколько это в моих силах, и четко объясняю, что этот этап дела должен контролировать исключительно клиент».

В целом ответы на эти вопросы демонстрируют огромную вариативность в общении адвоката с клиентом. Ответы защитников отличались в отношении информации, которой, по их мнению, обладают клиенты; ошибочных представлений, которые они наблюдают у клиентов; информации, которую они считают приоритетной в общении с клиентами, и методов, с помощью которых нужно сообщать об оптимальных решениях. Как уже говорилось, опрос проводился на общенациональном уровне. Таким образом, возможно, что некоторые из различий, которые мы наблюдали, обусловлены различиями в юрисдикциях. Тем не менее эти результаты также иллюстрируют некоторые общие фундаментальные проблемы в Соединенных Штатах. Многие адвокаты считают, что их клиенты относительно мало знают о правовой системе и судебных процедурах, если ранее не сталкивались с ними. Тема общего недостатка знаний обвиняемых о системе правосудия и, соответственно, часто неправильных представлений о ней затрагивается в вопросах со множественным выбором. Респонденты также были во многом единодушны относительно наиболее важных рекомендаций, которые адвокаты могут дать обвиняемым по уголовным делам: сосредоточить внимание на методах разрешения дела (плюсы и минусы), на важности того, чтобы обвиняемые ссылались на свое право хранить молчание, и описать прямые и побочные последствия вынесения обвинительного приговора. Наконец, многие адвокаты сообщили о своем нежелании (а некоторые – о категорическом отказе) открыто советовать своим клиентам принять или отклонить предложение о признании вины; вместо этого они предпочитают объяснять все за и против и оставляют окончательное решение за клиентом.

Обсуждение

Полученные данные рисуют сложную картину, касающуюся признания вины в американской системе правосудия. Во-первых, можно утверждать, что мнение о процедуре признания вины как о главенствующей в системе правосудия США является гиперболизированным или, по крайней мере, чрезмерно упрощенным.

Защитники сообщили, что в среднем признание вины имеет место в 68,3 % дел, при этом только 30,6 % из них указали частоту признания вины, близкую к общенациональным показателям (Wilford & Bornstein, 2023). Такая вариативность может отражать «ошибку самоотбора», поскольку адвокаты, у которых есть возможность отвечать на опросы, также имеют больше ресурсов для передачи дел в суд; однако это также может указывать на то, что важно учитывать другие потенциальные исходы дел, помимо признания вины или обвинительного приговора (например, прекращение дела или оправдание обвиняемого) (Abrams, 2011). Другими словами, эта разница может быть частично обусловлена тем, что участники опроса оценивали процент признания вины по всем назначенным делам, в то время как из общих показателей признания вины были исключены прекращенные дела, а также дела, которые были переданы в суд и закончились оправдательным приговором (поскольку они отражают долю обвинительных приговоров, вынесенных в результате признания вины). Приуменьшая значение или даже игнорируя эти альтернативные исходы дела, мы упускаем из виду другие способы, с помощью которых адвокаты защиты (и другие юристы) могут влиять на этот процесс и его результаты.

Мы также наблюдали значительные различия в частоте и продолжительности встреч с клиентами, хотя ответы, как правило, совпадали в диапазоне от 3 до 6 встреч, а их средняя продолжительность составляла 45 минут. Эти ответы рисуют более положительную картину, чем предыдущие исследования, в которых упоминались короткие (~15 минут) совещания, чаще всего проводимые непосредственно перед выступлениями в суде (Nugent-Borakove et al., 2017; Zottoli & Daftary-Kapur, 2019). Кроме того, многие адвокаты признали важность гибкости в зависимости от конкретного клиента или дела, а 13,3 % сообщили, что количество встреч варьируется в каждом отдельном случае.

Устранение дефицита информации и неправильных представлений клиентов

Ответы на вопросы о том, какой информации недостает обвиняемым по уголовным делам, были различны. Однако все адвокаты согласились, что эти пробелы носят глубокий характер. В ряде случаев это касалось особенностей конкретного дела или юрисдикции, но чаще – общенациональных процессуальных и правовых концепций (например, надлежащей правовой процедуры, конституционных прав). Адвокаты упоминали ошибочные представления о юридических процедурах в целом (63,9 %), о роли юристов (23,5 %) и самом процессе признания вины (21,8 %). В то время как некоторые обвиняемые преувеличивали роль защитника (например, считали, что он может замять дело), другие, напротив, отрицали возможности адвоката (или относились к ним скептически). Обвиняемые также имели неверные представления о том, что такое признание вины, что оно означает и как происходит. Таким образом, адвокату защиты приходится учитывать не только детали множества уникальных дел, но и особенности обвиняемых с их ожиданиями и предположениями относительно правовой системы и действующих лиц в ней.

Следовательно, мы видим, что адвокаты выполняют роль не только консультанта, но и учителя. Учитывая ограниченность их ресурсов и времени (Backus & Marcus, 2018), предоставление элементарной информации об основных юридических процессах (например, досудебных слушаниях) и основных правах (например, презумпции невиновности) – это не самый эффективный способ использования этого времени. Возможно, Департаменту образования США следует уделить приоритетное внимание преподаванию и оценке элементарных юридических знаний. Такая информация была бы бесценна не только для подозреваемых в совершении преступлений, но и для присяжных заседателей. Исследования давно показали, что присяжные заседатели плохо понимают и запоминают юридические инструкции (Reifman et al., 1992). Возможно, повышение уровня базовых юридических знаний могло бы дать будущим присяжным заседателям более прочную основу для оценки материалов дел, которые им предлагается рассматривать (Ellsworth & Reifman, 2000). Это было бы важным дополнительным преимуществом, позволяющим гарантировать, что адвокаты по уголовным делам консультируют клиентов с элементарным пониманием юридических процедур и основных прав на базовом уровне. Кроме того, адвокатам следует снабдить дополнительными ресурсами (например, учебными пособиями, онлайн-модулями) для обучения клиентов, что снизит их образовательную нагрузку и вернет их к роли консультантов.

Важная информация или рекомендации

Ни в одном другом случае мы не наблюдали такого количества высказываний, содержащих заглавные буквы или нецензурную лексику, как в отношении молчания (например, «ЗАТКНИСЬ, мать твою» [sic]). О необходимости соблюдать молчание говорили почти четверть респондентов (24,8 %). Как показывает наше исследование,

защитники испытывают опасения по поводу общения своих клиентов с правоохранительными органами. Это согласуется с исследованиями относительно критериев по делу *Miranda*, когда обвиняемые по уголовным делам часто готовы отказаться от своего конституционного права хранить молчание (Domanico et al., 2012; Feld, 2006; Kassin et al., 2007). На эти же проблемы ссылаются адвокаты защиты, которые консультируют и представляют интересы несовершеннолетних клиентов (August & Henderson, 2021). Необходимы дальнейшие исследования, чтобы понять, почему люди так охотно отказываются от своего права на молчание (например, Kassin & Norwick, 2004; Rogers et al., 2011; Scherr & Madon, 2013). И, что еще более важно, какие системы защиты можно применить, чтобы предотвратить случайный самооговор невиновных подозреваемых (например, требование о том, чтобы несовершеннолетние обязательно получали консультацию адвоката, прежде чем отказываться от своих прав).

Респонденты также постоянно подчеркивали важность анализа последствий вынесения обвинительного приговора для их клиентов (29,4 %). К сожалению, другие исследования показывают, что даже после принятия предложения о признании вины обвиняемые часто не имеют полного представления о последствиях обвинительного приговора, который им могут вынести (Redlich & Summers, 2012), особенно о многочисленных возможных побочных последствиях (<https://niccc.nationalreentryresourcecenter.org>). Исследования также показывают, что некоторые прямые последствия (например, досудебное заключение под стражу) могут затмить любые опасения обвиняемого по поводу побочных последствий, даже если о последних ему известно (Edkins & Dervan, 2018). Необходимо выяснить, связано ли это с тем, как именно адвокаты защиты передают соответствующую информацию, или с тем, как обвиняемые реагируют на эту информацию и обрабатывают ее.

Косвенные рекомендации

Мы также наблюдали сильное нежелание (54,0 %) и даже прямой отказ (15,0 %) адвокатов защиты давать обвиняемым четкие рекомендации относительно предложений о признании вины. Этот вывод имеет важное значение для изучения влияния адвокатов на результаты процедуры признания вины, когда их советами часто явно манипулируют (например, Henderson & Levett, 2018; Henderson et al., 2023; Zimmerman & Hunter, 2018). Наше исследование показывает, что такого рода рекомендации относительно редки. Вместо этого адвокаты склонны дать общую оценку предложению о признании вины (аналогичные выводы см., например, Lee et al., 2020; Redlich & Shteynberg, 2016; Tor et al., 2010) или вероятности вынесения обвинительного приговора (например, Helm et al., 2018a; Wilford, Sutherland et al., 2021; Wilford, Wells, & Frazier, 2021), либо дать более нейтральную, описательную оценку вариантам признания вины и судебного разбирательства (например, Henderson & Levett, 2018). Таким образом, в будущих исследованиях, посвященных изучению влияния защитника на результат процедуры признания вины, следует учитывать эти выводы при определении того, как рекомендации адвокатов применяются на практике.

Недавние решения Верховного суда, расширяющие определение эффективной помощи адвоката в контексте признания вины (например, *Lafler v. Cooper*, 2012; *Lee v. United States*, 2017; *Padilla v. Kentucky*, 2010), также могли сыграть свою роль в нежелании защитников давать конкретные рекомендации (хотя ни один из респондентов не упомянул об этом как о причине своей реакции). Вероятно, их беспокоит, что клиент может заявить о неэффективной работе адвоката из-за того, что его совет не оправдал ожиданий. Просто излагая все за и против того или иного варианта, адвокаты берут на себя меньше ответственности за выбор, который делает их клиент. Также возможно, что нет принципиальной разницы между разбором всех за и против признания вины и предоставлением рекомендации в явном виде. Исследования таких явлений, как прагматический подтекст, неизменно показывают, что люди часто способны интуитивно понимать прямой смысл косвенных высказываний (например, Kassin & McNall, 1991). Все эти вопросы нуждаются в дополнительном исследовании.

Ограничения работы и направления будущих исследований

Хотя результаты данного исследования дают некоторое представление о взаимодействии адвоката и клиента, оно имеет определенные ограничения. В частности, есть вероятность, что адвокаты, проявившие заинтересованность в участии в такого рода исследовании, не являются типичными адвокатами защиты. Будущим исследователям следует творчески подойти к поиску путей привлечения юристов, которые, возможно, по своей природе не склонны участвовать в опросах подобного рода. В связи с этим, чтобы обеспечить максимальное участие, мы использовали стратегию подбора респондентов по принципу снежного кома, которая не позволяет оценить уровень участия (т. е. количество адвокатов, получивших приглашение на опрос) и то, отличались ли показатели

участия каким-либо существенным образом. Кроме того, чтобы опрос был достаточно кратким, мы опустили многие потенциально интересные демографические переменные. Последующие исследования должны включать больше демографических показателей, чтобы выявить потенциальные различия в рассматриваемых здесь темах. Например, будут ли отличаться ошибочные представления клиентов частных адвокатов по сравнению с государственными? Можно было бы также включить дополнительные вопросы для респондентов с иными демографическими показателями (например, выяснить, чем отличаются адвокаты, у которых процент признания вины клиентами составляет менее 10 %). Наконец, на основании наших данных мы не можем сделать никаких выводов относительно того, насколько, по мнению респондентов, они помогли своим клиентам. В частности, считают ли адвокаты, что они успешно исправляют распространенные заблуждения своих клиентов. Кроме того, мы не могли проверить правильность представлений наших респондентов. Будущим исследователям следует рассмотреть диадный подход, т. е. подбор юристов и их клиентов. Такие исследования могли бы выявить (а) симметрию в изучаемых темах: например, совпадают ли типичные заблуждения клиентов с тем, что отмечают адвокаты, и успешно ли они устраняются с помощью коммуникаций между адвокатом и клиентом.

Заключение

Процесс признания вины сложен, и адвокаты защиты играют в нем важнейшую роль. В данной работе показано, как эволюционировали их функции – от консультативной до образовательной и оценочной. Будущие исследования потребуют дополнительного сбора качественных данных, что поможет понять не только то, влияют ли адвокаты на принятие решений обвиняемыми и в какой степени, но и *как именно* они это делают (см. также Helm et al., 2018b). Такой тип исследований, посвященных «расширенной юридической защите по уголовным делам», часто фокусируется не столько на типичных исходах дел (например, обвинительных приговорах), сколько на процессах, например, на переговорах о признании вины и эффективных коммуникациях между адвокатом и клиентом, а также часто учитывает точку зрения обвиняемых (Wright & Roberts, 2023). Это открывает новые направления исследований и показывает, как организовать успешное взаимодействие между защитником и клиентом. Также необходимо изучить наилучшие механизмы (не только с участием адвокатов) информирования обвиняемых по уголовным делам о судебном процессе и их правах. Мы должны снизить нагрузку на адвокатов защиты и облегчить им задачу по обеспечению того, чтобы их клиенты имели необходимые знания и соответствовали разумным требованиям, принимая решения о признании вины.

Список литературы

- Abrams, D. S. (2011). Is pleading really a bargain? *Journal of Empirical Legal Studies*, 8(S1), 200–221. <https://doi.org/10.1111/j.1740-1461.2011.01234.x>
- Alkon, C. (2016). Plea bargain negotiations: Defining competence beyond Lafler & Frye. *American Criminal Law Review*, 53, 377–407. <https://scholarship.law.tamu.edu/facscholar/861>
- Alkon, C., & Schneider, A. K. (2021). How to be a better plea bargainer. *Washington University Journal of Law and Policy*, 66, 65–105. <https://ssrn.com/abstract=3934577>
- Allen v. Edwards, 2021. <https://www.splcenter.org/seeking-justice/case-docket/joseph-allen-et-al-v-john-bel-edwards-et-al>
- Alschuler, A. W. (1975). The defense attorney's role in plea bargaining. *The Yale Law Journal*, 84(6), 1179–1315.
- American Bar Association. (2004). *Gideon's broken promise: America's continuing quest for equal justice*. ABA Division for Legal Services Standing Committee on Legal Aid & Indigent Defense. <https://www.in.gov/publicdefender/files/ABAGideonsBrokenPromise.pdf>
- American Bar Association. (n.d.). *Criminal justice standards: Defense function*. [https://www.americanbar.org/groups/criminal_justice/resources/standards/defense-function/#:~:text=\(d\)%20Defense%20counsel%20is%20the,the%20law%20or%20such%20standards](https://www.americanbar.org/groups/criminal_justice/resources/standards/defense-function/#:~:text=(d)%20Defense%20counsel%20is%20the,the%20law%20or%20such%20standards)
- ABA Standing Committee on Legal Aid and Indigent Defendants. (2017). *The Louisiana Project: A study of the Louisiana public defender system and attorney workload standards*. http://lpdb.la.gov/Supporting%20Practitioners/Standards/txtfiles/pdfs/Louisiana%20Project%20R_eport.pdf
- ABA Standing Committee on Legal Aid and Indigent Defendants. (2022). *The Oregon Project: An analysis of the Oregon public defense system and attorney workload standards*. https://www.americanbar.org/groups/legal_aid_indigent_defense/indigent_defense_systems_improvement/publications/or-project/

- August, C. N., & Henderson, K. S. (2021). Juveniles in the interrogation room: Defense attorneys as a protective factor. *Psychology, Public Policy, and Law*, 27(2), 268–282. <http://dx.doi.org/10.1037/law0000294>
- Backus, M., & Marcus, P. (2018). The right to counsel in criminal cases: Still a national crisis. *George Washington Law Review*, 86(6), 1564–1603. <https://ssrn.com/abstract=3541332>
- Brenner, L. A. (2011). Eliminating excessive public defender workloads. *Criminal Justice*, 26(2), 2433.
- Boccaccini, M. T., Boothby, J. L., & Brodsky, S. L. (2004). Development and effects of client trust in criminal defense attorneys: Preliminary examination of the congruence model of trust development. *Behavioral Sciences & The Law*, 22(2), 197–214. <https://doi.org/10.1002/bsl.584>
- Boccaccini, M. T., & Brodsky, S. L. (2002). Attorney-Client trust among convicted criminal defendants: Preliminary examination of the attorney-client trust scale. *Behavioral Sciences & the Law*, 20(1–2), 69–87. <https://doi.org/10.1002/bsl.469>
- Boccacini, M. T., Murrie, D. C., & Turner, D. B. (2014). Jurors' views on the value and objectivity of mental health experts testifying in sexually violent predator trials. *Behavioral Sciences and the Law*, 32(4), 438–495. <https://doi.org/10.1002/bsl.2129>
- Boykin v. Alabama*, 395 U.S. 238 (1969).
- Brink, M. (2017). Still under water: Louisiana's public defense system in crisis. *Criminal Justice*, 32(2), 45–46.
- Campbell, C., Moore, J., Maier, W., & Gaffney, M. (2014). Unnoticed, untapped, and underappreciated: Clients' perceptions of their public defenders. *Behavioral Sciences and the Law*, 33(6), 751–770.
- Campbell, C. M., & Henderson, K. S. (2021). Bridging the gap between clients and public defenders: Introducing a structured shadow method to examine attorney communication. *Justice System Journal*, 43(1), 26–52. <https://doi.org/10.1080/0098261X.2021.2011494>
- Citizen v. Louisiana*, 916 So. 2d 1040 (2005).
- Cohen, T. H. (2014). Who is better at defending criminals? Does type of defense attorney matter in terms of producing favorable case outcomes. *Criminal Justice Policy Review*, 25(1), 29–58. <https://doi.org/10.1177/0687403412461149>
- The Constitution Project. (2009). *Justice denied: America's continuing neglect of our constitutional right to counsel*. Report of the National Right to Counsel Committee.
- Daftary-Kapur, T., Henderson, K. S., & Zottoli, T. M. (2021). COVID-19 exacerbates existing system factors that disadvantage defendants: Findings from a national survey of defense attorneys. *Law and Human Behavior*, 45(2), 81–96. <https://doi.org/10.1037/lhb0000442>
- Daftary-Kapur, T., & Zottoli, T. M. (2014). A first look at the plea deal experiences of juveniles tried in adult court. *The International Journal of Forensic Mental Health*, 13(4), 323–336. <https://doi.org/10.1080/14999013.2014.960983>
- Dezember, A., Luna, S., Woestehoff, S. A., Stoltz, M., Manley, M., Quas, J. A., & Redlich, A. D. (2022). Plea validity in circuit court: Judicial colloquies in misdemeanor vs. felony charges. *Psychology, Crime and Law*, 28(3), 268–288. <https://doi.org/10.1080/1068316X.2021.1905813>
- Domanico, A. J., Cicchini, M. D., & White, L. T. (2012). Overcoming Miranda: A content analysis of the Miranda portion of police interrogations. *Idaho Law Review*, 49(1), 1–22.
- Dunlea, R. R., Wilford, M. M. (2025). *Who minds their pleas and queues? Defendant decisionmaking and the misdemeanor quick plea*. Manuscript under revision.
- Edkins, V. A., & Dervan, L. E. (2018). Freedom now or a future later: Pitting the lasting implications of collateral consequences against pretrial detention in decisions to plead guilty. *Psychology, Public Policy, and Law*, 24(2), 204–215. <https://dx.doi.org/10.1037/law0000159>
- Edkins, V. A., & Redlich, A. D. (Eds.). (2019). *A System of pleas: Social science's contributions to the real legal system*. Oxford Publishing.
- Ellsworth, P. C., & Reifman, A. (2000). Juror comprehension and public policy: Perceived problems and proposed solutions. *Psychology, Public Policy, and Law*, 6(3), 788–821. <https://dx.doi.org/10.1037/1076-8971.6.3.788>
- Fountain, E. N., & Woolard, J. L. (2018). How defense attorneys consult with juvenile clients about plea bargains. *Psychology Public Policy and Law*, 24(2), 192–203. <https://dx.doi.org/10.1037/law0000158>
- Feld, B. C. (2006). Juveniles' competence to exercise Miranda rights: An empirical study of policy and practice. *Minnesota Law Review*, 91, 26–100. <https://scholarship.law.umn.edu/facultv/articles/295>
- Furst, B. (2019). *A fair fight: Achieving indigent defense resource parity*. Brennan Center for Justice. <https://www.brennancenter.org/sites/default/files/2019-09/Report%20Fair%20Fight.pdf>
- Gideon v. Wainwright*, 372 U.S. 335 (1963).
- Harlow, C. W. (2000). *Defense counsel in criminal cases*. Bureau of Justice Statistics Special Report. <https://bis.oip.gov/content/pub/pdf/dccc.pdf>
- Helm, R. K., Reyna, V. F., Franz, A. A., & Novick, R. Z. (2018a). Too young to plead? Risk, rationality, and plea bargaining's innocence problem in adolescents. *Psychology, Public Policy, and Law*, 24(2), 180–191. <https://doi.org/10.1037/law0000156>
- Helm, R. K., Reyna, V. F., Franz, A. A., Novick, R. Z., Dincin, S., & Cort, A. E. (2018b). Limitations on the ability to negotiate justice: Attorney perspectives on guilt, innocence, and legal advice in the current plea system. *Psychology, Crime and Law*, 24(9), 915–934. <https://doi.org/10.1080/1068316X.2018.1457672>
- Henderson, K. S., & Levett, L. M. (2018). Investigating predictors of true and false guilty pleas. *Law and Human Behavior*, 42(5), 427–441. <https://dx.doi.org/10.1037/lhb0000297>

- Henderson, K. S., & Levett, L. M. (2019). Plea bargaining: The influence of counsel. In M. K. Miller & B. H. Bornstein (Eds.), *Advances in psychology and law* (Vol. 4, pp. 73–100). Springer.
- Henderson, K. S., & Shteynberg, R. V. (2019). Plea decision-making: The influence of attorney expertise, trustworthiness, and recommendation. *Psychology, Crime, & Law*, 26(6), 527–552. <https://doi.org/10.1080/1068316X.2019.1696801>
- Henderson, K. S., Sutherland, K. T., & Wilford, M. M. (2023). “Reject the offer”: The asymmetric impact of defense attorneys’ plea recommendations. *Criminal Justice and Behavior*, 50(9), 1321–1340. <https://doi.org/10.1177/00938548231172515>
- Hill v. Lockhart, 474 U.S. 52 (1985).
- Kassin, S. M., Leo, R. A., Meissner, C. A., Richman, K. D., Colwell, L. H., Leach, A.-M., & Dana, L. F. (2007). Police interviewing and interrogation: A self-report survey of police practices and beliefs. *Law and Human Behavior*, 31(4), 381–400. <https://doi.org/10.1007/s10979-006-9073-5>
- Kassin, S. M., & McNall, K. (1991). Police interrogations and confessions: Communicating promises and threats by pragmatic implication. *Law and Human Behavior*, 15(3), 233–251. <https://doi.org/10.1007/BF01061711>
- Kassin, S. M., & Norwick, R. J. (2004). Why people waive their Miranda rights: The power of innocence. *Law and Human Behavior*, 28(2), 211–221. <https://doi.org/10.1023/B:LAHU.0000022323.74584.f5>
- Lafler v. Cooper, 132 S. Ct. 1376 (2012).
- Lee v. United States, 137 S. Ct. 1958 (2017).
- Lee, G. L., Jaynes, C. M., & Ropp, J. W. (2020). Satisfaction, legitimacy, and guilty pleas: How perceptions and attorneys affect defendant decision-making. *Justice Quarterly*, 38(6), 1095–1127. <https://doi.org/10.1080/07418825.2020.1786147>
- Lee, G. L., & Ropp, J. W. (2020). “Sometimes I’m just wearing the prosecutor down”: An exploratory analysis of criminal defense attorneys in plea negotiations and client counseling. *Journal of Qualitative Criminal Justice & Criminology*, 9(1). <https://doi.org/10.21428/88de04a1.2168ad3e>
- Luna, S. (2022). Defining coercion: An application in interrogation and plea negotiation contexts. *Psychology, Public Policy and Law*, 28(2), 240–254. <https://doi.org/2022-44628-001>
- Mayson, S. G., & Stevenson, M. T. (2020). Misdemeanors by the numbers. *Boston College Law Review*, 61(3), 971–1044. <https://lawdigitalcommons.bc.edu/bclr/vol61/iss3/4>
- Missouri v. Frye, 132 S. Ct. 1399 (2012).
- Moore, J., Plano Clark, V. L., Foote, L. A., & Dariotis, J. K. (2019). Attorney-client communication in public defense: A qualitative examination. *Criminal Justice Policy Review*, 31(6), 908–938. <https://doi.org/10.1177/0887403419861672>
- Nugent-Borakove, M. E., Cruz, F., & Lefstein, N. (2017). *The power of choice: The implications of a system where indigent defendants choose their own counsel*. Justice Management Institute. <http://www.tidc.texas.gov/media/8d87c73b45a851e/client-choice.pdf>
- Oppel, R. A., & Patel, J. K. (2019). One lawyer, 194 felony cases, and no time. *New York Times*. <https://www.nytimes.com/interactive/2019/01/31/us/public-defender-case-loads.html>
- Padilla v. Commonwealth of Kentucky, 559 U.S. 356 (2010).
- Powell v. Alabama, 287 S. Ct. 45 (1932)
- Pruss, H., Sandys, M., & Walsh, S. M. (2022). “Listen, hear my side, back me up”: What clients want from public defenders. *Justice System Journal*, 43(1), 6–25. <https://doi.org/10.1080/0098261X.2021.2011496>
- Redlich, A. D., Bibas, S., Edkins, V. A., & Madon, S. (2017). The psychology of defendant plea decision making. *American Psychologist*, 72(4), 339–352. <http://dx.doi.org/10.1037/a0040436>
- Redlich, A. D., Bushway, S. D., & Norris, R. J. (2016). Plea decision-making by attorneys and judges. *Journal of Experimental Criminology*, 12(4), 537–561. <https://doi.org/10.1007/s11292-016-9264-0>
- Redlich, A. D., Domagalski, K., Woestehoff, S. A., Dezhember, A., & Quas, J. A. (2022). Guilty plea hearings in juvenile and criminal court. *Law and Human Behavior*, 46(5), 337–352. <https://doi.org/10.1037/lhb0000495>
- Redlich, A. D., & Shteynberg, R. V. (2016). To plead or not to plead: A comparison of juvenile and adult true and false plea decisions. *Law and Human Behavior*, 40(6), 611–625. <https://doi.org/10.1037/lhb0000205>
- Redlich, A. D., & Summers, A. (2012). Voluntary, knowing, and intelligent pleas: Understanding the plea inquiry. *Psychology, Public Policy, and Law*, 18(4), 626–643. <https://doi.org/10.1037/a0026066>
- Reifman, A., Gusick, S. M., & Ellsworth, P. C. (1992). Real jurors’ understanding of the law in real cases. *Law and Human Behavior*, 16, 539–554.
- Roberts, J., & Wright, R. F. (2016). Training for bargaining. *William and Mary Law Review*, 57(4), 1474–1504. <https://scholarship.law.wm.edu/wmlr/vol57/iss4/11>
- Rogers, R., Gillard, N. D., Wooley, C. N., & Fiduccia, C. E. (2011). Decrements in Miranda abilities: An investigation of situational effects via a mock-crime paradigm. *Law & Human Behavior*, 35, 392–401. <https://doi.org/10.1007/s10979-010-9248-y>
- Sandys, M., & Pruss, H. (2017). Correlates of satisfaction among clients of a public defender agency. *Ohio State Journal of Criminal Law*, 14(2), 431–461.
- Scherr, K. C., & Madon, S. (2013). Go ahead and sign: An experimental examination of Miranda waivers and comprehension. *Law and Human Behavior*, 37(3), 208–218. <https://doi.org/10.1037/lhb0000026>
- Strickland v. Washington, 466 U.S. 688 (1984).
- Strong, S. M. (2016). *State-Administered Indigent Defense Systems, 2013*. Bureau of Justice Statistics. <https://bis.ojp.gov/content/pub/pdf/saids13.pdf>

- Stover, R. V., & Eckart, D. R. (1975). A systematic comparison of public defenders and private attorneys. *American Journal of Criminal Law*, 3(3), 265–300.
- Tor, A., Gazal-Ayal, O., & Carcia, S. M. (2010). Fairness and the willingness to accept plea bargain offers. *Journal of Empirical Legal Studies*, 7(1), 97–116. <https://doi.org/10.1111/i.1740-1461.2009.01171.x>
- Wilford, M. M., & Bornstein, B. H. (2023). The disappearing trial: How social scientists can help save the jury from extinction. *Psychology, Crime and Law*, 29(1), 1–24. <https://doi.org/10.1080/1068316X.2021.1984482>
- Wilford, M. M., DiFava, R. J., & Henderson, K. S. (2025). Demystifying the Plea Process: Investigating Attorney Communications and Client Misconceptions. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 26(1), 16–34.
- Wilford, M. M., Frazier, A., Lowe, A., Newsome, P., & Strong, H. V. (2025). *Quick and dirty: An evaluation of plea colloquy validity in the virtual courtroom*. Manuscript under revision.
- Wilford, M. M., & Redlich, A. D. (2018). Deciphering the guilty plea: Where research can inform policy [Introduction to the special section on Guilty Pleas]. *Psychology, Public Policy, and Law*, 24(2), 145–146. <https://doi.org/10.1037/law0000169>
- Wilford, M. M., Sutherland, K. T., Gonzales, J. E., & Rabinovich, M. (2021). Guilt status influences plea outcomes beyond the shadow-of-the-trial in an interactive simulation of legal procedures. *Law and Human Behavior*, 45(4), 271–286. <https://doi.org/10.1037/lhb0000450>
- Wilford, M. M., Wells, G. L., & Frazier, A. (2021). Plea-bargaining law: The impact of innocence, trial penalty, and conviction probability on plea outcomes. *American Journal of Criminal Justice*, 46(3), 554–575. <https://doi.org/10.1007/s12103-020-09564-y>
- Worden, A. P., Davies, A. L. B., & Brown, E. K. (2011). A patchwork of policies: Justice, due process, and public defense across American states. *Albany Law Review*, 74(3), 1423–1463.
- Wright, R., & Roberts, J. (2023). Expanded criminal defense lawyering. *Annual Review of Criminology*, 6(1), 241–264. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-030421-035326>
- Zimmerman, D. M., & Hunter, S. (2018). Factors affecting false guilty pleas in a mock plea bargaining scenario. *Legal and Criminological Psychology*, 23(1), 53–67. <https://doi.org/10.1111/lcrp.12117>
- Zottoli, T. M., & Daftary-Kapur, T. (2019). Guilty pleas of youths and adults: Differences in legal knowledge and decision making. *Law and Human Behavior*, 43(2), 166–179. <https://doi.org/10.1037/lhb0000314>
- Zottoli, T. M., Daftary-Kapur, T., Winters, G. M., & Hogan, C. (2016). Plea discounts, time pressures, and false-guilty pleas in youth and adults who pleaded guilty to felonies in New York City. *Psychology, Public Policy, and Law*, 22(3), 250–259. <https://doi.org/10.1037/law0000095>

Об авторах

Мико М. Уилфорд, PhD, доцент психологии Университета штата Айова. Исследования направлены на совершенствование существующих мер и процессов в юридической сфере. Ученый ставит в том числе вопросы: почему невиновные признаются в преступлениях, которых они не совершали? как сохранить факты в памяти свидетелей? В 2019 г. д-р Уилфорд получила 5-летний грант от Национального научного фонда *CAREER* для проведения многоступенчатого исследования факторов признания вины как совершеннолетними, так и несовершеннолетними обвиняемыми, в особенности невиновными. Это позволило ей также продолжить разработку компьютерной модели юридических процедур для научных и образовательных целей (researcher.pleajustice.org). Работы исследователя публиковались в ряде авторитетных рецензируемых журналов. Она является членом редакционных советов таких журналов, как *Law and Human Behavior*, *Psychology, Public Policy and Law* и *Cognitive Research: Principles and Implications*, а также ведет блог *(In)Justice System* на платформе *Psychology Today*. По совокупности трудов она стала обладателем премии *Saleem Shah (Early Career Development) Award*, титула «Восходящая звезда Ассоциации психологической науки», членом Американской психологической ассоциации и Общества экспериментальной психологии (*Psychonomic Society*).

Рашель Дж. Дайфава, стажер в области клинической психологии, кандидат на получение степени доктора психологии в Университете Нова Саутистерн. Ее исследования находятся на стыке психологии и права (например, процесса принятия решений в юридической сфере, переговоры о признании вины, ложные признания, влияние рекомендаций адвоката на решения клиента), а также затрагивают сферы нейропсихологии и мышления (например, тестирование компетентности в судебной системе; когнитивные и эмоциональные последствия черепно-мозговой травмы).

Келси С. Хендерсон, PhD, доцент криминологии и уголовного правосудия в Университете штата Орегон в Портленде. Степень PhD в области криминологии, права и социологии получена в 2016 г. в Университете штата Флорида. Исследования Хендерсон касаются областей права и судебного процесса (например, влияние законодательства на функционирование судов и юристов), в особенности процесса принятия решений в юридической сфере (например, решения признания вины и участия в судебном процессе). Ее работы используют в основном экспериментальные и квазиэкспериментальные методы, такие как опросы и качественные собеседования, и охватывают всех участников судебного процесса, задействованных в принятии решений: прокуроров, защитников, судей и присяжных. Работы были опубликованы в ведущих научных журналах в области криминологии, психологии и права (*Criminal Justice & Behavior*; *Law and Human Behavior*; *Psychology, Public Policy & Law*).

About the Authors

Miko M. Wilford, PhD, is an associate professor of Psychology at Iowa State University. She conducts research aimed at improving real-world policies and procedures, particularly in legal domains. More specifically, her work seeks to answer questions such as: Why do innocent people plead guilty to crimes they did not commit? How can we preserve eyewitnesses' memories? Etc. In 2019, Dr. Wilford received a 5-year National Science Foundation CAREER grant to complete a multi-phase project that aims to further examine the factors that lead both adult and juvenile defendants to accept plea offers, especially when they are actually innocent. This grant also allowed her to further develop a computer simulation of legal procedures that can be used for both research and education purposes: researcher.pleajustice.org. Her research has been published in several high-impact, peer-reviewed journals. She sits on the editorial board for *Law and Human Behavior*, *Psychology, Public Policy and Law*, and *Cognitive Research: Principles and Implications* and has a *Psychology Today* blog called the (In)Justice System. Her body of research earned her recognition as the Saleem Shah (Early Career Development) Award winner, an Association for Psychological Science Rising Star, and a Fellow of the American Psychological Association and the Psychonomic Society.

Rachele Difava is a psychology trainee and candidate for a Psy. D. in Clinical Psychology at Nova Southeastern University. Her research focuses on the intersection of psychology and law (i.e., legal decision-making, plea bargaining, false confessions, and the impact of defense attorney recommendations on client decisions), as well as topics related to neuropsychology and cognition (i.e., competency testing in the court system and cognitive and emotional impacts of TBI).

Kelsey Henderson, PhD, is an associate professor of Criminology and Criminal Justice at Portland State University. Henderson received her PhD in Criminology, Law and Society from the University of Florida in 2016. Henderson's research focuses on law and the courts (e.g., impact of laws on the courts and legal actors), where she specifically has examined legal decision-making (e.g., plea decisions and judicial decisions). Her research primarily uses experimental and quasi-experimental designs, utilizing both survey and qualitative interview methodologies, and has included decision-makers from across the courtroom: prosecutors, defense attorneys, judges, and jurors. Henderson's research has been published in the leading criminology, psychology, and law-related journals (*Criminal Justice & Behavior*; *Law and Human Behavior*; *Psychology, Public Policy & Law*).

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 23.06.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 15.09.2025

Дата принятия в печать / Accepted 15.09.2025

ДИСКУССИИ / DISCUSSIONS

Редактор рубрики *Р. А. Григорьев* / Rubric editor *R. A. Grigoryev*

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.947-966>

УДК / UDC 330.1:334.7:334.012.63/.64:338.2(470+571)

JEL: E01, E02, I3, L26, M2, O11

Е. А. Королева¹

¹ Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, г. Москва, Россия

Оценка благополучия субъектов малого и среднего предпринимательства в современной России: макроэкономический аспект

Королева Екатерина Алексеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории микроэкономического анализа и моделирования, ЦЭМИ РАН
E-mail: katerina8686@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4423-9027>
Scopus Author ID: 57205202433
eLIBRARY SPIN-код: 7051-5112

Аннотация

Цель: проведение комплексной макроэкономической оценки состояния сектора малого и среднего предпринимательства (МСП) России через призму многокомпонентной модели благополучия.

Методы: общенаучные методы структурного и сравнительного анализа, а также конкретно-научные методы (статистический анализ для обработки данных Росстата, ФНС России, Фонда «Общественное мнение»; экспертные оценки для интерпретации опросов; графический анализ для визуализации динамических рядов; моделирование для разработки концептуальной модели благополучия субъектов МСП).

Результаты: обоснована необходимость применения комплексного подхода к анализу субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в рамках концепции благополучия экономических агентов. Проведен теоретический анализ феномена благополучия, в результате которого было сформулировано авторское определение благополучия субъектов малого и среднего бизнеса. На основе адаптации шестифакторной модели К. Рифф разработана и апробирована семикомпонентная модель благополучия сектора МСП на макроуровне. Анализ компонентов модели выявил противоречивую ситуацию: при формальном достижении ряда целевых показателей национальных проектов (численность занятых, доля в несырьевом экспорте) ключевой индикатор – доля МСП в ВВП – остается стагнирующим на уровне 20–22 %. Одновременно отмечается пессимизм деловых настроений, высокое налоговое и административное давление, дефицит квалифицированных кадров, сокращение господдержки и низкий уровень доверия к институтам.

Научная новизна: заключается в разработке оригинальной макроэкономической модели благополучия сектора МСП, расширенной за счет компонента «Вовлеченность в процессы цифровизации», что адекватно отражает вызовы современной экономики и позволяет преодолеть фрагментарность в исследованиях данного сектора.

Практическая значимость: полученные результаты и предложенная модель могут быть использованы органами государственной власти для корректировки экономической политики и программ поддержки МСП, фокусируя их на решении системных проблем, выявленных в ходе компонентного анализа. Материалы статьи также применимы в научной и образовательной деятельности для междисциплинарного изучения феномена благополучия экономических агентов.

Ключевые слова:

малые и средние предприятия (МСП), бизнес, благополучие, модель благополучия, оценка благополучия, компоненты благополучия, экономика благополучия, макроэкономическая оценка, междисциплинарность, макроэкономический уровень

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Королева, Е. А. (2025). Оценка благополучия субъектов малого и среднего предпринимательства в современной России: макроэкономический аспект. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 947–966. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.947-966>

Scientific article

E. A. Koroleva¹

¹ Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Estimating well-being of small and medium enterprises in modern Russia: macroeconomic aspect

Ekaterina A. Koroleva, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher of the Laboratory of Microeconomic Analysis and Modeling, Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences
E-mail: katerina8686@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4423-9027>
Scopus Author ID: 57205202433
eLIBRARY ID SPIN-code: 7051-5112

Abstract

Objective: to conduct a comprehensive macroeconomic assessment of the state of the Russian small and medium enterprises (SMEs) sector through the prism of a multicomponent model of well-being.

Methods: general scientific methods of structural and comparative analysis, as well as specific scientific methods (static analysis for processing data from Rosstat, the Russian Federal Tax Service, the Public Opinion Foundation; expert assessments for interpreting surveys; graphical analysis for visualizing dynamic series; modeling for developing a conceptual model of the SMEs well-being).

Results: the research substantiated the need to apply a comprehensive approach to the analysis of small and medium enterprises (SMEs) as part of the concept of economic agents' well-being. The author performed a theoretical analysis of the well-being phenomenon and formulated a definition of the small and medium businesses' well-being. Based on the adaptation of C. Ryff's six-factor model, the author developed and tested a seven-component model of the SME sector well-being at the macro level. The model components analysis revealed a contradiction: while national projects formally achieve some of the targets (number of employees, share in non-resource exports), the key indicator (SMEs' share in GDP) remains stagnant at 20-22%. At the same time, there is pessimism in business sentiment, high tax and administrative pressure, a shortage of qualified personnel, a reduction in government support and a low level of trust in institutions.

Scientific novelty: it consists in the development of an original macroeconomic model of the SME sector well-being, expanded with the "Involvement in digitalization processes" component, which adequately reflects the modern economy challenges and allows overcoming the fragmented research in this sector.

Practical significance: the obtained results and the proposed model can be used by government authorities to adjust economic policies and support programs for SMEs, focusing them on solving systemic problems identified during the component analysis. The article materials are also applicable in scientific and educational activities for the interdisciplinary study of the phenomenon of economic agents' well-being.

Keywords:

small and medium enterprises (SMEs), business, well-being, well-being model, well-being assessment, well-being components, economy of well-being, macroeconomic assessment, interdisciplinarity, macroeconomic level

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Koroleva, E. A. (2025). Estimating well-being of small and medium enterprises in modern Russia: macroeconomic aspect. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 947–966. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.947-966>

Введение

Непрекращающиеся экономические кризисы и политические потрясения, оказывая дестабилизирующее воздействие на население и предприятия, приводят к изменениям во взглядах ученых на принятую экономическую парадигму. В настоящее время наблюдается практически единогласное признание того, что сложившееся со времен А. Смита взаимодействие экономических агентов на основе традиционной концепции *homo economicus* («экономический человек», которому свойственны рациональность поведения и стремление к личной выгоде) ограничено (Drucker, 1939; Marsden, 1986; Persky, 1995; Родионова, Гусев, 2024 и др.), поэтому возрастающую значимость приобрела концепция «экономики благополучия», начавшая формироваться в последние несколько десятилетий как альтернатива доминирующей традиционной парадигме. И если в рамках предыдущей парадигмы основной задачей считалась максимизация прибыли, то сейчас все более актуальной становится оптимизация благополучия, которая, помимо финансовых показателей, предполагает изучение уровня счастья, удовлетворенности жизнью, неравенства, свободы выбора и действий и т. п. (Easterlin, 1995; Frey & Stutzer, 2002; Kahneman & Deaton, 2010; Martin et al., 2023). И эта область исследования затрагивает таких экономических агентов, как индивиды, а также крупные, средние, малые и микропредприятия.

Вклад субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП¹) в становление и развитие экономики государства является фундаментальным и общепризнанным. Тем не менее фактическое состояние сектора МСП, оцениваемое путем анализа таких статистических показателей, как доля МСП в ВВП, численность занятых в секторе, оборот предприятий и т. п., сильно отличается в разных странах. Так, в странах с высоким уровнем развития МСП вклад этого сектора в экономику составляет более 40–50 % (Германия – 46,6 %, Китай – 60 %, Италия – 62,9%). Появившиеся за последние годы в России институты, занимающиеся поддержкой МСП, а также нацпроекты, включающие меры по развитию предпринимательства, пока не смогли кардинально переломить ситуацию: вклад российских МСП в ВВП так и не превысил порог в 20–22 %. Это свидетельствует о том, что условия для ведения предпринимательской деятельности все эти годы были чаще затруднительными, чем благоприятными (ИКСИ, 2024).

Большинство исследований по проблематике малых и средних предприятий характеризуются следующими чертами: 1) базируются на традиционной концепции, где ключевой показатель – рост ВВП (в том числе рост вклада сегмента в ВВП), 2) представляют скорее мозаичный и одномерный взгляд на сектор МСП, так как охватывают, как правило, только одну из граней его состояния. Инерционность развития малого

¹ Здесь и далее в качестве синонимов будут использоваться такие словосочетания, как «малые и средние предприятия», «малое и среднее предпринимательство», «малые и средние фирмы», «малый и средний бизнес», «малые и средние компании». – Прим. Е. К.

и среднего предпринимательства в России в условиях современной экономики требует интегрального подхода, основанного на концепции благополучия и преодолевающего фрагментарность в исследованиях. Таким образом, цель данной статьи – проведение многомерной оценки сектора МСП на макроэкономическом уровне посредством исследования его благополучия. Автором поставлены следующие задачи: 1) осуществить теоретико-методологический анализ феномена «благополучия», 2) сформулировать авторское определение благополучия субъектов малого и среднего бизнеса, адаптированное к цели данного исследования, 3) разработать многокомпонентную модель изучаемого явления, выявив его ключевые составляющие, 4) провести апробацию модели посредством анализа ее компонентов с учетом актуальной макроэкономической ситуации в России.

Результаты исследования

Развитие концепции благополучия экономических агентов

В последние несколько десятилетий феномены благополучия и счастья стали одними из ключевых объектов эмпирических исследований в области экономики, социологии и психологии (Wilson, 1967; Diener, 1984; Easterlin, 1995; Селигман, 2013; Леонтьев, 2020; Скачкова и др., 2023 и др.). Закрепление этой тематики как актуальной области знаний подтверждается высокой активностью в академической среде (цитируемость публикаций), научным признанием (нобелевские премии по поведенческой экономике), появлением специализированных баз данных и профессиональных сообществ.

Концепция благополучия (от англ. *well-being*) вошла в сферу интересов ученых в середине XX в. (М. Аргайл, Р. Райан, К. Рифф и др.). Само понятие благополучия было введено в 1960-е гг. американским психологом М. Брэдберном, который определял его как баланс позитивных и негативных эмоций, достигаемых индивидом на протяжении его жизни (Bradburn, 1969). Нередко в научной литературе встречается также термин «субъективное благополучие». В работах Andrews и Withey (1976) и Diener (1984) упоминается, что благополучие имеет тройственную структуру с такими детерминантами, как удовлетворенность жизнью, негативное воздействие и позитивное воздействие. К. Рифф в работе (Ryff & Keyes, 1995) выделяет шесть основных компонентов благополучия: самопринятие, наличие целей в жизни, компетентность, личностный рост, позитивные отношения с другими, автономность. Немного позже в трудах Селигмана (2013) было введено более обобщенное представление конструкта благополучия, которое включает пять элементов: положительные эмоции, увлеченность, хорошие отношения с людьми, смысл и достижения. Современные исследователи определяют благополучие индивида как интегральную характеристику жизнедеятельности человека, формирующуюся в результате технологического развития общества, функционирования эффективных и справедливых социально-политических институтов и удовлетворения экзистенциальных потребностей личности (Anglim et al., 2020; Рубцова, Ленков, 2020).

Кроме того, в научном мире представлены исследования, посвященные взаимосвязи благополучия с другими понятиями. Так, взгляды на корреляцию благополучия и дохода разнятся. В ряде исследований, целью которых является межстрановое сравнение, отмечается, что люди, живущие в странах с высоким уровнем дохода, счастливее и благополучнее тех, кто проживает в бедных государствах. Другое мнение отражено в работах Easterlin (2001), Frey и Stutzer (2002): если на низком уровне экономического развития доход агента действительно предсказывает уровень его благополучия, то на несколько более высоком уровне стабильное материальное состояние оказывает довольно скромное влияние на исследуемое явление (так называемый парадокс Истерлина). Эмпирическим подтверждением данного вывода служит следующая ситуация: несмотря на четырехкратное увеличение реальных доходов на душу населения в большинстве развитых экономик за последние 50 лет, совокупный уровень благополучия остался практически неизменным (Helliwell & Putnam, 2004). Нобелевские лауреаты по экономике Д. Канеман и А. Дитон выдвинули тезис о том, что эмоциональное благополучие растет до того момента, пока уровень доходов не достигнет порогового значения в 75 тыс. долл. (Kahneman & Deaton, 2010). Luhmann с соавт. (2012) исследуют воздействие безработицы на уровень благополучия, Dominko с соавт. (2022) – влияние изучаемого понятия на потребительское поведение индивидов. Таким образом, проведенный анализ научных взглядов свидетельствует о том, что благополучие представляет собой многокомпонентный феномен, а его достижение является весьма сложным процессом.

Как правило, понятие благополучия связывают с индивидом, удовлетворением его потребностей и желаний, а также с его финансовым состоянием. Междисциплинарность и многомерность изучаемого понятия позволяют имплементировать его в сферу предпринимательства, распространив как на предприятие (микроуровень), так и на сектор МСП в целом (макроуровень). В качестве допущения в данной работе был принят тот факт, что в настоящее время в секторе МСП занято 27 млн человек, из которых больше половины – это самозанятые граждане и индивидуальные предприниматели. Если речь идет о субъектах малого и среднего бизнеса (особенно в случае с индивидуальными предпринимателями и самозанятыми), то зачастую подразумеваются 1–2 вовлеченных в деятельность сотрудника, включая собственника бизнеса, и в таком случае благополучие бизнеса тесно переплетено с благополучием учредителя, т. е. индивида. Таким образом, в данной работе благополучие субъектов МСП определяется как комплексный показатель, включающий в себя множество компонентов, дающий интегральную оценку состояния предприятий и отражающий результат взаимодействия предприятий с другими экономическими агентами в условиях развития достижений современной науки и функционирования справедливого государственного устройства. Вместе с тем содержательная составляющая данного феномена требует дальнейшего более глубокого исследования.

Модель благополучия экономических агентов

Благополучие предприятий сводится не только к оценке их успешности, выраженной показателями доходности в финансово-аналитической документации. Это понятие интегрирует в себя ряд иных нефинансовых, но не менее важных компонентов. Далее исследование будет опираться на подход, описанный в работе (Ryff & Keyes, 1995), где изложена теория о позитивном функционировании и благополучии личности, представлена шестифакторная модель, включающая детерминанты благополучия индивида и разработаны опросник и «Шкала психологического благополучия» для измерения исследуемого феномена. Выбор модели К. Рифф обусловлен ее признанием в научном сообществе, распространенностью в качестве инструмента исследования, а также адаптацией в работах российских ученых (Жуковская, Трошихина, 2011). Кроме того, в отличие от других методик (Diener et al., 1985; Lyubomirsky & Lepper, 1999 и др.), ограниченных монодисциплинарностью, ориентированных только на изучение индивида и имеющих эмоционально-аффективную основу, выбранная для адаптации методика предполагает междисциплинарный подход и количественно-измерительную направленность (Осин, Леонтьев, 2020). На основании вышесказанного автором была принята попытка построить модель благополучия для предприятий сектора малого и среднего бизнеса на макроуровне, определить ее компоненты, дополнив их новым детерминантом, актуальным для современной экономики, – «вовлеченность в процессы цифровизации» (табл. 1).

Таблица 1

Модель благополучия предприятий на микро- и макроуровнях
Table 1. Model of welfare of enterprises at micro- and macrolevels

Компонент / Component	Предприятие / Enterprise	Сектор МСП / Small and medium business sector
	Микроуровень / Microlevel	Макроуровень / Macrolevel
Оценка состояния и настроения / Assessment of conditions and attitudes	Ретроспективный анализ деятельности предприятия, оценка слабых и сильных сторон компании / Retrospective analysis of the company's activities, assessment of the company's weaknesses and strengths	Состояние и настроение в секторе МСП / Conditions and attitudes in the SME sector
Наличие целей / Presence of goals	Стратегические цели и задачи предприятия / Strategic goals and tasks of the company	Достижение сектором показателей по развитию согласно нацпроектам и прочим официальным документам / The sector's achievement of development indicators according to national projects and other official documents
Компетентность / Competence	Квалификация и компетентность персонала предприятия / Qualification and competence of the company's personnel	Наличие квалифицированных кадров в секторе / Availability of qualified personnel in the sector

Компонент / Component	Предприятие / Enterprise	Сектор МСП / Small and medium business sector
	Микроуровень / Microlevel	Макроуровень / Macrolevel
Перспективы роста / Growth prospects	Прогнозы и планы по развитию фирмы. Амбиции собственника и руководства / Forecasts and plans for the company development. Ambitions of the owner and management	Поддержка государством сектора / State support of the sector
Автономность / Autonomy	Независимость фирмы на рынке / The company's autonomy in the market	Степень контроля государства над сектором МСП, административное и налоговое давление / Degree of state control over the SME sector, administrative and tax pressure
Доверительные отношения с другими агентами / Trustful relations with other agents	Внутрифирменные и межфирменные связи, основанные на доверии / Intra-company and inter-company relationships based on trust	Уровень доверия к сектору МСП и уровень доверия предприятий сектора МСП к другим экономическим агентам / Level of trust to the SME sector and level of trust of enterprises in the SME sector towards other economic agents
Вовлеченность в процессы цифровизации / Involvement into digitalization processes	Внедрение цифровых продуктов и услуг в деятельность фирмы с учетом ее безопасности / Introduction of digital products and services into the company's activities, taking into account its security	Степень цифровизации бизнеса, уровень цифрового доверия / Degree of business digitalization, level of digital trust

Источник: дополнено и составлено автором на основе (Ryff & Keyes, 1995; Королева, 2024).

Source: complemented and compiled by the author based on (Ryff & Keyes, 1995; Koroleva, 2024).

Дальнейший этап исследования предполагает детальный анализ и оценку каждого компонента из табл. 1 с учетом актуальной макроэкономической ситуации в России, при условии доступности необходимых статистических и аналитических данных по изучаемой проблематике.

Оценка компонентов благополучия субъектов МСП

Для апробации предложенной модели благополучия субъектов МСП, включающей семь компонентов, необходимо проведение анализа каждого элемента. Это позволит получить интегральную оценку состояния сектора малого и среднего предпринимательства.

Оценка состояния и настроения бизнеса предполагает анализ показателей, отражающих развитие и настроение в секторе МСП. Современные исследования позволяют получить представление о макроуровневом самочувствии и настроении сектора МСП, а значит, косвенно отследить динамику общего состояния сектора. Интерес представляют показатели, рассчитываемые такими организациями, как «Опора России» совместно с «Промсвязьбанком» (индекс деловой активности малого и среднего бизнеса России *RSBI*), Фонд общественного мнения (Лонгитюд малого бизнеса), Аналитический центр НАФИ и Институт экономики роста им. П. А. Столыпина (разнообразные опросы предпринимателей), Росстат (число вновь созданных предприятий, динамика числа юридических лиц, ИП, самозанятых и т. п.), Федеральная налоговая служба (Единый реестр субъектов МСП) и др. Обратимся далее к некоторым из вышеупомянутых показателей для анализа актуального состояния российского сектора малого и среднего бизнеса.

Индекс деловой активности *RSBI* по итогам мая 2025 г. снизился до критической отметки в 50 пунктов впервые за 2,5 года (значение индекса ниже 50 пунктов означает нахождение показателя в отрицательной зоне), что говорит о постепенном переходе сектора МСП в стадию стагнации (рис. 1). Доля предприятий, получивших значительную прибыль, как и в последние четыре года, осталась неизменной и составила 10 %, в то время как доля убыточных компаний увеличилась с 5 до 8 %. И если в начале 2024 г. сегмент предприятий МСП находился в ожидании роста на фоне ушедших из страны зарубежных фирм, то с мая 2024 г. начался очевидный спад деловой активности. Возможными причинами спада стали следующие факторы: снижение продаж предприятий, сокращение потребительской активности, ограниченность банковских кредитов ввиду

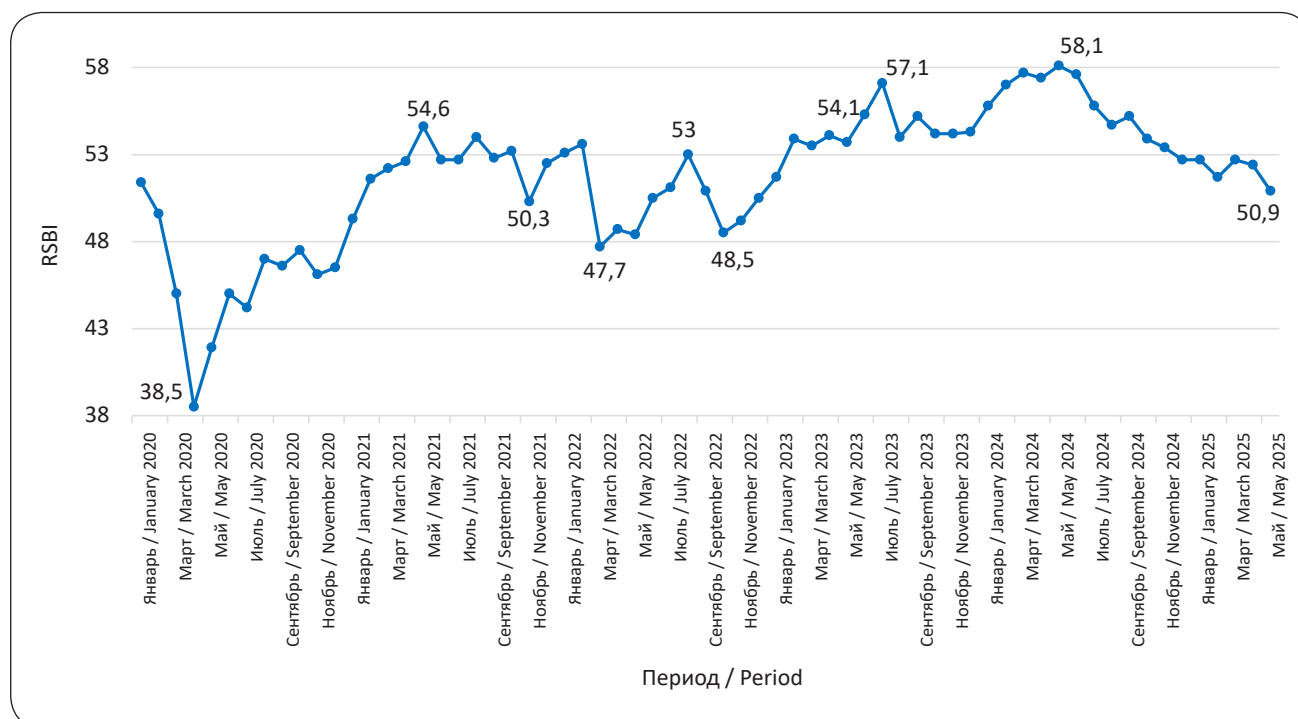

Рис. 1. Динамика индекса деловой активности малого и среднего бизнеса России RSBI за период январь 2020 г. – май 2025 г.

Источник: построено автором по данным Индекс RSBI деловой активности малого и среднего бизнеса. Результаты за май 2025 года. (2025, июнь). ПСБ. https://www.psbank.ru/qpstorage/psb/images/RSBI_may_2025.pdf

Fig. 1. Dynamics of the index of business activity of small and medium business of Russia (RSBI) in January 2020 – May 2025

Source: compiled by the author based on RSBI Index of Small and Medium-Sized Business Activity. (2025, June). PSBank. https://www.psbank.ru/qpstorage/psb/images/RSBI_may_2025.pdf

высокой ключевой ставки. В условиях дефицита финансирования предприниматели демонстрируют тенденцию к сокращению инвестиционных программ, направленных на расширение деятельности предприятий, а некоторые компании (около 10 % опрошенных) даже задумываются о сокращении персонала².

Деловые настроения, оцениваемые по динамике Индекса предпринимательской уверенности НИУ ВШЭ, в начале 2025 г. так же, как индекс RSBI, не демонстрируют оптимизм (Лола и др., 2025).

Еще один показатель, который косвенно характеризует веру предпринимателей в будущее и позитивные ожидания, – это число вновь созданных предприятий. Динамика этого индикатора за период 2016–2024 гг. крайне нестабильна (табл. 2). В период 2016–2019 гг. показатель оставался практически неизменным, а затем резко снизился в период пандемии коронавируса в 2020 г. Далее последовало некоторое оживление в предпринимательской среде, обусловленное мерами карантинной поддержки бизнеса, которые привели к тому, что в 2021–2022 гг. показатель вернулся к прежним допандемийным значениям. Затем в 2023 г. динамика числа вновь созданных компаний продемонстрировала значительный прирост, что, вероятнее всего, сопряжено со следующими обстоятельствами: увеличение численности страны за счет присоединения новых территорий (ДНР, ЛНР и др.), внедрение государственной политики импортозамещения, структурная перестройка экономики под воздействием санкционного давления. Однако полученный эффект оказался кратковременным, и уже в 2024 г. исследуемый показатель стал сокращаться. Следовательно, в последние годы вера предпринимателей в будущее демонстрирует значительную волатильность.

² Индекс RSBI деловой активности малого и среднего бизнеса. Результаты за май 2025 года. (2025, июнь). ПСБ. https://www.psbank.ru/qpstorage/psb/images/RSBI_may_2025.pdf

Динамика числа вновь созданных предприятий в России за период 2016–2024 гг.
Table 2. Dynamics of the number of newly formed enterprises in Russia in 2016–2024

Год / Year	Вновь созданные предприятия (юридические лица и индивидуальные предприниматели) / Newly formed enterprises (legal persons and individual entrepreneurs)	
	Ед. / Units	Темп прироста, в % к предыдущему периоду / Growth rate, % to the previous period
2016	1 090 081	–
2017	1 113 312	2
2018	1 133 926	2
2019	1 062 132	–6
2020	822 672	–23
2021	1 024 821	25
2022	1 019 054	–1
2023	1 197 648	18
2024	1 160 516	–3

Источник: составлено автором по данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства (ЕРСМП). (2025). <https://ofd.nalog.ru/>

Source: compiled by the author based on the Unified State Register of small and medium business entities. (2025). <https://ofd.nalog.ru/>

На настроение предпринимателей значимым образом также влияют риск наступления непредвиденных обстоятельств (79 % респондентов из числа опрошенных) и ограниченность финансовых средств и ошибки в работе персонала, которые нежелательным образом сказываются на клиентских взаимоотношениях (НАФИ, 2025). В целом мнения представителей МСП разделились: большая половина предпринимателей смотрят в ближайшее будущее с тревогой, меньшая – с уверенностью и оптимизмом. Среди самозанятых преобладают чуть более оптимистичные настроения – 57 % опрошенных уверены в будущем, а 43 % тревожатся о нем (Поникаровская, Цимбал, 2025).

Такой компонент благополучия, как *наличие целей*, подразумевает достижение сектором МСП целевых показателей, утвержденных национальными проектами на государственном уровне. В последние пять лет в отношении малого и среднего бизнеса действовал национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», который предполагал три основных целевых показателя для оценки успешности его реализации: численность занятых, доля вклада сектора в ВВП страны и доля экспорта в общем объеме несырьевого экспорта³. Далее приводится оценка этих индикаторов.

Во-первых, ожидалось увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства до 25 млн человек. По итогам 2024 г. этот показатель был перевыполнен и составил 27,1 млн человек. Текущая структура МСП выглядит следующим образом: около 12 млн – самозанятые, 12,3 млн человек заняты на предприятиях (юридические лица, далее – ЮЛ) и 2,7 млн человек работают у индивидуальных предпринимателей (далее – ИП). Статистические данные в табл. 3 позволяют заметить, что увеличение числа занятых в секторе МСП было обеспечено резким ростом численности самозанятых, в то время как количество сотрудников на предприятиях и ИП (без учета самозанятых) за последнее десятилетие так и не превысило суммарно 15 млн человек.

³ Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы: Национальный проект. (2025). <http://static.government.ru/media/files/uahTsGOc72APotuEQUjhoENhq1qYz4H.pdf>; Эффективная и конкурентная экономика: Национальный проект. (2025). <http://static.government.ru/media/files/A4FvpqQ9AAvxiMH3sCx65rwevstHnmLq.pdf>

Таблица 3

Занятые в секторе МСП за период 2016–2024 гг.
Table 3. Employed in the small and medium business sector in 2016–2024

Год / Year	Число занятых на субъектах МСП, человек / Number of people employed at SME, people			Количество самозанятых граждан, человек / Number of self-employed, people	Итого, занятые в секторе МСП / Total, employed in SME sector	
	ЮЛ / legal persons	ИП / individual entrepreneurs	всего (ЮЛ + ИП) / total (legal persons+ individual entrepreneurs)		человек / people	темп прироста, в % к предыдущему периоду / Growth rate, % to the previous period
2016	13 438 000	2 416 141	15 854 141	–	15 854 141	
2017	13 713 000	2 392 957	16 105 957	–	16 105 957	2
2018	13 445 000	2 428 092	15 873 092	–	15 873 092	–1
2019	12 871 000	2 450 550	15 321 550	–	15 321 550	–3
2020	12 922 000	2 569 467	15 491 467	–	15 491 467	1
2021	12 252 100	2 503 400	14 755 500	3 862 114	18 617 614	20
2022	12 265 600	2 701 135	14 966 735	6 561 475	21 528 210	16
2023	12 469 500	2 714 463	15 183 963	9 260 162	24 444 125	14
2024	12 355 160	2 709 961	15 065 121	12 128 009	27 193 130	11

Источник: построено автором по данным ЕРСМП. (2025). <https://ofd.nalog.ru/>

Source: compiled by the author based on the Unified State Register of small and medium business entities. (2025). <https://ofd.nalog.ru/>

Во-вторых, запланированный рост доли МСП в ВВП страны до 32,5 % (рис. 2) не реализовался. Начиная с 2018 г. вклад МСП в ВВП так и остается неизменным на уровне 20–22 % («стыдная» и «заколдованная» цифра по развитию МСП), в то время как в Китае данный индикатор составляет 60 %, в США – 45 %, в Турции – 54 %, в Германии – 52 %⁴.

Ожидаемое значение третьего индикатора, связанного с долей экспорта субъектов малого и среднего предпринимательства (включая индивидуальных предпринимателей) в общем объеме несырьевого экспорта, в размере 10 % достигнуто. При этом в странах с развитой экономикой этот показатель превышает 30 %.

С 2025 г. программа по поддержке МСП стала частью нового национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика», в рамках которого ввиду внутристрановой ограниченности трудовых ресурсов вопрос дальнейшего роста числа занятых в МСП стал вторичным, а первоочередная задача теперь состоит в повышении производительности труда на предприятиях малого и среднего бизнеса⁵.

Компетентность как важная составляющая благополучия сектора МСП предполагает наличие квалифицированного персонала в необходимом количестве и «качестве» для удовлетворения потребностей сектора малого и среднего бизнеса. Проблема дефицита кадров, которая зрела на протяжении многих лет, резко обострилась и стала едва ли не ключевым барьером в развитии современных предприятий (Ослон, 2024). Одной из фундаментальных причин этого дефицита является демографический провал 1990-х гг., его последствия наиболее ярко наблюдаются в текущее время (см., например, Жиромская, 2010; Рыбаковский, Фадеева, 2022). Пандемия и карантинные меры, СВО и мобилизация усугубили ситуацию в последние пять лет и стали при-

⁴ Чернышова, Е., Виноградова, Е. (2023, 26 мая). Греф назвал стыдной долю малого и среднего бизнеса в ВВП России. РБК. <https://www.rbc.ru/finances/26/05/2023/647076fa9a7947b349dae983>

⁵ Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы: Национальный проект. (2025). <http://static.government.ru/media/files/ualhTsGOc72APotuEQUjhoENhq1qYz4H.pdf>

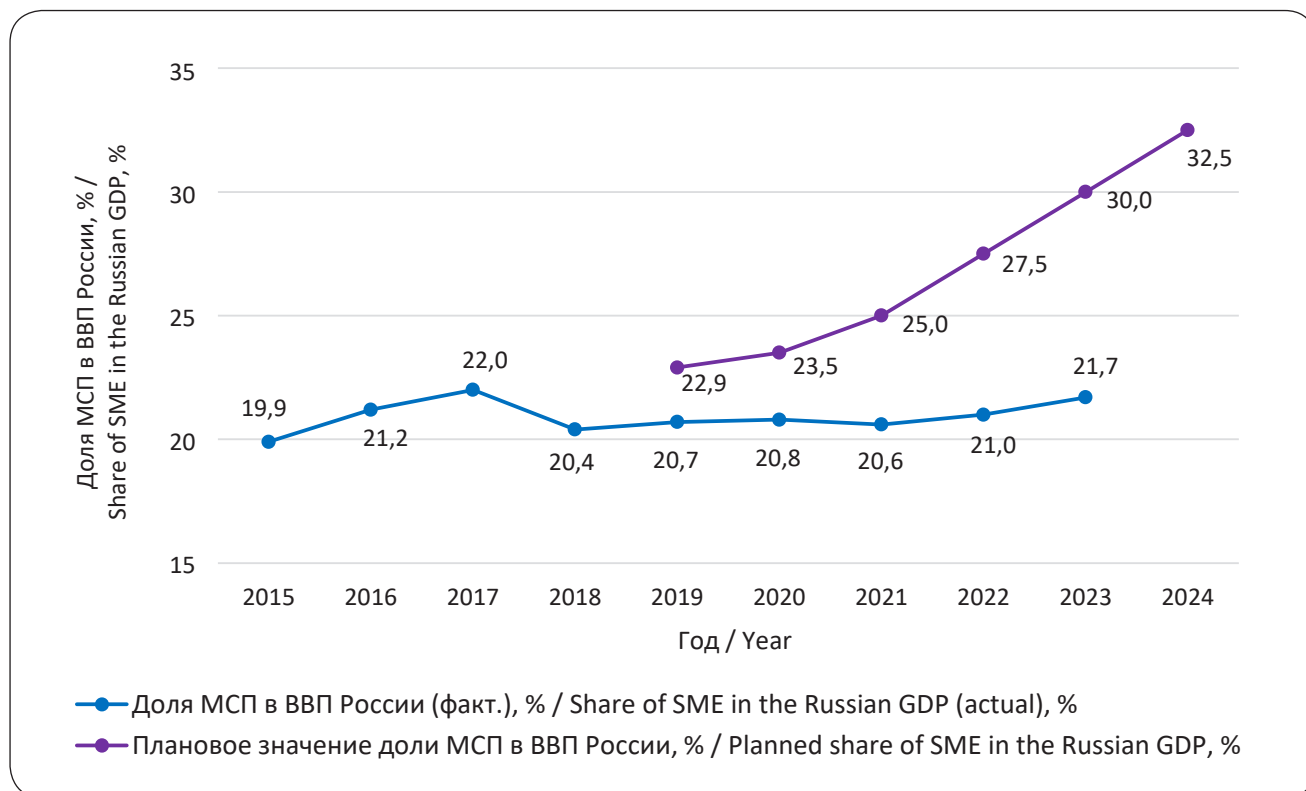

Рис. 2. Динамика доли вклада МСП в ВВП России за период 2015–2023 гг. (плановые и фактические значения)

Источник: построено автором по данным официального сайта Росстата (Росстат, 2024).

Fig. 2. Dynamic of the share of SME contribution into GDP of Russia in 2015–2023 (planned and actual values)

Source: compiled by the author based on the data of Rosstat official website (Rosstat, 2024).

чинами массового оттока кадров, который затронул не только крупные компании, но и предприятия малого и среднего бизнеса. Непосредственная оценка численности персонала, в котором нуждается сектор МСП, как правило, не представлена в открытых источниках, однако о нехватке квалифицированных кадров как об одном из серьезных барьеров на пути развития бизнеса, по разным оценкам, заявляют 30–50 % опрошенных предпринимателей из сектора МСП⁶.

В результате потери сотрудников предприниматели столкнулись с необходимостью замещения кадров и перераспределения нагрузки среди работников. На микропредприятиях, где задействовано небольшое число работников – не более 15 человек, – дополнительные обязанности легли очевидным образом в том числе и на плечи владельцев бизнеса. Кроме того, на рынке труда проявился дисбаланс: снижение уровня квалификации и мотивации соискателей рабочих мест сопровождается ростом запросов к размерам заработной платы и социальным условиям. Так, 21 % опрошенных работодателей из сектора МСП снижают требования к квалификации персонала, для того чтобы закрыть вакансии, а также более лояльно относятся к соискателям при проведении собеседований⁷. В целом сложилась ситуация, в которой компании вынуждены конкурировать за персонал, в то время как «качество» персонала снижается.

⁶ Агаркова, Л. (2023, 23 октября). «Роботы платё не сошьют»: где найти кадры для малого бизнеса. РБК+. <https://spb.plus.rbc.ru/news/6532714e7a8aa9d853be7bfa>; Главными проблемами малого и среднего бизнеса стали дефицит кадров и инфляция. (2025, 26 марта). Forbes.ru. <https://www.forbes.ru/franchises/533505-glavnymi-problemami-malogo-i-srednego-biznesa-stali-deficit-kadrov-i-inflacia>

⁷ Ефремова, С. (2024, 28 октября). Опрос: бизнесу остро не хватает инженеров и технологов. Российская газета, 249(9491). <https://rg.ru/2024/10/28/opros-biznesu-ostro-ne-hvataet-inzhenerov-i-tehnologov.html>

Наем мигрантов рассматривается как один из вариантов решения вопроса нехватки персонала, однако падение курса рубля и недавнее ужесточение требований к мигрантам сильно осложнили и этот путь решения кадрового вопроса⁸. Оценка данных миграционной обстановки затрудняется тем, что имеющаяся статистика в этой сфере крайне противоречива и не всегда объективна.

Разрешение кадровых трудностей в сфере малого и среднего бизнеса усугубляется дополнительными институциональными барьерами, так как при наличии на рынке труда большого числа работодателей отсутствуют какие-либо координирующие институты. Все это осложняет поиск кадров и коммуникации с потенциальными сотрудниками для замещения вакантных должностей в сфере малого и среднего бизнеса.

Перспективы роста сектора МСП как макроуровневый компонент благополучия учитывает планы государства по поддержке и развитию бизнеса. В рамках обновленной программы развития МСП «Эффективная и конкурентная экономика», принятой на 2025–2030 гг., намечено сокращение объемов финансирования малого и среднего бизнеса⁹ на 20 % по сравнению с предыдущей программой. И если во время пандемии коронавируса и после введения санкционных мер малым и средним предприятиям оказывалась усиленная поддержка, то теперь распределение бюджетных ресурсов будет происходить с учетом установленных приоритетных направлений развития экономики страны: обрабатывающие производства, ИТ-сфера, сфера гостиничного бизнеса и общественного питания, научная и техническая деятельность¹⁰.

Актуальные данные свидетельствуют о том, что за I квартал 2025 г. объем поддержки субъектов МСП и самозанятых уже сократился на 43,4 %. И если в I квартале 2024 г. доля МСП и самозанятых, получивших финансовую поддержку, составила 0,3 %, то за I квартал 2025 г. этот показатель снизился до 0,2 % (Мисихина, 2025).

Кроме того, произошла переориентация в оценке эффективности деятельности МСП с количественных (например, численность занятых в секторе) на качественные показатели. Так, к 2030 г. ожидается реальный прирост дохода на одного работника субъекта малого и среднего предпринимательства в размере 28,1 %¹¹. Для достижения этой цели перед МСП ставятся задачи по росту производительности труда, участию в достижении технологического суверенитета, а также активной интеграции цифровых решений в свою деятельность.

Предприниматели имеют свой взгляд на перспективы роста их компаний. Общей тенденцией последних двух лет является ухудшение состояния предприятий из сектора МСП: все больше представителей предпринимательского сообщества вынуждены переориентироваться с долгосрочных стратегий развития на поддержание базовой жизнеспособности. В последние два года планы компаний консервативные, преобладают стратегии сохранения либо даже выживания, и в 2024 г. доля тех, кто ориентирован на выживание, стала расти.

Автономность как еще один компонент благополучия предприятий предполагает анализ степени контроля государства над бизнесом, выражающегося в интенсивности административного и налогового давления на сектор МСП.

Минимизация административной нагрузки является одной из распространенных мер государственной политики разных стран, направленной на стимулирование предпринимательской деятельности (например, OECD, 2019; European commission, 2007; Алехнович, Анучин, 2021). Для оценки этого явления в России с 2019 г. производится расчет Индекса административного давления, определяемый по итогам деятельности девяти ведомств, на долю которых приходится наибольшее количество проверок: Роспотребнадзор, Ростехнадзор, Россельхознадзор, Росприроднадзор, Роструд, МЧС, Росздравнадзор, Ространснадзор и ФНС России. Динамика данного индекса характеризуется неоднозначностью. С одной стороны, отмечается положительная тенденция, выраженная в снижении числа проверок предприятий¹². С другой – проблему

⁸ О взаимодействии бизнеса с государством: Результаты опроса (2024). Институт экономики роста им. П. А. Столыпина. https://stolypin.institute/storage/app/media/_ДЕКАБРЬ_2024.pdf

⁹ Эффективная и конкурентная экономика: Национальный проект. (2025). <http://static.government.ru/media/files/A4FvpqQ9AAvxiMH3sCx65rwevstHnmLq.pdf>

¹⁰ Александр Новак: сектор предпринимательства максимально быстро адаптируется к новым вызовам. (2025, 18 июня). Официальный сайт Министерства экономического развития. https://www.economy.gov.ru/material/news/aleksandr_novak_sektor_predprinimatelstva_maksimalno_bystro_adaptiruetsya_k_novym_vyzovam.html

¹¹ Национальные проекты России. (2025). <http://static.government.ru/media/files/A4FvpqQ9AAvxiMH3sCx65rwevstHnmLq.pdf>

¹² Индекс «Административное давление» (2023). Приложение к докладу Президенту Российской Федерации. <https://ppt-online.org/1339821>

административной нагрузки на бизнес нельзя назвать решенной, так как за декларируемым снижением административного прессинга последовал ряд негативных процессов в виде усиления налогового контроля, подмены деятельности контрольно-надзорных органов правоохранительными практиками (в форме возбуждения уголовных дел), а также расширения функционала государственных автоматизированных систем, приводящее к их дублированию. Кроме того, сохраняется неравенство в мерах ответственности за правонарушения между представителями бизнес-среды и сотрудниками контрольно-надзорных органов. В 86 % ситуаций предприниматели получали наказание по административным нарушениям в виде штрафа, в то время как в случае с должностными лицами этот показатель составлял всего лишь 9 %. В остальных ситуациях наказание должностных лиц ограничивалось предупреждениями. Таким образом, статистика за период 2013–2022 гг.¹³ свидетельствует об усугублении дисбаланса с явным смещением нагрузки на предпринимательское сообщество.

Уровень налоговой нагрузки на субъекты МСП оценивается как достаточно высокий. Существующие специальные налоговые режимы, которые были внедрены для снятия излишней фискальной нагрузки на малый и средний бизнес, не формируют адекватных институциональных условий для развития предпринимательства, а лишь дестабилизируют деловой климат (ИКСИ, 2024). Дело в том, что эти режимы больше подходят микропредприятиям, в то время как налоговая нагрузка малых и средних компаний практически полностью соответствует общей системе налогообложения, которую применяет крупный бизнес, поэтому часть субъектов МСП прибегает к теневым схемам (например, сокрытие доходов, выплаты заработной платы «в конверте», оптимизация в виде дробления бизнеса и др.), которые стали адаптационным механизмом выживания в современных экономических условиях.

Ужесточение фискальной политики, нацеленной на повышение собираемости налоговых сборов, приводит к следующим последствиям: с одной стороны, все больше предпринимателей выбирают «тень», и в таком случае для них естественным образом возрастают риски, связанные с применением теневых схем по налоговой оптимизации; с другой – происходит общее ухудшение условий ведения бизнеса, так как вводимые меры затрагивают налогоплательщиков всех четырех основных моделей поведения: «честный налогоплательщик», «налоговый дистрофик», «налоговый тубик», «теневой неплательщик» (подробнее см. (Егорова, Хромов, 2005)). Учитывая особенности ведения предпринимательской деятельности в России, еще одним косвенным индикатором автономности субъектов МСП может быть уровень теневизации экономики. По оценкам российских и международных исследований, теневая экономическая активность в нашей стране является существенной. Данные об объемах российской теневой экономики исчисляются различными показателями и сильно разнятся от источника к источнику. Например, по данным Института комплексных стратегических исследований, доля теневой экономики составляет около 30–40 % от ВВП (ИКСИ, 2024).

В ближайшее время со стороны государства планируется ряд изменений в налоговой сфере, которые повлияют и на субъекты сектора МСП. Во-первых, Министерство финансов РФ разработало проект по повышению ставки НДС с 20 до 22 % с 1 января 2026 г. Во-вторых, планируется пересмотр тарифов страховых взносов, в рамках которого пониженные тарифы будут доступны только предприятиям, занимающимся приоритетными видами деятельности. В-третьих, ожидается снижение порога годового дохода компаний, свыше которого возникает необходимость по уплате НДС – с 60 до 10 млн рублей¹⁴. Эти изменения очевидным образом приведут к росту налоговой нагрузки на сектор малого и среднего бизнеса, ухудшению делового климата и поиску предпринимателями новых способов оптимизации налогооблагаемой базы.

Доверительные и партнерские отношения считаются фундаментом эффективного взаимодействия экономических агентов, а доверие – ключевым фактором многих экономических и социальных результатов, к которым в том числе относится и благополучие населения и предприятий (Arrow, 1972; Фукуяма, 2004; Стиглиц, 2005; Мильнер, 1997; Клейнер, 1999; Дементьев, 2004 и др.). В условиях дефицита доверия возрастают транзакционные издержки предприятий, увеличиваются организационные риски, затягиваются процессы принятия решений, осложняется сотрудничество.

¹³ Там же.

¹⁴ Алексеевских, А. (2025, 24 сентября). Для усиления защиты и обороны. Минфин объявил о новых налоговых изменениях. Газета. ру. <https://www.gazeta.ru/business/2025/09/24/21748022.shtml>

Россию называют «страной недоверия» из-за того, что в последние нескольких десятилетий здесь наблюдается низкий уровень доверия. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), три четверти российских граждан считают, что при взаимодействии с другими людьми «нужно соблюдать осторожность»¹⁵ (Крюков, 2024). Среднеевропейский уровень доверия, согласно индексу *World Value Survey (WVS)*, составляет около 40 %, в то время как в России – всего 22,9 %¹⁶.

Надо отметить, что отношение россиян к предпринимательству в целом оценивается как позитивное (НАФИ, 2024, 14 мая), при этом около 75 % респондентов уверены в том, что в России трудно открывать и вести свой бизнес, а опыт предпринимательской деятельности имеется всего у 14 % граждан (Клейнер, 2023). По сравнению с другими странами в России отмечен наиболее низкий уровень доверия к бизнесу – 34–35 % при общестрановом показателе агентства *Edelman* в размере 59–61 %¹⁷.

Важной составляющей развития любого бизнеса выступают финансовые ресурсы, за которыми нередко обращаются в банковские организации. Уровень доверия между предприятиями и банками может быть оценен посредством анализа косвенных показателей. Например, до 2017 г. уровень доверия предпринимателей банковским организациям оценивался отдельно на основе опросов НАФИ, затем появился Индекс Опоры *RSBI*, в котором одной из составляющих является показатель доли отказов в кредитах. В 2023 г. доля отказов МСП в банковском кредитовании впервые за последние два года превысила отметку 40 % и только 8 % предприятий имели доступ к кредитным ресурсам¹⁸. И тот и другой показатель фиксируют наличие негативной тенденции в отношениях между МСП и банками (рис. 3).

В целом определение уровня доверительности между экономическими агентами доверия осложняется спецификой понятия доверия (субъективность, многогранность и т. п.) и неполнотой данных. Имеющиеся методики оценки, как правило, подразделяются на опросно-социологические и статистические. Большинство методик построены на опросах. Однако индикаторы, рассчитываемые такими международными организациями, как *Edelman Trust Barometer*, с 2023 г. более недоступны, потому что Россия исключена из числа опрошенных агентством *Edelman*, а волны исследований *World Value Survey (WVS)*, или Всемирный обзор ценностей) не всегда включают полный перечень стран. В разное время российские организации начинали проекты по оценке доверия к бизнесу (Альфа-Банк, НАФИ, НИУ ВШЭ, МСП Банк и т. п.), однако, как правило, длительность таких проектов не более 2–4 лет либо информация представлена в достаточно своеобразном формате, который неудобен для анализа. Фонд «Общественное мнение» ежегодно оценивает уровень межличностного доверия среди россиян, однако данные за период 2020–2022 гг. отсутствуют, а доверие к бизнесу не анализируется данной организацией. ВЦИОМ – старейший российский исследовательский центр – оценивает доверие/недоверие политикам и общественным институтам, но имеются пробелы во временных рядах.

Реактивные скорости информационных потоков побуждают рассмотреть вопрос доверия предприятий таким институтам, как СМИ. Текущий уровень доверия предпринимателей к этому институту может быть охарактеризован как средний. Самый распространенный источник бизнес-новостей для предпринимателей – Интернет (83 % опрошенных). Наибольшим доверием у представителей бизнес-среды пользуются сайты «Яндекс», РБК, а также ТАСС, «Ведомости», «Коммерсантъ», Яндекс.Дзен и Lenta.ru. Меньше всего доверия вызывают блогеры, транслирующие бизнес-новости. Половина опрошенных руководителей российских МСП используют мессенджер *Telegram* для получения новостей¹⁹.

¹⁵ Крюков, В. (2024, 21 августа). 73 % россиян не готовы доверять окружающим. *Ведомости*. https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/08/21/1056952-ne-gotovi-doveryat-okruzhayuschim?from=copy_text

¹⁶ WVS. (2022). *World Values Survey Wave 7 (2017–2022)*. v4.0. <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>

¹⁷ Edelman. (2022). *Edelman Trust Barometer. Global Reports*. <https://www.edelman.com/trust/trust-barometer>

¹⁸ Чернышова, Е., Виноградова, Е. (2023, 26 мая). Греф назвал стыдной долю малого и среднего бизнеса в ВВП России. РБК. <https://www.rbc.ru/finances/26/05/2023/647076fa9a7947b349dae983>

¹⁹ ТАСС вошел в топ-3 СМИ, которым доверяют предприниматели в России. (2021, 10 августа). ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/12095421>

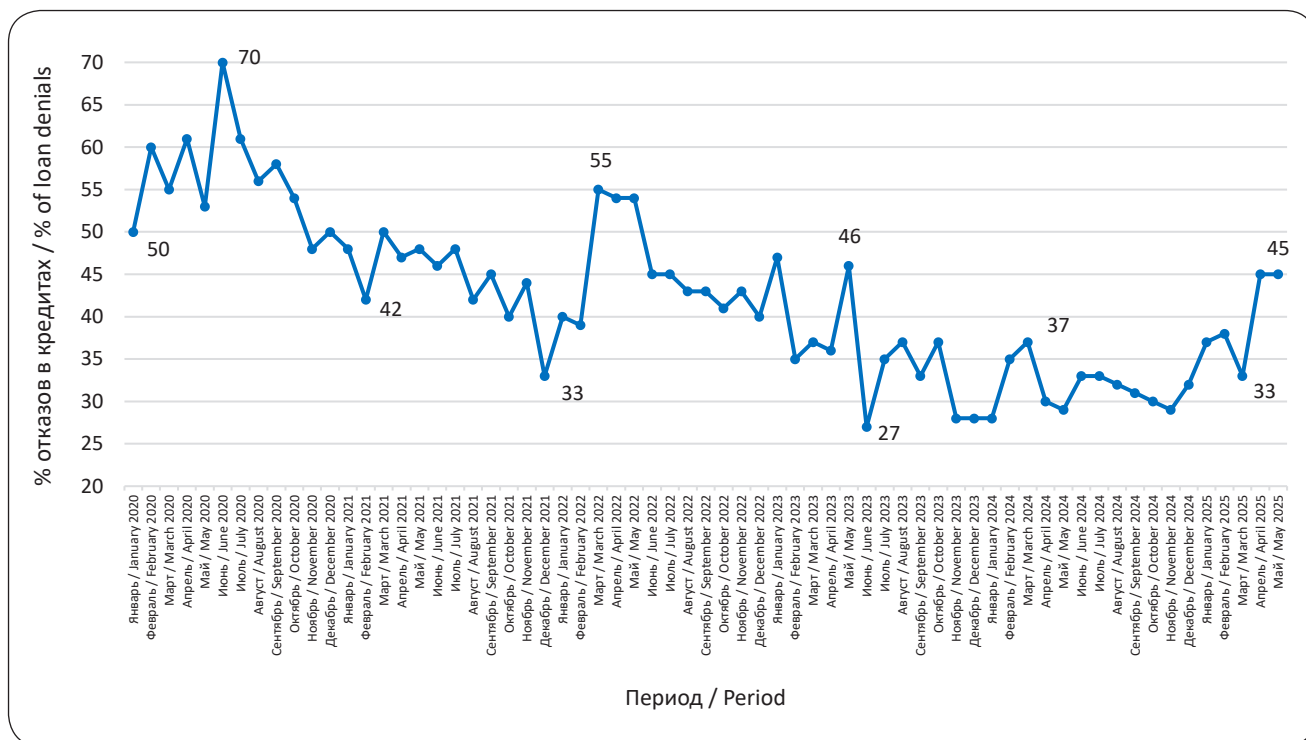

Рис. 3. Доля отказов в кредитах предпринимателей в общем числе заявок, %

Источник: составлено автором по данным Russia Small Business Index. (2025). ПСБ. <https://www.psbank.ru/Business/RSBI>

Fig. 3. Share of loan denials to entrepreneurs in the total number of applications, %

Source: compiled by the author based on the data данным Russia Small Business Index. (2025). PSBank. <https://www.psbank.ru/Business/RSBI>

Еще один детерминант благополучия предприятий, сформировавшийся в современных условиях, – это вовлеченность в процессы цифровизации, которая предполагает цифровое взаимодействие компаний с другими экономическими агентами и связанное с ним цифровое доверие, под которым понимается доверие к цифровым технологиям, платформам и цифровым институтам (Нурмухаметов, Торин, 2020). Оно определяет степень готовности предприятий принять и использовать в своей деятельности новые цифровые технологии.

Повышение степени прозрачности и легальности в секторе МСП оценивается только третью предпринимателей как благоприятное последствие внедрения цифровых инструментов в деятельность компаний. Около половины предпринимателей считает цифровой риск «очень высоким», 90 % предпринимателей сталкивались с утечкой их личных данных в сети Интернет (Веселов, Скворцов, 2023), поэтому обеспокоенность по поводу сбоев в работе IT-систем, кибербезопасности, защиты данных и конфиденциальности растет (Нурмухаметов, Торин, 2020). Интенсификация процессов цифровизации приводит к расширению масштабов и увеличению разнообразия мошеннических схем: в 2023 г. доля тех, кто сталкивался с попытками мошенничества, увеличилась на 9 п. п. и составила 91 % (НАФИ, 2022), число схем на одного жителя выросло до 4 ед.

Около 60 % предпринимателей придерживаются идеи о «цифровом рабстве», тотальном контроле за деятельностью населения и предприятий, а также электронно-банковском концлагере (Овчинников, 2018). Вместе с тем почти половина представителей российского МСП оценивают инструменты на базе искусственного интеллекта и нейросетей как полезные (НАФИ, 2024, 20 мая), однако его использование оказывает непосредственное влияние на создание и распространение недостоверных или фейковых новостей. В 2022 г. их число увеличилось по сравнению с предыдущим годом в 6 раз – до 9 млн сообщений (Чемоданова, 2023). Таким образом, можно констатировать невысокую вовлеченность субъектов МСП в процессы цифровизации, так как этот процесс отличается относительной новизной, а также сдержанной и экономически рациональной позицией представителей бизнеса.

Заключение

Экономическая парадигма, существовавшая на протяжении длительного времени на базе *homo economicus*, доказала свою деструктивность как для социального благополучия, так и для экономической устойчивости, поэтому в последние годы произошел разворот в сторону «экономики благополучия», в которой важны не только доход, но и прочие нефинансовые индикаторы (счастье и удовлетворенность жизнью, доверие и партнерство, деловые настроения и свобода выбора, компетентность и профессиональное развитие и т. п.).

Феномен благополучия, обладающий междисциплинарным и комплексным характером, основывается на идее о процветании экономических агентов, что обуславливает необходимость его приумножения (Селигман, 2013). Достижение благополучия, а значит, и процветания представляет собой важный стратегический вопрос для нашей страны, которая в последние годы находится в сложных внешнеполитических и экономических обстоятельствах. Для субъектов МСП данная задача приобретает особое значение, так как происходит смещение приоритетов государственной поддержки на другие направления экономики, а эффективность ранее применявшихся мер весьма спорная.

Разработанная в работе модель благополучия субъектов МСП, включающая семь компонентов, допускает иной взгляд на состояние исследуемого сектора экономики, так как позволяет получить комплексную оценку его текущего состояния. Однако предложенный подход в силу объективных факторов обладает некоторой ограниченностью: зависимость от данных опросно-социологических исследований, а также невозможность полной количественной оценки всех компонентов ввиду отсутствия необходимой качественной статистической информации по малым и средним предприятиям. Проблему усугубляет краткосрочный характер большинства исследовательских проектов по данной тематике.

В ходе апробации предложенной модели был проведен анализ каждого компонента и сделаны следующие выводы: программно-целевые показатели развития сектора МСП (число занятых и доля в несырьевом экспорте) достигнуты, при этом величина вклада МСП в ВВП так и остается неизменной; наблюдается дефицит кадров и несоответствие уровня их компетенций текущему спросу предприятий; настроения и ожидания в бизнес-среде не демонстрируют оптимизм; заявленное снижение административного давления является скорее декларативным; уровень налоговой нагрузки повышен и в ближайшей перспективе вырастет еще больше; объемы государственной поддержки сокращаются, так как происходит смена ее приоритетов. Уровень доверия между МСП и банками находится на невысоком уровне, а доверие предпринимателей к СМИ компенсируется высоким цифровым риском. По данным опросов, отношение населения к малому и среднему бизнесу является позитивным, однако, учитывая, что больше половины субъектов МСП – это физические лица (самозанятые и ИП с небольшим числом занятых), то в этом вопросе скорее применимы данные по общественному доверию, а их значения в последние десятилетия в России низкие. Воздействие обозначенных неблагоприятных факторов усугубляет негативный кумулятивный эффект и затрудняет достижение благополучия субъектов сектора малого и среднего бизнеса.

Благополучие предприятий из сегмента МСП – не просто достижение ключевых показателей, зафиксированных в национальных проектах по развитию экономики. Структура данного понятия в целом включает равнозначные по степени влияния компоненты, не подлежащие ранжированию: квалифицированные и компетентные кадровые ресурсы; благоприятный деловой климат с комфортной налоговой и административной нагрузкой; доверительные отношения с населением, бизнесом, финансовыми, государственными и прочими значимыми для предпринимательства институтами; эффективные меры государственной поддержки; оптимистичный настрой в бизнес-среде и достаточная степень цифрового доверия. Однако наличие двух компонентов предположительно может иметь все же более значимый вес по сравнению с другими – наличие персонала и отсутствие долговой нагрузки (Казун, 2025). Тем не менее достижение истинного благополучия субъектов МСП, представляющего собой интегральный показатель, может быть реализовано при сбалансированном развитии всех его компонентов.

Список литературы

- Алехнович, А. О., Анучин Л. Л. (2021). Оценка и корректировка правоприменительной практики контрольных и надзорных органов: индекс административного давления. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1, 7–29. EDN: ONNIEХ
- Веселов, Ю. В., Скворцов, Н. Г. (2023). Трансформация культуры доверия в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1(173), 157–179. EDN: BGVQNQ. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2212
- Дементьев, В. Е. (2004). Доверие – фактор функционирования и развития современной рыночной экономики. *Российский экономический журнал*, 8, 46–65. EDN: PGKUKN
- Егорова, Н. Е., Хромов, И. Е. (2005). Модели и методы выбора схемы налогообложения при обосновании стратегии развития малого предприятия. *Аудит и финансовый анализ*, 3, 25–80. EDN: KXXAJJ
- Жиромская, В. Б. (2010). Проблемы демографического развития России в XX веке. *Труды Института российской истории РАН*, 9, 285–310. EDN: RWGUNL
- Жуковская, Л. В., Трошихина, Е. Г. (2011). Шкала психологического благополучия К. Рифф. *Психологический журнал*, 32(2), 82–93. EDN: NTJYQD
- ИКСИ. (2024). *Малый и средний бизнес в новых условиях: проблемы и меры, необходимые для развития*. Институт комплексных стратегических исследований. [https://icss.ru/images/macro/20240205_ИКСИ%20МСП%20\(6\).pdf](https://icss.ru/images/macro/20240205_ИКСИ%20МСП%20(6).pdf)
- Казун, А. П. (2025). С командой и без долгов: факторы выживаемости малого бизнеса в России в 2021–2023 гг. *Вопросы экономики*, 5, 83–110. EDN: IPARJJ. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-5-83-110
- Клейнер, Г. Б. (1999). Экономика России и кризис взаимных ожиданий. *Общественные науки и современность*, 12, 5–19. EDN: VUPJSV
- Клейнер, Г. Б. (ред.) (2023). *Системно-ориентированное моделирование реального сектора российской мезоэкономики*: монография. Москва: Научная библиотека.
- Королева, Е. А. (2024). О взаимосвязи доверия и цифрового благополучия в современной экономике. *Экономика и предпринимательство*, 11, 1354–1359. EDN: GDEGAD. DOI: 10.34925/EIP.2024.172.11.243
- Леонтьев, Д. А. (2020). Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1(155), 14–37. EDN: TBBDGH. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02
- Лола, И. С., Асосков, Д. Г., Усов, Н. А. (2025). *Композитные индикаторы деловой активности: текущие и прогнозные траектории*. Москва: НИУ ВШЭ.
- Мильнер, Б. З. (1997). Фактор доверия при проведении экономических реформ. *Вопросы экономики*, 11, 27–38.
- Мисихина, С. (2025, 24 июня). *Комментарии о государстве и бизнесе № 529*. Институциональная среда. Поддержка субъектов МСП и самозанятых в первом квартале 2025 г. Центр развития ВШЭ. https://dcenter.hse.ru/data/2025/06/25/1990279644/KGB_529_институты_МСП_Chart.pdf
- НАФИ. (2024, 20 мая). *Каждый третий представитель МСП использует искусственный интеллект в работе*. Аналитический центр НАФИ. <https://nafi.ru/analytics/kazhdyy-tretyy-predstavitel-msp-ispolzuet-iskusstvennyy-intellekt-v-rabote/>
- НАФИ (2025, 28 марта). *Инвестиции в персонал и финансовая подушка безопасности – главные антикризисные меры российского бизнеса*. Аналитический центр НАФИ. <https://nafi.ru/analytics/itogi-2024-goda-chto-predprinimateli-znayut-o-natsionalnykh-proektakh/>
- НАФИ. (2022, 14 октября). *82% россиян сталкивались с попытками мошенничества*. Аналитический центр НАФИ. <https://nafi.ru/analytics/82-rossiyan-stalkivalis-s-popytkami-moshennichestva/>
- НАФИ. (2024, 14 мая). *Исследование НАФИ, «Деловой России» и ОП РФ «Доверяет ли общество российскому бизнесу»*. Аналитический центр НАФИ. <https://nafi.ru/analytics/doveryaet-li-obshchestvo-rossiyskomu-biznesu-issledovanie-nafi-delovoy-rossii-i-op-rf/>
- Нурмухаметов, Р. К., Торин, С. С. (2020). Цифровое доверие (digital trust): сущность и меры по его повышению. *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки*, 1, 32–38. EDN: IDNRCS
- Овчинников, А. И. (2018). Тенденции развития права в условиях нового технологического уклада. *Философия права*, 3(86), 26–32. EDN: YBQLZJ
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1(155), 117–142. EDN: FLYPFH. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06
- Ослон, А. А. (2024). *Социология малого бизнеса. Малый бизнес: жизнь продолжается. Травмы, трансформации и обретения после февраля 2022 года*. Москва: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Поникаровская, А., Цимбал, М. (2025). *Десятая волна ПРИМа: ситуация у самозанятых в I квартале 2025 года*. Исследовательско-коммуникационный ФОМ-Проект СМБиз. <https://smbiz.fom.ru/post/desyataya-volna-prima-situaciya-u-samozanyatyh-v-i-kvartale-2025-goda>
- Родионова, Н. В., Гусев, Н. О. (2024). Роль науки в битве «homo economicus» с «homo ethicus» за ценности сообществ в системах управления. *Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*. Серия: Экономические науки, 3(41), 179–191. EDN: SNEWTO

- Росстат. (2024). *Малое и среднее предпринимательство в России*: стат. сб. Москва.
- Рубцова, Н. Е., Леньков, С. Л. (2020). Психологическое благополучие в проекции цифровой социализации. *Психология человека в образовании*, 2(2), 143–149. EDN: BTFFYQ. DOI: 10.33910/2686-9527-2020-2-2-143-149
- Рыбаковский, О. Л., Фадеева, Т. А. (2022). Структурные демографические волны регионов России: предварительный анализ. *Уровень жизни населения регионов России*, 18(4), 425–438. EDN: XQZEPQ. DOI: 10.19181/Ispr.2022.18.4.1
- Селигман, М. (2013). *Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия* (пер. с англ. Е. Межевич, С. Филина). Москва: Манн, Иванов и Фербер.
- Скачкова, Л. С., Герасимова, О. Я., Кривошеева-Медянцева, Д. Д., Яковлева, Е. А. (2023). Экономика счастья: исследование об исследованиях. *Journal of Institutional Studies*, 15(3), 125–146. EDN: HPVWUD. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.3. 125-146
- Стиглиц, Дж. Ю. (2005). *Ревущие девяностые. Семена развала*. Москва: Современная экономика и право. EDN: OZGJWH
- Фукуяма, Ф. (2004). *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. Москва: АСТ: ЗАО НПП «Ермак».
- Чемоданова, А. А. (2023). Фактчекинг как прием в условиях информационной войны. В сб. *Новые тренды журналистики и медиакommunikаций – 2023*: сб. научных статей II Международной научно-практической конференции, Москва, 14 апреля 2023 г. (с. 44–48). Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
- Andrews, F. M., & Whitey, S. S. (1976). *Social Indicators of Well-Being. Americans' Perceptions of Life Quality*. New York: Plenum Press. <https://doi.org/10.1007/978-1-4684-2253-5>
- Anglim, J., Horwood, S., Smillie, L. D. et al. (2020). Predicting psychological and subjective well-being from personality: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 146(4), 279–323. EDN: UOJDEK. DOI: 10.1037/bul0000226
- Arrow, K. J. (1972). Gifts and Exchanges. *Philosophy & Public Affairs*, 1(4), 343–362.
- Bradburn, N. (1969). *The Structure of Psychological well-being*. Chicago: Aldine Pub. Co.
- Diener, E. (1984). Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>
- Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13
- Dominko, M., & Verbič, M. (2022). The effect of subjective well-being on consumption behavior. *Journal of Consumer Affairs*, 56(2), 876–898.
- Drucker, P. (1939). *The End of Economic Man: A Study of the New Totalitarianism*. New York: John Day Co.
- Easterlin, R. (2001). Income and happiness: Towards a unified theory. *The Economic Journal*, 111(473), 465–484. EDN: DYFTFV
- Easterlin, R. A. (1995). Will raising the incomes of all increase the happiness of all? *Journal of Economic Behavior & Organization*, 27(1), 35–47. [https://doi.org/10.1016/0167-2681\(95\)00003-B](https://doi.org/10.1016/0167-2681(95)00003-B)
- European Commission. (2007). *Report of the Expert Group: Models to Reduce the Disproportionate Regulatory Burden on SMEs. European Commission, Enterprise and Industry Directorate General*. <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/2265/attachments/1/translations/en/renditions/native>
- Frey, B. S., Stutzer, A. (2002). What Can Economists Learn from Happiness Research? *Journal of Economic Literature*, 40(2), 402–435.
- Helliwell, J. F., & Putnam, R. D. (2004). The social context of well-being. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*, 359(1449), 1435–1446.
- Kahneman, D., & Deaton, A. (2010). High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107, 16489–16493. <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1011492107>
- Luhmann, M., Hofman, W., Eid, M., & Lucas, R. E. (2012). Subjective Well-Being and Adaptation to Life Events: A Meta-Analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 102(3), 592–615.
- Lyubomirsky, S., & Lepper, H. S. (1999). Measure of Subjective Happiness: Preliminary Reliability and Construct Validation. *Social Indicators Research*, 46(2), 137–155. EDN: AHEYVN. DOI: 10.1023/a:1006824100041
- Marsden, D. (1986). *The End of Economic Man? Custom and Competition in Labour Markets*. Brighton: Wheatsheaf Books.
- Martin, J., Hüng, T. H., Baccarani, C., & Testa, F. (2023). The Wellbeing Enterprise for Sustainability: Theory, Tenets, Testing. In M. V. Ciasullo, J. Martin, & F. Brunetti (Eds.), *Embracing Sustainability Management Through Excellence in Services*. EISIC 2023. Springer Proceedings in Business and Economics. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-65115-1_1
- OECD. (2019). Strengthening SMEs and Entrepreneurship for Productivity and Inclusive Growth: OECD 2018. *Ministerial Conference on SMEs, OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship*. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/c19b6f97-en>
- Persky, J. (1995). Retrospectives: The Ethology of Homo Economicus. *The Journal of Economic Perspectives*, 9(2), 221–231.
- Ryff, C. D., & Keyes, C. L. (1995). The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(4), 719–727. EDN: HITMHB
- Wilson, W. R. (1967) Correlates of Avowed Happiness. *Psychological Bulletin*, 67(4), 294–306. <https://doi.org/10.1037/h0024431>

References

- Alekhnovich, A. O., & Anuchin, L. L. (2021). Evaluation and Adjustment of the Law Enforcement Practice of State Control and Supervision Bodies: Administrative Pressure Index. *Public Administration Issues*, 1, 7–29. (In Russ.).
- Andrews, F. M., & Whitey, S. S. (1976). *Social Indicators of Well-Being. Americans' Perceptions of Life Quality*. New York: Plenum Press. <https://doi.org/10.1007/978-1-4684-2253-5>
- Anglim, J., Horwood, S., Smillie, L. D. et al. (2020). Predicting psychological and subjective well-being from personality: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 146(4), 279–323. <https://doi.org/10.1037/bul0000226>
- Arrow, K. J. (1972). Gifts and Exchanges. *Philosophy & Public Affairs*, 1(4), 343–362.
- Bradburn, N. (1969). *The Structure of Psychological well-being*. Chicago: Aldine Pub. Co.
- Chemodanova, A. A. (2023). Fact checking as a technique during an information war. In *New trends of journalism and media communications – 2023: collection of scientific articles of the 2nd International scientific-practical conference, Moscow, April 14, 2023 (pp. 44–48)*. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.).
- Dementyev, V. E. (2004). Trust as a factor of functioning and development of modern market economy. *Russian Economic Journal*, 8, 46–65. (In Russ.).
- Diener, E. (1984). Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>
- Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13
- Dominko, M., & Verbič, M. (2022). The effect of subjective well-being on consumption behavior. *Journal of Consumer Affairs*, 56(2), 876–898.
- Drucker, P. (1939). *The End of Economic Man: A Study of the New Totalitarianism*. New York: John Day Co.
- Easterlin, R. (2001). Income and happiness: Towards a unified theory. *The Economic Journal*, 111(473), 465–484.
- Easterlin, R. A. (1995). Will raising the incomes of all increase the happiness of all? *Journal of Economic Behavior & Organization*, 27(1), 35–47. [https://doi.org/10.1016/0167-2681\(95\)00003-B](https://doi.org/10.1016/0167-2681(95)00003-B)
- Efremova, S. (2024). Survey: Business is Acutely Short of Engineers and Technologists. *Rossiyskaya Gazeta*, 249(9491). (In Russ.). <https://rg.ru/2024/10/28/opros-biznesu-ostro-ne-hvataet-inzhenerov-i-tehnologov.html>
- Egorova, N. E., & Khromov, I. E. (2005). Models and methods of the choice of the scheme of the taxation at the substantiation of the development strategy of the small enterprise. *Audit and Financial Analysis*, 3, 25–80. (In Russ.).
- European Commission (2007). *Report of the Expert Group: Models to Reduce the Disproportionate Regulatory Burden on SMEs. European Commission, Enterprise and Industry Directorate General*. <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/2265/attachments/1/translations/en/renditions/native>
- Frey, B. S., Stutzer, A. (2002). What Can Economists Learn from Happiness Research? *Journal of Economic Literature*, 40(2), 402–435.
- Fukuyama, F. (2004). *Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Moscow: AST: ZAO “Ermak”. (In Russ.).
- Helliwell, J. F., & Putnam, R. D. (2004). The social context of well-being. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*, 359(1449), 1435–1446.
- Kahneman, D., & Deaton, A. (2010). High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107, 16489–16493. <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1011492107>
- Kazun, A. P. (2025). With a team and without debt: Factors affecting small business survival in Russia in 2021–2023. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 83–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-5-83-110>
- Kleiner, G. B. (1999). Russia's Economy and the Crisis of Mutual Expectations. *Social Sciences and Contemporary World*, 12, 5–19. (In Russ.).
- Kleiner, G. B. (Ed.) (2023). *System-oriented modeling of the real sector of Russian meso-economy: monograph*. Moscow: “Nauchnaya biblioteka” Publishing House. (In Russ.).
- Koroleva, E. A. (2024). On the Relationship between Trust and Digital Well-Being in the Modern Economy. *Economy and Entrepreneurship*, 11, 1354–1359. (In Russ.). <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.172.11.243>
- Leontiev, D. A. (2020). Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1(155), 14–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
- Lola, I. S., Asoskov, D. G., & Usov, N. A. (2025). *Complex indicators of business activity: current and prognostic trajectories*. Moscow: National Research University Higher School of Economics. (In Russ.).
- Luhmann, M., Hofman, W., Eid, M., & Lucas, R. E. (2012). Subjective Well-Being and Adaptation to Life Events: A Meta-Analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 102(3), 592–615.
- Lyubomirsky, S., & Lepper, H. S. (1999). Measure of Subjective Happiness: Preliminary Reliability and Construct Validation. *Social Indicators Research*, 46(2), 137–155. <https://doi.org/10.1023/a:1006824100041>
- Marsden, D. (1986). *The End of Economic Man? Custom and Competition in Labour Markets*. Brighton: Wheatsheaf Books.
- Martin, J., Hùng, T. H., Baccarani, C., & Testa, F. (2023). The Wellbeing Enterprise for Sustainability: Theory, Tenets, Testing. In M. V. Ciasullo, J. Martin, & F. Brunetti (Eds.), *Embracing Sustainability Management Through Excellence in Services*. EISIC 2023. Springer Proceedings in Business and Economics. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-65115-1_1

- Milner, B. Z. (1997). Trust factor during economic reforms. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 27–38. (In Russ.).
- Misikhina, S. (2025). *Comments on state and business No. 529. Institutional environment. Support for SME entities and self-employed in the first quarter of 2025*. HSE Centre of Development Institute. (In Russ.). https://dcenter.hse.ru/data/2025/06/25/1990279644/KGB_529_институты_МСП_Chart.pdf
- NAFI (2024, May 14). Research by NAFI, “Delovaya Rossiya” and the Russian Civic Chamber “Does the society trust business in Russia?”. NAFI Analytical Center. (In Russ.). <https://nafi.ru/analytics/doveryaet-li-obshchestvo-rossiyskomu-biznesu-issledovanie-nafi-delovoy-rossii-i-op-rf/>
- NAFI. (2022, October 14). *82% of the Russian encountered fraud attempts*. NAFI Analytical Center. (In Russ.). <https://nafi.ru/analytics/82-rossiyan-stalkivalis-s-popytkami-moshennichestva/>
- NAFI. (2024, May 20). *Every third representative of SME uses artificial intelligence at work*. NAFI Analytical Center. <https://nafi.ru/analytics/kazhdyy-tretiy-predstavitel-msp-ispolzuet-iskusstvennyy-intellekt-v-rabote/>
- NAFI. (2025, March 28). *Investments into personnel and financial safety net – the main anti-crisis measures of the Russian business*. NAFI Analytical Center. (In Russ.). <https://nafi.ru/analytics/itogi-2024-goda-chto-predprinimateli-znayut-o-natsionalnykh-proektakh/>
- Nurmukhametov, R. K., & Torin, S. S. (2020). Digital Trust: The Essence and Measures to Increase It. *Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences*, 1, 32–38. (In Russ.).
- OECD. (2019). *Strengthening SMEs and Entrepreneurship for Productivity and Inclusive Growth: OECD 2018. Ministerial Conference on SMEs, OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship*. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/c19b6f97-en>
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2020). Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being: Psychometric Properties and Comparative Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1(155), 117–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
- Osion, A. A. (2024). *Sociology of small business. Small business: life goes on. Traumas, transformations and acquisitions after February 2022*. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation. (In Russ.).
- Ovchinnikov, A. I. (2018). Development trends of law in the conditions of a new technological structure. *Philosophy of Law*, 3(86), 26–32. (In Russ.).
- Persky, J. (1995). Retrospectives: The Ethology of Homo Economicus. *The Journal of Economic Perspectives*, 9(2), 221–231.
- Ponikarovskaya, A., & Tsymbal, M. (2025). *Tenth wave of PRIM: situation with the self-employed in the first quarter of 2025. Research and Communications FOM-Project SMBiz*. (In Russ.). <https://smbiz.fom.ru/post/desyataya-volna-prima-situaciya-u-samozanyatyh-v-i-kvartale-2025-goda>
- Rodionova, N. V., & Gusev, N. O. (2024). The role of science in the battle between “homo economicus” and “homo ethicus” for community values in management systems. *Bulletin of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov. Series: Economic Sciences*, 3(41), 179–191. (In Russ.).
- Rosstat. (2024). *Small and medium business in Russia*. Moscow. (In Russ.).
- Rubtsova, N. E., & Lenkov, S. L. (2020). The impact of digital socialization on psychological well-being. *Psychology in Education*, 2(2), 143–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-2-143-149>
- Rybakovsky, O. L., & Fadeeva, T. A. (2022). Structural Demographic Waves of Russian Regions: Preliminary Analysis. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 18(4), 425–438. (In Russ.). DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.1
- Ryff, C. D., & Keyes, C. L. (1995). The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(4), 719–727.
- Seligman, M. (2013). *Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-being*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.).
- Skachkova, L. S., Gerasimova, O. Ya., Krivosheeva-Medyantseva, D. D., & Yakovleva, E. A. (2023). Happiness economics: a scoping review. *Journal of Institutional Studies*, 15(3), 125–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.3.125-146>
- Stiglitz, J. Y. (2005). *The Roaring Nineties: A New History of the World's Most Prosperous Decade*. Moscow: Modern Economy and Law. (In Russ.).
- Veselov, Y. V., & Skvortsov, N. G. (2023). Transformation of the Culture of Trust in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1(173), 157–179. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212> (In Russ.).
- Wilson, W. R. (1967) Correlates of Avowed Happiness. *Psychological Bulletin*, 67(4), 294–306. <https://doi.org/10.1037/h0024431>
- Zhiromskaya, V. B. (2010). Problems of the demographic development of Russia in the 20th century. *Trudy Instituta Rossiyskoy Istorii RAN*, 9, 285–310. (In Russ.).
- Zhukovskaya, L. V., & Troshikhina, E. G. (2011). K. Riff's Scale of Psychological Well-Being. *Psikhologicheskij zhurnal*, 32(2), 82–93. (In Russ.).
- Institute for Complex Strategic Research (ICSR). (2024). *Small and medium business under the new conditions: problems and measures necessary for development*. [https://icss.ru/images/macro/20240205_ИКСИ%20МСП%20\(6\).pdf](https://icss.ru/images/macro/20240205_ИКСИ%20МСП%20(6).pdf)

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 15.10.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 24.11.2025

Дата принятия в печать / Accepted 24.11.2025

ПАМЯТИ УЧЕНОГО / IN MEMORIAM

17 ноября 2025 года ушел из жизни

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТИХОМИРОВ –

доктор юридических наук, профессор,
выдающийся специалист в области теории и философии права.

Юрий Александрович посвятил свою жизнь науке и образованию. Его имя неразрывно связано с развитием отечественной юридической мысли, особенно в области теории государства и права, конституционного права и правового регулирования общественных отношений. Его труды, включая монографии, учебники, научные статьи, стали фундаментом для поколений студентов, аспирантов и преподавателей.

Долгие годы Юрий Александрович был членом редакционной коллегии, а с 2017 по 2022 год – заместителем главного редактора журнала «Актуальные проблемы экономики и права» / *Russian Journal of Economics and Law*. В этой роли он вносил значительный вклад в развитие научной журналистики, обеспечивал высокий уровень рецензирования и поддерживал молодых исследователей, помогая им войти в научное сообщество.

Он был не только ученым, но и человеком с большим сердцем, всегда готовым выслушать, поддержать. Его мудрость и доброжелательность вызывали искреннее уважение коллег, студентов и друзей.

Светлая память о Юрии Александровиче Тихомирове навсегда останется в сердцах его учеников, коллег, друзей – всех, кому он как юрист, человек, гражданин помогал стать лучше.

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК / INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Gulnara T. Gafurova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the “Finance and Credit” Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Pavel A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Латыпова Эльвира Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Elvira Yu. Latypova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Григорьев Руслан Аркадиевич, доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Ruslan A. Grigoryev, PhD in Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и эконометрика», Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Natalya S. Seliverstova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department “Economic theory and econometrics”, Kazan (Volga) Federal University, Kazan

Джеффри Шаббар, доктор философии в области экономики, профессор, Портсмутская бизнес-школа, Университет г. Портсмут, г. Портсмут, Великобритания

Jaffry Shabbar, PhD in Economics, Professor, Portsmouth Business School at University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom